

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

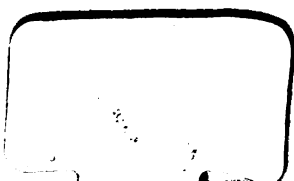
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3281.16

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

2 /
~~398/16~~
~~XP/399~~
~~(Box on shelf)~~
Nacertanie
slavjanskoj akcentologii.

Roman Brandt
Sankt-peterburg
1880

Essay
on Slavic accentology

Roman Brandt
St. Petersburg 1880

(Russian)

9702
4

98
115

НА ЧЕРТАХЪ

САНКТО-ПЕТЕРБУРГЪ АГЦЕНТОЛОГИИ.

СОЧИНЕНИЕ

РОМАНА БРАНДТА.

Roman Fedorovitch Brandt.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вос. Остр., 9 тт., № 12.)

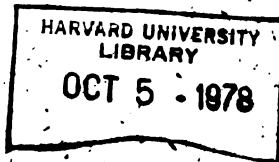
1880.

~~3281.16~~

3281.16

✓
Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Извлечено изъ V тома Извѣстій Историко-филологическаго Института
князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Preservation of

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтомъ 1876 года, въ Лейпцигѣ, я случайно приобрѣлъ у антикварія Хорватскую (Сербскую) грамматику Антона Мажуранича, которой мнѣ прежде не приходило имѣть въ рукахъ. При чтеніи ея меня поразило чрезвычайное сходство чакавско-хорватскаго акцентованія словъ съ русскимъ, и я возымѣлъ намѣреніе написать о немъ подробное изслѣдованіе. Вскорѣ я однако узналъ, что мое „открытіе“ предвосхищено другими: что на подмѣченное мною явленіе указали уже Потебня и самъ Мажураничъ. Убѣдившись такимъ образомъ, что специальное изслѣдованіе сербской акцентовки сравнительно съ русскою не можетъ имѣть большого значенія, я предпочелъ разширить свою задачу и составить сравнительную акцентологию всѣхъ славянскихъ языковъ. Этотъ разширенный планъ я впоследствии опять сузилъ, рѣшившись сосредоточиться на разборѣ именъ существительныхъ и только мимоходомъ касаться другихъ частей рѣчи.

Даже въ такомъ уменьшенномъ объемѣ изслѣдованіе мое не достигло той полноты, которую я первоначально намѣривался ему придать. Я предполагалъ собрать во-едино все, что сдѣлано моими предшественниками, предполагалъ перенять у нихъ всѣ достойныя подражанія приемы и додѣлать въ каждомъ отдѣлѣ моего труда недодѣланное ими. Но такая задача оказалась мнѣ не по силамъ: несмотря на помощь другихъ, къ которой я неоднократно обращался, мнѣ нерѣдко недоставало нужнаго матеріала. Задача дѣйствительно была нелегкая: затруднился бы ею и лучший знатокъ Славянскихъ языковъ! Однако кое-что мнѣ удалось сдѣлать, и если трудъ мой вызоветъ поправки и дополненія знатоковъ и, со включеніемъ ихъ, выйдетъ вторымъ исправленнымъ изданіемъ, то я надѣюсь, что онъ значительно приблизится къ полнотѣ и къ совершенству.

Передъ своими предшественниками я долженъ извиниться въ томъ, что можетъ быть не вездѣ, гдѣ бы слѣдовало, ссылаюсь на нихъ: первоначаль-

чально я, для упрощенія, рѣшилъ было не дѣлать никакихъ ссылокъ и замѣнить ихъ перечнемъ источниковъ и пособій; только впоследствии я постоянно сталъ дѣлать ссылки и постарался вставить ихъ и въ предшествующія части моего изслѣдованія, при чемъ однако могли произойти нѣкоторыя упущенія.

Предвижу съ иной стороны упреки за употребленіе мною цѣлаго ряда неологизмовъ: словъ введенныхъ изъ Латинскаго и Греческаго, или составленныхъ вновь. По моему крайнему разумѣнію, изслѣдователю, пишущій о мало разработанномъ предметѣ, не только имѣетъ право, но почти обязанъ установить для него по возможности точную и богатую терминологию. Надеюсь, во всякомъ случаѣ, что термины мои не затруднятъ читателя: одни ему привычны изъ Латинской и Греческой грамматики, другіе я старался составить такъ, чтобы они были понятны сами собою. Термины мнѣ были необходимы, во избѣжаніе въ одво и то-же время и многословныхъ описаній, и неточности: я никакъ не могу рѣшиться говорить объ удареніи (или *акцентѣ*) тамъ, гдѣ дѣло идетъ о письменномъ *знакѣ ударенія* (который я называю *просодіей*), или обозначать имъ *способъ произношенія и размѣщенія удареній* (*акцентомъ*), для котораго я образовалъ слово *акцентовка*.

На возраженія, прежде всего, можетъ вызвать слово *просодія*. Недостатокъ этого термина состоитъ въ томъ, что онъ собственно равносильнъ термину *акцентъ* (*accentus*, какъ извѣстно, есть переводъ греческаго *πρόσῳδια*) и что онъ уже введенъ въ Русскій языкъ въ нѣсколько иномъ видѣ и въ иномъ значеніи (*просодія* или *прозодія*); но эти причины я считаю недостаточными: отчего не допустить въ терминологию нѣкоторую условность, столь обыкновенную въ языкѣ? Дѣйствительнымъ недостаткомъ слова *просодія* я признаю, что отъ него неудобно образовать производныя, между тѣмъ какъ было бы желательно имѣть глаголъ, означающій разставлять *просодіи* и отглагольное существительное *разстановка просодій*; послѣднее я замѣняю словомъ *акцентуация*, которое я отличаю отъ словъ *акцентовка* и *акцентование*¹⁾.

Также названіе, которое я придаю разрабатываемой мною наукѣ—*акцентология*²⁾—иному покажется страннымъ, или даже уродливымъ; но, по моему, порицать это слово, и подобныя ему *соціология*, *лингвистика*, за смѣшанный, полулатинскій, полугреческій составъ, есть ученый педантизмъ.

¹⁾ Едвали ли лучше было бы образовать существительное *просодировка* и вкѣстѣ съ тѣмъ глаголъ *просодировать*.

²⁾ Это названіе не мною придумано, но я не въ состояніи указать, откуда оно заимствовано.

Далѣе, особой оговорки требуютъ слова *окситонный*, *окситонка*, *окситоновать*, которыя я употребляю въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ они имѣютъ въ Греческомъ языкѣ: подѣ окситонками у меня разумѣются всѣ реченія ударяющія на конечный слогъ, каково бы ни было ихъ удареніе — нпр. рус. реченіе егоса, или чакавско-хорват. милост я называю окситонками, хотя греческіе грамматисты затруднились бы, какъ назвать первое, а второе назвали бы *периспоменкою* (*περισπωμένη*). Полагаю, что названіе окситонка, въ томъ значеніи, которое оно имѣетъ въ греческой грамматикѣ, совершенно пенаучно и должно быть оставлено: разница между словами въ родѣ *λίπὸν* и *λίπῶν* — какъ мы знаемъ изъ самихъ грамматистовъ — слишкомъ велика, чтобы, увлекаясь сходствомъ написанія, приписать имъ одинакое удареніе; поэтому-то мнѣ кажется вполне позволительнымъ нѣсколько измѣнить значеніе термина, о которомъ идетъ рѣчь. То же, что къ простому слову окситонка, относится также и къ сложнымъ — *парокситонка* и *пропарокситонка*.

Возраженія иного рода могутъ вызвать слова *баритонный*, *баритонка*, *баритоновать*: уместно ли было заимствоваться терминомъ, характеризующимъ выговоръ лишь отрицательнымъ образомъ? или, давъ особую кличку словамъ, ударяющимъ не на конечный слогъ, не слѣдовало ли придумать также термины для словъ, ударяющихъ не на предконечный слогъ, не на третій съ конца, не на четвертый и т. д.? Мнѣ кажется, что, не прибѣгая къ составленію новыхъ и не особенно нужныхъ терминовъ, можно всетаки пользоваться уже существующимъ, хотя бы онъ и представлялъ нѣкоторую роскошь; а, кромѣ того, конечный слогъ дѣйствительно занимаетъ особое положеніе относительно ударенія: есть цѣлый рядъ языковъ болѣе или менѣе рѣшительно избѣгающихъ акцентовавія конечнаго слога, языковъ, какъ я позволю себѣ выражаться *баритонничающими* (Латинскій, Эолійское нарѣчіе Греческаго языка, Сербскій языкъ, Словенскій и восточные говоры Литовскаго; не считая тѣхъ языковъ, которые не акцентуютъ конечнаго слога потому, что отвели ударенію постоянное мѣсто на начальномъ, или на предконечномъ).

Отступленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ обычнаго въ славянскихъ языкахъ правописанія вызваны, разумѣется, не желаніемъ ввести въ нихъ преобразованія, а желаніемъ или избѣгать двусмысленности, или выставить важную для моего изслѣдованія звуковую особенность, или же упростить печать: первымъ соображеніемъ я руководствовался нпр. при замѣнѣ чешскихъ акутовъ обыкновенными знаками долготы (*rozvátňá místa* вм. *rozvátňá místa*), вторымъ — при употребленіи въ Словенскомъ языкѣ буквъ *z*, *s* и *so* (*százlg*, *tekyl*, *kóza*), третьимъ — при выраженіи сербскаго „гласнаго *r*“ по-

средствомъ *зr* (бърдо, бърда, сърне, сърна¹⁾). Обозначеніе праславянскихъ носовыхъ гласныхъ черезъ *o* и *e* также имѣеть цѣлю упрощеніе печати: нельзя бытъ вполне увѣреннымъ, что гласный элементъ въ нихъ звучалъ именно какъ *o* и какъ *e*, въ виду чего было бы, можетъ быть, предпочтительно сохранить начертанія *ж* и *а*, которыя оставляютъ его неопредѣленнымъ; но тогда пришлось бы вырѣзать новыя буквы (*ж* съ двойнымъ грависомъ и т. д.).

Похвалившись стремленіемъ къ точности, я обязанъ извиниться въ допущенной сознательно — правда маловажной — невѣрности: разумно употребленіе, въ нѣкоторыхъ словахъ, приводимыхъ во Введеніи (санскр. *gājas*, нѣм. *unsäglich*, *unmöglich*), акута, вм. болѣе умѣстной въ нихъ отвѣсной черты, придуманной мною для обозначенія ударенія вообще, безъ ближайшаго опредѣленія его качества, или угловатаго циркумфлекса, который служить у меня знакомъ неопредѣленнаго, но протяжнаго ударенія²⁾.

Наконецъ, считаю пріятною обязанностью выразить глубокую признательность всѣмъ, оказавшимъ мнѣ при настоящемъ трудѣ сочувствіе и поддержку; особенно же я долженъ благодарить за устные и письменныя сообщенія слѣдующія лица: профессора И. А. Водуана-де-Куртэнэ, въ Казани (за сообщенія по словенской и по польской акцентовкѣ), Д. Г. Гаичева (— по болгарской акцентовкѣ)³⁾, профессора Г. Крека, въ Градцѣ, липейскаго бібліотекаря Ф. Левстика, въ Люблянѣ (— по словенской акцентовкѣ), профессора А. Лескина, въ Лейпцигѣ (— по серболужицкой акцентовкѣ) и кандидата бѣлградской Великой школы И. Павловича (— по сербской акцентовкѣ).

Романъ Брандтъ.

¹⁾ Буква *ъ* безъ того была нужна для словенскихъ и для праславянскихъ словъ. Впрочемъ, если бы я вѣрилъ въ существованіе гласнаго *r*, то не счелъ бы себя въ правѣ уклониться отъ выраженія его на письмѣ, какъ у Сербовъ, такъ и у Словенцевъ и Болгарь.

²⁾ Угловатаго циркумфлекса я не употребилъ въ этихъ словахъ потому, что онъ во Введеніи, на латинскихъ словахъ, — по общепринятой акцентуаціи — означаетъ удареніе, съ *понижающимся движеніемъ* голоса.

³⁾ Г. Гаичевъ въ то время (два года тому назадъ) былъ студентомъ Духовной Академіи въ Кіевѣ.

Введеніе.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ со Славяновѣдѣніемъ, согласится, что Славяне нѣкогда составляли одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ, который, конечно, уже рано развилъ изъ себя мѣстные говоры и нарѣчія, а потомъ и особые языки.

Признавая, такимъ образомъ, первоначальное единство Славянскихъ языковъ, нельзя не признавать и возможность, на основаніи тщательнаго сличенія ихъ формъ, возстановлять древнія общеславянскія, или, какъ я ихъ буду называть, праславянскія формы. И дѣйствительно, благодаря преимущественно Староцерковному языку, мы подобное построеніе праславянскихъ словъ можемъ производить съ значительною достовѣрностью и точностью. Слова эти, по большей части, совпадаютъ со староцерковными. Изъ сравненія словъ, рус. сонъ, сна, серб. сан, сна, болг. сън, чеш. и поль. sen, spi, со ст. ц. сънь, съна ясно, что основная славянская форма этого реченія была сънь, съна, съ глухимъ гласнымъ въ коренномъ слогѣ. Точно такъ же, сопоставленіе русскаго слова рука съ серб. рука, слов. гока, болг. ръка, чеш. гука, поль. гека, ст. ц. рѣка прямо указываетъ на первоначальный выговоръ рѣка, съ носовымъ гласнымъ. Конечно, нѣкоторые вопросы останутся неразрѣшенными: такъ, въ приведенныхъ примѣрахъ, мѣ не зналъ, какъ собственно звучалъ, какой гласный элементъ входилъ въ составъ общеславянскаго ж...

Въ Праславянскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, была и своя система удареній, изъ которой развились всѣ позднѣйшія у Славянъ; и которая, путемъ сравнительнаго ихъ изслѣдованія, могла бы быть возстановлена. Но, повидимому, противъ этой прекрасной теоріи говорятъ дѣйствительные факты языка: развѣ есть сходство между акцентовками русскою, сербскою, польскою и т. д.? На первый взглядъ; нѣтъ никакого сходства, а бросаются въ глаза самыя вопіющія противорѣчія, не только въ подробностяхъ, но и въ

общих положеніяхъ, такъ что сходная акцентока нѣкогда не является совершенно случайною. Однако, присмотрѣвшись къ этимъ фактамъ, мы убѣдимся, что черезъ это разногласіе и пестроту сквозное согласіе и единство.

Но, прежде чѣмъ обращаться къ пересмотру различныхъ особенностей ударенія у Славянъ, необходимо сказать два—три слова объ удареніи.

Удареніе *по природѣ* различаютъ двоякое: 1) удареніе, состоящее въ повышеніи голоса и 2) удареніе, состоящее въ усиленіи голоса, которое, впрочемъ неизбѣжно соединено съ нѣкоторымъ повышеніемъ его. Эти два рода ударенія называютъ мелодическимъ и ритмическимъ, или хроматическимъ и экспираторнымъ. Хроматическое удареніе приписываютъ нѣкоторымъ восточнымъ языкамъ и, не безъ основанія, предполагаютъ для языковъ классическихъ и для Санскритскаго; экспираторное же удареніе есть обыкновенное удареніе, въ европейскихъ языкахъ. Между этими двумя типами приходится принимать еще переходныя ступени: удареніе существенно-хроматическое и существенно-экспираторное¹⁾. Эти различія могли бы лечь въ основаніе при классификаціи системъ ударенія, или, какъ я буду ихъ называть, *акцентонокъ*, но я, въ предлагаемомъ здѣсь изслѣдованіи, обращаю вниманіе не столько на физиологическій характеръ ударенія, сколько на отводимое ему мѣсто, и потому предпочитаю основать свою классификацію акцентонокъ на размѣщеніи удареній. Это та же точка зрѣнія, съ которой взглянулъ на нихъ Боппъ.

Боппъ въ своей Акцентологіи²⁾ различаетъ три акцентоночные принципа: логическій, ритмическій и грамматическій. Логическою акцентонокою онъ называетъ такую, при которой удареніе приходится на самую важную часть слова: на корень, или на смыслоизмѣняющій аффиксъ. Таковъ принципъ германскаго акцентованія. При ритмической акцентовкѣ, удареніе полагаютъ всегда на одинъ извѣстный слогъ, напр. на начальный, или на конечный, не обращая никакого вниманія на его грамматическое значеніе. Такова акцентовка Латышей, которые наираютъ всегда на начальный слогъ. Третій родъ акцентовки — вольная или грамматическая, которая свойственна напр. Санскритскому языку: при ней удареніе не тяготеетъ ни къ особенно знаменательнымъ слогамъ, ни къ опредѣленному мѣсту. — Прямо

¹⁾ С. Ждановъ. Къ учению о греческомъ удареніи. Спб. 1878, стр. 1. E. Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie. Lpz. 1878, S. 114. K. Verner. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Band XXIII, S. 133 (Zur Ablautsfrage).

²⁾ Bopp, Franz. Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Uebereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen. Berl. 1854, S. V.

му — мелкое дѣленіе мнѣ кажется не совсѣмъ удобнымъ; такъ что я къ ногамъ? нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Во первыхъ, я рѣшительно вѣрнѣе срывать логическаго характера германской акцентовки: почему азъ ему я эти акцентованія корня, и почему логично отмѣчать префиксы номъ *связка* отмѣчая имъ суффиксовъ? Въ словѣ *Liebe* удареніе просто какою и это съ одной стороны логично, т. к. по корню оно особенною за *Waage, Bitte* и т. д.; но, съ другой стороны, окончаніемъ постоянно то у глагольныхъ и прилагательныхъ формъ *lieben, lieblich*, и нѣко- р. *аш* такъ что выговоръ *Liebe* былъ бы не менѣе логиченъ, (комт.); двусли въ словѣ *Vorsicht* аффиксъ, какъ ближайшее опредѣленіе да *первъ* является посредствомъ ударенія, то слѣдовало бы выставить *етъ* *рае* образомъ и аффиксъ прилагательнаго *sichtbar* и произносить не *етъ* *нг*, какъ произносятъ въ дѣйствительности, а *sichtbar*. Логическою, *ся* *къ* кому мнѣнію, можно бы назвать лишь такую акцентовку, при которой *ами* *иченіе*, взятое само по себѣ, допускало бы удареніе на любомъ слогѣ¹⁾, *фор* такъ, чтобы выговоръ постоянно мѣнялся, смотря по окружающимъ словамъ: чтобы рядомъ стоящія слова, при одинаковомъ аффиксѣ, ставили удареніе на корень, нпр. *Liebe und Treue, geliebt und gelebt*; при одинаковомъ корнѣ — на аффиксъ: *ich liebe meinen Liebsten, er hat lange gelebt und viel erlebt*. Само собой ясно, что послѣдовательно провести такой способъ произношенія можно бы было только въ спаячномъ языкѣ, а не во флексивномъ. На дѣлѣ его, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ риторическій приемъ, логическое удареніе допускается едвали ни во всѣхъ языкахъ: если кому, вмѣсто «онъ уже ушелъ», послышится «онъ уже пришелъ», то мы можемъ сказать «онъ не ушелъ, а пришелъ», при чемъ собственно оба слога произносятся съ удареніемъ; но на первомъ удареніе сильнѣе; подобнымъ же образомъ, отъ *нѣмца* можно услышать фразу «*es war nicht der Hausmeister (дворникъ), sondern der Haushund*», хотя обыкновенно произносятъ *Hausmeister* и *Haushund*. Итакъ, называть германскую акцентовку логическою, не вижу никакого основанія, развѣ, если подъ логичностью понимать стройность, систематичность, которою она дѣйствительно отличается²⁾.

1) Въ дѣлѣ всѣ слоги одинаково важны и необходимы въ словѣ.

2) Эта систематичность чрезвычайно нравилась протоіереемъ Павскому — отмѣтивъ особенность нѣмецкаго выговора, по коей удареніе при всѣхъ грамматическихъ измѣненіяхъ слога остается на корнѣ, онъ прибавляетъ: «никто не станетъ спорить, что это умно и дѣльно, потому что коронной слогъ каждаго слова стоитъ того, что его гласной дать тонъ повыше и сдѣлать его замѣтнѣе между прочими слогами того же слова» (Филол. наблюд. Изд. 2. Спб. 1850, разс. 3, гл. 8, стр. 228).

4

Что касается ритмической акцентовки, то противъ видѣ особую группу спорить нельзя, но названіе выбрано не соотвѣтствуетъ к. «ритмическая» акцентовка вовсе не придаетъ рѣчи ритмическое удареніе, будучи прикрѣплено къ началу слова, зато можетъ быть на сколько угодно слоговъ отъ конца, а, при удареніи на какое-либо, определено число предшествующихъ слоговъ. Поэтому я предпочитаю называть «ритмическую» акцентовку и систему ударенія *одномястной*.

На счетъ третьей акцентовки — *грамматической* или *грамматической* замѣтить, что названіе ея грамматическою основано лишь на томъ, что въ языкахъ этой системы удареніе иногда измѣняется вмѣстѣ съ окончаніемъ слова, или служитъ для различенія совершенно сходныхъ по звукамъ словъ, напр. санскр. śakṇōmī могу и śakṇishās можемъ, gājas вещи им. мн. ч. gājas вещи вин. Но, т. к. подобный переходъ ударенія и различеніе окончаній въ подобныхъ формахъ вовсе не проведены послѣдовательно и представляютъ скорѣе случайную функцію акцента, то, кажется, нѣтъ основанія говорить о «грамматической» акцентовкѣ. Вѣрнѣе характеризуетъ эту акцентовку названіе *вольной*, но, въ противоположность *одномястной*, я лучше буду называть ее *разномьястной*; терминъ же «вольная» пригодится мнѣ при подраздѣленіи ея.

По такимъ соображеніямъ я, вмѣсто Бопповскаго дѣленія, предлагаю различить прежде всего двѣ акцентовки: 1) *одномястную* и 2) *разномьястную*. Одномястная акцентовка бываетъ: а) *начальная* — самая распространенная, господствующая въ чудскихъ языкахъ (въ Финскомъ, Эстонскомъ и т. д.), а также въ Латышскомъ, въ Чешскомъ; б) *наконечная* — французская, турецкая, и в) *напредконечная* — польская. И въ первомъ и во второмъ удареніе держится или перваго слога, или послѣдняго (или предпослѣдняго)¹⁾. Разномьястныя акцентовки можно подраздѣлить на а) *свѣтлыя* и б) *темныя*. Связанныя акцентовки это — греческая, латинская, германская. Эти акцентовки, по видимому, пользуются относительно свободой: латинскому ударенію предоставленъ выборъ между предконечнымъ и допредконечнымъ слогомъ, греческому — между послѣднимъ и предпослѣднимъ²⁾, а

¹⁾ Говоря объ одномястныхъ акцентовкахъ слѣдуетъ помнить пословицу: faciunt idem, non est idem: акцентовки чешская и финская, французская и польская такъ сходны по формѣ, но не сходны по духу. Срв. гл. VII (Чешская акцентовка и турецкая).

²⁾ Предполагаютъ, что первоначально греческое и латинское удареніе держится на послѣднемъ слогѣ, такъ стѣснено и могло падать напр. на четвертый слогъ съ конца, въ дѣлѣ не было того, что мы видимъ въ формахъ ἰγύομαι, βέλῳμαι, κίχλημαι, δέβεο, βάλεω, казательство βόημι и т. д., которыя указываютъ на первоначальный выговоръ ἰγύαμ, πύκλεω, βόημα, βέβα-

у—между всѣми; но, на дѣлѣ, Римляне и Германцы связаны по мѣстн. п. на, ногамъ, да и у Грековъ свобода довольно ограниченная. Стѣс-
 кать, гуруднныя системы или метрическими соображеніями, или граммати-
 верчу, сика¹ ему я и буду различать два рода связанныхъ акцентовокъ
 аззакъ рыба² связанныхъ, каковы латинская и греческая и β) граммати-
 номѣстной акце, каковы германскія. Латинское удареніе, какъ извѣстно,
 просто вольно), той зависимости отъ количества предконечнаго слога:
 особенно замѣчает, то удареніе падаетъ на него, если краткій, то — на тре-
 постоянно носит, р. āpātōr, auditūs, lēōnēs, indigēstūs; nōminā, ādjūvat, mā-
 и нѣкоторыя); двусложныя слова всегда акцентуютъ предконечный слогъ
 цомъ и т. первый): Rōmā, mātrēs, cāntūs, dēūs, patrēs. Греческій языкъ
 далаки (сетъ во вниманіе количество конечнаго слога: долгота этого слога не
 8 слогетъ ударенія на допредконечный слогъ, такъ что у реченій, кончаю-
 хся краткимъ слогомъ, языкъ можетъ выбирать между тремя акценто-
 иями, а при долгомъ слогѣ—между двумя, нпр. ἀνδρωτος, ἐχέυος (λογογρά-
 фος), κεραυός; στέλενη, ἀρετή. Извѣстно впрочемъ, что иногда и при долгомъ
 окончаніи акцентуется допредконечный слогъ: таковы именныя формы
 ἀνώγεωυ, πόλεωσ, именительные множественнаго на αι, οι, какъ τράπεζαι,
 ἀνδρωτοι и нѣкоторыя глагольныя формы на αι, нпр. γέυσομαι, γέυσεται;
 тотъ же звуковой эффектъ производятъ акцентныя единицы, въ родѣ δότι
 τω, λέγε μοι, ἄλλου του. Однако жъ и въ этихъ случаяхъ удареніе все-таки
 не выходитъ за предѣлы трехъ послѣднихъ слоговъ³). — Германскіе языки

λημαι, χέκαλημαι, déhibeo, bálineum, núcleus, ócissume. Впрочемъ, формы
 βέβλημαι, χέκλημαι обыкновенно объясняютъ перестановкою. Weil et Benloew,
 p. 127. Siegismund. De metathesi graeca. Curtius. Studien V. S. 204.

¹) Хотя бы только по положенію гласнаго своего.

²) Въ древнѣйшей латыни такого закона еще не существовало: въ выговорѣ словъ
 déjero, cónnitus, nósti, amárunт и т. п. иногда основательно видятъ доказательство,
 что когда-то произносили déjūrō, cónnōtus, nōvisti, amávērunt. Въ классической
 латыни, если вѣрять преданію, не подчинялись общему закону слова съ удареніемъ
 на допредконечномъ и краткимъ конечнымъ слогомъ, когда къ нимъ примыкала
 энклитика, нпр. terra magiāque, какъ мы произносимъ и нынѣ. По не всегда досто-
 вѣрнымъ показаніямъ грамматиковъ, дѣлали еще и другія исключенія, нпр. calefácit,
 venumdēdi, tugūri у т. д. Есть извѣстія, будто удареніе приходилось иногда и на
 конечный слогъ: calefit, prodúc, madefác, fumát, (= fumavit), nostrás, opti-
 mās и т. п. Weil et Benloew, pag. 46—47, 57, 61—62, 124—125.

³) Если смотрѣть не только на мѣсто, но и на качество ударенія, то въ Гречес-
 комъ языкѣ окажется 8 родовъ акцентованія: 1) акутъ на краткомъ допредконеч-
 номъ слогѣ, нпр. ἔχομαι 2) акутъ на долгомъ допредконечномъ, βούλομαι 3) акутъ
 на краткомъ предконечномъ, Ἀντιγόνη 4) акутъ на долгомъ предконечномъ, στρα-

связаны своимъ грамматическимъ закономъ, по коему удареніе въ словѣ приходится на корень, въ сложномъ — на опредѣлительную или на имя, играющее роль такой приставки, ипр. *geben, Mütter, Grössmutter*¹⁾. Исключеній почти что нѣтъ: у Нѣмцевъ исключаютъ сложные съ неотдѣлимыми предлогами *be, ge, ent, er, ver, gen, Gesang, Entlassung, erbiten, vermüthen; zerbrechen* три прилагательныхъ съ отрицаніемъ *un—undenkbar, unmöglich*, (однако, *unnütz, unbewusst* и т. д.) да еще нѣкихъ словъ: *Jahrhundert, Jahrzehnt, allmächtig, lebendig; бличить, übersetzen* перевести, переложить, *übergöhen* опустить, рядомъ съ подходящими подъ общее правило *überführen* (куда-нибудь), *übersetzen* переправить, переправиться, *übergereiten* и т. п.²⁾.

При вольной акцентовкѣ³⁾ всѣ слоги считаются равноправными, и долгота ихъ, ни грамматическое значеніе не оказываетъ никакого вліянія на удареніе; вообще, можно подмѣтить лишь нѣкоторые частные законы ударенія, но общаго закона не видно. Таковы акцентовки языковъ Санскритскаго, Литовскаго и др., таковы и романскія акцентовки, за исключеніемъ французской. Приведу хоть слѣдующіе примѣры: скр. *pāvas* корабль,

πίπτως 5) циркумфлексъ на предконечномъ, *ἑταῖρος* 6) акутъ на краткомъ конечномъ, *ποταμός* 7) акутъ на долгомъ конечномъ, *στιά* 8) циркумфлексъ на конечномъ *Σοφοκλῆς*. Подъ послѣднія три группы можно подвести также односложныя реченія, какъ *χθές, μήν, νοῦς*. Но латыни всего 6 типовъ акцентованія, представителями которыхъ могутъ служить слова *āpinus, dīcere, amōres, natūra, vir, sōl*. Самое удареніе у Грековъ и Римлянъ, не считая загадочнаго грависа, оказывается тройное: настоящій акутъ (акутъ на краткихъ), циркумфлексъ и антициркумфлексъ (акутъ на долгихъ), изъ коихъ первый можетъ быть названъ рѣзкимъ удареніемъ, второй — нисходящимъ, а третій — восходящимъ. См. ниже, гл. II (Сербская акцентовка).

¹⁾ Не знаю, въ какой мѣрѣ этотъ законъ, несомнѣнно вѣрный для Нѣмецкаго языка, относится къ остальнымъ германскимъ языкамъ, ипр. къ Голландскому.

²⁾ Всѣ эти слова я считаю положительными отступленіями отъ общихъ законовъ германской акцентовки (можетъ быть они суть остатки иной, болѣе древней системы?): то, что въ оправданіе ихъ говорить Боппъ — *Vergl. Accent., S. 59—60*, — меня нисколько не удовлетворяетъ.

³⁾ Въ употребленіи терминовъ «вольная» и «связанная» акцентовка (*freier und gebundener Accent*) я случайно сомѣлся съ Шереромъ, который однако употребляетъ ихъ нѣсколько въ иное значеніе: онъ различаетъ, прежде всего, акцентовки вольную и связанную, изъ коихъ вторая можетъ быть относительно-свободною (имѣть *beschränkte Freiheit*), или — совершенно закрѣпленною (*ganz unfrei*). *W. Scherer. Zur Geschichte der deutschen Sprache, S. 149.*

мѣстн. п. naušū, dvėšmi не
 казь, rugudūs они плакаю;
 верчу, sūka верить, gaidi
 aszakā рыба кость, род. а
 номѣстной акцентовки (ког
 просто вольною), ударение
 особенно замѣчается въ я:
 постоянно носить на. ^{на} ^{на}
 и нѣкоторыя другія слова: pātrebahula блюдолизъ, gĳōtiranika сияющій ли-
 цомъ и т. п. Въ словѣ ūddālakaruṣrabhaṅgikā игра «срываніе цвѣтовъ уд-
 далаки (cordia муха seu latifolia)» ударение отстоитъ отъ конца на цѣлыхъ
 8 слоговъ!

Къ языкамъ вольной акцентовки я отношу также языки Итальянскій, Испанскій, Португальскій и Румынскій: хотя эти языки почти всегда полагаютъ удареніе на тотъ же слогъ, какъ и Латинскій¹⁾, они все-таки не могутъ считаться языками связанной акцентовки, потому, что 1) вмѣстѣ съ количествомъ гласныхъ, вышель изъ народнаго сознанія и метрической принципъ латинскаго акцентовація и 2) потому, что иногда, вслѣдствіе отпаденія и выпаденія гласныхъ и цѣлыхъ слоговъ, а иной разъ и черезъ прибавленіе ихъ, предконечные и допредконечные слоги Латинскаго языка оказались конечными, или же четвертыми съ конца: по-итальянски нпр. произносятъ città (cività-tem), virtù (virtù-tem), amò (amāv-it), mèritano (merítant), giúdicano (judícant), significano (significant), recítano (recítant), по испански говорятъ amár (amár-e), reloj (horológium), e-stá (sta-t) и т. д. Когда къ слову примыкають частицы, то удареніе отъ конца акцентной единицы можетъ отстоять не только на три слога, но и на четыре, иногда на пять, и даже на шесть: ит. éccotelo = серб. ево ти га, còltivalí воздѣлывай ихъ, promètttervelo обѣщать вамъ это, dàtesevene дайте намъ ихъ оттуда, pòg-tandomívelo принося мнѣ оттуда его, pòrgamivisene пусть подадутъ мнѣ оттуда ихъ, abbèverinosene пускай напиваются его, commùnichimivisene пускай сообщаетъ мнѣ оттуда объ этомъ²⁾; исп. búscamelo ищи мнѣ его, corrí-

¹⁾ Литовское удареніе я отмѣчаю не по способу Куршата, а по сербскому способу Караджича, срв. гл. II (Сербская акцентовка) и гл. XIII (Литовская акцентовка).

²⁾ То-же самое замѣчается даже во Французскомъ языкѣ, несмотря на одностѣпность его акцентовки. Отношенія французской акцентовки къ латинской я коснусь еще впоследствии, говоря о Чешскомъ языкѣ (гл. VII, стр. 157).

³⁾ Надо замѣтить, что подобное доведенное до крайности накопленіе частицъ существуетъ почти только въ возможности, а въ действительности встрѣчается

janoslos пусть они поправят намъ ихъ, habiéndose s'en ayant. Подобную же акцентовку приписываютъ испанскимъ наречіямъ на mente, какъ fácilmente, estúpida^{mente}, intrépida^{mente}, pacifical^{mente}, suavísimamente¹⁾.
 Вотъ и всѣ общія замѣчанія, которыя мнѣ казалось необходимымъ предпослать настоящему изслѣдованію. Излагаю мнѣнія Беккера, Боппа, Бенфея, Эвальда, Бенлѣва и Вейля о первоначальной индоевропейской акцентовкѣ, считаю совершенно излишнимъ, т. е. мнѣнія Беккера, Боппа, Бенфея, Эвальда, Бенлѣва и Вейля о первоначальной индоевропейской акцентовкѣ, считаю совершенно излишнимъ, т. е. болѣе—менѣе остроумныя догадки и предположенія подтвердить ихъ фактами: ни въ одномъ изъ болѣе древнихъ языковъ (да и вообще ни въ одномъ индоевропейскомъ языкѣ) не проведено послѣдовательно ни принципа усиленія (?) словъ посредствомъ начальной акцентировки и ослабленія (?) ихъ посредствомъ конечной, ни—акцентировки накоренной или нааффиксной²⁾. Напротивъ того, если, на основаніи языковъ Санскритскаго, Греческаго, Литовскаго, позволительно дѣлать какую-нибудь догадку объ акцентовкѣ праязыка, то, конечно, такую, что эта акцентровка не знала никакого общаго принципа, а была вольно-разномѣстная. Но, вообще, рано рассуждать о праязычной акцентовкѣ, когда такъ мало еще изслѣдованы акцентовки отдѣльныхъ языковъ. Впрочемъ, въ прилагаемыя къ моему работѣ акценточныя таблицы вошло два—три праязычныхъ слова, выговоръ которыхъ можетъ быть опредѣленъ съ значительною достовѣрностью³⁾.

весьма рѣдко. См. Blanc, Dr. L. G. Grammatik der Italiänischen Sprache. Halle 1844. S. 91.

¹⁾ Keil. Spanische Sprachlehre. Gotha 1817. S. 11; Gildo, Domingo. Grammaire théorique et pratique de la langue espagnole. Paris 1861. p. 49.

²⁾ Becker, Karl Ferd. Organism der Sprache. Frankf. a. M. 1841. § 121. S. 583. — Bopp, Franz. Vergleichendes Accentuationssystem. S. 16—17. — Benfey, Theod. Anzeige: Ueber den Ablaut von Adolf Holzmann. Göttingische gelehrte Anzeigen. 1846. B. II. S. 842. — Ewald ib. 1855, S. 119. — Benloew, Louis. De l'accentuation dans les langues indo-européennes, p. 45. — Weil et Benloew. Théorie générale de l'accentuation latine, p. 349.

³⁾ Чтобы покончить съ общою частью этого введенія, я долженъ еще указать на рассужденіе о томъ же предметѣ Іос. Труглара (Truhlár), которое навело меня на изложенныя здѣсь соображенія и на предлагаемое мною дѣленіе акцентовокъ. Тругларъ (O přívuku vůbec, zvlášt' o českém. Č. Č. M. 1872. str. 410) считаетъ Боппову терминологию неудачною: если называть нѣмецкую акцентовку логическою, то прочія окажутся нелогическими, что едва-ли справедливо; терминъ ритмическая акцентровка также не годится, т. е. всякая акцентровка придаетъ слову свѣстный ритмъ. Самъ Тругларъ различаетъ слѣдующіе роды ударенія: I. Вольное или неустановленное (volný = neustálený přívuk)—санскритское. II. Установленное уд. (ustálený

Послѣ этихъ замѣчаній, перехожу къ разсмотрѣнію славянскихъ акцентовокъ.

Славянскіе языки, по характеру акцентовапія, распадаются на тѣ же двѣ группы, на которыя, по другимъ причинамъ, дѣлитъ ихъ Добровскій: на сѣверозападную и юговосточную. Сѣверозападные славяне — Чехи, Лужичане и Поляки — держатся одномѣстной системы ударенія, Юговосточные — Русскіе, Болгары, Сербы и Словенцы, — вольной. Если, однако, принять во вниманіе Кашубское нарѣчіе и вымершій Полабскій языкъ, то окажется, что не все Ляшское племя, и не всѣ, значитъ, Сѣверозападные славяне чуждаются вольнаго ударенія. Впрочемъ, и безъ того ясно, что одномѣстная акцентовка у этихъ народовъ явилась въ относительно позднее время. Ясно это изъ слѣдующихъ соображеній: 1) трудно себѣ представить, чтобы стройная одномѣстная система, если бъ она издавна существовала у Славянъ, могла въ нѣкоторыхъ языкахъ разстроиться и смѣниться вольнымъ акцентовапіемъ, между тѣмъ какъ обратное явленіе легко можно допустить. 2) Рѣшительно невозможно понять, какъ одна одномѣстная система могла перейти въ другую, одномѣстную же — если основная акцентовка Славянъ была чешско-лужичкая, начальная, то какъ она могла превратиться у Поляковъ въ напредконечную? или, наоборотъ, какъ изъ польской системы могла развиться чешско-лужичкая? Послѣднее соображеніе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что языки Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ особенно близки между собою и, очевидно, еще послѣ отдѣленія Русскаго, Болгарскаго, Сербскаго и Словенскаго, составляли одно цѣлое и, какъ единый языкъ, должны были имѣть и единую систему удареній, выработавшуюся изъ древней общеславянской и довольно еще сходную съ нею.

Въ настоящемъ изслѣдованіи, по самому существу дѣла, буду останавливаться преимущественно на акцентовкахъ разномѣстныхъ: русской, сербской, словенской и болгарской (коснусь также кашубской и полабской) и попытаюсь, посредствомъ сравненія ихъ, возстановить акцентовку, нѣкогда общую всѣмъ Юговосточнымъ славянамъ, которая имѣетъ нѣкоторое право

рѣ.): 1) подвижное (pohyblivý rě.): а) неограниченное количествомъ (neobmezený časoměroci) — русское, литовское, эстонское (?) и б) ограниченное — греческое, латинское. 2) неподвижное: а) прикрѣпленное къ коренному слогу, свойственное большей части германскихъ языковъ и б) прикрѣпленное къ опредѣленному мѣсту въ словѣ — чешское, польское. — Выдѣленіе Санскрита въ особую группу, противоположающую всѣмъ остальнымъ, основано на ошибкѣ: санскритская акцентовка вовсе не есть, по моему терминологіи, логическая, какъ думаетъ Тругларъ, — она вольно-разбивистая (удареніе санскритское — неограниченно-подвижное), но все-таки восточная, или установленная.

считаться первоначальнымъ достояніемъ всѣхъ Славянъ, т. к. акцентовки Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ явно позднѣйшаго происхожденія. Поставляю, впрочемъ, въ этихъ послѣднихъ указать слѣды предполагаемаго праславянскаго акцентоваія.

По обширности предмета, я успѣлъ разобрать довольно подробно одиѣ именныя формы, а другихъ касаюсь только зрѣдка; однако выводы, къ которымъ я прихожу¹⁾, имѣютъ характеръ обобщій и одинаково относятся ко всемъ областямъ языка—обстоятельный разборъ глагольныхъ формъ сообщлъ бы, разумѣется, моей работѣ большую пользу, но не прибавилъ бы къ ней ничего существеннаго.

Въ качественномъ отношеніи, удареніе у Славянъ—у однихъ настоящее *эспираторное*, у другихъ—*существенно-эспираторное*. Но, собственно для Славянскихъ языковъ, мнѣ кажется удобнѣе принять иное дѣленіе и отличать: 1) акцентовку *однородную*, т. е. такую, при которой удареніе звучитъ всегда одинаково, какъ нпр. у Лужичанъ, что возможно лишь въ языкахъ чуждыхъ количеству; во 2) акцентовку *разнородную*. Разнородная акцентовка можетъ быть: а) *количественная*, когда разнообразіе ея происходитъ отъ количества ударяемаго гласнаго, какъ у Чеховъ и б) *музыкальная*, сопряженная съ замѣтнымъ повышеніемъ и пониженіемъ голоса, какъ у Сербовъ. Акцентовки однородная и количественная суть акцентовки чисто-эспираторныя, музыкальная—существенно-эспираторная.

¹⁾ Выводы эти—не вполне новые, на что будетъ указано еще въ своемъ мѣстѣ.

Русская акцентовка.

Русское ударение отличается замѣчательною подвижностью и непостоянствомъ, хотя обыкновенно эти качества представляютъ въ преувеличенномъ видѣ. Иногда даже увѣряютъ, что о русской акцентовкѣ и говорить нельзя, что въ русскомъ акцентованіи господствуетъ полный произволъ, такъ какъ люди одного и того-же круга, даже одно и то-же лицо то-же самое слово произносятъ различно: наравнѣ съ далекѣ, широко, глубоко допускается выговоръ далекѣ, широко, глубоко; равноправными формами являются нужда и нѣжда, изобрѣтеніе и изобрѣтеніе и т. д. и т. д. Однако, подобныя слова всетаки являются исключеніемъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ всѣ держатся одного выговора, отступленіе отъ котораго всякому покажется крайне дикимъ¹⁾. По моему, въ русской рѣчи, при ея вольной акцентовкѣ, т. е. при отсутствіи общаго акцентовочнаго принципа, слѣдуетъ удивляться не отдѣльнымъ разноударяемымъ словамъ, а, напротивъ того, относительному единству выговора по всему обширному пространству ея. Что жъ касается разноударяемыхъ словъ, то ихъ, кажется, всѣ можно такъ или иначе объяснить, что, отчасти, и попытаюсь сдѣлать.

Далекѣ, широко — далекѣ, широко. Обратимъ прежде всего вниманіе на средній родъ прилагательныхъ далекѣ, далека, далекѣ, широко, широка, широко. Соответствующія сербскія формы далекѣ, широко (почему, увидимъ впоследствии) предполагаютъ старосербскія формы далекѣ, широко и потому говорятъ за первенство выговора далекѣ, широко, такъ что переносъ ударенія на предконечный слогъ слѣдуетъ считать явленіемъ позднѣйшимъ, и объяснять примѣненіемъ этой нечленной формы къ

¹⁾ Это относится не только ко всему Великорусскому языку, со включеніемъ Бѣлорусскаго, но и къ Малорусскому. Что касается Малорусскаго нарѣчія, то нельзя не замѣтить, что восточные говоры его и языкъ украинскихъ писателей по удареніямъ ближе къ Великорусскому, чѣмъ западные, нпр. галицкій, хотя и тамъ число отступленій не очень значительно.

членнымъ формамъ далёкій, далёкая и т. д. Такое примѣненіе могло произойти тѣмъ легче, что, по вѣрному замѣчанію Я. К. Грота, членная форма прилагательныхъ для нашего сознанія стала формою основною, а нечленная намъ кажется производною — «усѣченною».

Молодѣць — мѡлодець. Слово *молодець*, должно быть, потому имѣеть двоякую акцентовку, что соображается то съ формами мѡлодь, мѡлоды, то съ прочими формами этого прилагательнаго, представляющими наконецное удареніе: мѡлодѣ, мѡлодѡй, -ѣя, -ѡе и т. д.

Община — ѡбщина. Слово *община*, очевидно, происходитъ отъ нечленной прилагательной формы общѣ, (общѣ, общѣа, общѣе), почему я считаю первоначальнымъ выговоромъ его общѣна, выговоръ же община легко объясняется примѣненіемъ къ богѣ употребительной членной формѣ прилагательнаго — общій, общія, общее. Сербская форма этого слова — ѡпштина, — соотвѣтствующая русской община, также стоитъ рядомъ съ прилагательнымъ ѡпштѣ, вовсе не употребительнымъ въ краткой формѣ (по крайней мѣрѣ, Вукъ такой формы не приводитъ¹⁾).

Дѣвица — дѣвѣца. Если рядомъ съ выговоромъ дѣвица, сохраняющимъ удареніе первообразнаго слова дѣва, является и другой — дѣвѣца, то это можно бы объяснить тѣмъ, что слову дѣвица не желали придавать видъ уменьшительнаго, т. е. что — бессознательно, конечно, — разсуждали такъ: книжица, кашница — уменьшительныя отъ книга, каша, слѣдовательно и дѣвица будетъ уменьшительное отъ дѣва, а наше слово дѣ-ви-ца не есть уменьшительное — значить, слѣдуетъ произносить дѣвѣца. Впрочемъ, на основаніи сербскихъ формъ дѣва и дѣвица, предполагающихъ старосербскія дѣва и дѣвѣца слѣдуетъ, кажется, предположить для этихъ словъ двоякое удареніе въ общеславянскомъ языкѣ: но предпочтительное употребленіе производнаго дѣвѣца, при первообразномъ дѣва, едва-ли можно объяснить чѣмъ инымъ, какъ нежеланіемъ ставить эти имена въ такое же соотношеніе, въ какомъ стоятъ водица и вода, книжица и книга.

Нужда и нѣжда. Исконою акцентовкою слова *нужда* слѣдуетъ признать наначальную (нѣжда): народный выговоръ есть нѣжда²⁾, по-болгарски

¹⁾ Кстати замѣтить, что слова ѡпштѣ, ѡпштина имѣють и другую форму: ѡпшн и ѡпшина, соотвѣтствующую русскому общій, община. Я не думаю, чтобы ѡбщѣ формы были первоначально тождественны: одна предполагаетъ основное ѡбщѣ-скѣ, другая — ѡбщѣо, и хотя въ русскомъ щ позволительно видѣть славянизмъ, вмѣсто ч, но едва-ли можно смотрѣть также на сербское шт.

²⁾ Опытъ областного великорусскаго словаря, изд. Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ. Санктп. 1852. И. И. Носовичъ. Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. В. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка.

также нѣжда; если же произносятся нужда, то—по аналогіи почти постоянно ударяемаго окончанія *да*: борода, борозда, сковорода, вражда, звѣзда, орда, бѣда, вода, череда, середа, бурда, ерунда (ерацда), дуда, гряда, скирда, руда, ѣзда и др. (впрочемъ правда, кривада, слюда).

(Из)обрѣтеніе — (из)обрѣтеніе. Кто произноситъ изобрѣтеніе, приобрѣтеніе, тотъ руководится аналогіею глагольныхъ формъ изобрѣсть, приобрѣсть, изобрѣгъ, приобрѣгъ, изобрѣтенъ, -на, -но, приобрѣтенъ, -на, -но. Сомнѣнія нѣтъ, что другое произношеніе (изобрѣтеніе, приобрѣтеніе)—правильнѣе, такъ какъ глаголы изобрѣсть, приобрѣсть, собственно, имѣютъ наклонное удареніе: приобрѣсти, приобрѣту, -ѣшь и т. д.; приобрѣгъ, -брѣла, -о, приобрѣтенъ, -тена, -о. Главный голосъ въ этомъ дѣлѣ, конечно, принадлежитъ страдательному причастию, съ которымъ отглагольныя существительныя находятся въ непосредственной связи: коль скоро появились формы приобрѣтенъ, приобрѣтена, -о, то могло явиться и приобрѣтеніе; а такой выговоръ легко могъ возникнуть вслѣдствіе неуклюжести формъ приобрѣтена, приобрѣтенѣ, представляющихъ четыре безударныхъ слога подрядъ, — возможенъ же онъ былъ потому, что наши глаголы и безъ того въ нѣкоторыхъ формахъ (приобрѣсть, приобрѣгъ) полагаютъ удареніе на корень.

Ворота—ворѣта. Изъ языковъ Сербскаго и Чешскаго, представляющихъ формы *vrata* и *vřata*, видно, что исконнымъ слѣдуетъ считать выговоръ *ворѣта*¹⁾. Но какъ же объяснить появленіе другого выговора—*ворѣта*? Ужъ не произошелъ ли онъ вслѣдствіе народнаго словопроизводства, которое — даже не совсѣмъ ошибочно — сблизило это реченіе съ глаголомъ *ворѣчаться*?

Гражданнѣ — гражданиннѣ. Соотношеніе этихъ формъ, вѣроятно, слѣдующее: сначала это разносклоняемое слово всегда произносилось *гражданиннѣ*, при множественномъ числѣ *граждане*, — а потомъ стали примѣнять единственное число ко множественному. Подтверженія такому толкованію въ Сербскомъ языкѣ мы не находимъ, однако его *грађанин*, мн. ч. *грађани* ему не противорѣчатъ.

Христіаниннѣ, міряннѣ — христіанннѣ, мірянничѣ. И у этихъ реченій я считаю исконою окончательную акцентовку, другую же объясняю аналогіей мн. числа *христіане*, *міряне*. Сербы произносятъ *хришћанин*, что равняется основному *хришћанин*.

¹⁾ По закону, указанному Катковымъ и Миклошичемъ (Объ элементахъ и формахъ и т. д., Vergl. Laull.), не допускающему никакихъ почти исключеній, русской формѣ *ворѣта* соответствовали бы сербская *vrata* и чешская *vřata* (ср. болѣто, колода, дорога — серб. *blāto*, *klāda*, *draĝa*, чешск. *blāto*, *klāda*, *draĝa*).

Кладбище и кладбище. Слово *кладбище* очевидно произведено от существительного *кладба*, и потому должно имѣть удареніе насуффиксное — *кладбище*. Но, такъ какъ слово *кладба* почти не употребительно, то его производное легко могло получить ошибочную акцентовку. То же самое можно сказать о словѣ *сельбище* — *сѣльбище*. Однако, для словъ *гульбище* и *стрѣльбище*, коихъ удареніе также колеблется между корнемъ и наставкою, это объясненіе рѣшительно не годится, т. к. ихъ первообразныя *гульба*, *стрѣльба* — слова общеупотребительныя. Поэтому лучше у всѣхъ приведенныхъ реченій объяснять появленіе накоренной акцентовки нежелаемымъ придавать имъ видъ *увеличительныхъ*. Ср. *пепелище*, *голенѣще*, *полотнище*, отъ словъ *пѣпель*, *голень*, *полотно*¹⁾.

Сердѣться — сѣрдѣться. Выговоръ этого глагола долженъ бы былъ сообразоваться съ акцентовкою первообразнаго реченія *сердо*,²⁾ но, вслѣдствіе утраты этого реченія, одни произносятъ примѣнительно къ существительному *сѣрдце*, другіе — къ прилагательному *сѣрдѣть*. Вѣроятно, впрочемъ, что слово *сердо* (ст. ц. *срьдо*, ст. рус. *сърдо*, праслав. также *сърдо*, или, можетъ быть, *сърдь* = литво-слав. *širdi* [лит. *szirdis* ж. р.]), подобно большинству реченій со звукомъ *ь* въ корнѣ, имѣло акцентовку насуффиксную, и что, значить, выговоръ *сѣрдѣться* правильнѣе, нежели *сѣрдѣться*.

Замокъ — замокъ. Такъ какъ на Руси *замковъ* не было, то лишь первую изъ этихъ формъ слѣдуетъ считать чисто русскою, вторая же, вѣроятно, заимствована изъ польскаго *zamek*, съ сохраненіемъ тамошняго ударенія.

Козлы и козлы. Баритонность слова *козлы*, въ значенія кучерскаго сидѣнія, также можно объяснить заимствованіемъ его, въ этомъ значеніи, у Поляковъ (поль. *kozły*).

¹⁾ См. у Грота, Филол. разыск., стр. 382. — Обратимъ кстатѣ вниманіе на слово *пастбище* и его первообразное *пастьба*. *Пастьба* искажено изъ *паства*: вмѣсто *ва* подставили болѣе привычный суффиксъ *ьба*, но *т*, тоже принадлежащее къ суффиксу, сохранили (настоящее производное на *ьба* отъ глагола *пас-ти* звучало бы *пасьба*). Реченіе *пастбище*, можетъ быть, и не произведено вовсе отъ слова *пастьба*, а отъ *паства*, и только впоследствии къ нему примѣнилось и нѣмало свое *в* на *б*.

²⁾ Ср. *право* - *править*, *масло* - *маслить*, *сало* - *салить*, *сусло* - *суслить*, *жало* - *жалить*, *пѣло* - *пѣлить*, *бѣрдо* - *бѣрдить* *подавшись впередъ*, *пѣтяться*, *откачиваться*, какъ *бѣрдо*, *сила* - *силиться*, *вѣра* - *вѣрять*, *мѣра* - *мѣрять*, *нѣга* - *нѣжиться*, *хѣла* - *хѣлить*, *слава* - *славить*, *рана* - *ранить*, *жила* - *жить*. Съ другой стороны: *селѣ* - *селиться*, *гнѣздо* - *гнѣздиться*, *крыло* - *крылѣть*. Исключаются, правда, *мѣстѣть* отъ *мѣсто* (при акцентовкѣ котораго, вѣроятно, имѣли въ виду множ. число *мѣста*) и *чудѣть*, *чудѣться* отъ *чудо* (рядомъ съ безличнымъ *чудѣться*).

Складчина и складчина. Это реченіе произведено отъ складка = складываніе, и потому выговоръ складчина долженъ считаться болѣе правильнымъ. Другой же выговоръ, можетъ быть, былъ вызванъ аналогіею сходныхъ по значенію (также означающихъ важный случай или празднество въ быту семейномъ или общественномъ) словъ: годины, родины, именины, крестины, сорочины.

Маслина и маслина. Судя по сербскому *маслина* (старосерб. *маслина) здѣсь настоящее мѣсто ударенія на предпоследнемъ слогѣ, а на первый переносятъ его по аналогіи слова масло.

Губа и губа. Сербское губа (проказа) и болг. гѣба говорятъ въ пользу первой формы; у Словенцевъ же есть слово гѣба складка (рядомъ съ гѣба грибъ). Вѣроятно, первоначальный выговоръ былъ губа, и переносъ ударенія на окончаніе произошелъ по аналогіи словъ на ба (= ѡба) — борьба, судьба, гульба.

Соколъ, сокола и соколъ, сокола. Сербское *соколъ*, *сокола* и словенское *sokol*, *sokola* указываютъ на первоначальный выговоръ соколъ, сокола, который и слѣдуетъ считать болѣе законнымъ. Впрочемъ, можно бы признать столь же древнюю и начальную акцентовку, въ виду того, что литовское *sakalas* держитъ удареніе въ единственномъ числѣ на первомъ слогѣ, а во множественномъ (кроме вин. падежа) — на последнемъ, о чемъ безошибочно можно заключить изъ приводимыхъ въ Куршатовомъ словарѣ¹⁾ творительныхъ падежей: единственного числа *sakalu* и множественного — *sakalais* (встрѣчаются тамъ же именительный, родительный и винительный единственного — *sakals*, *sakalo* и *sakala*, — но по нимъ нельзя опредѣлить удареніе остальныхъ падежей). Двойная акцентовка этого слова въ Русскомъ языкѣ будетъ вполне понятна, если допустить, что и Славяне первоначально произносили его такъ же, какъ произносятъ теперь Литовцы, и что только впоследствии Сербы и Словенцы приравнивали выговоръ единственного числа къ множественному, между тѣмъ какъ Русскіе не только ввели въ единственное число свойственную множественному окситовку, но и, наоборотъ, стали примѣнять множественное къ баритонуемому единственному. Объясненіе это, на первый взглядъ, весьма заманчиво, но я не думаю, что бы оно было вѣрно, потому что сильно сомнѣваюсь въ исконности литовскаго ударенія въ такихъ словахъ, какъ *sakalas*, которое едва ли не есть искаженіе болѣе древняго *sakālas*²⁾. Не предположить ли скорѣе, что выговоръ соколъ заимствованъ изъ польскаго именительнаго падежа *sokol*?

¹⁾ Подъ словами *Falke*, *Falkenbeize* и *beizen*.

²⁾ См. ниже, гл. XIII.

Игуменья и игуменья. Слово это взято съ греческаго (ἡγουμένη = игумени) и приняло только новую наставку ја. Оно можетъ сохранятьъ свою настоящую акцентовку, но чаще примѣняется къ формѣ мужскаго рода игумень (ἡγουμένος).

Надо еще замѣтить, что есть нѣкоторыя — но весьма немногочисленныя — реченія, произносимыя не на два только лада, а на три и на четыре: я могу указать на средній родъ причастія *принесено*, да на формы прошедшаго времени *умерли* и *передали*, которыя являются въ слѣдующихъ видахъ: *принесенѡ*, *принесено*, а также *принесѣно*; *умерли*, *умерли* и *вмерли* м. р.; *передали*, *передали*, *перѣдали*, *перѣдали*. Такія колебанія выговора довольно удовлетворительно объясняются тѣмъ, что формы средняго рода и множественнаго числа примѣняются то къ муж. роду *принесенѣ*, *умерѣ*, *передагѣ* (или *перѣдагѣ*), то — къ женскому *принесла*, *умерла*, *передала*¹⁾.

Иногда съ двойкою акцентовкою слова соединяется и двойкое значеніе: по мѣсту ударенія различаются другъ отъ друга различныя реченія, или различныя падежи одного и того-же реченія, какъ то: волна и волна, мука и мука, замокъ и замокъ; козлы и козлы, ведро и ведро, руки и руки, окна и окна, масла и масла, волосъ и волосъ и т. д.²⁾ Не слѣдуетъ, разумѣется, думать, чтобы языкъ сознательно и намѣренно устранялъ совпаденіе двухъ словъ или двухъ падежей въ одномъ звуковомъ обликѣ: языки не особенно боятся ни численнаго сокращенія падежей, ни омонимовъ: Сербы безъ всякой необходимости замѣнили четыре формы женамъ, женами, женахъ и женама одною — женама; Французы въ созвучіи се дали совпасть шести Латинскимъ словамъ: *sinus, sanus, sanctus, cinctus, signum, quinque*, (*sein, sain, saint, ceint, seing, cinq*), не говоря уже о многочисленныхъ случаяхъ совпаденія двухъ или трехъ словъ, какъ *бѣг = сагус, саго, cathedra* (*cher, chaig, chaige*), *рѣ = ранис. ринус (rain, rin)* и т. п. Кайсслеръ, въ своемъ Ученіи о русскомъ удареніи, мѣтко указалъ на то обстоятельство, что подчасъ форма, якобы нарочно получившая своеобразную акцентовку для отличія отъ другой формы, все-таки совпадаетъ съ какою-нибудь третьею: такъ множественное число вина и существительное вина дѣйствительно различаются по ударенію, но слово вина совпадаетъ съ родительнымъ единственнаго того-же слова вино. Кайсслеръ также обращаетъ наше вниманіе на мѣстный падежъ слова полкъ (въ полку), совпадающій съ дательнымъ, какъ на доказательство того, что языкъ не особенно дорожитъ точнымъ

¹⁾ Ср. также сказанное выше по поводу слова изобрѣтеніе.

²⁾ Списки такихъ словъ помѣщены въ грамматикахъ Греча (стр. 447—458), и Пухайера (S. 14).

разграниченіемъ формъ, для достиженія котораго, въ данномъ случаѣ, было бы достаточно переставить въ одномъ изъ этихъ падежей удареніе, или образовать только обыкновенный мѣстный на ѣ¹⁾). Съ другой стороны, нельзя, конечно, отрицать, что разъ образовавшееся — по какимъ бы то ни было причинамъ — различіе въ акцентовкѣ подобозвучныхъ словъ сознается народомъ и держится особенно крѣпко, именно, благодаря своей цѣлесообразности.

Если русская акцентовка и въ обыкновенной рѣчи отличается нѣкоторою неустановленностью, нѣкоторымъ непостоянствомъ, то еще большее разнообразіе она представляетъ въ пародныхъ пѣсняхъ — разнообразіе, которое подчасъ доходитъ до совершеннаго произвола. Однако-же и тутъ совсѣмъ произвольный выговоръ, въ родѣ калина, малина, со русьими, подъ небеса²⁾), вм. калина, малина, со рұсьими, подъ небеса, является весьма рѣдко. Многія странныя формы, встрѣчающіяся въ пѣсняхъ, должны просто считаться архаизмами, или же представляютъ смѣсь старья і съ новизною. Это относится особенно къ необычной акцентовкѣ прилагательныхъ, нпр. въ слѣдующихъ стихахъ:

Ты и садъ въ зеленѣмъ саду.

..... бѣлымъ лицомъ ко сырой землѣ.

..... дороженька,

Широкимъ не широкая.

По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ.

Выговоръ зеленѣмъ, бѣлымъ, широкимъ, темнымъ легко объясняется тѣмъ, что въ приведенныхъ стихахъ (или въ другихъ, по образцу которыхъ они сложены), прилагательныя первоначально стояли въ нечленной формѣ; когда же нечленная форма вышла изъ употребленія, вмѣсто нея, гдѣ только можно было, подставили членную, при чемъ однако, ради размѣра, сохраняли свойственную нечленной акцентовку. Въ самомъ дѣлѣ, приведеннымъ формамъ вполне соответствуютъ сербскія — зеленѣм, бѣлим, ширѣкимъ, тамним, стоящія рядомъ съ родительными зелѣна, бѣла, ширѣка, тамна и съ дательными зеленѣу, бѣлу, ширѣку, тамну: эти сербскія формы предполагаютъ основою выговоръ зеленѣ, бѣлѣ, ширѣкѣ, тамнѣ, зеленѣу, бѣлѣу, ширѣкѣу, тамнѣу, а въ мѣстномъ, творительномъ и въ дательномъ множественнаго *зеленѣмъ, *бѣломъ, *широкѣмъ, *тамномъ.

¹⁾ L. Kayssler. Die Lehre vom russischen Accent, S. 54.

²⁾ Подымалась Черногаръ птица подъ небеса. Безсоновъ, П. Калѣи переходіе, стр. 454.

Такъ же я объясняю себѣ стихи:

изъ славна Волинца.

Какъ далече, далече, во чистомъ полѣ.

Мнѣ мила дружка за рученьки не важивати.

Хотя Вукъ и пишетъ славна, славна, славно; чѣст, чѣста, чѣсто и мѣло, мѣла, мѣло, судя по чему эти прилагательныя имѣли неподвижное удареніе, но наши женскія формы славна, чѣста, мѣла и сложная форма мѣлой (рядомъ съ болѣе употребительною мѣлой) свидѣтельствуютъ о первоначальной подвижности ударенія. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ допустить въ этихъ случаяхъ то, что и безъ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ придется допустить, — а именно, дѣйствіе ложной аналогіи: когда именное склоненіе прилагательныхъ было забыто, выговоръ зеленомъ, широкимъ; добра представлялся народному сознанию произвольнымъ искаженіемъ настоящаго выговора зеленомъ, широкимъ, добраго, вслѣдствіе чего, и вмѣсто обычныхъ формъ мѣлаго, славнаго, могли допустить, въ видѣ поэтической вольности, мѣла и славна, если даже въ старшину произносили мѣла и славна¹⁾. Однако къ выраженію въ чистомъ полѣ (и къ им. чисто поле) такое разсужденіе, положительно, непримѣнимо: утрату существительнымъ ударенія можно понять только тогда, когда прилагательное *чисто* имѣло удареніе на концѣ: выраженіямъ чѣсто поле, въ чѣстѣ полѣ было рѣшительно не за чѣмъ мѣнять свою акцентовку; но, если основной выговоръ былъ чисто поле, въ чѣстѣ полѣ — причѣмъ народная фантазія съ особенною любовью останавливалась на эпитетѣ и полагала на него логическое удареніе — то нечего удивляться, что изъ двухъ столкнувшихся удареній одно, и притомъ болѣе слабое, погибло. Такъ же, какъ на чисто поле, слѣдуетъ смотрѣть и на аналогичное выраженіе синѣ море.

Не всё, впрочемъ, отступленія прилагательныхъ отъ обыкновенной акцентовки объясняются смѣшеніемъ сложнаго вида съ именнымъ, нпр. имѣ не объясняется форма новья, въ извѣстной пѣснѣ «Ахъ вы сѣни, мои сѣни»:

Выходила молода за новья ворота.

Акцентовка новья, -ая, -ое встрѣчается въ мѣстныхъ говорахъ, хотя только въ переносномъ значеніи «иной, другой» (Даль), а въ Малорусскомъ новья, -ая, -ое есть обыкновенный выговоръ. Городъ Новья (Novi)

¹⁾ Такимъ образомъ, я не думаю, что всё столь многочисленныя уклоненія пѣсеннаго ударенія отъ разговорнаго слѣдуетъ считать архаизмами: нѣкоторые дѣйствительные архаизмы приучили народъ къ подобнымъ уклоненіямъ, которыя потомъ стали допускать болѣе-менѣе произвольно, въ видахъ метрическаго удобства.

въ Хорватскомъ приморьи называется у мѣстныхъ жителей не Новымъ (Нѡви, какъ произносятъ Сербы), а Новымъ (Новѣ, род. Новѣга)¹⁾.

Иногда странная акцентовка словъ обусловлена вліяніемъ предшествующаго слова. Такимъ образомъ легко объясняются нѣкоторыя, на первый взглядъ, крайне дикія формы въ стихѣ о Голубиной книгѣ:

Ино́ это́ книга́ не́ малая́,
 Высока́ книга́ сороку́ сажень,
 Шири́ны́ книга́ двадцати́ сажень,

 А́ писма́ въ́ книга́ не́ прочесть́ будеть,
 А́ чита́ть кни́гу—ее́ не́кому.
 А́ сама́ книга́-а́ распечата́лась.
 Вѣ́тры буйны́е отъ́ Свята́́ Духа́.
 Ахъ ты́ го́й еси́, сударь́, премудры́й царь.
 И́ которая́ церковь́ церква́мъ ма́ти,
 И́ которая́ рѣ́ка рѣ́камъ ма́ти,
 И́ которая́ го́ра го́рамъ ма́ти.
 Потому́ церква́въ́ всѣ́мъ церква́мъ ма́ти²⁾.

Странно акцентованныя слова книга́, сударь́, ма́ти, церква́въ въ прозѣ остались бы вовсе безъ ударенія, потомучто это повторяемыя нѣсколько разъ подлежащія и дополненія и мало значущее обращеніе. Такъ какъ предшествуетъ слово съ сильнымъ (логическимъ) удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, то первый слогъ этихъ реченій звучитъ особенно слабо, и второй, сравнительно съ нимъ, кажется сильнымъ, почему въ стихахъ, съ незначительной только натяжкой, можетъ быть принятъ за ударяемый³⁾. То же самое относится и къ существительному Духа́, которое прислонилось къ прилагательному Свята́; съ которымъ оно составляетъ одно логическое цѣлое⁴⁾. Точно такъ же, какъ на слово Духа́, слѣдуетъ смотрѣть на винительный го́ру, вм. го́ру, въ слѣдующемъ стихѣ:

¹⁾ Не знаю, всегда ли произносятъ приморскіе Хорваты новѣ, новѣ, новѣ, но названіе города Новаго я слышалъ съ такимъ удареніемъ изъ устъ народа.

²⁾ Безсоновъ, П. Каляки переходже, стр. 270—271.

³⁾ Что выговоръ книга́ в т. д. имѣетъ вторичный и случайный характеръ, это особенно ясно изъ слова церква́въ: если бы такая акцентовка была архаизмомъ, то произносили бы, конечно, церковь́.

⁴⁾ Наконечную акцентовку прилагательнаго свѣтъ слѣдуетъ считать вполне правильною: сербскій выговоръ свѣтъ, свѣта = древ. серб. свѣтъ, свѣта́, говорить въ пользу старорусскаго свѣтъ, свѣта́; на перекоръ книжному (церковному) свѣта́.

Онъ и Бога молить за святу гору¹⁾.

Совсѣмъ дико звучать формы рыбамъ и птицамъ, которыя встрѣчаются въ томъ же вариантѣ стиха о Голубиной книгѣ, изъ котораго заимствованы предшествующіе примѣры:

Потому и Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.

Естрафѣль птица всѣмъ птицамъ мати²⁾.

Но мы легко поймемъ и эту странность, если вспомнимъ, что приведенные стихи слѣдуютъ за цѣлымъ рядомъ стиховъ, кончающихся на — амъ мати (церквамъ мати, рѣкамъ мати, горамъ мати и т. д.): увлекшись ими, заодно произнесли ужъ и рыбамъ, птицамъ.

Въ качественномъ отношеніи, русская акцентовка есть акцентовка *однородная*, т. е. удареніе всегда (точнѣе — почти всегда) бываетъ одинакое: различіе, которое Сербы дѣлаютъ между словами град (=городъ) и град, паша (паша) и паша (пастбище), Лука (Лука) и лука (лугъ, заливъ), чуждо Русскому языку. Такого разнообразія удареній, какъ въ Сербскомъ языкѣ, въ немъ, конечно, и быть не можетъ, ужъ вслѣдствіе отсутствія *количества*, которое составляетъ непремѣнное условіе разнородной акцентовки: у насъ слова нѣва и нѣво, гадъ и садъ не различаются по ударенію и представляютъ вполнѣ чистыя рямы, тогда, какъ у Сербовъ количество этихъ словъ неодинакое, а потому неодинаково и удареніе: нѣва (и) — пѣво (в), гадъ (а) — садъ (а)³⁾.

Только въ одномъ случаѣ Русскій языкъ представляетъ иной выговоръ ударяемаго звука, а именно, передъ удвоеннымъ, или, лучше сказать, усиленнымъ согласнымъ; удареніе это буду называть *ръжимъ*: будто, подданный, бранный, выспій, низшій, лучшій, бранный, тлѣнный, весенній, плѣнникъ⁴⁾. Само собою разумѣется, что появленіе рѣзкаго ударенія обусловливается не правописаніемъ словъ, а произношеніемъ: хотя всѣ пишутъ касса, профессоръ, труппа, ванна, вилла, но, кто не соблюдаетъ въ выговорѣ усиленія согласныхъ, у того и удареніе на этихъ словахъ выходитъ не рѣзкое,

¹⁾ Катъки переходіе, стр. 273.

²⁾ Тамъ же, стр. 272.

³⁾ Очень можеть быть, что въ старину въ Русскомъ языкѣ существовали и количество, и разнообразное удареніе. Но какъ Катковъ (Объ элементахъ и формахъ, стр. 76) могъ это вывести изъ памятниковъ древнерусской письменности, ниъ совершенно непонятно.

⁴⁾ Звукъ е въ словахъ весенній, плѣнникъ не тотъ, что въ словахъ бранный, тлѣнный, но разница не въ удареніи, а въ качествѣ гласнаго: въ первыхъ двухъ е сжатое (франц. é), во вторыхъ — широкое (франц. è).

а обыкновенное, неопредѣленное. Слова русскій, французскій и подобныя имъ, имѣютъ обыкновенное удареніе, т. е. сс, эс въ нихъ только пишутся, а произносятся просто с. Напротивъ того, слова *прочеіе, спрочемъ, поручикъ, выйти* представляютъ удареніе рѣзкое, потому что произносятся *протчіе, спротчемъ, порутчикъ, вытти*. Такое же удареніе свойственно глагольнымъ формамъ, кончающимся на аттса, ѣттса, ѳттса, ұттса: стараться, браться, жениться, стремиться и стремитса, несѣтса, лѣтса, несутса, лѣютса и т. д.—Долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи, имѣетъ чисто случайный, риторическій характеръ и можетъ являться даже въ словахъ рѣзкаго ударенія. Нельзя, однако, считать окончательно рѣшеннымъ вопросъ о существованіи, можетъ быть, въ какомъ-нибудь закоулкѣ Россіи; настоящаго количества¹⁾.

Итакъ, русская акцентовка, если оставить въ сторонѣ немногочисленные слова съ рѣзкимъ удареніемъ, вполне заслуживаетъ названіе *однородной*, и обычное въ ней удареніе—названіе *неопредѣленной*. Если Кайслеръ²⁾ называетъ наше удареніе острымъ (асут), то онъ просто увлекается правописаніемъ Греча и Востокова, которые употребляютъ исключительно такъ называемую «острую» просодію (акуть). Подобное же смѣшеніе письма съ выговоромъ представляютъ слѣдующія слова Ганкевича: въ Малороссійскомъ языкѣ есть лишь одно удареніе, акуть; только надъ окситонками въ связной рѣчи ставится грависъ³⁾. Гротъ такъ же, какъ Гречъ и Востоковъ, ограничивается одною просодіею, и я слѣдую его примѣру; замѣжаю, однако, акуть отвѣсною чертою, такъ какъ акуть у меня обозначаетъ извѣстный, опредѣленный родъ ударенія—удареніе «восходящее», и не можетъ въ то же время обозначать и неопредѣленное. Вновь придуманный знакъ выражающій удареніе вообще, безъ ближайшаго опредѣленія его качества, я употреблялъ уже во введеніи, и онъ пригодится мнѣ во всѣхъ случаяхъ, когда удареніе или дѣйствительно есть неопредѣленное, или когда я не въ состояніи опредѣлить его качество. Русское удареніе такимъ образомъ, всегда буду отмѣчать «отвѣсомъ», кромѣ немногочисленныхъ случаевъ рѣзкаго ударенія, которое обозначаю по сербскому способу: брѣнный, впрѣчемъ,

¹⁾ Не могу убѣдить свой слухъ, чтобы указанные Гротомъ (Филол. разск., стр. 413) легкіе количественные отбѣки въ произношеніи неударяемыхъ слоговъ дѣйствительно существовали. Однако это наблюденіе, если и признать его справедливостъ, собственно не относится къ предмету настоящаго изслѣдованія.

²⁾ L. Kayssler, S. 16.

³⁾ C. Hankiewicz. Ein Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent. Arch. für slav. Philol., B. II, S. 113.

видѣти, стремиться, хотя такое обозначеніе не вполне точно, потому что сербское рѣзкое удареніе нѣсколько сильнѣе русскаго.

Что касается размѣщенія удареній, то тутъ ни одинъ языкъ (за исключеніемъ, развѣ, Санскритскаго) не можетъ поспорить съ Русскимъ въ разнообразіи.

Посмотримъ прежде всего, на сколько слоговъ удареніе можетъ отстоять отъ конца слова. На послѣдній слогъ, на предпослѣдній и на третій съ конца удареніе падаетъ такъ часто, что на эти случаи было бы странно приводить примѣры. Впрочемъ, и на *четвертый* съ конца удареніе приходится нерѣдко, нпр.: выбоина, висѣлица, жаворонокъ, жужелица, заработокъ¹⁾, инокиня, наволочка, оборотень, околотень, паволока, падчерица, похороны, пѣсенники, свѣдѣніе, сказочники, сукровица, сыворотка, щиколодка, складываться, укладываться, полудничаю, рассказываю, продѣлываю, увѣсистые, привѣсистые, снисходительные, бѣдненькіе, отѣческіе, подданные, и т. д., и т. д.

Уже не такъ часто является удареніе на *пятомъ* слогѣ: взяточничество, западничество, Всеволодовичъ, заимствователи, заимствованіе, поддѣльватели, ивоческіе, отроческіе, юношескіе, западнической, върованія, (раз)сказываете, сказывается, (по)дѣлываете, (рас)путываете, (от)рабатываете, выброшенные. При нѣкоторомъ стараніи, можно бы подобрать еще цѣлый рядъ подобныхъ реченій: сюда нпр. подходятъ нѣкоторыя формы только что указанныхъ и другихъ словъ, съ удареніемъ на четвертомъ съ конца, какъ полудничае, наволочками, и довольно значительное число причастій: хвастающійся, подличающій, пользующійся, обрабатываемый, воздѣлываемый, выдвинувшійся, выпрямившійся, выразившійся, выпотропившій, вывѣтрившійся, выработанный и т. д.

Удареніе на *шестомъ* слогѣ имѣютъ слова: оборотничество, выбалотировка, выбарышничанье, Всеволодовичи, заимствованіями, вислѣбизувати м.р. (высказать, выяснить). Сюда относятся также нѣкоторыя формы, нпр. именительный множественнаго числа, пятисложныхъ въ именительномъ единственнаго причастій и прилагательныхъ, какъ-то: выдвинувшіеся, западническіе и т. д. Такою же акцентовку представляетъ и цѣлый рядъ причастій на -ивающійся, -ывающійся: уравнивающійся, перемѣшивающійся, обнаруживающійся, (с)кашивающійся, (с)крадывающійся, (с)кладывающійся, (с)крашивающійся, изнашивающійся, снѣшивающійся, смѣшивающійся, ступневывающійся, укорачивающійся, (вы)рабатывающійся, об-

¹⁾ Прозносятся, впрочемъ, и заработокъ.

лакачивающійся, воспитывающійся, всасывающійся. На тотъ же слогъ падаетъ удареніе въ словахъ выработавшіяся, выколосившіяся.

На *седьмомъ* слогѣ является удареніе въ словѣ выбалотированье, въ твор. множ. ч. Всеволодовичами и въ нѣкоторыхъ падежахъ только что приведенныхъ причастій: уравнивающимися, складывающимися, воспитывающимися и т. д.

Наконецъ, удареніе, пожалуй, можетъ находиться даже на *восьмомъ* слогѣ съ конца, чтó случится въ словѣ выбалотированье, если не сокращать его окончанія и произносить выбалотированіе.

Итакъ, отъ конца слова удареніе въ Русскомъ языкѣ можетъ отстоять на шесть, или даже на семь слоговъ¹⁾. Если, однако, по-ближе присмотрѣться къ приведеннымъ примѣрамъ, то окажется, что живыхъ, общепотребительныхъ словъ, съ удареніемъ на седьмомъ и на шестомъ слогѣ, почти совсѣмъ нѣтъ: подобный выговоръ, за немногими исключеніями, свойственъ только нѣкоторымъ книжнымъ, искусственнымъ словамъ, по преимуществу причастіямъ. Можно даже сказать, что въ большинствѣ случаевъ удареніе приходится на одинъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ, уже потому, что многосложныхъ словъ не такъ много, да и они нерѣдко имѣютъ подобную акцентовку²⁾. Такимъ образомъ, окончательный видъ разбираемаго закона русскаго выговора будетъ слѣдующій: *удареніе обыкновенно приходится на одинъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ, нерѣдко также на четвертый съ конца, иногда на пятый. Встрѣчается удареніе на шестомъ, седьмомъ (и на восьмомъ?) слогахъ, но оно уже составляетъ рѣдкость.*

Отъ начала слова удареніе никогда не отстоитъ такъ далеко, какъ отъ конца: *опять-таки ударяемый слогъ бываетъ чаще всего первымъ, вторымъ*

¹⁾ Кстати замѣтить: этотъ фактъ, въ соединеніи съ тѣмъ, что русская акцентовка нисколько не отличается музыкальностью, доказываетъ неосновательность мнѣнія Вейля и Бенлѣва, будто изъ одной способности санскритскаго ударенія отстоять далеко отъ конца слова можно заключать о музыкальномъ характерѣ его: *L'accent sanscrit aura été musical, plus musical, que l'accent grec - même, parce qu'il n'éprouve aucune difficulté à dominer sept ou huit syllabes là, où l'accent grec n'en peut dominer que deux.* Наврасно также удивляются смѣгъ ударенія въ какомъ-нибудь ābubodhīṣamāhī и забываютъ, что въ греческихъ словахъ (въ родѣ хатаотратопедευσαμένη) удареніе иногда столь же далеко отстоитъ отъ начала слова, какъ здѣсь отъ конца.

²⁾ Этимъ объясняется ошибка Вейля и Бенлѣва, которые утверждаютъ, будто русское удареніе вообще держится въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ древнегреческое (Weil et Benloew, pag. 116): они, очевидно, не знали по-русски, и могли основать свой законъ только на десяткѣ, другомъ, вычитанныхъ ими откуда-нибудь словъ, при чемъ легко могло случиться, что въ число этихъ словъ не пошло ни одного, съ удареніемъ на четвертомъ слогѣ съ конца.

или третьимъ съ начала, рѣже четвертымъ, осьма рѣдко пятымъ; шестымъ же или седьмымъ, онъ никогда не бываетъ: я, по крайней мѣрѣ, не могу подобрать противней греческимъ ἑξαχολογοτός, δεκαχολογοτός, καταστρατοπεδισαμένη.

Удареніе на *четвертомъ* слогѣ съ начала представляютъ нпр. слѣдующія слова: богатыри, секретари, воротники, крѣпостники, ломовики, боровики, паровики, половики, пудовики, пуховики, четверики, переполохъ, аптекаря, директора, инспектора, профессора, учителя, сковорода, городской¹⁾, величина, принесена, получена, приподнята, приподняла, преподнесла, произвела, (на) похоронахъ, (въ) проповѣдяхъ, (въ) вѣдомостяхъ, празднопшатающийся, простонародный, великолѣпіе, малоизвѣстный, благонамѣренный, женоподобный, (из)обрѣсти, переломить, переполошить, переплести, переплатить, переплавлять и т. д. Удареніе на *пятомъ* съ начала: сороковики, камеръюнкера, статссекретари, разноударяемый, переполошить (= переполошить), переуступить, переторговать, переогодовать, переведена, переплетена, пренебрежена, полуразвалившійся, вѣроисповѣданіе и т. п.

Гибкость словъ — подъ этимъ названіемъ я, вмѣстѣ съ Я. К. Гротомъ, разумѣю способность передвигать удареніе — въ Русскомъ языкѣ весьма значительна.

Подвижное удареніе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, колеблется между послѣднимъ и предпослѣднимъ слогомъ, а какъ общій законъ языка можно выставить, что нѣтъ такого гибкаго слова, которое во всѣхъ падежахъ было-бы баритонкою, и въ которомъ удареніе передвигалось бы нпр. такъ, какъ въ сербскомъ соко, сокола; јунѣк, јунѣка. Исключеніе составляетъ полночь, полуночи; но это слово есть продуктъ относительно недавняго слитія двухъ словъ. Пожалуй, можно видѣть исключеніе и въ другомъ сложномъ съ пол — полгода, полугода (имен.-вин. произносятся также полгода), но здѣсь составныя части еще далеко не срослись въ одно цѣлое.

1. Низшую степень гибкости представляютъ слова мужескаго рода съ *наклоннымъ* удареніемъ, нпр. мечъ, мечѣ, мечу и т. д., пѣтухъ, пѣтуха, пѣтуху и т. д. Эти слова, пожалуй, можно и не называть гибкими, потому что они гибки только съ точки зрѣнія Древнеславянскаго языка, съ русской же

¹⁾ Въ послѣднихъ двухъ словахъ предконечный слогъ обыкновенно скрадывается въ произношеніи, и слышится скаврада, гардавоѣ: тогда удареніе отстоитъ всего на два слога отъ начала. То же самое происходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ съ начальной акцентовкою, какъ набережная, проволока, которыя звучатъ тогда набережная, провалка.

точки зрѣнія, они, будучи лишены въ именительномъ падежѣ флексіи, и не могутъ имѣть на ней ударенія. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ реченій (какъ мнѣ думается, именно изъ желанія уподобить акцентовку именительнаго прочимъ падежамъ) приняли окончаніе о, на которое падаетъ удареніе: сѣркѣ, воронкѣ, м.р. Петрѣ, Днѣпрѣ, Сомкѣ. Въ малорусскомъ нарѣчій подобныя слова несомнѣнно заслуживаютъ названія гибкихъ — потомучто въ звательномъ падежѣ подвигаютъ удареніе къ началу: козакъ, -а, жеребѣць, -бця, молодѣць, -дця, панічь, -ча, Петрѣ, -а, попъ, -а, господарь, -ря, Василь, -я — козаче, жеребче, молодче, панічу, Пётре, попе, господарю, Василью. Также вінокъ, -нка; дерѣнь, -рна; огонь, -гня — вінку, дѣрне, огне.

2. Также одинъ падежъ со своеобразнымъ удареніемъ представляютъ баритонки, образующія мѣстный на *у*, употребляемый лишь при предлогахъ въ и на и постоянно окситонуемый, какъ-то: бредъ—въ бреду, клей—въ клею; мѣлъ—въ мѣлу, низъ—внизу, плѣнь—въ плѣну, потъ—въ поту, пухъ—въ пуху, хмѣль—въ хмѣлю, чадъ—въ чаду. Впрочемъ слова, образующія подобныя мѣстные падежи, по большей части становятся окситонками и во множественномъ числѣ, и весьма вѣроятно, что только что перечисленныя лишь потому не дѣлаютъ этого, что вообще — въ силу своего значенія — не образуютъ множественнаго числа. Два только слова — цехъ, цѣхи, цѣховъ, въ цеху и сокъ, соки, соковъ, въ соку — могутъ считаться настоящими представителями такого рода гибкости.

3. Нѣкоторые слова, будучи въ единственномъ числѣ баритонками, окситонуютъ всѣ падежи множественнаго, нпр. слой, слоя мн. слои, слоевъ; чинь, чина — чины, чинѣвъ.

4. Иногда всѣ падежи множественнаго числа имѣютъ удареніе на флексіи, но въ именительномъ, согласно съ единственнымъ числомъ, напирать на корень: волкъ, волка — волки, волковъ, волкамъ, волками, волкахъ.

5. Весьма много словъ, будучи въ единственномъ числѣ баритонками, окситонуютъ все множественное число и кромѣ того образуетъ мѣстный падежъ единственнаго числа на *у*: бой, боя, бои — въ бою; долгъ, долга, долги — въ долгу; ладъ, ладу, лады — въ ладу; мозгъ, мозга, мозги — въ мозгу; носъ, носа, носы — въ носу; полъ, пола, полы — на полу; рядъ, ряда, ряды — въ ряду; садъ, сада, сады — въ саду; чай, чая, чаи — въ чаю и др.

6. Такой же мѣстный падежъ образуютъ, по большей части, и тѣ баритонки, которыя не имѣютъ наконечнаго ударенія въ именительномъ множественнаго, но имѣютъ его въ остальныхъ падежахъ: вѣтеръ, вѣтра, вѣтры, вѣтровъ — на вѣтру; гробъ, гроба, гробы, гробовъ — въ гробу; дубъ, дуба, дубы, дубовъ — на дубу; клубъ, клуба, клубы, клубовъ — въ клубу.

Нѣкоторые слова колеблются въ именительномъ множественнаго между

окситоновкой и баритоновкой, при чемъ иногда тѣмъ или другимъ выговоромъ обусловлено и значеніе ихъ. Таково слово родъ, рода (или роду), на роду (на роду написано), роды, родовъ, которое, въ значеніи *partus*, окситонуется и въ имен. множ. — роды. Подобное же явленіе представляетъ слово видъ: видъ, віда (вѣду), въ виду (имѣть въ виду), вѣды, видовъ, или вѣды, видовъ, и даже вѣды, видовъ, хотя послѣдній способъ акцентовки, кажется, неправиленъ и вызванъ ложной аналогіей именительнаго падежа¹⁾. Такое колебаніе ударенія можно объяснить тѣмъ, что въ Русскомъ именительномъ множественнаго. слились въ одно два падежа — именительный и винительный, которые — если можно вѣрять въ этомъ случаѣ Литовскому языку — первоначально не всегда имѣли одинаковую акцентовку. На такое объясненіе навело меня литовское слово *vėidas* лицо, этимологически тождественное съ нашимъ видъ и образующее именительный множественнаго *veidai*, а винительный — *vėidus*. Итакъ, возможно что слово видъ первоначально имѣло винительный вѣды (= *vėidus*) и именительный — вѣди (*veidai*), слѣдъ котораго сохранился до сихъ поръ въ выговорѣ вѣды. Въ Малороссійскомъ нарѣчій, Верхратскій отмѣчаетъ еще нѣсколько именительныхъ множественнаго, съ двоякимъ удареніемъ: пани или пані, вітри или вітрі, крики или крикі, шовки или шовкі²⁾.

Подобнымъ же образомъ, какъ только что упомянутое частное явленіе, т. е. смѣшеніемъ въ одну двухъ формъ, слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять и вообще непостоянство ударенія у словъ мужескаго рода. То обстоятельство, что окситоновка множественнаго числа почти всегда сопряжена съ появленіемъ мѣстнаго на у, прямо наводитъ на мысль, что эти явленія имѣютъ общую причину, которую, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть во вліяніи основъ на у, какъ извѣстно, особенно склонныхъ къ наконецной акцентовкѣ³⁾. Такимъ образомъ, я въ основаніе формъ саду, сады,

¹⁾ Нѣтъ-ли разницы въ значеніи формъ вѣды и вѣды: че значить-ли вѣды *vies*, *pauszages*, а вѣды — *especies*, *sortes*? По моему, и въ первомъ значеніи смѣло можно произнести вѣды, а въ поговорочномъ выраженіи «вѣдагы вѣды» едва-ли и возможенъ иной выговоръ.

²⁾ *Archiv für slavische Philologie*. Bd. III. S. 389.

³⁾ Въ Литовскомъ языкѣ всѣ существительныя на *us* (кромя *turgus* рынокъ) и почти всѣ прилагательныя имѣютъ по всѣмъ почти падежамъ наконецную акцентовку и даже въ тѣхъ, въ коихъ теперь не имѣютъ ея, вѣроятно имѣли ее прежде (см. ниже въ главѣ о Литовской акцентовкѣ). Таковы: *alūs* брэгъ, *dangūs* небо, *lytūs* дождь, *medūs* медъ (*Honig*), *midūs* медъ (*Meth*), *sunūs* смычъ, *vidūs* внутренность, *virszūs* верхъ, *žmogūs* человекъ, *asztrūs* острый, *baisūs* страшный, *brangūs* дорогой, *gaidrūs* ведранный, *gražūs* красивый, *lankūs* гибкій, *saldūs* сладкій и т. д.

садовъ и т. д. полагаю тему *сăду¹⁾ между тѣмъ какъ прочіе падежи несомнѣнно надо производить отъ темы *сăда, которая могла имѣть удареніе на корнѣ. употреблеііе темы на у, рядомъ съ темою на а, встрѣчается въ Литовскомъ языкѣ, гдѣ рядомъ съ прилагательными *giedras*, ведряный, *gudras* умный, *szauņas* славный, хорошій (*tüchtig, brav*), *baugsztas* пугливый, *stipras* stark Ness., *szvelnus* мягкій Ness., *aiszkas* ясный Ness. употребляются въ тѣхъ же самыхъ значеніяхъ: *giedrus*, *szauñus*, *gudrus*, *baugsztus*, *stiprus*, *szvelñus* и *aiszkus* (род. *aiszkaús*). Въ такомъ же этимологическомъ соотношеніи стоятъ нѣкоторыя существительныя и относящіяся къ нимъ прилагательныя: *gargas* звукъ — *garsus* звучный (*wiederhallend*), *lankas* обручъ — *lankus* гибкій, *szviesà* свѣтъ — *szviesus* свѣтлый, *tamsà* тьма — *tamsus* темный, *tiesà* правда — *tiesus* прямой, *giedrà* ведро, засуха — *giedrus* ведряный, сухой, *vesa* прохлада — *vesus* прохладный, *sãrgas* сторожъ — *sargus* сторожевой? чуткій? *wachehaltend* (*vom Hunde*), *sznektà* разговоръ — *sznektus* разговорчивый²⁾. Если въ Русскомъ языкѣ нѣкогда существовали подобныя двойниковыя темы, то онѣ непременно должны были слиться въ одну, продуктомъ чего весьма легко могли явиться подобныя акцентовки, какую представляетъ слово *садъ*. Не за чѣмъ, конечно, предполагать, чтобы всѣ реченія этого рода основывались на двухъ темахъ: разъ выработался извѣстный типъ, подъ него могли подойти впоследствии и такія слова, которыя собственно къ нему не принадлежали. Было бы весьма важно опредѣлить, насколько мѣстные падежи на у могутъ считаться доказательствомъ, что извѣстное слово образовалось отъ основы на у.

7. Баритонки мужескаго рода, представляющія въ именительномъ множественнаго ударяемое а, какъ *голосъ* — *голоса*, *колоколь* — *колокола*, *кузовъ* — *кузова*, *парусъ* — *паруса* и т. д., въ настоящее время несомнѣнно заслуживаютъ названія гибкихъ словъ, но гибкость эту слѣдуетъ считать позднѣй-

Въ Греческомъ прилагательныя на *ος* (-εια) -ο всѣ безъ исключенія имѣютъ удареніе на ο. Также и въ Санскритѣ подобныя основы склонны къ окситонству: *prthū*, *mrdū*, *svādū* и т. д.

¹⁾ Мѣстный падежъ относитъ къ этой основѣ и Миклошичъ. *Vergl. Form. 2. Aufg. S. 290.*

²⁾ Иоганъ Шмидтъ, у котораго я заимствовалъ эти списки, перемѣнилъ только акценты, по Куршатовой грамматикѣ и словарю, говорить (*Ueber das litauische nominalsuffix—u. Beiträge zur Vergleichenden Sprachforschung IV, S. 259*), что эти прилагательныя произведены отъ соответственныхъ существительныхъ, въ чемъ я вижу только неточное выраженіе: съ логической точки зрѣнія можно допустить и обратное отношеніе между ними, а съ морфологической слѣдуетъ ихъ считать независимыми другъ отъ друга.

шею и неорганическою. Какъ извѣстно, именительные множественнаго на а допускаютъ двоякое объясненіе: или это — настоящія формы множественнаго числа, только средняго рода, или же это — собирательныя существительныя женскаго рода, только въ послѣдствіи получившія, въ силу своего значенія, неорганическое склоненіе¹⁾. Но, котораго объясненія ни держаться, эти формы ни въ какомъ случаѣ не находятся въ непосредственной связи со своимъ единственнымъ числомъ, такъ что нѣтъ основанія удивляться ихъ своеобразной акцентовкѣ. Что жъ до родительнаго и другихъ падежей, то ихъ окситонность объясняется просто уподобленіемъ ихъ именительному. Иной, можетъ быть, спросить, какъ это одинъ падежъ могъ пересилить и подчинить себѣ всѣ остальные; но онъ дѣйствительно могъ это: потому, что, коль скоро въ Русскомъ языкѣ именительный множественнаго окситонованъ, и всѣ остальные падежи окситонуются (хотя, наоборотъ, при окситонномъ родительномъ, дательномъ, можетъ стоять баритонный именительный — волковъ, волкамъ, новолки; коней, коньямъ, но кони).

8. Слова *конь* и *волкъ*, акцентуемые во множественномъ одинаково со словомъ волкъ, въ единственномъ окситонуются и потому должны быть выдѣлены въ особую категорию. Мнѣ неизвѣстно другихъ примѣровъ окситонки по всѣмъ падежамъ обоихъ чиселъ, за исключеніемъ именительнаго множественнаго (говорю о словахъ мужскаго рода: въ женскомъ такихъ словъ довольно).

9. Аналогіей именительнаго кони иногда увлекаются и остальные падежи множественнаго числа, такъ что выходитъ склоненіе: конь, коня, коню и т. д., а во множественномъ: кони, коней, коньямъ, коньями, коньяхъ. Эта категория именъ мужскаго рода, кажется, имѣетъ всего одного представителя. Въ Малорусскомъ Ганкевичъ, кромѣ *кони*, отмѣтилъ еще слѣдующія имена этого рода: *гришъ, орелъ, оселъ, смий* die Krause, смихъ и жалъ²⁾, а Верхратскій приводитъ еще одну мѣстную форму, употребительную въ Самборскихъ горахъ, — во́лы вм. общаго и украинцамъ и галичанамъ во́ли (великорусс. во́лы)³⁾. Изъ числа этихъ словъ *жалъ*, по великорусски жен-

¹⁾ Второе объясненіе мнѣ кажется гораздо правдоподобнѣе: вспомнимъ формы князья, мужья, зятя, сыновья, кумовья, которыя никакъ нельзя объяснить переходомъ изъ мужскаго рода въ средній. Миклошичъ (Vergl. Formenl. 2 Ausg. S. 291 u. 292) также высказывается въ его пользу.

²⁾ Hankiewicz, Clemens. Ein Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent. Archiv für slavische Philologie, B. II, S. 120.

³⁾ J. Verchratsky. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen. Archiv f. sl. Ph., B. III, S. 389.

скаго рода (жаль, жали), *смѣхъ* — уже въ единственномъ числѣ есть баритонка: *грошъ, орелъ и осель* окситонуютъ и все множественное число, а *слои* (какъ разъ наоборотъ, сравнительно съ малорусскимъ) баритонуетъ единственное число и окситонуетъ множественное.

Появленіе именительныхъ множественнаго *кони, гроши, жали*, при единственномъ числѣ *конь (книъ), коня, гришъ, гроша, жаль, жалия* объяснить не легко: я не знаю другой аналогіи, кромѣ литовскихъ основъ на *i*, образцомъ которыхъ у Куршата служатъ *vagis* воръ. *Vagis* во всѣхъ падежахъ (за исключеніемъ дательнаго и винительнаго единственнаго) полагаетъ удареніе на окончанія, но въ именительномъ множественнаго произносятся *vāgu*. Дѣйствительно, слово *жаль*, колеблющееся между мужескимъ и женскимъ родомъ, имѣетъ полное правосчитаться темою на *i*; но конь и грошъ? Для малорусской акцентовки словъ *слои, смѣхъ, орелъ и осель* я не нахожу никакого объясненія.

Слова среднего рода на *o* (*e*).

У словъ среднего рода на *o* всѣ падежи единственнаго числа имѣютъ одинаковую акцентовку: или удареніе всегда падаетъ на флексію, нпр. *окно, окнѧ, окну, окномъ, окнѣ*, или никогда не падаетъ на нее — *мясо, мяса, мясу, мясомъ, мясѣ*.

Но, если въ единственномъ числѣ господствуетъ полное единообразіе, зато множественное число такихъ словъ (по крайней мѣрѣ двусложныхъ) постоянно отклоняется отъ единственнаго: когда въ единственномъ удареніе падаетъ на корень или на образовательную наставку, оно во множественномъ явится на флексіяхъ, и наоборотъ, нпр.: *блюдо—блюда, масло—масла, море—моря¹⁾, ведро—ведра, вино—вина, яйцо—яйца*.

Изъ трехсложныхъ лишь немногія представляютъ подобный переходъ ударенія, а именно: 1) съ послѣдняго слога на предпослѣдній: *колесо, помело, ремесло, волокно, долото, полотно—колеса, помела и т. д.*, или же 2) съ послѣдняго на третій съ конца (онъ же первый съ начала), или наоборотъ: *дерево, зѣркало, кружево, лѣзвѣе—дерева, зѣркала, кружева, лѣзвѣя*. Надо замѣтить, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ реченій сдѣлались трехсложными только

¹⁾ Кстати замѣтить: помѣнять въ списокъ такихъ словъ слово *судно* (сѣдно), въ значеніи корабля, крайне странно, такъ какъ оно очевидно разносклоняемое, и множественное число къ нему (*суда*) слѣдуетъ считать, вмѣстѣ съ *Миклошичемъ*, множественнымъ числомъ (= собирательной формой) къ единственному *судъ* (сѣрб. *суд, сѣда*) = съ-сѣдъ. Vergl. Gramm. В. III, S. 291.

вслѣдствіе полногласія. Зато изъ числа теперешнихъ двусложныхъ нѣкоторыя были прежде трехсложными, какъ сѣрдце (ст. р. сѣръце), письмо, сѣдлю (= сядлю)¹⁾, хотя эти слова, конечно, могли въ сравнительно недавнее время увлечься аналогіей настоящихъ двусложныхъ

III. Слова третьяго склоненія (на а).

Окситонки третьяго склоненія всегда бываютъ гибкими: мнѣ извѣстно только одно реченіе каланча, род. каланчи, им. мн. каланчи, род. каланчей, которое выдерживаетъ насуффиксную акцентовку по всѣмъ падежамъ (за исключеніемъ, конечно, творительнаго обонхъ чиселъ, который имѣетъ двусложную наставку).—Гибкость именъ на а бываетъ трехъ родовъ:

1) Наименьшую гибкость представляютъ слова бѣда, раба, похвала, всегда напирющія на флексію, за исключеніемъ лишь родительнаго множественнаго, флексія котораго опѣмѣла, (бѣдъ, рабъ, похвалъ). Это слова съ «наклоннымъ» удареніемъ, соответствующія первой группѣ словъ мужскаго рода (попъ, попа, колачъ, -а; огонь, огнѣ)²⁾.

2) Въ именительномъ множественнаго удареніе приближается къ началу (что, конечно, относится и къ винительному, когда онъ равенъ именительному): блоха—блѣхи, жена—женѣны, слуга—слугѣи, дуга—дугѣи, свѣча—свѣчи и т. д.

3) Удареніе приближается къ началу слова не только въ имен. множ., но еще и въ вып. единств., нпр., вода—воду, воды; гора—гору, горы; доска—дѣску, дѣски; земля—зѣмлю, зѣмли.

4) Иногда аналогія имен. падежа увлекаетъ и прочіе падежи множ. числа, нпр. сестра—сѣстры, сѣстрамъ, сѣстрами, сѣстрахъ (однако, род. п.—сестѣрь); игра—игры, играмъ и т. д.; судья—судѣи, судьямъ и т. д. (род. судѣи или судѣй).—У нѣкоторыхъ речей удареніе колеблется: доска—дѣски, дѣсокъ, или дѣсокъ, дѣскамъ или дѣскамъ и т. д.; пчела—пчѣлы, пчѣламъ или пчѣламъ и т. д.

Окситонки этого рода въ Малорусскомъ языкѣ, сравнительно съ Великорусскимъ, имѣютъ лишній баритонный падежъ, это — падежъ зватель-

¹⁾ Сядлю, а не сядю, слѣдуетъ считать староцерковною и основною формою этого слова (у Миклошича въ словарь приведена форма сядля), чѣмъ устраняется невозможное, хотя и допущенное Данпичемъ и самимъ Миклошичемъ, разложеніе этого слова на корень сед и наставку ло.

²⁾ Не знаю, сюда ли отнести слова княжѣа, ножны, или считать ихъ вовсе негибкими: въ родительныхъ падежахъ княжѣнъ, ножнѣнъ удареніе не падаетъ, правда, на суффиксъ, но все-таки — на окончаніе.

ный, который вообще не допускает окончной акцентки: отъ словъ краса, дочка, сестра производятся зват. падежи красо, дочко, сестро¹⁾).

Переходъ ударенія у именъ на а, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, бываетъ двухъ родовъ.

1. Чаще всего удареніе переходитъ съ сосѣдняго слога на сосѣдній, нпр., вода—вѣду, рука—руку, сирота—сирѣты, что у реченій дусложныхъ есть единственно возможный способъ.

2. Однако, у трехсложныхъ, которыхъ, правда, въ сравненіи съ дусложными весьма немного, удареніе обыкновенно скачетъ черезъ слогъ и приходится то на послѣдній слогъ, то на первый: борода—бѣроду, слобода—слѣбоду. Таковы еще: борозда, борона, голова, железа (вин. железу), полоса, середѣ, сторона, хлопоты и т. д. — У четырехсложныхъ скворода и похороны удареніе скачетъ даже черезъ два слога, такъ что говорятъ скѣвороду, скѣвороды; похоронамъ, -ами, -ахъ (род. похорѣнъ). Надо замѣтить, что эти слова — на что указалъ уже Я. К. Гротъ — почти всѣ были первоначально дусложными и растянулись лишь благодаря полногласію: теперешній выговоръ борода—бѣроду основанъ на первоначальномъ барда—бардам. Реченія же слобода, хлопоты, хотя и не полногласныя, но похожи на полногласныя (тамъ оро, оло, тутъ — обо, опо), такъ что легко могли быть подведены подъ ихъ аналогію. При переносѣ ударенія въ словахъ скворода и похороны черезъ два слога очевидно руководствуются не столько аналогією другихъ полногласныхъ словъ, какъ борода, голова, сколько общимъ характеромъ акцентки реченій на а, которая и у дусложныхъ и у трехсложныхъ колеблется между слогами послѣднимъ и первымъ.

Между тѣмъ, какъ окситонки на а отличаются такою гибкостью, баритонки имѣютъ совершенно неподвижное удареніе.

Изъ этого закона въ Великорусскомъ языкѣ исключаются только два слова—деревня и доля, которыя во множеств. числѣ баритонуютъ одинъ имен. падежъ, а остальные окситонуютъ: деревни, доли; деревень, долей; деревнямъ, долямъ²⁾. Зато Малороссы у словъ на а выработали такое же соотношеніе между множественнымъ и единственнымъ числомъ, какъ во второмъ склоненіи, т. е. не только множ. число окситонковъ въ

¹⁾ Есть ли изъ этого правила исключенія? Я встрѣчалъ звательный сатанѣ, также—трубѣ Wagil.; но, кажется, это формы книжныя, новѣрно акцентованныя.

²⁾ Ужъ не принадлежали ли слова деревня и доля первоначально къ четвертому склоненію, такъ что произносились деревень и доль? Акцентка ихъ, въ такомъ случаѣ, была бы самая обыкновенная. См. нѣсколько ниже.

нѣкоторыхъ, или даже во всѣхъ падежахъ баритонуется, но и, наоборотъ, баритонныя въ единственномъ становятся окситонками во множественномъ: шабля—шаблѣ, шабѣль (и шабѣль), шаблямъ, шаблями, шабляхъ; такъ же: баба, бочка, лавка, пляшка, пъявка, чарка, шапка, сорочка — бабѣ, бочкѣ, лавкѣ, пляшкѣ, пъявкѣ, чаркѣ, шапкѣ, сорочкѣ. Малорусскій выговоръ, въ этомъ случаѣ, несомнѣнно новѣйшій: ни у Сербовъ, ни у Словенцевъ, ни у Болгаръ нѣтъ ничего подобнаго; да и Велико-россы, если бы владѣли прежде столь удобнымъ способомъ отличать имен. множ. отъ родительнаго единств. (имен. мн. бабѣ, род. ед.—баби) едва ли бь отъ него отказались.

IV. Слова на мягкй согласный, съ родительнымъ на и.

Въ 4 склоненіи большая часть словъ бываетъ гибкою, или имѣетъ, по крайней мѣрѣ, наклонное удареніе.

1. Рѣшительно наклонное удареніе, которое всегда падаетъ на самый конецъ слова, представляютъ числительныя пять, шесть и семь: пять — род., дат., мѣстн. пяти, твор. пятью.

2. Наклонное удареніе, за исключеніемъ твор. падежа, мы видимъ у словъ ложь, рожь и любовь: род., дат., мѣстн. лжи, ржи, любви, твор. ложью, рожью, любовью.

3. Наклонное удареніе имѣетъ также единственное въ этомъ склоненіи существительное муж. рода—путь. Только двусложная наставка твор. падежа множ. числа носить удареніе на первомъ своемъ слогѣ: путями.

Собственно-гибкія слова 4-го склоненія также бываютъ трехъ родовъ.

1. Чаще всего, все единств. число и имен. падежъ множественнаго баритонуются, а остальные падежи окситонуются: вещь—род., дат., мѣстн. вещи, тв. вещью, имен. множ. вещей, род. вещей дат. вещамъ, тв. вещами, мѣст. вещахъ; новость—род., дат., мѣстн. новости, тв. новостью; им. мн. новости, род. новостей, дат. новостямъ. тв. новостями, мѣстн. новостяхъ. Когда твор. множ. имѣетъ архаическое окончаніе ъми, то удареніе и въ немъ приходится на конечный слогъ: дверьми, дочерьми, костями, людьми, лошадьми, плетями.

2. Нѣкоторыя имена этого склоненія отличаютъ посредствомъ ударенія мѣстный падежъ ед. числа отъ родительнаго и дательнаго, такъ, что бываютъ гибки не въ одномъ множ. числѣ, но и въ единственномъ. Подобно мѣстному на у, и эта форма употребляется только послѣ предлоговъ въ и на: на брови, на вѣтви, въ горсти, въ груди, на мелі, въ ночи, на

оси, на площади, въ степи, и др. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ—можетъ быть, рѣшительно во всѣхъ?—слышатся и баритонныя формы, нпр. въ но́чи, на пло́щади; въ другихъ—онѣ даже преобладаютъ: на лошади, въ рѣчи, хотя произносятся также на лошади, въ рѣчи.

3. Свообразною гибкостью отличаются числительныя восемь, девять, десять, двадцать и тридцать, которыя имѣютъ баритонный именительный, но въ остальныхъ падежахъ, подобно вышеотмѣченнымъ пять, шесть и семь, окситонуются: восьми, девяти и т. д.

Негибкими оказываются только окситонки: печаль, купель, свнѣль, свирѣль, гортань, мозоль, болѣзнь; также слова обитель, добродѣтель и отвлеченныя на ость: вольность, гадость, мѣлость, нѣжность, пакость, странность. Негибкость отвлеченныхъ реченій легко можно объяснить тѣмъ, что множ. число, въ коемъ они бы должны были мѣнять акцентовку, собственно не свойственно имъ, когда жъ оно все-таки употребляется, то слѣдуетъ привычному образцу единственнаго¹⁾. Слово гусли (единств. число *гусль = гжсль) относится къ этой же группѣ²⁾; только мы, при настоящемъ состояніи языка, не сознаемъ даже, принадлежитъ ли оно къ 4-му склоненію, или къ 3-му.

V. Слова наращенья.

1. Слова мать и дочь по акцентовкѣ вполне принадлежать къ 4-му склоненію: род. матери, дочери и т. д., род. мн. матерей, дочерей и т. д.

2. Названія молодыхъ животныхъ на я (въ един. числѣ почти неупотребительныя) имѣютъ удареніе неподвижное и притомъ единообразное: всегда на этомъ я: теля, теляти³⁾; жеребя, жеребяти; голубя, голубяти⁴⁾.

3. Слова на я, а, съ наращеньемъ ен, равно и слово небо, въ един. числѣ представляютъ единообразную накоренную акцентовку, а во множественномъ—насуффиксную: время, род., дат., мѣст. времени, множ. ч.—времена, времени, временамъ, временами, временахъ; небо, неба и т. д., множ. ч.—небеса, небеса, небесамъ и т. д. Такъ же произносятся слова плѣмя, сѣмя, знамя. Впрочемъ, знамя во множ. числѣ допускаетъ и даже

¹⁾ У Сербовъ отвлеченныя на ост, ости также бываютъ гибки: слова милѣст, младѣст, лудѣст глупость, радѣст, старѣст образуютъ мѣстные падежи милѣсти, младѣсти, лудѣсти, радѣсти, старѣсти = основы милости, младости и т. д.

²⁾ Есть, однако, поговорка: на словахъ, что на гуслихъ, а рукъ не подымай (Даль).

³⁾ Поговорка: кабы нашему теляти, да волка поймати!

⁴⁾ Множ. число по-малороссійски голубьята.

предпочитает напредконечную акцентовку—знамена. Подобнымъ образомъ и слово колесо, нѣкогда склонявшееся такъ же, какъ небо, произносится во множ. числѣ колѣса. По-малороссійски во множ. числѣ тоже колѣса, или же колѣса, а въ единственномъ — колесо. Противорѣчіе между выговоромъ великорусскимъ и малорусскимъ легко объясняется тѣмъ, что слово колесо (коло, род. колесе) первоначально, по всей вѣроятности, произносилось съ такимъ же удареніемъ, какъ небо, небесе; око, очесе; ухо, ушесе, и что акцентовка колесо основана на выговорѣ именительного падежа коло, а колесо — на остальныхъ. Сомнѣваться въ вѣрности акцентуаціи этихъ словъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ мы не имѣемъ никакого основанія: только въ силу преданія, т. е. въ силу своей дѣйствительной древности могли сохраниться на письмѣ формы, столь несогласныя съ живою рѣчью русскаго народа; по той же причинѣ онѣ не могли быть выдуманы грамотеями.

Какъ отмѣтилъ уже Гротъ, гибкость составляетъ преимущественное достояніе *простыхъ* словъ: *сложныя* — водовозъ, лѣтопись и т. п. — никогда не бываютъ гибкими, а *предложныя* — довольно рѣдко. По словамъ Грота, предложныя имена допускаютъ переходъ ударенія только при томъ условіи, чтобъ удареніе въ имен. падежѣ един. ч. было на предлогѣ, нпр., поварь—им. мн. повара; повѣсть—род. мн. повѣстей, проповѣдь—проповѣдей. Когда въ им. пад. ед. ч. предлогъ не принимаетъ ударенія, то предложное имя не можетъ быть гибкимъ, нпр., заводъ—заводы, приговоръ—приговоры; постель—постелей¹⁾. Мнѣ кажется, что этотъ законъ можно бы точнѣе выразить такъ: изъ числа предложныхъ, гибкими бываютъ слова женскаго рода, на мягкій согласный, и слова мужскаго рода, образующія неорганическое множественное число (на а). Кромѣ этихъ словъ, мнѣ извѣстно только одно подобное слово: похороны, похоронъ, похоронамъ (произносятъ, впрочемъ, и похоронъ, похоронамъ).

Кайслеръ, въ своей брошюрѣ о русской акцентовкѣ²⁾, высказываетъ убѣжденіе, что въ древности подвижность русскаго ударенія была еще значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время, въ которое большая часть реченій *утратила* гибкость, до сихъ поръ сохраняемую въ языкѣ Литовскомъ. Однако, мнѣніе Кайслера слѣдуетъ признать ошибочнымъ. Уже Гротъ³⁾ замѣтилъ по поводу его, что не знаетъ, на какомъ основаніи мы можемъ

¹⁾ Филол. разыск., стр. 393.

²⁾ L. Kayssler. Die Lehre vom russischen Accent. S. 17—21.

³⁾ Въ статьѣ «По поводу ижецкой брошюры о русскомъ удареніи». Филол. разыск., стр. 415.

приписывать старорусскимъ словамъ ббольшую гибкость сравнительно съ нынѣшними, и указать на то, что, если языкъ¹⁾, въ позднѣйшую эпоху своего развитія, съ одной стороны, обогащается преимущественно второбразными словами (на нѣ, ность, ство, тель, или предложными глаголами), значительная часть которыхъ является безъ подвижного ударенія, зато онъ, съ другой стороны, принимаетъ въ себя и многія народныя слова, отличающіяся гибкостью: особенно окситонная форма множ. числа на нашихъ глазахъ дѣлаетъ все ббольшія и ббольшія завоеванія среди баритонокъ перваго склоненія, такъ выговоръ учителя, служителя, профессора, выгѣсняетъ прежній — учителя, служителя, профессора. Замѣчу, со своей стороны, что ссылка Кайслера на чрезвычайную гибкость литовскихъ реченій ничего не доказываетъ для Старорусскаго: весьма возможно, что Литовскій языкъ, сохранившій многія древнія черты, именно въ этомъ отношеніи отступилъ отъ древности — въ еще болѣе древнихъ языкахъ Санскритскомъ и Греческомъ, особенно въ послѣднемъ²⁾, гибкость гораздо менѣе распространена, нежели въ Русскомъ.

Не всѣ слова, какъ извѣстно, произносятся съ удареніемъ: слова, играющія второстепенную роль въ предложеніи, — союзы, частицы — лишены его вовсе, нпр. брѣтъ и сестра; ты или я. Развѣ, что иногда они принимаютъ риторическое удареніе: но, милостивый государь. Вост.

Къ числу словъ несамостоятельныхъ принадлежатъ также и предлоги. Несамостоятельность предлоговъ состоитъ въ томъ, что они сливаются въ одно акцентное цѣлое съ соединяемымъ съ ними именемъ — явленіе, которое я позволю себѣ называть *прислоненіемъ*, а подверженныя ему реченія — *прислонками*. Прислонки отъ настоящихъ безударныхъ словъ, отъ *атомокъ* (*ἀτομα*), отличаются тѣмъ, что не всегда лишены ударенія, а находятся на равныхъ правахъ съ именами: однимъ онѣ подчиняются, другія онѣ сами себѣ подчиняютъ — говорятъ нпр. на крышу, по лицу, но — на ногу, по небу. Какъ указалъ Востоковъ, прислоненіе существительнаго къ предлогу возможно только тогда, «когда существительное не имѣетъ за собою другого какого либо слова, отъ него зависящаго, какъ то прилагательнаго, или мѣстоименія относительнаго, или существительнаго въ родительномъ падежѣ;

¹⁾ Речь здѣсь идетъ о языкѣ литературномъ, который одинъ могъ быть извѣстенъ Кайслеру.

²⁾ Въ Греческомъ языкѣ, при сравненіи его съ другими языками по отношенію къ подвижности ударенія, не слѣдуетъ принимать во вниманіе столь частыя перемѣны акцентоваки, обусловленныя долготою конечнаго слога: однородною съ санскритскою, литовскою, русскою можетъ считаться только гибкость словъ, въ родѣ *άνθρωπος* — *άνδρες*, *Ζεύς* — *Διός* — *Δία*.

напр.: живётъ за городомъ;—за городомъ Архангельскимъ. Заплатилъ столько-то рублѣй за землю и столько-то за лѣсъ;—за землю, на которой поселены крестьяне, и за лѣсъ мѣстныхъ деревень¹⁾. Впрочемъ, по моему, проще и вѣрнѣе было бы сказать, что для прислоненія имени къ предлогу необходимо, чтобы оно составляло съ нимъ одно грамматическое цѣлое — одно нарѣчеобразное выраженіе. При такомъ взглядѣ будетъ понятно, почему говорятъ непріятель бралъ городъ за городомъ, отъ моря до моря, хотя здѣсь за словами городъ и море не слѣдуетъ никакихъ опредѣленій, ни дополненій²⁾. О цѣльности прислоночныхъ выраженій свидѣлствуетъ неупотребительность въ нихъ логическаго ударенія: выговоръ фразъ не за два рубля, а за три; подъ лѣсомъ видѣть, а подъ носомъ не видѣть понятенъ лишь въ томъ случаѣ, если противопологаемые въ нихъ выраженія (за два—за три, подъ лѣсомъ—подъ носомъ) находятся въ такомъ же соотношеніи, какъ слова выводъ и выборъ, прадѣдъ и правнукъ, въ фразахъ: прихожу къ выводу, что выборы незаконны; прадѣду правнукъ. Кроме этого синтаксическаго условія, прислоняемость существительнаго зависитъ еще отъ акцентовки его: передаютъ удареніе предлогу одни гибкія слова, притомъ только въ тѣхъ формахъ, которыя имѣютъ удареніе на начальномъ слогѣ³⁾. Такимъ образомъ, вовсе неспособны къ прислоненію баритонки женскаго рода — нпр. книга, дорога, туча — и слова предложныя⁴⁾. На основаніи этого закона, говорятъ за море, подъ голову, на руку, за уголь, на вѣтеръ, по саду, но за моря, подъ головою, на рукъ, за уголь, на вѣтру, по садамъ. Если какая нибудь форма передаетъ свое удареніе одному предлогу, то она передаетъ его и всѣмъ, или почти всѣмъ: по воду, на воду, за воду, объ воду, подъ воду. Исключенія изъ этого правила, какъ кажется, обусловлены 1) качествомъ *самаго предлога*: предлогъ недавняго образованія, развившійся изъ знаме-

¹⁾ Такимъ образомъ Лермонтовъ вполне правильно, а не по поэтической вольности, написалъ:

По нѣбу полуночи ангелъ летѣлъ.

²⁾ Ссылаться, для опроверженія такого взгляда, на выраженія, въ родѣ рука-объ-руку, слово-за-словомъ, часъ-отъ-часу, крѣпко-на-крѣпко, туго-на-туго, по видимому, аналогичныя нашимъ городъ за городомъ, отъ моря до моря, было бы неосновательно—это настоящія нарѣчеобразныя выраженія, состояція изъ трехъ словъ.

³⁾ Изъ этого правила мнѣ извѣстно только одно исключеніе: по двору (дворъ, двора, двору).

⁴⁾ Въ числѣ гибкихъ словъ есть, правда, и нѣсколько предложныхъ — откупъ, погребъ, поварь, — но эти слова неспособны къ прислоненію.

нательнаго слова, путемъ утраты логическаго ударенія, естественно не способны принимать его вновь; также и предлоги двусложные, вѣроятно, недавно только утратившіе свое удареніе, не допускаютъ прислоненія: сквозь стѣну, вдоль лѣса, передъ лѣсомъ, черезъ лѣсъ; 2) они обусловлены качествомъ *соединенія* предлога съ именемъ: только при тѣсной связи предлога съ существительнымъ, только при обращеніи ихъ въ постоянную, привычную формулу, они могутъ слиться въ нарѣчеобразное выраженіе: поэтому, хотя произносятъ на голову, за голову, подъ голову, но едва-ли можно произнести про голову. Само собою разумѣется, что провести точныя границы между предлогами первичными и вторичными, между сочетаніемъ предлога съ именемъ и между предложноименными нарѣчіями — невозможно, вслѣдствіе чего выговоръ иногда колеблется между напредложною и наименною акцентовкою: у Крылова, нпр., въ одной и той же баснѣ, въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ, встрѣчается двойкій выговоръ одного и того же выраженія:

Другъ за друга стоять,
И, если надо, другъ за друга умирать¹⁾.

Такимъ же образомъ, какъ предлоги, и отрицаніе не беретъ на себя удареніе съ перваго слога прошедшихъ временъ и страдательныхъ причастій, когда они бываютъ гибки, нпр. брагъ, бралъ, брало, брали — не брагъ, не брало, не брали; былъ, была, было, были — не былъ, не было, не были; взялъ, взяла, взяло, взяли — не взялъ, не взяло, не взяли; далъ, дала, дало, дали — не далъ, не дало, не дали; звалъ, звала, звало, звали — не звалъ, не звало, не звали; пилъ, пила, пило, пили — не пилъ, не пило, не пили; спалъ, спала, спало, спали — не спалъ, не спало, не спали; данъ, дана, дано, даны — не данъ, не дано, не даны; званъ, звана, звано, званы. Пав.: звано, -ы, — не званъ; взялъ, взята, взято, взяты — не взять, не взято, не взяты. Нѣкоторыя прилагательныя именнаго окончанія также передаютъ свое удареніе отрицательному нарѣчію. — Востоковъ называетъ слѣдующія: любь, любя, любо, любы — не любь, не любо, не любы; миль, мила, мило, милы — не миль, не мило, не милы; весель, весела, весело, веселы — не весель, не весело, не веселы (Горе отъ ума Д. П., явл. 2); дорогъ, дорога, дорого, дороги — не дорогъ, не дорого, не дороги; молодъ, молодя, молодо, молоды — не молодъ, не молодо, не молоды; солонъ, солоня, солоно, солоня — не солонъ, не солоно, не солоня²⁾.

¹⁾ Басня И. А. Крылова: Собака, Челютикъ, Кошка и Соколы.

²⁾ Впрочемъ, у многихъ изъ этихъ прилагательныхъ и причастій, въ среднемъ родѣ и во множественномъ числѣ, удареніе колеблется.

Подобное же явление, какъ слияніе въ одно звуковое цѣлое имени съ предлогомъ или отрицаніемъ, представляетъ слияніе словъ *день, годъ, ночь, разъ* съ числительными два, двѣ и три, какъ то: два (три) дни, два (три) года — тридцать лѣтъ и три года, — два (три) раза, двѣ (три) ночи.

Къ изложенію главныхъ особенностей русской акцентовки было бы не лишне присоединить историческій взглядъ на нее, т. е. опредѣлить, по показаніемъ памятниковъ, на сколько теперешній выговоръ можетъ считаться древнимъ. Но для подробнаго изслѣдованія этого вопроса потребовалось бы много времени и труда, и едва-ли бы оно привело къ важнымъ выводамъ. Насколько мнѣ извѣстно, русская акцентуація XV—XVI столѣтій — болѣе древнихъ акцентованныхъ рукописей не существуетъ¹⁾ — можетъ считаться согласною съ нынѣшнимъ выговоромъ, и несогласную съ нимъ акцентуацію нѣкоторыхъ рукописей слѣдуетъ объяснять влияніемъ сербскаго правописанія, отмѣчавшаго свое, отличное отъ русскаго, удареніе и къ тому же по не вполне установленной системѣ, которая постоянно смѣшивала удареніе и количество²⁾. Сбитые съ толку постояннымъ противорѣчіемъ между сербскимъ правописаніемъ и русскимъ выговоромъ, писцы иногда могли написать и совѣтъ чудовищныя и небывалыя ни въ одномъ славянскомъ языкѣ формы, въ родѣ *церковъ, достоинъ*.

Нѣкоторые изслѣдователи сильно сомнѣвались въ древности нашей акцентовки, но безъ достаточнаго основанія. Эти изслѣдователи были Катковъ и безусловно слѣдующій ему въ этомъ вопросѣ Давыдовъ³⁾. Катковъ на основаніи того, что въ древнѣйшихъ арійскихъ языкахъ — въ Латинскомъ, Греческомъ и Санскритскомъ — количество гласныхъ играетъ болѣе важную роль нежели удареніе, предположилъ, что сильное развитіе количества, которое замѣчается въ Чешскомъ языкѣ, должно считать чертою древности и что отсутствіе количества въ Русскомъ языкѣ слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что оно скрылось въ удареніи, т. е. что нѣкогда *даліе* слоги стали произноситься съ *удареніемъ*. Однако, это не болѣе, какъ гипотеза, притомъ гипотеза, содержащая въ себѣ внутреннее противорѣчіе и не подтверждаемая фактами языка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно утверждать, что удареніе въ Русскомъ языкѣ есть замѣна долготы, когда въ языкахъ количественныхъ многія слова представляютъ по два и болѣе долгихъ сло-

1) См. у Грота, Филол. разсыск., стр. 340.

2) Такъ, напр., приводимыя Гротомъ (Филол. разсыск., стр. 341) изъ одного восточнаго евангелія XVI в., формы *встанѣте* и *будѣте* = срб. *устанѣте, будѣте*.

3) Катковъ. Объ элементахъ и формахъ, стр. 60 и слѣд. (Давыдовъ) Опытъ общесравнительной грамматики, стр. 46 и слѣд.

говъ, а слѣдовательно въ Русскомъ должны были бы имѣть два или болѣе удареній, а съ другой — бываютъ слова, состоящія изъ однихъ краткихъ слоговъ, которыя, по этой теоріи, должны бы оставаться вовсе безъ ударенія! Къ тому же въ количественныхъ языкахъ подобнаго тяготѣнія ударенія къ долготѣ не замѣчается: Греческій и Санскритскій языкъ несколько не предрасположены въ пользу надолготной акцентовки, а Латинскій — только при извѣстныхъ условіяхъ¹⁾. Единственное представленное Катковымъ доказательство — это соотвѣтствіе между чешскимъ количествомъ и удареніемъ русскихъ полногласныхъ слоговъ, на которое уже до него указалъ чехъ Пухмайеръ²⁾. Это тотъ законъ, по коему, съ немногими исключеніями, русскимъ слогамъ орѣ, оло соотвѣтствуютъ чешскіе gā, lā, русскимъ оро, оло и оро, оло — чешскіе gā, lā: ворѣна, болѣто — vřāna, blāto; гѣродъ, вѣлосъ, борѣда, голѣва — hrād, vlās, brāda, hlāva. Но изъ этого соотвѣтствія еще ничего нельзя вывести, если не принять нѣсколько странный взглядъ Каткова на полногласіе, по которому въ Русскомъ языкѣ ра, ла перешли въ ро, ло, и передъ ними вставилось еще второе о: градъ — *гродъ — городъ. (Катковъ на счетъ полногласія высказывается довольно неопредѣленно, по, кажется, его нельзя понимать иначе). Держась такого взгляда, мы дѣйствительно можемъ сказать, что ударяемое о въ словахъ ворѣна, болѣто замѣнило уцѣлѣвшее у Чеховъ ā, между тѣмъ какъ на мѣстѣ ā явилось о безъ ударенія: гѣродъ, вѣлосъ, борѣда, голѣва, и предположить на этомъ основаніи, что и въ другихъ случаяхъ русское удареніе замѣнило древнюю долготу. Но, во первыхъ, по аналогіи своеобразно развившихся полногласныхъ словъ нельзя дѣлать заключенія о другихъ словахъ, а, во вторыхъ, вѣра въ исконность чешскаго количества получаетъ сильный толчокъ вслѣдствіе постоянного противорѣчія его количеству сербскому, особенно въ слогахъ полногласныхъ: какое мы имѣемъ право, на основаніи чешскихъ vřāna, blāto, hrād, vlās, brāda, hlāva, предполагать древнія, общеславянскія формы vřāna, blāto, grādъ, vlāsъ, brāda, glāva, когда Сербы произносятъ, какъ разъ наоборотъ, vřāna, blāto, grād, vlās, brāda, glāva (vřāna, blāto, grādъ, vlās, brāda, glāva)?³⁾ Итакъ един-

¹⁾ Вспомнимъ латинскія āmās, hōmīnēs и т. д.; греч. δίδωμι, θυητός, σελήνη, βουλευτός и т. д.; санскр. āvā кобыла, dēvās богъ, lokāpālās стражъ міра и т. д.

²⁾ Puchmayer, Anton Jaroslav. Lehrgebäude der russischen Sprache. Prag. (1818).

³⁾ На это указалъ Миклошичъ Vergl. Gramm. Lautlehre. 1852. S. 391 ff. — П. А. Лавровскій, въ своемъ разсужденіи о полногласіи (Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣлу Русск. яз. и слов., Матеріалы для словаря и грам. Томъ V, ст. 212 — 213), пытался защитить Каткова противъ Миклошича и выставилъ положеніе, что Караджичъ превратно понималъ сербскія ударенія, и что сербское количество вовсе

ственное приведенное Катковымъ доказательство оказывается недостаточнымъ, а, кромѣ него, изслѣдованіе «Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка», въ разборѣ этого вопроса, представляетъ одни натяжки и произволь. Такъ, Катковъ ссылается въ пользу своей теоріи на ударяемость окончанія а въ большей части (даже не во всѣхъ!) прилагательныхъ женскаго рода (бѣла, хороша и т. д.), а такъ какъ нечленное окончаніе а въ Чешскомъ языкѣ кратко (кратко оно и у Сербовъ), то предполагаетъ, что русское а есть собственно членное окончаніе, только стянутое, т. е. что бѣла = бѣла = бѣлаа = бѣлаја, и подтверждаетъ, такимъ образомъ, одну гипотезу другою гипотезою. Ученіе, что срединные гласные должны обладать нѣкоторою силою, чтобы удержать на себѣ удареніе, которое иначе склонно «переходить» на окончаніе а, искони долгое; ни на чемъ не основано. Дѣленіе русскихъ гласныхъ на долгіе, краткіе и обоюдные (при чемъ, впрочемъ, почти всѣ оказываются обоюдными) только тогда имѣло бы смыслъ, если бы Катковъ дѣйствительно доказалъ вѣрность своего взгляда на русскую акцентовку. Замѣчательно, что самъ Катковъ для нѣкоторыхъ реченій выставилъ законъ противоположный якобы общему закону акцентовки: удареніе, въ словахъ отецъ, бѣлокъ и т. д., попало на краткость, въ чемъ де явно выразилось стремленіе языка поддержать слабѣющій звук!

Мнѣніе о русскомъ удареніи, сходное съ мнѣніемъ Каткова, высказалъ Лукіанъ Малиновскій¹⁾. Малиновскій обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ Онольскомъ говорѣ Польскаго языка сжатіе гласныхъ²⁾, замѣнившее, какъ основательно предполагаютъ, долготу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совпадаетъ съ акцентованіемъ ихъ у Русскихъ, и предположилъ, что русское удареніе представляетъ слѣдъ основной долготы, и что подробное сравненіе польскаго сжатія гласныхъ и русской акцентовки могло бы пролить яркій свѣтъ на послѣднюю. Однако, указанное Малиновскимъ соотвѣтствіе между Русскимъ языкомъ и Онольскимъ говоромъ весьма и весьма неполное: оно ограничивается тѣмъ; что въ Русскомъ предлоги и отрицаніе не, какъ входящія въ составъ сложныхъ словъ, такъ и свободно соединяемые съ именами, нерѣдко принимаютъ удареніе, и что въ Онольскомъ го-

не противорѣчитъ чешскому, а совпадаетъ съ нимъ; но выставить подобное положеніе онъ могъ только при совершенномъ незнакомствѣ съ *живою* рѣчью Сербовъ, въ которомъ онъ и самъ признается.

¹⁾ Malinowski, Lucian. Beiträge zur slavischen dialectologie. I. Ueber die Oppeln-sche mundart in Oberschlesien (1 Heft: Laut- und Formenlehre). Leipzig, 1873. S. 9. Anm. P. 4.

²⁾ Сжатіе гласныхъ, какъ извѣстно, свойственно болѣе-менѣе всѣмъ польскимъ говорамъ, отчасти даже рѣчи образованнаго класса.

ворѣ нѣкоторыя предлоги — *za, na*, иногда *nad, do, se, ze, ode, ve* — и отрицаніе не подвержены сжатію. У Малиновскаго отмѣчены: 1) сложныя имена *zarwata, zamek* или *zomek, zawiść, parawa, nadgroda* и т. д. 2) составныя числительныя *jedenasće, dwanasće, jedenasti, dwanasti* и т. д. 3) формы слитныя съ мѣстоименіемъ *n*: *zań, (zón) pań (pón)*, рядомъ съ *zań, pań*. 4) *na*, какъ знакъ превосходной степени: *te nadživějse, najwodsi, najlepsi, nastarsi* и т. д. Кроме того, мы находимъ еще выраженія *do nog, do nego, do niej, do nich, se mnóm, se mnie, wode mnie, zemlawa, we śwat, he moğa, he moze, he mog, he maż*. Только слова зависть, двѣнадцать и приставка на (набольшій, наилучшій и т. п.) могутъ служить въ подтвержденіе взгляду Малиновскаго, такъ что исключеній изъ этого правила больше, чѣмъ подтверждающихъ его примѣровъ. Малиновскій указалъ еще на нѣкоторыя слова женскаго рода, которыя въ Русскомъ языкѣ, по принятіи уменьшительной наставки, замѣняютъ насуффиксную акцентовку накоренною, а въ Польскомъ (не только въ Опольскомъ говорѣ) сжимаютъ коренной гласный, каковы: вода, борода—вѣдка, бѣрдка,—по-польски *woda, broda*—*wódka, bródka*¹⁾. Мысль о существованіи нѣкоторой связи между русскимъ удареніемъ и польскою, также чешскою и лужицкою (т. е. вообще западнославянскою) долготою мнѣ и самому кажется весьма правдоподобною, но, начавши составлять таблицы соответствія западнославянскихъ долгихъ и сжатыхъ гласныхъ русскимъ ударяемымъ, я убѣдился, что ее трудно подтвердить фактами, которые развѣ послѣ подробнаго и тщательнаго разбора и при совершенно новомъ освѣщеніи будутъ говорить въ ея пользу²⁾. Но, если и допустить справедливость этой мысли, всетаки мы не имѣемъ права считать русское удареніе замѣной основной, сохранившейся въ Старопольскомъ, долготы, ибо столь же правдоподобно обратное предположеніе, что Русскіе сохранили древнее удареніе, а Поляки замѣнили его протяженіемъ; оно даже вѣроятнѣе, въ виду того, что продленіе краткихъ акцентованныхъ гласныхъ дѣйствительно встрѣчается въ нѣкоторыхъ языкахъ, нпр. въ Нѣмецкомъ, Итальянскомъ: *Nahn*, ст. н. *hāno*, *radge* (не *radde*) — лат. *pāter*³⁾.

Итакъ, мнѣніе Каткова и Малиновскаго объ относительно недавнемъ происхожденіи русской акцентовки, которое раздѣляетъ также П. А. Лав-

¹⁾ Lucian Malinowski. S. 44.

²⁾ См. ниже, гл. XII.

³⁾ Миклошичъ, указавъ на подобное чередованіе долготы съ удареніемъ, рѣшительно говоритъ, что первую слѣдуетъ выводить изъ послѣдняго, а не наоборотъ (Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. S. 47).

ровскій¹⁾, не основано на действительных доказательствах, по аналогіи же языковъ Романскихъ и Новогреческаго, утратившихъ древнее количество, а, вообще говоря, сохранившихъ древнее размѣщеніе удареній, можно считать вѣроятнымъ, что и Русскій языкъ унаслѣдовалъ свою акцентовку отъ Древнерусскаго, если не отъ самаго Праславянскаго. Посмотримъ, что скажутъ на этотъ счетъ югославянскіе языки — Сербскій, Словенскій, Болгарскій!

¹⁾ Лавровскій утверждаетъ, что мы «при взглядѣ на Русскій языкъ, по отношенію къ удареніямъ, видимъ себя въ положительной невозможности утверждать ненарушимость старобытной системы ударенія» (О русскомъ полногласіи, ст. 211).

II.

Сербо-хорватская акцентовка.

Сербо-хорватское удареніе ¹⁾, хотя вольное и подвижное, подобно русскому, никогда почти съ нимъ не совпадаетъ; однако мы убѣдимся впоследствии, что подъ этимъ видимымъ разногласіемъ скрывается первоначальное сходство и даже тожество.

Но, прежде чѣмъ сравнивать сербскую акцентовку съ русскою, нужно въ краткихъ чертахъ изложить ея особенности.

Въ Сербо-хорватскомъ языкѣ всѣ слоги произносятся такъ чисто и явственно, что ударяемый слогъ звучитъ лишь немного сильнѣе остальныхъ: какъ бы на каждомъ слогѣ дѣлаютъ удареніе, только на одномъ болѣе сильное — главное; или же два слога бываютъ сильнѣе другихъ, но одинъ изъ нихъ, а именно первый, самый сильный.

По разнообразію интонаціи, сербская акцентовка вполне заслуживаетъ названіе *разнородной*: въ обыкновенной сербской рѣчи ясно различаются четыре рода удареній, изъ коихъ два сопряжены съ краткимъ, а два — съ долгимъ выговоромъ гласнаго.

Для обозначенія этихъ удареній въ грамматикахъ и словаряхъ употребляются три извѣстныхъ знака греческаго письма: циркумфлексъ, акутъ и грависъ, съ прибавленіемъ одного новаго — двойного грависа. Этими латинскими названіями я постоянно пользуюсь въ своемъ изслѣдованіи, при чемъ, однако, разумію подъ ними не извѣстный выговоръ гласнаго, а только соотвѣтствующій ему письменный знакъ. Для обозначенія же самыхъ удареній латинская (т. е. собственно греческая) терминологія, особенно въ переводѣ на Русскій языкъ, совершенно не годится, т. к. значеніе циркумфлекса, акута и грависа у Сербовъ не вполне совпадаетъ съ значеніемъ ихъ

¹⁾ Сербо-хорватское удареніе я, для краткости, буду обыкновенно называть просто сербскимъ.

у Грековъ и Римлянъ. Поэтому я предпочитаю употреблять свою собственную терминологию, основанную не на способѣ обозначенія, а на качественной особенностях каждаго ударенія.

Качество сербскаго ударенія, какъ уже отмѣчено, находится въ нѣкоторой зависимости отъ долготы или краткости ударяемаго гласнаго.

Когда этотъ гласный *кратокъ*, то 1) онъ можетъ произноситься совсѣмъ кратко и рѣзко, какъ гласные Нѣмецкаго и Итальянскаго языка, за коими пишется удвоенная согласная буква, нпр. *Wonne, Mitte, fallo, frutto*. Это удареніе я назову *рѣзкимъ*; знакъ его — двойной грависъ: *брѣт, глѣдати, кнѣга, кдло, мѣка* (рус. мѣка). Въ Русскомъ языкѣ подобный выговоръ также слышится въ нѣкоторыхъ словахъ, хотя довольно рѣдко, нпр. *знаться (= знатца), биться, плѣнный, душиый, сонный*, на что уже указано въ главѣ о Русской акцентовкѣ.

2) Или же на гласный *менѣе напиратьотъ* и произносятъ его не такъ рѣзко и не такъ кратко; это — удареніе *слабое*, которое обозначается простымъ грависомъ, нпр. *магла, жѣна, йгра, вода, бѣха*. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что сила и слабость — понятія относительныя: слабое удареніе не всѣми произносится съ одинаковымъ напряженіемъ и иногда звучитъ такъ рѣзко, что мало уступаетъ настоящему рѣзкому и едва-едва отъ него отличается¹⁾.

Долгіе ударяемые гласные также произносятся двояко. Разница между ними музыкальная: голосъ или начинается съ высокой ноты, а потѣмъ понижается, или, наоборотъ, начавъ съ низкой, повышается²⁾. По ошибочному опредѣленію Мажуранича, въ этихъ случаяхъ происходитъ *усиленіе* и *ослабленіе* голоса, то въ началѣ долгаго гласнаго, то въ концѣ, такъ что гласный какъ-бы распадается на двѣ части, изъ которыхъ на одну приходится удареніе, а другая произносится безъ ударенія. Итакъ, на долгихъ слогахъ мы видимъ:

1) удареніе, которое можно назвать *нисходящимъ*. Удареніе это вполнѣ обычно и въ другихъ языкахъ, нпр. въ Нѣмецкомъ, въ Итальянскомъ (*stato*,

¹⁾ А. Mažuranić. Slovnica hërvatska, str. 12, op. — Если вѣрны наблюденія Л. Мазинга, о концѣ будетъ рѣчь черезъ нѣсколько строкъ, то явленіе, которое я, согласно съ Мажураничемъ, называю слабостью ударенія, собственно состоитъ въ томъ, что за главноударяемымъ слогомъ слѣдуетъ еще одинъ слогъ, мало уступающій ему по высотѣ и по силѣ. Мазингу даже кажется, что второй слогъ иногда ни въ чемъ не уступаетъ первому, но я, согласно съ Ковачевичемъ (*Archiv für slavische Philologie*, B. III, S. 690), думаю, что онъ въ этомъ случаѣ положительно ошибается.

²⁾ Можетъ быть, и слабое удареніе отличается отъ рѣзкаго не только меньшимъ напряженностью голоса, но и нѣкоторою модуляціею его.

mese, Liebe, Hof, Stuhl); знакомъ его служитъ циркумфлексъ, напр. дѣи, мѣсо, пѣр, Бѣг, зѣб.

2) удареніе *восходящее*, обозначаемое акутомъ, напр. глѣва, пѣта, вѣно, твѣрац, рѣка¹⁾. Выговоръ этихъ гласныхъ, кажется, можно сравнить съ тѣмъ удареніемъ, съ коимъ произносятся слова, выражающія удивленныя вопросы: и онъ противъ меня?!, и къ чему это?!, куда..?!. То же сравненіе нахожу въ грамматикѣ Куршата, при опредѣленіи восходящаго ударенія (*geschliffene Betonung*) Литовскаго языка²⁾.

По наблюденіямъ Мазинга, ударенія слабое и восходящее суть собственно ударенія *двуслоговыя* (*Zweisyllbenaccent*): въ главноударяемомъ слогѣ голосъ повышается, а въ слѣдующемъ за нимъ онъ понижается, начиная съ той высоты, которой онъ достигъ въ главноударяемомъ³⁾. Мазингъ рѣшительно утверждаетъ, что такое движеніе голоса, правда, не столь замѣтное, какъ въ долгихъ, слышится и въ краткихъ слогахъ, что вполне согласно съ мнѣніемъ Мажуранича, что слабое удареніе нѣсколько протяжитъ рѣзкаго и смахиваетъ на восходящее⁴⁾, и съ мнѣніемъ Шуничча, Ягича и др., по которымъ эти ударенія, въ сущности, тождественны⁵⁾. Мазингъ полагаетъ, что рѣзкое удареніе, которое онъ соединяетъ съ нисходящимъ въ одну группу *однослоговыхъ* удареній, въ свою очередь есть ничто иное, какъ нисходящее удареніе на краткомъ гласномъ⁶⁾; но такое отождествленіе этихъ

¹⁾ Въ употребленіи просодіи, я, за однимъ исключеніемъ, о которомъ будетъ сказано ниже, держусь второго изданія Караджичева «Рѣчника», какъ лучшаго и наиболѣе распространеннаго словаря, коему слѣдовали Даничић, Миклоичъ, Буджанин, а также и русскіе ученые, касавшіеся вопроса о сербской акцентовкѣ (П. Лавровскій, Потебня, Бодуэнъ-де-Куртенъ).

²⁾ Kurschat. Fr. Grammatik der Littauischen Sprache. Halle 1876, S. 59.

³⁾ По замѣчанію Ковачевича, который вообще соглашается съ положеніями Мазинга, это не вполне справедливо, и второй слогъ двуслоговаго ударенія никогда не равняется первому, ни по силѣ ни по высотѣ. Arch. f. slav. Philol. V. III, S. 690—694.

⁴⁾ Slovnica hrvatska, str. 12.—L. Masing. Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents. S. 69. Однако Мазингъ только отъ одного изъ двухъ лицъ, служившихъ ему живыми источниками при его изслѣдованіи, отъ хорвата Стефана Радосевича (родомъ изъ Рѣцкаго округа), слышалъ такое произношеніе: Милой Влашичъ (родившійся близъ Бѣлграда и воспитанный въ самомъ Бѣлградѣ) произносилъ оба слога безъ музыкальной модуляціи, одинаково высоко и, по видимому, также одинаково сильно (?), Masing. S. 57 и 59. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы выговоръ сербской столицы считался образцовымъ. См. Arch. f. slav. Philol. V. III; S. 687.

⁵⁾ См. ниже, въ обзорѣ систематизаціи сербской акцентовки.

⁶⁾ L. Masing. S. 64—65.

удареній—которое мы находимъ и у другихъ изслѣдователей¹⁾—не достаточно обосновано у него и, на мой слухъ, положительно невѣрно: сходство рѣзкаго и нисходящаго выговора ограничивается тѣмъ, что напиратьютъ на одинъ только слогъ и не затрагиваютъ слѣдующаго²⁾.

Къ этимъ общимъ положеніямъ объ удареніи не лишне будетъ прибавить замѣчаніе о выговорѣ, при различныхъ удареніяхъ, звуковъ *e*, *o*, *ъ* и «гласнаго» *p*. Краткое *e* произносится ближе къ *a*, нежели къ *ъ*, т. е. такъ, какъ французское и нѣмецкое *e* въ словахъ *cachette*, *Cayenne*, *Welle*, *Ebbe*, нпр. сѣла (мн. ч.), пчѣле, жѣна, рѣбро. Долгое *e*, напротивъ того, болѣе походить на *ъ*, чѣмъ на *a*, и сходно съ *e* въ словахъ *clé*, *tourner*, *Schnee*, *Reh*, нпр. клѣтва, рѣп, пѣта, шѣва. Впрочемъ, и рѣзкоударяемое и слабоударяемое *e* иногда произносится подобнымъ же образомъ (только что кратко, какъ въ итальянскихъ словахъ *detto*, *segno*), а именно передъ мягкими согласными: мѣѣа, зѣмѣа, срѣѣа, мѣче, мѣшаонща.

Какъ *e*, такъ и *o*, подъ рѣзкимъ и слабымъ удареніемъ ближе къ *a*, т. е. сходно съ французскимъ и нѣмецкимъ *o* въ словахъ *mort*, *bonne*, *folle*, *Gott*, *Ross*, и съ русскимъ *o*. Нпр. ѡко, пѡѣе, смѡква, нѡга, дѡбро.

Долгое *o* приближается къ *y*, т. е. произносится, какъ французскій и нѣмецкій звукъ *o* въ словахъ: *eau*, *héros*, *Roth*, *Stroh*, нпр. грѡм, дѡйка, твѡрап, вѡјска.

Что касается замѣнъ древняго *ъ*, то *e* и *и* произносятся на общемъ основаніи, но необходимо сказать нѣсколько словъ о югозападномъ выговорѣ *je*, *ije*. *Je* не представляетъ никакого затрудненія: оно отличается отъ восточнаго *e* только присутствіемъ *j* или смягчающаго элемента, а выговоръ самаго гласнаго одинъ и тотъ же; такимъ образомъ вост. дѣд, мѣра, нѣдра, (зап. дѣд, мѣра, нѣдра), по юговосточному, произносятся дјѣд или ѣд, мјѣра, вѣдра. Когда же, вмѣсто *ѣ*, являются долгіе *e* и *и*, тогда въ южномъ говорѣ находимъ два слога (*ije*), причѣмъ, вмѣсто нисходящаго ударенія, является рѣзкое удареніе на *и*, нпр. брѣјег, сѣјено (= брѣг, брѣг; сѣно, сѣно); вмѣсто восходящаго—слабое на *e*: стіјѣна, мліјѣко (= стѣна, стѣна; млѣко, млѣко)³⁾. Въ двусложьи *ije*, если не ошибаюсь, *e*

¹⁾ См. ниже, въ обзорѣ систематизаціи сербской акцентовки.

²⁾ Если принять вполнѣ положенія Мазнига, то употребляемыя мною названія рѣзкаго и слабого ударенія окажутся излишними: первое будетъ краткимъ нисходящимъ (нисходящимъ на краткомъ гласномъ), второе—краткимъ восходящимъ (восходящимъ на краткомъ гласномъ).

³⁾ На это разложеніе *ѣ* можно бы сослаться въ пользу теоріи Мажуранича о сущности долготныхъ удареній: но развѣ изъ того, что *ѣ* переходитъ въ *ije*,

всегда произносится узко, т. е. ближе къ и, нежели къ а. Сербы, съ которыми мнѣ случилось говорить о произношеніи е и о, не признали справедливости моего наблюденія, въ коей я тѣмъ не менѣе увѣренъ.

Такъ называемый гласный р, при удареніи рѣзкомъ или слабымъ, не представляетъ никакихъ особенностей, т. е. гласный элементъ его звучитъ также, какъ и всѣ другіе гласные, то совсѣмъ рѣзко и сжато, то нѣсколько протяжнѣе, нпр. смѣрт, бѣрдо — (у) смѣрти, (два) бѣрда. Ударенія нисходящее и восходящее, особенно первое, сопряжены съ незначительнымъ только протяженіемъ гласнаго элемента, но сопровождаются картавымъ, такъ сказать, раскатистымъ произношеніемъ р, которое можно бы означить слѣдующимъ образомъ: сѣррне (мн. ч.), кѣррв, сѣррна, кѣррвца, или, въ приближительной русской транскрипціи, сыррне, кыррв; сыѣррна, кыѣррвца¹⁾.

Долготныя ударенія Сербо-хорватскаго языка, какъ отмѣчено Ягичемъ²⁾, представляютъ поразительное сходство съ тѣми же удареніями у Грековъ и у Римлянъ, какими они являются въ описаніяхъ древнихъ грамматиковъ. Характерная особенность циркумфлексованныхъ гласныхъ, по показанію Діонисія Фракійскаго, есть переломъ или изгибъ (*περίκλασις*), а это, по объясненію схолиаста, значитъ то, что на одномъ и томъ же гласномъ происходитъ и повышение и пониженіе голоса: голосъ, получивши сперва извѣстное напряженіе, не сохраняетъ его, а начинаетъ ослабѣвать и понижаться (*ἡ ἐν τῷ αὐτῷ ἀνένεξις καὶ κατένεξις, μὴ ἐπιμενούσης τῆς φωνῆς ἐν τῇ ἀνατάσει, ἀλλὰ μετὰ τὸ ἀναδῆναι καὶ καταρρομένῃς*). По выраженію Сервія, циркумфлексъ означаетъ, что *syllaba «prima egressa gurgus in gravem flectitur»*. Чѣмъ это, въ самомъ дѣлѣ, не опредѣленіе нисхо-

прямо слѣдуетъ, что $\hat{e} = \hat{e}e$? Изъ того, что германское долгое i перешло впоследствии въ e , вѣдь никто не выводитъ, что это i собственно уже было двугласнымъ!

¹⁾ Подобный же взглядъ на гласные л и р высказалъ А. Кочубинскій (Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализация плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + ъ, ъ + конс. I, 108—123; II, 30) и за такой взглядъ, между прочимъ, ожесточенно напалъ на него Бодуэнъ-де-Куртенэ («Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій etc. Исследование А. Кочубинскаго». Рецензія И. Бодуэна-де-Куртенэ [J. Baudouin de Courtenay], стр. 47). Тамъ не менѣе, я не могу убѣдить свой слухъ, что бы слогаобразующія р и л — кажется, физиологически возможные — действительно существовали у Чеховъ и Южныхъ славянъ. Не убѣдло меня въ томъ и разсужденіе Зиверса (Eduard Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie. Leipz. 1876, § 5), который утверждаетъ, что нѣмецкія m, n, r, l въ извѣстныхъ случаяхъ, (нпр. въ словахъ handeln, schallend) суть гласные, ни его замѣчаніе о неопредѣленномъ гласномъ (§ 25, Anm. 5), который я всетаки отождествляю съ гласнымъ элементомъ «вокальныхъ» m, n, r, l.

²⁾ V. Jagić. Parallele k brvatsko-srbskomu naglasivanju. Rad. XIII (1870), str. 4.

дыщаго ударенія? Итакъ, греческія слова τούτο, κῆπος, πᾶς, πᾶν произносились тѣто, кѣпос, пѣс (ср. пѣс = пѣяс), пѣн. Точно такъ же и латинскія гѣс, лѣс, слѣгѣс, рѣштѣм = рѣс, лѣс, клѣрус, пѣмум. Долготный акутъ Греческаго языка Главкъ Самскій характеризуетъ названіемъ ἀναπλαζομένη, противопоставляя его такимъ образомъ циркумфлексу (ἀναπλαζομένη = περισπωμένη); Аркадій же говоритъ, что это удареніе прямо вытягивается вверхъ и заостряется, и подобится пущенной стрѣлѣ (ἡ ἀνω τείνουσα καὶ εὐθεία καὶ εἰς ὄψιν ἀπολήγουσα, εἰκοῦτα τοῖς βέλοισιν τοῖς ἐπιμένεισι). Эти опредѣленія вполне подходятъ къ восходящему ударенію: очевидно слова ἀγών, ἀκούω; ἤλιος, spīgā, āridus = агѣн, акуѣ, хѣлнос, спѣрѣ, āридус. За тожество греческаго циркумфлекса и долготнаго акута съ соответственнымъ сербскими знаками говорятъ также одинакій у Грековъ и у Сербовъ законъ стяженія, по которому два гласныхъ, съ удареніемъ на первомъ, сливаются въ одинъ циркумфлектованный, когда же удареніе было на второмъ гласномъ, то является акутъ: греческимъ φῶς, νόος, τιμῶ, φιλέи изъ φάος, νόος, τιμάω, φιλείи вполне аналогичны сербскія грѣт, сѣт, прѣ, стрѣ, вѣ, стѣ, ѣр, ѣмо изъ грѣот, сѣат, прѣа, стрѣа, вѣо, стѣо, ѣар, ѣамо¹⁾ = грѣхот, сѣхат, прѣха, стрѣха, вол, стол, ѣхар, ѣамо; греческимъ ἦν, ἰστώς вм. ἱάν, ἰσταώς — бѣна, вм. бѣдна (болѣна), мѣба, вм. мѣдба (мольбѣ), (вѣлак) вѣка, вм. вѣдка, сѣнѣ, вм. сѣднѣ = солѣнѣ солѣнымъ, (стѣлац), стѣца, вм. стѣдца. — Еще до Ягича, Себастьянъ Жепичъ заявилъ о тожествѣ нисходящаго и восходящаго удареній съ греческимъ циркумфлексомъ и долготнымъ акутомъ; впрочемъ, въ доказательство своего взгляда, онъ ссылается только на законы стяженія, не приводя показаній древнихъ грамматиковъ²⁾.

Какъ отмѣчено уже выше, и второстепенные слоги въ Сербскомъ языкѣ произносятся съ нѣкоторымъ напряженіемъ и какъ бы получаютъ второстепенное удареніе. Удареніе это замѣтнѣе на долгихъ гласныхъ, которые произносятся съ понижающимся голосомъ, т. е. получаютъ второстепенное нисходящее удареніе, обозначаемое у меня, по примѣру Мажуранича, просто знакомъ долготы, нпр. пѣяс, хѣдѣк, рѣднѣк земледѣлецъ, рѣзбѣж (= крѣсна), болѣснѣк, сѣрдѣбнѣж жалостный, намастѣрѣште монастырище. Караджичъ и его послѣдователи и надъ второстепенными долгими слогами пишутъ свой округленный циркумфлексъ—пѣяс, зѣдѣѣе, пѣтам, и второстепенное удареніе ставятъ на одну доску съ главнымъ. Указанный недоста-

¹⁾ Принимать, вѣстѣ съ Ягичемъ, между ѣар, ѣамо и ѣр, ѣмо еще переходную ступень ѣар, ѣамо совершенно излишне.

²⁾ Žepić, Seb. Izvještja ili programe nekterih slovenskih in hrvaških gimnazij, pa metogredé nekaj slovniških opazek. Novice gospodarske, obrtniške i narodne. 1867.

токъ Караджичева акцентовація первый отмѣтилъ Миклошичъ, который гласные со второстепеннымъ нисходящимъ ударениемъ считаетъ просто долгими. Того же взгляда держатся Мажураничъ и Будмани, тогда какъ Даничичъ вполне соглашается съ Вукомъ ¹⁾. Примирительный и единственно правильный взглядъ на дѣло, по коему слѣдуетъ допустить двойное нисходящее удареніе, главное и второстепенное, впервые былъ высказанъ Новаковичемъ ²⁾. Второстепенный характеръ неначального нисходящаго ударенія косвеннымъ образомъ призналъ и самъ Караджичъ, когда онъ сказалъ, что въ словѣ *крѣмѣн* и въ подобныхъ ему (также и въ словахъ, въ родѣ *јунѣк*) второй слогъ протяжнѣе перваго, но зато первый рѣзче, такъ что слова эти должны считаться не ямбами, а хорейми, и что слова *тѹѣнка*, *пѹштај ме*, *пѹиграј*, *дѹнеклѣ*, по той же причинѣ, суть тоническіе дактили ³⁾.

Мы видѣли, что, по качеству, въ Сербскомъ языкѣ существуютъ четыре ударенія. Качество ударенія (рѣже мѣсто его, какъ въ Русскомъ языкѣ) иногда служитъ для различенія подобозвучныхъ словъ: нѣкоторыя слова, состоящія изъ однихъ и тѣхъ же звуковыхъ элементовъ, отличаются однако другъ отъ друга по ударенію: *сѹмнѣ fumagii genus*, *сѹмнѣ* (отъ *сѹм*, *сѹма*) *сомикъ*; *сјѣница* (ум. отъ *сјѣна тѣнь*) *бесѣдка*, *сјѣнѣца* *синица*; *сјјати сјѣтъ*, *сјјати сјѣтъ*; *кѹбѹк*, *кѹбука* *bullae aquae bullientis*, *кѹбѹк*, *кѹбука* *копакъ*, *шляпа*; *лѣто* (= *лѣто*) *лѣто*, *лѣто*, *летокъ* (въ *ульи*); *мѹша* *промахъ*, *мѹша* = *вѹтрѣя* *Feuerschaufel*, *batillum*; *трѹјица* *Троица*, *трѹјица* *тройка*, *трое*; *Трѹвица* *помен feminae*, *трѹвица* *травка*; *мѹлина* *raliugus*, *мѹлина* *raicitas*; *јѹрица* *молодая коза*, *јѹрица* *яровая пшеница*; *бѹсма* *заговоръ*, *бѹсма* *lintheum pictum*; *пѹра* *паръ*, *пѹра* *пара* (*турецкая монета*); *пѹша* *пастбище*, *пѹша* *паша*; *бѹцати* (отъ *бѹсти*) *колотъ*, *бѹцати* *бросать*; *пѹс* = *пѹѣс*, *пѹс* *пѣсь*; *бѹку*, *нѹсу* *дат. къ бѹк*, *нѹсъ*, *бѹку*, *нѹсу*—*мѣстн.*; *крѹј* *сущ.*, *крѹј* (*край*) *предл.*; *брѹх*, *брѹсмо*, *брѹсте* *имперфектъ глаг.* *брѹти*, *брѹх*, *брѹсмо*, *брѹсте*—*аористъ*; *сѹд* *неие Pflanzung*, *сѹд* (= *сѹда*) *теперь*; *рѹд* *трудъ*, *рѹбота*, *рѹд* *прил.*; *кѹд* *ладанъ*, *кѹд* (= *кѹда*) *когда*; *дѹга* *бочарная доска*,

¹⁾ Къ этому вопросу вернусь еще впоследствии, въ историческомъ обзорѣ сербохорватскаго акцентовація, см. ниже.

²⁾ Новаковић, Ст. Физиологија гласа и гласови српскога језика. У Београду 1873 (на по се штампано из Гласника XXXVII), стр. 75.

³⁾ Истина да је онај слог, који се назначује са [˘] дужи од онога који се назначује са [˘] (или са [˘]), али будући да је овај оштрији од онога, за то бих рекао, да се озвуче ријечи прије могу узети за трохеје него за јамбе, као и ријечи и. н. *тѹѣнка*, *пѹштај ме*, *пѹиграј*, *дѹнеклѣ* за дактиле. Вука Стеф. Караџића писмо Јовану Стерији Поповичу о српској просодији. Miklosich u. Fiedler. Slavische bibl. thek. V. II S. 233.

луга радуга; мука мука, мука мука; плакати плакать, плакати полоскати; ступати толочь (ступа), ступати наступати; луг, луга (лугъ) рошча, гѣсь, луг, луга щекокъ; сѹд, сѹда сосудъ, сѹд, сѹда судъ; Лука Лука, лука (лукъ) заливъ, поемный лугъ (Апе); лугу, сѹду дат. п. къ луг, сѹд, лугу, сѹду — мѣстные; подмѣтати subjiсere, подмѣтати intermисere; подплакати поплакати, поплакати выполоскати; петѹк, петѹка петѹкѹ, -ѹ (5 пѣра), петѹк, петѹка Петѹкѹ, -тѹѹ = Пятница; хладникъ, хладника зонтикѹ, хладник, хладника саза frondea и т. д.¹⁾ Замѣчательное явленіе представляет слово *друга*, которое, смотря по качеству ударенія и по количеству послѣдняго слога, можетъ звучать на четыре лада, получая притомъ каждый разъ иное значеніе. Маріанъ Шуничъ приводитъ слѣдующіе стихи, изъ коихъ одинъ содержитъ это слово во всѣхъ четырехъ видахъ:

Двѣ се друге ђ другу свѣдѹю.
 Једна велѣ: пусти мѡју другу.
 Другѹ друга: другѹ друга мѡга
 Тѡ је, рѣкав, измѡче из шѡкѹ,²⁾

что значить, въ русскомъ переводѣ: двѣ товарки спорили о веретенѣ. Одна говоритъ: оставь мое веретено. Другая товарка, сказавши «это веретено моего друга», вырвала его у нея изъ рукъ.

Акцентовка сербская, конечно, не чужда нѣкоторому мѣстному разнообразію, но, въ главныхъ чертахъ, она вездѣ одинакая: только на сѣверо-восточномъ берегу Адриатическаго моря и на прилегающихъ островахъ живутъ такъ называемые *Чакавци* (Хорваты, сербскаго языка), рѣчь которыхъ мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной сербской рѣчи (Штокавщины), но значительно расходится съ нею въ акцентовкѣ: 1) Чакавщина не знаетъ штокавскаго закона, по которому долгіе гласные возможны только послѣ ударяемаго слога, а не въ предшествующихъ слогахъ: произносятъ, напр. зѣдати (шток. зѣдати), чѣдѣдѣ (шток. чѣдѣде) и т. д. 2) Она не знаетъ слабого ударенія; 3) вмѣсто нисходящаго, нерѣдко ставитъ восходящее;

¹⁾ Приведенные примѣры взяты, по большей части, у Микловича (Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. S. 319—320), но проверены и дополнены по Вукову словарю. Дѣйствительной полноты ихъ я, конечно, не достигъ, да и не догадался ее.

²⁾ Šunić, Marianus. De vera orthographia, pag. 36.—Не знаю, взяты ли эти стихи изъ народной пѣсни, или сочинены самимъ Шуничемъ: приводя ихъ, онъ говоритъ «ergo pro exemplum in versibus, prout vulgus profert in Bosnia». Во всякомъ случаѣ, они очень похожи на стихи Цумпта и Кюнера.

4) относительно мѣста ударенія, Чакавцы почти всегда расходятся со Штокавцами — акцентовка ихъ вполне вольная, между тѣмъ какъ штокавская вольность подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Законы, стѣсняющіе штокавское удареніе, суть слѣдующіе:

1. Удареніе не можетъ падать на послѣдній слогъ. Такъ произносятъ: слуга вели, да је вода добра, али да је вино боље од воде; между тѣмъ какъ чакавцы говорятъ: слуга вели да је вода добра, али да је вино боље од воде¹⁾.

2. Ударенія рѣзкое и нисходящее имѣютъ мѣсто лишь на первомъ слогѣ: ко̀ло, до̀лово, ја̀бука, су̀нце, пи́шемо, па̀мѣње; также и въ односложныхъ словахъ, какъ бра̀т, гра̀д. Чакавцы, какъ уже сказано, не знаютъ такого закона: въ ихъ говорѣ слышатся напр., ко̀била, ко̀љено, сло̀бода, ко̀па̀мо (мы копаемъ), ма̀жура̀на (растение amagasis), десна̀м ру̀комъ²⁾.

Опредѣлить, какое удареніе должно имѣть въ Сербскомъ языкѣ первообразное слово, такъ же невозможно, какъ и въ Русскомъ языкѣ, и даже удареніе производныхъ словъ не всегда вытекаетъ изъ положительныхъ законовъ. Для именныхъ формъ, которыя у меня служатъ представителями разбираемыхъ языковъ, у Сербовъ можно указать только слѣдующія, довольно неопредѣленные, положенія.

1. Удареніе односложныхъ словъ.

Въ именительномъ падежѣ эти слова, если они представляютъ краткій слогъ, должны, по выше указанному закону, имѣть рѣзкое удареніе,

¹⁾ Выговоръ, подобный чаковскому слуга, у Штокавцевъ можетъ явиться только при соединеніи двухъ словъ подъ однимъ удареніемъ, какъ мо̀ј ко̀вь, та̀ј дво̀р. Кроме того, онъ свойственъ неопредѣленнымъ мѣстоименіямъ и нарчціямъ, сложнымъ съ частицею (собственно глаголомъ) годъ (тко̀годъ, кудго̀д и т. д.), которыя, можетъ быть, было бы лучше писать раздѣльно. (Они, впрочемъ, иногда произносятся тко̀год, кудго̀д). Въ Вуковомъ словарѣ также акцентованъ предлогъ сасрѐд; но предлогъ образуетъ одну акцентную единицу со своимъ именемъ, такъ, что послѣдній слогъ его не составляетъ послѣдняго слога акцентной единицы, а кроме того, судя по вполне аналогичнымъ словамъ исред, испред, испод, это слово должно бы было остаться безъ просодіи и отищено ею по недосмотру.

²⁾ Въ словарѣ Караджича мы тоже находимъ нѣкоторыя слова, отступающія отъ указанного закона, каковы очевидни, очиглѣдни, зломйшѣнѣк, злопдглѣѣа. Это — слова, по большей части, сдвинутыя (слитныя) и еще не вполне сросшіяся, первые два, конечно, позднѣйшаго образованія и притомъ искусственныя, книжныя; очевидни едва-ли ни заимствовано изъ Русскаго языка.

если же гласный ихъ дологъ, то — нисходящее: брѣт, хлѣбъ, рѣс, Рѣс; грѣд, рѣд, крѣж, пѣт.

У Чакавцевъ, односложки не чуждаются и восходящаго ударенія, нпр. бѣн, бѣј, квѣр (вредъ). Иногда у нихъ, по ударенію, измѣняется значеніе слова, такъ лѣг значитъ гѣсъ, роцца, а лѣг — щелокъ (lixivia), сѣд значитъ бочка, а сѣд — судъ, судилище. У Штокавцевъ подобныя слова, въ именительномъ падежѣ, звучатъ совершенно одинаково, и разница между ними появляется только въ косвенныхъ падежахъ: родительные падежи произносятся у однихъ лѣга, сѣда (роцца, бочки), у другихъ — лѣга, сѣда.

Двусложные падежи, при односложномъ именительномъ, обыкновенно имѣютъ всѣ одинаковое удареніе, такъ что, зная удареніе одного изъ нихъ, нпр. родительнаго, мы знаемъ и всѣ остальные. Но удареніе родительнаго падежа бываетъ довольно разнообразное.

1. Краткіе односложки и въ родительномъ падежѣ (и вообще во всѣхъ, за исключеніемъ р. множ. ч.) имѣютъ коренной слогъ краткій и потому могутъ имѣть лишь двоякое удареніе.

а) Въ род. падежѣ является то же рѣзкое удареніе, которое было и въ именительномъ, нпр. брѣт, брѣта; грѣд, грѣда (градъ); дѣм, дѣма. Такъ же произносятся эти слова и въ Чакавскомъ говорѣ.

б) род. представляетъ удареніе слабое: бѣб, бѣба; кѣн, кѣна; кѣрст, кѣрста. Чакавцы и въ род. падежѣ ставятъ рѣзкое удареніе, но не на корень, а на флексію: бѣб, бѣба; кѣн, кѣна; кѣрст, кѣрста.

2. Род. падежи долгихъ односложекъ бываютъ со всякимъ удареніемъ, такъ какъ коренной слогъ, въ косвенныхъ падежахъ, иногда сокращается.

а) Въ род. падежѣ слышится то же нисходящее удареніе, какъ въ им. падежѣ: дѣр, дѣра; сѣн, сѣна; вѣк, вѣка. Такъ же и у Чакавцевъ.

б) Является удареніе восходящее: крѣл, крѣла; нѣж, нѣжа; пѣт, пѣта.

Совершенно не такъ произносятся эти слова Чакавцами, у которыхъ въ им. падежѣ слышится восходящее удареніе, а въ косвенныхъ — рѣзкое удареніе, на флексіяхъ: крѣл, крѣла; нѣж, нѣжа; пѣт, пѣта.

в) Коренной гласный въ род. падежѣ кратокъ и получаетъ удареніе рѣзкое, какъ то: вѣз, вѣза; дѣм, дѣма; крѣј, крѣја. По-чакавски, нѣкоторыя изъ этихъ словъ представляютъ въ им. падежѣ восходящее удареніе, нпр., крѣј, рѣј.

г) Коренной гласный также кратокъ, но произносится со слабымъ удареніемъ: вѣл (вѣ), вѣла; стѣл (стѣ), стѣла; двѣр, двѣра (или двѣра). У Чакавцевъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ им. падежѣ имѣютъ не нисходящее удареніе, а восходящее, а въ косвенныхъ падежахъ оно, въ видѣ рѣзкаго, падаетъ на флексію, нпр. двѣр, двѣра.

II. Обь удареніи двусложныхъ женскаго и средняго рода.

Разногласіе между удареніемъ имен. падежа и косвенныхъ падежей, у существительныхъ мужскаго рода, обусловлено, кажется, главнымъ образомъ, онѣмѣніемъ флексіи им. падежа: первообразныя слова женскаго и средняго рода всегда имѣютъ въ род. пад. такое же удареніе, какое и въ именительномъ: кнѣга, кнѣгѣ; село, села; прѣвда, прѣвдѣ; сукно, сукна. Однако, эти слова также представляютъ иногда отступленія отъ главнаго закона: нпр. слова вода, глава образуютъ вин. ед. ч. и имен. множ. воду, водѣ; главу, главѣ, слово село — имен. множ. села. Большая часть словъ мѣняется удареніе въ род. множ., который и по количеству обыкновенно расходится съ остальными падежами. Такъ, род. мн. отъ словъ кнѣга, вода, село, чѣвка будутъ кнѣгѣ, водѣ, селѣ, чѣвкѣ¹⁾. Чакавцы, вмѣсто штокавскихъ село, села, вода, глава, сукно, сукна, произносятъ селѣ, селѣ, водѣ, главѣ, сукнѣ, сукнѣ.

III. Удареніе двусложныхъ словъ муж. рода.

Двусложныя слова муж. рода далеко не все имѣютъ постоянное удареніе, какъ жѣчам, жѣчма (ячмень), Лѣпань, Лѣпья (Іюнь), жѣзик, жѣзика, гѣвран, гѣврана; а именно бываютъ слѣдующія перемѣны:

1. У равносложныхъ словъ.

а) рѣзкое удареніе можетъ смѣняться слабымъ, что, впрочемъ, случается только въ двухъ—трехъ словахъ, которыя стали двусложными, благодаря вставочному гласному: Пѣтар, Пѣтра; дѣбар, дѣбра (прил.). Слова эти первоначально принадлежали къ той же категоріи, какъ ковь, бѣб и т. д. (Петръ, Петра, какъ бѣбъ, бѣба). Чакавцы произносятъ Пѣтар, Пѣтра; дѣбар, дѣбра.

б) Слогъ, краткій въ им. падежѣ, въ род. протягивается, вслѣдствіе чего рѣзкое удареніе смѣняется нисходящимъ: пѣлап, пѣлпа (большой палецъ), Пѣвао, Пѣвла; стѣрап, стѣрца и т. д.

в) Подобнымъ же образомъ, вмѣсто слабаго ударенія, можетъ явиться восходящее: кѣнап, кѣнца (конѣцъ, нить); лѣнап, лѣнца (горшокъ); ѣван,

¹⁾ Это правило относится также къ словамъ мужскаго рода: нпр. ковь, грѣб, грѣд образуютъ род. мн. ковьѣ, грѣбѣвѣ, грѣдовѣ. Можно замѣтить, что два послѣднихъ слога въ этомъ падежѣ, почти безъ исключенія, бываютъ долгими.

овна и т. п. У Чакавцевъ удареніе этихъ словъ падаетъ, во всѣхъ падежахъ, на окончаніе: конѡцъ, коѡнцѡ; лонѡцъ, лѡнцѡ: овѡнъ, ѡвнѡ.

г) Бываетъ и то, что нисходящее удареніе смѣняется восходящимъ, но это встрѣчается лишь изрѣдка у прилагательныхъ: дѣчан, дѣчна (славный); дѣжан, дѣжна; мѣтан, мѣтна; рѣдакъ, рѣтка и т. д. ¹⁾ По-чакавски удареніе переходитъ на флексію: дѣчан, дѣчна; дѣжан, дѣжна; мѣтанъ, мѣтна; рѣдакъ, рѣтка.

2. Слова разносложныя.

а) Нѣкоторыя реченія, какъ въ именительномъ, такъ и въ родительномъ имѣютъ удареніе слабое, но въ послѣднемъ оно на одинъ слогъ ближе къ концу, нпр. коѡпъ, коѡпа (канать); мѣдрацъ, мѣдраца; жѣвѡтъ, жѣвѡта. Въмѣсто этого слабого ударенія на предпослѣднемъ слогѣ, у Чакавцевъ является также подвижное *рѣзкое* удареніе, которое держится послѣдняго слога: коѡпъ, коѡпа; мѣдрацъ, мѣдраца; жѣвѡтъ, жѣвѡта.

б) Подвижное слабое удареніе въ род. падежѣ оказывается на долгомъ гласномъ и является въ видѣ восходящаго, какъ то: звѡнѣръ, звѡнѣра; јѣнѣкъ, јѣнѣка; коѡлѣчъ, коѡлѣча; паѣстѣръ, паѣстѣра, рукаѡвъ, рукаѡва. Чакавское удареніе и въ этихъ словахъ постоянно падаетъ на окончаніе: звѡнѣръ, звѡнѣра; јѣнѣкъ, јѣнѣка; коѡлѣчъ, коѡлѣча; паѣстѣръ, паѣстѣра; рукаѡвъ, рукаѡва.

в) Иногда гласный, долгій въ именительномъ падежѣ, въ родительномъ бываетъ кратокъ, вслѣдствіе чего нисходящее удареніе смѣняется рѣзкимъ: прѣсе, прѣсета; јѣне јѣнета; ждрѣбе, ждрѣбета.

г) Изрѣдка рѣзкое удареніе косвенныхъ падежей соотвѣтствуетъ не нисходящему ударенію им. падежа, а восходящему, нпр. врѣме, врѣмена (вријеме, врѣмена).

д) Также рѣдко (чуть ли ни разъ всего) восходящее удареніе им. падежа, въ другихъ падежахъ смѣняется слабымъ: дѣте, дѣтета. Иначе произносятъ это слово Чакавцы, а именно дѣтѣ дѣтѣта.

IV. Удареніе трехсложныхъ словъ.

1. Удареніе падаетъ на первый слогъ:

а) въ видѣ рѣзкаго: јѣзеро, маѣхеа, ѡлово и т. д.

¹⁾ Караджичъ пишетъ: дѣчан, чна, чно; дѣжан, жна, о, мѣтан; тна, тно; ријѣдакъ, тка, тко. Но, какъ видно изъ показанія Мажуранича, это не всеобщій выговоръ, а изъ общихъ выводовъ о сербской акцентовкѣ читатель самъ собою догадается, почему я предпочелъ въ этомъ случаѣ поставить ударенія по Мажураничу и Караджичевы дѣчна, дѣжан и т. д. считаю позднѣйшимъ продуктомъ аналогіи.

б) На первомъ слогѣ является удареніе слабое: гѡмѡла (куча), кѡлѡба, лѡвада, лѡпата, пѡгача, кѡпѡто, кѡдено и т. д. Въ Чакавщинѣ, вмѣсто слабого ударенія на первомъ слогѣ, слышится рѣзкое, на второмъ: гѡмѡла, кѡлѡба, лѡвада, лѡпѡта, пѡгѡча, кѡпѡто, кѡлѡно и т. д.

в) Первый слогъ дологъ и получаетъ нисходящее удареніе: бѡјница, здравѡице, пѡтѡнна viaticum, пѡмѡтѡти (помнить).

г) Первый слогъ опять-таки дологъ, но удареніе его восходящее: скѡкавац (кузнечикъ), крѡлевство, грѡдѡти, писѡти. Чакавцы произносятъ скѡкавац, крѡлевство, грѡдѡти, писѡти.

Послѣдніе два случая довольно рѣдки, т. к. первый слогъ, въ трехсложныхъ словахъ, обыкновенно бываетъ краткимъ: даже коренной гласный, долгій въ первообразномъ словѣ, нерѣдко сокращается въ производныхъ, нпр. крѡль, но крѡльѡца; гѡз (бродь), но гѡзитѡи; кнѡз, но кнѡгѡвѡя и т. п.

2. Трехсложное слово можетъ имѣть удареніе на второмъ слогѣ, а именно:

а) слабое. Тутъ надо различать два случая:

а) удареніе бываетъ неподвижное, и, если иногда косвенные падежи отступаютъ отъ именительнаго, такъ тѣмъ, что сокращаютъ, долгій въ именительномъ, гласный наставки. Таковы слова кукурѡза, кукурѡза; слѡбѡда, слѡбѡдѣ; гѡспѡдѡн, гѡспѡдѡна. У Чакавцевъ удареніе также неподвижное, которое въ именительномъ падежѣ приходится на 'зачерный слогъ и, смотря по количеству гласнаго, является то въ видѣ рѣзкаго, то въ видѣ восходящаго: кукурѡз, кукурѡза; слѡбѡдѡ, слѡбѡдѣ; гѡспѡдѡн, гѡспѡдѡна.

б) Въ косвенныхъ падежахъ удареніе приближается на одинъ слогъ къ концу слова и, очутившись на долгомъ гласномъ, становится восходящимъ, нпр. гѡспѡдѡр, гѡспѡдѡра; Вѡраждѡн, Вѡраждѡна; болѡснѡк, болѡснѡка; вѡсѡльѡк, вѡсѡльѡка; богѡтѡш, богѡтѡша. Въ Чакавщинѣ удареніе всегда стоитъ на конечномъ слогѣ, въ видѣ восходящаго или рѣзкаго: гѡспѡдѡр, гѡспѡдѡрѡ, Вѡраждѡн, Вѡраждѡнѡ; болѡснѡк, болѡснѡкѡ и т. д.

б) Трехсложка можетъ имѣть на среднемъ слогѣ восходящее удареніе, что, впрочемъ, встрѣчается лишь изрѣдка. Тутъ опять-таки различаются два случая:

а) удареніе проходитъ по всѣмъ падежамъ, нпр. вѡсѡлье (по Мажураничу вѡсѡлье).

б) Удареніе, хотя и неподвижное, мѣняется: вмѣсто восходящаго, является слабое, нпр. чѡлѡде, чѡлѡдѡта (служанка). Произносятъ, впрочемъ, и чѡлѡдѡта (такъ пишетъ Караджичъ). По-чакавски это слово звучитъ чѡлѡдѣ, чѡлѡдѡта.

Представивъ, такимъ образомъ, картину разнообразія и измѣчивости

удареній въ Сербскомъ языкѣ, остается еще указать на мѣну удареній въ предложеніи и опредѣлить соотношеніе акцентовокъ штокавской и чакавской. Изложу сначала ученіе о прислонкахъ.

Точно такъ же, какъ въ Русскомъ языкѣ — и какъ, должно быть, во всѣхъ языкахъ, безъ исключенія — и у Сербовъ есть слова, которыя не имѣютъ никакой самостоятельности, а примыкаютъ къ другому слову и составляютъ съ нимъ одно звуковое цѣлое, подъ общимъ удареніемъ, нпр. здравъ сам (сдравъ есмь), рѣчи ми, на кѣва, у граду, обесѣлили смо му се¹⁾.

Часть этихъ словъ — атонки, которыя просто сливаются съ предшествующимъ имъ болѣе важнымъ словомъ и становятся подъ его удареніе. Таковы 1) сокращенныя формы существительнаго глагола: сам, си, је, смо, сте, су, 2) сокращенныя формы глагола хотѣти: љу, љеш и т. д.; 3) краткія формы личныхъ и возвратнаго мѣстоименій: ме, те, се, га и т. д.; 4) частицы бо, ли, но, ре, зи, ка: кадали, ѡвизи и т. д.; 5) аористъ глагола кыти, когда онъ служитъ для описанія соглаголительнаго наклоненія: рѣкао би, писали бисмо. Впрочемъ, на аористъ отъ кыти иногда падаетъ сила рѣчи, и въ такомъ случаѣ онъ не лишень ударенія, нпр. пѣта ме, да ли бѣхъ писао, љли нѣ.

Прочія несамостоятельныя слова — прислонки. Слова этого рода въ Сербскомъ языкѣ еще чаще, нежели въ Русскомъ, принимаютъ удареніе, а кромѣ того въ немъ ихъ болшее количество: въ числѣ прислонокъ оказываются не одни предлоги, но также и нѣсколько союзовъ. Союзы эти слѣдующіе: 1) и, те, ни, да и 2) а, па, пак, или. Вторая группа союзовъ отличается отъ первой тѣмъ, что перетягиваетъ на себя удареніе только съ односложныхъ словъ, а первая — со всякихъ¹⁾. Такимъ образомъ, мы находимъ слѣдующіе примѣры неударяемости существительныхъ и глаголовъ: предъ кућомъ, крѡзъ гору, на камѣн, подъ руком, молимъ те да пишеш; ја хѡђу, а братъ нѣше; или Богъ или врагъ и т. д. Переходъ ударенія на прислонку совершается по слѣдующимъ законамъ:

Теряютъ свое удареніе только слова, съ рѣзкимъ или съ нисходящимъ удареніемъ²⁾, при чемъ

1. Рѣзкое удареніе а) переходитъ на предлогъ въ видѣ слабаго: братъ,

¹⁾ Какъ видно изъ послѣдняго примѣра, ударяемый слогъ въ такихъ случаяхъ можетъ нѣтъ за собою довольно значительное число неударяемыхъ.

²⁾ Когда за этими союзами слѣдуетъ атонка, то они (кромѣ двухъ, и и а) становятся самостоятельными словами, съ рѣзкимъ удареніемъ: да би љ лута змија била (хоть бы и лютую змию).

³⁾ Этотъ законъ отиѣталъ уже Караджичъ. Slav. bibl. V. II, S. 235.

брѣта—за брата, кѹла—прекѹ кућѣ. Чакавцы не знаютъ такого перехода ударенія, а говорятъ за брѣта, преко кућѣ и т. д.; б) съ нѣкоторыхъ словъ рѣзкое удареніе идетъ на предлогъ также въ видѣ рѣзкаго: на воду, за гору, низъ поле, подъ камѣн¹⁾. Тѣ же слова и въ Чакавщинѣ передаютъ свое удареніе предлогу.

2. Нисходящее удареніе также переходитъ на предлогъ, то въ видѣ рѣзкаго ударенія, то въ видѣ слабого, но оставляетъ, конечно, по себѣ долготу.

а) При нѣкоторыхъ словахъ односложные предлоги получаютъ рѣзкое удареніе, а двусложные — слабое, на первомъ слогѣ: на зид, подъ главу, преко сѹнца, иза града. Всѣ эти именныя формы произносятся одинаково и по-штокавски, и по-чакавски, и Чаковцы такъ же переносятъ удареніе на предлогъ; только что двусложные предлоги у нихъ получаютъ рѣзкое удареніе на конечномъ слогѣ: прекѹ сѹнца, иза града²⁾.

б) Другія слова съ нисходящимъ удареніемъ передаютъ удареніе только на одинъ слогъ впередъ, въ видѣ слабого: на двѹр, у Бѣч (въ Вѣну), за правду, кодъ мајстора. Эти слова у Чакавцевъ имѣютъ не нисходящее удареніе, а восходящее, которое вовсе не переходитъ на предлогъ: произносятся на двѹр, у Бѣч, за правду, кодъ мајстора.

Когда удареніе переходитъ на союзъ, то оно, насколько мнѣ извѣстно, всегда бываетъ слабымъ: ѿ коѿ ѿ крава; кѹнѣмъ ти си ѿ Богомъ ѿ верѹм; нѣ ја, нѣ ти, нѣ хлеба, нѣ соли; да иде. Однако Будмани говорятъ, что проклитичные союзы слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, какъ и предлоги, и первый авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, Караджичъ, пишетъ три гроша ѿ марјаш³⁾.

Ударенія слабое и восходящее никогда не переносятся на предлоги, ниже на союзы: говорятъ безъ водѣ, са зѣмљѹм, на главѣ, одъ народа, и вола и ѹвна. У Чакавцевъ, тѣмъ болѣе, удареніе падаетъ не на проклитику; но оно несогласно со штокавскимъ: безъ водѣ, подъ рѹкѹм, на главѣ, одъ народа, и вола и ѹвна.

¹⁾ Таковы всѣ рѣзкоударяемые винительные надежи, при слабоударяемыхъ именительныхъ: нѹгу (им. нѹга), воду, зѣмљу, зѹру и т. д. Таковы же нѣкоторыя слова среднего и мужескаго рода: блѣто, бѣрдо, гѹвѹбрь, камѣн, корѣк (шагъ), кѹмад (кусокъ), ѹбљѣк.

²⁾ Предлоги кроз, низ, уз, нуз принимаютъ иногда еще а, которое, однако, при акцентѹкѣ не принимается въ расчетъ: говорятъ кроза зид, низа страну и т. д. Мажураичъ видитъ въ этомъ доказательство, что прибавлять а къ этимъ предлогамъ стали довольно поздно, когда удареніе успѣло уже установиться; но, кажется, а все-таки можно считать перезвукомъ ѣ, а удареніе кроза им. кроза объяснять дѣйствіемъ аналогіи: крозъ градъ, такъ и кроза зид.

³⁾ P. Budmani. Grammatica della lingua serbo-croata, § 275, pag. 145. — Караджичъ. Рјечникъ 1852, подъ словомъ марјаш.

Надо замѣтить, что и слова съ рѣзкимъ и съ нисходящимъ удареніемъ не всегда передаютъ его предлогу: рядомъ съ на преслицу слышится также на прѣслицу, рядомъ съ прекò куѣ — преко куѣ; произносить од радости и од рáдости, за око и за òко, за глѣс и за глѣс, за слѣх и за слѣх. Указать тутъ точныя правила едва-ли возможно¹⁾.

Иногда существительное рѣзкаго или нисходящаго ударенія съ прилагательнымъ, или съ другимъ самостоятельнымъ словомъ, сливается подобнымъ же образомъ, какъ съ проклятикою: такъ вм. добар дѣн; добро јутро, добар вечѣ, добра нѣн, у очи свѣтѣга Вида, код свѣтѣга Лѣкѣ, како си? добро, како тѣ? — произносятъ также добар дѣн, добрò јутро, добар вечѣ, добра нѣн, у очи светогà Вида, код светогà Лѣкѣ, како си? добро, како тѣ²⁾?

Количественныя числительныя могутъ употребляться, какъ настоящія проклятики, т. е., если стоящее при нихъ существительное имѣетъ удареніе рѣзкое, или нисходящее, то оно можетъ передать удареніе числительному, въ видѣ слабаго, или въ видѣ нисходящаго: четири мѣже, седам пѣра, осам рѣна, девѣт куѣна, десѣт кѣла вм. чѣтири куѣне, седам пѣра, òсам рѣна, дѣвѣт куѣна, дѣсѣт кѣла; два цара, двѣ кокоши, три брата, пѣт пѣрста, шѣст месѣца вм. два цѣра, двѣ кѣкоши, три брѣта, пѣт пѣрста, шѣст мѣсѣца. Прислоненіе существительнаго къ числительному возможно лишь тогда, когда на числительное не падаетъ сила рѣчи, иначе оба слова получаютъ самостоятельное удареніе: два брѣта, двѣ пушке, три цѣра, чѣтире куѣне и т. д. Этотъ законъ, который на первый взглядъ кажется совершенно непонятнымъ, объяснится впоследствии.

Общє вывод.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ штокавской и чакавской акцентовокъ нетрудно убѣдиться, что между этими, столь разногласными акцентовками существуетъ извѣстное постоянное соотношеніе: *удареніе у Штокавцевъ, почти всегда, на одинъ слогъ ближе къ началу слова, чѣмъ у Чакавцевъ*. Это общее положеніе можно еще точнѣе опредѣлить въ двухъ пунктахъ.

1) Чакавскому ударенію на первомъ слогѣ соотвѣтствуетъ штокавское удареніе на томъ же мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, и качество удареній одинаковое; только что, вмѣсто чакавскаго восходящаго, у Штокавцевъ находимъ, за немногими исключеніями, нисходящее удареніе. Итакъ, чакавскія

¹⁾ Gj. Daničić. Rad VI, str. 194.

²⁾ Добрò јутро, добар вечѣ весьма употребительны, прочія формулы слѣдуетъ считать провинциализмами. Карац. Пословице XL.

око, мѣсо произносятся такъ же и Штокавцами; а, вм. чакавскаго пѣшѣм, говорятъ пѣшѣм.

2) Если чакавское удареніе приходится на какой-либо другой слогъ, то оно въ Штокавщинѣ падаетъ на предшествующій слогъ, въ видѣ слабаго, или въ видѣ восходящаго, смотря по количеству встрѣтившагося ему гласнаго: по-чакавски произносятся вода, вино, доброта, градѣти, не знам, не дам; по-штокавски — вода, вино, доброта, зидати, не знам, не дам.

Такимъ образомъ, зная чакавское удареніе и количество предшествующаго ему слога, легко опредѣлить, какъ то-же слово выговаривается по-штокавски.

Не такъ просто, отъ даннаго штокавскаго ударенія, заключить къ чакавскому. Правда, когда удареніе приходится на краткій слогъ, то не можетъ быть никакого затрудненія, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, возможно только одно удареніе: штокавскія кнѣга, језеро, съ рѣзкимъ удареніемъ, должны такъ же произноситься и по-чакавски; также слова водѣца, ширина прямо указываютъ на чакавскій выговоръ водѣца, ширина. Но, когда удареніе падаетъ на долгій слогъ, ни по какимъ соображеніямъ не узнаешь будетъ ли оно нисходящее, или восходящее. По чему знать, что злато, сѣнце произносятся такъ же и по-чакавски, а вмѣсто клѣтва, правда, говорятъ клѣтва, правда? По чему знать, что штокавскимъ пѣшѣм, мажурана (растеніе amagasicus), копамо соответствуютъ чакавскія пѣшѣм, мажурана, копамо, а не пѣшѣмъ, мажурана, копамо?

Правильное соотношеніе штокавской и чакавской акцентовки нельзя считать случайнымъ, и сама собою является мысль, что, вѣроятно, одна изъ нихъ произошла изъ другой. Но, спрашивается, какая акцентовка исконнѣе, и которую слѣдуетъ считать отступленіемъ отъ старины? Не трудно рѣшить, что основная общесербская акцентовка есть — чакавская, въ пользу чего Мажураничъ приводитъ слѣдующіе доводы:

1) Если бы предположить, что чакавскій выговоръ новѣе, т. е. образовался изъ штокавскаго, черезъ приближеніе ударенія на одинъ слогъ къ концу слова, то а) никакъ нельзя понять, почему слова, какъ сѣнце, мѣсо, кнѣга, олово, језеро, маѣхеа удержали въ Чакавщинѣ старое удареніе, а не перешли въ сѣнце, мѣсо, кнѣга, олово, језеро, маѣхеа; дагѣ б) не видно, чѣмъ бы могло обуславливаться появленіе на долгихъ слогахъ то нисходящаго ударенія, то — восходящаго: отчего изъ мажурана сдѣлали мажурана, а изъ писани — писани? Если же принять обратное отношеніе между нашими акцентовками, то все ясно и понятно: удареніе всегда приближается на одинъ слогъ къ началу слова, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно, и безъ того, стоитъ на первомъ слогѣ. Удареніемъ въ сѣнце, мѣсо и т. д. некуда идти, оттого они и остаются на мѣстѣ; но, при первой воз-

Теперь, убѣдившись, что штокавская акцентовка есть ничто иное, какъ искаженіе чакавской, мы приходимъ еще къ слѣдующимъ заключеніямъ и выводамъ.

1. Удареніе *слабое*, неизвѣстное Чакавцамъ, всегда свидѣтельствуетъ о передвиженіи акцента, который приблизился къ началу слова: такъ выговоръ гѣра, жѣльезо, добрѣта, јунѣкъ есть позднѣйшее измѣненіе чакавскаго и нѣкогда общесербскаго горѣ, жельезо, добротѣ, јунѣкъ.

2. О томъ же самомъ, за немногими исключениями, свидѣтельствуетъ, въ Штокавщинѣ, и *восходящее* удареніе: рѣка, пѣтакъ, свѣтацъ, почѣтакъ, јунаци произносятся вм. стараго рѣка, пѣтакъ, свѣтацъ, почѣтакъ, јунаци. — Исключеніе составляютъ только нѣсколько словъ съ восходящимъ удареніемъ на первомъ слогѣ, которыя, противъ обыкновенія, не промѣняли его на нисходящее, нпр. мајка (= мајка) и по-чакавски будетъ мајка, а не мајка, рѣжа (по Мажураничу, и рѣжа) будетъ рѣжа, а не рѣжа.

3. Ударенія *рѣзкое* и *нисходящее* всегда свидѣтельствуютъ о сохраненіи акцента на старомъ мѣстѣ; а, такъ какъ старое удареніе можетъ уцѣлѣть только на *первомъ* слогѣ, то эти ударенія и не являются никогда на другомъ слогѣ, кромѣ перваго.

Изъ общаго закона штокавской акцентовки вытекаютъ и правила о прислонкахъ: *прислонка, съ малымъ словомъ своимъ, принимаются за одно звуковое цѣлое, по коему удареніе передвигается на основаніи общаго закона:*

1. Какъ, вмѣсто стараго женѣ, колено, јунѣкъ, ногѣмъ произносятся жѣна, кѣлено, јунѣкъ, ногѣмъ, точно такъ же, вмѣсто у плачъ, за брата, на сѣдъ, за слѣхъ произносятся у плачъ, за брата, на сѣдъ, за слѣхъ.

2. Вполнѣ понятно и появленіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на предлогѣ рѣзкаго ударенія, какъ то: на ногу, за рѣку, на брѣдо, на вѣс и т. д. Это объясняется тѣмъ же, чѣмъ и выговоръ маѣхеа, ѡблаци, мѣлѣст, т. е. тѣмъ, что тутъ переходъ ударенія не есть новшество, а ведется изстарѣ.

3. Появленіе ударенія, и притомъ слабого, на союзахъ, также основано на общемъ законѣ Штокавщины: у Чакавцевъ, какъ и у Русскихъ, малознаменательные союзы составляютъ одно цѣлое съ болѣе важными словами, на кои и падаетъ удареніе, а у Штокавцевъ удареніе и тутъ иногда пользуется случаемъ придвинуться ближе къ началу отиѣчаемой имъ акцентной единицы, вслѣдствіе чего, ви. и краву и пса произносятся ѣ краву ѣ пса и т. п.¹⁾

4. Ясно теперь и то, почему слова съ удареніемъ слабымъ, или съ вос-

¹⁾ Появленіе на союзахъ рѣзкаго ударенія, безъ сомнѣнія, должно считать неадѣкватнымъ явленіемъ.

ходящимъ никогда не передають его предлогу, или союзу¹⁾: въ этихъ словахъ, удареніе и безъ того уже удовлетворило своему стремленію къ началу слова, такъ какъ код сѣстрѣ, на главѣ и нога и рука говорится вмѣсто первоначальнаго и чакавскаго код сестрѣ, на главѣ, и ногѣ и рукѣ.

Такимъ образомъ, въ Штокавскомъ нарѣчій Сербо-хорватскаго языка произошло, въ дѣлѣ акцентовки, совершенный переворотъ: систематическое приближеніе ударенія къ началу слова; процессъ, который я буду называть *оттяжкой*. Слѣдъ прежней акцентовки можно видѣть въ отмѣченномъ Мазингомъ явленіи, что за слогомъ съ несконнымъ (слабымъ или восходящимъ) удареніемъ всегда идетъ еще одинъ высокій и сильный слогъ, между тѣмъ какъ при рѣзкомъ и при нисходящемъ удареніи повышеніе и усиленіе голоса замѣчается только на ударяемомъ слогѣ²⁾.

Указанные законы сербской акцентовки господствуютъ во всѣхъ штокавскихъ говорахъ, хотя частныхъ уклоненій встрѣчается не мало. Поэтому, не слѣдуетъ думать, что разногласіе, которое иногда оказывается, въ дѣлѣ ударенія, между Караджичемъ и Мажураничемъ³⁾, непременно произошло отъ ошибки того, или другого: оно можетъ объясняться и тѣмъ, что слово произносится гдѣ такъ, гдѣ иначе. Самъ Караджичъ приводитъ тому слѣдующіе примѣры: въ Бѣградской области вмѣсто лѣнац горшокъ, кукурузъ, село произносятся лѣнацъ, кукурузъ, село. Въ Черногоріи, у ласкательныхъ именъ на о, вмѣсто общераспространеннаго восходящаго ударенія, является нисходящее: Ђѣко (= Ђѣрѣије), Вѣсо, Пѣјо (Пѣвао), Пѣро, Нѣко вм. Ђѣко, Вѣсо и т. д.; тамъ же вм. млијѣко, дијѣте, ријѣка (млѣко, дѣте, рѣка) слышится млијѣко, дијѣте, ријѣка. Дубровчане произносятъ госпѣѣа, что вполне соответствуетъ русскому господа, между тѣмъ какъ прочіе Сербы говорятъ госпоѣа⁴⁾. Прибавлю къ этому еще слѣдующія реченія, слышанныя мною изъ устъ серба, превосходно знающаго свой родной языкъ, но произносимыя имъ не такъ, какъ они значатся у Караджича: бѣр, бѣра, бѣк, гѣд, гѣдм, дѣм, зѣбр, зѣмѣ, мѣх, мѣст, рѣк, рѣј, скѣк, смѣк, сѣк, стѣвр, стѣг, тѣст, тѣр, хѣд — въ Рѣчникѣ: бѣр, бѣра, бѣк, гѣд,

¹⁾ За исключеніемъ тѣхъ немногихъ словъ, въ которыхъ восходящее удареніе есть не пошество, а остатокъ старины.

²⁾ L. Mazing. S. 58, 69, 90.

³⁾ Мажураничъ пишетъ, впр., бѣч, бѣча; бѣк, бѣка; бѣј, бѣја; двѣр, двѣра; змѣја; сѣва; бѣсер; пѣст, пѣста; тѣри, тѣрна; а Караджичъ — бѣч, бѣча; бѣк, бѣка и бѣка; бѣј, бѣја; двѣр, двѣра; змѣја; сѣва; бѣсер; пѣст, пѣста; тѣри, тѣрна.

⁴⁾ Караѣић, Пословице, стр. XXXVII—XXXVII.

грѣм и т. д. Возможно, разумѣется, что въ «Хорватскую словяницу» вкрались и нѣкоторыя дѣйствительныя ошибки, но мнѣ рѣшительно непонятно, что Даничићъ, на основаніи частнаго разногласія Мажуранича съ Караджичемъ, совѣтуеть относиться ко всѣмъ его показаніямъ съ большимъ скептицизмомъ¹⁾. — Нѣкоторая неустановленность ударенія намъ привычна изъ Русскаго языка, и, при отсутствіи въ акцентовкѣ общаго принципа, она вполне понятна и естественна. Впрочемъ, въ Сербскомъ языкѣ, по замѣчанію Мажуранича, мѣстное разнообразіе обусловливается еще и особенную причиною: взаимодействіемъ выговоровъ чакавскаго и штокавскаго. Дѣло въ томъ, что штокавскій выговоръ считается изящнымъ и правильнымъ, и Штокавцы подсмѣиваются надъ странною акцентовкою Чакавцевъ. Вслѣдствіе того, послѣдніе стараются поддѣлаться подъ штокавское произношеніе, въ чемъ, впрочемъ, не вполне успѣваютъ: какъ уже было упомянуто, они замѣняютъ свои правильныя формы *желѣн, ногѣ, маглѣ* тарабарскими *жѣлен, нѣга, магла!* Мѣстами такія формы, черезъ взаимодействіе говоровъ, могли повести еще къ худшему искаженію, въ устахъ самихъ Штокавцевъ, разительный примѣръ чего Мажураничъ видитъ въ прилагательномъ племенит (благородный). Племенит — такъ произносятъ это слово Чакавцы, и правильный выговоръ его, въ Штокавщинѣ, есть племенит; выговоръ этотъ могли перенять Чакавцы, при чемъ исказили его въ племенит, а изъ этой уже формы Штокавцы сдѣлали племенит. Племенит: просто въ силу аналогіи (плѣме, плѣмени) могло перейти въ племенит, и незачѣмъ переводить его вторично въ чакавскія уста, какъ это дѣлаетъ Мажураничъ. Итакъ, въ этомъ словѣ рѣзкое удареніе, съ нѣсколькими остановками, перебралось съ конца слова на самое начало: племенит, племенит, племенит, племенит, племенит²⁾. А въ такомъ видѣ Караджичъ слышалъ это слово и внесъ въ свой словарь, въ коемъ, кромѣ того, читаемъ еще и добровѣдан, драговѣдан, кдопац, кдснат, вм. добровѣдан, драговѣдан, кондопац, кдснат, и много тому подобныхъ³⁾.

1) Gj. Daničić. Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srbske. Rad Jug. Ak. XX, str. 152.

2) Мнѣ кажется, впрочемъ, что просто аналогія первообразнаго реченія плѣме могла оказать вліяніе на форму племенит и замѣнить ее въ племенит.

3) Замѣчу отъ себя, что, предполагая взаимодействіе штокавскаго и чакавскаго выговоровъ, вовсе не приходится предполагать постояннаго общенія Сербовъ съ приморскими Хорватами: старосербская акцентовка была та же чакавская и, конечно, не сразу перешла въ штокавскую, такъ, что было время, когда, въ теперешнихъ штокавскихъ областяхъ, мѣстами уже господствовала новая акцентовка, мѣстами держались еще старинныя; вотъ къ этому времени слѣдуетъ отнести взаимодействіе Чакавщины и Штокавщины.

Иной разъ, такая порча произошла отъ иноязычнаго вліянія, особенно въ названіяхъ мѣстностей и фамильныхъ именахъ: слышится, нпр. по городамъ выговоръ Бјѣловар, вм. Бјеловар; Огулин, вм. Огуљин; Зидарић, вм. Зидарић; Јовановић, вм. Јовановић и т. п. Однако большая часть народа доселѣ держится правильнаго произношенія.

Имѣя въ виду отношеніе, существующее между акцентовками сербской и русской, по которому сербское удареніе приходится на одинъ слогъ ближе къ началу слова, чѣмъ русское, естественно было бы предположить, что русскимъ словамъ, съ удареніемъ на шестомъ и на седьмомъ слогѣ съ конца ¹⁾, соотвѣтствуютъ сербскія, ударяемыя на седьмомъ и на восьмомъ (разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда шестой или седьмой слогъ съ конца есть вмѣстѣ съ тѣмъ первый съ начала); но, въ дѣйствительности, слова этого рода не находятъ себѣ соотвѣтствія въ Сербскомъ языкѣ. Слова акцентуемыя у насъ на четвертомъ и на пятомъ слогѣ, также по большей части неупотребительны у Сербовъ; если жъ и употребляются, то обыкновенно — вслѣдствіе стяженія, отсутствія полногласія и т. д. — бывають на одинъ слогъ короче русскихъ, такъ что удареніе, будучи оттянуто, отстоитъ не дальше отъ конца, чѣмъ русское, а, оставшись на мѣстѣ, оказывается ближе къ нему: рус. восемнадцатая, (со)отѣчественники, наволоками — серб. осамнаестѣ, отацбенци ²⁾, навлакама. Только отчасти свойственныя Сербскому языку сокращенія возмѣщаются сохраненіемъ конечнаго и въ инфинитивѣ, вокализациею л и разложеніемъ, въ южномъ нарѣчій, ѣ на ије: посѣять — посејати, навѣкнуть — навикнути, погорѣльцы — погореци, весельце — весеце, заповѣдь — заповијед, измѣнить — измијени.

Такимъ образомъ, русскія слова, съ далеко отстоящимъ отъ конца удареніемъ, оказываются чуждыми Сербскому языку; но въ немъ есть свои слова, акцентующія пятый, шестой, а также седьмой и даже восьмой слогъ съ конца, нпр. набигузница *ragasita*, подзајменици, јасиковина *lipum poruleum*, деспотовина, цариграђанка, футуричарка арендаторша, онајзовица анисовка, капларовица капралша, клокѣчиковина фисташниковое дерево, седмнаесторо, осамнаесторо, деветнаесторо, десетковати *colligere decimas*,

¹⁾ См. гл. I, стр. 22 — 23.

²⁾ Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что отацбеник и родственное ему отацбина искажены изъ *отацвенник, *отацвина, произведенныхъ отъ слова отацвѣство: наставку *ство*, отъ которой въ этихъ словахъ оставался одинъ звукъ в, смѣшавъ съ наставкою *ба*; говоря иначе, отачвина, отачвенник стали считать производными отъ небывалаго отацба и примѣнили къ нему посредствомъ легкаго измѣненія.

омилвати приласкати, — алајбеговица ихог ducis nobilium, аранђеловица = аранђелов пост, прѣвизуровица villici ихог, паракамилѣвка, ѡскоруповача рябиновая палка, рябиновка; дат. падежи мн. ч. ца̀риграђанкама, футурича̀ркама¹⁾, — ѡборлаћмановица Oberlieutenantsfrau; дат. падежи мн. ч. алајбеговицама, прѣвизуровицама; начетворонѡжи се (2 и 3 лицо аориста глагола начетворонѡжити се), — дат. пад. мн. ч. ѡборлаћмановицама; такую же акцентную единицу представляет выражение начетворонѡжи мн се²⁾.

Прослѣдивши, главнымъ образомъ подъ руководствомъ Мажуранича, сербскую акцентовку, мы убѣдились, что видимое противорѣчiе между нею и акцентовкою Русскаго языка сводится къ стройному, постоянному соответствiю, указывающему на первоначальное единство.

На поразительное сходство, которое, въ дѣлѣ размѣщенiя ударенiй, представляютъ Русская рѣчь и Чакавщина, указалъ уже и самъ Мажураничъ, въ своей статьѣ «О важности акцента хѣрватскога за историју Славянахъ»³⁾. Въ этой статьѣ авторъ излагаетъ, между прочимъ, законъ Миклошича-объ ударенiи полногласныхъ слоговъ⁴⁾, до котораго онъ, повидимому, дошелъ независимо отъ него. Затѣмъ онъ приводитъ нѣсколько словъ неодинаково акцентуемыхъ Русскими и Чакавцами, причемъ замѣчаетъ, что такихъ словъ не много, и что было бы даже странно, если бъ ихъ совсѣмъ не оказывалось.⁵⁾ Этимъ, однако, и ограничивается значенiе Мажураничева разсужденiя: кромѣ того, мы въ немъ находимъ только краткое извлеченiе изъ его же «Хорватской грамматики» и совершенно неосновательные выводы историческаго характера. Последнiе состоятъ въ томъ, что 1) Иллириѣ еще до пришествiя Сербовъ и Хорватовъ была населена какимъ-то славянскимъ племенемъ и 2) — что Русскiе славяне, дѣйствительно, пришли на Русь изъ Иллирика, какъ говоритъ Несторъ. На чемъ же основаны эти выводы? Основаны они на убѣжденiи, что перемѣна чакавской акцентовки на штокавскую могла совершиться только подъ влиянiемъ иностраннаго, пришлаго элемента, и, притомъ, такого, который былъ сродни туземному и легко могъ съ нимъ смѣшаться и слиться. Поэтому Ма-

¹⁾ Съ этими словами сходно отиѣченное уже выше выраженiе обесѣлили смо му се.

²⁾ Большая часть приведенныхъ здѣсь примѣровъ взята у Даничича. Slav. bibl. V. I, S. 99—100.

³⁾ Programm des k. k. Gymnasiums zu Agram am Schlusse des Schuljahres 1863.

⁴⁾ См. выше, стр. 39.

⁵⁾ Отиѣченныя у Мажуранича реченiя будутъ указаны и по возможности объяснены впоследствии, въ гл. VI.

Жураничъ предполагаетъ, что Иллирикъ сперва былъ населенъ славянскимъ племенемъ, державшимся чакавской акцентовки, въ среду котораго, впоследствии, явились переселенцы-штокавцы; а такъ какъ Исторія повѣствуетъ всего объ одномъ переселеніи славянъ въ эти страны, то онъ извѣстныхъ намъ переселенцевъ, Сербовъ и Хорватовъ, и считаетъ тѣми пришельцами-штокавцами, которые уже застали въ Иллиріи другихъ славянъ, чакавцевъ, очевидно, бывшихъ ея исконными обитателями. Если жъ Иллирійцы, такимъ образомъ, были славяне и, по акценту, чакавцы, то Русскихъ, которые держатся той-же акцентовки, весьма естественно считать вѣтвью Иллирійцевъ. — Какъ видно, вся эта теорія основана на предвзятомъ мнѣніи, что штокавская акцентовка не могла естественнымъ образомъ выработаться изъ чакавской, что одинъ и тотъ-же народъ не могъ произносить слова сначала на чакавскій ладъ, а впоследствии систематически переименовать выговоръ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы было вполне ясно и понятно, какъ могъ совершиться этотъ переворотъ, но, все-таки, онъ нисколько не удивительнѣе массы другихъ языковыхъ перемѣнъ, которыя преспокойно принимаютъ къ свѣдѣнію, не строя изъ-за нихъ гипотезъ о какихъ-нибудь постороннихъ вліяніяхъ: развѣ мы знаемъ, нпр., почему Италийцы столько вѣковъ произносили *genet, regius*, а впоследствии, вмѣсто *ge, gi*, стали произносить *dže, dži*, (итал. *geneto, regio* = *dženeto, redžo*)? Кромѣ того, гипотеза Мажуранича вовсе не устраняетъ загадочнаго перехода отъ чакавской акцентовки къ штокавской, а только переноситъ его на другую почву: если Иллирійцы и Сербо-хорваты были родственные народы, вѣтви одного племени, то и языкъ у нихъ былъ первоначально одинъ, и акцентовка была одна и та-же; если-жъ въ VII-омъ вѣкѣ они расходились въ этомъ отношеніи, то, очевидно, Сербо-хорваты еще ранѣе, живя гдѣ-нибудь въ Карнатахъ, измѣнили старому слоударенію.

Вообще говоря, мнѣ, положительно, непонятно, какъ Мажураничъ, подмѣтивши отношеніе чакавской акцентовки къ штокавской и къ русской, могъ прийти къ подобной теоріи, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него самый простой и естественный выводъ, что чакавская акцентовка, которая лежитъ въ основаніи штокавской и сходна, по мѣсту ударенія, съ русскою, есть, по всей вѣроятности, древняя общеславянская, или, по крайней мѣрѣ, общая юговосточная акцентовка. Это предположеніе, на которое меня навела грамматика Мажуранича, при ближайшемъ ознакомленіи съ языками Словенскимъ и Болгарскимъ, мало-по-малу переходило въ полную увѣренность. Впрочемъ, оно не мною впервые высказывается: его высказалъ уже Потебня, въ статьѣ о полногласіи, и Бодуэнъ-де-Куртеназъ, а у Словенцевъ—

Шкрабець¹⁾; но смѣю надѣяться, что въ настоящемъ изслѣдованіи мнѣ удастся обставить его болѣе чистымъ доказательствомъ.

Подобно Мажураничу, и Даничичъ²⁾ не допускаетъ, что бы изъ чакавской акцентовки сама собою могла выработаться штокавская, и выставляетъ гипотезу, что онѣ обѣ отступили отъ общесербской старины. По предположенію Даничича, общесербская акцентовка и на тѣ слоги, которые мы, вмѣстѣ съ Мажураничемъ, считаемъ вторичноударенными, полагала удареніе, правда, второстепенное, но довольно сильное³⁾: произносили какъ-бы вода, водѣ, и изъ этихъ формъ, путемъ утраты у однихъ перваго ударенія, а у другихъ—второго, развились и чакавскія вода, водѣ, и штокавскія вода, водѣ (по Дан. водѣ). Почтенный ученый, очевидно, основывается на вполне справедливой мысли, что слабый неударяемый слогъ не въ состояніи изложить сильный ударяемый и самъ стать на его мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, нпр. при русскомъ произношеніи, скрадывающемъ неударяемые гласные, это просто невысказуемо; но, какъ вообще сербо-хорватскій выговоръ, такъ и выговоръ Чакавцевъ отличается ясностью и отчетливостью, и въ немъ не замѣчается столь рѣшительнаго преобладанія ударяемыхъ слоговъ надъ безударными, благодаря чему переходъ ударенія значительно облегченъ. Кто не удовлетворяется такимъ соображеніемъ, тотъ, конечно, не удовлетворится и гипотезой Даничича и спроситъ, какъ это у Штокавцевъ *второстепенное* удареніе могло возобладать надъ главнымъ? Итакъ, предполагаемая Даничичемъ сербо-хорватская праакцентовка, съ одной стороны, мало содѣйствуетъ объясненію дѣла, съ другой, она, какъ мнѣ кажется, вовсе не вытекаетъ изъ фактовъ, столь старательно собранныхъ имъ во «Вкладѣ въ исторію сербской или хорватской акцентуаціи». Въ этой статьѣ авторъ собралъ богатый матеріалъ словъ, изъ письменности XIII—XVII в., по написанію которыхъ можно судить объ ихъ акцентовкѣ. Послужившіе ему памятники суть: Миклошичевы Monumenta serbica, spectantia historiam Serbiae, Vossae, Ragnsii. Viennae 1858; загребская рукопись чтеній изъ Ветхаго и Новаго Заветъа Nika Ranjine (1503) и нѣсколько старопечатныхъ книгъ, какъ то: Basilija Gradića Libarce od djevstva (1567) и Libarce vele

¹⁾ А. Потобня. О полногласіи, стр. 44. И. Бодуэнъ-де-Куртень. Болниско-во-савскій говоръ (Отчеты. Казань 1877), стр. 53 и 77. Р. Шкрабецъ. O glasu in naglasi našega knjižnega jezika. Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novemesto) am Schlusse des Schuljahres 1870.

²⁾ Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske. Rad Jugoslav. Akad. Knj. XX, str. 231—233.

³⁾ Akcentuacija doticala se oba sloga (po mom mišljenju još jače što se sada dotiče prvoga sloga u štokavaca a drugoga u čakavaca). Rad. XX, str. 232.

duhovno i bogoljubno od molitve i kontemplanja (того же года); *Šimuna Budinića Ispravnik za erei ispodivnici i za pokornih (1582); *Fausta Vrančića Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, latinae, italicae, germanicae, dalmaticae et ungaricae (1595); Arkangjelo Gučetića Rozario (1597); Dinka Zlatarića Elektra tragedia, Ljubmir pripovies pastirska i Ljubav i smrt Pirama i Tizbe (того же года); *Fausta Vrančića Život nikoliko izabranih divic (1606); Ivana Bandulavića Pištrole i evangelja priko svega godišta (1613) и Jakova Mikalja Blago jezika slovinskoga (1649). Изъ этихъ книгъ тѣ, которыя отмѣчены звѣздочками — одна Будиничева и двѣ Вранчичевы — писаны на чакавскомъ нарѣчїи¹⁾. Въ перечисленныхъ памятникахъ встрѣчаются слѣдующіе пять знаковъ просодійнаго характера: 1) удвоеніе гласныхъ, 2) удвоеніе согласныхъ, 3) грависъ, 4) акутъ, 5) циркумфлексъ.

Изъ указанныхъ знаковъ наиболее обычны первые два: они встрѣчаются повсюду и исключительно господствуютъ въ грамотахъ²⁾ и у Раныны; самый рѣдкій знакъ — циркумфлексъ: онъ попадаетъ только въ словарь Вранчича, да и тамъ изрѣдка. Значеніе этихъ знаковъ, какъ замѣчаетъ самъ Даничичъ, довольно неопредѣленное — всѣ они употребляются въ перемѣшку: имѣлось въ виду отмѣтить тѣмъ или другимъ способомъ слогъ, по чему-либо выходявшій изъ ряда вонъ; но заключалась ли его особенность въ долготѣ, или въ удареніи, и въ какомъ именно, на то не обращали вниманія. Удвоеніе гласныхъ встрѣчаемъ не только въ долгихъ словахъ, какъ люди Mon. 368, kljuun Vran. gječ. 91., miig Bud. 5, naachin Mon. 458, suudca Ranj. 67 (луди, клун, мѣр, начин, суца род. ед.), но и въ краткихъ: слово Mon. 156, naam Mon. 554, saan Vran. gječ. 49, puustoš Band. 5, хрисовоуль Mon. 161, planiine род. ед. Band. 117, oona Vran. živ. 84 (= слѣво, нам — или скорѣе нам, безъ ударенія, — сан, пустьш, хрисовуль, планинѣ, она). Точно такъ же, удвоеніе согласныхъ, которому слѣдовало бы оставаться принадлежностью однихъ краткихъ слоговъ, появляется и въ долгихъ: рядомъ съ селла вин. мн. Mon. 106, babba Mik., lipra Vran. gječ. 107, čuddo Band. 10, ogganj Band. 7, starinna Mik., čello Ranj. 56 (сѣла, бѣба, липа, чѣдо, огаъ, старина, чѣло) мы читаемъ банн Mon. 106, mukka род. мн. Grad. duh. 13, glassom Ranj. 69, putti Grad. duh. 7, hvalla Ranj. 85 b., svilla Ranj. 187 b. (= бан, мукъ, гласом, пути, хвала, свѣла). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть,

¹⁾ Впрочемъ, изъ употребленія ими словечка *sa* и бессуффиксныхъ родительныхъ вовсе еще не слѣдуетъ, что бы эти писатели держались чисто-чакавской акцентовки.

²⁾ Удвоеніе согласныхъ въ грамотахъ встрѣчается весьма рѣдко.

удвоение согласныхъ, обозначая краткость одного слога, указываетъ косвеннымъ образомъ на долготу другого: чакавецъ Вранчиць едва-ли произносишь сапун, жупан, опет и, какъ мнѣ сдается, посредствомъ написанія sar-pun gječ. 121, žurran ib. 113, orpet ib. 27 хотѣлъ выразить только количественное соотношеніе слоговъ, изъ коихъ первый кратокъ, а второй долгъ.

Гравись стоитъ на краткихъ слогахъ въ словахъ gād Mik., bōgu Band. 23, vūna Band. 63, gōsa Mik., svēmu Band. 223 (= гад, бōгу, вūна, рōса, свѣму), но онъ не чуждается и долгихъ: drūg Mik. 19, glās Band. 48, rūke Grad. duh. 52, brāde род. ед. Mik. 241, ūsta Band. 210 (= дрūг, глās, рūке, брādē, ūста). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гравись приходится принимать за знакъ неударяемой краткости: gnjidā, Vran. gječ. 55, jamā ib. 18, kožā ib. 75, guslè им. мн. ib. 58, knjigè ib. 55, villè ib. 40, nevoljè Zlat. 56 b., blatò Vran. gječ. 58, dilò ib. 119, plemè ib. 41. (= гнйда, јага, кѡжа, гусле, кнйге, вйле, нѣволе (им. пад.), блāто, дйло, плѣме): чтобы эти слова произносились съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, просто невысказуемо. Иногда гравись служитъ знакомъ неударяемой долготы, нпр. въ родит. падежахъ kučè Zlat. 25, nedeljè Grad. duh. 48, ranā Grad. djev. 156, urā Grad. duh. 55 (= куйчē, нѣдѣлѣ, рāнā, ūрā).

Акуть также не имѣетъ опредѣленнаго значенія: онъ служитъ знакомъ долготнаго ударенія, нпр. въ словахъ vūk Band. 15, zūbi Band. 37, hlād Mik. 131, lānac Mik., sūdac Band. 86, redovŋku Band. 22 (= вук, зуби, хлād, лāнац, сūдац, редовнйку), но пишется онъ и на такихъ слогахъ, на которыхъ мы поставили бы простой или двойной гравись: ōtac Band. 15, vārhone Band. 213, gustīna Mik., bāt Vran. gječ; kōnj Mik. 569, hrātja Band. 44 (= ōтац, върхонē, густīна, бāt, кōвь, брāна). Далѣе, акуть служитъ знакомъ неударяемой долготы: vjeḡtè Zlat. 4., nepravdè Band. 95, istinōm Zlat. 79, dubravā род. мн. Zlat 71. b., posālā Mik. 152, stīnā Mik. 570. (= вјѣрē, нѣпрāвдē, ѳстинōм, дубрāvā, посālā, стīнā).

Иногда на одномъ и томъ-же словѣ, даже у одного и того-же писателя, встрѣчаемъ разныя просодіи: слово глās у Бандулавича пишется и glās 4 и glās 48, род. мн. къ слову дѣло у Градича пишется разъ djella duh. 37, разъ — djellā duh. 17, разъ — djellā. duh. 54. Послѣдній примѣръ представляетъ одновременное примѣненіе двухъ или даже трехъ просодійныхъ знаковъ.

При такой запутанной системѣ просодій, изслѣдованные Даничицемъ памятники не даютъ почти никакихъ ясныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ объ акцентовкѣ: постоянно является сомнѣніе, слѣдуетъ ли видѣть въ какой-нибудь просодій знакъ ударенія, или знакъ долготы или краткости. Нпр., изъ написаній slūga Band. 8, strīla Mik., tūzi Band. 30, ūsta Band. 210 вовсе

не слѣдуетъ, что бы удареніе было на первомъ слогѣ: можетъ быть, произносили по чакавскому способу слуга, стріла, тѹзи, уста. Попадаются, впрочемъ, примѣры, на счетъ акцентовки которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія — такъ, въ словахъ *grinése* Band. 71., *bójati se* Band. 50, *gnusóba Mik.*, *gòsa Mik.*, *gèci* Band. III, акутъ и грависъ, коими отмѣчены краткіе слоги, рядомъ съ другими краткими, очевидно суть настоящіе знаки ударенія, и мы смѣло можемъ читать *принесѣ*, *бójати се*, *гнусóба*, *рòса*, *рèни*. Подобнымъ же образомъ, мы и слова *lovàs Mik.*, *ogànj* Band. 155., *trnokòr Mik.*, *blážéne* род. ж. р. Band. XXI, *poróvskoga* Band. 97., *lagàti Mik.* 617, *izgoríti* Band. 240., нисколько не сомнѣваясь, произнесемъ *ловàц*, *огàв*, *търнокòр*, *блажèнè*, *попòвскòга*, *лагàти*, *изгорítти*. Чтò же доказываютъ приведенные случаи и подобные имъ? Тò, что разобранные у Даничича авторы произносили одни слова со штокавскими удареніями, другія — съ чакавскими. Слѣдуетъ ли, вмѣстѣ съ Даничичемъ, приписывать подобную смѣшанную акцентовку и языку чакавцевъ Будничча и Бранчича, я не знаю: на основаніи одного примѣра, который можетъ быть даже опечаткою или опискою (*pòstavili Vran. živ. 52*) я не рѣшаюсь это утверждать, а въ написаніи *nè može Vran. živ. 19*, *sà mista ib. 71*, *ù jamu ib. 5*, *ù kuću ib. 6*, *ù sru ib. 84*, *pò nju ib. 9*, *ù njih ib. 113*, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть просто орфографическую прихоть, желаніе дать нѣкоторую опору «маленькому слабому словечку»¹⁾; вѣдь пишетъ же Бранчичъ, а также и другіе, *dò koopca Vran. živ. 114.*, *dò dúše* Band. 28, *dò toliko vrimena Bud. 116*, *dò uskrsa* Band. 24, *kà vratoom Vran. živ. 54*, *nà puutu Vran. živ. 46.*, *nà zemlji Guč. 3.*, *ò gránj Zlat. 69*, *ò desnu Bud. 70*, *ò kojoj Bud. 115*, *pò proroku Bud. 14*, *ù hladu Zlat. 45 b.*, *ù lungu* Band. 29. *ù nebesih Vran. živ. 20*, *ù gori Zlat. 39. b.*, *ù selu Mik. 220*, между тѣмъ какъ въ этихъ случаяхъ и въ настоящее время не происходитъ приклоненія, а въ старину его и подавно не могло быть, хотя Даничичъ — на какомъ основаніи? — готовъ это допустить.²⁾ Даничичъ, какъ мы видѣли, пришегъ къ выводу, что акцентовка далматинцевъ-штокавцевъ XV—XVII в. еще сильно отзывается чакавщиной. Изъ этого, кажется, прямо слѣдуетъ, что въ это время происходилъ — и до сихъ поръ не вездѣ до-

¹⁾ Возможно также, что грависы суть знаки звукового единства, но грамматической отдѣльности словъ, въ какомъ значеніи эти акценты иногда употребляются, напр., у Джорджича: *nèvidime* (не видима ма), *pustidžamse* (поустиджа мсма са) Della Bella Dizionario 1875. Предисл. VI.

²⁾ Je li u tijem primjorima doista bio akcenat na prijedlogu, ne znam za cijelo, ali bih prije rekao da jest. Rad. XX, str. 230.

вершившийся — переходъ отъ чакавской акцентовки къ штокавской, который, разумѣется, могъ начаться гораздо ранѣе; словомъ сказать, собранные Даничичемъ факты служатъ въ подтвержденіе теоріи Мажуранича. Однако Даничичь, подмѣтивши не только чакавскія ударенія у штокавцевъ, но и, наоборотъ, штокавскія у чакавцевъ (у Будинича и у Вранича) — которыя или вовсе не существуютъ, или легко могутъ быть объяснены смѣшеніемъ чакавскаго выговора со штокавскимъ — не дѣлаетъ этого единственно естественнаго вывода, а рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: и у штокавцевъ, и у чакавцевъ является то штокавское удареніе, то чакавское — значить, въ ихъ произношеніи одновременно господствовало и то, и другое, т. е. еще въ половинѣ XVII столѣтія не существовало ни чакавской, ни штокавской акцентовки, а господствовала своеобразная двуслоговая акцентовка. Но развѣ это вѣроятно? И развѣ это слѣдуетъ изъ рассмотрѣнныхъ памятниковъ? Нисколько; выписки же *Новаковича* изъ двухъ старопечатныхъ сербскихъ книгъ, изъ Черноевичевой псалтыри (1495) и изъ Вуковичевыхъ Зборниковъ за путнике (1520)¹⁾, рѣшительно свидѣтельствуютъ о существованіи еще въ XV столѣтіи теперешней штокавской акцентовки.

Встрѣчаются, правда, уклоненія отъ нея, по большей части, сближающія выговоръ съ русско-чакавскимъ, нпр. ка́дма, не́кѣно, теуѣніе, ка́ина, оу́кити, ко́митсе зако́дета и т. д.; лишь три—четыре слова имѣютъ совсѣмъ странную акцентуацію: соуѣта, те́гота, ѡно́ша²⁾. Какъ мы ни будемъ смотрѣть на чакавизмы въ акцентуаціи этихъ книгъ — отступленія другого рода столь немногочисленны, что могутъ быть сочтены за опечатки и за ошибки, — во всякомъ случаѣ надо признать, что сербская акцентовка, вообще говоря, и въ тѣ времена была штокавская, развѣ, что нѣкоторыя слова имѣли чакавское удареніе, или колебались между штокавскимъ и чакавскимъ. (Замѣчаніе Новаковича, что удареніе въ изслѣдованныхъ имъ книгахъ чаще приходится на коренной слогъ, нежели въ нынѣшнемъ языкѣ, мнѣ кажется невѣрнымъ, и во всякомъ случаѣ маловажнымъ). Хотя языкъ Черноевича и Вуковича есть церковнославянскій, но акцентуацію ихъ я,

¹⁾ Новаковић, Стојан. Акценти штампаних српско-словенскихъ књига пригорскихъ и млетачкихъ. На по се штампано из Гласника српског ученог друштва књиге XLIV. У Београду 1877.

²⁾ Не отношу къ странностямъ этого рода написанія ко́ина, ка́ таинѣ, по-слоушајте и т. п., которыя легко объясняются подражаніемъ греческому обычаю ставить просодію надъ второй гласною дифтонга: когда грекъ писалъ нпр. *αβυθια*, *βασιλεις*, а произносилъ аѳина, василѣѳс, тогда и сербъ, произнося војно, у тајне, послушајте, могъ поставить просодію надъ и. Впрочемъ, просодія въ такихъ случаяхъ является также надъ первой гласною: нпр. ка́ таинѣ.

вслѣдъ за Новаковичемъ¹⁾, смѣло принимаю за старосербскую, такъ же, какъ акцентуацію нашихъ церковныхъ книгъ — за старорусскую.

Къ этому историческому экскурсу, кажется, удобнѣе всего будетъ присоединить краткій очеркъ исторіи сербо-хорватской акцентуаціи.

Отъ Даничича мы уже узнали, что первыя попытки обозначать удареніе и тѣсно связанное съ нимъ количество восходятъ къ XIII столѣтію: въ грамотахъ онъ указалъ на употребленіе съ такою цѣлью, правда рѣдкое, удвоенныхъ гласныхъ, а иногда и согласныхъ. Рукописи и старопечатныя книги XV и XVI ст. щедро разукрашены акутами, грависами, двойными грависами, циркумфлексами (= каморами; послѣднія встрѣчаются довольно рѣдко), а также псиллами и дасіями (знаками «тонкаго» и «густого» придыханія). Новаковичъ въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи объ акцентахъ Черноевичевой псалтыри и житій св. Петки и Георгія (въ Божидаровыхъ Сборникахъ за путнике), по которымъ, кажется, не безъ основанія можно заключать и о другихъ произведеніяхъ тогдашней письменности, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ объ употребленіи ихъ, прямо вытекающимъ изъ приводимыхъ имъ многочисленныхъ примѣровъ:

1. Отмѣчается обыкновенно только главное удареніе акцентныхъ единицъ, и знакомъ его служитъ акутъ, безъ различія, какъ на долгихъ гласныхъ, такъ и на краткихъ.

2. Грависъ обозначаетъ второстепенное удареніе и чаще всего пишется въ концѣ словъ; въ большей части случаевъ онъ, повидимому, указываетъ на долготу. Иногда, впрочемъ, этотъ знакъ выражаетъ главное удареніе. (Не только долготное — какъ можно бы заключить изъ неточнаго выраженія Новаковича: с того, што бележи дужину, често врши и службу оксјину, те бележи и акцентовано место, — но и краткостное: у Черноевича читаемъ, нпр. вода, мѡшти, пѣснь, рабъ, рѣшти, себѣ, слава, сѣго, тому = вода, мѡшти, пѣсма, рѡб, рѣшти, себи, слава, сѣга, тому).

3. Двойной грависъ довольно послѣдовательно пишется на долгихъ гласныхъ, нпр. въ окончаніяхъ членныхъ прилагательныхъ. (Выраженіе Новаковича «готово правильно» мнѣ казалось нужнымъ еще умѣрнить, въ виду весьма многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ или неударяемая долготы осталась неотмѣченными этимъ знакомъ, или онъ, напротивъ того, является на краткихъ гласныхъ).

4. Циркумфлексъ служитъ замѣною двойного грависа, и потому также можетъ быть принятъ за знакъ долготы.

Вотъ, что мы узнаемъ изъ труда Новаковича объ употребленіи просо-

¹⁾ Новаковичъ. Акценти српско-словенскихъ књига, стр. 154.

дѣй, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Что жъ касается псилы, то этотъ знакъ, указывающій на начало словъ и слоговъ и нерѣдко замѣняющій ютацию, имѣеть для акцентуаціи лишь то значеніе, что вызвагъ во многихъ случаяхъ совершенно излишнія и неумѣстныя просодіи: въ началѣ словъ, но ошибкѣ, а можетъ быть и для пущей важности, вмѣсто простой псилы, нерѣдко поставлена псила съ акутомъ. Только такъ я могу объяснить себѣ появленіе акута на первомъ слогѣ въ словахъ "Лѣанасѣ, "Исповѣдати (= исповѣдати), "исцѣлѣти, оупобамѣ, оужасноути-се Бож., ѡснѣлѣти, оупобати Черн.

У далматинцевъ XV—XVI столѣтія мы также видѣли просодіи—грависъ и акутъ (у Вранчича также и циркумфлексъ) и замѣтили уже, не проведенную еще послѣдовательно, тенденцію отмѣчать краткостныя ударенія посредствомъ удвоенія согласныхъ или посредствомъ грависа, а долготныя посредствомъ удвоенія гласныхъ или посредствомъ акута. Только позже (въ XVII ст.?) удвоеніе согласныхъ дѣлается исключительно достояніемъ краткихъ слоговъ, по преимуществу рѣзкоударныхъ: klatti, brigga, okko, nebbo, djello, mjeffa, kikka, sjuddo = клѣти, брѣга, ѡко, нѣбо, дѣло, мѣра, кѣка, чѣдо. Встрѣчается удвоеніе согласныхъ и въ слабоударныхъ, нпр. sello, csello, smolla, nebbessa Volt. = сѣло, чѣло, смѡла, небеса; возможно, впрочемъ, что Вольтиджи и другіе писавшіе подобнымъ образомъ вовсе не знали слабого ударенія и произносили въ этихъ случаяхъ рѣзкое. Вполнѣ послѣдовательно удвоеніе согласныхъ, въ знакъ рѣзкаго ударенія, не проводилось: Вольтиджи пишутъ нпр. grabiti, setuka, knjiga, grixa = грабѣти, штѣка, кѣйга, грѣжа. Удвоеніе согласныхъ было въ употребленіи не только въ словаряхъ и грамматикахъ, но и въ житейскомъ обиходѣ. — Такое правописаніе имѣло то неудобство, что, при стеченіи двухъ или болѣе согласныхъ, удареніе оставалось безъ обозначенія: рѣдко кто рѣшался написать, нпр., bissmo Ranj. 45, а писали просто cesta, sablja, pticsica, gusciti = цѣста, сѣбѣла, птѣчица, рѣшѣти. То-же самое приходилось дѣлать въ концѣ слова и передъ гласными, нпр. въ словахъ знѡ, днѡ, знѡо, бѡ¹⁾. Для устранения этого неудобства и чтобы имѣть возможность всегда обозначать рѣзкое удареніе прямымъ, а не косвеннымъ образомъ, Караджичъ придумалъ и впервые употребилъ въ своемъ словарѣ знакъ двойного грависа.

¹⁾ Впрочемъ, невозможность отмѣтить удареніе въ словахъ, какъ знѡ, бѡо, сѡсѣтъ не была: передъ вокализированныхъ я гласные всегда бываютъ кратки и, если принимаютъ удареніе, то не иное, какъ рѣзкое: не только при женской формѣ знѡла, бѡла, стоять мужескія знѡо, бѡо, но также и рядомъ съ формами брѡла, бѡла (была), бѡла (бѣла) являются брѡо, бѡо, бѡо.

Первый грамматикъ, обратившій вниманіе на сербо-хорватскую акцентовку, насколько мнѣ известно, былъ *Кашичъ*¹⁾; но его грамматики я въ рукахъ не имѣлъ. Насколько можно заключать изъ примѣровъ, выписанныхъ у Ягича²⁾ — *telèta, ditèta, vodica, divica, dvà gospodina, ovi gospodár, jedíni, jedína, jedíno, jednák, jednáko, dvadesét, petdesét, sto tisúch, blaxenjí, blaxenja, blaxenje, s'tanóm, s'tabbóm, sà sobbóm*, — Кашичъ держался чакавской акцентовки, но отличалъ только двойное удареніе, вмѣсто тройкаго, смѣшивая въ одно нисходящее и восходящее ударенія, а для обозначенія удареній употреблялъ надъ краткими гласными грависъ, надъ долгими — акутъ.

Делла-Белла, въ предисловіи къ своему словарю³⁾, различаетъ три ударенія: рѣзкое, нисходящее и восходящее, которыя онъ обозначаетъ знаками грависа, акута и циркумфлекса и называетъ соответствующими этимъ знакамъ терминами (*grave, acuto, circumflesso*). Его опредѣленія удареній отчасти навѣяны этою терминологіей: по его словамъ грависъ указываетъ на сжатый выговоръ, не сопровождаемый ни модуляціею, ни повышеніемъ голоса, и придаетъ слогу такой *essz*, какого не имѣютъ слоги, не отмѣченные такимъ знакомъ⁴⁾, нпр. *rás* пѣсь, *tih*, *svàgha* (свѣрха), *ronòzno* гордо, *izkínuti* вырвать. На слогахъ отмѣченныхъ акутомъ происходитъ повышение голоса⁵⁾, нпр. *zàbušiosam* hò confuso, *zláto*, *zéc* заяць, *takí*, *djevójjica*, *míllòs*. Эти реченія мы, по способу Караджича, написали бы *зàбушносам*, *злáто*, *зѣц*, *такí*, *девójjица*, *милòст*. Циркумфлексъ указываетъ на присущую слогу долготу и известную модуляцію голоса⁶⁾, нпр. *rúka*, *kázati* *ljúbiti*, *bráda* — по Караджичевой орфографіи *рука*, *казати*, *любити*, *брáда*. Делла-Белла отмѣчаетъ также, что удареніе въ Сербо-хорватскомъ языкѣ иногда служитъ для различенія подобиозвучныхъ словъ или формъ, какъ то: *súd*, *súda* (= *суд*, *суда*) *судъ* — *súd*, *súda* (*суд*, *суда*) *сосудъ* (*vaso*); *lúg*, *lúga* (= *луг*, *луга*) *зола* — *lúg*, *lúga* (= *луг*, *луга*) *гѣсь*; *stúp*, *stúpa* (= *стúp*, *стúпа*) *орина* — *stúp*, *stúpa* (= *стúp*, *стúпа*) *colonna*⁷⁾; *imáh* (= *имáх*) *io haveva* — *imáh* (= *имáх*) *io hebbi*, *imáše on* (= *имáше*

¹⁾ Institutionum linguae illyricae libri II. Romae, 1604.

²⁾ V. Jagić. Gramatika jezika hrvatskoga. U Zagrebu 1864, str. 63.

³⁾ Dizionario italiano latino illirico. In Venezia 1728.

⁴⁾ La sua forza è deprimere il tono non inflettendolo, né alzandolo e dare alla sillaba una tal *gravità*, quale non hà la sillaba non segnata con tale Accento.

⁵⁾ La sillaba segnata con quest' accento alza il suo tone.

⁶⁾ Il circumflesso inflette il suono della sillaba sù la quale è notato, e l'allunga.

⁷⁾ Въ Вукѣвомъ словарѣ *стúp*, *стúпа* = рус. *столпъ*, *столпá*.

он) haveva quello — imāše (имаше) hebbero; Lúka (= Лўка) имя собств. — lúka (= лўка) гавань.

Богѣ поздніе словарники Вольтиджи ¹⁾ и Стулли ²⁾ не лучше Делла-Беллы, а, напротивъ того, менѣе точно отмѣчаютъ ударенія: первый вовсе не употребляетъ просодій и только рѣзкое удареніе (не отличаемое отъ слабаго) обозначаетъ посредствомъ удвоенія согласныхъ буквъ, примѣры чему уже приведены выше ³⁾. Стулли ограничивается двумя просодіями — грависомъ, для краткихъ слоговъ, и знакомъ долготы, для долгихъ — и вовсе не отличаетъ восходящаго ударенія отъ нисходящаго: онъ шпшетъ нпр. sje-lpa, dalèko, brācha, ogrāda, dūb, blāgo, brāda, gūka = целїна, далѣко, бра̄на, огра̄да (акцентовка — чакавская, по-штокавски должно произносить òграда; впр. у Караджича читаемъ òграда), д̄уб, бл̄аго, бра̄да, р̄ўка.

Акцентуаціи Делла-Беллы придерживается въ своей грамматикѣ Вѣкославъ *Бабукичъ* ⁴⁾. Бабукичъ, на сколько мнѣ извѣстно, первый далъ довольно вѣрное опредѣленіе нисходящаго и восходящаго удареній. Нисходящее удареніе, по его словамъ, izgovara se krèrkim i po malu padajućim glasom: glás, klás, lúk (arcus), vrát, súd (vas) — наши гл̄ад, кл̄ас, л̄ук, вр̄ат, с̄уд — произносятся какъ-бы gl̄aas, kl̄aas, lùuk, vr̄aat, sùud. При восходящемъ удареніи, glas se iz slaba na krèrcie podiže (i naglo pretergne — ?!): bân, bôr, súd (judicium), lûg, gūka, dūša, sūša (siccitas), glāva, lūka (portus) — по нашей графикѣ, б̄ан, б̄ор, с̄уд и т. д. — произносятся baân, bodr, suùd, luùg, guùka, duùša, suùša, glaàva, luùka. — Акцентовка, какъ видно, у Бабукича получакавская.

Общепринятая въ настоящее время акцентуація принадлежитъ, какъ извѣстно, Вуку Стефановичу Караджичу. Выработалась она не съ разу: въ первыхъ сочиненіяхъ Караджича является нѣсколько иная система.

Въ Писменицѣ Сербскога ѳезика ⁵⁾ различаются слѣдующія четыре просодіи:

1. *Повышающая* просодія — пригласило подижуће (´), које се пише над оним самогласним писменом, на коме се глас мало подиже и берæо изговара

¹⁾ Voltiggi, Jose. Ricsoslovník. U Beccu 1802.

²⁾ Joakima Stulli Dubrovčanina Rjecsoslòžje. U Dubrovniku MDCCCVL

³⁾ См. стр. 73.

⁴⁾ Osnova slovnice slavjanske narečja ilirskoga uredjena Vëkoslavom Babukićem. U Zagrebu (1836). O naglasku str. 12 — 14. Измѣнилъ ли Бабукичъ свой взглядъ на это дѣло во второмъ изданіи этой грамматикки (Ilirska slovníka. U Zagrebu 1854 [Kukuljević Bibliografija hrvatska]) сказать не умѣю.

⁵⁾ Писменица Сербскога ѳезика, по говору простого народа написана. У Вьеннѣ, 1814, стр. 11. о Гласоударенъу.

н. п. но́га, во́да, ра́на, вра́на, ка́д, са́д и пр. (Читай но́га, во́да, ра́на, вра́на, ка́д, са́д).

2. Просодія *сильно повышающая* — пригласило преподяжу́хе (´), ко́е се пише над оним самогласним писменом на коме се глас мало више подиже и развлячи, и од развляченья мало слѣду́ющему писмену преда́е н. п. бля́го, дра́го, зля́то и пр.

3. Просодія *удлиняющая* — пригласило оду́льуу́хе (˘), ко́е се пише над оним самогласним писменом, на коме се само́м глас протеже, н. п. тра́ва, ра́на, ду́га, во́з, стру́к (= тра́ва, хра́на, ду́га, во́з, стру́к). Послѣднія два слова попали сюда по ошибкѣ, и уже въ первомъ изданіи своего словаря Вукъ отмѣчаетъ ихъ тою же просодіею, какъ и слово бля́го. — Какъ видно, перечисленныя три просодіи соотвѣтствуютъ, по нашей терминологіи, повышающаяся — рѣзкому и слабому удареніямъ, сильно повышающаяся — нисходящему, и удлиняющая — восходящему.

4. Четвертая просодія¹⁾ называется *сильно удлиняющею* — пригласило преоду́льуу́хе (˘), ко́е се пише надъ оним самогласним писменом, на коме се глас тако верло протеже да и слѣду́ющимъ нѣму самогласним писменнма (ербо оно по наивыше у среди, а рѣдко на краю или у почетку долази) од свога продуживанья нешто преда́е н. п. десетъ лѹ́ди, шестъ ко́ньа, седамъ лѣ́зика, и пр. (Читайъ лѹ́ди, ко́ньа, лѣ́зика)²⁾.

За исключеніемъ главы объ акцентовкѣ, мы въ Писменицѣ почти все не находимъ просодій, которыя въ ней служатъ лишь для различенія подобозвучныхъ формъ, какъ имена род. ед. ч. (читайъ имена), имена им. мн., имена род. мн. (чит. имена). — Акуть иногда употребленъ для обозначенія второстепенно-ударяемой долготы (!), нпр. могу́ = мдо́у 3 л. мн. (стр. 28); мои́ род. мн. (стр. 44); руку́, ногу́, слугу́ = рѹ́ку, нѹ́гу, слѹ́гу род. мн. (стр. 25).

Во второмъ изданіи грамматики, при словарѣ 1818-го года, акцентуація является уже въ видоизмѣненномъ и усовершенствованномъ видѣ. Насчитываются, правда, тѣ же четыре ударенія, но уже сдѣлана оговорка, что рѣзкое удареніе бываетъ двоякое, т. е. болѣе рѣзкое и менѣе рѣзкое (= слабое) и первое, гдѣ это особенно нужно, отличено отъ второго удвое-

¹⁾ У Караджича она вторая: вообще, и совершенно измѣнилъ порядокъ перечисленія просодій, который самъ по себѣ неваженъ, но, при сравненіи между собой различныхъ системъ акцентуаціи, можетъ много содѣйствовать, или мѣшать наглядности.

²⁾ Послѣдній примѣръ, очевидно, попалъ сюда по недосмотру, т. к. въ немъ е не долгіи, а краткіи. Впрочемъ, Караджичъ писалъ тогда также и Турака род. мн. (во второмъ изданіи словаря: Турака).

ніемъ просодіи: вода, вѣдѣ, вѣди, вѣду, вѣдо, вѣдѣм, вѣди; пара = пара (монета) — пара = парь, дыханіе и т. п. Насчетъ округленнаго циркумфлекса, служащаго знакомъ нисходящаго ударенія, сдѣлано замѣчаніе, что этотъ знакъ произносится нѣсколько иначе, когда онъ стоитъ на первомъ слогѣ, чѣмъ когда стоитъ на какомъ-нибудь другомъ, что легко можно замѣтить въ словахъ памѣнье, сѣдим, радѣм, шарѣм пестрю, вѣжемъ; т. е. высказывается сознаніе, что въ подобныхъ реченіяхъ только первое удареніе есть главное, а второй слогъ имѣетъ удареніе второстепенное, или же вовсе не имѣетъ ударенія, а только дологъ ¹⁾. Наконецъ, и объ угловатомъ циркумфлексѣ сказано, что онъ собственно имѣетъ двойное значеніе: что, напр., въ выраженіи «нас има седам дѣуга (произн. дѣуга)» удареніе звучитъ протяжнѣе, чѣмъ въ выраженіи «десет лијених дѣуга (= дѣуга)». Такое же различіе замѣчается между «виѣели смо на небу 10 дѣуга (произн. дѣуга)» и «доніјели смо сваки по 10 качних дѣуга (произн. дѣуга)», и также между «десет граѣа (= граѣа)» и «допао раѣа (= раѣа)». — Названія просодій, употребленныя въ Писменицѣ, въ Рѣчникѣ уже не являются: говорится просто о первой просодіи, о второй и т. д., о просодіи ²⁾, о просодіи ³⁾. Опредѣленія просодій измѣнены и получили слѣдующій видъ:

Первая просодія (˘) служитъ для обозначенія рѣзкаго произношенія — стоји над оним словом, ђе се глас оштро изговара.

Вторая (˘) обозначаетъ прямое протяженіе звука (глас се управо протеже — *der Ton dehnt sich gerade aus.*)

Третья (˘) выражаетъ то, что звукъ какъ-бы расплывается и округляется — глас се као округло разлази, *der Ton geht rund aus.*

Четвертая (˘) опредѣляется почти тѣми же словами, какъ и въ первомъ изданіи грамматики: глас се тако протеже, да од протезаѣа прелази нешто и на друга слова, која иду за њим, н. п. наво (чит. наво) нарочно и всѣ род. мн. ч., какъ десет љѣди. пет оваѣа, свију народа и т. д. ³⁾.

Во второмъ изданіи своего словаря Вукъ повсюду провелъ различіе между удареніями рѣзкимъ и слабымъ, вслѣдствіе чего ему пришлось отказаться отъ одного графическаго сокращенія, допущеннаго въ первомъ изданіи: онъ слова ѡвѣар, рѣтар, радѡст, раѣѣе *surrectio mattutina*, нѡшѣе, мѡгаѣе, гнѣѡван (хлѣб, *male pinsitus*), гѡлѣтан голый, безгѣсий, граѣѣаѣе и подобныя имъ не могъ уже отмѣчать однимъ циркумфлексомъ на второмъ слогѣ и на первомъ *подразумѣвать* грависъ, а долженъ былъ

¹⁾ См. нѣсколько ниже (стр. 79) мнѣніе объ этомъ предметѣ Даничича.

²⁾ Вук Стефановић. Српски рјечник 1818. XXXVI. — *Wuk Stephanowitsch kleine serbische Grammatik S. 19 — 22.*

всякій разъ писать этотъ знакъ, то въ простомъ, то въ удвоенномъ видѣ. Относительно ударенія, обозначаемаго угловатымъ циркумфлексомъ, Караджичъ пришелъ къ тому убѣжденію, что такого ударенія вовсе не существуетъ, а бываетъ только то, что послѣ слога съ нисходящимъ или съ восходящимъ удареніемъ идетъ еще одинъ, или два долгихъ слога: вмѣсто прежнихъ *наво*, *луди*, *народа*, *седа*, *сѣла*, мѣста мы въ словарѣ 1852 года читаемъ *наво*, *луди*, *народа*, *седа*, *сѣла*, мѣста.

Въ предисловіи къ Пословицамъ и въ Письмѣ о сербской прозодіи Вукъ также касается вопроса объ удареніяхъ. Въ первой изъ этихъ статей мы встрѣчаемъ термины: *мас оштар* = слабое удареніе, *мас орло оштар* = рѣзкое удареніе, и *мас округло* = нисходящее; восходящее же удареніе выражается описательно: «којега глас се управо протеже» или «слог се врло отеже»¹⁾. Въ Письмѣ о прозодіи являются *мас најоштрији* (рѣзкое удареніе), *мас дугачки* (нисходящее) и *мас најдужки* (восходящее)²⁾.

Терминологіей этихъ статей, очевидно, навѣяны теперешнія школьныя названія удареній у Сербовъ: *акцентом кратки* (уд. слабое), *акц. орло кратки* (рѣзкое), *акц. дуги* (нисходящее) и *акц. орло дуги* (восходящее)³⁾.

Установленіе весьма точной акцентуаціи для Сербскаго языка есть несомнѣнная заслуга Караджича; но нельзя не замѣтить, что его опредѣленія удареній носятъ какой-то поэтической характеръ и мало имѣютъ общаго съ дѣйствительностью: ударенія восходящее и нисходящее вовсе не характеризуются ни большею или меньшею долгою, ни «прямымъ протяженіемъ» или «округленіемъ» звука, которыя существовали только въ воображеніи нашего изслѣдователя. Особенно жаль, что невѣрное представленіе о нисходящемъ и восходящемъ удареніяхъ побудило Караджича отступить отъ акцентуаціи Делла-Беллы: по какому-то наивному стремленію къ символизму (по крайней мѣрѣ, другой причины не видно), онъ «прямое протяженіе» звука сталъ обозначать прямою черточкою ('), а «округленіе» его—округленнымъ циркумфлексомъ (˘). Такимъ образомъ, Караджичъ ввелъ, а труды Даничича, Миклошича и др. узаконили употребленіе акута и циркумфлекса, какъ разъ въ обратномъ значеніи, тѣмъ какое они имѣютъ у Делла-Беллы—Делла-Беллины *zláto*, *zéc*, *gúka*, *kázati*, по Караджичу пишутся *zláto*, *zéc*,

¹⁾ Караѣић. Народне срpske пословице, 1836. стр. XXIX и XXXIX = XXXI и XL 2 изд.

²⁾ Вукъ Стеф. Караѣића писмо Јовану Стерији Поповићу о срpsкој просодији. Slavische bibliothek, В. II, S. 235.

³⁾ Бошковић, Јован. Извод из срpsке граматике. Свезка прва: о гласовима и речима, (7 издање, у Београду 1878). Это общераспространенная элементарная грамматика.

рука, казати. О такой перемѣнѣ надо жалѣть тѣмъ болѣе, что акцентуація Делла-Беллы почти вполне сходна съ акцентуаціею, установленною для Литовскаго языка Куршатоу, отъ которой мало чѣмъ разнится и латышская у Биленштейна¹⁾). Правда, разошедшись съ Делла-Беллою и съ Куршатоу, Караджичъ за то приблизился нѣсколько къ греко-латинской акцентуаціи: его циркумфлексъ равенъ греческому циркумфлексу, акутъ — акуту, на долгихъ (см. выше, стр. 47—48); но это выгода небольшая. Несмотря на то, я не думаю, вмѣстѣ съ Мажураничемъ²⁾, ратовать за возвращеніе къ старинѣ и уклоняться отъ правописанія Караджича.

Вукову акцентуацію, безо всякаго измѣненія, проводить въ своихъ сочиненіяхъ Даничичъ³⁾: онъ настаиваетъ даже на томъ, что циркумфлексъ на первомъ слогѣ произносится точно такъ же, какъ и на прочихъ слогахъ, т. е., что, нпр., въ словѣ вѣжемъ вяжу (= вѣжемъ) оба *e* звучатъ совершенно одинаково, и полемизируетъ противъ Миклошича⁴⁾, въ Сравнительной фонетикѣ котораго высказанъ — по моему крайнему убѣжденію, весьма близкій къ истинѣ — взглядъ на эту просодію, по коему она только на первомъ слогѣ обозначаетъ удареніе, а въ другихъ случаяхъ — просто долготу.⁵⁾ Опроверженіе Даничича есть, собственно говоря, *circulus in demonstrando*: вѣрность Караджичевой акцентуаціи доказывается на основаніи ея самой: онъ говоритъ, что нпр. слово раст, употребленное отдѣльно, пишется точно такъ же, какъ когда оно входитъ въ составъ предложнаго слова уз-раст или нарѣчеобразнаго выраженія уз раст (рѣст, узрѣст, уз рѣст) и что, значить, если во второмъ и третьемъ случаѣ считать его неударяемымъ, то приходится считать его неударяемымъ и въ первомъ; а такъ какъ это рѣшительно невозможно, то его слѣдуетъ считать ударяемымъ во всѣхъ трехъ случаяхъ. Выводъ, конечно, вѣрный, но вопросъ въ томъ, вѣрно ли его основаніе, т. е. вѣрно ли въ этомъ случаѣ правописаніе Караджича. Терминологія у Даничича нѣтъ никакой: онъ говоритъ объ удареніи⁶⁾, объ удареніи⁷⁾ и т. д.⁸⁾

¹⁾ Bielenstein, A. Lettische Grammatik. Mitau 1863. S. 6.

²⁾ Mažuranić. Slov. kćrn. § 33.

³⁾ Собственно, Вукова акцентуація, въ окончательномъ видѣ, впервые является у Даничича: статья Нейто о сръпскіемъ акцентіи (Slavische bibliothek, B. I., S. 97) вышла въ 1851 году, т. е. годомъ раньше второго изданія Вукова словаря.

⁴⁾ Даничичъ. Сръпски акцентіи. Гласник VIII, стр. 2.

⁵⁾ Miklosich. Vergleichende Lautlehre. 1852. S. 318.

⁶⁾ Прошу читателя не обобщать моихъ неодобрительныхъ отзывомъ о нѣкоторыхъ частностяхъ въ почтенныхъ трудахъ Даничича, которые при составленіи этой книги служили однимъ изъ важнѣйшихъ пособій.

Миклошичъ въ Сербскомъ отдѣлѣ своей Сравнительной фонетики,¹⁾ придерживается Вука, хотя самъ упрекаетъ его въ нѣкоторой непослѣдовательности, а именно въ смѣшеніи въ одно двухъ различныхъ вещей: ударенія и количества. Ученіе Караджича объ удареніяхъ у Миклошича получило такой видъ, что различаются ударенія 1) *рѣзкое* (der scharfe Accent), обозначаемое посредствомъ грависа: *вѣда*, 2) удареніе *болѣе рѣзкое* (der schärfere), отмѣчаемое двойнымъ грависомъ: *пѣра*, 3) удареніе *длинное* (der lange), коего знакомъ служитъ акутъ — наше восходящее: *грана* и 4) удареніе, *явственно сдвигивающее гласный* (der den vocal vernehmlich vèrdoppelnde), — наше нисходящее: *глад*.

Соотношеніе между удареніями Миклошичъ представляетъ такъ, что первое есть усиленіе (steigerung) второго, а четвертое — усиленіе третьяго, — принявши менѣе рѣзкое удареніе за единицу, онъ выражаетъ это соотношеніе слѣдующею пропорціею: $\grave{\ } : \acute{\ } : \hat{\ } = 1 : 2 : 3 : 4$. Въ послѣднемъ положеніи вѣрно лишь то, что слабое удареніе нѣсколько протяжнѣе рѣзкаго, но чтобы нисходящее было долѣе восходящаго и явственно сдвигивало бы гласный, этого рѣшительно нельзя сказать. Далѣе, Миклошичъ говоритъ, что только первые два знака, въ самомъ дѣлѣ, выражаютъ ударенія, а вторые два — соединенную съ удареніемъ долготу. Последнее положеніе мнѣ кажется не вполне справедливымъ, хотя съ нимъ соглашаются Ягичъ, Будмани, Шкрабецъ, Мазингъ; отчасти, косвеннымъ образомъ, и Мажураничъ.

Съ Миклошичемъ сошелся въ этомъ отношеніи также и Маріанъ Шуничъ²⁾. Шуничъ указываетъ на музыкальный характеръ сербо-хорватскихъ удареній и принимаетъ два ударенія, нисходящее и восходящее, изъ коихъ каждое можетъ падать на краткій гласный, или на долгій.³⁾ Сообразно съ этимъ, онъ употребляетъ только двѣ просодіи, грависъ и акутъ, — первый для рѣзкаго ударенія, второй — для слабого: *ptisa* = птица, *dica* = дѣца (дѣца). Для обозначенія долготныхъ удареній, эти же знаки соединяются со знакомъ долготы, съ которымъ они образуютъ острый уголъ, обращенный вершиною вправо или влѣво: первая изъ этихъ фигуръ замѣняетъ Буковъ циркумфлексъ, вторая — акутъ. Странно у Шунича то, что онъ ударенія восходящее и слабое называетъ *острымъ* (accentus acutus), а нисходящее

¹⁾ Vergleichende lautlehre 1852. Serbisch. Von der quantität der vocale und dem tone der sylben. S. 317 — 322.

²⁾ Šunić Marianus. De ratione depingendi rite quaslibet voces articulatas seu de vera orthographia. Vienna 1853, pag. 42.

³⁾ ib.

и рѣзкое — *тяжкимъ* (*accentus gravis*) и отождествляетъ ихъ съ удареніями, носящими тѣ же названія у греческихъ и римскихъ грамматиковъ¹⁾.

Мажураичъ (грамматика котораго вышла первыимъ изданіемъ въ 1858 году)²⁾ отступилъ отъ Караджича въ обозначеніи долготныхъ удареній и пытался возстановить въ этомъ пунктѣ систему Делла-Беллы. Его акутъ, замѣняющій Вуковъ циркумфлексъ, имѣетъ мѣсто только на первомъ слогѣ, въ другихъ же случаяхъ замѣняется простымъ знакомъ долготы. Определенія нисходящаго и восходящаго удареній у Мажураича весьма похожи на определенія Бабукича: «первое представляетъ какъ-бы рѣзкое удареніе на первой половинѣ долгаго гласнаго, второе — какъ-бы слабое удареніе на второй — *дѣн, мѣсо, пѣр, бѣг, зѣб = дѣан, мѣсо, пѣвр, бѣог, зѣуб; глава, пѣга, вино, Бѣжо, рѣка = глава, пѣга, вино, Бѣжо, рѣка*. Непонятно, какъ Мажураичу нисходящее удареніе могло показаться острымъ и похожимъ на рѣзкое: кажется, онъ въ этомъ случаѣ увлекся теоретическимъ соображеніемъ, что нисходящее удареніе нерѣдко происходитъ отъ стяженія рѣзкоудареннаго гласнаго съ неударяемымъ (*грѣт изъ грѣот, слѣд. грѣт = грѣот*).

Терминологія Мажураича носитъ нѣсколько вышній характеръ: она имѣетъ отношеніе не столько къ самымъ удареніямъ, сколько къ письменнымъ ихъ знакамъ, и представляетъ почти только переводъ общезвѣстныхъ греколатинскихъ терминовъ: рѣзкое удареніе называется *сильнымъ тяжкимъ* (*jak težki*), слабое — *слабымъ тяжкимъ* (*slab težki*), нисходящее (обозначаемое посредствомъ акута) — *острымъ* (*ostri = acutus*), восходящее — *облеченнымъ* (*zavinuti = circumflexus*)³⁾. Нравятся мнѣ въ этой терминологіи названія «рѣзкое и слабое ударенія», которыми я и пользовался изъ нея.

Въ прекрасной грамматикѣ Петра Будмани акцентуація почти вполне

¹⁾ *ib.* pag. 14. У Шунича есть еще и другія странности: онъ открылъ нпр. музыкальную акцентовку (подобную Сербской) у Поляковъ, Нѣмцевъ, Французовъ, *ib.* pag. 15, 44 — 45. Вообще видно, что авторъ не былъ знакомъ съ фонетическими тонкостями рассматриваемыхъ имъ языковъ, яснымъ доказательствомъ чего можетъ служить русское слово *смерть*, которому онъ (pag. 25) приписываетъ широкій *e* (*e* близкій къ *a*).

²⁾ Mažuranić, Antun. Slovnica hrvatska. 4 izd. U Zagrebu 1869.

³⁾ Термины острое и облеченное удареніе находятъ и въ изложеніи сдѣланномъ изъ грамматики Мажураича Потемнею, который, однако, этимъ названіямъ, какъ и соответствующимъ имъ просодіямъ, придаетъ обратное значеніе. Въмѣсто сильнаго тяжкаго и слабаго тяжкаго, Потемня говоритъ о болѣе тяжкомъ и менѣе тяжкомъ. Потемня. Два изслѣдованія. I. О полногласіи. стр. 39.

сходна съ Караджичевскою, только признается существованіе неударяемыхъ долготъ, и для обозначенія ихъ принять угловатый циркумфлексъ, между тѣмъ какъ нисходящее удареніе обозначается округленнымъ циркумфлексомъ, напр. vjètàrà, pòžica. Будмани¹⁾ предлагаетъ слѣдующую весьма стройную систему удареній, сходную съ системою Шунича: онъ прежде всего различаетъ въ Сербо-хорватскомъ языкѣ двойное удареніе — *сильное*, или *опредѣленное* [forte o determinato (sic!)] и *слабое*, или *неопредѣленное* [debole o indeterminato (sic!)]. Каждое изъ этихъ удареній можетъ приходиться то на краткій, то на долгій слогъ, вслѣдствіе чего получаютъ извѣстныя намъ четыре ударенія: 1) *сильное краткое* (forte breve) = рѣзкое, 2) *сильное долгое* (forte lungo) = нисходящее, 3) *слабое краткое* (debole breve) = слабое, 4) *слабое долгое* (debole lungo) = *восходящее*. Въ пользу этой системы можно сослаться на нѣкоторое звуковое сходство, замѣчаемое между удареніями слабымъ и восходящимъ²⁾ и на одинакое ихъ этимологическое значеніе: оба они — первое всегда, а второе въ громадномъ большинствѣ случаевъ — суть ударенія вторичныя, которымъ, какъ первичныя, противопоставляются рѣзкое и нисходящее. Но мнѣ, несмотря на то, кажется, что приписывать нисходящему ударенію рѣзкость — значитъ называть бѣлое чернымъ.

Въ сущности то-же самое, что Будмани, уже раньше высказалъ Ягичъ: указавъ, въ своей Сербо-хорватской грамматикѣ, на существованіе двухъ краткостныхъ и двухъ долготныхъ удареній, онъ прибавляетъ, что, собственно говоря, слѣдуетъ различать только два ударенія — одно *острое* (paglas oštar), другое *тяжкое* или *смяченное* (paglas težak ili utazen), которыя можно бы и обозначать всегда одними и тѣми-же знаками, грависомъ двойнымъ и простымъ, отличая долгіе слоги отъ краткихъ обыкновеннымъ знакомъ долготы: brāt, vòda, bōg, dūša (= бōг, дūша)³⁾. Почти тождественную съ этою графическую реформу, нѣсколько лѣтъ спустя (1870), рекомендовалъ словенецъ Шкрабецъ: по его способу, только что приведенныя слова слѣдовало бы писать brāt, vòda, bōg, dūša⁴⁾.

¹⁾ Budmani, Pietro. Grammatica della lingua Serbo-croata. Vienna 1867. Dell'Ascensio §§ 9 — 13, pag. 6. Кроме указанныхъ параграфовъ есть, въ своемъ мѣстѣ, замѣчаніе объ акцентовкѣ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ. На приводимыхъ въ этой грамматикѣ примѣрахъ отиѣчены ударенія.

²⁾ См. выше, стр. 45.

³⁾ V. Jagić. Gramatika jezika hèrvatskoga. U Zagrebu 1864. str. 62. Здѣсь же, въ самыхъ краткихъ словахъ, высказаны мысли, которыя впоследствии, исправленныя и развитыя подробнѣе, вошли въ его Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju. Rad. XIII.

⁴⁾ Статя Шкрабца посвящена собственно не сербо-хорватской акцентовкѣ, а

Своеобразную акцентуацию мы находимъ въ грамматикѣ Игнатія Берлича: желая, подобно Караджичу, установить нѣкоторое соотвѣтствіе между просодіями и выражаемыми ими удареніями, онъ произвелъ новую перетасовку просодій: присвоивши, по примѣру Караджича, акуту значеніе восходящаго ударенія (grápa, búsa, gúka), онъ для обозначенія другого долготнаго ударенія употребилъ «аналогичный» акуту грависъ и пишетъ glád, mîr, súnce = глѣд, мѣр, сѣнце. Этотъ знакъ, какъ и Буковъ циркумфлексъ, служитъ у него также для обозначенія долготы со второстепеннымъ удареніемъ или безъ ударенія: izkorávŕi, izkorávŕi, izkorávŕe = ископѣвши, ископѣвши, ископѣши (акцентовка этихъ словъ чакавская). Рѣзкое удареніе, не различаемое отъ слабого, выражается у Берлича циркумфлексомъ: čávaо гвоздь, mlldst, pókj, dégva = чѣвао, мллст, пѣкѣ, дѣрва¹⁾). Употребленіе въ подобномъ значеніи циркумфлекса нельзя не назвать крайне неудачнымъ, когда мы во всѣхъ языкахъ привыкли считать этотъ знакъ исключительнымъ достояніемъ долгихъ слоговъ. Да, и вообще, попытка замѣнить условное значеніе просодій другимъ, въ сущности столь же условнымъ, хотя и представляющимъ, можетъ быть, болѣе стройную систему, — затѣя пустая.

Акцентовка у Берлича полу-чакавская, полу-штокавская: онъ пишетъ нпр. (передаю его написаніе въ моей транскрипціи): женѣ, добрѣ, ковѣч, джевѣрка, водица, небеса, чудеса, тжелеса, живѣт, богѣт, лежѣти, задржѣи, имѣм, а съ другой стороны: сѣкно, слѣга, рука, пѣга, снѣха, нѣга, дѣска, ископѣј, вѣга (= снѣха, нѣга, дѣска, ископѣј; вѣга); впрочемъ, чакавщина у него рѣшительно преобладаетъ.

Опять иную акцентуацию мы находимъ у Мазинга²⁾, который свое краткое однослоговое удареніе (мое рѣзкое) обозначаетъ посредствомъ отвѣсной черточки надъ знакомъ краткости, нпр. pŕŕim, zĕt, долгое (мое нисходящее) — выпуклою дугою, подъ угломъ соединенною со знакомъ долготы и изображающей графически пониженіе голоса, нпр. pŕŕem, grád.

«Двуслоговое» удареніе Мазингъ обозначаетъ двумя просодіями: одною надъ первымъ слогомъ, другою надъ вторымъ. Кромѣ указанныхъ уже знаковъ долготы, краткости и пониженія голоса, тутъ являются еще знакъ повышенія — ' и знакъ высокаго, сильнаго ударенія — точка, которые

словенской: P. Škrabec. O glasu in naglasu našega knjižnega jezika. Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto). Veröffentlicht am Schlusse des Schuljahres 1870.

¹⁾ Berlić, Ignaz Al. Grammatik der illirischen Sprache. Agram 1850. S. 22—24

²⁾ L. Masing. Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents.

опять-таки комбинируются со знаками количества. Понадобились два знака, потому, что, по наблюдениям Мазинга, двуслоговое ударение произносится двояко: или повышение и понижение голоса происходит как надь долгими, так и надь краткими гласными, или же краткие произносятся только высоко и сильно. Такимъ образомъ, наши добрѣта, планѣна принимаютъ видъ *dobrŏtā, plānīnā*, или: *dŏbrŏtā, plānīnā*; наши сачувāмо, болѣсникъ пишутся *sāčūvāmo, bŏlēsnik*, или — *sāčūvāmo, bŏlēsnik*. При долгомъ двусловомъ (восходящемъ) удареніи двойкость выговора возможна лишь во второмъ слогѣ, да и то, разумѣется, когда онъ кратокъ: народъ, љубити у Мазинга пишутся, по одному выговору, — *nārod, lĵūbiti*, по другому — *nārod, lĵūbiti*, по вучѣмъ, бāлѡвā всегда являются въ видѣ *vŭčŏm, bāndvā*¹⁾.

Кончая теперь обзоръ сербской акцентовки и переходя къ словенской, не лишнимъ считаю повторить въ двухъ словахъ главные выводы, къ которымъ онъ насъ привелъ. Выводы эти слѣдующіе:

1. Сербская акцентовка, по видимому столь отличная отъ русской, первоначально была тождественна съ нею, по крайней мѣрѣ, относительно мѣста ударенія.
2. Ударенія рѣзкое и нисходящее равносильны русскому ударенію на томъ же слогѣ.
3. Ударенія слабое и восходящее равносильны русскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ старосербскому — на слѣдующемъ слогѣ²⁾.
4. Весьма вѣроятно, что чакавская акцентовка есть акцентовка древняя, общая первоначально, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, юговосточнымъ Славянамъ.

¹⁾ I. Masing. S. 58—84.

²⁾ Въ силу этого вывода, мы въ послѣдующихъ главахъ изъ-за новосербскаго выговора *рѣкох, добрѣта, планѣно, рѣкомъ* и т. п. будемъ видѣть старосербскій — *рекѡх, добрѡтā, плāнѣнѡ, рѣкѡмъ*, и съ нимъ уже будемъ сравнивать выговоръ Русскихъ, Словенцевъ и Болгаръ.

III.

Словенская акцентовка.

У Словенцевъ акцентовка вольная и вмѣстѣ съ тѣмъ разнородная: они (правда, только въ ударяемыхъ слогахъ) различаютъ долготу и краткость гласныхъ, такъ что можно говорить у нихъ объ удареніи краткостномъ и долготномъ. Первое изъ этихъ удареній тождественно съ сербскимъ рѣзкимъ.

Словенскіе грамматики (Копытаръ, Метелко, Мурко, Поточникъ) употребляютъ термины острое и протяжное ударение (*geschärfter und gedehnter Accent*) и обозначаютъ первое посредствомъ грависа, второе — посредствомъ акута. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ также употребляетъ для краткихъ слоговъ грависъ, а на долгихъ пишетъ циркумфлексъ; акутъ же является у него на тѣхъ слогахъ, которые ему кажутся средними — ни рѣшительно краткими, ни долгими¹⁾. Я же, въ видахъ единообразія, буду обозначать краткостное или рѣзкое удареніе тѣмъ же двойнымъ грависомъ, какъ и въ Сербскомъ языкѣ²⁾.

Примѣрами краткостнаго ударенія могутъ служить слова: brāt, dŕŕ, bŏb, ŝŭl (произносится ŝü), vŕgt.

Долготное удареніе представляютъ нпр. слова: páŕwd, žéna, bréza, zíma, gŏga, kŏza, kljŭč³⁾.

¹⁾ И. Бодуэн-де-Куртенэ. Опыт фонетики резьявскихъ говоров, стр. 7. Въ «Бенско-посавскомъ говорѣ» мы находимъ у Бодуэна нѣсколько иную акцентуацію, о коей упомяну ниже.

²⁾ Отъ этого правила я отступаю въ Резьявскомъ нарѣчій, по какимъ соображеніямъ — будетъ указано ниже, стр. 90.

³⁾ Надо замѣтить, что рѣзкіе е и о у Словенцевъ болѣе приближаются къ а, нежели къ і и ѳ, т. е. произносятся такъ, какъ соответствующіе звуки въ вѣмецкихъ словахъ Ebbe, Otter, или въ русскихъ — совершенный, сонный. При долгомъ произношеніи встрѣчается подобный же выговоръ, сходный съ вѣмецкимъ е въ словѣ wer, съ французскимъ é и съ гласнымъ элементомъ русскихъ э, е, ѣ, передъ до-

Таковъ обыкновенный взглядъ на словенскую акцентовку, по которому она хотя и разнородная, но не музыкальная, а только количественная. Однако, нѣкоторые изслѣдователи именно считаютъ ее музыкальною и находятъ въ ней не два только рода ударенія, а три, или четыре.

Первый выставилъ такую теорію Лука Светецъ¹⁾ и предложилъ для Словенскаго языка ту же самую систематизацію удареній, которую для Сербскаго языка предлагали Шуничъ, Ягичъ, Будмани. Светецъ, такимъ образомъ, различаетъ, прежде всего, два ударенія: острое (Ягичево острое, Будманіево сильное — *forte*) и мягкое (Ягичево мягкое — *utažen*, Будманіево слабое — *debole*), изъ коихъ каждое можетъ быть или долгимъ или краткимъ, другими словами, у Светца, по моей терминологіи, являются ударенія: 1) рѣзкое, нпр. *bôb, gèra, gâd*, 2) слабое *vôda, zèlen, bôgat*, 3) нисходящее — *grâd, rôt* = потъ, *kôgên* и 4) восходящее — *gláva, rôt* = путь, *stâna*.

Итакъ, Светецъ Словенскому языку приписываетъ тѣ же четыре ударенія, которые свойственны Сербо-хорватскому²⁾. Далѣе онъ утверждаетъ, что также мѣна ихъ и передвиженіе, вообще говоря, совершаются по тѣмъ же законамъ, какъ у Сербовъ. Со Светцемъ соглашаются Себастьянъ Желичъ³⁾ и Антонъ Янежичъ⁴⁾.

большими согласными и въ концѣ словъ, нпр. *этотъ, предметъ, гдѣ*, и съ французскимъ *o* въ словѣ *ог*, а также съ обыкновеннымъ русскимъ *o*: *žèna, péta, jézik, gôra, pôga, ôkno*. Въ другихъ словахъ долгіе *e* и *o* болѣе похожи на *i* и на *u*, нежели на *a*, т. е. произносятся, какъ нѣмецкое *e* въ словѣ *Ehre*, какъ французское *é* и какъ гласный элементъ *э, е, ѣ*, передъ тонкими согласными (*эти, пень, сѣть*) и какъ нѣмецкое *o* въ *Ohr*, французское — въ *chose*; нпр.: *brîza, rîsa, žènin* женихъ, *kôza, stôra* ступка, *kôt* уголь. Т. к. двойной выговоръ *e* и *o* имѣетъ большое значеніе для моего изслѣдованія, то я обозначаю его на письмѣ, по способу Метелки: *e* и *o* означаютъ *e* и *o* близкіе къ *a*, *ε* и *o* — близкіе къ *i* и къ *u*. Неударяемое *o* я выражаю посредствомъ *ô*, уклоняясь отъ непослѣдовательнаго въ этомъ случаѣ правописанія Метелки.

¹⁾ Podgoraki (Luka Svetec). O slovenskem naglasu ali akcentu (Novice gospodarske, obrtniške in narodne. 1863. List. 7—9, 13—14, 16). Светецъ — настоящая фамилія автора, Подгорскій — псевдонимъ.

²⁾ Собственно, Светецъ не первый заговорилъ о разнообразіи словенскаго ударенія: еще въ 1849 году Поточникъ мимоходомъ упоминаетъ о существованіи у Словенцевъ нисходящаго и восходящаго ударенія (*Betonung mittelst der fallenden Dehnung, B. m. d. steigenden Dehnung*). Potočnik. Grammatik der slovenischen Sprache. S. 12, 13, 22.

³⁾ Seb. Žepič. Izvèstja ali programe nekterih slovènskikh in hrvaških gimnazij, pa mimogredè nekaj slovniških opazek (Novice 1867, str. 353 и сл.).

⁴⁾ Ant. Janežič. Slovenska slovnica. str. 22—25.

Светцева теорія очень заманчива; но подозрительно то обстоятельство, что изслѣдователь подходилъ къ языку съ готовою, заимствованною у Мажуранича теоріею: ему легко могли прислышаться модуляціи голоса, соотвѣтствующія этой теоріи, но, собственно, не существующія въ живой рѣчи. Насколько другой изслѣдователь, Жепичъ, увлекался предвзятыми мыслями, видно изъ его положенія, что широкіе е и о (е и ѿ) никогда не бываютъ долгими, потому что имъ въ Сербскомъ языкѣ — за исключеніемъ только трехъ словъ: вѣјска, ѡвца и вѣреме — соотвѣтствуютъ краткіе гласные. Статья Жепича имѣетъ характеръ самостоятельнаго изслѣдованія; что жъ касается до Янежича, то его ученіе объ акцентѣ цѣликомъ заимствовано у Светца.

Тройкое удареніе въ Словенскомъ языкѣ находятъ Шкрабець¹⁾ и Валявецъ²⁾. По ихъ мнѣнію, слѣдуетъ различать ударенія рѣзкое, нисходящее и восходящее, а слабого не существуетъ, или, какъ они выражаются, долгіе гласные могутъ имѣть и острое и протяжное удареніе, но краткіе — только острое³⁾. Рѣзкое удареніе употребляется рѣже другихъ, вслѣдствіе того, что Словенцы почти всегда протягиваютъ ударяемый слогъ: только конечные слоги реченій (также и единственный слогъ односложныхъ) могутъ произноситься съ удареніемъ, но кратко, нпр. *veljān*, *mlatič*, *zazranè*, *grōš*, *plāč*⁴⁾.

Что касается взглядовъ на *сушность* словенскихъ удареній, то Светецъ, Жепичъ, Янежичъ и Шкрабець держались Мажуранича; Валявецъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, принимаетъ мнѣніе Мазинга: онъ говоритъ, что за слогомъ съ восходящимъ удареніемъ и у Словенцевъ слѣдуетъ слогъ со второстепеннымъ нисходящимъ, нпр. *nāgōd*, *pisāti*, но замѣчаетъ, что это удареніе гораздо слабѣе главнаго, и что его можетъ и не быть, т. е. восходящее удареніе нерѣдко падаетъ на конечный, или на единственный слогъ, нпр. *junāk*, *sōd*. Слоги, не отмѣченные ни главнымъ, ни второстепеннымъ удареніемъ, произносятся слабо и низко и притомъ всё одинаково⁵⁾.

¹⁾ P. Škrabec. O glasu in naglasu našega kujižnega jezika [Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto) veröffentlicht am Schlusse des Schuljahres 1870].

²⁾ M. Valjavec. Prinos k naglasku u (novo)slovenskom jeziku. Rad Jugosl. Akad. Knj. XLIII.

³⁾ У Шкрабца *naglas potisnjeni* и *potegnjeni*, у Валявца — *potisnjeni* и *otegnjeni*.

⁴⁾ Škrabec. O glasu in naglasu. Valjavec. Prinos k naglasu. Rad XLIII, str. 4.

⁵⁾ M. Valjavec. Rad Jugosl. Akad. Knj. XLVII, str. 169. — У Сербовъ замѣчается прогрессивное ослабленіе и пониженіе слоговъ, слѣдующихъ за главноударяемымъ (Kovačević. Archiv f. slav. Philol. B. III, S. 692);

Второстепенное ударение, сопровождающее ударение восходящее, было замечено уже Светцем и привело его къ учению о «ритмическомъ приголоскѣ» — *ritmiški priglassek*. По этому нѣсколько странному учению, слова, съ ударениемъ мягкимъ (слабымъ и восходящимъ) и съ острымъ краткимъ (рѣзкимъ), имѣютъ, кромѣ главнаго, еще второстепенное ударение, которое падаетъ или на тотъ же слогъ, какъ и главное, или же на слѣдующій, что ведетъ въ одномъ случаѣ къ усилению, въ другомъ — къ ослаблению акцента. Въ первомъ случаѣ, Светецъ говоритъ о хоренческомъ ритмѣ (*trohejski ritem*), во второмъ — о ямбическомъ (*jambovski ritem*). Слова *gláva, lîra, bûtaga, çûtaga*¹⁾, съ хоренческимъ ритмомъ, произносятся какъ-бы *gláava, lîira, bûûtaga, çûûtaga*, а съ ямбическимъ — *glávà, lîrà, bûtàga, çùtàga*. Хоренческій ритмъ замѣчается и въ односложныхъ словахъ: *ròbt, gèér*, въ конхъ невозможенъ ямбическій. Въ трехсложныхъ реченіяхъ второстепенное ударение хоренческое можетъ падать не только на одинъ слогъ съ главнымъ, но и на предшествующій: ямбическое *retìca* съ хоренческимъ «приголоскомъ» произносится *retlìca*, или *retìca*. Это учение о «приголоскѣ» безусловно принимаетъ Янежичъ; признаетъ его и Шкрабець, который говоритъ, что приголосокъ особенно замѣтенъ тогда, когда на слово падаетъ фразное ударение (не значить ли это, что онъ въ другихъ случаяхъ мало замѣтенъ, или вовсе не существуетъ?). Валявецъ отчасти соглашается со Светцемъ: ему принадлежитъ мысль, что ямбическій приголосокъ есть ничто иное, какъ второй элементъ двуслогового ударения — Светцевы примѣры ямбическаго ритма онъ, по способу Мазинга, написалъ бы *glávà, lîrà, bûtàga, çùtàga, retìcà*²⁾.

Бодуэнъ-де-Куртенъ въ Бохинско-посавскомъ говорѣ подмѣтилъ нисходящее ударение, обозначаемое имъ посредствомъ циркумфлекса, рядомъ съ которымъ являются грависъ (знакъ усѣченнаго = рѣзкаго ударения) и акутъ — знакъ ударения вообще; послѣдній на гласныхъ «средней» долготы употребляется самъ по себѣ, а на долгихъ соединяется со знакомъ долготы³⁾. Ударение, соответствующее послѣднему знаку, едва-ли не слѣдуетъ считать восходящимъ. Надо однако замѣтить, что циркумфлексъ и акутъ со знакомъ

¹⁾ Такъ пишетъ Светецъ; но бѣльшая часть Словенцевъ произноситъ *lîra, bûtaga, çûtaga*, съ долгими, или по крайней мѣрѣ средними *i* и *u*.

²⁾ Podgorski. O slovenskem naglasu. Janežič. Slovenska slovnica, str. 24. Škrabec. O glasu in naglasu. Valjavec. Prinos k naglasu. Rad. knj. XLVII, str. 21—25.

³⁾ И. А. Бодуэнъ-де-Куртенъ. Отчеты о занятіяхъ по языковѣдѣнію въ теченіе 1872 и 1873 гг., стр. 49. — Впрочемъ, черезъ страницу, въ примѣчаніи сказано, что авторъ впоследствии разубѣдился во многихъ изъ своихъ прежнихъ мнѣній о крайню-словенскомъ удареніи.

долготы у Бодуэна являются лишь изрѣдка и далеко не всегда соответствуют Валявцевымъ циркумфлексу и акуту: Бодуэновымъ Zâsr, kôv, môž, gôko (ржжж), čwôk дѣйствительно отвѣчаютъ Zâsr, kôv, môž, gôkw, člôvek, но, вмѣсто па rôt(i). sŭžba, kôt, Валявецъ пишетъ на rôtî, slŭžba, kôt.

Такимъ образомъ, на число и на сущность словенскихъ удареній еще не установилось опредѣленнаго взгляда. Лично я склоняюсь въ пользу теоріи Шкрабца и Валявца, т. е. въ пользу тройкаго ударенія¹⁾. Однако, я долженъ признаться, что мое мнѣніе основано не на изслѣдованіи народнаго выговора — для чего было бы необходимо прожить въ словенскихъ краяхъ гораздо дольше, нежели мнѣ было возможно — а на продолжительныхъ разсужденіяхъ, которыя мы вели объ этомъ предметѣ, въ Люблинѣ, съ г. Левстикомъ: сначала мы оба были рѣшительно предубѣждены противъ Светца, Женича, Шкрабца и Валявца, но кончилось тѣмъ, что г. Левстикъ, разобравши вмѣстѣ со мною массу примѣровъ, и самъ убѣдился въ вѣрности Шкрабцевой теоріи и меня въ ней убѣдилъ. Несмотря на то, меня нѣсколько смущаетъ сообщеніе, сдѣланное мнѣ профессоромъ Крекомъ, что онъ нарочно прислушивался къ выговору своихъ градецкихъ студентовъ, сопоставившихъ съ разныхъ концовъ словенской земли, но рѣшительно не могъ подмѣтить никакой двоякости протяжнаго ударенія. Миклюшичъ говоритъ, что и въ его родномъ говорѣ (восточно-штирійскомъ, на границѣ Венгріи) подобнаго разнообразія удареній не замѣчается²⁾.

Не предрѣшая вопроса о характерѣ словенскаго ударенія, я на различіи удареній нисходящаго и восходящаго не основываю никакихъ выводовъ, но, тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ акцентуаціи держусь Шкрабца и Валявца. Знаки употребляю тѣ же, какъ и Валявецъ, т. е. Вуковскіе акутъ, циркумфлексъ и двойной грависъ³⁾; надъ широкими же е и о я не пишу, вмѣсто акута,

¹⁾ Впрочемъ, различіе между нисходящимъ удареніемъ и восходящимъ не такъ замѣтно у Словенцевъ, какъ у Сербовъ, уже потому, что они говорятъ скорѣе и, по признанію самого Валявца (Rad. XLIII, 2), не такъ протягиваютъ неконечные слоги, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ мѣстностей и отдѣльных лицъ: при меньшемъ протяженіи гласнаго, разумеется, менѣе замѣтно и нисходящее или восходящее движеніе голоса.

²⁾ Fr. Miklosich. Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. S. 5. Божидаръ Ралчъ — Prekmurski književniki pa knjige. Spisal Raičev Božidar. (Letopis matice slovenske. 1869, str. 73 — 76) — рѣшительно утверждаетъ, что «наперекоръ Сербо-хорватскому языку, въ Словенскомъ всего два рода ударенія.»

³⁾ Шкрабецъ, какъ упомянуто уже въ предыдущей главѣ, обозначаетъ свой рѣшеніи paglas грависомъ, а potegujeni — акутомъ, къ концѣ, на долгихъ гласныхъ, прибавляетъ еще долготную черту: онъ, вмѣсто сербскихъ (Вуковскихъ) ôko, nôga, Bôg, glâva, пишетъ ôko, nôga, Bôg, glâva.

грависъ, т. е. это ведетъ къ путаницѣ и было бы совершенно излишне, когда у меня эти звуки выражаются особыми буквами¹⁾. Кроме акута, циркумфлекса и двойного грависа, буду употреблять еще знакъ неопределеннаго ударенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда у меня не окажется точныхъ свѣдѣній о выговорѣ слова: пишу, нпр., *bérem, mǒci, pakǔváǔ*²⁾. Буквы *ε* и *ο* я въ такомъ случаѣ не отмѣчаю никакою просодию, потомучто соответствующіе звуки всегда бываютъ долги и слѣдовательно всегда произносятся съ удареніемъ³⁾. Иногда — преимущественно для заимствуемыхъ у Бодуэна резьянскихъ словъ — я пользуюсь знаками долготы и краткости, которые, т. е. долгота и краткость у Словенцевъ различаются только въ ударяемыхъ слогахъ, могутъ служить косвенными указаніями на мѣсто ударенія: такимъ образомъ, я пишу *gwǎk, gladák, ðknǔ* (резь. = *ǔknǔ*), *oǔzoerǔ* (резь. = *jǔzerǔ*), *wǔða* (резь. = *vǔða*)⁴⁾.

Относительно размѣщенія удареній я назвалъ Словенскую акцентовку разномѣстною. Нельзя однако не замѣтить, что удареніе чаще всего приходится на *предконечный* слогъ: по словамъ Светца, есть даже мѣстности, гдѣ это составляетъ правило, почти не допускающее исключеній⁵⁾. Къ слову сказать: въ словенской акцентовкѣ вообще не мало мѣстнаго разнообразія.

¹⁾ У Валявца пишется *žèna, sprèhod, vǔða, rǔkoj*, а у меня — *žéna, spréhǔd, vǔða, rǔkǔj*. Ту же службу, какъ грависъ у Валявца, у Коштыра, Поточника, Мурки несетъ циркумфлексъ: они пишутъ *žèna, sprèhod, vǔða, rǔkoj*. Валявецъ также употребляетъ угловатый циркумфлексъ надъ *e* и надъ *o*, но только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда широкия *e* и *o* произносятся съ нисходящимъ удареніемъ.

²⁾ Удареніе приведенныхъ реченій можно бы было опредѣлить по нѣкоторымъ соображеніямъ: принявши во вниманіе, что *e* и *ǔ* почти никогда не являются у Валявца съ нисходящимъ удареніемъ, а съ восходящимъ, и что вообще гласные, краткіе въ Сербскомъ языкѣ, получаютъ восходящее удареніе (см. въ концѣ настоящей главы), я могъ бы написать *bérem, mǒci, pakǔváǔ*; но я положилъ себя за правило, никогда не ставить просодій по теоретическимъ соображеніямъ, а только по собственному слуху и по правдоподобнымъ показаніямъ заслѣдователей.

³⁾ Звукъ *o* изрѣдка (въ изглашеніи словъ *suknǔ, srebrǔ* и т. п.) бываетъ и краткимъ, но все-таки не лишентъ ударенія.

⁴⁾ Пишу *ǔ*, *oe*, *co* знакомъ краткости, не только въ виду типографическаго удобства (знакъ *ǔ* имѣется въ типографіи, а *ǔ* съ двойнымъ грависомъ пришлось бы вырѣзать), но и потому, что, быть можетъ, резьянское краткостное удареніе, въ нѣкоторыхъ словахъ, есть не рѣзкое, а слабое.

⁵⁾ Tako govore v osilniški fari, v okrají Kočevskem (Kočeveje, по-итмеция Gmüschau), ja meni se vidi, da mnogo tudi po notrahjem Kranjskem in Goriškem. O slov. nagl. Novice 1868.

Уже Свистецъ указалъ на то, что Словенцы колеблются между русско-чакавскою разстановкою удареній и — штокавскою: они то склоняются въ пользу той или другой, то допускаютъ обѣ. Произносятъ, нпр., на русскій ладъ *dobrāva*, *lisica*, *graběž*, *begūn*, *itì* (*itì* — форма верхнекраинская), а рядомъ съ тѣмъ, подобно Сербамъ-штокавцамъ, говорятъ *rózyl*, *lémez*, *pila* (= *pòsa*, *lémesh*, *píla*). И такъ, и иначе могутъ произноситься: *rótk* — *rótk*, *klwbúk* — *klwbuk*, *vǔrstà* — *vǔrsta* и др.

Такимъ образомъ, въ Словенскомъ языкѣ является та же оттяжка, съ которою мы знакомы изъ Штокавщины, но она не проведена въ немъ послѣдовательно: 1) какъ мы уже видѣли, оттяжка нерѣдко можетъ произойти, но можетъ и не происходить; 2) ей подвергаются обыкновенно одгѣ окситонки, рѣже парокситонки *rókwa*, *sepókwā*, *písati*, *kópati*, *zóbati*); а чтобы удареніе съ третьяго слога съ конца перешло на четвертый, тому я не знаю ни одного примѣра.

Даже конечные слоги, которые у Штокавцевъ, послѣдовательно проведшихъ свою систему, вовсе не терпятъ на себѣ ударенія, не чуждаются его у Словенцевъ, особенно, когда они закрытые: произносятъ *kowác*, *gačūn*, *zemlják*, *vaščān*, *gospōd*, *gowlōwk* и т. д. Также и парокситонки женскаго и средняго рода, которыя въ род. падежѣ множ. числа, должны стать окситонками, никогда отъ того не уклоняются: *dwlina* — *dwlīn*, *dobrāva* — *dobrāv*, *devica* — *devic*, *rešetw* — *rešet*, *kōritw* — *kōrit*, *pakwālw* — *pakwāl*. Впрочемъ, слова муж. рода съ закрытымъ окончаніемъ, только тогда неизмѣнно имѣютъ на немъ удареніе, когда оно представляетъ изъ себя ясно сознаваемую наставку (*ak*, *up* и т. п.); у словъ же неяснаго образованія оно нерѣдко оттягивается, какъ то: *jézik*, *médved*, *šátwг шатеръ*, *jélep*. У первообразныхъ словъ, сложенныхъ съ предлогами, удареніе нерѣдко переходитъ на предлогъ: *nágwōd*, *rózyl слуга*, *zósed*. О словахъ этого рода см. ниже, стр. 99 и гл. V.

Такимъ образомъ, Словенцы довольно часто полагаютъ удареніе на послѣдній слогъ, когда слово кончается на *согласный*. Рѣже это допускается при открытомъ окончаніи: мы находимъ выговоръ *ókwō*, *bédgw*, *pléce*, *zīma*, *kōga*, *ózli* мн. ч., *králji* мн. ч.

Есть, однако, 1) цѣлый рядъ реченій женскаго рода, которыя въ нѣкоторыхъ формахъ, нпр. въ именит. пад. мн. ч., могутъ имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, какъ то: *wōdē*, *kōzē*, *sestrē*, *bradē*, *gwkē*, или *wōdè*, *kōzè*, *sestrè*, *bradè*, *gwkè* и т. д. У Краинцевъ даже именит. падежъ ед. числа не вовсе чуждается окситоновки, такъ что произносятъ нпр. *wōdā*, *iglā*, *plenā*, хотя это выговоръ не повсемѣстный, а по преимуществу верхне-краинскій

(горенскій)¹⁾. Особенно распространена конечная акцентовка такихъ реченій, коренной слогъ которыхъ представляетъ глухой гласный, какъ шъglâ, стъzâ, съzâ и приведенное уже выше vъrstâ.

2) Такое же наклонное удареніе, какъ въ Русскомъ языкѣ, находимъ у нѣкоторыхъ словъ средняго рода какъ то: gъvпò, gиппò, къгzпò, згеbò, сикпò (род. gъvпâ, gиппâ и т. д.), резьян. ðкпò, ÷селò. Конечную акцентовку представляютъ также многія названія дѣтенышей, съ наставкою ат: ÷тгwçè, wslè, vwlè, žrebe, greze.

3) Есть даже слова мужескаго рода, которыя иногда полагаютъ удареніе на гласные флексій, нпр. бърst, bъrstâ отпырьскъ, шъzъg, шъzâ лошакъ; о чемъ впоследствии будетъ сказано нѣсколько подробнѣе²⁾.

Весьма странно, что въ Словенскомъ языкѣ, рядомъ съ оттяжкой замѣчается и противоположное ей явленіе, которое можно назвать выдвигкою.

Выдвигка имѣетъ мѣсто въ цѣломъ рядѣ двусложныхъ существительныхъ средняго рода и односложныхъ женскаго и мужескаго. Послѣднія всѣ имѣютъ долгій гласный въ именительномъ падежѣ (по Женичу, именно гласный съ нисходящимъ удареніемъ); хотя не у всѣхъ словъ съ такимъ удареніемъ произошла выдвигка: говорятъ нпр. bгûs, -a, vlâk, -a, vгâg, -a, vêk, -a (вѣкъ). Принадлежащія сюда слова суть слѣдующія:

1) Слова муж. рода: Bòg, Bъgâ; bгòd, bгwòd бродъ, перевозъ, судно;

¹⁾ Valjavec. Rad. XLIV, str. 30.

²⁾ Замѣчу еще — хотя это собственно, выходитъ за предѣлы моего разсужденія, — что основы настоящихъ временъ на а (= аje) и на і нерѣдко имѣютъ удареніе на этихъ примѣтахъ, которое, такимъ образомъ, въ третьемъ лицѣ приходится на гласное изглаголеніе: igtâ, divjâ, leti, gъwъgî. Больше того: Краинцы, когда удареніе въ единств. числѣ и въ 3-мъ лицѣ множествен. падаетъ на темовой гласный і, въ остальныхъ лицахъ нерѣдко полагаютъ удареніе на личные наставки: letivâ, -tâ, -mò, -tè; gъwъgivâ, -tâ, -mò, -tè и т. д. То-же самое мы видимъ у глаголовъ dati, *gresti, jesti, vediti, односложныхъ въ единств. числѣ: давâ, -stâ, -mò, -stè; гревâ, -stâ и т. д. Такая же гибкость глагольныхъ формъ замѣчается и въ Сербскомъ языкѣ и въ мѣстныхъ говорахъ Русскаго: серб. велѣм, велѣмо, велѣте; дâм, дâмо, дâте = чак. велѣм, велѣмò, велѣте; дâм, дâмò, дâтè и т. д. (Mažuranić. Slovnica hêrvatska, str. 76, Budmani, pag. 106.); нпр. дамò, пойдемò, даетè, говоритè, спитè; въ Вр. только во 2 лицѣ, нпр. спитè, говоритè. Таковы и новоцерковныя (= старорусскія) формы творитè, держитè, поститèся, пьетè и т. д. Очевидно, ударяемость у нѣкоторыхъ глаголовъ личныхъ наставокъ есть черта праславянская. (Едва-ли она даже не праязычная: вѣдь въ Санскритѣ есть формы imâs, ithâ, ivâs, ithâs, itâs, tanumâs, bhindmâs, и т. н.) отъ émi яду, tanòmi растягиваю, bhinâdmi раскалываю).

bräg, bregâ; vâl, valû волна; (v)lâs, (v)lasû; (v)lât, (v)latû колось; vöz, vözâ; völk, völkâ, völkû; vrân, vranâ; vrât, vratû; vîrh, vîrhâ; vîk, vekâ, vekû сила; gäd, gadâ, gadû¹⁾; gâz, gazû сгъдъ по свѣжему сгъгу; gläs, glasû; guöj, guwâ navozъ; göd, gwâ, gwû имянины; göst, gwstû, gwstâ; gräd, gradû замокъ; grôm, grwmâ; grêz, grezû²⁾ Moorgrund, Schlamm; dâr, darû; dölg, dowlgâ, dowlgû; dôm, domû (domâ — нарѣчье дома); dröb, drwbû, drwbâ внутренности; drüg, drugû пара (лошадей, воловъ); drög, drwgû шесть; düh, dubâ; döb, dwbû; žîr, žirû желуди; zvöpn, zvöpnû, zvöpnâ, угро-сл. zvöpn, колоколь; žîd, židû сѣна (murus); znöj (и znöj), znöjâ; zöb, zwbâ, zwbû; kâp, kapû капель; kvâr, kvargû порча, вредъ; kväs, kvasû дрожжи; kläs, klasû; kôs, kwâ, kwû (кжс); kûp, kupâ покупка; lîd, ledû; lân, lanû (лмн); lîs, lesâ; lôg, lwgâ роша; lôj, lwjâ сало; mîd, medû, medâ; mîr, mirû покои; möst, mwstû, mwstâ; mrâk, mrakû сумерки; mâh, mahû (мхх); mîh, mehâ, mehû мѣхъ, пузырь, мѣхи; möž, mwžâ; nöht (nöht= погъть), nöhtû, nöhtâ; nös, nwâ; öl, wû пиво; plâz, plazû обвалъ, лавина; plât, platû бокъ; plôt, plwtû, plwtâ заборъ; râs, rasû (помсь); plîs, plesû пляска; pôt, powtû (потъ); prâh, prahû пыль; pröd, prwdû мель, дона; pânj, panjû, panjâ (паня); rog, rwgâ, rwgû; röd, rdû, rdâ; röb, rwbâ, rwbû, рубецъ, край; rîd, redû порядокъ, орденъ; sâd, sadû плоды; sât, satû (схх); svêt, svetâ свѣтъ; mîrъ; svêt, svetû (сххх), Valj. svêt; slâr, slarû волна, водопадъ; slîd, sledû; smrâd, smradû; smîh, smehâ, smehû; snêg, snegâ; sôk, swkâ; stân, stanû звание; strâh, strahû; strûp, strupâ ядъ; žîp, žipû, žipâ; tât, tatû (татя); tîk, tekû преуспѣяние; trâk, trakâ, trakû лента; trîst, trîstû; tâst, tastû (тххх); hlâd, hladû прохлада; hlâr, hlarû паръ; höd, hwdâ (tri ure hwdâ); cvêt, cvetû; çêp, çepû; čöln, čölnâ; čîgv, çvgâ; čût, čutû чувство; jêz, jezû плотина³⁾. Не слѣдуетъ думать, чтобы приведенныя слова выдерживали наконецную акцентовку по вѣсѣмъ падежамъ: въ единств. числѣ она обыкновенно свойственна одному родит. падежу — дат. Wögu, твор. lîsâm, mwžâm (= лѣсма, мжма) представляютъ рѣдкое явление. Во множеств. числѣ являются именительные на jê, изрѣдка на î — möžjê, slarjê, žipî, родительные на öv, иногда на î, ú — slarón, ljudî, žipû, винительные на ê, î — žipê, möžê, darî, дательные на êm — mwžê, tatê и т. д., творительные на mî — žipmî, darimî, мѣст-

¹⁾ Такъ пишетъ Мурко, у другихъ — gäd, gâda.

²⁾ Слово grez употребляется также и въ женскомъ родѣ — grêz, grezî.

³⁾ Слова, образующія род. пад. на û, по большей части могутъ принимать также â; но я выставилъ эту наставку лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда положительно знаю, что она употребительна.

ные на *ih* — *mōžih, vlasih, zōbih*; въ двойственномъ слышатся именительные на *ā, ū* — *sinā, sinū*, дательные на *īma* — *mōžīma, slarīma*. Во множ. и двойств. числѣ часто, а иногда и въ единственномъ, употребляютъ распространительную наставку *ov*, которая всегда держитъ на себѣ удареніе и не пускаетъ его на флексію: *slār, slārōva, slārōvi, slārōvom, slārōvi, slārōv, slārōvom*, и т. д. Кроме того, и не пользуясь наставкою *ov*, можно баритоновать всѣ падежи и склонять нпр. *mōst, mōsta, mōstu* и т. д. ¹⁾ Въ Русскомъ языкѣ, слова, соотвѣтствующія только что перечисленнымъ, отличаются полною или относительною негнбкостью, а у Сербовъ они имѣютъ нисходящее удареніе, по всѣмъ падежамъ (*vāl, dār, rēd, svēt* и др.), или же — нисходящее въ именительномъ, а въ остальныхъ рѣзкое, нпр., *gōst, gōsta*; *lēd, lēda*; *tāst, tāsta* ²⁾). Исключенія представляютъ только *lān, shāh, pōht, rānj, v̄gr* и *tīk*, которыя не находятъ правильнаго соотвѣтствія, одни въ Русскомъ языкѣ, другія въ Сербохорватскомъ, третьи — ни въ томъ, ни въ другомъ: серб. *gād, gāda*; рус. гадъ, гада, серб. *lān, lāna*; рус. лень, льна; серб. *mār, mīra*, рус. миръ, міра; серб. *māh (māh) māha*, рус. мохъ, мха, -у (и мōха, -у); серб. *nōkat, -кта*, рус. ноготь, ногтя; серб. *pān, pāna*, рус. пень, пня; серб. *s̄rp*, рус. серпъ, серпа; серб. *tēk* сдва (нарѣчіе). У словъ *lān, rānj, shāh, v̄gr*, по всей вѣроятности, удареніе совсѣмъ не выдвинуто, а только подставлено, вмѣсто рѣзкаго ударенія, нисходящее: *lān, lānū*, вм. *lān, lānū*, см. ниже гл. VI.

2) Реченія женскаго рода, представляющія выдвигку, суть слѣдующія: *b̄gv, b̄gvī*, мостикъ; *v̄gv, v̄gvī*; **vās, vāsī* (васа); *ūš, ušī* (уша); *vēst, vestī* совѣсть; *vēz, vezī* связь; *grād, gredī* глѣстница (?); *grēz, grezī* болото, топь; *gōž, gōžī*, приузь, гужикъ; *gōs, gōsī* гусь; *dlan, dlanī*; *zvēr, zverī*; *kād* (по Янеж. *kād*), *kadī* бочка, корыто; *kāl, kalī* отпрыскъ; *klōp, klōpī* скамейка; *kōst, kōstī*; **krī, krgvī*; *lūč, lučī* свѣтъ; **lāž, lzī*; *māst, mastī* жиръ; *mōč, močī*; *mēd, medī*; *nōč, nočī*; *pēc, pečī*; *plāst, plastī* пластъ, слой, стогъ; *plāt, platī* сторона, половина (?); **p̄rst, prstī* персть, земля; *pēd, pedī*; *pēst, pestī* кулакъ; **rgž, rgžī*; *gēč, gečī* вещь; *sanī* мн. ч.; **sk̄rb, sk̄rbī* забота; *sōl, sōlī*; *stvār, stvarī*; *cēv, cevī* трубочка; *čēr, čerī* разсѣяна, щель; *čāst, častī*; *sčēt, sčeti* щетка; *jēd, jedī* яства ³⁾). Большая часть при-

¹⁾ См. у Ваянца. Rad. XLVII, str. 27 — 29.

²⁾ Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ словъ имѣютъ акцентовку въ мѣстномъ падежѣ: рус. рядъ, ряда — въ рядѣ, серб. *rēd, rēda* — у *rēdu*.

³⁾ Слова *ūš, lāž, rgž*, можетъ быть и *vās*, по всей вѣроятности, только уподобились словамъ съ выдвинутымъ удареніемъ, а первоначально имѣли родительные *vši, lzī, rgžī* (и *vsi*?). См. ниже гл. VI и таблицы.

веденныхъ словъ имѣеть насуффиксную акцентовку только во множеств. и въ двойств. числѣ, а въ единственномъ окситонуетъ одинъ родительный падежъ. Однако, слова, отмѣченныя звездочками, произносятся подобнымъ образомъ и въ дательномъ падежѣ (онъ же и мѣстный), въ которомъ, впрочемъ, является не нисходящее удареніе, а рѣзкое, напр. рѣзат, род. рѣзати, дат., мѣстн. рѣзати. Подобно первой группѣ, и эти слова представляютъ въ именит. падежѣ долгій гласный, за исключеніемъ только двухъ: *ŕgŕi* и *kād* (рядомъ съ *kād*); русскіе противни ихъ суть слова негибкія, а сербохорватскіе — во всѣхъ падежахъ имѣють нисходящее удареніе, или же въ именит. падежѣ — нисходящее, въ остальныхъ — рѣзкое: серб. бѣра, -и; пѣд, -и; кѣст, кѣсти; рѣж, рѣжи и т. д. Подъ это правило не подходятъ рус. вошь, вши; ложь, лжи; рожь, ржи; и серб. пѣст., -и.

Когда односложное слово женскаго рода представляетъ краткій гласный, какъ *nit*, *rit* *rodex*, *miš*, тогда удареніе у него неподвижное.

3) Слова средняго рода, съ выдвинутымъ удареніемъ: *blagŕ*, -ā; *drevŕ*, -ā, (-esa); *zlatŕ*, -ā; *gŕgŕje*, *imŕ*, -ena; *kŕlŕb* (-esa); *mŕgŕje*, -ā; *mesŕ*, -ā; *nebŕ*, -ā (-esa) небо, нѣбо; *ŕkŕ* (*ŕkŕsa*); *prŕljŕ*, -ā; *prŕŕbŕ*, -ā; *slŕŕŕbŕ*, (-esa) прощаніе; *ŕgŕsŕ*, -ā; *senŕ*, -ā; *telŕ*, (-esa); *testŕ*, -ā; *uhŕ*, *uhā* (*uŕesa*)¹⁾. Соответственныя русскія реченія всѣ принадлежать къ числу негибкихъ, но въ Церковномъ языкѣ наращаемыя посредствомъ слога *es-*, въ косвенныхъ падежахъ, представляютъ удареніе на флексіяхъ: *ѣко*, *очесѣ*, -и и т. д.; *слово*, *словесѣ*²⁾. Въ Сербохорватскомъ языкѣ эти слова далеко ни всѣ, какъ мы ожидали бы по аналогіи словъ мужескихъ и женскихъ, произносятся съ нисходящимъ удареніемъ: говорятъ *блѣго*, *дрѣво*, *злѣто*, *мѣре* (или *мѣре*), *мѣсо*, *сѣно*, *тѣло*, но столько же разъ, или даже нѣсколько чаще, является удареніе рѣзкое: *име*, *кѣло*, *нѣбо*, *ѣко*, *пѣле*, *прѣсо*, *слово* (буква), *сѣрце*, *ѣхо*.

¹⁾ Такъ же произносятся и *perŕ* (-esa), но въ этомъ словѣ удареніе не выдвинуто, а только измѣнено: слово это имѣеть еще иной выговоръ — *reŕgo* = шток. *пѣро*, чак. *перѣ*, рус. *перѣ*, и мѣстному словен. (бохинскому) *perŕ*. Наклонное удареніе у словъ средняго рода обыкновенно проводится далеко не по всѣмъ падежамъ: *ŕgŕsŕ*, *ŕgŕsŕ*, но *ŕgŕsu*, *ŕgŕsem*.

²⁾ Такой же выговоръ имѣеть русское множеств. число *небеса*, серб. *небеса* (= *исбеса*, у Берича *pebesa*, такъ же и *čudesá*, *tjelesá* стр. 40.). Соответственныя словенскія формы, собственно говоря, должны бы произноситься *nebeša*, *teleša*, *ŕkŕsa*. Полагаю, что онѣ прежде такъ и произносились, но вслѣдствіе того, что удареніе въ нихъ, сравнительно съ именительнымъ *nebo*, *tělo*, *ŕko*, казалось не оттянутымъ, а, напротивъ того, выдвинутымъ, ѣ замѣнили свойственными слогамъ съ выдвинутымъ удареніемъ *i*.

1) Цѣлый рядъ реченій муж. рода съ наклоннымъ удареніемъ. Насуффиксная акцентовка нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма обычна въ живой рѣчи, хотя и не признава литературою. Таковы, нпр., слова: b̄brst, b̄brstà отпрыскъ; b̄bt, b̄btà палица; b̄bd̄nj, b̄bd̄njà; v̄brt, v̄brtà садъ; b̄b̄c̄, b̄b̄c̄à родъ колодца; b̄z̄g, b̄z̄gà бузина; d̄iž, d̄ižà¹⁾; k̄wb̄l, k̄wb̄là modius; m̄z̄g, m̄z̄gà лошакъ; m̄n̄k, m̄n̄kà (мень, менѣкъ) gadus lota = налимъ; r̄k̄l, r̄k̄là адъ; h̄rb̄t, h̄rb̄tà; с̄v̄n̄k, с̄v̄n̄kà; c̄b̄r, c̄b̄rà ушадь. Сюда относится довольно много именъ, съ наставкою лца: b̄t̄c̄, b̄t̄c̄à (ум. отъ слова b̄t̄) головастикъ; k̄wm̄c̄, k̄wm̄c̄à ключекъ; z̄p̄c̄, z̄p̄c̄à (обыкн. во множ. числѣ z̄p̄c̄i) високъ; st̄br̄c̄, st̄br̄c̄à ein sehr kleiner Pfeifer; k̄ur̄c̄, k̄ur̄c̄à²⁾; m̄rt̄v̄c̄, m̄rt̄v̄c̄à; jaḡc̄, jaḡc̄à (вм. jaḡl̄c̄, jaḡl̄c̄à) растение primula acaulis; k̄wz̄l̄c̄, k̄wz̄l̄c̄à родъ навѣса для сжатого хлѣба. — Еще гораздо значительнѣе число этихъ словъ у Резьянъ, которые склоняютъ нпр. b̄br, bobà; k̄b̄, koñà; kop̄c̄, kop̄c̄à³⁾. Впрочемъ, резьянская акцентовка вообще довольно близка къ русско-чакавской: оттяжка въ ней является лишь тогда, когда слогъ, предшествующій первоударяемому, долгъ, нпр. s̄r̄ida, l̄ak̄no, m̄l̄ka = серб. срѣда, вл̄кно, м̄ка⁴⁾.

2) Кромѣ этихъ исконногибкихъ словъ, т. е. сходныхъ съ русскими и съ чакавскими, существуютъ еще слова недавней гибкости — слова съ выдвинутымъ удареніемъ (B̄dg, B̄wgà; b̄gd̄, b̄gd̄i и т. д.) которыя перечислены выше.

3) Такою же вторичною гибкостью отличаются перечисленные тамъ же женскія существительныя на согласный (b̄br̄v, b̄br̄v̄i, v̄as, v̄az̄i и т. п.).

4) Есть въ Словенскомъ гибкія слова мужеск. рода, которыя, подобно нѣкоторымъ штокавскимъ словамъ (j̄un̄ak, j̄un̄akà; zim̄ov̄nik, zim̄ov̄nikà; k̄d̄nop, k̄d̄nopà; m̄ud̄ra, m̄ud̄ra и т. п.), во всѣхъ падежахъ носятъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ, т. е. отличаются, по предложенному мною выше

¹⁾ Гибкость слога dež признава литературою.

²⁾ Слово k̄ur̄c̄ встречается, съ такимъ удареніемъ и у Премерна: Brat prvi k̄ur̄c̄ je, on k̄ur̄i zlatà. (Zdravilo ljubezni). In k̄ur̄c̄ po svetu hodi. (Gazela 6).

³⁾ Не рѣшаюсь измѣнить Бодуэновскія начертанія, хотя, по всей вѣроятности, согласно съ принятымъ мною правописаніемъ, слѣдовало бы писать b̄wb̄, k̄wb̄, k̄wb̄c̄, k̄wb̄c̄.

⁴⁾ Бодуэн-де-Куртень. Опыт фонетики резьянскихъ говоров: §§ 151, 169, 199, 218. — Доводы Бодуэна въ пользу того, что резьянская рѣчь не можетъ считаться нарѣчіемъ Словенскаго языка (§§ 291 — 294) для меня мало убѣдительны. Если-жъ Бодуэнъ правъ, и слѣдуетъ говорить объ особомъ резьянскомъ языкѣ, то сходство его акцентовки съ русско-чакавскою получить для насъ еще большое значеніе.

выраженію, польскою гибкостью. Таковы нѣкоторые реченія, представляющія такъ же, какъ и штокавскія, оттянутое удареніе: žívnót, žívnóta; klóbuk, klóbúka; snúbok, snubóka = snóbok, snobóka женихъ; sókwól, sókwóla, šátow, šátóga (или šótow, šotóga); rókrow, rókrowa (или rókrowa) крышка (ср. Покрѡвъ, Покрѡва, стоящее рядомъ съ нарицательн. покрѡвъ, покрѡва (книжн.) и серб. пѡкров). Сюда относятся, вѣроятно, и rólíč, rólíča ein halbes Maas, которое не соотвѣтствуетъ Караджичеву полнѣ, а предполагаетъ выговоръ *польчъ, польча (или *польчъ, польча?).

Эти четыре группы гибкихъ словъ существуютъ наперекоръ оттяжкѣ; но есть у Словенцевъ и такія слова, которыя именно вслѣдствіе оттяжки, непослѣдовательно проведенной, приобрѣли особаго рода гибкость. Сюда принадлежатъ:

5) Двусложныя реченія женск. рода на а, представляющія у Русскихъ и у Чакавцевъ наклонное удареніе. Эти слова, по большей части, оттягиваютъ удареніе въ именительномъ и въ дательномъ-мѣстномъ ед. числа, а въ остальныхъ надежахъ удерживаютъ на мѣстѣ; хотя могутъ оттягивать его и во всѣхъ. Такимъ образомъ получается слѣдующее склоненіе¹⁾:

Единственное число.

Им. vóda (мѣстн. форма vódâ).
 Род. vóde, vódĕ (vódě).
 Дат. Мѣстн. vódi (рѣдко vódi).
 Вин. vódo, vódô, (vódò): рѡ vódô, рѡ vódô.
 Зват. vóda (vódâ)²⁾.
 Твор. vódw, vódô (рѣдко vódò).

Множественное число.

Им. Вин. vóde, vódĕ, (vódě): na nógĕ, na nógè.
 Род. vód, vód, vódâ³⁾.

¹⁾ Valjavec. Rad XLIV, str. 36.

²⁾ Какъ видно изъ этого примѣра, звательный падежъ, если принять музыкальную теорію словенской акцентовки, можетъ отличаться отъ именительнаго тѣмъ, что замѣняетъ восходящее удареніе нисходящимъ. Такъ же, какъ vóda и vódâ, различаются именительные dólina, dežĕla, dĕklica, Túpaličanka и звательные dólina, dežĕla, dĕklica, Túpaličanka. То-же самое замѣчается у словъ муж. рода: sòsed, мн. ч. sòsĕdje, дв. ч. sòsĕda — зват. sòsed, sòsĕdje, sòsĕda. Это явленіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ баритонностью зват. падежа у Русскихъ (Малороссѡвъ) и у Болгарь и съ соотвѣтственною акцентовкою его у Сербовъ. См. гл. I, стр. 25 и 30, гл. IV и примѣчанія къ таблицамъ I, Б и III, Б.

³⁾ По Шкрабцу: vódâ.

Дат. vódam, vódam, vódam.

Зват. vóde, vódi.

Твор. vódami, vódami (vódami).

Мѣстн. vódah, vódah, vódh.

ДВОИСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Им. Вия. vódi.

Зв. vódi.

Твор. vódamá, vódamá (vódamá)¹⁾.

6) Точно такой же видъ, какъ исконногнбкое слово животъ, приняи у Словенцевъ нѣкоторыя двусложныя слова, которыя у Русскихъ и Чакавцевъ имѣють удареніе неподвижное, приходящееся въ им. падежѣ на послѣдній слогъ: эти слова въ им. падежѣ оттянули удареніе, а въ прочихъ падежахъ оставили его на мѣстѣ. Вслѣдствіе такой перемѣны получается выговоръ: jélen, jeléna; médvéd, medvéda; óreh, órtha; pélin, pelína; pécat, pečáta; tówor, tówóra; tǔrbuh, tǔrbúha; čłowek, človéka²⁾; náhwod, nahóda (náhwoda) насморкъ; nárwod, naróda; násad, nasáda Lege zum Dreschen; nástel, nastéla — настилка; náuk, naúka (и náuka) учение; óblók, oblóka окно; ógrad, ográda; rórwod, rwóda рожденіе; rókwj, rwója; róklwr, rwóla заслонка; rókwр, rwóра похороны; rókwon, rwóна (или rwóна по 4 пункту) rówk, rwóка порука, поручитель; rówk, rwóка ручей; rótwр, rwóра; predel, predela отдѣленіе; prtáz, preláza; préwk, preroka; prówk, rwóka; prhwod, prhóda; prisad, prisáda воспаленіе; próstwr, prwóra; rázwр, razwra борозда; spréhwod, sprehóda прогулка; sósed, sowéda; záhwod, zahóda; zákwn, zákóna законъ, бракъ; zárwod, zaróda племя, родъ³⁾.

Подобно же гнбкостью отличаются трехсложныя: petélin, petelína пѣтухъ; zalétel, zaletéla ein Ungeschickter, der anrennt.

¹⁾ Выговоръ vódamá, vódamí, судя по показаніямъ языковъ Русскаго и Сербскаго, не есть исконный: онъ, повидному, былъ вызванъ стремленіемъ выдержать и въ этихъ падежахъ окончательную акцентовку: произносятся же vóda, vóde, vódi и т. д., такъ отчего не произносить также, вѣсто vódamá, vódamí, vódamá и vódamí?

²⁾ Судя по Сербскому языку, сюда же относятся слова: jézik, jezíka и kóžuh, kóžúha (серб. jézик, -а, ко́жух, -а), но если больше довѣрять русской акцентовкѣ язы́къ, язы́ка; ко́жухъ, ко́жуха, то ихъ придется отнести къ четвертой группѣ.

³⁾ Слова 4-ой и 6-ой группы могутъ быть и негнбкими: въ имен. падежѣ произносятся также óreh, medvéd, tǔrbúh, rwók, klwbúk, rwkwon, pelín, živót.

7) Польская гибкость свойственна также словам на еп: kôpen, kôpěna; krêmen, krêměna; plâmen, plâměna (или plâměna); jêgmen, jêgměna; jêšmen, jêšměna; s'rgšen, s'rgšěna. Слова эти, въ Сербскомъ языкѣ, имѣютъ рѣзкое удареніе на корнѣ: кремѣн, кремєна; рѣмѣн, рѣмєна; јасѣн, јасєна; јѣчмѣн, јѣчмєна; стрѣмѣн, стрѣмєна; с'ршлѣн, с'ршлєна. Объяснить очевидное противорѣчіе между выговоромъ словенскимъ и сербскимъ, кажется, не трудно: слѣдуетъ только допустить, что слова на ем первоначально не имѣли опредѣленной, общей всѣмъ акцентовки, а что произносили, съ одной стороны, кремѣи, кремєне, јецъмѣи, јецъмєне; *ремѣи, ремєне¹⁾; *стрѣмѣи, -мєне (?), а съ другой — плâмы, плâмєне; корєц, корєпе, *с'ршєц, с'ршєне, и что Словенцы сохранили и накоренную и насуффиксную акцентовку, но присвоили ее всѣмъ этимъ словамъ безразлично, между тѣмъ какъ Сербы возвели въ общій законъ накоренную акцентовку. — Словенцы нерѣдко и въ имен. падежѣ этихъ словъ ударяютъ на суффикс: grebîn, kôgîn, plâmîn.

8) Подобною же гибкостью отличаются и нѣкоторыя наращаемыя слова средняго рода: tèle, telsta; brême, vgrême, plême — род. vreměna, vreměna, plêměna. Изъ нихъ первое въ именительномъ представляетъ оттянутое удареніе (рус. теля, серб. тѣле). Объ остальныхъ словахъ рѣчь была уже выше (стр. 96); коснусь ихъ еще и во 2 прим. къ 102 стр..

Читатель видитъ изъ всего, что до сихъ поръ говорилось въ этой главѣ, что я словенскую акцентовку считаю первоначально тождественною съ русско-чакавскою, несмотря на нерѣдкія отклоненія ея въ ту и другую сторону, которыя я называю оттяжкой и выдвигкою. Но вѣрный ли это взглядъ? Имѣемъ ли мы право на основаніи того, что штокавскія кôп, кôпъ; добрôта, писати образовались изъ первоначальныхъ и чакавскихъ кôп, копâ, добротâ, писати, выводить изъ тѣхъ же формъ и словенскія kôpnj, kôpnja, do-brôta, písati? Достаточно ли аналогичной акцентовки русскихъ словъ Богъ, Бôга, гôродъ, гôрода, нѣбо, прôсо и Сербскихъ — Бôг, Бôга, град, града, нѣбо, прôсô, чтобы удареніе словенскихъ Bôg, Bôgâ; grâd, gradû, nebô, prôsobъ признать выдвинутымъ? А что, если словенская акцентовка не имѣетъ прямой связи съ русско-чакавскою, если она, можетъ быть, исконнѣе ея?

Однако, въ виду весьма значительнаго числа словенскихъ реченій уда-

¹⁾ Русскія кремѣнь, кремнѣя; ремѣнь, ремнѣя считаю искаженіемъ изъ кремѣнь, кремєнѣя; ремѣнь, ремєнѣя (какъ камень, камнѣя, ви. камень, каменѣя). Въ церковномъ языкѣ последнее слово дѣйствительно произносится въ род. падежѣ ремѣнѣя (ремѣнѣна сапожнаго. Ки. Бѣгѣнѣ дѣ. кѣ.), по-малорусски — ремѣню.

ряемых сходно съ русскими и чакавскими (devica, dobrava, korito, staza, shgla и т. д.) мы никакъ не можемъ отрицать существованіе между нашими акцентовками весьма близкой связи. Далѣе, мы видимъ, что рядомъ съ формами оттянутого или выдвинутого ударенія обыкновенно стоятъ и другія формы, сходныя съ русско-чакавскими: такъ, рядомъ съ произношеніемъ gimno идеть gimno, рядомъ съ sũkno — sukno, рядомъ съ voda — voda. Далеко не всегда произносятся jèzik, òreh, kòžuh, klòbuk, mèdved, predel, ròtok, glòbok и т. д., слышатся также jezìk, orèh, kòžuh, klòbuk, medvèd, predel, ròtok. Видя, такимъ образомъ, рядомъ съ акцентовкою, отступающею отъ русско-чакавской, другую акцентовку, сходную съ нею, развѣ мы не въ правѣ считать вторую болѣе исконною, нѣкогда обще Русскимъ, Сербо-хорватамъ и Словенцамъ? Наконецъ, въ самомъ Словенскомъ языкѣ замѣчается одно явленіе, свидѣтельствующее о томъ, что мое «оттянутое» удареніе дѣйствительно есть оттянутое. Явленіе это состоитъ въ томъ, что гласныя е и о подъ такимъ удареніемъ имѣютъ ту же окраску, какая имъ свойственна въ несударяемыхъ слогахъ, т. е. произносятся ближе къ а, нежели къ і и и, очевидно, потому, что недавно на нихъ попавшее удареніе не успѣло произвести въ нихъ качественного измѣненія. Что такой выговоръ (е и о) дѣйствительно можетъ считаться залогомъ недавности известной акцентовки, ясно особенно изъ слѣдующихъ явленій:

1) Въ родит. падежѣ множеств. числа словъ женскаго и средняго рода е и о замѣняются черезъ ѣ и о: mèja — mej; žèna — žen; sèstra — sèstr; rešèto — rešet; rébto — rebt; sèdlo — sedl; kòza — kòz, nòga — nòg; òkno — òkп и т. д. Падежъ этотъ, очевидно, уже въ Праславянскомъ языкѣ нѣкогда не полагалъ ударенія на онѣмѣвшую у всѣхъ Славянъ наставку ѣ¹⁾, между тѣмъ какъ остальные падежи указанныхъ словъ — всѣ

¹⁾ Акцентовка сербскихъ родительныхъ жèнà, сèstàrà, pòljà, vesàljà и т. и., какъ и самыя формы (см. Данничъ. Исторія облика, стр. 70), позднѣйшаго происхожденія; древнія формы и акцентовка жèн, сèstàr, pòl, vesàl доселѣ сохраняются у Чакавцевъ. Выговоръ жèнà, сèstàrà, pòljà, vesàljà, ви. ожидаемаго жèнà, сèstàrà, pòljà, vesàljà легко объясняется дѣйствиємъ аналогіи: такъ какъ указанные слова, въ большей части падежей обонъ чиселъ, или по крайней мѣрѣ множественнаго числа, полагаютъ слабое удареніе на слогъ, предшествующій флексіи (что соответствуетъ первоначальной окончательной акцентовкѣ), то и родит. падежу мн. ч. придали подобный выговоръ, причеъ конечно, вслѣдствіе долготы ударяемаго слога, слабое удареніе смѣнилось *восходящимъ*. Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что это явленіе породило даже самую наставку ã, которая представляется намъ столь загадочною: когда явилось стремленіе произнести односложныя формы, въ родѣ жèн, pòl, съ восходящимъ удареніемъ, оказалось необходимымъ прибавить къ нимъ еще одинъ слогъ, который и прибавили, въ видѣ того гласнаго, который играетъ роль бы-

или большая часть ихъ —, по показаніямъ языковъ Русскаго и Сербскаго, ударяли на флексію; качественное измѣненіе словенскихъ гласныхъ е и ѿ нельзя не привести въ связь съ этимъ явленіемъ.

2) То же самое соотношеніе видимъ между мужескимъ и женскимъ родомъ причастій и прилагательныхъ: *nesyl — nésla, teryl — tépla; raky — rékla, dóbryg — dóbgra, toryl — tópla; mókryg — mókgra.*

3) Къ тому же выводу приводятъ сравненіе словъ *небо* (обыкн. съ вывизкою *nebo*), *кожа*, *škóda* и *гѣбо*, *кóза*, *vóda* между собою и съ чакавскими *небо*, *кóжа*, *шкóда*, *рeбрò*, *козà*, *водà*.

Итакъ, словенскія е и ѿ соответствуютъ гласнымъ искони ударяемымъ¹⁾, въ каждомъ же е и ѿ мы въ правѣ видѣть гласный первоначально неударяемый, а получившій удареніе впоследствии, путемъ оттяжки. По этому, такъ же, какъ мы за штокавскими удареніями слабымъ и восходящимъ видимъ старое, общесербское удареніе на слѣдующемъ слогѣ, мы словенскія е и ѿ должны считать равносильными ударенію на слѣдующемъ за ними слогѣ: слова *bérem, pérem, téčem, plétem, dérem, nesémo, neséte, léci, peći, nésti, mésti, plésti, éna* (одна), *jézik, médved, prégok, péta, zóvem, rójem, tvója, premògla, moliti, lóvyc, kózyl, kóžuh, kótyl, strahóta, bósti, móci* слѣдуетъ считать этимологически равносильными *berém, perém, tečem, pletém, nesemò, nesetè, leci, peći* и т. д.²⁾

лаго, — въ силу подобнаго же стремленія, какъ мнѣ думается, наме простонародье къ формамъ *мѣста, мѣстамъ, мѣстами, мѣстахъ*, образовало неорганической родительный *мѣстовъ*. При такомъ объясненіи наставки *ѣ*, разумеется, приходится предположить, что она первоначально принадлежала только односложнымъ и двусложнымъ словамъ, вѣсегда имѣвшимъ наклонное удареніе, а остальнымъ присвоена уже впоследствии.

¹⁾ Этотъ законъ во всей строгости примѣняется только къ общеславянскимъ е и ѿ, а не къ первоначальному *ѣ* (который почти всегда замѣняется черезъ е — *zgrda, čgrda*), ни къ *а* и *я*. Кроме того, онъ не примѣняется къ словамъ съ выдвинутымъ удареніемъ: *roljz, rgozd*.

²⁾ Прекрасно: *зову, пою* — по-словенски *zówem, rójem*, но вѣдь произносить такъ *колю, молю, трепещу*, а Словенцы говорятъ *koljem, molim, trepečem!* Выговоръ этотъ, соответствующій сербскому выговору (*кòльем, мòлим, трèпèћем*) и болгарскому — *кòлѣ, мòлѣ, легкò* объясняется угодобленіемъ перваго лица прочимъ лицамъ, которыя и по-русски не имѣютъ конечнаго ударенія — *кòлешь, мòлишь, трèпèщешь* и т. д. Тѣмъ же я объясняю *себѣ*, въ Русскомъ языкѣ, выговоръ *аичу, брѣшу, зѣжду, зòблю, зѣблю, стражду, храмлю, колѣблю, колѣшпу*, вѣесто ожидаемаго *аичу, брѣшу* и т. д. (См. у Грота, Филол. розыск., стр. 332): первому лицу этихъ глаголовъ, которое, по самому ихъ значенію, приходится употреблять только *взрѣдка*, естественно было подчиниться остальнымъ. (Правда,

Вот на какомъ основаніи я полагаю, что въ Словенскомъ языкѣ положительно можно говорить объ оттяжкѣ. Но не напрасно ли я приписалъ ему какую-то подвижку?

Въ пользу существованія выдвигки говоритъ слѣдующее: 1) рядомъ съ выдвинутымъ удареніемъ какъ упомянуто уже выше, всегда можетъ употребляться и невыдвинутое: всѣ односложныя съ родительнымъ на *â* или на *î* могутъ быть и негибкими, т. е. допускаютъ склоненіе *slâr, slâra, slâri* и т. д., по всѣмъ падежамъ. Но, можетъ быть, этотъ выговоръ слѣдуетъ считать позднѣйшимъ — можетъ быть, въ немъ слѣдуетъ видѣть оттяжку? Что это было бы невѣрно, явствуетъ изъ словъ съ коренными *e* и *o*, которыя не являются въ этихъ словахъ въ видѣ *e, o*, а въ видѣ *ε, o*: *Bôg, Bôga; lôj, lôja; gôg, gôga; gôd, gôda; léd, lëda; plës, plësa.*

2) То-же самое относится и къ словамъ средняго рода на *ô*: рядомъ съ *blagô, zlatô, senô, telô, testô, uhô*, является выговоръ *blagω, zlatω, senω, telω, testω*, а при коренномъ *e* или *o* *πεω¹⁾, ôkω, môtje, pôlje.*

Даже видимое исключеніе изъ этого правила, касающееся именъ мужскаго рода, — появленіе въ дательномъ-мѣстномъ падежѣ *e* и *o*, — если поближе всмотрѣться въ дѣлю, служить лишь къ подтвержденію моего взгляда: формы *mëdu, plësu, rêdu, tèku, jëzu, brôdu, vôzu, gôdu, gôstu, grômu* (говорятъ и *grômu*), *gnôju, dômû, drôbu, zvônu, lôju, môstu, nôhtu, nôsu,*

формы *алчу, зижду, стражду* могли бы употребляться довольно часто, но онѣ не народныя, а книжныя). Исходить, при объясненіи указанного несоотвѣтствія между акцентовкою русскою и сербо-словенскою, изъ юго-славянскаго выговора и считать русскій — новѣйшимъ, очевидно, нельзя: было бы непонятно, почему первая лица ед. ч. — если ужъ имъ захотѣлось имѣть свою особенную акцентовку — не всѣ отступили отъ общей схемы, т. е. почему стали произносить *колю, молю, мечу, трепещу, пишу, тону*, а сохранили *пялю, вижу, сяду, играю, вяну* и т. д. — Встрѣчаются также отклоненія въ другую сторону, такъ что вмѣсто ожидаемыхъ *ε* и *o* являются *e* и *ω*: *méhъk, krôtъk, ôszm, môtъn.* Появленіе этихъ звуковъ легко объясняется аналогіей другихъ родовъ, или падежей указанныхъ реченій: *mehъk, krôtъk, môtъn* примѣнились къ *méhka, krôtka, môtna*; *ôszm* — къ *ôszmih, -im, -imi* (рядомъ съ *ôszmeh, -em, -emi*; по-русски *восемь, восьмь, восьмью*). Подобнымъ же образомъ я объясняю себѣ имен. падежи *brëme, vrëme, plëme*, вмѣсто которыхъ мы бы ожидали *brëme, vrëme* и *plëme*: такъ какъ имен. падежи къ родительнымъ *jezika, jelëna, medvéda* произносятся не *jézik, jélen, médved*, а *jézik, jélen, médved*, то и къ родительнымъ *brëmena, vrëmena, plëmena* образовали именительные *brëme, vrëme, plëme*, вмѣсто первоначальныхъ **brëme, *vrëme, *plëme.*

¹⁾ По крайней мѣрѣ род. *πεβα*, дат. *πεβυ*, твор. *πεβωm* положительно встрѣчаются.

plótu, rógu, ródu¹⁾ слѣдуетъ считать мѣстными падежа на первоначально ударяемое у, а такіе мѣстные падежи, у Русскихъ и Словенцевъ, свойственны, именно, словамъ ненаклонной акцентовки.

Также и дательно-мѣстные падежи принадлежащихъ сюда существительныхъ женскаго рода — kǐgv, pǐrst, skǐrb, část, pǐč, pǐc (kǐrvǐ, pǐrstǐ, skǐrbǐ, částǐ, pǐčǐ, pǐcǐ) говорятъ противъ первичности акцентовки родительныхъ kǐrvǐ, pǐrstǐ, pǐčǐ, pǐcǐ: это тоже падежи мѣстные, которые, по показаніямъ Русскихъ и Сербовъ, первоначально произносились kǐrvǐ, částǐ, nočǐ, pečǐ (см. выше, стр. 32 и прим. къ IV табл.); видя, такимъ образомъ, что исконное насуффиксное удареніе звучитъ рѣзко, или оттягивается, мы склонны будемъ предположить, что долготное удареніе род. падежа не есть исконное. Приведенныхъ соображеній, мнѣ кажется, достаточно, чтобы признать существованіе у Словенцевъ выдвигки.

Бросимъ теперь взглядъ на акцентовку словенскихъ прилагательныхъ, при чемъ, по самому характеру этихъ словъ, нельзя будетъ ограничиться формами именного склоненія, а придется касаться также склоненія сложнаго.

Въ нечленной формѣ именительный падежъ мужскаго рода кончается на согласный и потому не чуждается конечной акцентовки: произносятся vizòk, glòbòk, zelèn, vesèl, tepèn, (прим.), tǐmǐn (tǐmǎn), kǐsǐn (kǐsǎn), svetǐl, gladǐk (gladǎk) tǐpǐk, (tǐnǎk), gowǐk, (gowǎk), sladǐk, (sladǎk) gǐpǐk (gǐnǎk), krotǐk, (krotǎk), strašǐn (strašǎn), mowǐn (mowǎn) bowǐn (bowǎn), hladǐn (hladǎn), lǐhǐk (lǐhǎk), mehǐk (mehǎk), težǐk (težǎk) и т. д. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ прилагательныхъ можетъ произойти и оттяжка: glòbok, tépen и т. д.²⁾

Падежи съ гласными окончаніями, какъ и у существительныхъ, неохотно пускаютъ на нихъ удареніе. Однако, подобный выговоръ встрѣчается въ мѣстныхъ говорахъ, особенно въ пѣсняхъ, и допускается даже въ искусственныхъ стихахъ. Могу привести слѣдующія дѣйствительно употребляемыя формы:

1) им. падежи ед. числа ж. рода³⁾: bǐghkǎ видная, красивая, (pre)velkǎ,

¹⁾ Въ Верхне-Крайнемъ говорѣ, нѣкоторые мѣстные падежи, а также и дательные, когда они сочетаются съ предлогами, имѣютъ насуффиксное удареніе: на lapǐ, pri slapǐ, na plazǐ, h slapǐ. Valjavec. Rad. XLVII, 28.

²⁾ У нѣкоторыхъ прилагательныхъ оттяжка только кажущаяся, нпр. формъ bowǐn соответствуютъ русск. болень, серб. бдлан: появленіе въ ней ѿ и конечная акцентовка параллельныхъ ей формъ объясняется аналогіей женск. в средн. рода = рус. больна, больно серб. ббна, ббно.

³⁾ Метелко (Lehrgebäude. S. 21) говоритъ, что эта форма совершенно чуждается конечной акцентовки, что однако неврне.

krepkà, mladà, mŕrtvâ, pòlzkà, svetlà, sladkà, strašnà, trudnà, tŕmnà, tŕnkà. Причастія bilà (почти общеупотребительное) и svetlà.

2) им. падежи мн. числа:

а) м. р. bolni, bŕhki (bŕšči бох.), krivi, suhi (sŕši бох.), sladki (swašči бох.), sveti, mladi, mŕrtvi, nagi, hudi, прич. bili.

б) ж. р. gwŕke, grenke, gŕrde дурныя, dŕbre, dragi, lepi, lŕhke, mlade, mŕhke (mŕšči бох.), nagi, wstŕe, sladke, strašne, suhe, cele, прич. bile, svetlè¹⁾.

в) ср. р. lepi, zlatà.

3) им. падежи дв. числа: hladnà, mladà, svetà²⁾.

4) родительные ед. ч. ж. р. blede, hladne, svete, tŕmne.

5) винт. пад. ед. ч. ж. р. gŕrdò, dŕbrò, mladò, wjstrò, svetlò, pòlnò.

6) вин. пад. мн. ч. svete, dragi.

7) дат. пад. ж. р. ед. ч. ljubi; мѣстн. tŕmni.

8) род. мн. ч. mŕrtvih, lepih, čvŕstih, gwstih, sladkih.³⁾

Весьма употребительна окончательная акцентовка въ среднемъ родѣ двухъ-сложныхъ прилагательныхъ въ имен. и въ вин. падежѣ, особенно когда прилагательное играетъ роль сказуемаго: dŕte ljubi, dŕte lepi; to vŕne je sladkò; dŕte je zdravò; gavnò pòljè; svŕcè mladò. Однако, именительно-винительные среднего рода для насъ большого значенія не имѣютъ, такъ какъ они не способствуютъ выясненію дѣла, а сами нуждаются въ объясненіи: удареніе на нихъ какъ будто выдвинутое — прилагательныя mladò, svetò и т. д. представляютъ протяжное (нисходящее?) удареніе, подобно существительнымъ pŕwòb, nebò, telò, а не рѣзкое, какъ gumnò, zŕebò, и другія слова, соответствующія русскимъ окситонкамъ. Конечно, по сравненіи ихъ съ русско-чакавскими, мы склонны будемъ думать, что часть этихъ прилагательныхъ ударенія не передвигала, а только замѣнила рѣзкое удареніе протяжнымъ. Однако, это относится далеко не ко всемъ словамъ этого рода: въ словахъ mlòb, pòwòb, slabò, sladkò и др. дѣйствительно приходится допустить выдвигку, т. к. имъ соответствуютъ рус. мѣло, нѣво, слѣбо, слѣдко, серб. мѣло, нѣво, слѣбо, слѣтко.

Такимъ образомъ, акцентовка именительнаго падежа средн. рода не можетъ служить новымъ доказательствомъ существованія у Словенцевъ при-

¹⁾ Rudeča lica zorno že Svetljo, ko so gréj svetlè. Prešeren. Izgubljena véra. Причастіе svetle здѣсь, по значенію, конечно, среднего рода, но форма его — женская.

²⁾ Что касается именительнаго падежа муж. рода членнаго окончанія, то могу привести только одну такую форму, играющую роль звательнаго падежа: žlahtni gwspòd. Prešeren. Pesem od zidanja cerkve na Šmarni gori. II.

³⁾ z vej gwstih, besed sladkih. Prešeren. Parizina 1 и 2.

лагательныхъ съ наклоннымъ удареніемъ. Но нельзя не видѣть такого доказательства въ родительныхъ и дательныхъ падежахъ муж. и средн. рода на ѣгà и ѣтù: dóbъг, (dóbъга), dóbъгw—dóbъггà, -ѣтù; lĕp, (lĕpa), lĕpō,—lĕpъгà, -ѣтù; mĕhъk, (-hka), -hkw,—mĕhъкгà, -ѣтù; mōšĕn, (mōšĕna), mōšĕnō—mōšĕпъгà, -ѣтù; pōv, (pōva), pōvō—pōvъгà, -ѣтù¹⁾). Формы эти, по образованію, такія же членныя, какъ dóbъггà, lĕpъгà, mōšĕпъгà, mĕhъкгà, повъгà, отъ которыхъ онѣ отличаются лишь по ударенію, между тѣмъ значеніе ихъ — неопредѣленное. Очевидно, онѣ и въ самомъ дѣлѣ съ ними тождественны и только дифференцированы посредствомъ ударенія; очевидно и то, что замѣна накоренной акцентовки насуффиксною могла произойти только въ силу аналогіи, т. е. только тогда, если такая акцентовка господствовала въ формѣ нечленной: склоненіе dóbъг, dóbъггà, dóbъгтù могло явиться только взамѣнъ именного склоненія dóbъг, *dóbъgà, dóbъgù²⁾). — По наблюденію Жешича, прилагательныя опредѣленныя всегда отличаются отъ неопредѣленныхъ (кромѣ различія окончанія въ имен. ед. ч. муж. р.) по мѣсту, или же по качеству ударенія: удареніе или приближается къ началу слова, или же изъ восходящаго дѣлается нисходящимъ, какъ-то: tъпъk, -nkà -ō — tānki, -a, -w; тъпъп, -пnà, -ō — tāmni, -a, -w, svetъl, -tlà, -ō — svĕtlī,

¹⁾ Подобныя формы встрѣчаются и въ искусственной поэзи, напр. у Прешерна: na tehnicno svet'ga Mihela. Sonetje. str. 175 (Sanjalo ze mi je). Удареніе на окончаніи могутъ имѣть и нѣкоторыя слова мѣстоименнаго склоненія, которое у Словенцевъ почти совершенно сляпось со сложнымъ: ědъп (en), ěpa, ěpo—ědпъгà; ѡп, (ѡпа), ѡпо — пъгà; vъz, (vza), vse — vъzгà.

²⁾ Было бы интересно прослѣдить, насколько полно въ этомъ отношеніи соответствіе акцентовокъ русской, сербской и словенской. Правила, которыя о подвижномъ удареніи словенскихъ прилагательныхъ даетъ Жешичъ, весьма неточны. Жешичъ говоритъ, что особенно охотно «перескакиваетъ» на окончаніе нисходящее удареніе односложныхъ прилагательныхъ (напр. lĕp, lĕpъгà) и удареніе тѣхъ, по большей части двусложныхъ, которыя въ женск. и средн. родѣ представляютъ е и w (dóbъг, dóbъга, dóbъгw, — dóbъггà). Если же прилагательное имѣетъ удареніе восходящее, или рѣзкое, или же состоитъ въ женскомъ родѣ изъ трехъ слоговъ, то оно ударенія на конецъ не переноситъ, напр. krátъk, -tka, -tko — krátъкгà; visōk, -sōka, -sōka, -sōkw — visōкгà; mωgōšĕn, -šĕna, -šĕnw — mωgōšĕпъгà; bĕl, -a, -w — bĕлъгà; ubōg, -a, -w — ubōгъгà; zdrāv, zdráva, -w — zdrāvъгà; stār, stāra, -w — stārъгà; nízъk, -zka, -zkw — nízъкгà; ózъk, -zka, -zkw — ózъкгà. Судя по русскому и по сербскому, нѣкоторыя изъ словъ второй группы (krátъk = серб. кратак, рус. корѳтокъ, -тка, -тко, visōk = серб. висок, -сѳка, -о, рус. высѳкъ, -сѳка, -сѳко) имѣли бы такое же право на окончательную акцентовку родительнаго, какъ и dóbъг. Почему-жъ она имъ не свойственна? А въ словѣ visōk, -ōka, -w самый выговоръ (w) указываетъ на первоначальную гибкость!

-а, -ω; pólzĭk, -zka, -zkō — pólzki, -а, -ω; nízĭk, -zka, -zkω — nízki, -а, -ω; ózĭk, -zka, -zkω — ózki, -а, -ω; krátĭk, -tka, -tkω, — krátki, -а, -ω; gĭrd, gĭrda, gĭrdō — gĭrdi, -а, -ω; sláb, slába, -ω — slábi, -а, -ω; stár, stára, -ω — stári, -а, -ω; číst, čísta, -ω — čísti, -а, -ω. Вмѣсто е и ѿ при этомъ явля-ются ε и ѳ: zelĕn, -éna, -éno — zelĕni, -а, -ω; visòk, -óka, -ókω — visòki, -а, -ω; glòbòk, -óka, -ókω — glòbòki, -а -ω; mòčĕn, mòčna, -ω — mòčni, -а, -ω; šigòk, -óka, -ókω — šigòki, -а, -ω; mĕhĭk, -hka, -hkω — mĕhki, -а, -ω. Впрочемъ, этотъ законъ уже раньше выставилъ Поточникъ¹⁾, который объ опредѣленной формѣ прилагательныхъ говоритъ, что при ея образованіи удареніе всегда полагается на слогъ предшествующій флексіи и притомъ въ видѣ нисходящаго протяженія (fallende Dehnung). Кроме того у Поточника отмѣчено, что вмѣсто е и ѿ являются ε и о. То-же самое правило о появленіи въ опредѣленномъ видѣ прилагательныхъ ε и о, вм. е и ѿ, мы на-ходимъ и у Метелки. Такой переходъ и качественное измѣненіе ударенія вполне соответствуетъ русско-чакавской тенденціи ударять въ членной формѣ прилагательныхъ однимъ слогомъ ближе къ началу, чѣмъ въ нечлен-ной: рус. добръ, -а -ѳ = чак. дѳбар, дѳбрá, -ѳ — дѳбрый, -ая, -ѳе = дѳ-бри, -á, -ѳ; рус. бѳль, бѳля, бѳлѳ = чак. бѳл, бѳля, бѳлѳ — бѳлый, -ая, -ѳе = бѳля, -á, -ѳ²⁾. Въ тѣхъ словенскихъ говорахъ, которые не чуждаются краткаго ударенія на конечномъ а, нпр., у Резьянъ, мы видимъ самый пе-реходъ удареній, не только слѣдъ его: Бодуэнъ отмѣчаетъ этотъ законъ и

¹⁾ Potočnik. Grammatik. S. 22.

²⁾ Въ Штокавщинѣ, разумеется, во всѣхъ этихъ прилагательныхъ, на общемъ осно-ваніи, произошла оттяжка. — Впрочемъ, въ Русскомъ языкѣ цѣлый рядъ прила-гательныхъ опредѣленныхъ удерживаетъ насуффиксное удареніе: благой, -ая, -ѳе, во-роной, чужой, живой, нагой, слѣпой, нѣмой и т. д. Соответственными формы встречаются и у Сербовъ: Будяни приводятъ врѳнй, гнйли, кратки, глухи, гу-сти, ѳути, рйѳи, слáни, сѳхи, тѳрди, чѳсти, вйтки, глáднй, жйтки, крѳпнй, мѳрснй, плйтки, прáзнй, рѳдки, свѳстнй (рядомъ съ врѳчи, гнйли и т. д.), дѳгѳи, бйстри, мѳрки, тѳхи, чѳсти, мѳкви, обли, ѳштри, сйтнй, слѳтки, тáнки, ѳски (рядомъ съ дѳгѳи, бйстри и т. д.), прáви (рядомъ съ прáви и прáви); вѳтѳи, водѳни, гвоздѳни, земѳяни, коштáни, маслѳни, новчáни, ражáни, сно-жáни и чохáни (рядомъ съ водѳни, гвѳздѳни и т. д.). § 102. Нужно однако за-мѣтить, что далеко не всѣхъ сербскихъ прилагательныхъ съ подобною акцентовкою соответствуютъ русскія — съ насуффиксной (какъ гнйлой, глухой, густой, сухой, честной (обык. чѳстный), водяной, земляной, костяной, ржаной), и наоборотъ. — Отъ насуффиксной акцентовки членнаго прилагательнаго, какъ я полагаю, можно заключать къ такой же акцентовкѣ нечленнаго, такъ что, въ виду формъ тѳхи, -á, -ѳ, ѳски, -á, -ѳ, выговоръ тѳх, тѳха, тѳхо; ѳзак, ѳска, ѳско слѣдуетъ считать искаженными изъ тѳх, тѳха, тѳхо (тѳхо?); ѳзак, ѳска, ѳско (ѳско?).

приводить въ примѣры неопредѣленныя формы *bozā, dobrā, hromā, zalapā*, и опредѣленныя *bōza, dōbga, hōbma, zoeločna*¹⁾. —

Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы убѣдить читателя въ первоначальномъ тождествѣ словенской акцентовки, по мѣсту ударенія, съ русскою и съ чакавскою.

Возможно, разумѣется, что нѣкоторые слова ни въ одномъ изъ словенскихъ говоровъ не сохранили памяти о своемъ исконномъ удареніи; но такихъ словъ едва-ли много наберется. Иногда слѣдъ утерянной акцентовки можетъ найтись въ народныхъ пѣсняхъ. Нпр. одна пѣсня Водникова сборника начинается слѣдующими словами:

Kralj Matjaž se je oženil,
S Alenčico se zagočil.

Чтобы спасти правильность размѣра, вмѣсто обыкновеннаго *oženil, zagočil* допускаютъ искусственный выговоръ *oženil, zāgočil*²⁾; но я едва-ли ошибусь, предположивъ, что слагавшій эту пѣсню произносилъ, согласно съ Русскими и съ Чакавцами:

Kralj Matjaž se je oženil,
S Alenčico se zagočil.

Подобный же архаизмъ въ удареніи, по моему, представляютъ и слѣдующіе стихи извѣстной пѣсни о Пегамѣ и Ламбергарѣ:

Pod sencō miza rūmena
Okolō mize stōli pa,
Sedi na stōlih gōspōda. Kor. II, 23.

Если произносить съ обыкновеннымъ удареніемъ *rūmena* и *gōspōda*, то не выйдетъ стиха, а *rūmena, gōspōda* выговоръ искусственный. Поэтому мнѣ сдается, что первоначально произносили:

Pod sencō miza rūmenā,
Okolō mizi stōli pa,
Sedi na stōlih gōspōdā³⁾.

¹⁾ Бодуэн-де-Куртенэ. Опыт фонетики резьян. говоров, § 168.

²⁾ Резьяне, впрочемъ, произносятъ *oženil, rōgočil*, но у нихъ напредложная акцентовка причастій на *l* составляетъ почти общій законъ (Бодуэн-де-Куртенэ. Резьян. фон. § 160).

³⁾ Резьяне это слово дѣйствительно окситонуютъ и произносятъ *hospōdā* (Резьян. фон. § 218).

Скажу теперь нѣсколько словъ о соотношеніи, существующемъ между различными родами ударенія у Сербовъ и Словенцевъ. Такъ какъ самое существованіе у Словенцевъ тройкаго ударенія подвержено нѣкоторому сомнѣнію, мнѣ казалось болѣе уместнымъ отпестить рѣчь объ этомъ соотношеніи къ самому концу, и при опредѣленіи исконной акцентовки словенскаго языка не строить на немъ никакихъ положеній.

Отношеніе удареній словенскихъ къ сербскимъ (штокавскимъ), по Жепичу, Шкрабцу и Валявцу, есть слѣдующее:

1) Рѣзкое удареніе, сохраняемое лишь на послѣднемъ слогѣ и на словахъ односложныхъ (vъrstà, gwłwgłàv, bòb), на другихъ слогахъ удлинняется и переходитъ въ восходящее: bríza, vrána, dláka, ríba, kóza, máčeha, kwρίw, dóbъr¹).

2) Слабое удареніе вовсе чуждо Словенскому языку, и на его мѣстѣ стоитъ то же восходящее: žépa, kóza, sélw, ókw, ószl, jézík, (kònj) kónja. Впрочемъ, въ появленіи въ этихъ словахъ е и ѡ, а не е и о Шкрабець и Валявецъ видятъ слѣдъ прежде бывшаго на нихъ слабого ударенія.

Замѣна рѣзкаго и слабого ударенія восходящимъ (другими словами, продленіе, подъ удареніемъ, краткихъ неконечныхъ слоговъ), вполне проведена у Краинцевъ; въ Угорской же словенщинѣ и въ Кайкавщинѣ, хотя не всегда, сохраняется краткость ударяемыхъ гласныхъ.

У Резьянъ также сохранилась отчасти краткость неконечныхъ слоговъ, преимущественно, когда они содержатъ гласные е, ѣ, о, которыя являются въ нихъ въ видѣ ое и ѡ: oézoerǽ, doéłǽ, loétǽ, moéstǽ, broéza, voéverica, mgoéza, соésta, moéja, moétla, òkǽ, rǽje, Bǽha, wǽda, hǽra, kǽpa, kǽsa = серб. jézero, дѣло, лѣто, мѣсто, брѣза, вѣверица, мрѣжа, цѣста, мѣфа, мѣгла, òко, поље, Bǽга, wǽда, gǽра, kǽпа, kǽса. Въ словахъ съ гласными а, і, и, е = а и о = ж, какъ думаетъ Валявецъ, въ настоящее время совершается переходъ отъ краткости къ долготѣ, почему Бодуэнъ-де-Куртенъ и не могъ рѣшить, долги ли въ нихъ гласные, или кратки, и отмѣтилъ ихъ удареніе акутомъ, который у него обозначаетъ выговоръ средній — ни рѣшительно краткій, ни долгій: bába, gráblje, jástarica, lástavica, zába, brítwa, hnída, kíta, lípa, gýba, hrúška, kúharica, múha, úžina, hóba, hósča, kúha, stópa, tóča, détula, préslica = серб. báба, gráбље, jáста-рица, láста-вица, жаба, бритва, гвѣда, кѣта, рѣба, крушка, кухарица, муха, ўжина, гýба, гýшта, кýха, стýпа, тýча, дѣтелина, прѣслица. Повидимому, на то же явленіе указываетъ средняя просодія, употребленная Дайнкою, въ

¹) Прямой переходъ рѣзкаго ударенія въ восходящее допустить невозможно: переходною ступеню между ними должно было служить удареніе слабое.

его словенской грамматикѣ (Штирійскаго нарѣчія). Эта просодія означаетъ, что гласный произносится «короче протяжнаго, но всетаки дольше рѣзкаго»; примѣрами на нсе служатъ слова brāt, brāta; ěer, ěera; ptič, ptiča, krōp, krōpa киплятокъ; guč, guča loquela (*гача), slūh, slūha, которыя написаны: brāt, brāta; ěer, ěera; ptič, ptiča; krōp, krōpa; guč, guča; slūh, slūha¹⁾.

По показанію Миклошича, на его родинѣ — въ восточной Штиріи, на границѣ Венгрии, — также сохраняется краткое удареніе на неконечныхъ слогахъ, нпр., въ словахъ jāma, zāba, gāna, slāma, mlāka, vōda (= vōda или vōda), žēna, prīsega, nādiha²⁾. Даже въ самой Краинѣ — у такъ называемыхъ Бѣлыхъ краинцевъ — до сихъ поръ можно слышать такое же удареніе, нпр. brāt, brāta. Краткимъ выговоромъ гласнаго объясняется, вѣроятно, встрѣчающееся иногда въ старословенской письменности удвоеніе согласныхъ: pcbessa, della, gogga, boddem³⁾.

3) Удареніе нисходящее играетъ въ Словенскомъ языкѣ весьма неопредѣленную роль: а) оно иногда соответствуетъ Сербскому нисходящему, какъ то: bārka (чак. бārка), dvōjka, krīvda, prāvda (чак. правда), strāža, vīša (чак. сūша), vāba приманка (серб. вāб), vāga вѣсы (серб. вāг рычагъ), tkālja (серб. ткāля) б) Нерѣдко оно замѣняетъ сербское рѣзкое: sprāva Versöhnung, Vergleich, Werkzeug, Gerāthe, pāra парь, vīka крикъ, vrīska, būka tumultus, ljūska чешуя, stōka acquisitio, zlōga согласіе, sāblja, pāša пастбище, krāja, čāplja, svāja ссора, grīža, mūža доеніе, stālja подстилка, prēja, bāščina, slātina Sauerbrunn, pājčina, stāgъc, znāpъc, vōsъk, pōrъk, rībar, mīšji, drāžji, mlāji, lēpši, по-сербски: sprāva, pāra, vīka, vrīska, būka mugitus, љūska, stōka, slōga, sābъla, pāша, krāђa, чāпъla, свāђa, грīђa, мūђa, стēъla Fütterung des Sattels, Hefen, прēђa, бāштina, слātina, пāучина, стāрац, знāнац, вōсак, пūпак, рīбāр, мīшђja, дрāђђj,

¹⁾ Dainko, Lehrbuch der Windischen Sprache. S. 8.

²⁾ Въ послѣднихъ 4 словахъ удареніе, какъ я его слымалъ изъ усть самого Миклошича, кажется, не рѣзкое, а слабое. Интересно было бы прослѣдить, дѣйствительно ли слышится у Словенцевъ слабое удареніе, и въ какихъ областяхъ, и соответствуетъ ли оно всегда слабому ударенію штокавскому. — Въ своемъ разсужденіи о долгихъ гласныхъ въ славянскихъ языкахъ (Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. Wien 1879. S. 4 u. 5) Миклошичъ повторилъ въ печати это сообщеніе, которое онъ раньше сдѣлалъ мнѣ устно. Въ Сравнительномъ синтаксисѣ (Vergl. Gramm. d. slav. Spr., IV, S. 129) онъ приводитъ нечленное прилагательное velik, velika и помѣчаетъ его двойнымъ грависомъ: vèlik, velika (vèlik hlarec ein hochgewachsener Kerl, velika cèsta eine grosse Strasse.). Въ статѣ о долгихъ гласныхъ мы читаемъ еще brēza, lpa, hūjši, mlājši, lēpši, bīti, brāti, spāti, tēle, plēme, gōba, dētel, jēzik, pāmet, stōpa, rība и т. д.

³⁾ См. въ грамматикѣ Коштыра, стр. 52 и 116.

млађи, лѣпши. в) Это ударение, правда рѣдко, соответствуетъ и сербскому слабому: *bâtina* палка, *lûla* трубка, *рôмпја*: серб. бѣтина, лûла, пôмъя (Мажуранячъ, впрочемъ, пишетъ пôмъя, а по-чакавски — пôмъя). г) То же нисходящее ударение встрѣчается и вмѣсто сербскаго восходящаго: *вôмпја* (*vûmija*), *hôja*, *jêla*, по серб.: сÿмъя, хôja, jêla (ин. jêле), хорв. jêла. Наконецъ, д) нисходящее ударение стоитъ на слогахъ у Сербовъ вовсе не ударяемыхъ, ни въ томъ, ни въ другомъ нарѣчьи, т. е. оно бываетъ плодомъ выдвижки: (*Bôg*) *Bogâ*, (*lès*) *lesâ*, (*mîr*) *mîrû*, (*nôs*) *nôzâ*, (*sîn*) *sînû*, (*vâs*) *vъsî*, (*gréz*) *grezî*, (*gôs*) *gôsî*, (*stvar*) *stvarî*, *blagô*, *kwôb*, *mwôjê*, *rwôjê* и т. п.

Такимъ образомъ, нисходящее ударение, которое у Штокавцевъ можетъ стоять только на начальномъ слогѣ и свидѣтельствуетъ объ исконности акцентовки, у Словенцевъ, стоя на конечномъ звукѣ, имѣетъ какъ разъ противоположное значеніе: оно свидѣтельствуетъ о неисконности акцентовки, о томъ, что ударение выдвинуто. Впрочемъ, такой роли нисходящаго ударенія удивляться не слѣдуетъ, такъ какъ, въ сущности, указанный фактъ вполне аналогиченъ появленію, при оттяжкѣ, ударенія восходящаго: какъ оттянутое ударение тяготѣетъ еще къ слѣдующему слогу, старому своему мѣсту, такъ выдвинутое тяготѣетъ къ предшествующему—удареніе при оттяжкѣ и при выдвижкѣ, въ противоположномъ направленіи, проходитъ одинакій путь, и центр тяжести слова въ обоихъ случаяхъ передвигается на пол-слога или на цѣлый слогъ¹⁾.

4) Удареніе восходящее равняется а) восходящему же ударенію: *krátъk*, *-tka*, *-tko*, *strêla*, *vôjska*, *péta*, *dûša*, *vínw*, *sôdъs*, *págwôd*, *jágyw*; или же оно, какъ мы видѣли выше, замѣняетъ б) рѣзкое удареніе, на конечныхъ слогахъ, или в) замѣняетъ слабое. Даже г) на мѣстѣ нисходящаго ударенія иногда является восходящее, какъ то: *grâja* изгородь, *dâsa* подать, *žêja*, *prîsa* свидѣтель, *sîgkva* — серб. *grâja* строительный матеріалъ, *dâha* поминки, *žêha* (впр., по-чак. *žêha*), *prîca* рассказъ, поговорка, *църква*.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ Словенскомъ языкѣ одно только рѣзкое удареніе имѣетъ опредѣленный этимологическій смыслъ и указываетъ на исконную ударяемость и краткость слога. Ударенія же нисходящее и

¹⁾ Допустивши, что долгій гласный равенъ двумъ краткимъ, и что восходящее удареніе представляетъ какъ-бы удареніе на второй половинѣ гласнаго, а нисходящее — на первой, мы можемъ наглядно изобразить это соответствіе: какъ изъ основнаго *главâ* = *глаавâ* образовалось *глава* = *глаава*, такъ изъ основнаго *око* у Словенцевъ образовалось *окô* = *окôo*; какъ, вмѣсто *главê* = *глаавêê* явилось *главѣ* = *глаавêê*, такъ ин. *zâdu* = *zâadu* явилось *zadû* = *zâadu*. Непонятно, конечно, почему у Словенцевъ подъ выдвинутымъ удареніемъ краткіе гласные удлинились.

восходящее одинаково могут стоять на гласных ударяемых искони, и на вторично-ударяемых, на исконно-долгих, и на продленных в послѣдствіи. Только на конечномъ гласномъ нисходящее удареніе свидѣтельствуетъ о совершившейся выдвигѣ.

Читатель видитъ, что, рѣшившись не дѣлать никакихъ построений на основаніи теоріи Шкрабца и Валявца, я вовсе не лишилъ себя важнаго подспорья: соотношеніе, существующее между различными родами ударенія словенскаго и сербскаго не привноситъ ничего для уразумѣнія послѣдняго, а, напротивъ того, само нуждается въ объясненіи.

Но, и не обращая вниманія на качество словенскихъ удареній¹⁾, мы относительно ихъ размѣщенія пришли къ такимъ выводамъ, что 1) словенскія ударенія или вообще падаютъ на тѣ же слоги, какъ и русско-чакавскія, или 2) рядомъ со своеобразною акцентовкою, въ мѣстныхъ говорахъ, встрѣчается и русско-чакавская. Если же 3) нѣкоторыя слова, можетъ быть, и вовсе чуждаются русско-чакавской акцентовки, то значительная часть этихъ словъ имѣетъ въ корнѣ гласные е и о, и въ широкомъ ихъ выговорѣ сохраняетъ слѣдъ иной акцентовки, сходной съ русско-чакавскою.

Замѣчу еще, что существованіе у Словенцевъ (во всѣхъ говорахъ, въ большей или меньшей степени) количества говоритъ въ пользу того, что основная акцентовка ихъ была не однородная, а разнородная — не русская, а чакавская.

¹⁾ Иногда я, правда, ссылаюсь на *протяжность* ударенія, но вѣдь существованіе у Словенцевъ соединенной съ удареніемъ долготы не подлежитъ никакому сомнѣнію и признается всѣми изслѣдователями.

IV.

Болгарская акцентовка.

Акцентовка болгарская — *однородная*, такъ какъ болгарскіе гласные чужды количеству. Исключеніе, кажется, составляетъ глухой гласный, который отличается краткостью и сжатостью, да весьма близкій къ нему а, въ окончанияхъ женскаго рода: българи́н (блѣгарин), вѣ́на (вѣ́на), пѣ́рт (прѣ́рт) жердѣ, смѣ́рт (смѣ́рт), сѣ́н, гѣ́лѣб голубѣ, медѣ́тъ, боѣ́тъ, вода́, рѣ́ка, добри́на¹⁾.

По мѣсту ударенія, Болгарскій языкъ, въ большей части случаевъ, сходенъ съ Русскимъ: делѣ́тъ, дели́! разделѣ́н, берѣ́тъ, текѣ́тъ, секѣ́тъ, сторѣ́тъ, лежѣ́тъ; вода́, душа́, дѣ́га, жена́, гора́; же́йце, ребро́, крыло́, серебро́; чолѣ́къ, чолѣ́шки, червѣ́н, педесѣ́тъ, ше́йсѣтъ, пели́н, рѣ́къ, желѣ́зо, желѣ́зни, година́, поли́ца, тѣ́рговѣц, расте́не, воѣ́водство, бога́ство, грѣ́бен, дѣ́вер, бѣ́ло, тѣ́ло, жи́то, ја́ма, рѣ́на, бѣ́гам, го́рница, ули́ца, бѣ́лѣ, бѣ́лѣю, бѣ́ли́на и т. п.

Есть, однако, цѣлая масса отступленій отъ этого правила: нерѣ́дко удареніе приходится на одинъ слогъ ближе къ концу, чѣ́мъ у Русскихъ, или же — ближе къ началу (другого рода отступленія — напр. ми́лостивѣ́тъ, болг. милостѣ́въ, — весьма рѣ́дки). Итакъ, въ Болгарскомъ языкѣ, какъ и въ Словенскомъ, можно бѣ́ было говорить объ оттяжкѣ и выдвѣжкѣ, хотя эти явленія, особенно первое, въ немъ встрѣ́чаются гораздо рѣ́же, и повидимому, не имѣ́ютъ фонетическаго характера.

Оттягченную акцентовку представляютъ, напр., слѣ́дующія слова: ви́но, ли́це, сѣ́бота, та́лега (рус. телѣ́га, серб. та́льге), пѣ́ськъ, о́дбор, ра́ждам, пу́штам, прова́ждам, свѣ́рши, пи́сал.

¹⁾ Должно быть, такой выговоръ иногда свойственъ и другимъ гласнымъ, чему я, однако, знаю только одинъ примѣръ: и въ словѣ двамѣ́на двое. Впрочемъ такъ же произносятся подобныя ему тримѣ́на, четирѣ́на и т. д.

Иной раз подобное отступление болгарскаго выговора от русскаго легко объясняется. Таково нпр. слово *огън*, которое просто сохраняет древнюю акцентовку именительна-винительнаго падежа, между тѣмъ какъ русское слово, по аналогіи другихъ падежей, перенесло удареніе на вставочный гласный — *огонь*. — Формы *идъ*, *отидъ* согласны съ нашимъ церковнымъ написаніемъ и не чужды также и просторѣчю (*иду*; по-серб. тоже *идѣм*). — Прилагательное *нѣмецки*, несогласное съ нашимъ *нѣмецкій*, пришло къ своему первообразному *нѣмец*, тогда какъ наше прилагательное удержало выговоръ нарицательнаго *нѣмецъ*, которое само, повидимому, уподобилось другимъ народнымъ именамъ на *ецъ* (*нѣмецъ*, какъ *индѣецъ*, *итальянецъ*). — Акцентовка слова *Гѣспод* не согласна съ русскою акцентовкою именительнаго *Господъ*, но она согласна съ прочими падежами — *Гѣспода*, *-у*, *-и*, *-омъ*, *-ѣ*. — Болгарскія формы *једнајсет*, *четирнајсет* столь же понятны, какъ русскія *одинадцать* и *четырнадцать*: основной выговоръ, очевидно, былъ *јединъ* на *десать*, *четыри* на *десать*: въ Русскомъ языкѣ одержало верхъ первое удареніе, въ Болгарскомъ — второе. — Мѣстоименныя формы *мене*, *тебе*, *него*, *нему* съ такою акцентовкою встрѣчаются въ Малорусскомъ нарѣчьи, хотя основнымъ выговоромъ ихъ слѣдуетъ считать *менѣ*, *мнѣ*, *тебѣ*, *тебѣ*, *јегѣ*, *јемѣ* (рус. *меня*, *мнѣ*, *тебѣ*, *тебѣ*, *егѣ*, *емѣ*; серб. *мене*, *мени*, *тебе*, *теби*, *нега*, *нему*, слов. *мене*, *мени*, *тебе*, *теби*, *пјега*, *пјему* (также *пјега* и *пјешѣ*). Мнѣ кажется, что переносъ ударенія на первый слогъ въ этихъ словахъ объясняется логическими причинами: желаніемъ яснѣе отличить первое лицо отъ второго, сильную форму третьяго лица отъ слабой (него отъ го). Допустить въ этомъ случаѣ логическую акцентовку считаю возможнымъ потому, что самое употребленіе то слабой, то сильной формы мѣстоименій имѣетъ чисто логическій характеръ. — Первые лица *иштѣ*, *колѣ*, *фалѣ*, *могѣ*, *хранѣ*, *пустѣ*, *проводѣ* и подобныя имъ соответствуютъ сербскимъ и словенскимъ формамъ и легко объясняются уподобленіемъ перваго лица остальнымъ лицамъ, о чемъ уже была рѣчь въ главѣ о Словенской акцентовкѣ¹⁾.

Выдвинутое удареніе, сравнительно съ русскимъ, мы видимъ нпр. въ словахъ: *рибар*, *помошникъ*, *песни* (ед. *пѣсен*), *болести* (ед. *болест*), *морѣ*, *полѣ*, *сърцѣ*, *дърво*, *златѣ*, *месѣ*, *просѣ*, *словѣ*, *сенѣ*, *тестѣ*, *мерѣ*! И выдвигающаго ударенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко объясняется. Такъ формы множ. числа *пешти*, *ношти*, *костѣ* и т. п. не сходны съ рус. и серб. именительными *пѣчи*, *ночи*, *кѣсти*, *пѣни*, *нони*, *кѣсти*, но зато соответствуютъ остальнымъ падежамъ: рус. *печей*, *печамъ*, *печами*, *печахъ*, серб. *пѣни*,

¹⁾ Гл. III, стр. 120, прил. 2.

пѣнма и т. д.. Такъ же можно объяснить слова очѣ, уши — по-русски очѣ, очей, -амъ, -амѣ, -ахъ; по-сербски очѣ, очѣју, очѣма (ту же акцентовку имѣютъ рус. уши, серб. уши). Подобнымъ же образомъ объясняю себѣ выговоръ словъ око, ухо, небо, слово и дѣрво, которыя рапо могли уподобиться окситоннымъ формамъ очесѣ, очесѣ и т. д. (теперь изъ этихъ формъ существуетъ лишь множественная форма небеса¹⁾). Примѣненіе единств. числа ко множеств. можно видѣть и въ окситоновкѣ реченій море, поле, сѣрце, злато, просо, сено, тесто, хотя при множественномъ делѣ, мѣста, сѣта, стада и т. д. сохранилось баритонное единственное дјало, мјасто, сјто, стадо²⁾). Такимъ же образомъ могъ явиться выговоръ дштерја, якобы со вторичною выдвигкою: рус. дочь, дочери, мн. ч. дочери; но въ остальныхъ падежахъ дочерей, -ямъ, -ямѣ, -яхъ, чему соответствуетъ и сербская акцентовка слова кѣи, которое во множ. числѣ произносится кѣери, кѣери, кѣерима. — Если инфинитивная тема видѣ (откуда рус. видѣть, серб. видети) по-болгарски звучитъ видја (видјах, видјал), то я объясняю себѣ это вліяніемъ другихъ глаголовъ съ примѣтою ѣ, въ которыхъ удареніе всегда падаетъ на примѣту: рус. горѣть, терпѣть, сѣдѣть, болѣть, зеленѣть, серб. гѣрети, тѣрпети, сѣдети, бѣлети, зеленети³⁾. — Выговоръ петѣл, петлѣ только сравнительно съ русскимъ пѣтель кажется искаженнымъ: Сербы произносятъ пѣтао -тла, = осн. пѣтъль, пѣтлѣ; русскій же выговоръ едва ли ни книжный, искусственный.

Я склоненъ думать, что разногласіе между Болгарскимъ и Русскимъ языкомъ въ большей части случаевъ можно объяснить дѣйствіемъ аналогіи, а въ остальныхъ — отнести на счетъ отсутствія общаго акцентовочнаго принципа, вслѣдствіе чего легко могло явиться и узакониться употребленіемъ просто неправильное акцентованіе нѣкоторыхъ словъ: поэтому я замѣтилъ уже выше, что не приписываю болгарской оттяжкѣ и выдвигкѣ фонетическаго характера.

Можетъ показаться заманчивымъ, особенно для приверженцевъ паннонизма, признать выдвигку явленіемъ довольно древнимъ и отнести ее ко временамъ «словено-болгарскаго единства»; но, на мой взглядъ, для этого недостаточно совпаденія словъ море, поле, сѣрце, злато, просо, тело.

¹⁾ При такомъ объясненіи предполагается древность нашей церковной акцентовки око, очесѣ и т. д., въ которой я, какъ высказалъ уже выше (гл. I, стр. 34), не вижу основанія сомнѣваться.

²⁾ О соотношеніи акцентовки единственнаго и множеств. числа среднего рода будетъ еще говорено ниже (стр. 117).

³⁾ Однако вѣсети, какъ вѣдети, а по-рус. вѣстѣть, см. ниже, гл. VI (въ концѣ).

тестѡ, очѣ, ушѣ, ноштѣ, пештѣ и еще нѣкоторыхъ другихъ со словенскими *moŕjĕ, roŕjĕ, zŕcĕ, zlatŏ, pŕwŏ, senŏ, telŏ, testŏ, wŕĭ, uŕĭ, poŕĭ, reŕĭ*, и т. д.

Но, какъ ни смотрѣть на это дѣло, выдвигка, во всякомъ случаѣ, представляетъ черту сходства акцентовки болгарской со словенскою.

Нужно еще замѣтить, что рядомъ съ акцентовкою, отступающею отъ русской и прилегающею къ штокавско-сербской, или къ словенской, обыкновенно (можетъ быть, даже всегда?) стоитъ другая, согласная съ русскою. Такъ произносятся село, теле, гнѣздо, перо, маѣко, чело, орех, печен (прич.), пѣѣ, пѣѣш, пѣѣ, житѡ, златѡ, месѡ, сенѡ, но и село, теле, гнездѡ, перѡ, млекѡ, челѡ, орѣѣх, печен, пѣѣ, пѣѣш, пѣѣ, житѡ, златѡ, мѣсо, сѣѣво.

По убѣжденію, вынесенному нами изъ двухъ предшествующихъ главъ, и въ виду сходства болгарской и русской акцентовки въ другихъ случаяхъ, мы не обинуясь, изъ такихъ двойчатыхъ формъ признаемъ болѣшую древность за формою, согласною съ русскою, хотя фонетическихъ доказательствъ въ пользу того, подобныхъ штокавскому слабому ударенію, или словенской окраскѣ *o* и *e*, въ Болгарскомъ языкѣ не находится. Можно бы было, именно, ожидать, что вторичноударяемые *e*, *o*, ѣ будутъ звучать такъ же, какъ неударяемые, т. е. какъ *и*, *у*, *е* — *сѣѣгу, *тѣѣли, *гнѣѣзду (село, тѣѣло, гнѣѣздо), но этого не замѣчается — говорятъ сѣѣлу, тѣѣли, гнѣѣзду: должно быть, переходъ ударенія совершился еще тогда, когда неударяемые *e*, *o*, не измѣнялись въ *и*, *у*, и замѣнители ѣ не зависѣли отъ ударенія.

Значительною гибкостью болгарскія слова не отличаются, причину чего нельзя не видѣть въ строѣ самаго языка и въ подравнивающимъ дѣйствию аналогіи. Существительныя представляютъ всего двѣ формы, два, такъ называемыхъ, общихъ падежа, да иной разъ еще третью форму, для падежа звательнаго. Вслѣдствіе такого оскуднѣнія легко могла пострадать гибкость словъ: Русскій и Сербъ отличаютъ удареніемъ формы единственнаго числа реченій вода, ребро, (родительныя воды, водѣ, ребра, ребра) отъ формъ множественнаго воды, воде, ребра, ребра, но для Болгарина такое различеніе потеряло всякій смыслъ — родительный падежъ утраченъ, а общіе падежи вода, ребро, и при одинаковомъ удареніи, достаточно, отличены отъ множеств. числа воды, ребра, и естественно было уравнивать ихъ съ ними по акцентовкѣ. Встрѣчается, правда, произношеніе: водѣ, женѣ, косѣ, лозѣ, ногѣ, сѣстри, главѣ, души; но у большинства такихъ словъ и во множественномъ числѣ ударяютъ на суффиксѣ, да и перечисленныя здѣсь слова обыкновенно произносятся: водѣ, женѣ и т. д. Только быха, змиѣѣ

(зъмја) да овца, сколько мнѣ извѣстно, всегда переставляютъ удареніе¹⁾, а слово съзѣ дѣляетъ это обыкновенно. Относительно послѣдняго слова не могу не упомянуть о томъ, что, если кто произнесетъ съзѣ, то надъ нимъ смѣются и переспрашиваютъ: «какво съзѣ»? Тутъ мы имѣемъ ясное доказательство, что народное чутье признаетъ различную акцентовку однимъ изъ средствъ къ разграниченію формъ и, допустивъ выговоръ ногѣ, главѣ, неохотно соглашается на съзѣ, считая съзѣ глагольною формою.

По-гибче женскихъ именъ оказываются среднія: окситонныя въ единств. числѣ, правда, никогда не бываютъ во множественномъ баритонными, но обратный случай составляетъ общій законъ.

Итакъ, мы видимъ формы: ребрѣ — ребра, яйцѣ — яйца, гнездѣ — гнѣзда, писмѣ — писма, но бѣрдо (гора) — бѣрда, блѣто — блѣта, грѣрлю — грѣрля, дѣало — дѣла, жѣто — жѣта, блѣго — блѣга, сѣнце — сѣнца и т. д. При отсутствіи падежей единственнаго числа, которые руководятъ выговоромъ Русскихъ и Сербовъ, Болгары легко могли сбиться съ толку и потерять сознаніе, какимъ словамъ средняго рода свойственна гибкость, а какимъ нѣтъ, отчего выговоръ и сталъ колебаться: стали приноровлять то число къ числу (ребрѣ — ребра), то форму къ формѣ (дѣла — дѣало, слѣд. перѣ — пѣро, сѣла — сѣло). Изъ этой путаницы выяснился теперь общій законъ, что, у двусложекъ средн. рода, множ. число всегда бываетъ окситоннымъ: исключеній изъ этого закона почти нѣтъ (мнѣ извѣстны: пѣво — пѣва, дѣто — дѣта да пѣро — пѣра, изъ коихъ послѣднее произносится также и пѣро — перѣ, или же перѣ — перѣ²⁾).

Слова мужеск. рода, кончаясь во множ. числѣ на и, никогда гибкими не бываютъ — развѣ, если стать на старославянскую точку зрѣнія и признать таковыми формы венѣц — венци, орѣл — орли³⁾. Мы видимъ акцентовку: роб — рѣби, јунак — јунаци, ковѣч (кузнецъ) — ковѣчи, хајдѣк (разбойникъ) — хајдѣци и т. д. = чакавск. рѣб, рѣби; јунак, јунаци, ковѣч, ковѣчи; хајдѣк, хајдѣци и т. д. Эта негибкость опять-таки легко объясняется отсутствіемъ склоненій и дѣйствіемъ аналогій: отчего бы, вмѣсто роб — рѣби, јунак — јунаци и т. д., не говорить роб, рѣби, јунак — јунаци и т. д., когда произносятъ зѣб — зѣби, кравај — краваји и т. д.? У Сербовъ и Русскихъ за перемѣну акцентовки во множ. числѣ стоитъ цѣлый рядъ падежей:

¹⁾ Множеств. число къ овца представляетъ еще другую форму на е (= а), въ которой удареніе падаетъ на е — овцѣ.

²⁾ Весьма вѣроятно, что встрѣчается и выговоръ пѣва, летѣ, но авторъ о его существованіи не знаетъ.

³⁾ Мнѣ извѣстно только одно дѣйствительно гибкое слово: пѣнѣ, пѣни.

возможно ли допустить акцентовку рѣби, рабы, јунѣци, дураки, когда выговоръ рѣби, рабы, јунѣци, дураки поддерживается аналогіей всѣхъ почти формъ этихъ словъ, когда говорятъ рѣба, рабѣ, рѣбу, рабу и т. д., јунѣка, дурака, јунѣку, дураку и т. д.? Не на столь сильной аналогіи держится произношеніе сады, при единств. числѣ садъ, сада, но и оно, противорѣча един. числу, имѣетъ за себя все множественное. Таково положеніе дѣла въ языкахъ Русскомъ и Сербскомъ; въ Болгарскомъ же стоятъ лицомъ къ лицу только двѣ формы, которымъ естественно было сблизиться другъ съ другомъ, результатомъ чего явилась утрата гибкости, такъ какъ 1) много и безъ того негибкихъ словъ, дѣйствовавшихъ своею аналогіей, а 2) единствен. число не могло увлечься акцентовкою множественнаго, потому что ему, при онѣмѣвшей наставкѣ, не на что было перенести удареніе, вслѣдствіе чего для подравненія формъ пришлось измѣнить, именно, число множественное. Содѣйствовать такому искаженію могли еще и звательные падежи, не любящіе напирать на флексію¹⁾. Въ противоположность наставкѣ и, другое окончаніе множеств. числа, ове, обыкновенно принимаетъ на себя удареніе. Окончаніе это, какъ извѣстно, заимствовано у темъ на у, и равняется санскритскому avas (нпр. sūpavas, сыновья), но удареніе его рѣдко соотвѣтствуетъ ударенію санскритскому — могу привести только: волѣве, зетјѣве, кошѣве (корзины), колѣве, ножѣве, попѣве, огнјѣве да столѣве, — гораздо чаще удареніе падаетъ на коренной слогъ: бикове, бобове, гадѣве, градѣве, дѣбѣве, пѣпове, ракове, слѣгове, сомѣве, чѣпове и т. д. Такимъ же образомъ, вмѣсто волѣве, зетјѣве, попѣве, столѣве, произносятъ волове, зѣтјѣве, попове, стѣлове. Однако, чаще всего удареніе полагается на конечный е, и говорятъ: биковѣ; гадѣве, градѣве, купѣве, лѣвовѣ (львы), плачѣве, сватовѣ, царјѣве, часовѣ, бобѣве, грошовѣ, слѣговѣ, бреговѣ, валѣве, зѣбовѣ, мѣжѣве, праховѣ, снегове, грехѣве и т. д., при чемъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, нерѣдко форма съ удареніемъ на корнѣ является и въ другомъ видѣ, съ удареніемъ на конечномъ е. Выговоръ волове, попове я объясняю себѣ примѣненіемъ множественнаго числа къ единственному, а въ окончаніи ове вижу собирательную наставку овје, которая и у насъ произносится овѣ (= овьѣ); тѣмъ, что слова зятевьѣ, сватовѣ и подобныя имъ имѣютъ, чуждый болгарскимъ, отгѣнокъ презрительности, смущаться нечего.

Множественное число женскихъ реченій на согласный обыкновенно имѣ-

¹⁾ Окончаніе звательнаго падежа первоначально не есть флексія, а темовой гласный, почему нѣкоторые ученые даже отказываютъ этой формѣ въ названіи падежа, но для славянскаго сознанія темъ всѣ кончаются на согласные, и окончанія звательнаго (е, о, у, и) суть такія же наставки, какъ и всѣ остальные.

еть удареніе на окончаніи: пошт, шшт, свшт, кост, хубост — поштѣ, шштѣ, свштѣ, костѣ, хубостѣ, выговоръ, который отмѣченъ мною уже выше и объясненъ вліяніемъ падежей родительнаго, дательнаго, мѣстнаго на именительно-винительный. Есть, впрочемъ, слова съ удареніемъ на корнѣ, какъ вѣрв, длан, жѣлч, мѣсы — вѣрви, длани, жѣлчи, мѣсли.

Кромѣ общихъ падежей, нѣкоторыя слова Болгарскаго языка (слова женск. рода на а и одушевленные имена мужск. рода) имѣютъ еще особую форму для звательн. падежа единств. числа. Этотъ падежъ не пускаетъ ударенія на суффиксъ, хотя бы оно и падало на него въ падежѣ общемъ, такъ произносятся: вода, гора, коса, сестра, рядомъ съ водѣ, горѣ, косѣ, сестрѣ. Можетъ быть, изъ этого правила есть нѣкоторыя исключенія: во крайней мѣрѣ, Цанковы пишутъ пилѣ. (Однако, произносятся также и пилѣ). Звательные отъ словъ мужскаго рода, какъ упомянуто уже выше, всѣ безъ исключенія баритонки и ударяютъ на тотъ же слогъ, какъ и общіе падежи; то же самое слѣдуетъ сказать и о зательн. падежѣ баритонокъ женск. рода: безакѣникъ — безакѣнику, свинар — свинарѣ, славѣ — славѣ, крѣсникъ — крѣснице, јунак — јуначѣ; кумѣца — кумѣце, книга — книгѣ, вјара — вјарѣ, пѣрвостѣинка — пѣрвостѣинкѣ¹⁾.

Слѣдъ прежней глубокости я усматриваю въ двоякой акцентовкѣ нѣкоторыхъ словъ на а: водѣ, горѣ, дѣскѣ, землѣ, зимѣ, рекѣ и водѣ, горѣ, дѣскѣ, землѣ, зимѣ, рѣкѣ. Баритонный выговоръ я вывожу изъ винительн. падежа (рус. воду, гору и т. д., серб. воду, гору, дѣску, земљу, зиму, рѣку) и изъ формъ множественнаго числа (русс. воды, доски и т. д., серб. воде и т. д., зиме, рѣке).

Замѣчательная особенность Болгарскаго языка — не сравнительно съ другими Славянскими, которые въ этомъ случаѣ представляютъ несоизмѣримыя съ нимъ величины, — а сравнительно съ Романскими и Германскими, есть способность члена принимать удареніе. Членъ въ единств. числѣ, какъ извѣстно, акцентуется у всѣхъ реченій женскаго рода, на согласный, и у большей части односложныхъ мужскаго рода: вѣрв-тѣ, длан-тѣ, кост-тѣ, крѣв-тѣ, пошт-тѣ, смѣрт-тѣ, болест-тѣ, јесен-тѣ, лјубов-тѣ, младост-тѣ и т. д.; бој-ѣт, врат-ѣт, град-ѣт, дѣжд-ѣт, дим-ѣт, мед-ѣт, мѣж-ѣт, нос-ѣт, прах-ѣт, свет-ѣт, сын-ѣт, ум-ѣт и т. д. Исключаются: брат-

¹⁾ Пишу, наперекоръ Цанковымъ, въ окончаніи зательн. падежа муж. рода у, а не о: такъ какъ неудараемое о=у, то установить правописанія этихъ формъ по слуху нельзя, этимология же рѣшительно говоритъ въ пользу у.

²⁾ О баритонности зват. падежа срв. гл. I, стр. 25 и 30, гл. III, стр. 98, гл. XIV и примѣчанія къ таблицамъ I, Б и III, Б.

ът, грѣмъ-ът, нѣжъ-ът, сѣкъ-ът и нѣкоторыя другія, иныя — нпр. брѣгъ, зѣбъ, листъ, прагъ, — колеблются между наименной и начленной акцентовкою: брѣгъ-ът, или брегъ-ът и т. д. ¹⁾ Акцентованіе члена намъ, привыкшимъ къ безударному члену Романцевъ и Германцевъ, представляется на первый взглядъ тѣмъ-то дикимъ: членъ вѣдь и есть ничто иное, какъ ослабѣвшее въ своемъ значеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утратившее акцентъ мѣстоименіе: нѣмецкій членъ, получивъ удареніе, даже становится опять настоящимъ мѣстоименіемъ. Но, если тѣсно примыкающіе къ именамъ неслитные предлоги, которые въ другихъ европейскихъ языкахъ бываютъ атонками ²⁾, у Славянъ нерѣдко сами принимаютъ удареніе (за городъ, по полю и т. п.), то почему было не предоставить такое право и члену ³⁾? — Замѣчательно, что тѣ же Болгары, которые выработали прислоненіе именъ къ члену, подобное прислоненію ихъ къ предлогамъ, чуждаются этого послѣдняго. Даже слѣды существованія его у нихъ въ прежнее время остались весьма слабыя: могу указать только на сложныя числительныя: јединајсетъ, дванајсетъ, тринајсетъ, четирнајсетъ, шестнајсетъ, седемнајсетъ, осемнајсетъ, нарѣчія дѣста (= дѣсьта) и завчера третьяго дня ⁴⁾.

Болгарскія прилагательныя, такъ же несклоняемыя, какъ и существительныя, представляютъ 4 формы: по общему падежу для каждаго рода, въ единственномъ числѣ, а во множественномъ — одинъ общій падежъ для всѣхъ родовъ. Можно насчитать и 5 формъ, если считать членную форму муж. рода единств. числа, которая, однако, совпадаетъ со множествен. числомъ. Такимъ образомъ, передъ нами слѣдующія формы:

Ед. ч. злочѣстъ (несчастнѣй), злочѣста, злочѣсто.

Мн. ч. и членная форма муж. рода ед. ч. злочѣсти.

¹⁾ Членомъ муж. рода я, согласно съ Цанковыми, считаю ѣтъ: хотя ѣ, по происхожденію, несомнѣнно есть окончаніе имени, но сознаніе Болгаръ не можетъ не относить его къ члену: какъ къ словамъ жена, момчѣ прибавляется та, то (жена-та, момчѣ-то), такъ къ слову домъ прибавляется ѣтъ (домъ-ѣтъ).

²⁾ Впрочемъ, Нѣмцы въ соединеніи предлоговъ съ мѣстоимѣніями иногда полагаютъ удареніе на предлогъ: bei mir, unter dir, zu ihm, nach uns, zwischen euch, ohne sie, mit sich и т. д.

³⁾ Есть свидѣтельство, что акцентованіе члена въ извѣстныхъ случаяхъ было въ обычаѣ у Золѣнцевъ, а именно, что односложныя слова передавали ему свое удареніе: что произносили нпр. ѓ ѓѓ, ви. ѓ ѓѓ. Велюев. De l'accentuation, pag. 80.

⁴⁾ Подобно тому, какъ въ Русскомъ языкѣ, и въ Болгарскомъ существительное дѣнь можетъ прислониться къ числительнымъ два и три: два дѣни, три дѣни. Сербскія же два дѣни, три дѣни (см. гл. II, стр. 58) — особъ статья. Или мы въ нихъ итѣмъ дѣле со инною оттяжкою, и два дѣни, три дѣни искажены изъ древнѣйшихъ *два дѣни, *три дѣни?

Въ окончаніяхъ а и о, очевидно, совпали древнеславянскія а и аа, о и ок¹⁾, вслѣдствіе чего, въ ж. и ср. родахъ утратилось различіе между прилагательными членными и нечленными. А въ окончаніи и, по законамъ болгарской фонетики, слились прежнія и, ы, ѣи, ѣа. Такимъ образомъ, болгар. прилагательныя представляютъ смѣсь членной и нечленной формы, и потому, говоря о нихъ, нельзя ограничиться областью именныхъ формъ.

Удареніе прилагательныхъ бываетъ или постоянное, или наклонное, т. е. иногда оно во всѣхъ формахъ стоитъ на томъ же слогѣ, на которомъ и въ муж. родѣ нечленнаго вида, иногда же во всѣхъ формахъ, сохраняющихъ наставку, находится на этой послѣдней. Какъ на образецъ перваго рода словъ, можно указать на вышеприведенное злочѣст, а также на слѣдующія: голѣам, дълбок, болнав, снѣ (снѣжа и т. д.), чист, бѣл. Примѣрами гибкихъ прилагательныхъ могутъ служить: цѣл, нов, гладен (гладна и т. д.), спорен обильный, тежек, тъмен. Прилагательное добѣр (добра, добро, добри) перенесло удареніе на развившійся въ позднѣйшее время глухой звукъ, срв. русск. народное добѣрь (добѣрь). Произносятся, впрочемъ, и добѣр.

Сравненіе болгарскихъ прилагательныхъ съ русскими и съ сербскими едва-ли можетъ привести къ особенно важнымъ выводамъ: единообразную акцентовку прилагательныхъ формъ у Болгаръ можно будетъ объяснить то изъ членной формы, то изъ нечленной — нпр. добра, добро, добри, по ударенію, нечленныя формы, бѣла, бѣло, бѣли — членныя; но это нѣсколько ни подтверждаетъ, ни опровергаетъ моего взгляда на болгарскую акцентовку.

Нельзя пройти молчаніемъ сохранившіеся въ Болгарскомъ языкѣ скудные остатки склоненій, хотя они для насъ не оказываются особенно поучительными. Нѣкоторыя слова мужескаго рода — имена собственные, а въ извѣстныхъ соединеніяхъ, и всѣ имена лицъ — не употребляютъ именительно-винительнаго какъ общій падежъ, а имѣютъ, не считая звательнаго,

¹⁾ Миклошичъ, въ своей Сравн. морфологіи слав. яз., задается вопросомъ, считать ли эти окончанія членными, или нечленными, и склоняется въ пользу перваго предположенія. Но, по моему, тутъ и сомнѣваться нечего: были двѣ формы, теперь — одна, которая фонетически могла образоваться изъ той и другой — очевидно эти формы, вслѣдствіе искаженія одной изъ нихъ, или объѣда, совпали, такъ, что новая форма соответствуетъ обѣимъ старымъ. Миклошичъ увлекся правописаніемъ Цанковъ, кои въ женск. родѣ прилагательныхъ пишутъ а, а въ существит. ѣ (нпр. прѣсна вода), и вслѣдствіе того считаетъ эти а различными по происхожденію и во второмъ видитъ первоначально долгій а, произошедшій отъ стаженія двухъ а (изъ а(ј)а). Если даже исполнѣ доверять въ дѣлѣ разграниченія а и ѣ братьямъ Цанковымъ, все-таки нѣтъ необходимости выводить окончаніе а изъ аја: въ словахъ жена, сестра, башта сохранилось же, по ихъ показанію, простое а въ чистомъ видѣ.

двѣ формы — именительный и винительный; наставкою послѣднему служить звукъ а¹⁾. Наставка эта, у односложныхъ словъ, иногда носитъ на себѣ удареніе:

Драганъ, вин. Драгана, род. на Драгана, Пурванчо — Пурванча, род. на Пурванча, (един) чолѣк — (едного) чолѣка, (он-зи) бѣлгарин — (оного-зи) бѣлгарина, Бог — Бѣга, Владов син — Влѣдова синѣ, мѣж и (мужъ ея) — мѣжѣ и²⁾.

Съ окончаніемъ акцентовкою этихъ родительско-винительныхъ мы уже встрѣчались въ языкѣ Словенскомъ: mōž, sīn — род. mōžā, sīnā. Но еще вопросъ, не случайно ли это сходство, и не есть ли болгарское акцентованіе наставки просто подраженіе акцентованію члена: т. к. говорятъ мѣж-ѣт, син-ѣт, то стали говорить также мѣжѣ и синѣ.

Окончаніе а существительныхъ мужескаго рода принимаютъ и тогда, когда стоятъ при количественномъ числительномъ, не имѣя притомъ при себѣ прилагательнаго: два вола, шестъ конѣя, нѣколко стола. Наставка эта обыкновенно остается безъ ударенія, однако произносятся денѣ: колко денѣ? пет денѣ.

Уцѣлѣвшіе у Болгаръ — хотя въ ограниченномъ употребленіи — мѣстоименные падежи когѣ, комѣ, сѣкего, сѣкему, нѣкаго, нѣкому сходны съ русскими и сербскими когѣ, комѣ, кѣга, кѣму; всѣкаго, всѣкому, свѣкаго, свѣкому; нѣкаго, нѣкаго. Формы другѣго, другѣму (имен. другѣ), похожія на только-что приведенныя, собственно принадлежать къ сложному склоненію; онѣ по акцентовкѣ расходятся съ русскими другѣй, -ѣго, -ѣму, но сходны съ сербскими другѣй, -ѣга, -ѣму. Также сложная форма есть родительско-винительный светѣго: на светѣго Ивана (общій падежъ — светѣй); оба падежа вполнѣ согласны съ русскими святой, святого и съ сербскими свѣтѣй, свѣтѣга. — О падежахъ личныхъ мѣстоименій (мѣне, тѣбе, нѣго, нѣму) рѣчь была уже выше (стр. 114).

Вслѣдствіе утраты склоненій, при опредѣленіи первоначальной гибкости или негибкости болгарскихъ словъ, получаютъ особенную важность заострѣвшіе падежи — нарѣчія, которыхъ мнѣ, къ сожалѣнію, удалось собрать лишь весьма ограниченное количество. Нарѣчія мирѣ спокойно, дарѣмъ, вѣки (ужѣ, больше; Цанковы едва-ли правильно пишутъ вѣке), долѣ, лѣте лѣтомъ, ѣтре завтра, блазѣя междѣмъ., бежишкѣмъ мимоходомъ, на прѣде, от прѣде, до вѣчера сегодня, сношѣти вѣчѣрѣ указываютъ на прежній выговоръ миръ,

¹⁾ Само собою разумѣется, что винительный на а есть тотъ же родительско-винительный, который прочіе славяне присвоили всѣмъ одушевленнымъ предметамъ.

²⁾ Произносятся также мѣж ѣ, мѣжѣ ѣ.

мира; дар, дара; вѣк, вѣка; дол, дола; лѣто; благ, блага, благо = серб. благ, блага, благо; бѣжичек, бѣжичка; пред, прѣда; вѣчер, вѣчера; ношт, ношти. Нарѣчіе веднѣж вдвоє и парѣчіе (предлогъ) върху — върху ми, върху си представляютъ: первое — форму винительнаго падежа (из камиж же), второе — мѣстнаго. Разумѣется, показаніями нарѣчій нужно пользоваться съ разборомъ: формы горе наверху (горѣ) и зиме зимою свидѣтельствуютъ о существованіи выговора гора, зима, который и существуетъ дѣйствительно, только рядомъ съ другимъ — гора, зима. Нѣкоторыя нарѣчія указываютъ на существованіе у Болгаръ прислоненія именъ къ предлогамъ, нпр. доста (довольно = рус. досыта), о чемъ уже упомянуто выше.

Этотъ очеркъ болгарской акцентовки вышелъ весьма краткимъ и неполнымъ. Не думаю, однако, чтобы дополненія и поправки могли измѣнить его существенно и опровергнуть положеніе, что болгарская акцентовка довольно близка къ русской и что русско-чакавское размѣщеніе акцентовъ какъ для языковъ Сербскаго и Словенскаго, такъ и для Болгарскаго должно признать основнымъ. Поэтому считаю возможнымъ повторить съ полною увѣренностью высказанную выше¹⁾ мысль, что акцентовки Русскихъ, Сербовъ, Словенцевъ и Болгаръ нѣкогда были тождественны и всѣ должны быть выводимы изъ акцентовки, доселѣ господствующей у Хорватовъ-чакавцевъ.

¹⁾ Гл. II, стр. 66.

V.

Дополненіе къ обзору юговосточныхъ акцентовкѣ.

Теперь, когда мы пришли къ убѣжденію, что акцентовки русская, сербская, словенская и болгарская первоначально были тождественны, было бы желательно произвести совмѣстное изслѣдованіе ихъ, съ цѣлью объяснить, почему одни слова акцентуются такъ, а другія иначе, и почему языки, согласные между собою вообще, въ нѣкоторыхъ случаяхъ расходятся.

Вмѣсто обстоятельнаго отвѣта на первый вопросъ, — на который, впрочемъ, отвѣтить вполне удовлетворительно едва-ли возможно, — представлю только краткій очеркъ, посвященный акцентовкѣ словъ производныхъ и составныхъ ¹⁾).

1. Акцентовка производныхъ реченій.

Наставки, по отношенію ихъ къ ударенію, бываютъ двухъ родовъ: однѣ можно назвать притягательными, другія — безотносительными. Притягательныя это тѣ, которыя, каковъ бы ни былъ выговоръ первообразнаго слова, принимаютъ сами удареніе; а при безотносительныхъ наставкахъ удареніе сообразуется съ выговоромъ первообразнаго слова, а иногда еще съ другими обстоятельствами. Есть также наставки, которыя можно бы назвать отклонительными ²⁾, потому что онѣ никогда не принимаютъ ударенія; но ихъ весьма немного, и ни одна не выдерживаетъ вполне своего характера. Такъ наставка *жа* въ Сербскомъ языкѣ вовсе чуждается ударенія, но иногда, правда, очень рѣдко, принимаетъ его въ Словенскомъ и въ Русскомъ: верх. краин. *тамка*, *пѣскѣ*, *оска*, *река*, *ростьгва*, вел. рус.

¹⁾ Пытаясь объяснить акцентовку словъ, естественно, можно имѣть въ виду одни производныя и составныя, а не первообразныя, образованіе которыхъ восходитъ къ сѣдой древности. — На второй вопросъ отчасти отвѣчаетъ гл. VI.

²⁾ Махураничъ (*Slovnica hrvatska*, str. 130, § 210, 1) говоритъ про *tvrke glasne* и *bezglasne* (ударяемыя и безударныя).

битка (= битокъ, вещь, которою бьютъ въ играхъ), пенька, малорус. дочка. Наставка *осмь* въ Русскомъ языкѣ не пускаетъ на себя ударение, но какъ у Сербовъ, такъ и у Словенцевъ нерѣдко акцентуется (или акцентовалась прежде): серб. *kratkòst*, *lénòst*, *dúžnòst* и др., слов. *bridkòst* горечь, *kratkòst*, *mòdgròst*, *dòlžnòst*, *sladkòst* и т. д. Единственною отклонительною наставкою оказывается *тель* (роди-тель, дѣла-тель и т. д.), да и та лишь тогда, если оставить безъ вниманія написаніе Стулѣева словаря: *priatèlj*, *èlja*, *kazatèlj*, *èlja*, *broitèlj*, *tèlja*, *branitèlj*, *tèlja* и т. д.

Примѣромъ притягательной наставки можетъ служить наставка *ачь*, *ача* (чакав. *áč*, *áčà*): *силач*, *-ача* (сила, силить); *тубачь*, *-ача* (труба, трубить); серб. *кòвѣч*, *-ача* (кòвати); *вѣзѣч*, *-ача* (вѣзати); *бѣјѣч*, *ача* *incantator* (бѣјати); *сѣјѣч*, *-ача* сѣятель (сѣјати); болг. *ковѣч* (ковѣ), *играч* (игра, играѣ), *мазѣч* (мажѣ), *подвѣрѣч* переплетчикъ (подвѣрѣжѣ). Такова и женская наставка *улѣа* (чак. *úlja*): рус. *козѣуля* (коза), *кривѣуля* (кривѣа прил.), *рогѣуля* (рогѣ, рòга), *ходѣуля* (ходѣ, хòда); серб. *рòсуля* ст. *pluvia rosida* (рòса), *мѣпуля* *vassa coloris felini* (мѣца *felis*), *влѣсуля* *avena sterilis* (влѣс, влѣса), *сѣрбуля* церковная книга на сербо-славянскомъ языкѣ (сѣрб, сѣрба), *рòгуля* *крава великиѣх* рогова (рòг, рòга), *хòдуля* (хòд, хòда); слов. *клерѣтѣуля* болтуня (*klerèt*), *гòгаѣуля* (*гòгаѣ* рогачь, жукъ), *Рѣздукѣуля* Пездчуха (Рѣздѣк, Рѣздукѣ — фамилія), *брегѣуля* *hirundo-hiparia* (брѣг, брегѣ), болг. *кошѣуля* = серб. *кòшуля*.

Притягательныхъ наставокъ немного, я могу указать только слѣдующія:

I. Для мужеск. рода:

1) Съ наклоннымъ удареніемъ: *акъ*, *акѣ*; *ачь*, *ачѣ*; *ашь*, *ашѣ*; *укъ*, *укѣ*; *унъ*, *унѣ*.

2) Съ постояннымъ удареніемъ: *ан*, *аја*; *ань*, *ана* (анѣ?)¹⁾; *атъ*, *ата*; *атаи*, *атаја*.

Къ притягательнымъ же наставкамъ, но не знаю, къ какой группѣ, принадлежитъ также наставка *ѣжъ*, род. *ѣжѣ* или *ѣжа*. Кажется, къ притягательнымъ наставкамъ относятся еще и слѣдующія: *агъ*, *ага*; *огъ*, *ога*; однако на нихъ мало примѣровъ.

II. Для женскаго рода: *ѣва*, *ѣка*, *ѣга*, *ѣуля*. Сюда, вѣроятно, относятся и малоупотребительныя *ѣга*, *ѣка*, *ѣга*, *ѣга*²⁾.

Какъ объяснить себѣ происхожденіе притягательныхъ наставокъ? По-

¹⁾ ань, ана мы находимъ въ словѣ *кабанъ*, *кабана*.

²⁾ Притягательныя наставки не вполне выдерживаютъ свой характеръ: есть слова серб. *òбесѣѣк*, слов. *gòlòbjak*, *kràvjak*; серб. *дѣреж* *Prügelbauk*, *мѣдеж* и *мѣдеж* *родника* и т. и.; см. таблицы.

зволнительно думать, что онѣ первоначально развились у окситонныхъ основъ и уже по аналогіи ихъ стали акцентоваться и у баритонныхъ, хотя доказать это трудно, а, пожалуй, и невозможно. Лишь о наставкахъ укѣ, унѣ, ава, уга, улѣ, ыга можно сказать, что онѣ, по всей вѣроятности, обязаны своєю ударяемостью вошедшему въ нихъ въ различныхъ видахъ темовому гласному у, къ которому исконна тяготѣеть удареніе¹⁾. Миѣ, впрочемъ, кажется, что такое предположеніе умѣстно лишь относительно наставокъ съ постояннымъ удареніемъ, въ которыхъ акцентуется, собственно, не наставка, а прикнувшій къ ней темовой гласный²⁾; для словъ же съ наклоннымъ удареніемъ, акцентующихъ самую наставку³⁾, это объясненіе совершенно излишне: нечего удивляться, что новый, характерный аффиксъ отлѣтили удареніемъ.

Акцентовка словъ съ безотносительною наставкою, по видимому, должна зависѣть отъ ихъ первообразныхъ: когда наставка замѣняетъ неударяемый гласный, она должна оставаться безъ ударенія; когда же гласный былъ акцентованный, то и она должна акцентоваться. И, дѣйствительно, мы это видимъ у цѣлаго ряда словъ, нпр. рус. вода — водица, сестра — сестрица, больна — больница, теплѣ — теплица, книга — книжца, ряба — рябина, гнѣздо — гнѣздиться, село — селиться, право — править, жена — женить, слава — славить, трата — тратить, владѣль, -ла, -ло — владѣлецъ, кормилъ, -а, -о — кормилецъ, взысканъ, -а, -о — взысканецъ, упрямъ, -а, -о — упрямецъ; серб. вода — водица, брада — брадница, сѣстра — сѣстрица, брѣза — брѣзница, квьга — квьжица, липа — липица, гнѣздо — гнѣздити се, село — селити се, прав прил. — правити (у Војв.) градити, слава — славити, дуо, дула, -о — дулац,

¹⁾ См. выше гл. I, стр. 26. Наставки укѣ, унѣ, ава, уга, улѣ, ыга, равны наставкамъ къ, нѣ, а, га, лѣ, соединеннымъ съ темовымъ ѱ (ѳ), въ усиленномъ или продолженномъ видѣ: аѳ, ѳѳ, ѳѳѳ = слав. у, ав, ы.

²⁾ Наставки акѣ, анѣ, ага и т. д. разлагаются подобнымъ же образомъ, какъ только что отлѣченные укѣ, унѣ и т. д.

³⁾ Неударяемость наставки въ имен. падежѣ ед. числа муж. р. я считаю явленіемъ неисконнымъ и, по аналогіи языковъ Санскритскаго и Греческаго, предполагаю, что наставка, звучавшая въ родит. падежѣ акѣ, ачѣ, въ дат. акѹ, ачѹ и т. д., и въ именительномъ представляла основной выговоръ акѣ, ачѣ. Впрочемъ, баритонность именит. падежа муж. рода въ Литовскомъ языкѣ (см. гл. XIII) говоритъ противъ существованія формъ, въ родѣ неѳтакѣ, колачѣ, такъ что окситонную окончаніи акѣ, ачѣ, или, вѣрнѣе, ихъ прототиповъ ѳкѣс, ѳкѣс, приходится отнести къ весьма древнему времени: къ первымъ временамъ общаго Литво-славянскаго языка. Такимъ образомъ, я думаю, что удареніе въ имен. падежѣ у разсматриваемой группы словъ уже въ древнее время подверглось оттяжкѣ, слѣдъ чего можно видѣть въ восходящемъ удареніи, свойственномъ имъ у Чакавецъ: пѣтакъ, колачъ.

добѣгао, -ала, -ало—добѣгалац, нѣсно, -ила, -ило—нѣснац, прѣтко, -ила, -ило—прѣтлац, рѣнно, -ила, -ило—рѣнилац; слов. *dъskā—dъščica, plēnā—plēnica, stъzā—stъzica, gōka—gōčica, bāba—bābica, devica—devičica.*

Впрочемъ, отъ окситонокъ посредствомъ двухсложныхъ наставокъ (изъ коихъ нѣкоторыя впослѣдствіи обратились въ односложныя) не всегда образуются парокситонки, (какъ водѣца отъ вода), но и окситонки: рус. добръ, добра — добротѣ, старъ, старѣ — старина, вдова — вдовѣць, -вца, черна — чернѣць, -неца, пирогъ, -огѣ — пирожѣкъ, -жкѣ, огонь, огни—огонѣкъ, -нкѣ, очагъ, -агѣ—очажѣкъ, -жкѣ, котѣль, -тлѣ—котелѣкъ, -лкѣ, хохолъ, хохлѣ — хохолѣкъ -лкѣ, Василь, Василя мр. = серб. *Vasijъ, Vasija* — *vasilѣкъ, -лкѣ*¹⁾; серб. *dōbar, dōbra* — *dobrotѣ, lѣp, lѣpa* — *lepōta, *udōva* (*удовѣца*) — *udōvac* (*удѣвац*), *църн, църна* — *църнац* црни пришт, *църница* *segasim nigum* (рядомъ съ *църница* црна земля и т. д.), *църнина nigredo, вѣ, вѣла*—*вѣлак, пѣп, пѣпа* — *пѣпакъ gryllus domesticus, пѣт, пѣта* — *пѣтак*; слов. (мѣстн. краин.) *iglicā, igricā, mъglicā, рwstъgvicā* (*iglѣ, igrѣ, mъglѣ, рwstъgvѣ*), *stъzicā, gubicā* (*stъzѣ, gubѣ*); болг. *dōbъr, dōbrѣ* — *dobrotѣ, *vdōvѣ* (*вдовѣца*) — *vdōvѣc*. Подобную акцентовку также можно объяснить выговоромъ первообразныхъ словъ: производное слово, вмѣсто того, чтобы оставить удареніе на мѣстѣ, подражаетъ окситонности первообразнаго.

Но сколько исключеній изъ предполагаемаго мною закона! Столько, что, при настоящемъ состояніи разбираемыхъ языковъ, положительно слѣдуетъ отрицать самое существованіе его²⁾. Вспомнимъ, напр., рус. *голосъ, -а,*

¹⁾ Слова на *ѣцѣ, ѣкъ, ѣкъ*, судя по имен. падежу относятся къ первой группѣ, но мы должны имѣть въ виду большинство падежей. При такомъ взглядѣ на *дѣло, а* не вижу настоящаго соответствія между акцентовкою сопоставляемыхъ Гротомъ (Фил. разыск. стр. 369) словъ *жилѣць, -льцѣ* и *жилѣца, продавѣць, -вца* и *продавѣца, ученѣкъ, -нкѣ* и *ученѣца, баловнѣкъ, -нкѣ* и *баловнѣца*: муж. формы соответствовали бы женскія **жилѣца, *продавѣца*. См. впр. ниже, стр. 129.

²⁾ Однако, для словъ на *ица*, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ (см. на стр. 129, прим. 2) я считаю этотъ законъ дѣйствительнымъ; для нихъ его, въ известной степени, призналъ уже Гротъ. Я придаю ему болѣе общій видъ, такъ какъ не вижу настоящихъ исключеній изъ него: цѣлый рядъ словъ, которыя у Грота (Филол. разыск. стр. 370—371) приведены безъ объясненія, можетъ быть объясненъ на общемъ основаніи: слово *единѣца* произведено отъ **једин, јединѣ, -ѣ* (основ. формы для рус. *одинъ, одна, -ѣ*, слов. *ѣдъп, ѣпа, -ѣ*, болг. *едѣн, едѣнѣ, -ѣ*), *седьмица* отъ **седьмъ, седьма, седьмо* (*седьмой*), *петлѣца* отъ *петлѣ* = слов. *рѣtlja, болг. петлѣѣ, употребительнаго рядомъ съ петлѣ* = серб. *пѣтъѣ, драѣница* отъ *драѣтъ, драѣнѣ* (а не отъ *драѣтъ*), *горчѣца* отъ *горѣкъ, горькѣнѣ, мокрѣца* отъ *мокрѣтъ, мокрѣнѣ*, *куѣница* отъ *куѣнѣ* (= серб. *куѣнѣ, слов. кѣпѣнѣ и кѣпѣнѣ*), *плосѣца* отъ *плосѣкъ, плоскѣнѣ, роженѣца* отъ *роженѣтъ, роженѣнѣ, -ѣ, плѣнѣница* и т. д. см. ниже

серб. глас, -а — голосокъ, -ска, гласак (отсюда и рус. голосить, серб. гласити), рус. домъ, дома, серб. дѣм, дѣма — домокъ, домак, рус. зубъ, зуба, серб. зѣб, -а — зубокъ, серб. зѣбак, русск. голубь, -я, серб. гѣлѣб — голубокъ, голубак (отсюда же рус. голубица = серб. голубица), рус. дѣверь, -я, серб. дѣвѣр, -ера — деверекъ, деверак, рус. перстень, -стня, серб. пѣрстѣн, -ена — перстенекъ, пѣрстѣнак, рус. ножъ, ножа — ножикъ, столъ, стола — столликъ, осель, -сла — осликъ и т. п.; рус. ежъ, ежа — ежиться, дуракъ, -ака — дурачиться, сокъ, сока — сочиться, громъ, грома — громить, миръ, мира — мирить¹⁾, моръ, мора, серб. мѣр — морить, серб. мѣрити, смѣхъ, смѣха серб. смѣх, смѣха (смѣјех, -а) — смѣшить, смѣшати се улыбаться, рус. говоръ, серб. гѣвѣр, -ора, слов. гѣвѣг или гѣвѣг — говорить, гѣвѣрити, гѣвѣгити и т. д.

Несмотря на это, я склоненъ думать, что построенный мною теоретически законъ когда-то дѣйствительно существовалъ, хотя началъ нарушаться очень давно, да и не могъ не нарушиться, потому что составъ и происхождение словъ не всегда ясно представляются говорящему, вслѣдствіе чего иные слова могли получить акцентовку, основанную на ложной аналогіи, или даже просто случайную, произвольную. Постараюсь нѣсколько подробнѣе развить эту мысль.

1. Въмѣсто настоящаго первообразнаго, легко можно счесть таковымъ другое родственное ему слово, къ которому и примѣнится тогда акцентовка производнаго. Такъ, несомнѣнно, что членныя прилагательныя не способны давать отъ себя ростковъ, и что потому глаголь одобрить происходитъ не отъ добрый, а отъ добръ, добра²⁾, и собственно долженъ произноситься одобрить, какъ нѣкоторые дѣйствительно произносятъ, согласно съ Сербами (одобрить = чак. одобрити, шток. одѣбрити). Но обыкновенно мы произносимъ одобрить, производя этотъ глаголь отъ членной формы добрый. Подобнымъ

отъ *плѣна = слов. плѣна, откуда плѣса, лѣковица отъ *лѣковъ, лѣкова, -о, (лукъ, лѣка), корокатца отъ *корокать, короката, -о ногастый (*корокъ = серб. крак сгус longum), курица отъ кѣра (откуда обычн. мн. ч. кѣры).

¹⁾ Въ Сербскомъ языкѣ акцентовка грѣмити, мѣрити вполне соответствуетъ отступающимъ отъ Русскаго первообразнымъ грѣм, грѣма, мѣр, мѣра, изъ коихъ первое, впрочемъ, можетъ произноситься также грѣм, грѣма и грѣм, грѣма.

²⁾ Нельзя, впрочемъ, отрицать, что, съ выходомъ изъ употребленія нечленной формы прилагательныхъ, должно было явиться производство новыхъ словъ (по выработавшимся раньше образцамъ) прямо отъ членной формы: несомнѣнно, нпр., что недавнія слова биржевикъ, паровикъ образованы отъ прилагательныхъ биржевой, паровой, безъ посредства небывалаго *биржѣвъ, биржѣва, -ѣ и бывшаго, можетъ быть, но утраченнаго парѣвъ, парѣва, -ѣ.

же переименованіемъ выговора я объясняю себѣ отношеніе рус. слова старіца = серб. старіца къ чак. старіца, слов. starica, болг. старіца и къ русскому же (мѣстному) старіца (старое русло рѣки): я полагаю, что отъ прилагательнаго старѣ (серб. старѣ считаю искаженіемъ, вмѣсто старѣ) произвели существительное старіца, которое у Русскихъ и у Сербовъ-штокавцевъ примѣнилось по акцентовкѣ къ членной формѣ прилагательнаго старѣя и къ существительному мужескаго рода старѣць (рус. старецъ, серб. старѣц, старѣца)¹⁾.

2. Когда первообразное слово кончается на согласный, т. е. первоначально на т, в, то уклоненіе отъ его акцентовки производнаго можно объяснить себѣ тѣмъ, что для народнаго сознанія основною формою этихъ словъ есть именительный падежъ, отъ котораго и могли производить новыя слова, не обращая вниманія на другіе падежи и не сообразуясь съ ихъ акцентовкою, а полагая удареніе, безъ дальнихъ справокъ, то на корень, то на наставку. Такимъ образомъ можно объяснить себѣ уменьшительныя, въ родѣ домѣкъ, зубѣкъ, столѣкъ, ножикъ, отъ домъ, зубъ, столъ, ножъ, глаголы сочѣться, ѣжиться, отъ сокъ, ежъ, формы женскаго рода голубица, мастерица, отъ голубъ, мастеръ)²⁾.

3. Весьма правдоподобно, что слова, измѣнившія свое значеніе, могутъ измѣнить и акцентовку, которая соотвѣтствовала первоначальному, близкому

¹⁾ Впрочемъ, и самую акцентовку слова старѣць приходится объяснять въ членной формѣ прилагательнаго старѣй. — Противъ высказаннаго мною взгляда на акцентовку слова старіца можно привести слѣдующія довольно вѣскія возраженія: 1) не доказано, чтобы сербская форма прилагательнаго старѣ (старѣ, старѣ, -о) была новѣе русской, которая могла явиться въ подражаніе многочисленнымъ прилагательнымъ, въ родѣ бѣлъ, бѣла = серб. бѣл, бѣла, добръ, добра = серб. добар, добра, слѣпъ, слѣпа = серб. слѣп, слѣпа 2) не доказано, что русское слово старіца не есть относительно новое, произведенное отъ старецъ. (А такое производство возможно: первоначально, конечно, слова на ыцъ и на ица находились лишь въ посредственной связи, происходя отъ однихъ и тѣхъ же прилагательныхъ — чърньць отъ чърнь, чърница отъ чърна, — но въ послѣдствіи естественно должна была образоваться привычка прямо переводить слова на ыцъ въ женскій родъ посредствомъ подстановки окончанія ица). Принявши такое объясненіе слова старіца, слово старѣца, несомнѣнно произведенное отъ старѣ, придется считать независимымъ отъ него.

²⁾ Слово императрица нельзя производить отъ императоръ, такъ какъ о, постоянное во второмъ, не могло выпасть въ первомъ: очевидно, это слово заимствовано изъ французскаго *impératrice*, причемъ вмѣсто иностраннаго окончанія иса подставили ица. — Разногласіе между акцентовкою первообразныхъ голубъ, голубя, мастеръ, мастера и т. д. и производныхъ голубица, мастерица и есть то отступленіе словъ на ица отъ выговора первообразныхъ, о которомъ упоминаете выше.

отношенію ихъ къ первообразному, но не соответствуетъ новому положенію дѣла. Такъ я объясняю себѣ парокситонность слова кобылица: производное отъ кобыла сначала произошло кобылица (дѣйствительно, существуетъ мѣстный выговоръ кобылица¹⁾) = серб. кобилица), но при удареніи на *ы* это слово имѣло видъ уменьшительнаго, что не соответствуетъ его значенію, т. к. слово кобылица значить то-же самое что и кобыла, только, что оно благороднѣе, поэтичнѣе: въ виду этого намѣренно могли уклониться отъ старой акцентовки и начать произносить кобылица. То-же объясненіе я считаю пригоднымъ и предложилъ уже, въ главѣ о русской акцентовкѣ, для разноударяемаго слова дѣвица, см. гл. I, стр. 12.

4. Случай разногласія между производнымъ и первообразнымъ словомъ не всегда объясняются переименованіемъ производнаго: бываетъ и такъ, что производное осталось вѣрно старинѣ, отъ которой отступило первообразное. Таково слово висѣлица, произведенное отъ причастія висѣла (неок. висѣти, наст. висѣти, висѣшь): теперь мы, по аналогіи большинства глаголовъ съ примѣтомъ ѣ, полагаемъ удареніе на примѣту и произносимъ висѣла, неок. висѣть, а также и въ настоящемъ висѣти, висѣшь; но формы висѣла и т. д. есть въ малорусскомъ нарѣчій²⁾, есть онѣ и у Сербовъ — висѣти, чак. висѣти — и даже въ самомъ Великорусскомъ, въ предложномъ глаголѣ зависѣть.

5. Иной разъ мы усматриваемъ отступленіе производныхъ отъ акцентовки первообразныхъ тамъ, гдѣ его, по всей вѣроятности, вовсе нѣтъ. Такъ, если съ Гротомъ производить слово кузница отъ кузнѣць³⁾, акцентовка его будетъ неправильная; но развѣ не проще производить его отъ кузня? Гротъ отмѣтилъ также странную оттяжку ударенія въ сложныхъ словахъ: миротворецъ, живописецъ, духоборецъ, отрѣстокъ, перелѣсокъ, прожитіе, прибытіе, подземный, уголовный, приморскій, сравнительно съ простыми словами творецъ, писецъ, борецъ, ростокъ, лѣсокъ, житіе, бытіе, земной, головной, морской и т. д.⁴⁾ Мнѣ думается, что всѣ подобныя слова собственно не образованы путемъ сложенія, а произведены отъ готовыхъ сложныхъ словъ⁵⁾: миротворъ, живописъ, духоборъ, отрѣстъ, перелѣсъ, прожить, прибыть. Относительно нѣкоторыхъ словъ никто и

¹⁾ М. Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, стр. 136.

²⁾ Wagilewicz, стр. 94.

³⁾ Филол. размыш., стр. 369.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 354, 380, 389, 425.

⁵⁾ Ср. Miklosich. Vergleich. Gramma. II, S. 377.

не станеть оспаривать этой мысли: значеніе слова прибытіе трудно вывести изъ слова бытіе, но оно удобно выводится изъ глагола прибыть; также значеніе прилагательныхъ подэсний, уголовный, приморскій неудобно объяснять изъ значенія якобы первообразныхъ для нихъ земной, головной, морской. — Нельзя, конечно, отрицать, что сложные слова иногда могли съ самаго начала принять вторичную приставку и вмѣстѣ съ тѣмъ получить удареніе по аналогіи другихъ, ранѣе образовавшихся: весьма возможно, что напр. греческія слова ζωγράφος, πνευματικόςъ прямо были переведены словами живописецъ, духовоборецъ, и что основныхъ формъ живописъ, духовоборъ никогда не существовало, что онѣ суть грамматическія фикціи, подобно корнямъ и основамъ, въ словахъ позднѣйшаго образованія¹⁾.

Мнѣ думается, что указанными мнимо и подобными имъ соображеніями всегда можно будетъ объяснить несогласіе въ акцентовкѣ словъ первообразныхъ и словъ произведенныхъ отъ нихъ посредствомъ безотносительныхъ приставокъ, почему и слѣдуетъ признать, что акцентованіе производныхъ съ безотносительными приставками по образцу первообразныхъ нѣкогда составляло общій законъ славянской рѣчи.

Рядомъ съ этимъ обычаемъ, въ силу котораго производное слово или ударяло на тотъ-же слогъ, какъ первообразное, или же подражало его окситонности, должно было существовать, въ другихъ случаяхъ, акцентованіе новой приставки.

2. Акцентовка составныхъ реченій.

а) Реченія предложныя.

Акцентовка предложныхъ словъ столь же мало поддается систематизаціи, какъ и акцентовка простыхъ: удареніе приходится то на предлогъ, то на коренной слогъ, то на суффиксъ; одинъ и тотъ-же предлогъ, въ одинаково построенныхъ словахъ, то принимаетъ удареніе, то не принимаетъ; иногда даже въ одномъ и томъ-же словѣ удареніе колеблется между префиксомъ и корнемъ. Однако, опять-таки замѣчается сходство, или же правильное соотношеніе между выговоромъ Русскихъ и Южныхъ славянъ, преимущественно Сербовъ, и русское размѣщеніе удареній, вообще говоря, имѣеть право считаться достояніемъ славянскаго праязыка, или, по крайней мѣрѣ, юговосточной его вѣтви.

Не стану вдаваться въ подробный разборъ предложныхъ словъ, но представлю лишь нѣсколько примѣровъ и соображеній.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ я, по поводу другого вопроса, слегка коснулся сложныхъ реченій, о концѣ говорится нѣсколько подробнѣе во 2-ой части этой главы, стр. 136.

Сложныя съ до ударяють то на корень, то на предлогъ: съ одной стороны, находимъ рус. доносъ, доходъ, серб. дѣнос, дѣход¹⁾, съ другой — рус. доступъ, серб. дѣхвѣт.

То-же самое видимъ при другихъ предлогахъ:

за: рус., болг. законъ, серб. зѣкон, рус. запой, серб. зѣпѣј, зѣпоја напитокъ — рус. западъ, серб. зѣпад, зѣтърка разбѣгъ, болг. зѣпис.

на: рус., болг. народъ, наука, серб. нѣрод, нѣука, рус. наборъ, серб. нѣбор складка, болг. направа устройство, строеніе — рус. наволока, серб. нѣвляка (нѣвляка), нѣкнада, болг. нѣвој онуча.

о, объ: рус. обѣдъ, болг. обѣд, серб. ѓбед, рус. оброкъ, серб. ѓброк tempus constitutum, portio, рус. оборъ оборки, болг. ѓбр поборъ, добыча, серб. ѓбор seripentum pro suis, aula, рус., болг. основа, серб. ѓснова, рус., болг. ѓтава, серб. ѓтава — рус. ѓблакъ, серб. ѓблѣк, болг. ѓблакъ, резьян. ѓblak.

по: рус. потѣкъ, серб. пѣток, рус. побѣда, болг. побѣда²⁾ — серб. пѣглед, болг. пѣглед, рус. послухъ молва, свидѣтель, серб. пѣслѣх audientia.

подъ: рус., болг. подкова, серб. пѣткова — серб. пѣтплата подкладка, болг. порој Regenbach, рус., болг. појас, серб. пѣјас.

при: рус. прилѣкъ, серб. прилѣк; рус. приборъ, серб. прибој, прибоја; рус. приказъ, серб. приказ даръ, рус. примѣръ, болг. примѣръ, серб. пример — рус. приставъ, серб. пристѣв слуга, што ради код куће.

разъ: рус. разсолъ, болг. расѣл говядина, серб. расѣ, расѣла Lake vom Sauekrant — рус. разумъ, серб. рѣзѣм, болг. рѣспуст.

сж: рус. сусѣдъ (сосѣдъ), серб. сѣсед (и сѣсед); рус. супруга серб. сѣпруга = тојага — рус. сѣумракъ, серб. сѣумрак, рус. сѣтолока, серб. сѣтика (у Бодя) = догађај.

Наблюденіе, сдѣланное Гротомъ³⁾ для Русскаго языка, что предложныя слова на мягкій согласный почти всегда полагають удареніе на предлогъ, вѣрно и для Сербскаго и для Болгарскаго: подобно русскимъ ѣвалень, ѓворотень, ѓбручь, пѣречень, помѣсь, ѓбласть, зѣповѣдъ, зѣвистъ, пѣрепись и т. д. произносятся и сербскія: ѓбѣртањ annuli genus, ѓбрѣч, дѣгађај, дѣбит ж., ѓблѣст, зѣповѣд, помѣн, прѣдѣл, прѣдѣст и т. д., у Болгаръ — ѓбрѣч, ѓбич любовь, зѣвист ж., помѣшт ж., прѣлет ж. Для

¹⁾ Сербскія слова дѣнос, дѣход и подобныя имъ я отношу къ словамъ накоренной акцентовки, т. е. изъ-за новѣйшаго итокавскаго выговора ихъ вижу и принимаю во вниманіе древнѣйшій (= чакавскій) выговоръ — дѣнос, дѣхѣд и т. д.

²⁾ У Караджича побѣда.

³⁾ Филол. разысканія, стр. 350—354.

слова обречь мы съ полною достовѣрностью можемъ предположить праславянскую форму *оброцѣ*: слово это и у Рэзынь имѣеть рѣзкое удареніе на предлогѣ — *ǫbracǣ*¹⁾.

Какъ на исключенія, Гротъ указываетъ на слова съ наставками *тель* и *мость* — побѣдитель, обладатель, издатель, увѣренность, отдѣльность, подвѣжность и т. д., которыя слѣдуютъ аналогіи глаголовъ и прилагательныхъ, отъ коихъ они произведены: побѣдить, обладать, издать, увѣренный, отдѣльный. Нѣкоторыя слова на *мость* все-таки подходятъ подъ общій законъ, потому, что и первообразныя ихъ имѣютъ напредложную акцентовку, нпр. *преданность*, *набожность*, отъ *преданный*, *набожный*.

Кромѣ словъ съ наставкою *тель* и *мость* исключаются весьма немногія, а именно: *постѣль*, *супонь*, *обитель*, *погибель*, *напасть*. Изъ этихъ исключеній, первое и второе только мнимое, такъ какъ *постѣль* есть сокращенный выговоръ вмѣсто *постѣля* (серб. *пѣстеля*, ст. церк. *постелема*), и *супонь* точно также сокращено изъ *супонья*²⁾. Въ словѣ *обитель* = *об(в)ит-ѣль*, вслѣдствіе утраты коренного *е*, выхода изъ употребленія простого глагола *витать* и совпаденія звука *ѣ* съ *е*, сознаніе говорящаго усматриваетъ наставку *итель* и подводитъ его подъ аналогію словъ *побѣдитель*, *властитель* и подобныхъ имъ. Настоящими исключеніями являются, такимъ образомъ, только *погибель* и *напасть*. Въ Сербскомъ языкѣ, слово *пѣстеля*, не утратившее своего *а*, вовсе сюда не идетъ, но слова *обитель* (у Хрв. и Далм. код Кришана) *familia*³⁾ и *напасть* также представляютъ исключеніе. Четвертое же слово — *погибель* — имѣеть не вполне сходную съ русскою форму и притомъ правильную акцентовку: *пѣгѣбао*, -блѣ.

Въ Словенскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ болѣе извѣстномъ мнѣ Крапнскомъ, предложныя слова почти всѣ подведсны подъ одинъ уровень и полагаютъ удареніе на корень: *navāda*, привычка, *odēja*, *odgōvow*, *otāk*,

¹⁾ Я слышалъ отъ одного господина (кажется, уроженца Вологодской губерніи) крайне странный выговоръ *олень*, вмѣсто *олѣнь*: очевидно, онъ подводилъ это слово подъ аналогію предложныхъ словъ, т. е. принималъ *о* за предлогъ.

²⁾ Нѣчто въ родѣ исключенія представляетъ и слово *пріязнь*, въ которомъ мы, съ русской точки зрѣнія, видимъ корень *я* (= *я*, *ы*, *и*) и предлогъ *при*. Однако, по староцерковному пишется не *приязня*, а *приязна* и *при*, въ этомъ словѣ, не предлогъ, а корень: санскр. *prī* радовать, веселить, *prī-ja-s* любезный, гот. *frī-jōn* любить. См. Curtius. Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig 1873. S. 284 (№ 379). Это отмѣчено уже Гротомъ. Филол. разыск., стр. 351.

³⁾ Акцентовка слова *обитель* — если она только не чакавская, что также возможно, — не соответствуетъ русской, а указываетъ на болѣе древній выговоръ *обитѣль*.

otrók, dwhòd, izbòr, obráz, oblák, obròč, obèt (род. obéta), oglèd, pòžár, spómín, pòwòz ligamen, zapís, predpúst, oblást, pòšást, napást, pòvest, pòvodčij, -dnja (резлян. pòvodań), otròbi — òтрубн.

Нѣкоторыя, впрочемъ, слова, какъ мы видѣли уже выше, въ именительномъ оттягиваютъ ударенiе и переносятъ его на предлогъ: párwòd, pòkwój, pròstòr, préròk, род. naròda, pòkòja, pròstora, preròka и т. д. Срв. стр. 99.

Есть, далѣе, слова, ударенiе которыхъ колеблется между корнемъ и предлогомъ: pòwòč и pòwòč, zalív и záliv, nabòj и náboj бочарная колотушка, Binderschlägel, nanòs и nânòs conferva, naslòn и náslòn спинка, prilòg и prílòg прибавленiе, razbòj и rázbwj caedes, pugna, zapòn и záron пряжка, predòr и prédòr проломъ, zagòvwòr и zágwòvwòr votum, razgòvwòr и rázgòvwòr разговоръ, zasèr, -sprà и zàser, -sra вагъ, rázlòka и razlòka, pòdkòva (pòdkva) и pòdkova, násad Lage des Getreides zum Dreschen — род. násada и nasáda, náuk, род. náuka и naúka, Zágreb—Zágreba и Zagréba.

Есть и такiя слова, которыя могутъ имѣть только напредложную акцентовку: nájem, nájma, pòswòdva (pòswòda), záplata, záčrnga Schlinge, prístäv villicus, sómrak сумерки, sòčrnga zusammengescharrttes Ding, sóprazdnik Gedächtnisstag, sòkrniva, sòržica gemischtes Getreide.

Восточные говоры Словенскаго языка (въ Штирии, Венгрии) и примыкающее къ нимъ Кайкавско-хорватское нарѣчiе чаще западныхъ полагаютъ ударенiе на предлогъ. Таковы формы zágwòrje, зап. zagorje, návada, зап. naváda, prisega, зап. prisèga, prigrava, зап. prigráva, rázlòček, зап. razlòček, wòtesyk, рядомъ съ wtèsyk, зап. только wtèsyk и т. д.¹⁾

Напредложную акцентовку словенскихъ словъ мы, въ большей части случаевъ, должны объяснять оттяжкой: это ясно изъ постояннаго колеблениа ударенiя и изъ широты звуковъ е и о въ акцентуемыхъ предлогахъ: óbhòd и obhòd circuitus, óbwòr и obwòr septum, óbròk и obròk calumnia, portio cibi, ógwòn и ogwòn Ackerbeet, ókwòr и okwòr vallum, ómòt и omòt vertigo, ótwòk и otwòk tumor, insula, pòdslòn и podslòn fulcrum, pògwòr и pogwòr incendium, pòklòn и oklòn, pòkwòr и okwòr sepultura, prégòn и pregòn persecutio, sprévwj и sprevwj funis, pòszl, -sla, préstòl, prélòg Abacker, prévwz, préròk = prówòk, préstòr = próstòr, spéhòd прогулка, sprévwòd = sprówòd похороны. Если Миклошичъ утверждаетъ, что въ предложныхъ словахъ съ долгимъ гласнымъ въ предлогѣ — примѣрами чего у него служатъ слов. zágwòrje, návada, серб. náručje, návada, завидjeti, чеш. záhoří, náděje, náležeti, поль. zamorze, zamek, należeć (со сжатымъ а) —

¹⁾ Valjavec. Rad. XLIII.

долготу слѣдуетъ объяснять дѣйствиємъ ударенія, искони падашаго на предлогъ, то это чистѣйшее, ни на чемъ не основанное предположеніе¹⁾.

Два предлога, общеславяпскій *на* и русскій (вмѣстѣ съ тѣмъ чешскій, лужицкій и польскій) *ом*, почти постоянно принимаютъ удареніе: рус. пѣ-тока, пѣволока, пѣсынокъ, пѣдчерица, пѣсѣка, пѣпоротникъ²⁾; серб. пѣтока *logea vini usti*, пѣвлака сливки, *Sack eines Polsters*, пѣвѣдрина (пасмурность съ просвѣтомъ), пѣлучак *campus herbidus prope aquam*, пѣбирак, -ирка *Nachlese*, пѣројак, -ѣрка *examen secundum*, слов. пѣглавъс упрямецъ; рус. вѣводъ, вѣдѣлка, вѣручка, вѣговоръ, вѣпускъ и т. д.³⁾. Исключаются только серб. пѣрог *basilus uncinatus*, пѣлѣрје пухъ, пѣпратка = пѣпратъника *filix uva* (но пѣпратъ), пѣпратъча *locus filicosus*, пѣпратица *polytrichon*, пѣветина = пѣветина бѣзела лоза, пѣприца ось жернова, пѣсмѣрко дуванъ, који је врло лут, пѣспѣлъ, пѣспѣла *pulvis molagis*, пѣтисак ц. г. = престанак. Во многихъ изъ этихъ словъ *па*, можетъ быть, вовсе не предлогъ⁴⁾. Изъ русскихъ словъ, сложенныхъ съ *ом*, не акцентуютъ его глаголы несовершеннаго вида (вѣдѣлѣть, вѣливѣть, вѣплывѣть и т. д.), нѣкоторые прилагательныя на *ной*: вѣходной, вѣпускной, вѣдвижной, вѣразительный и два—три существительныхъ: вѣраженіе, вѣступленіе, вѣздоровленіе.

Нерѣдко предложныя слова не всѣми Юговосточными славянами акцентуются одинаково: по-русски *измѣна*, *отмѣна*, *досада*, *порѣка*, *потрѣба*, *прѣказа*, *сѣкровица*, *обычай*, *пѣжаръ*, а у Караджича мы читаемъ *ѣсток*, *ѣмена*, *ѣдмена*, *ѣдсада*, *пѣрука*, *пѣтреба*, *пѣрѣказа* (у Ц. г.), *сѣкѣрвица*, *ѣбичай*, *пѣжар*. Почти во всѣхъ этихъ случаяхъ я склоненъ думать, что Русскій

¹⁾ Miklosich. Ueber die langen Vocale, S. 9. — Справедливо, конечно; замѣчаніе Миклошича, что не долготы, а общность ударенія скрѣпляетъ въ одно цѣлое составныя части слова, но общее удареніе можетъ падать не только на аффиксъ, но и на суффиксъ или на корень. Впрочемъ, даже допустивши съ Миклошичемъ, что удареніе въ предложныхъ словахъ первоначально принадлежитъ предлогу, мы все-таки не объяснимъ сербскаго выговора *пѣручје*, *пѣвада*, *зѣвидјети*, такъ какъ въ Сербскомъ языкѣ вовсе не замѣчается склонности протягивать ударяемыя гласныя. Отвергая, такимъ образомъ, Миклошичеву гипотезу, я, однако, не въ состоянн замѣнить ее чѣмъ-нибудь лучшимъ.

²⁾ Подъ аналогію этихъ словъ, очевидно, подведено заимствованное *пѣсквиль*.

³⁾ Предлогъ *вы* носитъ на себѣ удареніе и въ единственномъ словенскомъ реченнн, въ составъ котораго онъ входитъ: *vigred* = **вѣграда* весна.

⁴⁾ Данничитъ (Основе српскаго или хрватскаго језика) производитъ *пѣрог* отъ *раг* *продирати*, *парати*; *пѣприца* — отъ корня *раг*, въ значенн *пролазити*, *вртјети* се (*пѣприца* = *пѣприца* = *пѣприца*, см. *Miclos. Lexicon palaeoslov.*) О *пѣспѣлъ* сказано *туѣа ѣе бити*, а о *пѣтисак* — *тамна постаѣа* (въ *Корняхъ* — *Korijeni s riječima od njih postalijem* — онъ сближаетъ его съ *тима*?).

языкъ вѣрнѣе сохранилъ старую акцентовку, и что сербскія имена, одмена, досада, пѣрука, пѣтреба, пѣрказа, пѣжар искажены изъ имена, одмена и т. д.: мнѣ кажется, удобнѣе предположить, что у Сербовъ произошло легкое качественное измѣненіе ударенія, чѣмъ допустить у Русскихъ насильственный переносъ его съ предлога на корень. Въ пользу русскаго выговора говорятъ также Стуллевскіе измѣненія (болг. измѣна чудакъ), odmjēna, roguka, rotrēba, roxàg¹⁾. Что касается слова сѣкръвица, то оно, очевидно, есть производное отъ *сѣкръвь и потому должно было произноситься, согласно съ русскимъ выговоромъ, сѣкръвица (по-слов. также sòkrgvica). Выговоръ ъбичај можно бы считать древнимъ, на основаніи того, что окончаніе j, первоначальное и (или j = j?), въ сущности, тождественно съ окончаніемъ ь, съ которымъ соединена склонность къ напредложной акцентовкѣ (см. выше, стр. 132); но онъ также можетъ быть искаженіемъ, вмѣсто ъбичај. Вопросъ усложняется еще тѣмъ, что рядомъ съ формами ъбичај, ъбичаја стоитъ мѣстный падежъ ъбичају, указывающій на выговоръ *ѡбичај, *ѡбичаја, соотвѣтствующій стуллевскимъ obicsàj, obicsàja. По видимому; приходится допустить въ Праславянскомъ языкѣ двоякую, если не тройкую акцентовку этого слова!

Впрочемъ, двоякая акцентовка предложныхъ словъ нерѣдко встрѣчается въ Русскомъ языкѣ, а, по всей вѣроятности, также въ Сербскомъ и въ Болгарскомъ, хотя для послѣднихъ двухъ я не могу этого рѣшительно утверждать. По-русски рядомъ съ выговоромъ насморкъ, поѣздъ, приговоръ, заговоръ, призракъ, просьба, засовъ слышатся также насмòркъ, поѣздъ, приговоръ (= серб. приговòр), заговоръ, призрàкъ²⁾, просьба, засовъ. Въ Сербскомъ языкѣ могу указать прòсск, нàвала рядомъ съ прòсèк, нàвала; въ Болгарскомъ — глагольныя формы дòдох, дòде, произносимыя также додòх, додè.

б) Реченія сложные.

Въ сложныхъ словахъ общее правило составляетъ акцентованіе коренного слога второй части: рус. богорòдица, бѣлорòчка, душегòубъ, живòи-сець, краснòбай, полòумный, полòшубокъ, трясòгузка³⁾, серб. богòродица, водòпòj, вьртòглав, индòвèрка, мьрзидòволац, старòдреван, слов. bogwtàj безбожникъ, vinwtēja, zakwnwdàj, klaròwih, kwlwtdàz, listwgnòj Ноябрь,

¹⁾ Стуллы также пишутъ, согласно съ русскимъ выговоромъ, iztòk; но это слово не только у Сербовъ произносится исток, но и у Болгаръ исток.

²⁾ Выговоръ призрàкъ, можетъ быть, искусственный: онъ, сколько мнѣ извѣстно, встрѣчается только въ стихахъ, но не въ живой рѣчи.

³⁾ Ср. у Грота. Филол. разыск., стр. 390; см. также выше стр. 130 (5).

и подходят подъ общій законъ: благодѣтель, законодѣтель, судостроитель, вседержитель, добродѣтель¹⁾. Больше исключеній замѣчается въ Сербскомъ языкѣ: пѹстопашъ ж. гдѣ је свакому слободно пасти, самосталан, сѹхозид м. зид без креча и земље, зѣмогрѣзан зябкій, кѣловрѣт vortex, лѣстопад folia arborum delarsa, м. October, рѹкопис м., уколажа fornicosa auricularia, чѣтовођа и т. д. — Словенцы только въ двухъ-трехъ словахъ ударяютъ на первую составную часть, какъ колѣвоѡз, винѡград ('nograd) или винѡград, 'nograd винодѣльческій ножъ. Сербы первое изъ этихъ словъ произносятъ, по общему закону, колѣвоѡз, а второе и у нихъ составляетъ исключеніе: винѡградъ; третьяго они вовсе не знаютъ. По-русски слово виноградъ — единственное изъ этихъ трехъ извѣстное на Руси — окситонуетъ (виноградъ); но едвали въ этомъ случаѣ слѣдуетъ особенно дорожить показаніемъ Русскаго языка и считать его выговоръ правильнымъ и древнимъ: придали же мы реченію виноградъ несвойственное ему и несообразное съ его составомъ значеніе лозы (vitis) и гроздія (uva), вмѣсто значенія vinea, Weinberg, которое оно имѣетъ у Сербовъ и Словенцевъ, могли, значить, легко исказить и акцентовку его; тѣмъ болѣе, что оно у насъ, очевидно, не народное, а книжное²⁾.

Какъ, спрашивается, смотрѣть на не вполне согласныя показанія о первоначальной акцентовки сложныхъ словъ Сербовъ и другихъ Югославянскихъ славянъ? Съ чисто теоретической точки зрѣнія, я готовъ бы предположить, что полная (или почти полная) правильность и единообразіе, господствующія въ языкахъ Русскомъ, Словенскомъ и Болгарскомъ, явились вслѣдствіе позднѣйшаго обобщенія и подравненія, и что Сербы вѣрнѣе сохранили старину; но положительныхъ доказательствъ въ пользу такого взгляда я не нахожу.

ночь, род. полудня, полуночи и полпиво сюда не относятся: это не настоящіе сложные слова, а слитныя.

¹⁾ Съ точки зрѣнія исторической грамматики, слово добродѣтель (докрѡдѣтѣла) сюда вовсе не идетъ, т. е. кончается не на тѣла, а на тѣла.

²⁾ Миклошичъ, въ Древнеславянскомъ словарѣ, приписываетъ слову виноградъ два значенія — vinea и vitis: но дѣйствительно ли второе значеніе древнее? Въ Сравнительной грамматикѣ (В. II [Stammbildungslehre], S. 385) древнеславянское виноградъ переведено только словомъ vinea. Тамъ же, стр. 391, русское употребленіе слова виноградъ сравнивается съ нѣмецкимъ употребленіемъ словъ Frauenzimmer и Stute, которыя первоначально означали женскую комнату и табунъ, а въ настоящее время означаютъ женщину и кобылу. См. въ словаряхъ Гримма и Вейганда (Шмидтгеннера). Можетъ быть, колебаніе какъ акцентова, такъ и значенія этого слова объясняется тѣмъ, что оно взято изъ чужа, изъ готскаго veinagards? вѣдь составлено оно совсѣмъ не въ славянскомъ дугѣ.

VI.

Второе дополненіе къ обзору юговосточныхъ акцентовокъ: случаи несоотвѣтствія между югославянскими акцентовками (преимущественно сербскою) и русскою.

Несмотря на общее сходство и правильное соотношеніе, замѣчаемое между акцентовками Русскихъ, Сербовъ, Словенцевъ и Болгаръ, онѣ нерѣдко расходятся въ выговорѣ отдѣльныхъ словъ, чему мы уже видѣли нѣкоторые примѣры¹⁾. Даже соотвѣтствіе между сербскою и русскою акцентовкою — наиболѣе стройное и постоянное — не всегда выдерживается.

1. Различіе между сербскимъ и русскимъ акцентованіемъ словъ можетъ состоять въ томъ, что у Сербовъ, вмѣсто ожидаемаго слабого ударенія является рѣзкое (рѣже вмѣсто восходящаго — нисходящее), или что удареніе (въ видѣ слабого) приближается не на одинъ слогъ къ началу слова, а на два, напр.: скѡт, скѡта; плѡд, плѡда; лѣст, лѣста; ѹзаѡ, ѹза; трѣпѣнѣм, слов. tgeresem — рус. скотъ, скота; плодъ, плода; листь, листа; ѹзель, узла; трепещу. Такъ какъ слабое удареніе есть замѣна рѣзкаго ударенія на слѣдующемъ слогѣ (трѣпѣнѣм = осн. трѣпѣнѣм), то оба указанныя явленія первоначально тождественны. Таковы еще слѣдующія реченія: врѣг, врѣга; дѣн, дѣна (или днѣ); дѣжд, дѣжда Кар. (Маж. дѣжд, дѣжда, слов. dŕž, dŕžja); жѣд, жѣда; жѣж, жѣжа; кѡт, кѡта ц. г. Vgut; лѣд, лѣда; лѣв, лѣва; лѣвица; лѣж, лѣжи; лѣн, лѣна; мѣх (мѣх), мѣха; пѡст, пѡста Кар. (Маж. пѡст, пѡста, слов. pŏst, pŏsta); рѣж, рѣжи; сѣрп, сѣрпа; цѣр, цѣра; цѣрица; цѣрв, цѣрва; рѡбиња; ж. р. прилагательныхъ лѣк, мѡкар, нѣзак, тѡпаѡ и нѣкоторыхъ другихъ: лѣка, мѡкра, нѣска, тѡпла; настоящее время нѣкоторыхъ глаголовъ, нпр., бѣрѣ, дѣрѣ, бѣје, ѣгра, бѣва, пѡкрывѣ, мѣти, гнѣзди се и т. д.

¹⁾ См. выше, стр. 92—100, 128—130, 133, 135.

2. Есть и такія сербскія реченія, въ которыхъ удареніе первоначально было на одинъ слогъ ближе къ концу слова, чѣмъ въ соотвѣствующихъ русскіихъ, а теперь падаетъ на тотъ-же слогъ, какъ въ Русскомъ языкѣ, разумѣется, въ видѣ слабаго или восходящаго. Могу привести слѣдующіе примѣры: Бедград, бѣво, бѣвола; бѣсер, бѣсера; вѣрх, вѣрха; гѣй, гѣя; грѣб, грѣба; грѣм, грѣма (но также грѣм, грѣма); дѣтао, дѣтла (слов. *dětyl* или *dětyl*); исповѣдникъ, исповѣдника; клѣн, клѣна; кѣколь (слов. *kókwlj*, *kókwlja* и *kókwlja*); мѣр, мѣра (слов. *mír*, *mírŭ*); пољана; сѣм, сѣма (слов. *sŏm*, *sŏma*); стѣг, стѣга (но также стѣг, стѣга; слов. *stŏg*, *stŏga*); трѣм, трѣма; хрѣм, хрѣма (слов. *hrŏm* и *hrŏm*) кладовая; хрѣст, хрѣста (слов. *hrŏst* и *hrŏst*) дубъ; хрѣн, хрѣна (слов. *hrĕn*, *hrĕna*). Сюда относятся нѣкоторыя членныя прилагательныя: вѣтхъ, а, ѓ Будм., глѣднъ Будм., дѣтхъ, жѣтхъ Будм., кратхъ Будм., ѣтхъ Будм., сѣтхъ Будм., слѣтхъ, тѣхъ Будм., тѣнхъ, ѣскъ и т. д., которыя, впрочемъ, почти всѣ могутъ произноситься также съ рѣзкимъ, или съ нисходящимъ удареніемъ: глѣднъ, дѣтхъ Будм., жѣтхъ, кратхъ, ѣтхъ, сѣтхъ Будм., тѣхъ Будм., тѣнхъ Будм., ѣскъ Будм. и т. д. Русскія формы этихъ реченій — Бѣлгородъ (Курской губерніи); бѣвоволь, бѣвола; бѣсер, бѣсера; вѣрхъ, вѣрха¹⁾; гѣй, гѣя м. рус.; грѣбъ, грѣба и т. д.

Рѣдко только между русскою и сербскою акцентовкою замѣчается несоотвѣтствіе иного рода, нпр. такое, какъ въ словѣ гдѣшоѣа — рус. господжа (= дубров. госпѣѣа).

Въ случаяхъ разногласія Сербскаго языка съ Русскимъ не всегда можно рѣшить, который изъ нихъ сохраняетъ правильный выговоръ; но, когда это возможно; благодаря показаніямъ другихъ славянскихъ языковъ, то по большей части исконною акцентовкою оказывается русская.

Исконнѣе сербскаго долженъ считаться русскій выговоръ настоящихъ односложекъ (односложекъ съ бѣглымъ гласнымъ): день, дня; левъ, льва; лень, льна; ложь, лжи; рожь, ржи; т. к. въ пользу его ясно свидѣтельствуется выговоръ чешскій и польскій, отчасти лужицкій: чеш. *den*, *dne*; *lev*, *lva*; *len*, *lpu*; *lež*, *lži*; *gež*, *gži* (впрочемъ и *reži*), — в. луж. *dzeń*, *dña*, *gož*, *gže*²⁾, — н. луж. *žeń*, *dña*³⁾, — поль. *dzień*, *dnia*; *lew*, *lwa*; *len*, *lpu*; *leż*, *lzu*; *geż*, *gzu*. Изъ словенскихъ формъ рѣшительное показаніе въ томъ же смыслѣ дѣлаетъ только слово *dān* (*dĕn*), *dnĕ* (чаще *dnĕva*)⁴⁾: слово *lĕv*,

¹⁾ Однако, нарѣчіе — верхомъ.

²⁾ Слова *лѣва*, *лѣма* по-верхнелужицки имѣютъ постоянный гласный: *law*, *lawa*; *lep*, *lepna* (*lepna*). Слово *лѣжа* не употребительно — говорятъ *лѣжа*.

³⁾ Въ словахъ *лѣва*, *лѣма*, *гежъ*, *а* и *е* — постоянныя.

⁴⁾ Слово *dān* и у самихъ Сербовъ представляетъ побочныя формы *днѣ* (род., дат. и жѣт.), *вни. ин. днѣ* и *им. дв. днѣ* (два днѣ), сходныя съ формами другихъ языковъ.

léva или léva говорятъ столько же за сербскій выговоръ; сколько противъ него¹⁾; слова lān, lъnū; lāž, lъžī; žgž, žgžī, не соответствуютъ ни сербскимъ, ни русскимъ формамъ; однако съ послѣдними ихъ можно примирить, допустивши, что они только подошли подъ аналогію словъ выдвигечной акцентовки и замѣнили рѣзкое удареніе нисходящимъ, но что они искони были окситонками. — Принимая, такимъ образомъ, праславянскую акцентовку дѣнь, дѣнї; лѣвъ, лѣва и т. д.²⁾, какъ объяснить себѣ происхожденіе сербскихъ формъ dān, dāna; lāv, lāva и т. д.? Я полагаю, что Сербы первоначально образовали, наравнѣ съ прочими Славянами, правильные родительные dān, lāv, lān, lъnū, ржї, по замѣнили ихъ впоследствии болѣе удобными для произношенія формами dāna, lāva, lāna, lāžnī, rāžnī, образованными отъ именительныхъ dān, lāv, lān, *lāj, *rāj (долготу а въ именительныхъ lāj, rāj (слов. žgž) позволительно считать позднѣйшимъ явленіемъ)³⁾. — То же самое, что у Сербовъ съ приведенными словами, какъ мнѣ кажется, случилось у всѣхъ почти Славянъ со словомъ мѣхъ, основнымъ выговоромъ котораго я считаю мѣхъ, мѣхā. Родительный мѣхā до сихъ поръ слышится въ устахъ Русскихъ, Чеховъ и Поляковъ, въ видѣ мха, мху, mchu. Невзыскательные на счетъ удобства произношенія Поляки вѣрно сохранили бѣглость гласнаго (mch, mchu), Русскіе же и Чехи, желая избѣжать необычнаго созвучія мх стали иногда обращать бѣглый гласный въ постоянный и говорить мохъ, мōха; mch, mchū. Сербскую форму māx (māx), māxa (по Мажураничу, māx, māxa) и словенскую — māh (mēh), mēhū я объясняю себѣ точно такъ же, какъ lān, lāna и lān (lān), lъnū.

Къ словамъ, утратившимъ правильную акцентовку у Сербовъ и сохранившимъ ее у Русскихъ, принадлежитъ и слово *дождь*, рус. дождь, дождя (доць, дощā). Это слово по-сербски произносится dājd, dājda Кар.; по слов. džž, džžjā, поль. deszcz, dżdżu (рядомъ съ deszczu) и ст. чеш. dešť, dšťe (теперь dešťe) свидѣтельствуютъ о праславянской акцентовкѣ дѣждь,

¹⁾ Странно, что это слово по-крански не представляетъ темнаго гласнаго, или не колеблется, по крайней мѣрѣ, между замѣною его черезъ *z* и черезъ *a* — ужъ не заимствовано ли оно изъ нѣмецкаго Löwe?

²⁾ Говоря о праславянской акцентовкѣ отдѣльныхъ словъ, я вовсе не предпринялъ вопроса о существованіи праславянской акцентовки, какъ цѣлой системы.

³⁾ Собственно говоря, по законамъ сербской фонетики, родительные надежи lāv, lān, lъnū, должны были принять видъ ōva, ōna, ōžnī. Если такіа формы дѣйствительно существовали, то появленіе неорганическихъ формъ lāva, lāna, lāžnī объясняется еще лучше: родительные ōva, ōna, ōžnī такъ мало похожи на именительные lāv, lān, *lāj, что отказаться отъ нихъ было вполне естественно.

дѣждѣ. Впрочемъ, по показанію Мажуранича, и Сербскому языку не чужда подобная акцентовка: Мажураничъ пишетъ не дѣжд, дѣжда, а дѣжд, дѣжда (чак. дѣжд, дѣждѣ)¹⁾. — Наравнѣ съ выговоромъ дѣжд, дѣжда, позднѣйшее искаженіе слѣдуетъ видѣть въ Вуковской формѣ пѣст, пѣста, вмѣсто которой мы у Мажуранича находимъ пѣст, пѣста, что вполне соотвѣтствуетъ словенскому рѣst, рѣsta и русскому постъ, поста. — Русская форма царь, царя также правильнѣе сербской цар, цѣра, если только вѣрно производство этого слова изъ основного цѣсарь. Очевидно, односложный именительный царь, могъ явиться лишь такимъ образомъ, что иностранное окончаніе аг подвели подъ аналогію туземной наставки арь, почти всегда отмѣчаемой удареніемъ, и вмѣсто цѣсарь произнесли цѣсарь (впослѣдствіи ц'сарь, царь): но, при именительномъ цѣсарь, другіе падежи едва-ли могли произноситься иначе, какъ цѣсаря, цѣсарю и т. д., а послѣ сокращенія, царя, царю. — О соотношеніи между глагольными формами, какъ серб. трѣпешѣм, слов. tgeresh и рус. трепещу, рѣчь была уже выше (гл. III, стр. 102, прим. 2), и привела насъ къ убѣжденію, что и у нихъ Русскіе удержали удареніе на старомъ мѣстѣ. Также акцентовку берѣ, мѣти (=рус. берѣтъ (слов. бѣге), мѣтѣть) и т. д. я считаю плодомъ вторичной неорганической оттяжки: подобно тому, какъ у насъ, вмѣсто стараго держѣть, учѣть, явилось дѣржѣть, учѣть²⁾, такъ у Сербовъ, вмѣсто берѣ, мѣти, — берѣ, мѣти.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Русскій языкъ отступилъ отъ старины, между тѣмъ какъ Сербскій остался ей вѣренъ, но достовѣрныхъ тому примѣровъ я почти не знаю. Слово лѣдъ, льда несомнѣнно искажено изъ единственно правильнаго ледъ, лёда: и чеш. led, ledu, и в. луж. lod, loda (lodu), и н. л. lod, lodu³⁾, и поль. lod, lodu, а также и м. рус. лѣд, лѣду свидѣтельствуютъ въ пользу сербской накоренной акцентовки; даже словенскій выговоръ léd, ledú, повидимому, согласный съ русскимъ, въ дѣйствительности говоритъ противъ него⁴⁾. Но какъ же могъ выпасть гласный, отмѣченный удареніемъ? Дѣлю это я представляю себѣ такъ, что гласный е сначала стали опускать въ предложныхъ сочетаніяхъ, въ концѣ реченіе ледъ теряло удареніе, или являлось въ окситонномъ мѣстномъ падежѣ (= серб. лѣду): вмѣсто первоначальныхъ выраженій дѣ леду, сѣ леду, по

¹⁾ Будiani также пишетъ због дѣжда. Grammatica, pag. 188, § 384.

²⁾ Въ виду нашего церковнаго, т. е. старорус. написанія держѣть, учѣть, серб. дѣржи, учѣ, болг. дѣржи, (но учѣ), слов. дѣгѣи, цѣи, я древнимъ выговоромъ этихъ словъ считаю дѣржѣть, учѣть.

³⁾ Показанія Лужицкаго языка, который перѣдко обращаетъ бѣглый гласный въ постоянный, не имѣетъ, конечно, особеннаго значенія.

⁴⁾ См. гл. III, стр. 94.

леду, во леду, на леду явились сокращенныя — до леду, со леду, по леду, во леду, на леду, и отъ нихъ уже отыскли и пустили въ оборотъ, какъ самостоятельныя формы, теперешня лѣда, лѣду, лѣдомъ и т. д. — Исконнѣ русской слѣдуетъ также признать сербскую акцентовку слова паѣкка: паѣк, согласную съ болг. паѣк, со слов. раѣк и съ постоянной привычкою предлога на принимать на себя удареніе¹⁾). Русскій выговоръ паѣк, -укѣ легко объясняется тѣмъ, что на приняли за корень, а укѣ за наставку, на которую — т. к. наставка укѣ изъ числа притягательныхъ — и перенесли удареніе. — Слова гробъ, гроба; сомъ, сома, а, пожалуй, и стогъ стога можно считать искаженными изъ гробъ, гроба; сомъ, сома; стогъ, стога, ибо рядомъ съ сербскими формами грѣб, грѣба; сѣм, сѣма; стѣг, стѣга стоятъ словенскія grōb, grōba; sōm, sōma; stōg, stōga. Последнее слово, однако, у самихъ Сербовъ звучитъ также стѣг, стѣга²⁾). — Въ ж. р. нечл. прилагательныхъ Русскій языкъ такъ щедръ на окситоновку, что я склоненъ считать ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ продуктомъ ложной аналогіи: весьма возможно, что напр. сербскія формы лѣка, нѣска (лѣк, лѣка, лѣко; нѣзак, нѣска, нѣско) правильнѣе русскихъ легка, низка, хотя и нельзя этого утверждать рѣшительно. — О словахъ дѣржитъ, учить говорено на предыд. стр., прим. 2.

Древнею чертою, правда, значительно затемненною и искаженною, я склоненъ признать своеобразную акцентовку 2 и 3 лица ед. ч. въ сербскихъ аористахъ. Русская (церковная = старорусская) акцентовка не дѣлаетъ различія между этими и остальными лицами; у Сербовъ же удареніе въ нихъ тяготѣетъ къ началу слова — къ корню, или, если такая есть, къ приставкѣ. Глаголы первообразныя (I классъ Миклошича) и глаголы съ примѣтою и (IV классъ) отмѣчаютъ указанныя формы рѣзкимъ или нисходящимъ удареніемъ, хотя-бы остальные имѣли слабое или восходящее: плѣтох, -смо, -сте, -ше — плѣте; трѣсох, -смо, -сте, -ше — трѣсе; оплѣтох, -смо, -сте, -ше — оплѣте; истрѣсох, -смо, сте, -ше — истрѣсе; разѣпѣх, -смо, -сте, -ше — разѣпѣ; нѣсих, -смо, -сте, -ше — нѣси; брѣних, -смо, -сте, -ше — брѣни; дондсих, -смо, -сте, -ше — дноси; обрѣних, -смо, -сте, -ше — обрѣни. Такъ же мѣняютъ слабое удареніе на рѣзкое глаголы съ примѣтами ну, а и ова (классы II, V и VI): тѣнух и т. д. — тѣну, пѣтонух — пѣтону, играх — игрѣ, зайграх — зайгрѣ, повѣчерах — повѣчерѣ; купѣвах — кѣ-

¹⁾ См. гл. V, стр. 135.

²⁾ Словенское слово stōg, stōga (акцентовку котораго отмѣчаю по Валавку, Rad Jug. Ak. knj. XLV, str. 66) едва-ли на единственное въ своемъ родѣ: при именительномъ stōg мы ожидали бы родительнаго stōga или stōgā, при родительномъ stōga — именительнаго stōg.

повѣ¹⁾. Удареніе не только переходитъ на сосѣдній слогъ, чему мы уже видѣли нѣсколько примѣровъ, но также скачетъ черезъ слогъ, или черезъ два и даже черезъ три слога: накуповахъ — накуповѣ, изједначихъ — изједначѣ, пријатеѣдовахъ — пријатеѣдовѣ, изруковѣдахъ *collegi in manipulos* — изруковѣдѣ, начетворонѣжихъ се — начетворонѣжѣ се²⁾.

Полагаю, что колебаніе ударенія между *префиксомъ* и *суффиксомъ*, которое мы видимъ у нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ глаголовъ, не можетъ считаться древнимъ, и что первоначально удареніе во 2 и 3 лицѣ падало, вмѣсто акцентуемаго въ другихъ лицахъ суффикса, на корень, вмѣсто корня, — на префиксъ, т. е. говорили дѣйствительно плѣдохъ, плѣте, полѣхъ, полѣи, (полѣи?), что соотвѣтствуетъ нынѣшнему штокавскому плѣтохъ, плѣте, полѣхъ, полѣи, но не говорили обрѣнихъ, дбрѣни, а обрѣнихъ, обрѣни (обрѣни?), изъ чего образовалось сначала обрѣнихъ, дбрѣни, а потомъ уже, въ силу аналогіи первообразныхъ глаголовъ, дбрѣни. Мажурапичъ даже велитъ произносить дбрѣни, прѣкопа, пднесе и т. д.³⁾: должно быть, шные дѣйствительно такъ и произносятся. Своеобразной акцентовкѣ 2 и 3 лица ед. ч. аориста особенно удивляться не слѣдуетъ: вѣдь признано въ наукѣ, что у глаголовъ I класса, отъ закрытыхъ корней, эти формы удобнѣе всего отдѣлять отъ остальныхъ и относить къ безпримѣтному аористу⁴⁾, и мнѣ кажется, что это можно сказать обо всѣхъ глаголахъ, безъ исключенія⁵⁾. Считаю вѣроятнымъ, что акцентное неравенство лицъ въ аористѣ нѣкогда было свойственно всѣмъ глаголамъ съ первоначально насуффиксною акцентовкою и что выговоръ тѣрну, разумѣ, живѣ, влѣда, забравѣва и т. д. есть замѣна древнѣйшаго тѣрну, разумѣ, живѣ, влѣда, забравѣва. Такимъ же примѣ-

¹⁾ Vidhani, pag. 107—108. Daničić. Rad. VI, str. 150—151. Изъ указанного закона есть нѣсколько исключеній: отидохъ—отидѣ; измадохъ—измачѣ и др. Иной разъ удареніе колеблется: рѣдохъ—рѣчѣ, но также и рѣчѣ. Rad. VI, str. 55.

²⁾ Съ исторической точки зрѣнія, мы должны бы были сказать, что въ словѣ изруковѣдѣ удареніе перескочило черезъ три слога, въ начетворонѣжѣи (се)—черезъ четыре (начетворонѣжихъ = начетворонѣжѣихъ).

³⁾ Slovníca hârv., str. 104.

⁴⁾ Миклошичъ (Vergl. Formenlehre, 2 Ausg., S. 74 и 73) допускаетъ производство этихъ формъ отъ простого (безпримѣтнаго) аориста; Шлейхеръ (Compendium der vergl. Grammatik, 4 Aufl., S. 802) рѣшительно высказывается въ его пользу и замѣчаетъ, что эсовая форма была бы *несо, а не несѣ. Я полагаю, что она звучала бы *несоше(с): едвали какой-либо языкъ, а тѣмъ менѣе Славянскій, имѣя въ своемъ распоряженіи основу несохо-, несоше-, сталъ бы создавать форму несо-с-с или несо-с-сѣ.

⁵⁾ *Пн-с-с, *коупока-с-с, *кла-с-с такіа же странная формы, какъ *несѣ-с-с, *несо-с-сѣ.

неніемъ 2 и 3 лица къ остальнымъ, проведеннымъ съ большею послѣдовательностью, я объясняю себѣ русскую (церковную) акцентовку просѣ, положи, преломѣ, отпусти, изведѣ, падѣ, спасѣ, изсѣчѣ, написа, сочѣтѣ, негодова и т. д.; въ выговорѣ же иде, обрѣте, умре, рядомъ съ идохъ, обрѣтохъ, умрохъ, вижу остатки старины¹⁾.

Есть въ Русскомъ языкѣ одно явленіе, въ недавнемъ происхожденіи котораго невозможно сомнѣваться: это — акцентованіе, въ прошедшемъ времени нѣкоторыхъ глаголовъ, наставки *са*, напримѣръ, рвался, гнался, заперся, родился, напился²⁾. Этотъ выговоръ, очевидно, есть подражаніе формамъ женскаго рода рвалась, гналась, заперлась, родилась, напилась. Пока мѣстоимѣніе *са* не обратилось въ наставку — чего у остальныхъ Славянъ и до сихъ поръ не случилось, — такая акцентовка была совершенно невозможна. (Еще и теперь въ указанныхъ формахъ удареніе не установилось: большая часть — должно быть, даже всѣ безъ исключенія — могутъ также ударять на другой слогъ: гнался, родился и т. д.).

Въ иныхъ реченіяхъ, съ неодинакою акцентовкою у Русскихъ и у Сербовъ, та и другая можетъ считаться законною и правильною. Таково, напримѣръ, слитное реченіе Бѣлградъ — рус. Бѣлгородъ, серб. Бедград: Русскіе въ выраженіи бѣлгъ городъ положили логическое удареніе на первое слово; Сербы же произнесли *бео градъ*, а потомъ, съ оттяжкой ударенія, Бедград³⁾. Въ подобномъ же соотношеніи, какъ Бѣлгородъ и Бедград, находятся рус. буйволъ и серб. бивѣ, бивола (= ст. ц. *кзикола*). Слова эти, прямо или косвенно происходятъ отъ греческаго *βοῦβαλος*, *βοῦβαλου*. Если предположить, что Русскіе и Сербы, независимо другъ отъ друга, заимство-

¹⁾ Разсуждая объ акцентовкѣ аористовъ слѣдовало бы принять во вниманіе и болгарскій выговоръ, чего я однако не считалъ, по неимѣнію о немъ достаточныхъ свѣдѣній. Аористныя формы бѣде, плѣте, пѣче, дѣде, при формахъ настоящаго бѣде, плѣте, пѣче, дѣде, (соотвѣтствующія сербскимъ бѣде, плѣте, пѣче, дѣде и бѣдѣ, плѣтѣ, пѣчѣ, дѣдѣ) говорятъ въ пользу моего взгляда; но та же акцентовка свойственна и остальнымъ лицамъ: бѣдохъ, плѣтохъ (въ силу аналогіи 2 и 3 лица ед. ч.?). Иногда — или, можетъ быть, у всѣхъ глаголовъ? — удареніе колеблется: дѣдохъ, дѣде и дѣдохъ, дѣдѣ = серб. дѣдохъ, дѣде (Санко, S. 2).

²⁾ См. у Грота. Филол. разыск., стр. 321.

³⁾ Или, можетъ быть, первоначально произносили *Бѣоград, а потомъ подвели это слово подъ аналогію настоящихъ сложныхъ? Последнее предположеніе нѣ кажется мало вѣроятнымъ, въ виду многочисленности у Сербовъ сложныхъ словъ, съ рѣзкимъ удареніемъ на первой части сложения (см. гл. V, стр. 138); но, съ другой стороны, сокращеніе *а* въ разбираемомъ словѣ соотвѣтствуетъ сокращенію кореннаго гласнаго въ сложныхъ словахъ, какъ голдбрадъ, голдглавъ, самѣхранъ (отъ брѣда, глава, хрѣна).

вали это слово, то неодинакую акцентовку его можно объяснить тѣмъ, что сербскій выговоръ бѣвѣ, бѣвола (основн. бѣвѣл, бѣвѣла) слѣдуетъ парокситоннымъ надежамъ βουβάλου, βουβάλω, βουβάλων, βουβάλους, между тѣмъ какъ русскій подражаетъ пропарокситоннымъ — βούβαλος, βούβαλον, βούβαλε, βούβαλοι. Если-жъ слово буйвогъ пришло къ намъ изъ Греціи черезъ Сербію или Болгарію, то выговоръ его можно считать сербизмомъ или болгаризмомъ (по-болгарски тоже бѣвол); или же можно его объяснить логическимъ удареніемъ, которое, послѣ передѣлки слова κζικολз въ буйвогъ (длкій вогъ) положили на мнимое прилагательное буй¹⁾. Однаково законнымъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ признать также сербское акцентованіе составныхъ словъ додѣтокъ, напѣтакъ, почѣтакъ²⁾, (кърво)проліѣ и т. п. и русское — додѣтокъ, напѣтокъ, почѣтокъ, (крово)пролітіе. Несоотвѣтствіе этихъ формъ можно объяснить предположеніемъ, что онѣ только кажутся тождественными, въ дѣйствительности же образованы различно: что сербскія слова произведены отъ существительныхъ *дѣтакъ, *пѣтакъ, *чѣтакъ, *ліѣ (= рус. литѣ³⁾), посредствомъ прибавленія предлоговъ, а русскія — отъ предложныхъ глаголовъ додѣтъ, напѣтъ (ся), почѣтъ, пролітъ. О словахъ этого рода рѣчь была уже выше⁴⁾.

Какъ штокавское удареніе, по мѣсту и по качеству, не всегда соответствуетъ русскому, такъ и чакавское не всегда падаетъ съ нимъ на одинъ и тотъ-же слогъ. Мажураничъ⁵⁾ отмѣтилъ слова дружбѣ, службѣ, руменѣти, одобритѣ, вабитѣ, държѣш, учѣш, вѣситѣ, мѣлимъ (мѣлу) и хвалѣмъ, кото-

¹⁾ Мнѣ сдается, что не только русское буйвогъ, но также и κζικολз есть продуктъ «народнаго словопроизводства»: въ словѣ βούβαλος второй слогъ отождествленъ со своимъ словомъ колзъ, а первый со знакомъ сослагательнаго наклоненія (зори-столь) κζι — κζикολз = «якобы вогъ»; иначе, не было никакого основанія уклоняться отъ греческаго выговора: можно было произносить вувогъ. Если-бы было позволительно считать наше слово паннонскимъ, заимствованнымъ отъ Нѣмцевъ (= нем. Büffel), то выговоръ его перваго слога не нуждался бы въ только что предложенномъ, нѣсколько натянутомъ, объясненіи.

²⁾ Соответственный выговоръ этого слова не чуждъ и Русскому языку: мрус. почѣтѣкъ, почѣткѣ. Wagilewicz, str. 35.

³⁾ Какъ смотрѣть на употребительное, рядомъ съ литѣ, літіе? Я думаю, что літіе есть основная акцентовка: ставши двусложнымъ, т. е. принявши видъ литѣ, это слово могло подойти подъ аналогію прочихъ формъ глагола литъ, имѣющихъ на-суффиксное удареніе. Накоренную акцентовку сербскаго ліѣмъ, по всему вѣроятію, слѣдуетъ признать позднѣйшею.

⁴⁾ Гл. V, стр. 130 (8).

⁵⁾ O važnosti akcenta hrvatskoga za historiju Slavjanah. Programm des K. K. Gymnasiums zu Agram am Schlusse des Schuljahres 1860.

рыя по-русски произносятся дружба, служба, румянить, одобрить, вабить, держишь, учишь, висишь, молю, хвалю.

Чакавская акцентовка словъ държиш, учиш, одобрити, вѣсити, которыхъ я уже касался прямо, или косвенно¹⁾, несомнѣнно древнѣе и правнлнѣе русской.

Окситонныя формы дружба, служба (= шток. дружба, служба), кажется, также древнѣе баритонныхъ дружба, служба: въ пользу этого говорятъ краинскія družbā, službā, равно какъ и русское прилагательное служебнѣй, которое предполагаетъ существительное служба.

Не знаю, можно ли сказать то-же самое о глаголѣ румѣнѣти, выговоръ котораго долженъ былъ сообразоваться съ прилагательнымъ *руманъ, румана, румано (ст. ц. roumānъ, -а, -о). Это прилагательное, по показаніямъ Сербскаго и Словенскаго языка, имѣло наконецную акцентовку: рѹмен, рѹмѣна, рѹмѣно; гѹмен, гѹмѣна, гѹмѣно = осн. рѹмѣн, рѹменā, рѹменѹ; мы же произносимъ его румянъ, румяна, румяно, и, если можно, съ одной стороны, допустить, что русская усѣченная форма не есть древняя, а отвлечена отъ полной — румяннѣй, -ая, -ое (= серб. рѹмени, -ā, -ѹ, слов. гѹшѣпѣ, гѹшѣна, гѹшѣно), то, съ другой стороны, возможно, что Сербы и Словенцы окончаніе ен, ена, ено = анъ, ана, ано подвели подъ аналогію окончанія ен, ена, ено, съ исконнымъ с, какъ зѣлен, зелѣна, зелѣно; цѣрвен, цѣрвѣна, цѣрвѣно.

Преимущество передъ чакавскою акцентовкою слѣдуетъ отдать русской, по высказаннымъ раньше²⁾ соображеніямъ, въ словахъ молимъ и хвалимъ.

Въ этой главѣ, а также тамъ и сямъ въ предыдущихъ, мы видѣли довольно много словъ, русское акцентованіе которыхъ не соотвѣтствуетъ сербскому, словенскому или болгарскому, или даже всѣмъ тремъ; но, несмотря на то, нельзя не признать общаго сходства и не предполагать первоначальнаго единства акцентовокъ восточныхъ и югозападныхъ Славянъ.

¹⁾ Стр. 128, 130, 142, прим. 2.

²⁾ Valjavec. Rad. XLIII. str. 70; ср. у Кошутаря (Grammatik. 5. 248).

³⁾ Гл. III, стр. 102, прим. 2.

VII.

Чешская акцентовка.

Чешская акцентовка — *разнородная*, но не музыкальная, а только *количественная*: ударение разнообразится тѣмъ, что на долгомъ гласномъ звучитъ иначе, какъ на краткомъ¹⁾.

Долготное ударение, по мнѣнію Миклошича, не есть ни нисходящее, ни восходящее, а *равнотърное*²⁾. Не знаю, вѣрно ли это, и не слѣдуетъ ли скорѣе признать долготное ударение *нисходящимъ*. Если не ошибаюсь, чешская акцентовка не вовсе чуждается и *восходящаго* ударенія — заслуживаетъ, значитъ, въ извѣстномъ смыслѣ, названія музыкальной, — только что это ударение не играетъ въ ней опредѣленной роли, а является какъ риторическое украшеніе, замѣняя нисходящее (или равнотърное?). Не предрѣшая вопроса о качествѣ его, я долготное ударение буду обозначать не акутомъ, ни округленнымъ циркумфлексомъ, а циркумфлексомъ *умоватымъ*.

Краткостное ударение, кажется, можно отождествить съ сербскимъ *ръзкимъ*, знакомъ котораго я и пользуюсь для его обозначенія.

Мѣсто чешскаго ударенія, какъ извѣстно, всегда одно, а именно на *начальномъ* словѣ акцентной единицы, такъ что произносятся: jèlen, zàhrada, hòrlivŭ, jàlovice, ŭciniti, nàsycovati, pŕèd hrad, kù mně, nà pomoc, dò skonāni; národ, pŕívada, rŭvodni (rŭvodni) и т. д. Такимъ образомъ и отрицательная частица не всегда имѣетъ на себѣ ударение: němalŭ, něšťesti, něvím, něchse, něbudu, něpŕiznají. Этотъ законъ, впервые указанный Добров-

¹⁾ «Der böhmische Ton ist, in Ansehung seiner Dauer, entweder gedehnt oder geschärft» говорятъ Добровскій въ Чешской грамматикѣ Пельцля. F. M. Pelcel. Grundsätze der böhmischen Grammatik. 2 Aufl. Prag 1798. § 84.

²⁾ Fr. Miklosich. Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen, S. 5.

скимъ¹⁾, относится также къ Словацкому нарѣчію²⁾. Лишь гѣкоторыя мѣстные говоры Словаковъ и Мораванъ — по показанію Шемберы — отклоняются отъ общечешскаго произношенія и примыкають къ польскому, т. е. полагають удареніе на *предпоследній* слогъ; это говоры, сосѣдующіе съ Польскимъ языкомъ³⁾.

Наначальная акцентовка, повидимому, должна была породить множество неуклюжихъ словъ: если-бы такой законъ господствовалъ въ Русскомъ языкѣ, то удареніе довольно часто приходилось бы на пятый, на шестой слогъ съ конца: не мало словъ въ родѣ дороговѣзна, перегорѣдка, именниница, приготоувленіе, черезполѣсица, перекликаться, пересказывать, человѣческой, удобныхъ для произношенія лишь благодаря срединному положенію акцента⁴⁾. Однако, акцентованіе начального слога въ Чешскомъ языкѣ не ведетъ къ тѣмъ неудобствамъ, къ которымъ оно повидимому должно было привести, благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1. Чехи почти не знаютъ такихъ длинныхъ словъ, какъ Русскіе: изъ нашихъ многосложныхъ словъ многія составлены на церковнославянскій (собственно, на греческій) ладъ и въ Чешскомъ языкѣ вовсе не извѣстны, другія же въ немъ короче на одинъ, или даже на два (иногда и на три) слога, что обусловлено отсутствіемъ полногласія, стяженіемъ и оущениемъ гласныхъ; напр., вмѣсто рус. перегорѣдка, помагаете, молодечество, человѣческая, у Чеховъ находимъ přehřádka, pomáháte, mládectvo, člověská. Это тѣ же явленія, которыя, какъ отмѣчено выше⁵⁾, составляютъ нѣкоторый противовѣсъ оттягивающимъ стремленіямъ Сербскаго языка.

2. Не слѣдуетъ забывать, что жизнь слова — въ предложеніи; а въ предложеніи наначальная акцентовка служитъ сама себѣ умѣрительницею: конечный слогъ, отъ котораго по возможности дальше отодвигаютъ удареніе, оказывается рядомъ съ удареніемъ *слѣдующаго* слова.

¹⁾ У Пельця, § 77 2-го изд. Ср. Truhlář, Jos. O přízvuku vůbec, zvlášť o českém. Č. Č. M. 1872, str. 410. Его же. O prosodii české. Č. Č. M. 1874, str. 142.

²⁾ Victorin, Jos. Grammatik der slovakischen Sprache, S. 7. M. Hattala. Grammatica, pag. 30.

³⁾ Восточный говоръ Моравскаго нарѣчія, Восточный говоръ Словацкаго (въ кохитатахъ Спшскомъ, Шаршскомъ, Земненскомъ и Абауйварскомъ), и Верхнетренчанскій (Жиллинскій) говоръ Западнословацкаго. Šembera. Základové dialektologie československé, str. 50, 70, 78.

⁴⁾ Въ главѣ о Русской акцентовкѣ мы видѣли, что русское удареніе иногда весьма далеко отстоитъ отъ конца слова, но видѣли также, что это бываетъ только въ словахъ искусственныхъ, книжныхъ.

⁵⁾ Гл. II, стр. 64.

3. Чешское удареніе не отличается такою силою, какъ русское¹⁾; иной разъ оно даже такъ слабо, что трудно его и слышать: другими словами, иногда всѣ слоги произносятся почти съ одинаковымъ напряженіемъ²⁾. Вслѣдствіе этого, слоги неударяемые, т. е. не имѣющіе *главнаго* ударенія, не жмутся и не тѣсняются къ ударяемому, подобно русскимъ, и даже довольно длинный рядъ ихъ не представляетъ затрудненія для выговора.

Слабостью чешскаго ударенія объясняется высказываемое нерѣдко мнѣніе, будто въ чешской рѣчи *овсе нѣтъ удареній*: будто всѣ слоги произносятся съ одинакою силою и разнятся только по *количеству*. Сторонники этого мнѣнія естественно являются также сторонниками употребительнаго у Чеховъ, рядомъ съ тоническимъ, метрическаго стихосложенія, какое мы находимъ напр. у Коллара, въ Прологѣ къ извѣстной его Дочери Славы:

Aj zde lež|í zem | ta || před o|kem mým | slzy ro|nicím,
 Něky k|olěbka, nu|ní || národu | mého ra|kev.
 Stoj noho! | posvát|ná || mí|sta jsou | kamkoli | kráč|íš,
 K obloze, | Tatry sy|nu, || vznes se vy|vůše po|hled,
 Neb radě|ji k veli|kému || při|chyl tomu | tam se du|bisku,
 Jenž vzdor|uje zhoub|ným || až dosa|váde ča|sům.

Что подобные стихи — фикція и получаютъ извѣстный складъ, благодаря, почти исключительно, искусственному размѣщенію удареній по арзамасъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, т. к. въ нихъ важную роль играютъ *домота по положенію и обюдность послѣдняго слога въ стихъ*, которыя, дѣйствительно, принадлежать къ законамъ классической метрики, но для насъ крайне загадочны — и къ Чешскому языку, положительно, не примѣнимы³⁾: před okem тоническій дактиль (— ∪ ∪), и метрический трибрахий (∪ ∪ ∪); rakev — тоническій хорей (— ∪), метрический пиррихий (∪ ∪), и никакое положеніе передъ согласными, или въ концѣ стиха не

¹⁾ Přizvuk není tak silný, aby moci svou všechny následující slabiky ochromil, говорить Jan Blahoslav Benedikt (= Шафарикъ и Палацкий), въ «Počátkové českého básnictví.» V Prešpurku 1818, str. 15 (Truhlář. O prosodii české. Č. Č. M. 1871, str. 143), и съ этимъ нельзя не согласиться.

²⁾ Ср. J. Durdik. O poměru obou prosodii českých. Č. Č. M. 1878, str. 73.

³⁾ Нельзя же обюдность послѣдняго слога оправдывать обычаемъ пражскаго говора протягивать послѣдній слогъ предложенія, напр. hoří to? byly ste v kostelě? Ср. Šembera. Základové dialektologie, str. 21. Кстати: можетъ быть, въ Греческомъ языкѣ была та же склонность, какъ въ пражскомъ говорѣ, и ею объясняется законъ обюдности послѣдняго слога?

обращаетъ ихъ въ анапестъ и въ ямбъ¹⁾). Иное дѣло долгота по природѣ, которая несомнѣнно существуетъ въ Чешскомъ языкѣ, хотя и на ея счетъ нужно сдѣлать оговорку. Количественный элементъ у Чеховъ положительно слабѣе, и, въ замѣнъ его, усиливается топиическій²⁾: въ современномъ языкѣ краткій, но сильноударяемый слогъ (нпр. односложное существительное, какъ lev, hrád) имѣетъ не меньшую силу, не меньшій вѣсъ, чѣмъ какой-нибудь долгій слогъ, и въ тезисѣ положительно не можетъ стоять, безъ совершеннаго извращенія правильнаго произношенія. Такимъ же образомъ, и долгій неударяемый слогъ отнюдь не сильнѣе краткаго, но ударяемаго: пупі никакъ не ямбъ, а хорей или спондей.

Главный законъ чешской акцентовки допускаетъ нѣкоторыя *исключенія*:

1. Не всегда предлоги принимаютъ на себя удареніе:

а) двусложные и трехсложные предлоги никогда не принимаютъ его, даже въ томъ случаѣ, когда двусложные теряютъ послѣдній слогъ и становятся односложными. Говорятъ kromě žèny, krom tòho, bliže hrádu (или bliž hrádu), kolem Práhu, proti ránu, podle řèky, uprostřed dõmu.

б) Безъ ударенія остаются и нѣкоторые односложные предлоги, а именно dle, skrz: dle rádu, skrz vládu³⁾.

Есть еще и отдѣльные случаи, въ которыхъ предлогъ не отмѣчается удареніемъ, напримѣръ, я никогда не слыхалъ, что бы говорили na shledanou (до свиданія): всегда говорятъ na shlèdanou.

2. Исключеніе, правда, только съ фонетической, а не съ грамматической

¹⁾ Тругларъ говоритъ, что ani vyčibeného sluchu prosodie časoměrná posud neuznájí, но — допустивши справедливость этого замѣчанія, въ которой я не выполняю утвержень — мы можемъ объяснить такое явленіе силою привычки, вынесенной изъ школы: точно такъ, слухъ не оскорбляется французскими стихами, въ концѣ, по преданію, наперекоръ живому языку, произносить ámõ, bonnõ, sortõ вмѣсто am, bonn, sort (âme, bonne, sorte), не оскорбляется и стихами латинскими и греческими, звуковой эффектъ которыхъ, при нашемъ способѣ чтенія, основанъ исключительно на неправильной разстановкѣ удареній. Въ противоположность Труглару, можно привести слова Добровскаго, что метрическіе стихи *оскорбляютъ* чешскій слухъ: die Carmina des Drachowsky, Comenius und Rosa beleidigen das böhmische Ohr. Pelcel, § 105.

²⁾ Эту мысль проводитъ Дурдикъ, въ вышецитованной статьѣ о чешской метрицѣ.

³⁾ Добровскій, у Пельцля (Pelcel, § 100—101). Неударяемость этихъ предлоговъ, очевидно, объясняется тѣмъ, что они въ относительно недавнее время разнились изъ самостоятельныхъ словъ: произносили сперва kromě žèny, kolem Práhu, при чемъ второе удареніе, по логическимъ причинамъ, было сильнѣе перваго, которое, по мѣрѣ обращенія знаменательнаго слова въ служебное, все болѣе ослабывало и, наконецъ, вовсе утратилось.

это видно из того, что во многих случаях выпадает (или отпадает) *непрямая* *таблица*, который не мог бы выпасть, если бы он, согласно с теорией

решения закона, был носителям ударения).

Таковы род, падежи и местоимения я и он: *мне, сокращенный из мене, по — изъ jehō*; таковы некоторые наречия на *dy (vzdy = vzdy, kdy = kehdy)* и на *de (hde, zde = кяде, сяде)*. Таковы же и некоторые существительные, с гласными во все выпавшими, или отглагольными: *der, dru (dru)*

укопъ; bez, bzu (и bezu) бузина; ves, vsi; ves, vsi; hra игра; chitan (kitan, htran); dcera = дочь. уштеръ; dest, dste (ст. ч., нов. ч. dest, dste); den, dne; dska = dska; zen, zne; zed, zdi; krest, krtu; kel, ka келья;

ker, kra; ket, kte куть; heb, hu; lez, lzi; lep, lpu; lev, lva; lizec, len, lnu; mha = mlha; mše; mest, mstu; met, mtu какая-то мбра; mēch, mchu (mchu); piatele; pen, pne; pes, psa; vadъ дунь; rez, rzi (rezu) жарячина;

rez, rzi (rezi); ret, rtu; sklo; stimen (stmen) стема; zblo = ctacac; sen, snu; trest, ttri; hrbet; Cheb, Chbu городъ Eger; šev, švu; švec; tmi творит. пад. числительных. = tlemi; таковы причастия zehi, zha, zho; sechl, schla, schio; čeli, čila, čilo; таковы некоторые инфинитивы и настоящие времена:

ст. ч. bju = bju; brati; vsiknu = vsiknu; dbati, dbam; drati lacerate; diti, dru excoiare; dšiti, dštim; znu; znu; zni = звнѣтъ; zvu = zovu; jdu; jmu; jsi, jsmе, jste); ktau ст. = kvetu; krtiti, krtim; lzati ст. = lzati;

krati, kram; ipiti, ipim; isknu se = lesknu se; mti, mam; mku; ст. ч. pju = pju; pnu; psati; pti, ptam; tati, tam; tati, tav (= tavu); kvu = kvu; ст. ч. spu = sypu, sypam; sati, snu; citi, ctim; ctu.

Противъ этихъ показателствъ неосклонности ономъбстной акцентации,

1) Предположение, что ударения гласныхъ можетъ опускаться, содержится въ соевъ вутреннее предположение. G. J. Ascoli. Die Entstehung des griechischen Superlativsuffixes *τατο-* und die Erweichung der Tenues in *εββοιο-* und *εββοο-*. Ueber lateinischen Grammatik. B. IX, S. 383.

2) На счетъ формы по нужно оговориться: т. е. она могла бы быть сиклтич-номъ, то не предполагать непременно акцентации jehō, а могла образоваться такъ же, какъ инаме *imo* вместо *ito*, въ выражении что кто? = что это?

3) Слова же *Trjzape* (0) *prizuku vrbec, zvlást o českém. Č. Č. M. 1872, str. 420* относятся и первое и второе инае ст. ч. jescm, и, кажется, правильно: изъ jescm (= кмсь) сперва, по всей вероятности, разнится *jěsrm, *jěsem; эта форма, но аналогия аргументъ инае, переноса ударения на окончание *jescm (ср. сербск. jescm) — и потому только утратила свой первый слогъ. Но написание *Trjzape* на аны

языку съ теми формами стоять 3. и. н. ч. json, въ которое j затесался въ слогъ аналогии и притомъ только на кмсь.

точки зрения, представляють сочетанія словъ съ прокритиками: ten národ, ta dóba, v tom ókolí, az sém, i my, než ja.

3. Иногда, какъ мыъ кажется, и въ пѣльничихъ словахъ ударяють не на начальныи слогъ. Это бываеть въ трехсложкахъ, конхъ среднии слогъ. Югоръ: слова vojáci, bodáky, otázka, domáci, poroučím, на мой слухъ, произносятся vojáci, bodáky, otázka, domáci, poroučím¹⁾.

Косвенное признание этого явления я вижу въ словахъ Дураника, что у Чеховъ, хотя главная роль принадлежитъ удареню, конечноство настолькоъ еще сильно, что, въ стѣхахъ, долгими слогами иной разъ можно замѣнить ударенемъ, напримѣръ:

Chram opouští zhanobent.

Prosáké zpěvem slavitím.

He, každý kvitek zrosen jest,

A v blanýi voj učhazi zvezd²⁾.

По моему крайнему разумѣнню, это значить, что слова opouští, proto- sáké, učhazi, если, можетъ быть, не всеяъ, то оучъ часто произносятся opouští, učhazi, prosáké, učhazi.

Итакъ, чешская акцентува, даже въ настоящее время, не есть ясная, а именно, а нѣкогда она, по всей вѣроятности, вовсе не была таковою:

1) Чези, которые и считаютъ это набоудие, утѣрали меня, что в сѣшванъ удареніе съ количествомъ: но, напримѣръ, про сербское слово обидчан, и не скаръ бы, что въ немъ удареніе (главное удареніе) падаетъ на среднии слогъ, хотя онъ и коротъ.

2) J. Durik. O pomětu obou prosodií českých. Č. Č. M. 1878, str. 58. Прогласть Голъ (O českém veršídesejebím. Č. Č. M. 1874, str. 249) рѣшительно утверждаетъ, что въ Чешскомъ языкѣ удареніе всегда прихадаетъ на первыи слогъ, что не бываеть даже второстепенныхъ удареній, во когда онъ говоритъ, что «каждъ jiný byl jen vedlejší přízvuk ve slovesch vžebáblýchъ je, dobře - li lida obесновъ ро- zlechnete vyzkouseti, pochůby, illusori,» то я понимаю это именно такъ, что въ чешской рѣчи встрѣчаются такі отступленія отъ обыкновеннаго акцентуванія, какъ отклоненія крайней крѣп, сильныя второстепенныя ударенія, которые Голъ, какъ отклоненія отъ обшчаго закона, называетъ «случайными» и «неурядивыми». Въ противополож- ность Голъ, Блатославъ-всезаонникъ (Шафарикъ и Палацкии) говорятъ, что прѣзвукъ неминуи буи vždy на první slabice (Č. Č. M. 1874, str. 143). Труднѣе, согласно съ Дураникомъ, отринуть существованіе второстепенныхъ удареній (такъ же, сир. 154; чези, впрочемъ, скаръ противорѣчить въ статьѣ О прѣзвукѣ, str. 421), но се- митаетъ въ полной вѣрности и точности закона Дуресскаго. (О прѣзвукѣ, str. 418)

которые отмѣсны уже Тругларемъ¹⁾ и мною только приумножены, можно сдѣлать нѣкоторыя возраженія.

Во первыхъ, можно вообще возстать противъ такого приема опредѣленія прежней акцентовки, въ виду того, что, на перекоръ выставленной нѣкоторыми учеными «аксіомѣ», выпадать и отпадать могутъ и ударяемые гласные. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ литовскихъ словахъ *akim*, *dangum*, вмѣсто *akimì*, *dangumì*, *mergoma*, вм. *mergomis*, *szirdys*, вм. *szirdysè*, опущенъ ударяемый гласный, т. к. не существуетъ переходныхъ формъ *akimì*, *dangumì*, *mergomis*, *szirdysè*. Подобныя же примѣры встрѣчаются и въ Русскомъ языкѣ: мы говоримъ принести и принѣсть, отвѣсти и отвѣсть, грести и грѣсть, но никогда не употребляемъ, яко-бы неизбѣжныя, переходныя между ними формы принѣсти, отвѣсти, грѣсти²⁾. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что это случаи весьма рѣдкіе, и что мы едва-ли имѣемъ право видѣть въ нихъ явленія фонетическаго характера: я, по крайней мѣрѣ, вполне убѣжденъ, что аксіома наша — настоящая аксіома, и что въ словахъ, повидимому противорѣчащихъ ей, произошло не отпаденіе ударяемаго гласнаго, а произошла подстановка, вмѣсто полной наставки, — сокращенной, которая развилась сначала у *баритонковъ*: слово грѣсть, напримѣръ, приняло окончаніе *жэ* по аналогіи большинства нашихъ инфинитивовъ, въ родѣ *дать*, *бить* и т. д.³⁾

Во вторыхъ, могутъ мнѣ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Чехи опустили именно тотъ гласный, который, по развиваемой мною теоріи, первоначально былъ носителемъ ударенія и до сихъ поръ остается имъ въ Русскомъ языкѣ. Въ примѣръ этому укажутъ на слова *jho*; *jměno* (ст. ч. *jmě*, *jmene*); *lest*, *lsti*; *trest*, *tfti*; *čest*, *cti*; на нѣкоторыя формы глагола *chtiti*—*chceš*, *chce*, *chceme*, *chcete*: слова эти, дѣйствительно, не соотвѣт-

¹⁾ Отчасти также Г. Фишеромъ, въ коротенькой замѣткѣ объ исконной акцентовкѣ Чешскаго языка: *Zur Frage über den ursprünglichen Accent im Böhmischem. Archiv für slavische Philologie. B. III, S. 525.*

²⁾ Въ такомъ же соотношеніи находится жечь, стерѣчь и мѣстныя жечи, стеречки. Жечи, которое приводитъ Колосовъ (въ Замѣткахъ о языкѣ и народной поэзіи въ области Сѣверно-великорусскаго говора, стр. 27), правильно соответствуетъ сербскому жѣни; приводимое тамъ же толчѣи = серб. тући. Глаголь *стѣштити* Сербамъ неизвѣстенъ.

³⁾ Дать, бить = серб. *дати*, *бити*. «Выпаденіе» ударяемаго гласнаго мы видимъ въ обиходной формѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, какъ *Марья*, *Софья*, *Овдотья*, стоящей рядомъ съ книжною — *Марія*, *Софія*, *Евдокія*: чуждое Русскому языку окончаніе *ија* замѣнили наиболѣе близкимъ къ нему: *ја* (сначала, можетъ быть, *ија*, безъ ударенія). Вм. *ија*, является также *ѣја*: *Софѣя*, *Евдокѣя*.

ствують русскимъ ѣго; ѣмя; лѣсть, лѣсти; трость, трѣости; честь, чѣсти; хочешь, хочеть, хочемъ, хочете.

Первое изъ перечисленныхъ словъ у насъ не народное, а книжное и, можетъ быть, произносится просто невѣрно: праславянская акцентовка его могла быть ѣго, согласно съ греческимъ ζυγόν и съ санскритскимъ jugāṁ. Формы ѣмѣ, ѣмене, ѣмѣно я объясняю влияніемъ множественнаго числа: рус. именѣ, именѣнъ, именѣмъ, именѣми, серб. именѣ, именѣнѣ, именѣнима. То-же самое объясненіе годится и для словъ lest, trest¹⁾ и čest, которыя, по всей вѣроятности, издавна имѣли насущно-фиксированную акцентовку въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа, а также и въ мѣстномъ падежѣ единственнаго: рус. въ чести, серб. у части (Mažuranić. Slovnica hrvatska, str. 48). Въ настоящемъ времени глагола хотѣти (хѣтѣти) опущеніе о, по всей вѣроятности, первоначально имѣло мѣсто только въ 1 лицѣ ед. ч. chcu = рус. хочу, серб. хѣћу, а въ формахъ choseš, chose, chocem, chocete допускалось лишь тогда, когда онѣ произносились вовсе безъ ударенія (старо-чешскій языкъ, дѣйствительно, зналъ формы chōseš, chōse и т. д.).

Болѣе вѣское возраженіе будетъ слѣдующее: почти во всѣхъ перечисленныхъ мною словахъ выпавшій гласный есть глухой — ѣ или ѣ, и выпалъ просто на основаніи общаго всѣмъ новославянскимъ языкамъ закона, что глухіе въ открытыхъ слогахъ опускаются. Общность этого закона говорятъ въ пользу того, что Чешскій языкъ никогда не зналъ формъ въ родѣ *рѣати* и *шѣати*, а что съ самаго начала говорили *рѣати* и *шѣати*; если же это такъ, т. е. если опущеніе ѣ и ѣ въ подобныхъ словахъ произошло до выдѣленія Чешскаго языка въ самостоятельное цѣлое, то оно свидѣтельствуетъ только о несуществованіи начальной акцентовки въ періодъ западнославянскаго единства. Возможно, однако, и то, что ѣ и ѣ въ открытыхъ слогахъ, хотя уже значительно ослабѣвшіе и обреченные на неминуемую гибель, держались еще нѣкоторое время на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ.

Признавъ силу послѣдняго возраженія, мы, въ доказательство существованія у Чеховъ разномѣстной акцентовки, съ полною увѣренностью можемъ ссылаться лишь на тѣ слова, въ которыхъ опущенъ чистый гласный, каковы *bju*, *pju*, *zvu*, *řku*, *přatelē*, *přāti*. Впрочемъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда выпущенъ глухой, выпущеніе котораго привело къ неудобному скопленію согласныхъ — какъ, напримѣръ, въ словахъ *hřbet*, *střmen*, *dřiti*, *lsknu* (se), *křiti*, — мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что сокращеніе

¹⁾ Слово trest (třest, trst) имѣетъ для родительнаго падежа еще и формы tresti и trsti.

произошло уже на чешской почвѣ, уже послѣ того, какъ выработалась теперешняя одномѣстная акцентовка, т. е. что Чехи сначала произносили хрьбѣт, стрѣмѣн, дѣщити, льскнѣ се, крьстити и выпустили глухіе уже тогда, когда къ требованію звукового закона присоединилось требованіе акцентнаго, чтобы удареніе приходилось на первый слогъ.

Итакъ, кромѣ общихъ соображеній, и нѣкоторые факты убѣждаютъ насъ въ неисконности чешской акцентовки и указываютъ на первоначальное сходство ея съ юговосточною¹⁾.

Теперь спрашивается, какъ могла возникнуть чешская одномѣстная акцентовка. Въ Чудскихъ языкахъ, какъ извѣстно, господствуетъ та же самая система, какъ и въ Чешскомъ; но, такъ какъ Финны не знаютъ приставокъ, и въ началѣ ихъ словъ всегда стоитъ корень, то удареніе на первомъ слогѣ у нихъ равносильно ударенію на корнѣ. Турецкая акцентовка, будучи также одномѣстною (наконечною), имѣетъ «логическій» характеръ²⁾: она посредствомъ ударенія выставляетъ смыслоизмѣняющія аффиксы (а именно — суффиксы, ибо префиксовъ не существуетъ): кызъ выражаетъ понятіе дѣвушки, кызларъ — то-же самое, но во множественномъ числѣ; севмекъ (любить) выражаетъ любовь, какъ дѣйствіе, северъ (любящій) — какъ присущую кому-нибудь энергію.

Чешская акцентовка, кромѣ внѣшняго сходства съ финнскою, представляетъ и нѣкоторое внутреннее сходство съ указанными акцентовками: въ акцентованіи перваго слога можно видѣть *грамматическій смысл*, потому что первый слогъ представляетъ или корень слова, или смыслоизмѣняющій префиксъ — предлогъ. Такое грамматическое значеніе ударяемаго слога ближайшимъ образомъ роднитъ чешскую акцентовку съ нѣмецкою³⁾.

Не думаю, однако, чтобы при образованіи теперешней чешской акцентовки играли главную роль этимологическія соображенія⁴⁾, а полагаю,

¹⁾ Мысль о первоначальномъ тождествѣ чешской акцентовки съ русскою высказалъ уже Г. Финеръ, въ выше цитованной замѣткѣ о чешскомъ удареніи (Archiv für slavische Philologie. V. III, S. 525).

²⁾ Я, впрочемъ, все-таки не назвалъ бы ее логическою акцентовкою: см. Введеніе стр. 3.

³⁾ Поттъ (Etymologische Forschungen V. I, S. 5, Anm.) замѣчаетъ, что Боппъ, различивши акцентовки грамматическую, ритмическую и логическую, долженъ бы былъ признать финнскую акцентовку одновременно и ритмическою и логическою. Еще съ большаю правотою можно сказать это о чешской акцентовкѣ, что и дѣлаетъ Тругларъ (O přízvuku, str. 410), и что уже до него дѣлалъ Добровскій, не употребляя только позднѣйшихъ бопповскихъ терминовъ (Pelzel § 81).

⁴⁾ Какъ утверждаетъ Добровскій, въ только что указанномъ мѣстѣ.

что она развилась изъ древней общеславянской по преимуществу механическимъ образомъ, подобно тому, какъ французская акцентовка развилась изъ латинской. Только дѣло не такъ просто, какъ тамъ: у Французовъ всѣ слоги, послѣ ударяемаго, онѣмѣли (этихъ слоговъ, по законамъ Латинскаго языка, было: гдѣ — одинъ, гдѣ — два; но не болѣе); а, когда установилась, такимъ образомъ, привычка держать удареніе на послѣднемъ слогѣ (не считая полупѣмыхъ слоговъ), то это повело къ насильственной перестановкѣ ударенія, въ тѣхъ словахъ, которыя устояли противъ искаженія окончаній, какъ *pendule, facile, habit, indigène* = *pendula, facilis, habitus, indigēna*¹⁾. Словъ съ перестановленнымъ удареніемъ не много: громадное большинство сохранило удареніе на старомъ мѣстѣ, но слогъ, бывший въ Латини вторымъ, или третьимъ съ конца, оказывается теперь конечнымъ: изъ *alnus* вышло *aune*, изъ *maie* — *mer*, изъ *simulus* — *combe*, изъ *per-tica* — *perche*, изъ *lacrima lagime*, изъ *hospitem* — *hôte*, изъ *populus* — *peuple*, изъ *quadagesima* — *saîême*²⁾. Подобнаго соотношенія между чешскимъ выговоромъ и русско-чакавскимъ не замѣчается! Но, тѣмъ не менѣе, я, по аналогіи Французскаго языка, выставляю для Чешскаго слѣдующее предположеніе: вслѣдствіе какихъ-либо звуковыхъ переменъ, удареніе, въ большей части словъ, очутилось на первомъ слогѣ, а, потомъ, въ силу аналогіи, перешло на него и въ прочихъ словахъ.

Но нельзя-ли указать причины, которыя произвели такую переменъ? Нѣкоторыя частныя — можно; а именно:

1. Усиленное употребленіе слитнаго предлога *vy*, который и въ Русскомъ языкѣ, почти всегда, останавливается на себѣ удареніе³⁾.
2. Усиленное употребленіе предлога *pa*⁴⁾: *pačerovati nachlesen, pačerek Nachlese*, съ производными; *pačící suché suky lesního zvláště bukového dříví; pačůh nepravý bůh; pačerek Zapfenbier, pačes пакля; pačel участокъ; pačer, pačera живодерь; pačerek nedodřená louč; pačol, pačolina; pačra дернь; pačrt', pačrtky, pačrtiny, pačrti куски, обломки, pačavec negundo rostlina javorovitá; pačed rak, vřed phagedaena; pačad ambliopola; pačehl обломокъ дерева, пень; pačor, pačorek; pačut' привкусъ; pačaná nepravá kaňe, elanus; pačouh, pačouk лугъ; pačuba; pačubeň dříví u*

¹⁾ Подобныя слова иногда представляютъ книжный дубликатъ къ чисто народнымъ формамъ, въ родѣ нашихъ прахъ, хранить, привлечь, рядомъ съ порохъ, хоронить, приволочъ: *fragile — frêle, portique — porche, rigide — raide*.

²⁾ Ср. Fr. Diez. *Grammatik der Romanischen Sprachen*. B. I, S. 508—511.

³⁾ См. гл. V, стр. 135.

⁴⁾ См. тамъ же.

vnitř vyhnílé; pamět, památka; pamelník symphoria; pamlssek лакомство; panoha dřevená noha, páperku хлопья снѣгу; paprutec sphiniscus, pták; páperka стволъ пера; paprsek, paprslek лучъ; pařezina низкоствольный лѣсъ; parohy roga (оленьи) и т. д.

3. Сокращеніе предлоговъ *ъзъ* и *изъ* въ безслложныя формы *vz* и *z*: въ словахъ, сложенныхъ съ этими предлогами, за ними обыкновенно слѣдуетъ ударяемый корень, который, послѣ сокращенія, оказался первымъ слогомъ: *změna* = *измѣна*, *zkāza*, *zprāva*, *vztěk*, *vzdělati* и т. д. ¹⁾

Но достаточно ли было этихъ причинъ для произведенія пересворота въ акцентовкѣ? Конечно, нѣтъ: онѣ лишь нѣсколько увеличили число словъ, съ удареніемъ на первомъ слогѣ; но не могли сдѣлать такой выговоръ преобладающимъ. Нельзя ли, однако, объяснить появленіе одномѣстной акцентовки, хотя-бы только предположительно? Кажется, можно — я объясняю его себѣ слѣдующимъ образомъ:

Одномѣстная акцентовка развилаь не прямо изъ древнѣйшей, сходной съ русско-чакавскою, а изъ акцентовки *оттѣжечной*, сходной — по крайней мѣрѣ, по мѣсту ударенія — со штокавскою. Падала на тѣ же слогн, какъ въ теперешнемъ Сербскомъ языкѣ, удареніе, по большей части приходилось на корень, или на приставку; впоследствии утратилось качественное различіе удареній, и акцентованіе корня, или, гдѣ есть таковая, приставки было возведено въ общій принципъ. Поясню дѣло примѣрами: для серба слова *mūka*, *směx* (род. *směxa*), *dāti*, *pīšē* (3 л. настоящ. врем. отъ *pīсати*) вовсе не однородны со словами *ūзда*, *grēx* (род. *grēxa*), *rēhni*, *grīzē* (3 л. настоящ. врем. отъ *grīсти*), почему и сочетанія ихъ съ предлогами и съ отрицаніемъ акцентуются неодинаково: *od muke*, *bēz směxa*, *odati*, *pōpišē*, *nē pišē*, но *od ūzde*, *bēz grēxa*, *odrēhni*, *zagrīzē*; чехъ же, когда произноситъ *bēz muku*, *dō směchu*, *ōddati*, *připiše*, *nēpiše* не видитъ никакой причины не произносить также *bēz uzdu*, *dō hřichu*, *ōdřici*, *zāhryze*, *nēhryze* ²⁾. — Указаннымъ путемъ могла установиться наначальная акцентовка у словъ первообразныхъ и у производныхъ, съ накореннымъ или напрефикснымъ удареніемъ; производныя, ударявшія на суффиксѣ, а также и сложныя, могли ей подчиниться только впоследствии ³⁾.

¹⁾ Или причинное соотношеніе въ этомъ случаѣ обратное, такъ что не сокращеніе предлоговъ содѣйствовало развитію наначальной акцентовки, а принципъ готовой уже акцентовки потребовалъ обезсложненія неударяемыхъ предлоговъ?

²⁾ Глагольная форма *grызета* въ Чешскомъ языкѣ имѣетъ коренной гласный краткій, а въ Сербскомъ — долгій, рещти — наоборотъ. Объ отношеніи между чешскимъ и сербскимъ количествомъ см. ниже гл. XII.

³⁾ Про нѣкоторыя наставки — *āk*, *ik* —, можетъ быть, слѣдуетъ сказать, что

Итакъ, я развитіе чешской акцентовки представляю себѣ въ такой послѣдовательности:

1. Сначала произошла оттяжка.

2. Потомъ утратилось качественное различіе между удареніемъ исконнымъ и оттянутымъ: *o* въ словѣ *kōn*, *koňa* стало произноситься такъ же, какъ въ *dōm*, *domu*, и въ *sūd*, *sūdu* (*sound*) — такъ же, какъ въ *strūk*, *strūku* (*strouk*), между тѣмъ какъ первоначально, по всей вѣроятности, произносили *kōň*, *kōňa* — *dōm*, *dōmu*; *sūd*, *sūdu* — *strūk*, *strūku*.

3. Ударяемость корня или приставки, также отрицанія и неслитнаго предлога, установившаяся у цѣлой массы словъ, благодаря оттяжкѣ, сгладилась закономъ для всѣхъ первообразныхъ и для многихъ изъ производныхъ.

4. Наконецъ, законъ ударяемости приставокъ, или, гдѣ нѣтъ таковыхъ, корня, который равносильнъ ударяемости начального слога, былъ примененъ къ производнымъ словамъ насуффикснаго ударенія и къ словамъ сложнымъ: вмѣсто органическаго выговора *starina*, *rešeto*, *dřevosek*, *šedovlasū* и т. д., явилась акцентовка по общему шаблону¹⁾.

онѣ, подкрѣпленныя долгою своего гласнаго, до сихъ поръ еще не отказались окончательно отъ первенства въ словѣ. Впрочемъ, наставка *икъ*, хотя часто акцентуемая у Юговосточныхъ славянъ, не есть собственно притягательная.

¹⁾ Можно бы допустить, что переходъ ударенія на первый слогъ въ сложныхъ словахъ совершился не механическимъ путемъ, а былъ вызванъ логическимъ соображеніемъ: аналогіей между первою частью сложнаго слова и предлогомъ. Ср. гл. V, стр. 137. Въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что въ этихъ словахъ вовсе не происходило оттяжки, и что основную акцентовку *dřevosèk*, *šedovlasū* прямо замѣнили теперешнею *dřevosek*, *šedovlasū*: переходъ ударенія со втораго слога на первый — *dřevosek*, *šedovlasū* изъ *dřevòsek*, *šedòvlasū* — нельзя объяснять желаніемъ акцентовать смыслозначающую приставку, которая и безъ того имѣла на себѣ удареніе. Однако, производить *dřevosek* прямо изъ основнаго *dřevosèk*, для меня значило бы отказаться отъ моей собственной гипотезы.

VIII.

Сербо-лужицкая акцентовка.

Язык Лужичанъ, какъ Верхнихъ такъ и Нижнихъ, придерживается акцентовки, сходной съ чешскою, т. е. *однолѣстной-начальной*. Отступление ихъ отъ чешскаго выговора обусловлено утратою количества, вслѣдствие которой акцентовка сдѣлалась *однородною*. Такимъ образомъ, Верхне лужичане — о которыхъ поговоримъ сначала — произносятъ *póha, pjédać, wútroba* сердце, *žiwjenje* жизнь, *předawachu, pówołanjo* призваніе, *záběhnyšće, pómročiło, pjécěkajće, záuwhladachmy, wúzeskakowachu, rózpowołanymi*. Предлоги, на основаніи общаго закона, перехватываютъ удареніе у соединяемыхъ съ ними именъ: *pód nim, wó wsy, ná hórscy, bjéz kwěća, zé žel- pozsci* ¹⁾.

Изъ этого закона дѣлаются, однако, слѣдующія исключенія:

1. Когда акцентная единица состоитъ изъ двухъ, или нѣсколькихъ односложныхъ словъ, ударяемость или неударяемость которыхъ зависитъ отъ относительной важности ихъ, тогда удареніе можетъ очутиться и не на первомъ слогѣ, нпр. *moj kńez, wón sám, ja chcú jěć*. Впрочемъ, во избѣжаніе противорѣчія между требованіями акцентовки и логики, обыкновенно прибѣгаютъ къ перестановкѣ словъ и наиболее важное ставятъ на первомъ мѣстѣ: такимъ образомъ, *dži tam* значитъ *иди туда*, а *tám dži* — *иди туда* (а не въ другое мѣсто).

2. По показанію Горника, нѣкоторыя приставки (*tu, paj* и др.) не принимаютъ ударенія: *tutón, tamón; najbóle, najdrožši, najhórje; najmłódsi* ²⁾.

¹⁾ A. Seiler. Kurzgefasste Grammatik der Serben-Wendischen Sprache nach dem Buidissiner Dialekte. S. 4. — J. P. Jordan. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. § 12 Accent, S. 30 — 31. — J. E. Schmalzer. Kleine Grammatik der serbisch-wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen 1852.

²⁾ Когда Горникъ говоритъ, что нѣкоторыя составныя слова сохраняютъ удареніе простыхъ, въ видѣ второстепеннаго, или даже въ видѣ главнаго, то послѣднее, изъ приводимыхъ имъ примѣровъ, можетъ относиться только къ словамъ *tutón, tamón* и т. д. М. Ногѣк. Саз. Тов. Маѣ. Серб. 1853, стр. 76.

3. Слова заимствованныя обыкновенно сохраняютъ иностранную акцентровку: komandérować, buštabérować, regérować, appelljérować, haptýka, khoféj, katólski, komóda, japoštoł (или japoštoł), kanóna¹⁾ = kommandiren, buchstabiren, regiren, appelliren, Apothéke, Kaffée и т. д.

4. Имена не всегда передаютъ свое удареніе предлогу, а иногда сохраняютъ его, вслѣдствіе чего оно оказывается на второмъ слогѣ акцентной единицы²⁾. Это бываетъ: а) тогда, когда слѣдующее за предлогомъ имя зависить отъ него лишь косвеннымъ образомъ, или вовсе не зависить, нпр.:

Liška nětk na strówej nózy
Kur a hus drje njekranje. Sejleš. Lišcyne nakazanje. Č. M. S.
1849. str. 3.

Wón khodži w zymje, lěci
Swój pućik mǒdrojty,
Po cýlej zěmi swěci. Sejl. Jasny wječor. Č. M. S. 1855. str. 69.
Čłowk pod bójskej³⁾ mócu pada. Dučman. Péseň wo zvonu.
Č. M. S. 1859. str. 55.

Do swjätej zémje čemnoh klina. ib. str. 56.
Hdyž do njěpřecelow kraja
Dobuyajo přiřdžeće. Mohn. Na serbskich wojakow. Č. M. S.
1859. str. 74.

Тотъ же выговоръ является и тогда, когда существительное непосредственно примыкаетъ къ предлогу, но за нимъ слѣдуетъ относящееся къ нему прилагательное: по такой причинѣ тѣ же самыя два слова бѣзъ квѣса въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ известной народной пѣсни произносятся различно:

Što je mi w lěce bjéz kwěca,
Bjez kwěca běleho⁴⁾.

б) Предлогъ бываетъ энклитичнымъ еще тогда, когда на имя падаетъ логическое удареніе, напримѣръ wón po dwóte chodži, ha nic po pólu онъ хо-

¹⁾ Въ словахъ katólski и т. д. о сжатое: по лужицкому правописанію они пишутся katólski, komóda и т. д. М. Hórník, тамъ-же, str. 75.

²⁾ Нижеслѣдующія исключенія представляютъ пополненіе и видоизмѣненіе того, что говорить объ этомъ предметѣ Йорданъ (Grammatik. S. 31), показанія котораго очевидно неточны.

³⁾ Собственно bojskej = bójskej.

⁴⁾ Č. M. S. 1853, str. 5. Haupt und Schmalzer. Volkslieder der Wenden. I. S. 177.

дять по двору, а не по полю. Но въ слѣдующихъ стихахъ, въ которыхъ нѣтъ противоположенія, хотя и повторяется два раза одинъ и тотъ же предлогъ, удареніе падаетъ на предлоги:

Pčolki pilne won se saja

Za mučku i za mjedom. Sejl. Pčoly. Č. M. S. 1858. str. 21.

в) Иногда и безъ видимой причины удареніе не переносится на предлогъ, чему находимъ многочисленныя примѣры въ стихахъ Зейлера и другихъ лужицкихъ стихотворцевъ:

Suchi pjeńk a šmutojca

Steještaj we haju.

«Džědo, wona zawoła,

Ty sy zbytk we kraju. Sejl. Pjeńk a šmutojca. Č. M. S. 1848.
str. 142.

To pomhaše, a jednota

Zas' knježeše na zemi,

Za dobre kōžde wupozna,

Zo boh wšěch wolu zlemi. Sejl. Baseń wot wedra. ib. str. 199.

Hač přińdže strach a bitwa nastawa

Hdžež law so přeměni na zājaca. Sejl. Wróblje a škraholec. ib.
str. 205.

Kajki kōnc to bě z těj wěcu?

«Wodžany a wobožny» —

Tež ni hałožku na mětu

Wět' a zemja njedoby. Sejl. Bitwa žiwelow. Č. M. S. 1849. str. 14.

Kaž bosa, suchje skōrčicki

Chcu radšo jěsć při swōbodzi! Sejl. Kanarik a zyba. ib. str. 52.

«Ton lhať so kumpa» — prajachu.

Won tepi so! to mě za zdū. Sejl. Lhať. ib. str. 55.

Wot nārōda do nārōda

Wy zhladujeće dō kraja. Sejl. Wěnc hōrskich spěwow. ib. str. 112.

Duž kładže do křinjaw sej pokłady w rjedže. Dučman. Pěseń wo
zwonu. Č. M. S. 1859. str. 51.

Syckojo ze žněncarkami

K rjejam jdu. ib. str. 58.

Tu torha zběžk, wšōn roznjemdrjeny,

Za zvon¹⁾, zo ščerči žalósce,
A zynkej měra zaswjeceny
Za námoč heslo zanjese. ib. str. 60.

Hdžež na pólu, łucy, w haju
Słowo klinči serbowski. Pfuhl. Njezapomnička. Č. M. S. 1853.
str. 21.

Тон злы со рѣ ѣмје настaji
Za dúb na ľakańcu. Zarina. Sołobik při Lubozu. C. M. S. 1853.
str. 28.

Hdyž so muž wot žony dzěli,
Nan wot dzěci. Mõhn. Na serbskich wojakow. C. M. S. 1859.
str. 75²⁾.

Кромѣ главнаго ударенія, въ верхнелужицкихъ словахъ является также *второстепенное*³⁾. Такое удареніе имѣетъ мѣсто на второй части сложныхъ словъ, какъ znákrápeño паденіе навзничъ, wónhópeño выгоняніе, dęjczdáoо благоволеніе, wýsokobládaño смотрѣніе ввсрхъ, dęjchisće Wohlergehen, hórjestáwanje Auferstehen. Такъ же, очевидно, должны произноситься hromadupřindženje (= ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘), roznodželenje (= ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘)⁴⁾. Второстепенное удареніе, по показанію Іордана, бываетъ слабѣе, когда первая часть сложенія односложная, когда жъ въ ней больше одного слога, тогда второстепенное удареніе почти не уступаетъ по силѣ главному. Не могу сказать относится ли Іорданово правило и къ настоящимъ сложнымъ словамъ (= сложнымъ темамъ, какъ zołtozeleny, wodomjet): приведенные у него примѣры всѣ суть слова не собственно-сложныя, а слитныя. Тѣ, чтѣ о второстепенныхъ удареніяхъ говоритъ Пфуль, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Пфуль, въ своемъ лужицкомъ стихосложеніи⁵⁾, утверждаетъ, что за главноударнымъ слогомъ слѣдуетъ одинъ неударяемый, затѣмъ —

¹⁾ Собственно zvon (zvón).

²⁾ Въ последнемъ примѣрѣ, пожалуй, можно видѣть противоположеніе жены дѣтямъ и подвести его подъ вторую группу исключеній.

³⁾ Jordan. S. 31. — Hórník, Michał. Hdže mamy «ó» pisac? Č. M. S. 1855. str. 76. Sejler. S. 4.

⁴⁾ Haupt und Schmalzer. Volkslieder der Wenden. I. S. 177, str. 22 и 28.

⁵⁾ Pful, Dr. Pěsnjeńske prawidła a někotre pěsnje. Č. M. S. 1853. str. 1—27. Въ этой статьѣ, рядомъ съ тоническимъ разсмотрѣннмъ, является также метрическій, основанный на полномъ произволѣ, какъ нпр. въ слѣдующемъ «дистихѣ»:

Hdyž ľuběcička, cě mām, || bełej rücićcy cí košu;
Hdyž cě nimām, pjēršcěú || húbkjuž złoty sěbi. str. 16 и 17.

слогъ съ второстепеннымъ удареніемъ, за нимъ опять неударяемый, потомъ опять слогъ съ второстепеннымъ удареніемъ, опять неударяемый и т. д., но это, очевидно, слѣдуетъ понимать такъ, что эти слоги собственно не имѣютъ никакого ударенія, по въ стихахъ могутъ замѣнять ударяемые, подобнымъ же образомъ, какъ въ русскомъ стихосложеніи слова перелечу, жаворонокъ считаются первое двустопнымъ ямбомъ, второе — двустопнымъ хореемъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, они представляютъ: одно — пиррихій и ямбъ (v v | v v), другое — хорей и пиррихій (v v | v v). Само по себѣ, весьма возможно, что въ болѣе длинныхъ словахъ являются второстепенныя ударенія; но неужели ихъ не одно только, а нѣсколько? неужели произносятся, напримѣръ, záwuhládachmý?

Для Нижнелужицкаго нарѣчія мы, въ предисловіи къ Цварову словарю, находимъ самое краткое и опредѣленное правило, что удареніе всегда, какъ въ простыхъ, такъ и въ сложныхъ словахъ, полагается на первый слогъ, и что предлоги только тогда не перехватываютъ ударенія у существительныхъ, когда на послѣднія особенно напирать, напримѣръ: přez hokno въ окно, изъ окна, но přez hókno — въ окно, а не въ другое какое отверстіе. Что нижнелужицкая акцентовка есть одномѣстная, начальная говорятъ также Горничъ, въ своей замѣткѣ о звукѣ o (ó) въ этомъ нарѣчій¹⁾, и это вполне подтверждается размѣромъ нижнелужицкихъ стиховъ, помѣщенныхъ въ Часописѣ Матицы Сербской. Впрочемъ, судя по этимъ стихамъ, Цварово правило насчетъ ударяемости предлоговъ слѣдуетъ нѣсколько ограничить, такъ что оно вполне совпадетъ съ только что указаннымъ верхнелужицкимъ. Въ Федровыхъ басняхъ, переведенныхъ Стемпелемъ, мы находимъ нѣсколько примѣровъ того, что имя видимо тяготеетъ къ слѣдующему за нимъ имени и потому не сливается съ предлогомъ въ нарѣчеобразное выраженіе:

We směšnej gjardosci. Kawka gjarda a paw. Č. M. S. 1852,
str. 83.

We wódnem glédadle se hupytajo z nim. Pjas přez réku z mėsom
plejucy. ib. str. 84.

Na rògi kóncate gléda a chwali je. Jeleń při žréle. ib. str. 86.
Na równej zemi. ib.

¹⁾ Hórnik. Wo ó w delnjoserbšćinje. Č. M. S. 1862. str. 112. Однако Пфуль, который, по поводу полабской акцентовки, упоминаетъ и о нижнелужицкой, утверждаетъ, что она одинакова съ польскою!

Až njerozmjejo nic wot wšogo gojenja. Ze šejca gojc. ib. 87.
Ze slódkim słowem. Dwě beji. ib. 88.

Въ тѣхъ же басняхъ встрѣчается также цѣлый рядъ нарѣчеобразныхъ
выраженій, съ удареніемъ на второй части, столько, что ихъ едва-ли можно
всѣ объяснить поэтической вольностью:

«Pře-c», źerjo se na njó, «sy wodu zmušilo?» Wjelk a jagnje. ib.
str. 82.

«Wot tóbje dga ta woda bėzy ku muje how!» ib.
wšo se zakali a rozlėga wot njóg! Żaby kralja požedajuce. ib.
Te.... chowaju we tымjeńce se na spódku ib.
Za njóm jo požedny a chco jo hutergnuš. Pjas přez rėku z mėsom
plejucy. ib. str. 84.

Na prisegu akle se spusći źorawa. Wjelk a źorawa. ib.
We mrėšu huchac hyšcer z tym se hochłózi. Wrobel a huchac.
ib. 85.

Ze słowami se chwališ, gaź njegoziš nic. Wósoł a law. ib.
Na łówjenje wce wóšła raz ze sobu law. ib.
zwėrjeta..... hubėgaju.....

A padnu tak tam lawoju do pázorow. ib. str. 86.

Ten woła, gaź je mucny wot wšog' dawjenja,
Na wóšła. ib.

Tam tuź we wóze swojo znamjo hupyta. Jeleń při źrėle. ib.

Na ráz před hugonowym zukom złėka se,
Do gnaša dajo se. ib.

Psy maju jog' a tergaju ze zúbami. ib.

To pak, což chwalach, spora mje do skázenja. ib.

Se sednu z nim na škrjóč, aby jen tuder zjěl. Liška a wron. ib.

Kak krasny sy na šėle a na hóblicu. ib.

Za gójca hobsedujo se, źoź jog' njeznaju. Ze šejca gojc. ib. 87.
njeprėmenijo se

Za póbėdnych nic ako mjeno knėzowe. Wósoł k staremu pastyrju. ib.

Żed trašywy na łuce wóšła pasešo. ib.

A groni wojca tak: «Na rúbjenje źo wjelk,

A ty mi hubėgnoš na skóki z wocowu». Jeleń a wojca. ib. 88 и т. д.

Нѣсколько разъ у словъ, сложенныхъ съ предлогами или съ отрица-
ніемъ, удареніе падаетъ не на предлогъ и не на отрицаніе:

Kak hužytne mě běšo, což zanicowach. Jeleń při žrěle. str. 86.

Až z nowym wjeŕchojstwom njeprěměnjio se. Wosoł k staremu
pastyrju. str. 87.

Law zestarany lažy a hosłabnjony. Stary law, žiwjak, wól i wosoł.
str. 89.

..... ta rada by

Při žiwjenju wostała. Lasycka a muž. ib.

Njedónjas takje prozne mje ak' dobrota. ib.

Ab' mojom' kněža dobytki njechóblajał. Wěrný pjas. str. 90.

Złu radu jano njedawaj rozmýslenym. Pjas a krokodyl. ib.

«njeboj se

Nikájkjej' złości!» Pjas wotgroni: «Rad ja by, ib.

Až při njej kšěł hobjédować; we šklice pak... Liška a bošan. str. 91.

Po casu kšěšo bošan se wotnámaša. ib.

Za nimi huda se jich maš

A žebri, až ju njerderbi hobtužys tak. Liška a jerjel. ib.

Весьма, впрочем, возможно, что въ этихъ случаяхъ стихотворецъ позволилъ себѣ отступить отъ правильнаго размѣра, или-же отъ правильнаго произношенія.

Для объясненія появленія лужицкой одномѣстной акцентовки годится та же гипотеза, которая выше была выставлена для сходной съ нею чешской: произошла, прежде всего оттяжка, вслѣдствіе которой удареніе у большей части словъ оказалось на первомъ слогѣ, а у приставочныхъ словъ — на приставкѣ; затѣмъ утратилось качественное различіе удареній, и, по большинству случаевъ, установился общій законъ.

Какъ на слѣды основной, разномѣстной, акцентовки можно указать на слѣдующія формы:

а) верхнелужицкія: hra (игра), lza, pcha или tka (блота), jstwa (изба) комната, škra, šklja блюдо, śma, (pos) psa, (dzeń) dnja, sknadž = knadž (польск. trznadel, р. стривадка) овсянка, hdy когда, tfo = tynk, tŕmjeñ стремя, lžica, ścenje = kćenje (křćenje), přecej, н. л. přijašel (пріятель), bohi (= убогіи), ścina вм. trstina, hrać, hraju; męc, mam, měj и т. д.; (hić) du, dzeš и т. д., dzech, dzi, džo, dycy; (wzac) zmi (н. л. zeš, zej); kčęc; ktu, kceš, ktu = kceja = kca (въ пѣсняхъ); sym, ay, smy, śce, smoj, staj, stej; chcyc, chcyh, chcyj, chcył хотѣть.

б) нижнелужицкія: gła (в. л. jehła, johła игла), gra, śpa (jspa = изба), lža, plcha, škra, šlja, dza (слеза), śma, (pjas) psa, (žeh) dña, zgło рубашка,

tšnarl, šnarl (в. л. knadz) tšo, tšmeň, žica (= žica), kščehe, bogi (убоги),
 ščina, kšica (кръстица) крестецъ, graš, meš, mam, mej и т. д., (huf), du
 (žom), žoš и т. д., žech, ži, dycy; som, sy, smy, sčo, smej, stej; kšed, kšech,
 kšej, kšel, kše (3 л. мн. ч.)¹⁾.

¹⁾ На счетъ остальныхъ лицъ этого настоящаго времени — си = som (и соју),
 ceš, и т. д., в. луж. chcu, chceš — а также на счетъ существительнаго и. луж.
 me, meňo, в. луж. me, meno ср. гл. VII, стр. 155.

IX.

Польская акцентовка.

Польская акцентовка — *однородная*: различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ, составляющее необходимое условіе разнообразія ударенія, столь же чуждо Польскому языку, какъ и Русскому. Попытка ксендза *Новачинскаго* основать польское стихосложеніе на количественномъ началѣ не имѣла подъ собою никакой реальной почвы — гекзаметры и пентаметры Новачинскаго просто ни на что не похожи:

- ∪ ∪ | - - | - || - | - ∪ ∪ | - ∪ ∪ | - ∪

Państwo, pałac i król jest każdy z nich, cudotwór świata:

- ∪ ∪ | - ∪ ∪ | - || - ∪ ∪ | - ∪ ∪ | -

Głową — król, państwo — mocą, sztuką przedziwną — pałac¹⁾.

Если жъ *Копчинскій*, въ своей грамматикѣ, говоритъ о количествѣ (o ilości), то онъ подъ количествомъ понимаетъ удареніе²⁾: онъ самъ со-

¹⁾ Xiądz Nowaczyński. O prozody i harmonii języka polskiego 1781. См: Królikowski. Prozodya polska. str. 132. — Въ приводимыхъ мною примѣрахъ, я польскія буквы ó и é замѣняю посредствомъ ů и ę, т. к. акутъ у меня служатъ исключительно для обозначенія восходящаго ударенія.

²⁾ Korczyński, X. Onufry. Grammatyka języka polskiego. W Warszawie 1817. Cz. I. § IV, str. 31—33. Терминъ удареніе (przygłosek) у Копчинскаго имѣетъ иное значеніе: удареніе у него значитъ видозмѣненіе звука, соответствующее употребительнымъ въ польскомъ правописаніи просодіямъ, т. е. подъ удареніемъ слѣдуетъ понимать сжатость гласнаго и мягкость согласнаго, нпр., въ словѣ піс с безъ ударенія, въ словѣ піс — съ удареніемъ. Str. 198.

нивается въ возможности метрическаго размѣра даже у Чеховъ, а попытку Новачинскаго и послѣдователей его ¹⁾ считаетъ вполне неудачною.

По размѣщенію удареній, польская акцентовка — *одномѣстная, напредконечная* : удареніе у Поляковъ, какъ извѣстно, всегда приходится на *предпоследній слог* акцентной единицы, напр.: *łańsuch* цѣпь, род. *łańsucha*, производ. прилагательное — *łańsuchowy*; *świętobliwość* святость, святѣйшество, род. *świętobliwości*; *na kónia*, или *na koń*; *strzécha*, *ze strzéchy*; *wé śnie*; *na mnie*; *nadé mna*; *widziálem*, или *jam widział*.

Повидимому, акцентовка, въ то-же время и одномѣстная и однородная, должна бы отличаться чрезвычайнымъ однообразіемъ и неприятно дѣйствовать на слухъ; но на дѣлѣ этого не замѣчается, потому во 1-хъ), что Поляки — особенно настоящіе поляки, не-литовцы ²⁾ — только мало напираютъ на ударяемый гласный и придаютъ слову еще второстепенныя ударенія, а во 2-хъ) потому, что въ языкѣ довольно много односложныхъ именныхъ и глагольныхъ формъ, которыя никакъ не могутъ подчиниться общему закону (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ сливаются въ одно цѣлое съ предлогомъ или съ отрицаніемъ).

Что касается *второстепенныхъ* удареній, то о нихъ изъ числа польскихъ грамматиковъ говоритъ одинъ *Малэцкій*: по его словамъ, второстепенное удареніе (*mniejszy akcent*) является въ словахъ о четырехъ и болѣе слогахъ, и мѣсто его на первомъ слогѣ, напримѣръ, *zárutánie*, *nárowiętrzny*, *pógorzeliśko*, *pórozpatrzywać*, *nájniezawodniéjszy*, *práwdopodobieństwo*, *nájcharakterystycznéjszy*, *na ulice*, *koło połúdnia* ³⁾.

Необходимо сдѣлать еще и слѣдующія оговорки и замѣчанія.

Синтаксическія единицы не всегда совпадаютъ съ акцентными, т. е. слова, лишеныя самостоятельнаго ударенія, все-таки могутъ чувствоваться какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣхъ словъ, къ которымъ они прислоняются. По этой причинѣ являются нѣкоторыя *исключенія* изъ общаго акцентовочнаго закона.

1. Въ прошедшемъ времени, въ 1-мъ и во 2-мъ лицѣ множ. числа, вспомогательный глаголъ, хотя даже на письмѣ сливается со своимъ причастіемъ, но не вліяетъ на его удареніе, которое, такимъ образомъ, оказы-

¹⁾ Два члена Общества любителей наукъ (*Towarzystwo Przyjaciół nauk*), по словамъ Копчинскаго, занимался, во время выхода его грамматики, метрическимъ переложеніемъ Виргилія и Горация. Къ послѣднимъ одинъ композиторъ обѣщался написать музыку. *Korczyński, str. 32.*

²⁾ Дѣленіе Поляковъ на настоящихъ Поляковъ (*Koconiarze*) и Литвиновъ (*Lkwini*), собственно, дѣленіе ненаучное и несоотвѣтствующее диалектическимъ различіямъ.

³⁾ *Małeckie. Gram. większa. str. 407—409.*

вається не на второмъ слогѣ отъ конца акцентной единицы, а на *третьемъ*: *býliśmy, siédliście, znalazłyśmy, marzýliście, padłyście* и т. д. Что предлагаемое объясненіе этого явленія правильно, ясно изъ способности вспомогательнаго глагола отдѣляться отъ причастія и примыкать къ другимъ словамъ, напримѣръ: *gdýśmy byli, gdzieście go znalazły, komuście wierzyli*. — Если въ мужескомъ родѣ единственнаго числа перваго и втораго лица, соблюдается общій законъ и говорится *znalázłem, znalazłeś; marzýłem, marzýłeś* и т. д., то это объясняется тѣмъ, что составъ этихъ формъ уже не сознается народомъ: въ нихъ за вспомогательный глаголъ принимаются лишь звуки *m* и *ś*, а *e* кажется вставкою, почему акцентовку ихъ естественно было подчинить общему закону; содѣйствовали этому еще и формы женскаго и средняго рода *znalázłam, znalazłam, znalazłaś, znalazłaś; marzýłam, marzýłam, marzýłaś, marzýłaś*. Надо, однако, замѣтить, что Копчинскій, а вслѣдъ за нимъ Малиновскій велятъ произносить *znalázłem, znalazłeś* и т. д.¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поляки, дѣйствительно, такъ произносятъ²⁾; но чтобы такой выговоръ могъ считаться общераспространеннымъ и господствующимъ — это, положительно, невѣрно³⁾.

2. Прилагательныя *неменнаго* окончанія (весьма, впрочемъ, немногочисленные въ Польскомъ языкѣ), сочетаясь съ формами вспомогательнаго глагола *em* и *eś* могутъ сохранить свое первоначальное удареніе: *gotówem umrzeć*; хотя произносятъ и *gotówem umrzeć*. Такъ же говорятъ *winiénem jego śmierci, péłenés dumy, gódzienés chwały, świádomés dróg*, рядомъ съ *winiénem jego śmierci* (литовско-поль.), *rowiniénem się kochać* и т. п. Не знаю, всегда ли, и вездѣ ли возможенъ тотъ и другой выговоръ, и не соединены ли съ различнымъ выговоромъ тѣ, или другіе, безусловныя для меня, оттѣнки смысла?

3. Подобныя-же акцентныя единицы образуются, когда къ какому-нибудь слову, только не къ односложному, примыкаетъ *атомка*: *prosi go, róda mi, dały nam, taki to, dawałci, dóbrzecto, gódzienie, pisałli, ubieranie się, widziénie się* и т. д. Такими частицами являются и глагольныя формы

¹⁾ Korczyński. Gram. Cz. I, § IV, str. 31. Malinowski, Grammatyka, str. 222.

²⁾ По показанію Валицкаго (Alex. Walicki. *Wjędy nasze w mowie i piśmie* str. 141), такое произношеніе слышится въ Подоліи и въ части Галиціи.

³⁾ Сколько разъ формы прошедшаго на *łem, łeś* встрѣчаются у польскихъ писателей въ римѣ (*ukochałem — w mojem życiu całem, pòłem — przynióśłem* и т. п.). Въ гекзаметрахъ Мицкевича, въ конхъ произношеніе *słyszalem, wywiozłem* и т. д. очень могло бы пригодиться стихотворцу, мы ни одной такой формы не находимъ, а читаемъ только *słyszalem, wywiozłem, lubilem, postrzegłem* и т. д. Ad. Mickiewicz, Konrad Wallenrod, Powieść wajdeloty.

śmy и ście, когда онѣ отдѣляются отъ причастія и примыкають къ другому слову, какъ jeśliśmy, kómuście и т. д.

Иногда, при слияннн слова съ атонками, удареніе оказывается на четвертомъ слогѣ съ конца: chóciażęście, powiedzielibyśmy, rzéklybyście, jezelibyście, czytałzebyś, słuchałzeby, dóbrzeczito, pomiarkowaliście się, podobáło mi się, иной разъ — но весьма рѣдко — даже на пятомъ: uszynyłzebyto.

Указанныя отклоненія акцентовки отъ обычнаго принципа всѣ совершаются въ одну сторону: удареніе болѣе обыкновеннаго удаляется отъ конца акцентной единицы. Есть, однако,

4) случаи, въ которыхъ удареніе отклоняется въ другую сторону и, вмѣсто предпоследняго слога, оказывается на последнемъ. Это бываетъ тогда, когда односложное имя, стоя при предлогѣ, не передаетъ ему ударенія, а удерживаетъ его на себѣ. Дѣло въ томъ, что односложныя имена дѣлаются безударными лишь тогда, когда сливаются съ предлогомъ въ одно нарѣчеобразное выраженіе, въ родѣ *radam dó nóg*; *wé śnie*, а не *na jawie*; *na wieś*¹⁾. На этомъ основанн являютя слѣдующія отступленія отъ основнаго закона:

а) при повторенн одного и того-же предлога, въ сочетанн сперва съ однимъ именемъ, а потомъ съ другимъ, удареніе всегда приходится на имя: *na stół*, *czy na pięc*; *do miásta*, *czy do wsi*; *jeden bez rąk*, *drugi bez nóg*.

б) То-же самое бываетъ, когда за существительнымъ слѣдуетъ дополненіе къ нему, или опредѣленіе: *do nóg ksiąźęcia*; *przez móst wiszący*; *na kraj świáta*; *na strzał armátni*; *we śnie głębokim*.

в) Нѣкоторыя предложныя сочетанія, и безъ такихъ причинъ, держатъ удареніе на имени, напримѣръ: *na włós*, *na kraj*, *dla żón*. Малъпкій приводитъ еще *na wiátr*, *przez czas*, а Мучковскій — *na dzień*, *na wzór*, *przez lás*, *za póc*. Въ другихъ случаяхъ удареніе колеблется между предлогомъ и именемъ: *przy wsi*, *podé wsiá*, или *przy wsi*, *podé wsiá*. Съ наименьшимъ удареніемъ, очевидно, должны читаться предложныя сочетанія въ слѣдующихъ стихахъ:

Uczulem tych kilka drzeń,
Jakich w młodości mej doświadałem,
Gdym skrzydła u ramion czuł;
Tryumf nie mały, natchnąć zapaleł
Tego, co wierzy na pól. Luc. Siemieński. Do P. R. mówiącej swoje
poezye.

¹⁾ Срв. замѣчаніе о приклоненн въ Русскомъ языкѣ, гл. I, стр. 36.

Marzyłem łódkę Dunajcem gnana,
Białą dziewicę wśród fal —

W tem bije ósma godzina rano;

Marzeń tych, jakże mi żal. *ib.*

Na Boga! gdzie droga do miejskich, do bram?

Przedemną, nademną tu ogień i tam. Ujejski. Ostatnie głosy Sodomy.

Z niebieskich progów ty schodzisz już,

To my spokojni idziem na sąd,

Niosiąc krew naszą zlaną do krzyż.

Więc nasz zapytasz: Dzieci, a z kąd? Ero że Krzyż a miecz.

gdzie się serca palą,

Cyrklem uniesień duch,

Dobro powszechne skalą,

Jedność większa od dwóch. *Ad. Mickiewicz. Pieśń filaretów.*

Czy palnie na smugi,

Czy w górę do chmur:

Tam krwi płyną strugi,

Stąd leci grad piór. *Mick. Chór strzelców.*

Na koniu, co w cwale

Sokoli ma lot,

I z bronią, co w strzale

Huczniejsza nad grzmót. *ib.*

Przedniejsi z ludu padli na twarz,

I w prochy nurzają czoła,

I tak zostali jak przednia straż. *Czajkowski. Pokutni.*

Wskaż na lud ten, co dla świata

Prawem był, jak Bóg!

Idź, powołaj Cyncynata,

By tron wziął za płóg. *Ero że. Młodemu badaczowi dziejów Kazimierzowi G.*

legnie bez czci.

Niby konar z pnia odgniły,

Bez pacierza do mogiły

Pojdzie — i bez Izý. *Ero że. Strzeż Izý.*

Często mu wypadła droga,

Czy to w gości, czy na łów.

Więc mię zdał na wolę Boga:

Rosłem w gronie cieląt, krów! *Ero że. Żywot pocziwego człowieka.*

Lecz nie we krwi,

Którą zemsta leje,
Cel Polski tkwi. Krasiński. III, str. 50.

Co za chwała, co za cześć!
Tak uroczny tocząc rym,
Z każdym bój tartakiem wieść,
Z doboszami iść o prym! St. Okraszewski. Pauegiryk nowych a szczę-
śliwie wynalezionych rymów (Królik. str. XX)¹⁾.

Тотъ же звуковой эффектъ, какъ сочетаніе односложныхъ именъ съ неударяемыми предлогами, производятъ и проклитки, напримѣръ: mój kón, ta kréw, czy ón и т. д. Къ проклитикамъ принадлежитъ также слово ran, въ сочетаніяхъ ran tón, ran úw, ran brát, ran strýj (однако, Pán Bóg, такъ какъ Pán Bóg слилось въ одно слово, срв. нѣм. der liebe Herrgott) также и lada, въ выраженіи lada có (что-нибудь, бездѣлица).

Есть также въ Польскомъ языкѣ случай, въ которомъ иногда (можетъ быть, только въ стихахъ, а не въ прозѣ?) акцентуютъ *конечный слогъ* не выраженія, а отдѣльнаго *слова*; случай, который представляетъ не то исключеніе пзъ основнаго закона, не то—крайнее его примѣненіе. Я разумѣю накопечную акцентовку глагольныхъ формъ, вмѣющихъ за собою частицу się, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

nie błazni się,
Mijaj to flisic. Klonowicz. Flis.
On ma serce tygrýsie,
Cudzym strachem cieszy się. Ant. Czajkowski. Baśń o żelaznym wilku
i o pięknym królewiczu.

Biegły pośpiesznie za głosem po rósie:
«Jezu! o Jezu! Jezu!» — rozległo się. Bohd. Zaleski, Przenajświętsza
rodzina.

I zeszyły się dwie Marysie
I mówiły sobie. Народн. пѣсня²⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что односложные надежи мѣстоименій всегда уступаютъ уда-
реніе предлогу, напримѣръ: za nim, nie za mną; dó niej, nie dó nich: Мидковичево

Idź na gościniec i w las,
Czy kto nie jedzie do nás (Lilie)

извиняется только поэтической вольностью. См. Бодуэнъ-де-Куртенъ. О такъ назы-
ваемой звфонической вставкѣ согласнаго *н* въ Славянскихъ языкахъ, стр. 15 (Филол.
записки. 1877. Вып. I).

²⁾ Якубовичъ говоритъ, что неправильно было бы, вѣсто *podobalo się, uszyli*

Подобнымъ же выговоромъ, принимающимъ энклитику за одно цѣлое съ главнымъ словомъ, я объясняю себѣ нѣкоторыя другія ремы польскихъ поэтовъ, какъ:

Zbudował okręt, jeśli prawda, i on,
Z Pyrrą żoną swą sławny Deukalion. Klonowicz. Flis.
nawet i hultaje

Swe spruchy mają; miejże się w cześć i ty,
Byś nie był bity. ib.

Ten pstry worek u pasa, wszak go bączysz i ty,
Jest z rozmaitej jerchy misternie uszyty. Ero же. Worek Judaszów.

Spiwajcie mu, wynoście go,

Chwalcie święte imię jęgo. Jan Kochanowski. Psalt. XCV.

Wszyscy aniołowie jęgo,
Wszystkie wojska wyznajcie go. ib. CXLVII.
chwalcie go

Kołem tańca pięknęgo. ib. CXLIX.

Nasza siew była w gorzkości,
Oto zdarzył pan, że i my
Z weselem snopy nosimy. ib. CXXV.

Panny, młodzieńcy wstali, wstańcie ku nim i wy:
Oto widać na niebie wieczór niewątpliwy. Ero же. Epitalamium czyli
pieśń ślubna.

On sam jest Bóg, co żywiem, co tchniemy
On sprawuje w nas, a pewnie nie my. Ero же. Psalt. XCIX.

Bawiono się wybornie aż do switu,
Miałam domino na sobie jak i tu. Luc. Siemieński. Switezianka, scena 4.

Ja się boję otworzyć oczu. — I ja —
I mi — Hej Państwo! wielka historia! ib. sc. 14.

Если бъ такія ремы встрѣчались только у стихотворцевъ, въ родѣ Кленовича, то можно было бъ считать ихъ просто-на-просто неправильными, подобно его

Na to ja tobie, bracie, krótko co wiem,
Jedno mię słuchaj, niepochybnie pówiem. Flis.

się pronounced podobalo się, uczyli się. Jakubowicz, Gramatyka, str.24. Ужъ не свидѣтельствуютъ ли эти слова о томъ, что такой выговоръ слышится-таки иногда, даже въ разговорномъ языкѣ?

Niż z brzegu zerchniesz, pilnie o sobie rządz,
Cobyś przeżywił i tam i sam czeladź. ib.,

но Кохановскаго, Семенскаго, я не рѣшаюсь заподозрить въ такой поэтической вольности, такъ что предпочитаю читать *chwalcie go, i mu i t. d.* и видѣть въ этихъ акцентныхъ единицахъ *крайнее развитіе одномѣстной системы* (сравни. серб. њ коь њ крава, њ ја, њ ти); весьма возможно, конечно, что такой выговоръ никогда не былъ узаконенъ всеобщимъ употребленіемъ.

Кромѣ этихъ полунсключеній, въ Польскомъ языкѣ указываютъ еще *настоящія исключенія*, то есть самостоятельныя грамматическія единицы, ударяемыя не на предконечномъ слогѣ. Впрочемъ, показанія объ этомъ дѣлѣ грамматиковъ довольно сбивчивы, противорѣчивы и далеко не достовѣрны. Указываютъ

1) на слѣдующія слова: *okòlica, w ogòle, szczegòły, rzecz rozpòlita*¹⁾, къ которымъ я, по сообщенію И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, добавлю *miàn-czyć, podobier, pięć tysięcy, wierzyciel, nauka* (три послѣднихъ слова представляютъ мѣстную, а можетъ быть, даже личную особенность; слышаны они въ Волынской и въ Люблинской губерніяхъ). Нужно замѣтить, что почти всѣ эти пропарокситонки могутъ произноситься и по общему правилу: *okolica, w ogòle, szczegòły, rzecz rozpòlita*²⁾; формы *pięć tysięcy, wierzyciel, nauka* рѣшительно господствуютъ³⁾.

2) Въ словахъ *иностранныхъ* (кажется, вѣрнѣе было бы сказать, въ латинскихъ), грамматики велятъ сохранять ихъ настоящее удареніе, что и соблюдается болѣе или менѣе образованнымъ классомъ: произносятъ, напр., *gramatýka* (рѣдко *gramatýka*); *kònsul, kònsula* (рѣже *konsùla*):

A kiedy spiewamy las — niech będzie Kònsula godny. Królik. str. 155.

Произносятъ также и *machina, Wènera, mùzyka*, однако чаще *machina,*

¹⁾ У Мазьцакаго находимъ еще и *jézeli*, которое Валицкій (*Wlędę nasze, str. 140*) называетъ неслыханною формою. Должно быть, однако, она гдѣ нибудь да употребляется.

²⁾ Болѣе обычный выговоръ есть *rzecz rozpòlita*. Весьма правдоподобна догадка И. А. Бодуэна, что выраженіе это, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и акцентовкою обазано латинскому *res pùblica*.

³⁾ У «Литовцевъ», по показанію Валицкаго, употребителенъ выговоръ *Rádziwiłł, Ukraína, Berézyna, metropòlita, katedra, prókurog, óficer, kápitan, kòzera, urzędnicu, w tytule, pod tytulem*. Подобную же акцентовку видятъ у нихъ именьшительныя: *Jásieczek, Zòsicczka, królczczka, dúsieczka, kochánienki, posichútenku* и т. д. *Walicki. Wlędę nasze, str. 140—141.*

Wenęga ¹⁾). Наибольше многочисленный классъ латино-польскихъ словъ составляютъ слова на *ya, ia, yut, iut, yuss, iuss*: *edukacya, ekspedycya, heretyca, emalia, talia, religia, gimnazyum, dyaryusz*. Однако, слова послѣдняго рода нерѣдко произносятся, а иными и пишутся *edukacja, ekspedycja* и т. д., а простой сельскій людъ, не стѣсненный ухищреніями грамматиковъ и примѣромъ пановъ, произноситъ, по польскому обычаю, *Rossyjan, lilyja, Francuja, Turcujja* и т. д. Такъ произносили и писатели Сигизмундовой эпохи, употреблявшіе рѣмы въ родѣ слѣдующихъ:

Owsy, jęczmiony i chleby z Grecyey,
A wino z Chio wiozła i z Kandyeu. Piotr Kochanowski. Goffred albo
Jeruzalem wyzwolona.

Ali iż się zaś wielka stąd Etyopia
Rozciaga i pośrodek sam daleko miia.

Nie zawždy, piękna Zofia,
Róża kwitnie i lilla. Jan Kochanowski. Do Zofii o czasie.

Jeśli zła w oczu waszych msza i processya,
Aza lepsze łakomstwo i ta ambicya? Ego же. Fraszki. III. Na heretyki.

Na tej twardej opoce razbił się Arius,
Marcyon, Samosaten, Manech, Nestorius. Ego же. Zgoda ²⁾).

3) Подобный же выговоръ нѣкоторые грамматикъ приписываютъ сложнымъ словамъ, вторая часть которыхъ есть односложная: Кошчинскій, Якубовичъ и Мучковскій, а вслѣдъ за ними Францъ Маліповскій, велятъ произносить *Władysław, Brónisław, Włodzimierz, Nówogród, dąrmojad, Czarnoleś*, при чемъ, однако, Мучковскій исключаетъ слова *Bolesław* и *piwówaq*, которыя остальные также подчиняютъ этому правилу ³⁾. Но пропарокситонность такихъ словъ едва-ли не есть, просто, выдумка грамматиковъ, или же чисто мѣстный выговоръ, безъ всякаго основанія, возведенный ими въ

¹⁾ Выговоръ *Wenęga* едва-ли выдуманъ Круликовскимъ, который самъ не допускаетъ насилія надъ языкомъ. *Prozodya* str. 97, 102 прии. — Значительное число такихъ пропарокситоновъ перечислено у Ваицкаго. *Wędy nasze*, str. 139—140. См. также у Бандтке. *Bandtke, G. S. Polnische Grammatik* S. 397.

²⁾ Małceki, Ant. *W sprawie pisowni polskiej. O naturze spółgłoski j i praktycznych stąd następstwach dla ortografii polskiej. Odbitka z Szkoły. Lwów 1868*; str. 24.

³⁾ Корсзуński. *Cz. I § IV.* — Jakubowicz. *Grammatyka*, str. 24. — Muczowski. *Grammatyka. Wierszowanie*, str. 264. — Маліповскій выражается несовѣтливъ ясно: можетъ быть, онъ всѣмъ этимъ словамъ приписываетъ по два ударенія, изъ конкъ первое есть главное. *Malinowski. Grammatyka*, str. 225. —

ковскій говоритъ, что произносить *ŗędziwiatr* значило бы насловать языкъ, и что, въ дѣйствительности, произносятъ *ŗędziwiatr*; такъ же акцентуетъ подобныя слова и Бодуэнъ: *ŗędziwiatr, wydrwigrosz, okpiswiat, obieżyswiat*¹⁾. Противъ Мучковского и Малюновскаго свидѣлствуютъ также языки Русскій и Сербскій, судя по которымъ, акцентовку указанныхъ именительныхъ падежей слѣдуетъ считать древнею²⁾.

Уже выше³⁾ было отмѣчено, что неисконность польской акцентовки не подлежитъ никакому сомнѣнiю. Но, спрашивается, не сохранилось ли въ самомъ языкѣ, подобно тому, какъ въ Чешскомъ и въ Лужицкомъ, какихъ-нибудь *слъдовъ иной системы*? Такой слѣдъ представляютъ, прежде всего, слова на 'e, 'a, первоначально кончавшіяся на ije, ija: *widziénie, sklepiénie, kazánie, staránie, powiétrze, podwórze, przymórze, brácia*. Очевидно, основная форма и акцентовка этихъ словъ была не *widzienije, sklepienije* и т. д., а *widziénije, sklepiénije* и т. д.

Также и теперешнiя *księża, sędzia* нельзя выводить изъ *księżija, sędzija*: основной выговоръ ихъ, судя по Русскому языку, былъ *księżija, sędzija*, вмѣсто чего сначала стали произносить *księża, sędzia*, а потомъ уже *księża, sędzia*⁴⁾. Конечно, въ словахъ *księża, sędzia* нельзя видѣть прямого

¹⁾ Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. B. VI, S. 209. — Копчлнскій, который ничего не говоритъ о словахъ въ родѣ *ŗędziwiatr*, указываетъ другіе случаи, въ концѣ удареніе (по его выраженію «долгота») приходится на конечный слогъ: 1) въ среднiхъ предложенiяхъ, передъ точкою съ запятой (*w połowie okresu przed średnikiem*) — *co ojciec zabiegły długą pracą zgrupadził; to syn marnotratny wkrótce stracił*. 2) Когда зовешь кого-нибудь издаля, напримѣръ, *Janie! Matko! Dobrodzieju!* Однако удареніе, сопряженное дѣйствительно съ продолженіемъ, во второмъ случаѣ есть чисто риторическое, и рядомъ съ нимъ сохраняется и обычное грамматическое удареніе; первое же правило, очевидно, невѣрно, или, по крайней мѣрѣ, неточно.

²⁾ См. гл. V, стр. 137. — Какъ на особенность литовскихъ Поляковъ, Валцкiй указываетъ на оксептонность повелительныхъ, напр. *dawáj, biegáj, patrzáj, połóż, zobacz, powiedz, zaszúj, nie róб, nie jédz, pŕjdzl (= pŕjdz), wezmi, (= weź), zaśni (= zaśnij), zapál, ratij* и т. д. Эта, какъ и другія особенности литовско-польской акцентовки, объясняются влiаніемъ Русскаго (Бѣлорусскаго) языка. *Walicki. Wjędy nasze, str. 141.*

³⁾ Введеніе, стр. 9.

⁴⁾ Такой выводъ изъ этихъ словъ сдѣлалъ Бодуэнъ-де-Куртенъ (*Beiträge zur vergl. Sprachforschung. B. VI. S. 25*); но довольно неубѣдительно, т. к. противъ него говоритъ совѣтское существованіе книжныхъ формъ на *ya* и народныхъ на *ýja*: *provincýa* и *provincýja*. Однако, слова иностранныя представляютъ несоизмѣрнiую съ туземными величину: заимствовавъ изъ Латинскаго слово *provincia*, противо-

доказательства, что Польскій языкъ нѣкогда допускалъ конечную акцентировку: они могли образоваться также изъ księżija, sędzija. Однако, въ пользу этого положенія есть другія доказательства: въ Польскомъ языкѣ существують довольно значительное число *односложныхъ словъ, съ безгласнымъ корнемъ*, которыя, если-бъ искони господствовала теперешняя система, должны бы были ударять на коренной гласный и не могли бы его утратить: разумью слова, въ родѣ kłnę, формы, основанной на первоначальномъ кланл, съ удареніемъ на концѣ, такъ какъ иначе вышло бы klēnę, или klōnę. Могутъ указать еще слѣдующія слова этого рода: глаголы — bliwać; brnąć брести, переходить въ бродъ; brzmieć; chrzcić крестить; sklić (sknić) się чувствовать тошноту, брезгать; sknąć się; czchnąć; czcić; czać икать; czuć się чувствовать тошноту; dzień свѣтать; drgać дрожать; drgnąć; drwić (обл. древить — бранить, досаждать) болтать, трунить надъ кѣмъ; drzeć (dre, darł) драть; drzeć (= drzyć — drzę, drzał) дрожать; grać; grzmieć; kłwać; krać, kpić ругать, бранить; krcić = chrzcić; krzcić (= kruszyc); lać; łąć; łąnąć; łąć; lsknąć się, lśnić się; mieć, mam¹⁾; pchać; pchlić; pchnąć; plwać; pstrzyć; rwać; rznąć; schnąć; sklić; ssać; szczkać, икать; szczknać; szczwać травить; tchnąć; tkać; tknąć быть воткнуту, торчать; trwać; trzmić (стремить) торчать; trznąć; trztać дристать; wrzeć, (wrę) = kipieć²⁾. Существительныя: bez, bzu бузина; brew, brwi; brolk близорукий; chrzest, chztu, (крестъ) крещеніе; śmiel (śmiel); cześć, czi (= cześci); dech, tchu; dna ломота, подагра; drwa; drwal дровосѣкъ; drzwi; gra; grzbiet; grzmot; kiel, kła клыкъ; kier, кра дурень; kierz, krza кустъ; kra; krew, krwi; krta кроха; krtań; krtoń кадыкъ; krzak кустъ; krzek лягушечья икра; krzest, krztu = chrzest; krzta = kruszyna, odrobina; łąb, łąba; len, lnu; lew, lwa; łąż, łązy; łą = łąż; lśniak павлиний глазъ, па-

рѣчащее двумъ звуковымъ законамъ Польскаго языка — закону акцентировки и закону несочетаемости гласныхъ — пришлось прибѣгнуть къ отчаяннымъ итрамъ, чтобы примирить его съ ними вполне, или хотя отчасти, что и породило формы prowincuja, prowincja, prowincuja. — Książa = рус. князь, sędzia = рус. судья, серб. судѣја (рядомъ съ сѣја).

¹⁾ О словахъ mieć, grać и т. п. уже Бодуэнъ-де-Куртенъ замѣтилъ, что, въ основной формѣ ихъ mieć, igrac, i должно было быть неудараемое, такъ что удареніе находилось на послѣднемъ слогѣ. И. Бодуэнъ-де-Куртенъ. О древне-польскомъ языкѣ. § 29, стр. 37.

²⁾ Не знаю, можно ли отнести къ этому разряду инфинитивъ śmiać się: хотя онъ весьма удобно выводится изъ основного *śmiejąc się, но въдѣл-произносятся также wiać, siać (а не wieć, sieć), хотя для этихъ словъ основнымъ выговоромъ слѣдуетъ считать wiejąc, siejąc (рус. вѣять, сѣять, серб. вѣјати, сѣјати).

влинка; lza; pchła блоха; płeć, płci; płta плоть; plwacz плевака; pstrag форель; rdest polygonum hydropiper; rdza ржа; reż, rzy; rteć (trteć); sen, snu; ślniak березовикъ; smłod ziele seseli aethiopicum; sprzag упряжь, пара; szczwacz доѣзжачий; szkło; szła, śła (= szleja, szlija) шлея, лямка; szmat; trzcina (trcia) = trzcina; trzpień шпенекъ; trzpiot трепеть; zdrzeń (drzeń, rdzeń, drdzeń) сердцевина; zdroj (изрой) источникъ. Прилагательныя: sny, czczy пустой, lżej легче (нар.), pstry. Таковъ же и род. пад. мѣстоименія ja: mnie.

Къ этому списку необходимо сдѣлать кое-какія поясненія.

Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ словъ выпалъ именно тотъ гласный, который, судя по Русскому и по Сербскому языку, первоначально былъ носителемъ ударенія. Таковы:

1) слова grzmot и trzpiot. Слову trzpiot соотвѣтствуетъ русское трѣпеть, сербское трѣпѣт, а grzmot не находятъ себѣ соотвѣтствія, но, будь это слово у Русскихъ и у Сербовъ, оно произносилось бы такимъ же образомъ, какъ всѣ слова съ наставками -отъ, -еть, т. е. грѣмот, гѣрмот. Но, если, такимъ образомъ, выговоръ grzmot, trzpiot не соотвѣтствуетъ русско-сербскому, за то онъ соотвѣтствуетъ словенскому: у Словенцевъ наставки -отъ, -еть постоянно принимаютъ удареніе и притомъ — удареніе рѣзкое, которое нельзя считать позднѣйшимъ, выдвинутымъ: gŕohòt, gŕòt, blebèt, leskèt, gŕgmèt. Слова gŕgmèt, впрочемъ, и по-словенски не существуетъ, но есть trerèt.

2) Глаголь schnąć не сходится въ акцентовкѣ съ великорусскимъ сохнуть, но онъ сходится съ сербскимъ сахнути¹⁾ = сахнути и со словенскимъ sŕhniti, а также и съ малорусскимъ схнути. При польскомъ dŕgnąć также стоитъ русское дрогнуть; однако и дрогнуть не звучитъ дико, а въ предложномъ глаголѣ содронуться удареніе всегда приходится на у. Словенцы и въ этомъ случаѣ согласны съ Поляками и произносятъ dŕgniti.

3) Прилагательному czczy, czcza, czczo пустой соотвѣтствуетъ русское тощій. Но, вмѣсто тощій произносятъ также тощой: конь тощой, хозяинъ скупой. Въ пользу окситонки говорить и церковная форма этого прилагательнаго — тщій.

3) Существительное dŕzwi, если судить по русской формѣ двѣри, также представляется непонятнымъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что и русское слово баритонуется лишь въ именительномъ падежѣ, а въ остальныхъ — окситонуется: дверей, дверьямъ, дверьями, дверьяхъ. По аналогіи

¹⁾ Daničić. Rad. VI, str. 76.

этих падежей, польская форма которыхъ есть *drzwi, drzwiami, drzwiach*, могъ измѣниться и именительный.

5) О словѣ *cześć, czci (cześci)* = чеш. *čest, cti* рѣчь была уже выше, (гл. VII, стр. 155), и выговоръ его былъ объясненъ насущно-фиксною акцентовкою косвенныхъ падежей мн. числа и мѣстнаго падежа единственнаго. То же самое объясненіе подходитъ и къ слову *bręw, brwi* (мѣст. пад. по-русски брови, по-серб. бѣрви).

Богѣ загадочными представляются слова *kręw, krwi* и *plęć, plci*. Слова эти во множественномъ числѣ, насколько мнѣ извѣстно, не употребляются¹⁾, а одного мѣстнаго падежа въ крови, у кѣрви, во плоти мало, чтобы превратить всѣ остальные въ окситонные. Впрочемъ, способствовать уничтоженію коренного гласнаго въ косвенныхъ падежахъ слова *крѣвь* могъ переходъ ударенія на предлоги: *dó krwi* изъ *dó крѣви* = русск. *до крови*. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что древность такого акцентованія не достаточно подтверждается показаніями Сербскаго языка: Даничичъ говорить «не знам, каже ли се бѣз крви или бѣз крви», и прибавляетъ даже «пре не бити последье». Что же сказать о словѣ *платъ*? Будучи словомъ книжнымъ, русское *плоть* едва-ли способно къ прислоненію; сербо-хорватское пѣтъ также слово книжное, и мнѣ неизвѣстно, въ какомъ видѣ оно соединяется съ предлогами: говорить ли бѣз пѣти, или бѣз пѣти.

Какимъ образомъ въ Польскомъ языкѣ могла установиться одномѣстная акцентовка? Дать вполне удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно трудно; однако мнѣ кажется весьма естественнымъ, такъ же, какъ я въ VII главѣ сравнилъ чешскую акцентовку съ сербскою, сравнить польскую со словенскою. Въ самомъ дѣлѣ: какъ у Сербовъ послѣдовательно проведенная оттяжка перевела удареніе, по большей части, на первый слогъ, такъ непослѣдовательная оттяжка Словенскаго языка чаще всего отвела ему мѣсто на предпоследнемъ слогѣ — Словенцамъ стоило бы только воздержаться отъ выдвигки и слова съ удареніемъ на третьемъ, четвертомъ, пятомъ слогѣ съ конца подчинить аналогіи большинства. У Словенцевъ, какъ я полагаю, этого не произошло потому, что долго сохранялось разнообразіе удареній²⁾; можетъ быть уже очень давно утраченное Поляками.

¹⁾ Они, конечно, могли бы употребляться: въ Русскомъ языкѣ есть же слово *крови* (мѣсячное), а для Староцерковнаго языка Миклошичъ приводитъ нѣсколько примѣровъ такого употребленія: *промаказшихъ своа крѣви*. Супр. 416, 19; *оконма крѣвима промаканмома*. О кнезу Лазару. Гласникъ XI. *састкамште плати нухъ ѡ...*

²⁾ Въ виду близости языковъ Сербскаго и Словенскаго, если даже не признавать музыкальнаго характера словенскаго ударенія въ настоящее время, мы должны

Итакъ, развитіе польской акцентовки изъ общеславянской я представляю себѣ слѣдующимъ образомъ: прежде всего языкъ сталъ баритоничать и передѣлалъ свои окситонки въ парокситонки. Послѣ того утратилось разнообразіе удареній, такъ что оттянутое удареніе словъ *dobrota*, *piśać*, *naród* (серб. доброта, писати, народ) и т. п. ничѣмъ уже не отличалось отъ исконнаго ударенія словъ *otawa*, *widzieć*, *wychód* (рус. отава = серб. отава, видѣть = серб. видети, выходъ) и т. д. Слившись въ одно, окситонки и парокситонки — многочисленныя и порознь — образовали подавляющее большинство, которому подчинились все остальные слова.

предположить его для прошедшаго, и притомъ для прошедшаго сравнительно не очень отдаленнаго.

Х.

Кашубская акцентовка.

Кашубское нарѣчіе Польскаго языка, подобно языкамъ Юговосточныхъ славянъ, представляетъ *ооьмую* акцентовку. Только въ Хмѣльгѣ и въ окрестныхъ деревняхъ, на западъ отъ города Картауза, господствуетъ одномѣстное акцентованіе, которое, однако, сходно не съ польскимъ, а съ чешскимъ и съ лужицкимъ¹⁾. Къ сожалѣнію, извѣстія о кашубской акцентовкѣ довольно скудны.

По словамъ Гильфердинга²⁾, главнаго и почти единственнаго нашего руководителя въ этомъ вопросѣ, удареніе у Кашубовъ бываетъ двойное: *острое* и *протяжное*; иначе говоря, подъ удареніемъ различается долгота и краткость гласныхъ, такъ что кашубская акцентовка, въ качественномъ отношеніи, оказывается *разнородною-количественною*³⁾.

Удареніе «острое», вѣроятно, тождественно съ сербскимъ рѣзкимъ, почему я и обозначаю его двойнымъ грависомъ, вмѣсто Гильфердингова акута; другую Гильфердинговскую просодію — угловатый циркумфлексъ, знакъ «протяжнаго» ударенія, — я сохраняю, т. к. не имѣю никакихъ данныхъ для замѣны ея болѣе точнымъ обозначеніемъ. Такимъ образомъ, я для Кашубскаго нарѣчія пользуюсь тѣми же просодіями, какъ для Чешскаго языка, и пишу *vièlgi, jidzeta идета, dòlèna—jètn, gádas* говорить, *kùznica*.

¹⁾ А. Гильфердингъ. Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Ст. Петербургъ 1862. стр. 86.

²⁾ Тамъ же и въ статьѣ О нарѣчій померанскихъ Слованицъ и Кашубовъ. Извѣстія Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Т. VIII, 53.

³⁾ Кажется, въ некоторыхъ случаяхъ, какъ продуктъ стаженія, слышится неудараемая долгота: такъ, приводимое Гильфердингомъ (И. А. Н. VIII. 54) *duóbrò = duóbrè'o = duóbrèwo*, но видимо, слѣдуетъ читать *duóbrò*.

Что касается *мѣста* ударенія, то Гильфердингъ, кажется, вполне вѣрно замѣчаетъ, что оно всего чаще бываетъ на *третьемъ слогѣ съ конца*¹⁾, нпр.: ruèdkovas, chàłupka, ruèkaże, wuczlnima, omilime sa, wod kuèscòła, czaquèynica, gádaja, placzòsemi wuèczima, kònievu, wùrodzèc, buèżeho, przedònewo, wiesélneho, pasczeriònewo и т. д.

Однако, весьма часто удареніе падаетъ на *предпоследній слогъ*, напр. poddòni, gedàli (gadali), przindzèce, niełusu гадкій, неряха, plocínka улей, ruedvòda, przegrábic, switánie разсвѣтъ, szekòwny красивый, godánjo, pańka и т. д. Если принять въ расчетъ весьма многочисленныя двусложныя баритонки, vélna, muèga, człòwiek, lèdzi, dzèci, wièlgi, mácet, znáje, sígnie и т. д., и т. д., то можно будетъ сказать, что удареніе не рѣже приходится на второй слогъ съ конца, чѣмъ на третій.

Слышится также удареніе на *4 слогъ*: нпр. jànielowie, tàncovola, záproszaje приглашаю, guèspodarzà тв. п., pòstavili, záduszele, przéjacele, stòlemowie.

Иногда акцентуется даже *5 слогъ*: таково слово wuèprowadzeła, таковы, по всей вѣроятности, тв. падежи мн. ч. отъ словъ szèbenica (д. б. — szèbenica) и przéjacet — szebenicaми, przéjacetami²⁾.

Въ примѣрѣ акцентованія *6 слога* могу указать на выраженіе wuèprowadzeła go.

Кашубское нарѣчіе не чуждается и *окситонности*, хотя не особенно расположено къ ней: сильную къ ней склонность имѣютъ лишь двусложныя прилагательныя, каковы нпр. busznì, -ò, -è гордый, belnì сильный, бодрый, способный, brzèdkì злой, гадкій, bledì блѣдный, call, ceżki, cemni, cèzi, sviardì, dlegi, drogì, dzèwi дикій, grèbi (grebi?) толстый, gèsti, guerszki, chłodni, chueri, (ж. р. chuerò, и chuerò?), chrami, chutki быстрый, krzevi, letki легкій, lèchi худой, поджарый, lèsi, mali kab., miałki мн. ч. крошки, mitki мягкій, смиренный, miòdni сладкій, mocni, novi, nagì, prosti, sèti жирный, slèpi, slabì, sledni послѣдній, sèchi, tèpi, trzeci, wèzsi вышій, żòłti³⁾. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы всѣ двусложныя прилагательныя произносились такимъ образомъ: не мало и баритонокъ, какъ duòbri, wièlgi, buèzi и др.

¹⁾ И. А. Н. VIII, 53.

²⁾ Przéjacetami, przéjacet или przèjacetami, przèjacet? Кажется и то и другое: у Гильфердинга мы въ одномъ мѣстѣ читаемъ przéjacele, въ другомъ — przèjacele.

³⁾ Странно, что окончанія i, o, e, хотя и не всегда, оказываются краткими. Или Гильфердинговъ акутъ въ этомъ случаѣ служить знакомъ не рѣзкаго ударенія, а ударенія вообще?

Съ другой стороны, окончательная акцентовка встрѣчается и у трехсложныхъ: *lebari* глѣбывый, *postavni* красивый, *umiarli* умершій, *drzeveni* деревянный, *złoconi: stółki złocone*.

Существительныя и глаголы также могутъ имѣть удареніе на конечномъ слогѣ, нпр. *seniô* тѣнь, *komniô* родъ сѣти для ловли лещей, *szyszô* каб. суша, *dredzâ* ржавчина, *dreżenj* сердцевина въ деревѣ, *rikôn* родъ рыбы, *badûc, jidûc* дѣепр., *jidzè! szini! sègnî!* *urilâc* подстеречь, *dreżêc* дрожать, *przejic* принять, *zarozcic* начать, *na vozô, v żarkû* въ гробу, *v gnojû, v czasâch, za deszô, s tebd, z wuevsmi*.

Особый разрядъ составляютъ существительныя на *k* и на *s* (= *зкъ, ѡца*): они — впрочемъ, кажется, не всѣ — полагаютъ удареніе на тотъ же слогъ, какъ соответствующія польскія слова, но въ имен. падежѣ этотъ слогъ, вслѣдствіе обезсложненія наставки, оказывается послѣднимъ. Таковы *bracészki* = поль. *braciszek*, *budinki* = *budýnek*, *przepôdk* = *przypadek*, *wêbôrki* = *wêborek*, *tepôrki* = *toporek*, *zadâtk* = *zadatek*, *niedowiârki* = *niedowiarek*, *grobôvc* = *grobówiec*, *guescinc* = *gościniec*, *Krolêvc* = *Królewiec*, *gozânc* = *gózaniec*, *wègnânc* = *wygnâniec*¹⁾. — Подобное же явленіе представляютъ формы *przegnâ', kazâ', wiedzâ'*, = *przegnała, kazała, wiedzała* (ж. р. и двойств. ч. м. р.).

Хотя, такимъ образомъ, Кашубское нарѣчіе вовсе не баритонничаетъ, но удареніе въ немъ можетъ отстоять довольно далеко отъ конца слова и вообще болѣе тяготеетъ къ началу: кажется, можно даже сказать, что оно чаще всего приходится на *начальный* слогъ. Если это вѣрно, то одностепенная акцентовка Хмѣленскаго говора легко объясняется возведеніемъ преобладающаго выговора въ общій законъ.

Въ нѣкоторыхъ словахъ удареніе не имѣетъ опредѣленной мѣста, а колеблется между двумя слогами: произносятся нпр. *wuêna* и *onâ, wuèni* и *onî, trègi* и *tregi* назадъ (серб. *патраг*), *kôrzenie* и *korzènie, drègi* и *drègi, czâsni* и *czasny* медленный, *lônski* и *lonski, nauka* и *nâuka, jesôter* и *jâso-ter, ustânie* и *ustanie, karpûza* (кабат.) и *kâpruza* (словин.) большая мѣховая шапка, *wuczèniło* и *ucziniło*.

Кашубскому нарѣчію не чужда *гибкость* словъ: по показанію Гильбердинга «въ склоненіяхъ и спряженіяхъ удареніе часто перемѣщается, и перемѣщеніе это употребляется, гдѣ нужно, для различенія сходныхъ формъ».

¹⁾ Слова, отмѣченные отвѣсною просодією, по большей части взяты у Флоріана Цейшова (Сборникъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія. И. И. А. Н. Матеріалы для словаря и грамматики Т. V, 258), который не отмѣчаетъ качественныхъ различій ударенія.

Гильфердингъ приводитъ слѣдующіе примѣры такого перемѣщенія: jajo яйцо, pol jajo пол-яйца, v jaju въ яйцѣ, jaja яйца, jój янць, na jajech на яйцахъ; dom (duom, dóm), doma, v domu, domu = дома, s dumo съ домовъ, ve dumach; rączka рука, rączkaц или rączko руку, rączkaц, rączko, rączku рукою¹⁾; żółti kwiati, s temi żółti kwiati; lędzi или lędze люди, ledzi людей; dzęzi дѣти, dzęci дѣтей; wielgi człowiek, wielgi lędze; biërze берётъ, biërzесе берёте — bierzè бері, bierzесе беріте, przindzесе придёте — przindzесе придіте²⁾. Въ дополненіе къ этому, я указалъ бы на слова rajiczina — z rajęczënë, тв. rajiczina, robota — róbota, со за robuëta, pierzëna — na pierzënie, s tą pierzëna, которыя встрѣчаются въ напечатанныхъ Гильфердингомъ же образцахъ Кашубскаго нарѣчія; но сомнительно, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ гибкостью, или же съ неустановленностью ударенія: быть можетъ, у этихъ словъ двойная акцентовка проходитъ по всѣмъ падежамъ.

Сильно развито въ Кашубскомъ нарѣчій *прислоненіе*: предлогъ почти всегда перехватываетъ удареніе у имени, нпр. na dumie, duò dom домоі, duò piekła, duò pana ksondza, dò niewo, dò konca, dò lasa, na nogi, na konia, na pівach, na ogniszczu, na jezero, na puel kope lat, na voz, na piers czëlë na gąba, na wieki, wë wieczerze, wë wieczor, wë dwierzach, uëb zima, puë morze, puë wuedze, przëd pana, przë szlachtarza, przëz puele, sè sviata, zà rëka, zà zajca, zà wiodrą по погодѣ, zà rząd за суслонъ, zà wuegon, òt wieka, wò wuebrok, dlò nieho. Насколько можно судить по этимъ и подобнымъ имъ примѣрамъ, удареніе имени исчезаетъ лишь тогда, когда оно было на начальномъ слогѣ: мы находимъ нпр. выговоръ за dëszò, za tobò, na wòzù. Впрочемъ, указанному условію — какъ отмѣчено уже выше — удовлетворяетъ большая часть кашубскихъ словъ. Случаевъ сохраненія акцента на начальномъ слогѣ имени я нашелъ весьма немного: na tás, na szërga, na lùzku, na pamiątka, wod kuësoła.

Какъ имя къ предлогу, такъ глаголъ прислоняется къ отрицанію: nië roznał, nië zodoł, nië bëli, nië przeszła, nië slëchała, nië przenius, ni mo-gła, nië uczinia не сдѣлаю, ja nië puda, ni mom, jo ni moga, nië pumoga не помогутъ. Рядомъ съ этимъ мы читаемъ ni mogła, nie bëlá bi. Глаголъ можетъ прислониться и къ мѣстоименію: jò buda, jò pujda; но jo wòda я примѣчаю, ja pumoga.

Итакъ, законъ прислоненія имѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: имена и глаголы съ наначальнымъ удареніемъ передаютъ его предлогу или отрицанію, иногда и предшествующему имъ личному мѣстоименію. Это,

¹⁾ Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, стр. 86, § 11.

²⁾ Тамъ же.

если не ошибаюсь, будетъ болѣе точное выраженіе Гильбердингова правила, по которому «при сочетаніи односложнаго слова (предлога или мѣстоименія) съ двусложнымъ, удареніе почти всегда переходитъ на первое»¹⁾.

Говорятъ ли указанныя данныя о кашубской акцентовкѣ въ пользу проводимой въ настоящемъ сочиненіи теоріи? Мнѣ кажется — да: мы видимъ цѣлый рядъ словъ, ударяющихъ на тотъ же слогъ, какъ русскія и чакавскія, напр. *rol jajò* (серб. *jáje*), *v domù* (рус. въ до́мѣ, серб. у до́му), *ledzi* (рус. люде́й, серб. људи; нм. *lèdze* = рус. лю́ди, серб. људи), *bierzè!* (рус. берѣ́, серб. бѣри), *račkãc* (рус. руко́ю, серб. рѹкѹм), *zembòc* (рус. землѣю, серб. зѣмљѹм), *vszegò* (рус. вчера́, серб. вѣчѣрас), *za dëszò* (рус. за душо́ю, серб. за ду́шѹм), *kròpielnica* (рус. кропи́льница).

Правда однако, что въ цѣлой массѣ реченій мы должны допустить *омѣтажку*: *račka* (рус. рука́, серб. рѹка), *jájo* (серб. *jáje*), *biërze* (рус. берѣ́тъ, серб. бѣрѣ́ Маж. и бѣрѣ́ Кар., слов. бѣре), *pòstavili* (рус. поста́вили, серб. пòставили), *màlena* (рус. мали́на, серб. ма́лина), *mëdzviedz* (рус. медвѣ́дь, серб. мѣдвед, слов. *médved*, *medvída*), *gròmada* (рус. гро́мада, слов. гѣгма́да), *guënitwa* охота (рус. гонѣ́тва, слов. гонѣ́тва). — Есть также слова въ которыхъ удареніе не на одинъ слогъ ближе къ началу, чѣмъ у Русскихъ и Чакавцевъ, а на два и даже на три: *račkavica* (рус. рукави́ца, серб. рѹка̀вица), *vzèseno* (рус. веретенѹ, серб. вретѣно), *przèkorac* (рус. переко́пать, серб. прекòпати), *pnèdkovac* (рус. подковáтъ, серб. поткòвати), *uëzeniù se* (рус. (о)женѣ́лся, серб. оженѣ́но се), *pàzuvãli* (рус. назывáли), *wùgodzeło za* (рус. уродѣ́лось, серб. урòдло се), *ùcziniù* (рус. учинѣ́лъ, серб. учѣ́нно), *guësprodarza* род. п. (рус. господарѣ́, серб. господáра). Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что болышая часть словъ этого рода — предложныя, которыя легко могли подойти подъ аналогію многочисленныхъ словъ съ напредложнымъ удареніемъ: *pàzuvãli*, *ùcziniù*, какъ *vèdostale* (*вы́достали), *pòstavili* (= *pòstavili, серб. пòставили, рус. поста́вили), *pòviesiù* (рус. повѣ́силъ).

Есть также два-три слова, въ коихъ можно говорить о *сиднижскѣ*: *palësa* словин. (каб. — *pálca*, рус. пали́ца, серб. пãлпца), *vëjãchac* = *vëjãchac*, *nie plãczëse!* (рус. не пла́чьте, серб. не пãчтите). Разумѣется, для этихъ словъ не слѣдуетъ строить особаго звукового закона: выговоръ *vëjãchac* (рядомъ съ которымъ, по всей вѣроятности, слышится и *vëjãchac*), должно быть, объясняется подобнымъ же колебаніемъ ударенія у другихъ

¹⁾ Двусложность имени или глагола, на которую указываетъ Гильбердингъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, тутъ ни при чемъ: и односложныя и трехсложныя — должно быть, также четырехсложныя и пятисложныя — реченія могутъ стать энклитическими.

глаголовъ; r1ascise произносится такъ по аналогіи bierzесе!; r1alёса ви. r1alёса могло явиться въ подражаніе акцентовкѣ пайка, стоящей рядомъ съ пайка.

Принимая въ соображеніе все сказанное въ настоящей главѣ, нельзя, кажется, не признать, что кашубская акцентовка могла развиваться изъ русско-чакавской, путемъ непослѣдовательно проведенной оттяжки, т. е. такимъ же образомъ, какъ акцентовка словенская: подобно Словенцамъ, и Кашубы постоянно колеблются между акцентованіемъ чакавскимъ и штокавскимъ. Полагаю, что мы имѣемъ полное право, пока не будетъ доказано противное, считать и здѣсь первое основнымъ, первичнымъ, второе — позднѣйшимъ, хотя въ самомъ Кашубскомъ нарѣчій я не нахожу доказательствъ исконности одного выговора и неисконности другого.

Можно бы было предположить, что кашубская рѣчь, подобно словенской, сохраняетъ память о старинной акцентовкѣ, въ видѣ окраски вторично ударяемыхъ гласныхъ. Къ сожалѣнію ни Цейнова, ни Гильфердингъ не отмѣчаютъ съ достаточною точностью звуковыя оттѣнки, и только Срезневскій вскользь упоминаетъ о троякомъ е (ае, ее и е) и троякомъ о (а, оо и о)¹⁾. Знакъ ае вѣроятно соответствуетъ Гильфердингову ё (искажснїю звуковъ ы, оу, и), а — Стремлерову²⁾ á (народно-польскому á, а rochyłone), а подъ ее и оо, кажется, можно подразумѣвать только Метелкины ε и о, между тѣмъ какъ простыя е и о будутъ равны его е и ω. Но являются ли въ самомъ дѣлѣ ее и оо (ε и о) въ слогахъ искони ударяемыхъ, е и о — во вторичноударныхъ, на этотъ вопросъ мои источники не даютъ отвѣта.

¹⁾ Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Листъ VI, ст. 96.

²⁾ Стремлеръ. П. Фонетика Кашубскаго языка. Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ». Воронежъ 1874.

XI.

Полабская акцентовка.

Пржде чѣмъ приступить къ разбору полабской акцентовки, мнѣ нужно объяснить свой способъ передачи полабскихъ звуковъ. Правописаніе мое, въ сущности, тождественно съ правописаніемъ Шлейхера, грамматика котораго служила главнымъ пособіемъ при разработкѣ этой части моего изслѣдованія: только въ виду типографическаго удобства я его усложненную всевозможными значками латынницу замѣнилъ письмомъ, основаннымъ на русскомъ и на сербскомъ ¹⁾).

Вмѣсто Шлейхера ѣ, пишу ту же омегу (ω), которою я, по примѣру Метелки, пользовался уже въ Словенскомъ языкѣ, для выраженія звука о, склоняющагося въ сторону а. Ő и ѣ замѣнены у меня черезъ э и ю. Вмѣсто ё, которое имѣетъ болѣе этимологическое, чѣмъ фонетическое значеніе, я подставляю соответствующую ему букву ѣ²⁾. Для ѣ, ё, і, ѱ, т. е. для неударяемыхъ ѣ, е, и, ы, мнѣ казалось излишнимъ придумывать особые знаки: буду писать ѣ, е, и, ы и только напоминою читателю, что эти звуки, какъ видно изъ памятниковъ, произносились весьма неясно, и что, по всей вѣроятности, три послѣднія буквы, а, можетъ быть, и всѣ четыре, ничѣмъ не

¹⁾ Печатаю свой трудъ въ типографіи Академіи Наукъ, я могъ бы конечно пользоваться тѣми же буквами, которыми печаталось сочиненіе самого Шлейхера, но въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы обозначать полабское удареніе акутомъ, что несогласно съ принятою у меня системою.

²⁾ Мнѣ думается, что Шлейхеръ совсѣмъ понапрасну придумалъ особый знакъ для сжатаго е = ѣ: судя по частому появленію і вмѣсто е (řitze, pítze, stipín = речета, печета, степена и т. д.), мы, кажется, должны предполагать, что и замѣнитель первоначальнаго е могъ звучать сжато. Поэтому я и выбралъ для передачи Шлейхера ё букву ѣ, а не е, рядомъ съ которыми буква е казалась бы знакомъ широкатаго е.

отличаются другъ отъ друга и должны считаться различными знаками для одного и того же звука. Тонкій выговоръ согласныхъ обозначаю еремъ, который есть точно такой же диакритическій знакъ, какъ употребляемая обыкновенно въ научныхъ транскрипціяхъ черточка, только что онъ пишется въ строку, а не надъ строкою. Во второй части двугласныхъ я пишу *й*, что не только привычнѣе для русскаго глаза, но и соответствуетъ физиологическому характеру этихъ звуковъ; въ видахъ послѣдовательности, пишу въ такомъ соединеніи и *у*. Носовой пазвукъ я, вмѣсто португальскаго витога циркумфлекса, выражаю буквою *ц*. На основаніи изложенныхъ правилъ, Шлейхеровскія начертанія *dōg* = дворъ, *vūgīn* = огонь, *rās* = песь, *vāuska* = *взлудка, *veuchū* = ухо, *pēmās*, *vā nūsā* = въ мостъ, *māgē* = мартъ, *šōti* = скатин, *vāigūt* = вырыть, *pāt* = патъ, *būzā* = *божа, *gūjā sā* = роятся принимаютъ у меня слѣдующій видъ: дэр, вюгѣн, пѣос, воўпка, веўхью, нѣмоц, во нюсѣ, мѣре, сѣнги, вѣйрыг, пацт, бюзац, рюзац сац. Единственное дѣйствительное отступленіе отъ Шлейхеровой грамматки есть замѣна дифонга *ai* черезъ *ei*: самъ Шлейхеръ признается, что въ памятникахъ обыкновенно пишется не *ai*, *au*, а *ei*, *eu*, но объявляетъ такое написаніе неточнымъ — Нѣмцы, говорятъ онъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ, не знаютъ двугласнаго *ei*, и записыватели, употребивъ эти двѣ буквы, очевидно хотѣли обозначить обыкновенный выговоръ ихъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, т. е. *ai*. Это замѣчаніе Шлейхера столь же справедливо, какъ и то, будто у Нѣмцевъ нѣтъ звука *z*¹⁾: Нѣмцы не только не чуждаются двугласнаго *ei*, но, напротивъ того, почти нигдѣ и никогда не произносятъ *ai*, а только пишутъ его въ нѣкоторыхъ словахъ²⁾. Поэтому я, со своей стороны, вполне убѣжденъ, что начертанія *ai*, *au* въ полабскихъ памятникахъ имѣютъ точно такое же значеніе, какъ въ нѣмецкомъ словѣ *Saite* струна, которое въ произношеніи ничѣмъ не отличается отъ слова *Seite* страница. Итакъ, вмѣсто Шлейхеровыхъ *rūdzai* = рози, *vaināica* = винаница, *lairō* = липа, *raivū* = пиво, я пишу рюдзѣй, вейнѣйца, лейпō, пейвю.

¹⁾ Z ist dem deutschen fremd, es ist das slavische oder französische z, d. h. ein mediales s, ein s mit ton. Schleicher. Litauische Grammatik. S. 22. Въ дѣйствительности, выговоръ *sēr*, *sāchъ*, *sōnъ*, см. *zēr*, *zāchъ*, *zōnъ* (*sehr*, *Sache*, *Sonne*) есть южнонѣмецкій идиотизмъ — можетъ быть, весьма распространенный? ср. Schleicher. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. B. IV, S. 336.

²⁾ Нѣмецкое *ei*, впрочемъ, не равно русскому *эй* (сжатоу *e* + $\frac{1}{2}$ *i*), а представляетъ широкое *e* + $\frac{1}{2}$ *i*: въ Брюккеской транскрипціи, смотря по мѣсту и по лицу, это *e* есть или *e*^o или *a*^o. E. Brücke. Grundzüge der Lautphysiologie. S. 34.

Условившись, такимъ образомъ, на счетъ правописанія, обратимся къ самому вопросу о полабскомъ акцентованіи. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этомъ предметѣ, отличаются, къ сожалѣнію, нѣкоторою отрывочностью: особенно объ измѣненіи акцентовки по падежамъ, числамъ и лицамъ намъ извѣстно чрезвычайно мало — самыя таблицы склоненій и спряженій весьма часто, вмѣсто какого-нибудь падежа или лица, представляютъ вопросительный знакъ. Впрочемъ, сѣтовать на записывателей мы не имѣемъ никакого права; напротивъ того, мы имъ должны быть благодарны за то, что они доставили намъ хоть нѣкоторыя, даже довольно многочисленныя, указанія на мѣсто полабскаго ударенія.

Указанія эти суть или прямыя, т. е. иногда просто отмѣчено удареніе (акутомъ, грависомъ или циркумфлексомъ), что чаще другихъ источниковъ встрѣчается у Геннига (Hennig) и Пфеф-фингера¹⁾, или — косвенныя, состоящія въ сильномъ искаженіи одного изъ гласныхъ двусложнаго реченія, искаженіи, которое свидѣтельствуетъ о безударности этого гласнаго и слѣдовательно объ ударяемости другого: изъ начертаній *sumba* = *зжм*, *gunke* = *ржм* род. п., *nüdige* = *ногы* род. п. прямо слѣдуетъ, что удареніе въ нихъ приходилось на начальный слогъ, почему Шлейхеръ и пишетъ *зоңбы*, *роңкы*, *нюггы*. Указаніе на мѣсто ударенія можно видѣть и въ удвоеніи гласной буквы, или слѣдующей за нею согласной, а также въ прибавкѣ къ ней буквы *h*. Впрочемъ, послѣдніе критеріи далеко не надежны: удвоеніе гласной и появленіе *h*, скорѣе всего, указываютъ не на удареніе, а на дѣйствительную, или воображаемую записывателемъ долготу. Удвоеніе же согласныхъ, быть можетъ, должно выражать свойственный славянскимъ языкамъ болѣе рѣзкій и гортанный выговоръ согласныхъ: встрѣчаются начертанія *biggó*, *dibbré* = *бюгó*, *дюбрé*, съ удвоеніемъ согласнаго въ неударяемомъ слогѣ²⁾.

Желая придать своему экскурсу какъ можно большую достовѣрность,

¹⁾ A. Schleicher. Laut und Formenlehre der Polabischen Sprache, S. 11.

²⁾ Такимъ образомъ, Пфуль (Časop. Tow. Mač. Serb. 1863, str. 44, 45 а 48) напрасно выводитъ изъ написаній *wattnem nibisjen* = *вз тѣокма *нексю*, *wattuje emmerize* = *вз тѣок(ма) Himmelreich't*, *noossime* = *на землѣ*, что въ предложныхъ сочетаніяхъ удареніе приходилось на предлогъ. Ясно свидѣтельствуетъ противъ Пфуля одинъ изъ отмѣченныхъ имъ же приѣзровъ (str. 46) *wittige goidas* (вотъ тѣогъ хѣуѣдагъ = отъ того хѣуѣдаго: еслибъ удвоенное начертаніе согласнаго звука указывало на ударяемость предшествующаго гласнаго, то въ этомъ приѣзрѣ удареніе было бы одновременно и на предлогѣ и на мѣстоименіи. Не утверждаю, чтобы Полабцы не знали прислоенія, но слѣдовъ его въ напечаткѣ не нахожу.

я принялъ въ него почти исключительно такія слова, акцентовка которыхъ отмѣчена въ памятникѣхъ; когда же привожу слова акцентованныя Шлейхеромъ на основаніи косвенныхъ указаній или по аналогіи, то въ скобкахъ прибавляю написаніе памятниковъ. Вообще, я постоянно имѣлъ въ виду не одну транскрипцію Шлейхера, но и правописаніе записывателей.

Шлейхеръ, гдѣ только могъ, отмѣтилъ удареніе приводимыхъ имъ словъ, но вопроса объ акцентовкѣ Полабскаго языка касается только вскользь: онъ замѣчаетъ, что не могъ подмѣтить общаго принципа, руководящаго удареніемъ, другими словами, что полабская акцентовка, по моей терминологіи, есть *вольно-разномыслная*¹⁾. Подробнѣе Шлейхера говоритъ объ этомъ вопросѣ *Пфуль*, который въ полабской акцентовкѣ усмотрѣлъ слѣдующіе «законы»:

1. Удареніе, первоначальное мѣсто котораго есть на первомъ слогѣ (съ начала), обыкновенно «переносится» на предпоследній.

2. Когда слово соединяется съ предлогомъ, кончающимся на гласный, удареніе переходитъ на предлогъ, но при согласномъ окончаніи предлога оно остается на мѣстѣ.

3. Сильный (т. е. долгій) коренной слогъ²⁾ не пускаетъ съ себя ударенія, развѣ что его одолѣетъ другой, еще болѣе сильный слогъ.

4. Въ словахъ со стершимся окончаніемъ удареніе или остается на томъ же слогѣ, который прежде былъ предконечнымъ, а потомъ сталъ конечнымъ, или же возвращается, въ трехсложныхъ словахъ, на свое исконное мѣсто, на начальный слогъ³⁾.

Вся эта теорія основана на предвзятомъ мнѣніи объ исконности наначальной акцентовки и о склонности языковъ акцентовать долгіе слоги. Доказательствъ Пфуля не представилъ почти никакихъ: на свои «законы» онъ приводитъ по два, по три, много по пяти примѣровъ, которые нерѣдко даже акцентуетъ по собственнымъ соображеніямъ⁴⁾; данныя очевидно противорѣчающія его теоріи онъ произвольно перетолковываетъ: такъ въ нѣкоторыхъ словахъ, конечный слогъ которыхъ у записывателей прямо отмѣченъ просодією (акутомъ, или грависомъ), онъ эти просодіи объявляетъ знаками долготы и краткости⁵⁾.

¹⁾ Schleicher. l. c. S. 22. § 2.

²⁾ Который въ простомъ словѣ есть вѣстѣ съ тѣмъ и начальный.

³⁾ Časopis Towafstwa Mačicy Serbskeje 1863, str. 76, § 15.

⁴⁾ Тамъ же §§ 11—14, str. 69—76. Мнѣніе свое о полабской акцентовкѣ Пфуль вкратцѣ повторилъ въ статьѣ Bemerkungen über die Sprache der lüneburger Polaben. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. B. V, S. 200.

⁵⁾ Časop. Tow. Mač. Serb. 1863, str. 64, č. 97.

Оставлю, значитъ, въ сторонѣ Пфулеву теорію и обращусь къ обзору дошедшихъ до насъ положительныхъ данныхъ о полабской акцентовкѣ.

О *качествѣ* полабскаго ударенія не имѣется никакихъ свѣдѣній — вопросъ еще, существовало ли въ Полабскомъ языкѣ количество¹⁾. По этой причинѣ, я буду говорить только о мѣстѣ полабскаго ударенія и буду употреблять только одну просодію — *отвѣсъ*.

Въ силу убѣжденія, вынесеннаго изъ предшествующей работы по другимъ нарѣчіямъ, которое, смѣю надѣяться, не назовутъ предубѣжденіемъ, я прямо начинаю съ вопроса: въ какомъ отношеніи полабская акцентовка находитъ къ праславянской, или, что то же самое, къ русско-чакавской?

Въ цѣломъ рядѣ словъ мы находимъ акцентовку сходную съ русско-чакавскою: кьюза рус. кожа, серб. кожа; пмоуц рус. палець, серб. пѣлац, кьюбола рус. кобыла, серб. кобила; пьюсѣй рус. псы, серб. пси, пюсенѣйца рус. пшеница, серб. шѣница; крѣйје рус. крѣть, серб. крѣје; јолова рус. яловая, серб. јалова; вюбод (завтракъ) рус. обѣдъ, серб. обѣд; вюклоп серб. оклоп; кьютол рус. котѣль, серб. котао, еубюден серб. убден; погребѣн рус. погребѣнь, серб. погрѣбен; сребрю рус. серебрѣ, серб. срѣбро; седлю, рус. седлю, серб. сѣдлю; веслю рус. веслю, серб. вѣсло, вюкню рус. окно, серб. окно, нюзѣ рус. ножі, серб. нѣжеви: нѣж ножа; вюнѣй рус. оні, серб. дни; вол, внн. волѣ рус. волъ, вола, серб. вѣ, вола.

Однако, въ весьма многихъ словахъ приходится допустить *оттяжку*: грѣбют рус. хребѣтъ, серб. хѣрбат²⁾; мѣсок мѣшокъ; пѣсок рус. песокъ, серб. пѣсак; пѣтѣпѣц, мн. ч. пѣтѣнци птенѣць; кюноуц рус. конѣць, серб. конац; кѣроуц рус. корѣць ковшъ, ст. хлѣбная мѣра, слов. когѣс; јѣуноуц бычокъ рус. юнѣць, серб. јунац; вѣгард садъ (рядомъ съ вѣгѣрд) рус. огородъ; пѣрю рус. перѣ, серб. пѣро, јѣндрю рус. ядрѣ, серб. јѣдро нарусъ; клоуе рус. клянѣтъ, серб. кунѣ; дѣре рус. дерѣтъ, слов. дѣге, впрочемъ по-сербски дѣрѣ; пѣре рус. прѣтъ, ст. перѣтъ, слов. рѣге, впр. по-сербски пѣрѣ; рѣце рус. (церк.) рѣчѣтъ, слов. гѣѣ, серб. рѣчѣ (рядомъ съ рѣчѣ³⁾); пѣце рус. печѣтъ, серб. пѣчѣ; тѣце течѣтъ, тѣчѣ; дѣюји (dñe) дойтъ, дѣји; нѣсѣт (pusset) носѣтъ, пѣсѣти; вюбѣт (wibbit, wibbet) обѣтъ, обѣти; сѣкѣурѣ сѣкѣира, сѣкѣира; тѣбе (рядомъ съ тебѣ) тебѣ, тебе; сѣбе себя, себе. Двусложныя имена женскаго рода постоянно подвергаются *оттяжкѣ*: гѣра (tjõga, tujõga, tschiõga, jõhr) рус. гора, серб. гѣра; мѣтла метла, мѣтла; зѣна жена,

¹⁾ Schleicher, I. c., S. 23, § 3.

²⁾ Хѣрбат, хѣрпта: родительный падежъ хѣрпта, рядомъ съ хѣрбата, который мы читаемъ у Караджича, очевидно опечатка.

³⁾ См. у Даничича. Rad. VI, str. 55. См. также выше, гл. V, стр. 142.

жѣна, сѣстра сестра, сѣстра; стѡдзѣа стезѣа, стѣза; кѣюса коса, кѡса; кѣюпа копа, кѡпа; рѣуса роса, рѡса; кѣюза коза, кѡза; нѣюга нога, нѡга; хѡрна пища болг. храна, серб. хрѣна; глѡва рус. голова, серб. глава; вѡда вода, вѡда; вѡса оса, ѡса; рѡчка рука, рѣка; зѣйма зима, зѣма. Также на счетъ словъ въ родѣ брѣуда (brŭda, breda) подбородокъ рус. борода, серб. брада; смѡла (smŭla, smila, smela) смола, смѡла; зѣйма (zimia, simea) земля, зѣмля; вѣюца (witzia, wjtzia, wuzja, wŭcia, wŭzia) овца, ѡвца; стѣюпа (stŭppa, stira) стопа стѡпа едва-ли можно сомнѣваться, что они полагаали удареніе на корень, а не на окончаніе, т. к. въ памятникахъ буква а, равная общеславянскому а, почти никогда не имѣетъ на себѣ просодіи: подъ просодіею, вмѣсто общеславянскаго а, является о¹⁾. Поэтому Шлейхеръ, какъ я полагаю, имѣлъ достаточное основаніе акцентовать приведенныя слова брѣуда, смѡла, зѣйма, вѣюца, стѣюпа.

Особенно спльно въ Полабскомъ языкѣ развита *выдвижка* — мы въ немъ находимъ формы: попѣл—поль. poripŭl, чеш. porcl, рус. пѣпель, серб. пѣпео (слов. perŕl); гребѣн рус. гребень, серб. грѣбѣн, (слов. grebŕn); кѣзрѣн корень, кѡрѣн (слов. kŭrŕn); степѣн стѣпень, (слов. sterŕn); јосѣн јесень, јасѣн (слов. [бохин.] jesŕn); гѣюлѡцб голубь, гѡлѣб (gwlŭb); клѡкѣюл колоколь; плѡкѡл плакаль, плакао; мѡтѣрин мѡтеринь, мѡтерин; мѡтѣй рус. (церк.) мѡти, серб. мѡти; двѡрѡй двѣри; кѣюстѣй рус. кѡсти, серб. кѡсти (слов. kwstŭi); вѣюцѣй ѡчи, ѡчи (слов. wŕi, болг. очѣ и ѡчи); вѣусѣй ѡши, ѡши (слов. wŕi, болг. ушѣ); кѡмѡй камень, ками (обыкн. камѣн); нѡ мѡрѣй = на мѡри рус. мѡре, серб. мѡре (слов. mwŕjŕ, болг. морѣ); лѣѣудѣи люди, ѣѣуди (слов. ljudjŕ); рѡмѡн рус. (церк.) рѡмо, серб. рѡме; Бюг, род. Бюгѡ, св Бюгѡм, мн. ч. бюдзѣй Богъ, Бѡга, Бѡг, Бѡга (слов. Bŭg, Wwŕŕ); свѡр, род. свѡрѡ сыръ, сыра, сѣр, сѣра; прид горѡм—гѡродъ, гѡрода, град, града (слов. grŕd, gradŭi); вейнѣйца виноградная лоза рус. вѣппница вѣпокурня; церквѣйца (tzarkweitzia, vvaskaagst tserk Weitse) цѣрквица; мѡлнѣйца мѣльница; јѣузѣйна, јѣузѣйца рус. (мѣст.) ѣжина, серб. ѣжпна. Выдвижка замѣчается также въ цѣломъ рядѣ двусложныхъ баритонѡвъ средняго рода: небѡ нѣбо, нѣбо (слов. nebŭ, болг. небѣ); вѡкѣю ѡко, ѡко (слов. wkb, болг. ѡкѡ); вѡсѣхѣю ѣхо, ѣхо (слов. wchŭ, болг. ухѡ); ведрѣю рус. вѣдро, серб. вѣдро ср. р. прилаг.; польѣю пѡле, пѡле (слов. poljŕ, болг. полѣ); кѣюлѣю серб. кѡло (слов. kwlŭ); мацѣю мѣсо, мѣсо (слов. mesŭ); лѣтѣю (годъ) лѣто, лѣто; сѣювѣю слѡво, слѡво, (слов. slwŭb, болг. слѡвѡ); прѣюсѣю прѡсо, прѡсо (слов. prwŭb); пейвѣю пѣво, пѣво; зейтѣю, род. зейтѡ жѣто, жѣто;

¹⁾ Исключеніе составляютъ двѣ формы превосходной степени: нѡдолѣй (nŕdolŕch) и нѡбѣст (nŕbest) да еще бѡба бабушка и стѡрна (starna, stŕrna) сторона.

дѡлю, род. дѡло дѡло, дѡло; тѡстю тѡсто, тѡсто (слов. testō, болг. testō)¹⁾. Сюда же относятся и нарѣчія (прилагательныя), какъ пейскію нѣско, нѣско; пюзднѡ пѡздно, пѡзно; зимнѡ (холодно) зѣмно, зѣмно; лѡубѡ лѡбо²⁾.

Большей части перечисленныхъ только-что словъ въ Словенскомъ языкѣ (иногда и въ Болгарскомъ) соотвѣтствуютъ слова съ выдвинутымъ же удареніемъ; но у Полабцевъ выдвѣжка захватываетъ еще и такія реченія, которыя у Болгаръ сохраняютъ исконную акцентовку, а у Словенцевъ баритонничаютъ и обыкновенно оттягиваютъ окончное удареніе, но никогда не выдвигаютъ начального. Я разумѣю имена женскаго рода на *a*: бобѡ рус. баба, серб. баба; зобѡ (лягушка) жаба, жаба; корвѡ корѡва, крава; рѡнѡ рана, рана; рѡйбѡ рѡба, рѡба; жѡмѡ яма, яма; воупѡ волна, вѡна; вейдлѡй вѣлы, вѣле; глейнѡ, вин. глейнѡй глѣна, глѣла³⁾; гнейдѡй мн. ч. гнѣда, гнѣда; грѡблѡй грѡбли, грѡбле; лейпѡ липа, липа; мѡрѡ мѡра, мѡра; порѡ [1) = п. луж. рага болото 2) пометъ] парѡ (и парѡ), парѡ; рюзгѡ рѡзга, рѡзга; рѣпѡ рѣпа, рѣпа; тоцѡ тѡча, тѡча; вѡйѡ вѡя; свѡркѡ сорѡка, свѡрка; стѡпнѡ стѡпа, стѡпа; стѡукѡ шѡка, шѡка⁴⁾.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ двусложныхъ именахъ на *a* Полабцы постоянно уклоняются отъ русско-чакавскаго акцентованія: гдѣ удареніе первоначально падало на конечный слогъ, они его оттянули, гдѣ на начальный — выдвинули⁴⁾. Двусложныя на *o* (по-полабски на *ю*) столь же послѣдовательно подверглись выдвѣжкѣ⁵⁾, но мало склонны къ оттяжкѣ,

¹⁾ Подобную же акцентовку представляетъ трехсложное слово зельзѡю = жельзо, жѣлѣзо.

²⁾ Не привожу соотвѣтственныхъ словенскихъ формъ, потому что у Словенцевъ всѣ двусложныя прилагательныя въ среднемъ родѣ имѣютъ двойной выговоръ: шѡлѡ и шѡлѡ, звестѡ и звестѡ и т. д.

³⁾ Такъ, безъ сомнѣнія, произнеслись и слова ворно ворѡна, врѡна и сеуко (непотребная женщина) сука, которыя въ памятникахъ пишутся vorpno, vorpno, wõrno; sauko, zauko.

⁴⁾ Исключеніе представляютъ только слова вѡля (willja, willja) = вѡля, вѡля; кѡза = кѡжа, кѡжа и уменьшительныя на *ka*: глѡвка голѡвка, глѡрка (туѡрка, тѡрка) гѡрка; дѡвка (дѡвушка, дочь); кѡзка (tjiska) отъ кѡза = кѡжа; мѡйска (meiska) мѡшка, серб. мѡшка bacchium; скѡрка (stjorka, stjorka) кѡрка; стрѡтка (strotka: strotõ улица). Или, можетъ быть, эти уменьшительныя имѣли прежде насуффиксную акцентовку, подобно и. рус. дочка, слов. (в. краин.) ѡскѡ (ѡсѡ — отецъ), шамкѡ, рескѡ фруктовая косточка, рѡстѡркѡ (рѡстѡркѡ форель)?

⁵⁾ У Полабцевъ нѣсколько такихъ словъ имѣютъ окончное удареніе, которыя не могутъ имѣть его у Словенцевъ, а именно: пейвѡ слов. рѡво, зейтѡ — зѣто, дѡлю — дѡло.

вслѣдствіе чего они почти всё имѣютъ насущное удареніе. Могу указать только слѣдующія баритонки: мѡйтю (moite, maüte) плата = рус. мѣто, серб. мѣто; крѣйдлю (kreytele, kreudel) крыло, крѣлю; јѡндрю (gândre) ядро, јѣдро; пѣрю перѡ, пѣро; нѣслию (nislè, nüssla = несли) послыки; гѣймню угодыа, дворъ (Güter, Hof) гумно, гѣмно.

Но имѣемъ ли мы вообще право говорить въ Полабскомъ языкѣ объ оттяжкѣ и выдвжкѣ? Что можно говорить о выдвжкѣ, я вывожу изъ слѣдующаго явленія: гласные а, и и ѣ въ ударяемыхъ слогахъ являются въ видѣ о, еѣ, ѡѣ, иногда же такой переходъ совершился и въ слогахъ, предшествующихъ ударяемому. Естественно сдѣлать предположеніе, что эти слоги прежде сами были носителями ударенія; а эта роль, какъ оказывается, дѣйствительно принадлежитъ имъ въ русско-чакавской акцентовкѣ. Такимъ образомъ, я полагаю, что Полабцы потому произносили мѡтѣй, пѣйвию, рѡѣбѡ и т. д., что первоначальный ихъ выговоръ былъ мѣти, пѣвию, рѣѣба, и что только послѣ того, какъ удареніе оказало свое дѣйствіе на коренные гласные и породило формы мѡти, пѣвию, рѡѣба, оно перешло на окончанія, на которыя могло оказать такое же вліяніе, какъ на корень, вслѣдствіе чего явилось произношеніе мѡтѣй, пѣвию, рѡѣбѡ. Итакъ, Шлейхеровъ законъ о переходѣ а, и и ѣ въ о, еѣ и ѡѣ въ ударяемомъ слогѣ и во всѣхъ предшествующихъ ему слогахъ принимаетъ у себя слѣдующій видъ: а, и и ѣ перешли въ о, еѣ и ѡѣ въ слогахъ, имѣвшихъ первичное или вторичное удареніе, въ другихъ же слогахъ эти звуки могутъ явиться лишь въ силу аналогіи¹⁾. Подобную же роль, какъ гласный о = а и двугласные еѣ, ѡѣ, играютъ также о съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, какъ замѣна ѣ, и о съ носовымъ падежомъ, какъ замѣна ж и а, съ тою только разницею, что они не одни господствуютъ въ ударяемыхъ слогахъ, и что, рядомъ съ ними, являются и нейтральные по отношенію къ ударенію звуки ѣ и а нпр. мѣал (имѣлъ), мѣлцны (мѣлцѣны), пѣдѣльа воскресенья, храѣст хрѣштѣ жукъ, рѡмѡл (*рама) плечо; но всякій разъ, когда является о, оно имѣетъ на себѣ удареніе, или въ Полабскомъ языкѣ, или же въ Русскомъ и въ Чакавскомъ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду

¹⁾ При такомъ взглядѣ на дѣло, вполне понятны формы настарѣйсѣ (nâstarêsse), попадѣ саѣ (peradiessa er fällt nieder), еупадѣн упавшій, попадѡл саѣ оѣ упалъ, еузасѡлай јнг (euzassalayik оужасли кого), старнѣ лѣ. ч. къ старна, роѣкавѣйца, приведшія въ смущеніе Шлейхера: а въ нихъ потому не перешло въ о, что не имѣетъ и никогда не имѣло на себѣ ударенія. Такъ же можно объяснить и род. пад. мн. ч. камѣн (hey kammehn bey Kachelofen), если считать его за нѣкую форму камѣни (камѣній). Одно слово пѣѣжавѣйца pagaweicia, pagaweitza = серб. пѣѣжаница) противорѣчитъ предлагаемому толкованію.

слова: вюбѣд, (обѣд) завтракъ, кјот цвѣтокъ, льос (лѣсъ), бѣлы (бѣлый), гнѣзда, льѣтка (дѣтка), доѣб, скѣпны, сјѣнты (скагтин), пѣнты (паттин) и т. д., я для словъ въ родѣ дѣлю (дѣлю), мѣро (мѣра), воѣгѣр (угорь), воѣгѣл (уголь), тоѣо (тѣча) предполагаю первоначальный выговоръ дѣлю, мѣра, воѣгѣл, тѣча¹⁾.

О склонности Полабскаго языка къ выдвигкѣ ясно свидѣтельствуеть произношеніе словъ, заимствованныхъ изъ Нѣмецкаго, какъ то: лампѣ (Lampe), лодѣ (Lade), опѣ (Affe) обезьяна, јагѣр (Jäger) охотникъ, омѣр (Hammer) молотокъ, кахѣл (Kachel) изразецъ, кѣсан (Küssen = Kissen) подушка, кѣкѣ (Küche) кухня, стрѣтѣ (Strasze, по нижненѣм. выговору Strate) улица, мейлѣ (Meile) миль, лѣндѣ (Land) земля, дѣскѣ (Tisch, нижненѣм. Disch) столъ²⁾, мейсѣ (Messe; д. б. изъ не искаженнаго еще missa), глѣсѣ (Glass) стаканъ, дегѣ (Degen) шпага, кѣдѣ (Kette) цѣпь, скѣйпѣ (Scheune) сарай, ворстѣ (Worst = Wurst) колбаса, шелѣ (Schilf) тростникъ, шолѣ (Scholle) камбала, шинкѣй (Schinken) окорокъ, талѣр (Teller) тарелка, картѣ (Karte), рейзѣ (Reise) путешествіе, шодѣ (Schade) вредъ³⁾, *глѣк (Glück), род. глѣкѣ счастье, тейд, род. тейдѣ (Zeit, нижненѣм. Tid) время.

Въ нѣкоторыхъ словахъ, рядомъ съ выдвинутымъ удареніемъ, употреблялось еще и первичное: бѣба (boba) бабка, акушерка, р. съ бѣбѣ старуха, рѣзга, р. съ рѣзгѣ, рѣпа р. съ рѣпѣ, пѣтѣпѣр, р. съ пѣтѣпѣр (пѣтопырь) бабочка (Sommervogel), рѣдѣст, р. съ рѣдѣст (radüst, radüst) свадьба⁴⁾.

¹⁾ По всей вѣроятности, и переходъ у въ еу есть слѣдствіе ударенія, и мы на выговоръ стѣукѣ (штѣка, шѣка), льѣудѣ (лѣуди, лѣуди) можемъ смотрѣть такъ же, какъ на пейвѣ и воѣгѣр: хотя еу есть едва-ли не единственная зашѣна у (см. впрочемъ, Schleicher S. 110, Anmerkung и 112, 10), но этотъ двугласный всегда является носителямъ ударенія, или могъ имъ быть прежде. Исключенія составляютъ слова кѣсѣрѣпѣтѣка и стѣудѣпѣц (серб. студѣнац, рус. студенѣцъ колодець, источникъ), да предлогъ еу, нпр. въ словахъ еукрѣдѣны украденный, еубѣдѣн оукрѣдѣнъ, еусѣдѣ усѣдѣтъ. Первые два слова, вѣроятно, приѣхались къ словамъ кѣсѣраѣ цыпленокъ, кѣсѣр пѣтухъ (встрѣчается множ. ч. — кѣсѣрѣй) и къ прилагательному стѣудѣнѣмъ (серб. студѣнѣ, студѣный), которое должно было произноситься стѣудѣны. Предлогъ у, вѣроятно, перешелъ въ еу по аналогіи тѣхъ словъ, въ которыхъ произносился съ удареніемъ.

²⁾ Появленіе ск, вмѣсто ш (можетъ быть, и д, вмѣсто т?) слѣдуетъ объяснять смѣшеніемъ этого заимствованнаго слова съ туземнымъ *дѣска = дѣска: въ другихъ словахъ нѣмецкое ш сохраняетъ свой подлинный звукъ.

³⁾ Такую же акцентовку, очевидно, имѣли реченія плѣго (Plage) мученіе, соко (Sache) вещь, кроѣпо (Krumpro—Krumpe) замѣкъ, ударенія которыхъ записывателями не отмѣчены.

⁴⁾ Последний примѣръ представляетъ нѣкоторое затрудненіе: отчего рѣдѣст,

Убѣдившись такимъ образомъ, что, кромѣ словъ сходныхъ по ударенію съ русско-чакавскими, еще цѣлая масса полабскихъ словъ представляетъ выдвигку, т. е. первоначально тоже сходствовала съ русско-чакавскими, мы склонны будемъ предположить то-же самое и для всѣхъ остальныхъ словъ и допустить въ нихъ оттяжку. Мы даже не можемъ ее не допустить, въ виду строгаго различія, которое языкъ дѣлаетъ между двусложными именами женскаго рода съ накореннымъ удареніемъ и — съ насуффикснымъ: если-бы всѣ эти слова покои въку имѣли удареніе на корнѣ, то они бы или всѣ сохранили его, или всѣ — выдвинули. Итакъ, если первоначальныя баритонки *кѣрва, *гѣйна, *мѣра и т. д. стали произноситься корвѣ, гѣйпѣ, мѣрѣ, то, очевидно, первоначальный выговоръ словъ гѣва, зѣна, кѣса, представляющихъ иную акцентовку и иное окончаніе, былъ иной, т. е. они были окситонками: *глава, *зѣпа, *кѣса. Т. к. въ этихъ словахъ конечное *a* не перешло въ *o*, то слѣдуетъ предположить, что оттяжка произошла раньше, чѣмъ началось искаженіе ударяемыхъ *a*, весьма можетъ быть, что еще на общеславянской почвѣ. Во всякомъ случаѣ, она произошла раньше выдвигки: выдвинутое удареніе, какъ мы видѣли, оставляетъ по себѣ ясный слѣдъ. Но, допустивъ одновременное существованіе исконно-ударныхъ формъ *кѣрва, *гѣйна, *мѣра и формъ съ оттянутымъ удареніемъ гѣва, зѣна, кѣса, опять-таки приходится отвѣчать на вопросъ, почему эти сходно ударяемые слова не всѣ имѣли одинаковую судьбу. Должно быть, потому, что они все-таки произносились неодинаково: по всей вѣроятности, оттянутое удареніе, попавши на другой слогъ, подобно штокавскому, принимало и другой видъ, и, между тѣмъ какъ слова исконной акцентовки произносились *кѣрва, *гѣйна, *мѣра, или *кѣрва, *гѣйна, *мѣра, говорили *гѣва, *зѣпа, *кѣса, или *гѣва, *зѣпа, *кѣса.

Прямыхъ доказательствъ въ пользу оттяжки не имѣется: о существовавшей, можетъ быть, въ мѣстныхъ говорахъ архаической акцентовкѣ мы ничего не знаемъ, т. к. до насъ дошло лишь одно Древанское нарѣчіе Полабскаго языка. Впрочемъ, иногда въ нашихъ памятникахъ встрѣчается двоякая акцентуація: вѣгарт и вѣгарт садъ, тѣбе (tiebe, tibbe, tiebbe, tibe) и тебѣ¹⁾. Также и особенный окраски гласныхъ въ словахъ оттянутаго уда-

или даже радюст, а не родюст? Ужъ не слѣдуетъ ли, наперекоръ рус. радость, серб. радост, считать для Полабскаго языка основною формою радюст (ср. слов. radost, и radost, Стульево radost, radosti) и выводить изъ нея родюст путемъ оттяжки?

¹⁾ Кажется, въ такомъ же соотношеніи находятся формы кѣота (tijötta) и кѣотѣ (chyto) кошка; но возможно также, что акцентовка кѣотѣ объясняется заимствованіемъ изъ нѣмецкаго. Ср. рейзѣ = Reise и т. д.

кы (ед. ч. полк колышекъ), врѣхы, (орѣхи), зѡнбы (zumba) пѡсы (pjessi), кьнаңзи (tjenangsa) и вышеприведенное вѡлы; притомъ нѣкоторыя слова могутъ имѣть и обыкновенное окончаніе и сопряженную съ нимъ акцентовку: клѡсѡй (klassou), врѣхѡй, зѡнбѡй, пѡсѡй, кьнаңзѡй.

2. Двусложныя реченія на ю (= о) иногда мѣняютъ акцентовку въ родительномъ падежѣ: зѡрнѡ — зѡрна (wiss sgórna aus dem Kern), жеутрѡ — жеутра: за жеутра (sojéudra завтра ¹⁾); однако пейвѡ — пейво, зейтѡ — зейто. И въ имен. множ. ч., вмѣсто конечнаго ударенія, является начальное: произносили кьюлю, jobкью (яблоко), зѡрнѡ, веухью, прѣвѡ, но кьюла, вѡкна, jobка, зѡрна (siorna), веуха (wäucha), прѣва (sgewa). Въ такомъ же отношеніи къ именительному ед. ч. находится и мѣстный падежъ того-же числа: лѡтѡ, дѡлѡ, дѡнѡ (dano) и во лѡтѣ, по дѡлѣ, по дѡнѣ. Не сомнѣваюсь, что и мѣстный падежъ слова зейтѡ — зейтѣ — правильно возстановленъ Шлейхеромъ изъ выраженія modáú wa seita, переводимаго словомъ Kornwirth, но значащаго, очевидно, Maden im Getreide.

3. Двусложныя имена женскаго рода. Слово вѡйка (weika) городъ въ род. падежѣ представляетъ форму вѡйкѡй. (Но рѡчка, нѡга, кьюпа имѣютъ рѡчкы, нѡгы, кьюпы). Въ вин. падежѣ, по мнѣнію Шлейхера, удареніе оттягивалось. Однако, изъ приводимыхъ имъ примѣровъ два (дѡроң и скѡей-бѡн) совершенно не годятся, т. к. именительный падежъ ихъ имѣетъ такую же акцентовку: дѡра (дыра) и скѡейба (stjeiba, stgeibe, skiaybe, theibe Brot, geschnittenes Brot); остается только третій — браңцикоң (brangsekung) при имен. браңцѡйка (brangzaika), въ которомъ просодія поставлена только на основаніи нѣкоторыхъ фонетическихъ соображеній. Противъ этой одной формы можно выставить три вполне засвидѣтельствованныя памятниками формы: дейскѡң, при именительномъ дейскѡ, и водѡң, клѡгѡң, при именительныхъ вѡда и клѡга. Въ дательномъ и въ мѣстномъ падежахъ слова дейскѡ столъ, мейсѡ обѣдня, служба, скѡеуно (Schenne), полагаютъ ударе-

(кѡтѡй), гѡмбеу (роңбѡй) рубцы, швы, что Шлейхеръ и дѣлаетъ. — Во многихъ изъ перечисленныхъ формъ на сѣ, ѡй, судя по выговору кореннаго гласнаго, удареніе выдвинуто.

¹⁾ Встрѣчается также написаніе jaútrá, очевидно по опискѣ; хотя трудно рѣшить, слѣдуетъ ли читать jaútra (жеутра), или jaútró (жеутро). Конечное а съ просодіей является, въ словарикѣ Платова, еще въ словахъ korigá = Karte и peiteidá бердо, изъ коихъ первое, судя по цѣлому ряду подобныхъ заимствованныхъ изъ нѣмецкаго словъ, есть описка вмѣсто korigó; второе же, очевидно происходитъ отъ первообразнаго нейт (нить) — Югерь и шнеть peiteidla — и должно читаться или нейтѡйда, какъ читаетъ Шлейхеръ, или же — подобно русскому зеркалу, болг. огледала — нейтѡйдѡ.

не на первый слогъ: но дѣйскѣ (no daista auf den Tisch), ко дѣйскѣ (ka teisda zu Tische), ко мѣйсѣ (ka meysah, kaan meiss), во скѣѣуни (wa stjeina); впрочемъ, встрѣчается и ко дѣйскѣ. Напротивъ того, три слова наначальнаго ударенія, вѣйка (weika), старна и зѣмья (simea, simia), являются въ этихъ падежахъ съ окончнымъ: во вѣйкѣ, ко старнѣ (kastarŋj), ко зѣмѣй; хотя читася также ко вѣйкѣ (kaa weitje, ka veika), но старнѣ и но зѣмля, или по зѣмля (no zime, poossime auf der Erde)¹⁾. — Въ двойственномъ числѣ, слово роцка представляетъ именительно-винительный роцкѣ (точно такъ и старна—старнѣ) и дательно-творительный роцкома. — Именительно-винительный множественнаго числа, кажется, безъ исключенія кончается на ударяемое ѡй, т. е. не только при единственномъ числѣ роѡйбѣ, зобѣ, рѣпѣ стоитъ множественное роѡйбѡй, зобѡй, рѣпѡй, но и отъ гѣра, вѣйка (weika), слѡма (slama, schlamma, schlaanma), вѡрба (warba, warbaa, farba), нѡга, глѡва, кѡзѡа (коза), вѣйсѣя или вѣйсѣйна (wõissenja, woisoigna) мы читася въ этомъ падежѣ гѣрѡй, вѣйкѡй, слѡмѡй, вѡрбѡй, нѡгѡй, глѡвѡй, кѡзѡй и вѣйсѡй (weysnoy, wõissenõy, weisnoy). И при окончаніи е удареніе падаетъ на окончаніе: шолѣ, визѣ, вѡцѣ, бюсѣ; единственное число — шолѣ камбала, виза (wisa) домъ, вѡцѣ (witzia, wjtzia, wuzja, wũcia, wũzia) овца и бюса (büssa, bussa Büchse) ружье. Такая акцентовка, судя по нѣкоторымъ, правда, немногочисленнымъ примѣрамъ, господствовала и у трехсложныхъ: слѣйвѣна, молѣйна (mõlaina) малина²⁾ во множественномъ числѣ произносились слѣйвѣнѣ, молѣйнѣ; наконецное же удареніе имѣло употребительное лишь во множественномъ числѣ нюзейцѣ (= серб. нѡжице ножницы) и сморделейцѣ черная смородина, единственное число котораго не встрѣчается.

Вотъ все, что я могъ извлечь изъ доступныхъ мнѣ пособій о полабской акцентовкѣ вообще и объ акцентовкѣ именныхъ формъ въ особенности. Эта

¹⁾ Если нѣкоторыя слова (вѣйка и старна) какъ-будто отличаютъ по ударенію дательный падежъ отъ мѣстнаго, то я это считаю чистѣйшею случайностью, т. е. между акцентовкою этихъ двухъ падежей не замѣчается никакого постоянного соответствія, какое существуетъ напр. между сербскими дательными вѡди, дѣци, зѣмля, и мѣстными вѡди, дѣци, зѣмля.

²⁾ По согласію показанію Русскаго и Сербскаго языковъ, первоначальный разговоръ этого слова былъ малѣйна, т. е. по-полабски *малѣйна, который, вѣроятно, вследствие примѣненія этого слова къ прилагательному молы (малый), измѣнился въ молѣйна. Или, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло просто съ опскою и должны читать молѣйна? Во всякомъ случаѣ, появленіе о въ первомъ слогѣ легко объясняется указаннымъ народнымъ словопроизводствомъ.

акцентовка представляет замѣчательное сходство со *словенскою*: та же непоследовательность, то же совмѣстное существованіе ударенія исконнаго, оттянутаго и выдвинутаго.

Сходство это, какъ мнѣ кажется, говоритъ въ пользу предложенной въ IX главѣ гипотезы о ходѣ развитія акцентовки ближайшаго къ Полабскому Польскаго языка.

ХП.

Дополненіе къ обзору акцентовокъ Сѣверозападныхъ славянъ: нѣсколько словъ о количествѣ.

Обзоръ акцентовокъ чешской, лужицкой и польской привелъ меня къ убѣжденію, что и эти одномѣстныя системы могутъ и должны быть выводимы изъ основной разномѣстной, напиравшей на тѣ же слогн, какъ русская и чакавская.

Однако, для Юговосточныхъ языковъ я сдѣлалъ предположеніе не только относительно мѣста, но и относительно *качества* ударенія и какъ на основную для нихъ акцентовку указалъ на чакавскую. Нельзя ли выставить то же положеніе и для языковъ Сѣверозападныхъ славянъ?

Если предполагать, что переходною ступенью отъ вольной русско-чакавской акцентовки къ одномѣстной служили оттяжечныя акцентовки, сходныя со штокавско-сербскою и со словенскою — а это мнѣ кажется необходимымъ, — то слѣдуетъ также предположить, что Сѣверозападные славяне нѣкогда имѣли музыкальную акцентовку и знали ударенія слабое и восходящее: что нпр. у Чеховъ слова *muka* и *uzda*, *sůša* (*soúše*) и *trůba* (*trouba*) не имѣли одинаковаго ударенія, а произносились такъ же, какъ у Сербовъ, т. е. *múka* — *ùzda*, *sůša* — *trůba*. Однако, отождествленіе сѣверозападной акцентовки съ юговосточною возможно только въ томъ случаѣ, если сѣверозападные гласные по количеству были одинаковы съ сѣверовосточными. Въ какомъ же отношеніи находится количество чешское, лужицкое, польское къ сербскому и словенскому?

Въ языкахъ Поляковъ и Лужичанъ, какъ извѣстно, вовсе нѣтъ количества; но существуетъ *сжатіе* гласныхъ, въ которомъ вполне основательно видятъ слѣдъ прежней долготы: лужицкому *o* (*ó*), польскимъ *á*, *é*, *ó* (*á*, *é*, *ó*) въ Чешскомъ языкѣ соответствуютъ долгіе гласные, нпр. в. луж. *Boh*, *Boha*, поль. *Bóg*, *Boha* = чеш. *Bůh*, *Boha* (ст. чеш. *Böh*, *Boha*); поль.

wołam, mām, śmieć, при 3 л. мн. ч. wołaja, maja, śmieja = чеш. volām, mām, smím, при volají mají, smějí. Первоначально долгимъ слѣдуетъ считать и польскій широкій юсь (ą), который соответствуетъ чешскому ou (старочешскому ů), между тѣмъ какъ на мѣстѣ чешскаго u мы находимъ юсь узкій (e): maąa = mouka, maąru = moudrŭ, kaą = kout, karać = kourati, waąow = ūvoz, sąsiad = soused, sądzic = souditi; meąka = muka, meądzec = mudřec, suk = seą, kędu = kudy, ręka = ruka, gęba = huba, ser = sur и т. д. ¹⁾).

Опредѣленное на основаніи чешскаго количества и польско-лужицкаго сжатія количество Сѣверозападнаго праязыка иногда совпадаетъ съ югославянскимъ: чеш. Bůh, Вога, поль. Bóg, Вого, в. луж. BQH, Вога = серб. Bŏg, Bŏga, слов. Bŏg Bwŏgā; чеш. lŭj (loj), loje, поль. lŭj, lŏju, в. луж. lŏj, lŏja = серб. lŏj, lŏja, штир. lŏj, lŏja ²⁾); чеш. hnŭj, hnoje, поль. gnŭj, gnoju, в. луж. hnŏj, hnoja = серб. gnŏj, gnŏja, штир. gnŏj, gnŏja; чеш. mouka, поль. maąka = серб. мука, штир. mŏka ³⁾); чеш. začítí, поль. zacząć = серб. začĕti, штир. začĕti ⁴⁾); чеш. pĕtek, поль. piątek = серб. péтак, штир. pĕtek; чеш. koukol, поль. kaąkol = серб. кѹкољ, штир. kŏkolj; чеш. kout, поль. kaą = серб. кѹт, штир. kŏt; чеш. louka (рядомъ съ luka), поль. ląka = серб. лѹка, штир. lŏka; чеш. trouba, поль. trąba = серб. труба, штир. trŏba; чеш. mĕsíc, поль. miesiąc = серб. мĕсѣц и т. д. ⁵⁾).

Сказавъ, что долгота сѣверозападныхъ языковъ «иногда» совпадаетъ съ

¹⁾ См. Miklosich. Ueber die langen Vocale, S. 7. Происхожденіе сжатыхъ гласныхъ изъ первоначально долгихъ признаетъ даже Семеновичъ, хотя онъ и старается доказать, что въ Польскомъ языкѣ долгота уже очень давно смѣнилась сжатостью. А. Semenowitsch. Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen, S. 46.

²⁾ Штир. означаетъ словенскій говоръ восточной Штирии, на границѣ Венгрии; слова этого говора заимствую у Миклошича (Ueber die langen Vocale). Въ этомъ говорѣ, какъ упомянуто уже и выше, сохраняется краткость неконечныхъ слоговъ: количество его весьма сходно съ сербскимъ. Отклоненія отъ сербскаго количества, повидимому, происходятъ только въ одну сторону: иногда ударяемый краткій слогъ, внутри слова, такъ же какъ у остальныхъ Словенцевъ, протягивается, нпр. gŏska, žĕti (žmet), vítěz, lĕžem, glĕdati = серб. гѹска, жĕти, вѣтѣз, лĕжемъ, глĕдати. Обратное явленіе изъ приведенныхъ у Миклошича словъ представляетъ лишь одно слово pŏter, при сербскомъ унѹтар.

³⁾ O въ словѣ moąa и у Краинцевъ долгое, но у нихъ долгота легко могла бы быть позднѣйшею.

⁴⁾ Миклошичево ĕ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ читать за e: привода штирийскія слова изъ Миклошича, я сохраняю его правописаніе.

⁵⁾ Въ Штирийскомъ говорѣ является выговоръ mĕсec: второе e, не нѣтъ на себѣ ударенія, должно было сократиться.

южною, я, кажется, выразился вѣрно: разногласіе между ними встрѣчается весьма часто, чуть-ли не въ большинствѣ случаевъ. Отношенія чешскаго количества къ сербскому я коснулся уже въ главѣ о русской акцентовкѣ¹⁾: тамъ я ссылаясь на законъ Миклошича, по коему чешскимъ слогама га, ла, фе, ле послѣ согласныхъ (равносильнымъ русскимъ оро, оло, ере, эле и оро, оло, ере, еле безъ ударенія) соотвѣтствуютъ сербскія рѣ, лѣ, рѣ, лѣ: чеш. hrad, vrah, brada, vrata, vlast', blaho, hlava, břeh, vřed, vřesk, plen = серб. градъ, врагъ, брада, врата, власъ, властъ, блага, глава, брегъ, вредъ, вресакъ, плѣнъ; чешскіе же слоги гѣ, лѣ, фѣ, лѣ (русскія орѣ, оло, ерѣ, еле) равны сербскимъ рѣ, лѣ, рѣ, лѣ: чеш. vrāna, drāha, prām, blāto, slāma, klāda, mlīze, plīti отрицать, plēti = серб. врѣна, драга долина, прѣм, блѣто, слѣма, клѣда, мрѣжа, прѣти, плѣти²⁾.

И помимо этихъ случаевъ, чешскіе гласные сплошь да рядомъ расходятся по количеству съ сербскими и со словенскими: чеш. dāti, znāti, bāba, žāba, līra — серб. дати, знати, баба, жаба, липа, штир. dāti, znāti, bāba, žāba, līra; чеш. maso, ruka, sun, květ, alod, kněz — серб. мѣсо, рука, сѣн, цвѣт, слѣд, кнѣз, штир. mēso, gōka³⁾, общеслов. zīn, svēt, slēd, knēz.

Въ употребленіи сжатія или соотвѣтствующаго ему продленія гласныхъ сѣверозападные языки далеко не всегда сходны не только съ юговосточными, но и между собой. Какъ извѣстно, у всѣхъ Славянъ непремѣнное условіе сжатія составляетъ нахождение гласнаго въ среднемъ (закрытомъ) слогѣ⁴⁾. Однако же въ Польскомъ языкѣ нужно еще одно условіе: чтобы за гласнымъ слѣдовалъ звонкій согласный, или, лучше сказать, согласный первоначально звонкій, а въ настоящее время хоть бы и глухой. Такимъ

¹⁾ Гл. I, стр. 39.

²⁾ Изъ этого закона, впрочемъ, есть исключенія: чеш. vlach, dlaň, plaza, vlákno, vláčiti, dlāto, plāst (соты — Honigwaben), plātno, prāzdnŭ, prāšek, chrāst, -и (рядомъ съ chrast), chrām, -и сходны по количеству съ сербскими влѣх, длѣн, плѣса (frustum), влѣкно, влѣчити, длѣто, плѣст, род. плѣста (стогъ), плѣтно, прѣзнь, прѣшакъ, хрѣст, хрѣста, хрѣм, хрѣма. Замѣчу еще, что выговоръ словъ пласа, хвастъ и хрѣмъ не соотвѣтствуетъ русской акцентовкѣ изъ: полоса, хворость, -а, хрѣмъ, хрѣма.

³⁾ Западнословенскія тезѣ, гōка. Последняя форма совпадаетъ со штирійскою, но въ ней долгое о могло бы быть слѣдствіемъ ударенія.

⁴⁾ Польскія формы въ родѣ ogrūdck, ołŭwek, wūzek, и. рус. стижокъ, гвиздокъ, пѣжечка, голынька и т. д. легко объясняются вліаніемъ остальныхъ надежей, или первообразныхъ для нихъ словъ: ogrūdcku, ogrūdckowi, ogrūdckiem; гвиздка, гвиздкѣ, гвиздкомъ; пѣжка, голынька. Существовать, впрочемъ, и другія исключенія изъ этого закона, которыя объясняются иначе.

образомъ, мы у Поляковъ находимъ, съ одной стороны, формы *wûz, krag, gâz, biæg*, а, съ другой стороны, — *nos, рѣк, las, wiak*¹⁾. Чехи съ Лужицанами не признають такого ограниченія: чеш. *vitř, větru; můst, mostu; pûst, postu; kûň, koně; hrách, brachu*, — в. луж. *křos, křosa; pot, potu; skot, skota; nos, nosu; nos, nosa; wosqł, wosła; kotqł, kotła*. Также у Сербовъ и у Малороссовъ является выговоръ *бѣк, мѣст, нѣс, плѣт, пѣт, рѣк, скѣк, сѣк, лѣд* (род. *бѣка, мѣста* и т. д.); *нис, пип, гриш, кисть, нич, пич* (род. *нѣсу, попѣ* и т. д.). Кромѣ принципиальнаго отступленія Польскаго языка, мы встрѣчаемъ массу отдѣльныхъ случаевъ разногласія между языками: въ рѣдкомъ только словѣ сжатіе гласнаго проходитъ по всѣмъ языкамъ, или по всѣмъ, за исключеніемъ Польскаго.

Въ виду весьма обыкновеннаго противорѣчія между количествомъ Сѣверозападныхъ и Югозападныхъ славянъ, трудно допустить, чтобы акцентовки ихъ когда-либо могли быть тождественными въ качественномъ отношеніи: развѣ чехъ могъ произносить, подобно сербу, *zûb, mäsö, řeka, súkno, dÛm, žäba, rÛcho, střebro, hröza*, когда ударяемые гласные въ словахъ *zub, maso, řeka, sukno* у него краткіе, въ *dÛm, žäba, rÛcho, střebro, hröza* (ст. чеш. — теперь *hrüza*) — долгіе?

Весьма, однако, возможно, что Чехи, (а также и другіе сѣверозападные Славяне)²⁾, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступили отъ древняго количества: у Чеховъ нельзя не допустить этого въ цѣломъ рядѣ словъ, относительно количества которыхъ Словацкое нарѣчіе расходится съ Чешскимъ языкомъ и сходится съ Сербскимъ. Таковы слова *mäslo, šidlo, jidlo, bläto, jměno, lëto* (lito), *jädro, përo, kräva, skäla, släma, číše, räna, moucha, pära, žila, sila, lpa, smöla, küže, nûše, mäti, kämen, sëmë (simë), břëmë (břimë), tëmë (timë), gämë, vÛmë* (у семи послѣднихъ, впрочемъ, долгота свойственна одному именительному падежу: родительный звучитъ *mäteře, kämene, sëmene, břemene, tëmene, gämene*³⁾, *vÛmene*); таковы же и неокончательныя *piti, byti, žiti, präti, zväti, hnäti, vřiti, mliti, chtiti*: въ Словацкомъ нарѣчій эти слова произносятся *mäslo, šidlo, jëdlo, bläto, mëno, lëto, jädro, përo, kräva, skäla, släma, čäša, räna, mücha, pära, žila, sila, lpa, smöla, köza, nõša, mäti, kämeň, sëmä, brëmä, tëmä, rämä, vÛmä, pít', byt', žät', präť, zvät'*,

¹⁾ См. Бодуэнъ-де-Куртенэ. О древнепольскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ 1870, стр. 73, § 88. Miklosich. Ueber die langen Vocale, S. 42.

²⁾ При скудости слѣдовъ количества въ остальныхъ сѣверозападныхъ языкахъ, намъ приходится по неволѣ брать за представителя ихъ Чешскій языкъ.

³⁾ *Rämë, gamene Rank, Slovník: gämë, ene* у Юнгмана и у Шумавскаго едва ли что иное, какъ недосмотръ.

klát', hnát', vtět', mlět', chcět', у Сербовъ — мѣсло, мѣло, жѣло, блѣто, имѣна мн. ч.¹⁾, лѣто, жѣдро, пѣро, крѣва, скѣла, слѣма, чѣша, рѣна, мѣха, пѣра, жѣла, сѣла, лѣпа, смѣла, кѣжа, нѣша, мѣти, кѣмѣн, сѣме, брѣме, тѣме, рѣме, вѣме, пѣти, бѣти, жѣти, прѣти, звѣти, гнѣти, врѣти, мѣти, хтѣти. Въ перечисленныхъ только что словахъ Сербы и Словаки произносятъ краткіе гласные, вмѣсто чешскихъ долгихъ: по всей вѣроятности, бывасть иногда и наоборотъ, хотя я въ доказательство тому могу сослаться только на глаголъ рѣtati se, произошедшій изъ рутати se, въ коемъ исчезающее теперь у, очевидно, было кратко, между тѣмъ какъ соотвѣтствующій звукъ у Сербовъ и у Словаковъ долгъ: серб. пѣтати, словац. рѣtat' sa²⁾.

Отступленія отъ чешскаго количества встрѣчаются не только въ Словацкомъ нарѣчій, но и въ чешскихъ говорахъ. Извѣстно, что чешскія слова hrábě и hrábě, изъ коихъ первое означаетъ грабли, а второе — графа, Моравянами произносятся какъ разъ наоборотъ: hrábě у нихъ означаетъ графа, а hrábě (= серб. грѣбле) — грабли. Моравяне же, вмѣсто plěsti, lězti, věsti, pěci, těci, произносятъ plěst, věst, lěz, pěst, těst, вмѣсто vřiti, chtiti — vřět, chtět, вмѣсто žába, bláto — žába, bláto³⁾. Въ одномъ моравскомъ разнорѣчій (въ Ганацкомъ) слышится выговоръ sěla, lěpa, přěza, slěva = серб. сѣла, лѣпа, прѣжа, шлѣва, вмѣсто sĭla, lĭpa, pĕza, slĭva. Полагаю, что подобныя отклоненія чешскихъ нарѣчій и говоровъ отъ чешскаго количества въ сторону сербскаго свидѣтельствуютъ о древности сербскаго выговора, т. е., что краткость коренныхъ гласныхъ въ такихъ словахъ, какъ блѣто, лѣпа, дѣти слѣдуетъ признать праславянскою.

Но какія причины могли породить отклоненіе того или другого языка отъ праславянскаго количества?

Самую важную роль должно было играть *приращеніе форм*. Несомнѣнно, кажется, что серб. дѣб, дѣба, поль. dąb, dęba и чеш. dub, dubi предполагаютъ праславянскую форму позднѣйшаго періода дѣбъ, дѣба или дѣбъ, дѣба⁴⁾. Если основная форма была дѣбъ, дѣба, то Сербы сохра-

¹⁾ Ср. выше, гл. VII, стр. 155.

²⁾ Можетъ быть, таковъ и глаголъ psāti = слов. písati, серб. пѣсати; хотя форму psāti удобнѣе выводить изъ основной пасати.

³⁾ Šembera. A. V. Základové dialektologie československé, str. 36.

⁴⁾ Продленіе односложныхъ именительныхъ встрѣчается, въ большинствѣ или меньшемъ развитіи, у всѣхъ Славянъ — кромѣ Великороссовъ, которые, вѣроятно, тоже знали его, но утратили — и потому слѣдуетъ думать, что оно началось еще на общеславянской почвѣ; но, т. к. это явленіе находится въ очевидной связи съ закрытостью слога, то приходится предполагать, что конечный а уже подъ конецъ праславянскаго періода былъ близокъ къ уничтоженію: ослабленіе его, разумеется,

нили старину, Чехи и Поляки сначала, по образцу словъ въ родѣ *lōj*², *lōja* стали говорить *dōjб*³, *dōjба* т. е. *daβ*, *deβu* и *dūb*, *dūbu*, при чемъ Поляки и остались, между тѣмъ какъ Чехи примѣнили впоследствии именительный къ неорганическимъ косвеннымъ падежамъ. Если жъ основной выговоръ былъ разноколичественный, *dōjб*³, *dōjба*, то Поляки сохранили общеславянскую старину, Чехи уподобили именительный косвеннымъ падежамъ, а Сербы — косвенные именительному. Последнее объясненіе проще и потому, кажется, предпочтительно¹). Подобнымъ же приравненіемъ формъ уже выше были объяснены несогласныя со звуковыми законами польскія и малорусскія слова *oīwek*, *голівонька* и т. п.

Весьма вѣроятно, что у Сѣверозападныхъ славянъ долгота иногда есть продуктъ ударенія: въ начальномъ, т. е. въ ударяемомъ слогѣ у Чеховъ довольно часто встрѣчается протяженіе гласныхъ, краткихъ у Сербовъ³), начальному же слогу у Лужичанъ по преимуществу свойственно сжатіе о³).

За вѣрность этой мысли я не особенно стою: какъ уже отмѣчено въ главѣ о Русской акцентовкѣ⁴), правильнаго соответствія сѣверозападной долготы русскому ударенію отнюдь не замѣчается, и есть только отдѣльные случаи, въ коихъ чешская или лужицкая долгота можетъ считаться замѣною исконнаго ударенія. Таковы въ Верхнелужицкомъ слова *vlōto*,

или постепенно, и, по мѣрѣ ослабленія открытаго слога, усиливался закрытый. Въ началѣ праславянскаго періода, безъ сомнѣнія, слово *дубъ* звучало или *dōjб*³, *dōjба* или *dōjб*³, *dōjба*. Ср. у Потебни, Къ исторіи звуковъ Русскаго языка. Филол. Зап. 1876, стр. 51.

¹) Необходимо, кажется, допустить аналогію между проясненіемъ въ среднихъ слогахъ глухихъ и продленіемъ чистыхъ, т. е. принять, что *kōj* (= и. рус. *кинъ*, чеш. *kjň*): *комъ* = *сонъ*: *снъ*. Ср. у Потебни, тамъ же, стр. 49—52. Вместе съ тѣмъ, считаю нужнымъ предположить, что первоначально всѣ односложные именительные представляли долгіе гласные, и что краткость серб. *kōj*, пол. *реж* и т. п., которою затрудняется Потебня (тамъ же, стр. 47), произошла вслѣдствіе примѣненія именительнаго къ остальнымъ падежамъ; такое предположеніе для Польскаго языка сдѣлалъ Бодуэнъ-де-Куртенъ (О древне-польскомъ языкѣ, § 88).

²) Непонятно, почему это бываетъ почти только въ двусложныхъ словахъ. См. Miklosich. Lange Vocale. S. 50. Изъ трехсложныхъ я могу указать весьма немногія: *vlāduka*, *stēnati*, *svītati* (и *svītati*), *ūžitek* польза, выгода, *zādušni* = серб. *владика*, *стѣнати*, *свѣтати*, *ужьтакъ victus*, *зѣдушнѣ*. Все это слова съ вторичною акцентовкою.

³) *Hórnik*, *Michał*. *Hdže mamy «ob» pisac? Časopis Towarštwа Maćicy Serbskeje*. 1855, стр. 74. Ср., впрочемъ, тамъ же, стр. 72. Его же *Wo „o” w delnjoserbsčijnje*. *Čas. Tow. Mać. Serb.* 1862, стр. 112.

⁴) Гл. I, стр. 41.

krwa, wrona, wron (род. wrona), kłoda и bole, представляющія o въ прямомъ слогѣ: въ виду рус. болото, корова, ворона, воронъ, -а, колода, болѣе = серб. блато, крава, врана, вран, -а, клада, бѣле, мы склонны будемъ допустить въ этомъ случаѣ сжатіе (первоначально—продленіе) въ силу ударяемости.

Въ Чешскомъ языкѣ, колебаніе количества, аналогичное русскому колебанію ударенія, можно видѣть въ слѣдующихъ формахъ: koli — kúleš, zovu — zúveš, stoni — stúneš, mohu — múžeš, беру — běreš, plači — pláčeš, стар. chocu — chúceš; соотношеніе этихъ формъ сходно съ соотношеніемъ русскихъ гоню — гонишь, ищю — ищешь, дремлю — дремлешь. Пужно, однако, замѣтить, что только четыре изъ этихъ глаголовъ находятъ дѣйствительное соответствіе въ Русскомъ языкѣ: колю — колешь, стоню — стонешь, могу — можешь, хочю — хочешь; между тѣмъ какъ зову, беру во всѣхъ лицахъ выдерживаютъ насупфиксную акцентовку, плачу — накоренную. Впрочемъ, русскому беру, берешь соответствуетъ выговоръ чешскаго просторѣчія: běru, běreš, вм. běru, běreš¹⁾). Не соответствуютъ русскимъ также формы 3. л. мн. ч. — koli, stoni, mohu: у насъ въ гибкихъ настоящихъ временахъ только 1 л. ед. ч. отклоняется отъ остальныхъ, а 3-ье множественнаго съ ними сходится. Отмѣчу еще, что Словацкое нарѣчье во всѣхъ указанныхъ формахъ выдерживаетъ краткость гласнаго: kolem — koleš, zoviem — zovieš, stoniem — stonieš, plačem — plačeš, berem — bereš (въ одной — краткость или долготу: možem — možeš или možem — možěš).

Подобное же объясненіе, какъ для kúleš, kúle и т. д., рядомъ съ 1-мъ лицомъ koli, годится и для нарѣчія vzhŕgu, при существительномъ hora: hora = рус. гора, серб. гѡра, (vz)hŕgu = рус. гѡру, серб. гѡру²⁾). Существуетъ, однако, и именительный hŕga, рядомъ съ hora, а также kŕsa, gŕsa, smŕla, sŕva, рядомъ съ kosa, goza, smola, zova. Впрочемъ, принявъ во вниманіе рус. и серб. вин. ед. ч. кѡсу, кѡсу, рѡсу, рѡсу и имен. мн. ч. кѡсы, кѡсе, мы склонны будемъ выводить долготу кореннаго слога указанныхъ реченій изъ этихъ падежей и находить въ ней не возраженіе противъ предлагаемаго объясненія, а, напротивъ того, подтвержденіе его. Можетъ быть, обоюдность звука e въ словѣ рѡго, рѡго объясняется подобнымъ же

¹⁾ Въ просторѣчій (— vulgo. Jungmann) господствуетъ также выговоръ pláči вм. pláči, но въ этомъ, быть можетъ, равно какъ и въ imŕzi вм. imŕzi, слѣдуетъ видѣть примѣненіе 1-го лица къ большинству лицъ.

²⁾ Объясненіе это предлагаетъ Г. Фишеръ: Archiv für slavische Philologie, V. III, S. 525.

образомъ: вліяніемъ баритоннаго множественнаго числа; хотя, нужно замѣтить, нѣтъ никакой необходимости предполагать для праславянскаго перѳ множ. число пера. — Въ Польскомъ языкѣ слова *giga* и *riigo* допускають такое же толкованіе, какъ соотвѣтственныя чешскія формы *higa* и *rego*.

Миклошичъ довольно значительное число долготъ (не только у Сѣверо-западныхъ, но и у Югозападныхъ славянъ) выводитъ изъ ударенія¹⁾, но — какъ мы отчасти уже видѣли²⁾ — безъ достаточнаго основанія. Я, по крайней мѣрѣ, никакъ не могу допустить вмѣстѣ съ Миклошичемъ³⁾, что чешское слово *vūbog* долготою своего начальнаго слога обязано ударяемости его: не могу уже потому, что рядомъ съ нимъ стоитъ глаголъ *vubgati*, *vubegu*, съ краткимъ, но также ударяемымъ, и, по свидѣтельству Русскаго языка, искони ударяемымъ я.

Не вижу также возможности, хотя бы только предположительно, выставить законъ, что нѣкоторыя славянскія наставки требовали акцентовація предшествующаго имъ слога, акцентъ котораго впоследствии вызвалъ продленіе. Подтверждаютъ этотъ законъ лишь наставки *ѣка* и *ѣка*⁴⁾: чеш. *děva*, *haluz*, *ruka*, *ramět* — *dívka*, *halouzka*, *roučka*, *ramátka*, поль. *goga*, *woda*, *gęka*, *ramieć* — *nóżka*, *wódka*, *gączka*, *ramiątka*; в. луж. *poħa*, *gola*, *gosa* — *pożka*, *gólka*, *gózka*, и едва-ли въ этихъ случаяхъ долгота вызвана тѣмъ инымъ, какъ положеніемъ. Кроме того, этимъ двумъ наставкамъ съ продолительною силою можно противопоставить наставку сравнительной степени *ји*, *ши*, передъ которою коренные гласные не только не протягиваются, но даже сокращаются, между тѣмъ какъ они, по согласному показанію всѣхъ славянскихъ языковъ, издавна являются носителями ударенія: чеш. *blizkū*, *krátkū*, *ūzkū* — *blížši*, *krátši*, *ūžši*; поль. *gorący*, *mały*, *skąpy*, *wązki* — *gorętszy*, *mędszy*, *skępszy*, *węższy*; серб. *църн*, *драг*, *кратак*, *тежак*, *врѹћ*, *жив* — *църњи*, *дражи*, *краћи*, *тежи*, *врѹћи*, *живљи*; штир. *dräg*, *hüd*, *krätek*, *lèp* — *dräjši*, *hüjši*, *kräjši* (*kräci*), *lèpši*⁵⁾.

¹⁾ Ueber die langen Vocale, S. 42—50.

²⁾ Гл. V, стр. 134, стр. 4 сл.

³⁾ Ueber die langen Vocale, S. 42.

⁴⁾ Для словъ съ наставками *ије*, *ја*, *ѣкъ*, *ькъ*, *нь*, *ат*, *мен*, *тло*, *дло*, приводимы у Миклошича (Ueber die langen Vocale, S. 47—49), мы не имѣемъ никакого основанія предполагать единообразную акцентовку въ Праславянскомъ языкѣ: только *ѣка* и *ѣка*, повидному, обыкновенно шли передъ собою ударяемый слогъ. См. акценточныя таблицы.

⁵⁾ Явленіе это отмѣчено самимъ Миклошичемъ. Ueber die langen Vocale, S. 49.

Не знаю также, имѣемъ ли мы право объяснять долготу дѣйствиель ударенія въ двусложныхъ словахъ Чешскаго языка, въ родѣ *břza, māti, vláha, zála* и неокончательныхъ *bíti, lhāti, býti*¹⁾: положительный фактъ, что гласные *a, m, y* и *č* въ корнѣ двусложныхъ словъ обыкновенно бывають долгими, или, по крайней мѣрѣ, обоюдными; но, если тому причиной удареніе, то спрашивается, почему оно не дѣйствуетъ такъ же въ начальномъ слогѣ трехсложныхъ словъ: почему напр. при именительномъ *māti* стоитъ родительный *māteře*? Нѣкоторыя другія затрудненія, кажется, могутъ быть устранены. Такъ, непродлиняемость звуковъ *o* и *e* — *žena, zeštra, bedro, zelo, voda, oza, dobro* — можно объяснить тѣмъ, что коренные *o* и *e* лишь весьма рѣдко имѣють исконное удареніе²⁾. Краткость двусложныхъ формъ муж. р., какъ *duby, zádu, větru*, можно бы объяснить привычкою противопоставлять ихъ односложному именительному, которому первоначально — по высказанной выше догадкѣ — у всѣхъ почти словъ было свойственно продленіе гласнаго. Стараюсь устранить эти затрудненія, потому что мысль, что искони ударяемые гласные въ Чешскомъ языкѣ продлились — какъ замѣчено уже и раньше — мнѣ кажется весьма правдоподобною. Говорю объ *исконномъ* удареніи: допустивъ продолжительную силу собственно чешскаго ударенія, допускаемую, если я вѣрно его понимаю, Миклошичемъ³⁾, мы положительно должны были бы ожидать, что *осъ* начальныя слоги будутъ долгими.

Итакъ, что можно сказать о качественной сторонѣ акцентовки нѣкогда общей предкамъ Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ? Мы видѣли, что существуетъ значительное разногласіе между количествомъ Югозападныхъ и Сѣверозападныхъ славянъ, которое, если считать его древнимъ, свидѣтельствуесть о неодинаковости ихъ акцентовокъ въ *качественномъ* отношеніи. Есть, однако, нѣкоторые признаки, указывающіе на неисконность сѣверо-

¹⁾ Тамъ же, S. 50.

²⁾ Иногда, правда, встрѣчается продленіе *e* и *o*, но какъ мы видѣли выше, именно въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ они могутъ считаться исконными носителями ударенія. Неокончательныя въ родѣ *něsti, růsti* (рус. несті, серб. нести, рус. рости) можно объяснить аналогіею большинства неокончательныхъ, въ концѣ удареніе издавна падаетъ на коренной слогъ.

³⁾ Что въ неокончательныхъ *bíti, brāti, býti, krýti* и т. д. долгота есть продуктъ ударенія, говоритъ онъ (*Ueber die langen Vocale*, S. 50), явствуесть изъ предложныхъ глаголовъ *zabiti, vybrati, dobyti, přikryti*: видимо, Миклошичъ, считая напр. слогъ *bi* въ *zabiti* неударяемымъ, принимаетъ въ расчетъ только чешскую акцентовку и вовсе не задается вопросомъ, древняя ли она, или нѣтъ.

западнаго количества, и есть, значить, вѣроятіе, что основная акцентовка Сѣверозападныхъ славянъ, унаслѣдованная ими отъ единого Славянскаго народа, совпадала съ *чанавско-хорезмскою*¹⁾.

¹⁾ Кто убѣжденъ, что рѣзкое удареніе есть то же нисходящее, слабое — то же восходящее, только на краткихъ слогахъ (см. гл. II, стр. 45 и 80), тотъ можетъ и вовсе не касаться вопроса о соотношеніи между количествомъ у Юговосточныхъ славянъ и у Сѣверозападныхъ.

ХІІІ.

Литовская акцентовка.

Хотя я пишу сравнительную акцентологию однихъ Славянскихъ языковъ, а не всѣхъ Индоевропейскихъ, мнѣ кажется не лишнимъ коснуться акцентовки наиболѣе близкаго къ Славянскимъ языка Литовскаго.

Литовское удареніе, въ *качественномъ* отношеніи, представляетъ замѣчательное сходство съ сербохорватскимъ: мы встрѣчаемся здѣсь со старыми знакомыми — съ удареніями рѣзкимъ, слабымъ, нисходящимъ и восходящимъ, которыя, если и отличаются, можетъ быть, чѣмъ-нибудь отъ соотвѣтственныхъ сербскихъ удареній, то, во всякомъ случаѣ, весьма близки къ нимъ.

Основатель литовской акцентологіи Фридрихъ Куршатъ различаетъ два рода ударенія, которыя онъ окрестилъ нѣсколько странными именами *толкамаго* и *граненаю* (*gestoszener Ton* und *geschliffener Ton*), соотвѣтствующими Будманіевымъ сильному и слабому (*forte, debole*). Ясное различіе между «толкаемымъ» и «граненымъ» удареніемъ замѣчается только въ *долгихъ* слогахъ, т. е. видную роль играютъ ударенія нисходящее (*langer gestoszener Ton*) и восходящее (*langer geschliffener Ton*), посредствомъ которыхъ иногда различаются подобозвучныя слова, напр.: *plūkūti* колоситься — *plaukti* плыть, *sūdyti* солить — *sūdyti* судить¹⁾. *Краткіе* гласные, по большей части, имѣютъ *рѣзкое* удареніе, какъ то: *būtas* домъ, *žilīs* старикъ, *pėsztī* нести, *būrtas* жребій, *tiltas* мостъ и т. д.²⁾ *Слабое* удареніе — или,

¹⁾ Куршатъ обозначаетъ долготныя ударенія такъ же, какъ Мажураичъ: нисходящее — акутомъ, восходящее — циркумфлексомъ; но я, въ видахъ единообразія, и въ литовскихъ словахъ употребляю эти просодіи въ томъ же значеніи, какъ въ сербскихъ.

²⁾ Куршатъ рѣзкое удареніе отиѣчаетъ простымъ грависомъ, но я, во избѣжаніе недоразумѣній, предпочитаю Вуковскую просодію.

говоря осторожнѣе¹⁾, нѣчто похожее на слабое удареніе — встрѣчается лишь передъ l, g, m и n съ послѣдующимъ согласнымъ: въ такихъ созвучіяхъ «плавные», по словамъ Куршата, могутъ играть роль гласныхъ, такъ, что вмѣстѣ съ предшествующимъ гласнымъ составляютъ *полудиѳтонъ* (Semidiphthong), который произносится съ восходящимъ удареніемъ, при чемъ повышение голоса приходится на l, g, m, n; на письмѣ, Куршаты выражаетъ такой выговоръ циркумфлексомъ надъ согласною буквою, нпр. keřsztas гнѣвъ, kaňkalas бубенчикъ, gruňstas глыба. Полагаю, что въ подобныхъ словахъ гласные произносятся со слабымъ (краткимъ восходящимъ) удареніемъ, а согласные звучатъ сильнѣе и протяжнѣе обыкновеннаго: не даромъ же Куршаты въ этихъ случаяхъ не говоритъ о настоящихъ диѳтонгахъ, а только о «полудиѳтонгахъ». Поэтому, позволю себѣ писать keřsztas, kaňkalas, gruňstas, также valgis (пища); не настаивая, однако, на точности такого обозначенія.

О томъ, на сколько слоговъ удареніе можетъ отстоять отъ конца слова, Куршаты нигдѣ не распространяется; но, судя по составленнымъ имъ акценточнымъ таблицамъ, крайній предѣлъ для ударенія есть *пятый* слогъ: даже для этого слога мнѣ удалось подыскать всего одинъ примѣръ — vūpuszininkas винодѣлъ²⁾. На *четвертый* слогъ удареніе падаетъ чаще, хотя тоже не особенно часто, нпр. lietūvininkas литвинъ³⁾, liudininkas свидѣтель, tārpiinikas посредникъ, linksmintojis утѣшитель, vėjmalūnis вѣтренная мельница, mėnesis luna лунный свѣтъ, kūnigiene пасторша, ragālininke помощница⁴⁾.

Размѣщеніе удареній у Литовцевъ представляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поразительное сходство съ Русскимъ языкомъ, который въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, можетъ считаться довольно вѣрнымъ представителемъ древней общеславянской акцентовки. Если однако ближе присмотрѣться къ дѣлу, то оказывается, что сходство не особенно велико и, въ области имени существительнаго, ограничивается слѣдующими явленіями:

1. Слова м. р. на аз въ имен. и вин. падежахъ ед. ч. никогда не имѣютъ

¹⁾ При полномъ почти незнакомствѣ съ живою рѣчью Литовцевъ, я не могу себѣ позволить рѣшительныхъ сужденій о характерѣ литовскаго акцентоваія.

²⁾ Собственно лучше бы было привести это слово въ какомъ-либо другомъ падежѣ, нпр. въ имен. множ. vūpuszininkai, потому что въ ед. ч. окончаніе аз почти всегда сокращается въ s.

³⁾ Вмѣсто Куршатова e съ точкою, я, для упрощенія печати, пишу s.

⁴⁾ Отсутствіе въ Литовскомъ языкѣ словъ, ударяемыхъ на шестомъ или на седьмомъ слогѣ съ конца, чуть-ли не происходитъ отъ того, что въ немъ вообще нѣтъ шестисложныхъ и семисложныхъ словъ.

насуффиксной акцентовки, чему въ Русскомъ языкѣ, какъ и во всѣхъ Славянскихъ языкахъ, соответствуетъ онѣмѣніе очевидно издавна безударнаго *а*: *lédas*, вин. *léda* — ледъ; *pīrsztas*, *pīrsztā* — перстъ, *botāgas*, *botāgā* (кнутъ) — батогъ; *līnas*, *līnā* (штъ льну) — лень¹⁾.

2. Полное сходство во всѣхъ падежахъ мы замѣчаемъ между нѣкоторыми баритонками женскаго рода: *bōba* — баба, *glīnda* — гнида, *kūgva* — курва, *līpra* — липа, *stēgva* — стѣрва, *szārka* — сорока, *ūdra* — выдра, *vāgva* — ворона²⁾.

3. Многія слова женскаго рода, кончающіяся на ударяемый *а*, сходны съ русскими въ имен. падежѣ ед. ч.: *bedā* — бѣда, *barzdā* — борода, *galvā* — голова, *gasā* — роса, *smalā* — смола, *strīclā* — стрѣла, *strūnā* — струна, *varzā* — оса, *ziemā* — зима, *dūszīā* — душа, *krūpā* — крупа, *plūtā* (кирпичъ) — плита, *rankā* — рука, *triubā* (пастуший рогъ) — труба³⁾.

4. Сходство съ Русскимъ представляетъ обычная въ винительномъ падежѣ замѣна насуффиксной акцентовки накоренною: *barzdā*, *ziemā*, *dūszīā*, *rankā* — *bārzda*, *ziēma*, *dūszīa*, *rānka* (бороду, зиму, душу, руку).

5. Сходна также акцентовка именительныхъ множественнаго, какъ *bārzdos*, *ziēmos*, *dūszios*, *rānkos* — бороды, зимы, души, руки.

Что касается женскихъ именъ на *а*, то этимъ словамъ у Литовцевъ такъ полюбилась наконечная акцентовка, что нѣсколько русскихъ баритонковъ оказывается окситонками: свадьба, сила, верба, бочка, дума, мука, пушка — лит. *svodbā*, *sylā*, *verbā*⁴⁾, *baczkā*, *dūmā*, *Gesinnung*, *mūkā*, *puszkā* ружье⁵⁾. Далѣе, у Литовцевъ всѣ слова на *ā* имѣютъ накоренное удареніе не только

1) Сходство съ Русскимъ языкомъ представляетъ и то явленіе, что слова на *as* во множ. числѣ болѣе склонны къ насуффиксной акцентовкѣ, чѣмъ въ единственности: цѣлый рядъ такихъ словъ по всему единственному числу проводитъ накоренную акцентовку, а во множественномъ, за исключеніемъ винительнаго падежа, замѣняютъ ее насуффиксною, напр. *vēidas* лицо, род. *vēido*, дат. *vēidui*, вин. *vēida*, зв. *vēide*, тв. *vēidu*, мѣстн. *vēide*: множ. — *veidai*, род. *veidū*, дат. *veidāms*, тв. *veidais*, мѣстн. *veidūsē*; только вин. *vēidus*. Тамъ же произносятся *lāngas* окно, *spīrgas* гренокъ, *vērgas* рабъ и др. Нужно однако замѣтить, что только одно изъ этихъ словъ находитъ себѣ параллель въ Русскомъ языкѣ (именно, слово *vēidas*, см. гл. I, стр. 26), и что нельзя быть увѣреннымъ въ праславянскомъ происхожденіи его русскаго выговора.

2) Нѣкоторыя изъ этихъ словъ — *kūgva*, *stēgva* — очевидно заимствованы у Славянъ.

3) Изъ этихъ словъ также нѣкоторыя — *strūnā*, *dūszīā*, *triubā* — несомнѣнно заимствованы изъ Русскаго языка (или изъ Польскаго?).

4) Слово верба по-русски произносится двояко: *вѣрба* и *верба*.

5) Эти слова, безъ сомнѣнія, всѣ заимствованы у Русскихъ.

въ именительномъ множественнаго числа (что почти всегда бываетъ и въ Русскомъ языкѣ), но и въ винительномъ единственнаго, и не только въ винительномъ, но и въ дательномъ, а иногда еще въ родительномъ и въ мѣстномъ, такъ что окончное удареніе является лишь въ именительномъ, звательномъ, творительномъ и въ винительномъ множественнаго числа. Такъ, напримѣръ, слово *kasà* склоняется слѣдующимъ образомъ:

Единственное число.

Им. *kasà*
Род. *kasòs*
Дат. *kásai*
Вин. *kása*
Зват. *kasà*
Твор. *kasà*
Мѣст. *kasojè*.

Множественное число.

Им. *kásos*
Род. *kasú*
Дат. *kasòms*
Вин. *kasàs*
Зват. *kásos*
Твор. *kasomìs*
Мѣст. *kasosè*.

Такъ же склоняется ббольшая часть подобныхъ словъ.

Слова, приведенныя подъ 4-мъ номеромъ, суть представители другого типа, образцомъ котораго можетъ служить *gankà*:

Единственное число.

Им. *gankà*
Род. *gáncos*
Дат. *gáncai*
Вин. *gánka*
Зват. *gankà*
Твор. *gankà*
Мѣст. *gánkoje*.

Множественное число.

Им. *gáncos*
Род. *gáncū*
Дат. *gáncoms*
Вин. *gánkàs*
Зват. *gáncos*
Твор. *gáncomis*
Мѣст. *gáncose*.

Мы только-что видѣли, что всѣ двусложныя слова женскаго рода на *a* въ дательномъ ед. числа полагаютъ удареніе на корень. Законъ этотъ относится не только къ этимъ словамъ, но вообще нѣтъ ни одного существительнаго, которое въ дательномъ падежѣ единственнаго числа имѣло бы окончное удареніе. Такое же отвращеніе къ окончной акцентовкѣ проявляютъ и родительные падежи на *o*. У Славянъ же ни дательные единственнаго числа, ни родительные на *a* нисколько не чуждаются такого выговора:

дворъ, окно — род. двора, окна, дат. двору, окну; жена — дат. женѣ¹⁾. Напротивъ того, тотъ падежъ, который у Славянъ не допускаетъ конечной акцентовки, падежъ *звательный*, весьма расположенъ къ ней у Литовцевъ: būtas домъ, krásztas берегъ, Diévas Богъ, rónas (панъ) баринъ, sūnūs и т. д., звательные — butè, krasztè, Diuvè, ronè, sūpaù и т. д.

Такимъ образомъ, чуть-ли ни каждой чертѣ сходства литовской акцентовки со славянскою можно противопоставить черту различія.

Вообще, литовская акцентовка гораздо *разнообразнѣе*, гораздо прихотливѣе славянской: между тѣмъ какъ у Славянъ слова почти всѣ держатся или акцентованія накореннаго, или насуффикснаго, и настоящихъ *гибкихъ* словъ оказывается немного, они въ Литовскомъ языкѣ положительно преобладаютъ — негибкихъ словъ съ накореннымъ удареніемъ не такъ много, а негибкихъ съ насуффикснымъ совсѣмъ нѣтъ²⁾. Кроме того, подвижное удареніе у Славянъ, (за исключеніемъ нѣкоторыхъ формъ четвертаго и пятаго склоненія, какъ площадь, мѣст. — на площади, время, мн. ч. — времена) колеблется только между двумя смежными слогами, а у Литовцевъ оно нерѣдко перескакиваетъ черезъ цѣлый слогъ. Итакъ, въ Литовскомъ языкѣ 1) гибкихъ словъ больше, чѣмъ въ Славянскомъ, и 2) гибкость ихъ значительнѣе.

Кайсслеръ³⁾, указавши на соотношеніе литовской и русской акцентовки, высказываетъ мнѣніе, что первая положительно исконнѣе. Сравнивая ихъ лишь между собою, естественно было прийти къ такому взгляду; но взгляды этотъ не можетъ считаться правильнымъ, въ чемъ мы убѣдились уже выше⁴⁾, и въ пользу чего я въ этой главѣ⁵⁾ приведу еще одно соображеніе.

Вслѣдствіе чрезвычайной гибкости литовскихъ словъ, ни одно почти не сходно съ соответствующимъ русскимъ во всѣхъ падежахъ: раньше уже мы видѣли, что слова на à, какъ biedà, gankà, въ цѣломъ рядѣ падежей от-

¹⁾ Сербскіе дательные вѣди, гѣри, дѣци, зѣмљи, мѣђи, глѣви, дѣши, рѣци, при именительныхъ вода, гѣра, дѣца, зѣмља, мѣђа, глѣва, дѣша, рѣка (см. у Даничича — Slav. bibl. I, з. 100 и 102) слѣдуетъ считать позднимъ продуктомъ аналогіи: столь обычное въ 1-мъ и въ 4-мъ склоненіи различеніе дат. и мѣст. падежа по акцентовкѣ (дат. бѣку, сѣду, нѣши, рѣчи, мѣсти. — бѣку, сѣду, нѣши, рѣчи) легко могло породить выговоръ вѣди, глѣви и т. д., въ отличіе отъ мѣстныхъ вода, глѣви и т. д.

²⁾ Между тѣмъ мы, въ соответствіе словамъ наклонной акцентовки, ожидали бы встрѣтить въ немъ слова съ насуффикснымъ удареніемъ во всѣхъ падежахъ.

³⁾ L. Kayssler. Die Lehre vom russischen Accent, S. 18—21.

⁴⁾ Гл. I, стр. 34—35.

⁵⁾ Стр. 219.

ступаютъ отъ русской акцентовки. То-же самое надо сказать и о словахъ мужескаго рода. Просклоняемъ для сравненія *zárnas*, *dváras*, *zoráras* и *ávinas*, параллельно съ соответствующими славянскими словами:

Единственное число.

Им. *zárnas* — сънъ
Род. *zárno* — съна
Дат. *zárnu* — съну
Вин. *zárna* — съна
Зват. *zárne* — сьне (?)
Твор. *zárnu* — съномъ
Мѣст. *zárne* — съна.

Единственное число.

Им. *dváras* — дворъ
Род. *dváro* — двора
Дат. *dváru* — двору
Вин. *dvára* — дворъ
Зват. *dvare* — дворе
Твор. *dváru* — дворомъ
Мѣст. *dvare* — дворѣ.

Единственное число.

Им. *zoráras* — сапогъ
Род. *zoráro* — сапога
Дат. *zoráru* — сапогу
Вин. *zorára* — сапогъ
Зват. *zorare* — сапоже (?)
Твор. *zoráru* — сапогомъ
Мѣст. *zorare* — сапожѣ.

Единственное число.

Им. *ávinas* — овънъ
Род. *ávino* — овъна
Дат. *ávnu* — овъну
Вин. *ávna* — овънъ
Зват. *ávne* — овъне
Твор. *ávnu* — овъномъ
Мѣст. *ávne* — овъна.

Множественное число.

Им. *zarnai* — съни
Род. *zarnú* — сънь
Дат. *zarnams* — съномъ
Вин. *zarnus* — съны
Зват. — —
Твор. *zarnais* — съны
Мѣст. *zarnuse* — сънахъ.

Множественное число.

Им. *dvárai* — дворѣ
Род. *dváru* — дворѣ
Дат. *dvárams* — дворомъ
Вин. *dvarus* — дворы
Зват. — —
Твор. *dvárais* — дворы
Мѣст. *dváruše* — дворѣхъ.

Множественное число.

Им. *zorárai* — сапожѣ
Род. *zoráru* — сапогъ
Дат. *zorárams* — сапогомъ
Вин. *zorarus* — сапогы
Зват. — —
Твор. *zorárais* — сапогы
Мѣст. *zoráruše* — сапожѣхъ.

Множественное число.

Им. *avinaí* — овъни
Род. *avinu* — овънь
Дат. *avinams* — овъномъ
Вин. *avinus* — овъны
Зват. — —
Твор. *avinaís* — овъны
Мѣст. *avinduse* — овънахъ.

Подобнымъ же образомъ, какъ *zorągas* и *ąvinas*, переставляютъ удареніе и нѣкоторыя трехсложныя женскаго рода, напр. *suvejā* швея, *Lištuvā* Литва¹⁾.

Единственное число.

Им. *suvejā* — швея (рус.)
Род. *suvejōs* — швей
Дат. *suvejai* — швей
Вин. *suvejā* — швею
Зват. *suvejā* — —
Твор. *suvejā* — швеєю
Мѣст. *suvejōje* — швей.

Единственное число.

Им. *Lištuvā* — Литва (рус.)
Род. *Lištuvōs* — Литвы
Дат. *Lištuvai* — Литвѣ
Вин. *Lištuvā* — Литву
Зват. *Lištuvā* — —
Твор. *Lištuva* — Литвою
Мѣст. *Lištuvōje* — Литвѣ.

Множественное число.

Им. *suvejōs* — швей
Род. *suvejū* — швей
Дат. *suvejoms* — швеймъ
Вин. *suvejās* — (швей)
Зват. — —
Твор. *suvejomis* — швейми
Мѣст. *suvejose* — швейхъ.

Множественное число.

Им. *sūbatos* — суботы
Род. *subatū* — суботъ
Дат. *subatōms* — суботамъ
Вин. *sūbatas* — суботы
Зват. — —
Твор. *subatomis* — суботами
Мѣст. *subatosē* — суботахъ.

Таково соотношеніе между акцентовкою литовскихъ и славянскихъ словъ, соотношеніе далеко не простое и, очевидно, затемненное второстепенными звуковыми перемѣнами. Весьма возможно, что во многихъ случаяхъ Славяне отступили отъ общей литвославянской старины, но я не думаю, чтобы Литовцы никогда ей не измѣняли. Особенно я не довѣряю *восходящимъ* удареніямъ и, по аналогіи Сербскаго языка, склоненъ предположить, что значительная часть ихъ есть продуктъ *оттяжки*²⁾. И, въ самомъ дѣлѣ, не безъ причины же слова нисходящаго ударенія (въ чемъ всякій легко можетъ убѣдиться изъ правилъ и изъ акцентовочныхъ таблицъ Куршата) почти никогда не бываютъ гибкими, между тѣмъ какъ слова, имѣющія въ нѣкоторыхъ падежахъ восходящее удареніе на коренномъ слогѣ, всегда

¹⁾ Такъ какъ слово Литва, въ качествѣ собственнаго имени, не имѣетъ множественнаго числа, въ этомъ числѣ поставлю на его мѣсто слово *subatā* (очевидно, заимствованное изъ Русскаго), которое имѣетъ ту особенность, что коренной гласный въ немъ кратокъ и потому получаетъ не восходящее удареніе, а рѣзкое.

²⁾ Схожусь въ этомъ отношеніи съ Ф. Фортунатовымъ. Критическое обозрѣніе 15 Марта 1879 (№ 6), стр. 36.

представляютъ въ остальныхъ падежахъ акцентовку насущно-фикснѣю. Въ виду этого, и въ виду полнаго параллелизма, господствующаго въ акцентовкѣ санскритскихъ именъ съ основою на а и ā¹⁾, и, насколько тому не мѣшаетъ количество послѣдняго слога, и въ соответствующихъ греческихъ, я предполагаю, что слова типовъ *dvāgas*, *sāpnas*, *sorāgas*, *gankā*, *suvejā* первоначально совсѣмъ не были гибкими, а сохраняли наконецное удареніе по всѣмъ падежамъ, т. е., что первоначальный литославянскій выговоръ ихъ былъ *dvāgās*, *sāpnās*, *sāragās*, *gankā*, *suvejā*, род. *dvāgā*, *sāpnā*, *sāragā*, *gankās*, *suvejās* и т. д. — Въ именительномъ и въ винительномъ падежахъ мужескаго рода единственнаго числа, а у словъ женскаго рода въ винительномъ единственнаго и въ именительномъ множественнаго, оттяжка, очевидно, произошла еще на литославянской почвѣ, но въ другихъ падежахъ трудно рѣшить, слѣдуетъ ли ихъ считать болѣе новымъ, исключительно литовскимъ искаженіемъ, или допустить, что Славяне вмѣстѣ съ Литовцами произвели оттяжку и въ этихъ формахъ, но впоследствии подвели ихъ опять подъ аналогію падежей исконной акцентовки.

Предположеніе, что восходящее удареніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдуетъ считать неисконнымъ, значительно сближаетъ литовскую акцентовку со славянской, но оно вовсе не устанавливаетъ полнаго соответствія между ними: если слова въ родѣ *grītkas*, *sāpnas*, *dvāgas*, *vūnas*, *grūbas*, *prūdas*, *stālas*, *ūmas*, *sorāgas*, *tabākas*, *žuvātas*²⁾, благодаря ему, оказываются первоначально сходными со славянскими словами, зато цѣлая масса словъ (*draūgas* товарищъ, *rāgas* рогъ, *sniēgas*, *dūvas*, *sōdas* садъ, *vāszkas* воскъ, *balvōnas* идолъ, *raklānas* поклонъ и др.), казавшіяся почти вполне сходными съ русскими, идутъ теперь съ ними въ разрѣзъ. Ничто, впрочемъ, не мѣшаетъ допустить, что восходящее удареніе въ нѣкоторыхъ словахъ вовсе не оттянуто, а стоитъ искони на тѣмъ-же слогахъ, и что падежи съ наконецнымъ удареніемъ, какъ *draugē*, *draugū*, *draugūs*, суть продукты ложной аналогіи, явившейся вслѣдствіе того, что языкъ не различалъ первичнаго восходящаго ударенія отъ вторичнаго. Возможно также, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ акцентовка неисконна въ *качественномъ* отношеніи, т. е. что восходящее удареніе иногда представляетъ искаженіе рѣзкаго, подобно тому, какъ это, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, бываетъ въ Словенскомъ языкѣ. Несомнѣнно такой процессъ совершился, напримѣръ, въ

¹⁾ За исключеніемъ зват. падежа, который у всѣхъ санскритскихъ словъ акцентуется начальный слогъ.

²⁾ Многія изъ этихъ словъ (напримѣръ *žuvātas*) очевидно заимствованы Литовцами у Славянъ.

словахъ *gágas* и *vászkas*, въ коихъ *a* первоначально было краткое и до сихъ поръ, перешедши въ *o*, сохраняютъ свою краткость у Славянъ (чеш. *goň*, *goňu*; у Сербовъ, правда, въ именительномъ рѣг, но во всѣхъ остальныхъ падежахъ ѓ — рѣга, рѣгу и т. д.). Если мои соображенія о восходящемъ удареніи справедливы, то большая часть гибкихъ словъ окажется первоначально негибкими, и искони гибкими могутъ считаться лишь тѣ, въ коихъ удареніе перескакиваетъ черезъ одинъ слогъ; т. е. слова, какъ *ávinas* и *Lietuvà*, представлявшія до оттяжки слѣдующій выговоръ: **ávinas* (слав. овьнъ), **avino* и т. д.; *avinai*, *avinú* и т. д.¹⁾, *Lietuvà*, *Lietuvós*, **Lietúvai*, **Lietúva*, *Lietuvà*, *Lietúva*, *Lietuvojė*. Что касается славянскихъ формъ овьнà, овьнù, овьнòмь, овьнъ, то я полагаю, что ихъ приравняли ко множественному числу, подведши этотъ типъ словъ подъ аналогію типовъ сапòгъ, двòръ и сьнъ. — Весьма вѣроятно, что и рѣзкое удареніе не всегда стоитъ на старомъ мѣстѣ, а замѣнило во многихъ случаяхъ оттянутое слабое удареніе. Въ пользу этого говоритъ гибкость цѣлаго ряда словъ съ рѣзкимъ удареніемъ: *línas* (лѣнъ, лѣнà), *lízdas* (гнѣздò), *dūgnas* (дѣнò), *kriksztas* (крѣстъ, крѣстà) крещеніе, *stiklas* (стѣклò); при чемъ въ такихъ словахъ, гдѣ это возможно, по вышеуказанному закону, дѣйствительно является слабое удареніе: *pàrgas* ярость, *vìrgas* пруть, *pilvas* брюхо, *pùlkas* толпа, *kàmpas* уголь, *lànkas* обручъ.

Число гибкихъ именъ мужескаго рода могло увеличиться также благодаря смѣшенію темъ на *a* съ темами на *u*; темы эти у Литовцевъ, правда, не слились окончательно, какъ у Славянъ, но несомнѣнно позаимствовались другъ у друга нѣкоторыми формами²⁾. Такое предположеніе мнѣ кажется чуть-ли ни единственно возможнымъ объясненіемъ для окситонности множественнаго числа баритонковъ съ нисходящимъ и съ рѣзкимъ (и притомъ, очевидно, искони рѣзкимъ) удареніемъ, какъ *lāngas* окно, *siētas* рѣшето, *žiēdas* кольцо, цвѣтъ, *spìrgas* гренокъ, *stūndas* часъ, *žìrgas* конь. Пожалуй, есть еще другая возможность: слова эти могли быть первоначально средняго рода и могли переставлять ударенія такъ же, какъ баритонки сред. рода у Русскихъ и Болгарь (за исключеніемъ, конечно, *bēgnas* батракъ, *lāidas* поручитель, *zārgas* сторожъ, *tēvas* отецъ, *vēlnias* чортъ и *vērgas* рабъ, выговоръ которыхъ придется объяснять ложною аналогією).

¹⁾ Образцу *ávinas* слѣдуетъ также *sákalas*, о которомъ была рѣчь въ главѣ о Русской акцентовкѣ, стр. 15.

²⁾ См. Joh. Schmidt. Ueber das litauische nominalsuffix u. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. B. IV, S. 257 — 270. A. Leskien. Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen, S. 57. A. Schleicher. Litauische grammatik, S. 182 & 190.

Вотъ все, что мнѣ казалось необходимымъ сказать о литовской акцентовкѣ: пускаться въ болѣе подробное сравненіе ея съ русскою я не намѣренъ, потому что такое сравненіе не входитъ собственно въ планъ настоящаго сочиненія, а между тѣмъ на него потребовалось бы много и времени и мѣста; мнѣ же лишь нужно было оправдать внесеніе въ мои акцентовочныя таблицы нѣкоторыхъ литовскихъ словъ, повидному не вполне, или вовсе не сходныхъ со славянскими, каковы *sidábras* серебрó, ударяемое сходно съ *zorágas*, *stiklas* стьклó (по образцу *sárpas*, только что коренной гласный кратокъ), *žemė* землія и т. д., въ конхъ я вижу искаженіе первоначальнаго **sidabrās*, **stiklās* (**sigabrām*, **stiklām*), **žemiā* и т. д.; съ другой стороны, нуждалось въ оправданіи невнесеніе въ таблицы такихъ словъ, какъ *draugas*, *rágas*, *sniégas*¹⁾.

¹⁾ Прибавлю еще одно замѣчаніе, которое заимствую изъ статьи Ф. Fortunatova, вышедшей уже послѣ написанія этой главы. Fortunatovъ подмѣтилъ правильное соотношеніе между акцентовкой русскихъ *полногласныхъ* и соответственныхъ литовскихъ формъ. Соотношеніе это таково, что 1) русскому оло (= серб. *lā*, чеш. *lā*) соответствуетъ литовское *al* съ *восходящимъ* удареніемъ (что довольно странно): вóронь — *várpas* (обозначаю удареніе по своему сербскому способу, а не такъ, какъ у Fortunatova), бóроду — *bárzda*, гóлосъ — *gárgas*, гóродъ — *gárdas*, кóлоколъ — *kápkalas* [вм. *kálkalas* (?)], пóрость — *pársztas*, половóй [вм. *пóловый* (?)], серб. *пlāv*, чеш. *plavú* — *párvas*, полóнь [вм. *пóлнь* (?)], серб. *плiјен* (плiен), чеш. *plen* — *pélnas* зароботокъ, поросiя [вм. *пóрося* (? вѣдъ и по-болг. *прасе*, по-слов. *preze!*), серб. *прáсе* [род. *прáсета!*], чеш. *prase* — лит. *párszas* [*párszas*, въ дѣйствительности, равняется русскому *пóрось!*]. 2) Русскому оло (= серб. *lā*, чеш. *lā*) соответствуетъ *al* (*el*) съ *нисходящимъ* удареніемъ: болóто — *báltas* бiльнi, берéза — *bérgzas* (не *bérgza!*), долóнь — *délna* (не *délnis!*), колóть — *kálti*, корóва — *kárgve* (не *kárgva!*), молóть — *málti*, мерéжа — *márszka* (*sic!*), сорóка = *szárka*, верéть — *vérti*. Правда, что я многіе изъ Fortunatovскихъ примѣровъ, какъ болѣе-менѣе сомнительные, отмѣтилъ вопросительными и восклицательными знаками. — Другое наблюденіе Fortunatova касается количества плавно-глухихъ сочетаній у Сербовъ и у Чеховъ и соответственныхъ созвучій у Литовцевъ: 1) Сербскому *ū*, чеш. *l*, *lu* соответствуютъ литов. *il*, *él*: серб. *vūk*, чеш. *vlk* — лит. *vilkas*, сер. *жyт* (род. *жyта*), чеш. *žlutý* — лит. *géltas*. 2) Серб. *ū* = *za* соответствуетъ лит. *il*: пyн — *pílнас*, вyна — *vílна*. Подобное-же соответствіе славянскихъ формъ, какъ въ Литовскомъ языкѣ, Fortunatovъ указываетъ и въ Латвийскомъ. Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. Archiv für slavische Philologie. B. IV, S. 578, 584.

XIV.

Заключеніе.

Повторю вкратцѣ главные выводы изъ настоящаго изслѣдованія, причемъ сдѣлаю къ нимъ нѣкоторыя дополненія.

Разборъ славянскихъ акцентовокъ насъ привелъ къ убѣжденію, что русское размѣщеніе удареній, вообще говоря, совпадаетъ съ праславянскимъ¹⁾.

¹⁾ Вмѣстѣ съ другими особенностями русскаго акцентованія, я возвожу ко временамъ славянскаго единства и *прислоненіе*. Прислоненіе слѣдуетъ считать явленіемъ праславянскимъ уже потому, что оно, въ большинствѣ или меньшинствѣ развитій, встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ. За древность же прислоненія именно въ томъ объектѣ, какой оно имѣетъ въ Русскомъ языкѣ — т. е. какъ исключительное достояніе гибкихъ словъ, въ тѣхъ формахъ, которымъ свойственно нанащальное удареніе — говоритъ слѣдующее соображеніе: прислоненіе легко объясняется, если допустить, что оно возникло еще въ то время, когда теперешніе предлоги сохраняли характеръ нарѣчій и имѣли самостоятельное удареніе; когда это удареніе приходилось рядомъ съ нанащальнымъ удареніемъ имени, то естественнымъ образомъ одно изъ нихъ терялось, и, вмѣсто выговора на роцкоцъ, на липоцъ, являлся выговоръ, на роцкоцъ, на липоцъ, или — на роцкоцъ, на липоцъ. (Первоначально-двусложные предлоги, вѣроятно, только впоследствии подошли подъ аналогію односложныхъ). Что изъ приведенныхъ нарѣчеобразныхъ выраженій съ напредложнымъ удареніемъ уцѣлѣло лишь первое, а второе утрачено, вполне понятно, когда въ гибкомъ словѣ роцка и ему подобныхъ безъ того привыкли къ постоянной имѣти акцентовки, между тѣмъ какъ удареніе слова липа привыкли считать неподвижнымъ. Возможно, неслучайно, предположеніе, что прислоночныя выраженія въ родѣ на липоцъ господствовали въ Общеславянскомъ языкѣ, и что они были устранены уже во времена Югославянскаго славянства: такое предположеніе увеличило бы въ Славянскомъ праязыкѣ число случаевъ значащальной акцентовки и облегчило бы нѣсколько объясненіе образования чешско-лужицкой акцентовки, но зато оно затруднило бы объясненіе польской. — Желательно было бы имѣть по возможности полное сопоставленіе прислоночныхъ выраженій Русскаго и Сербскаго языка: рядомъ съ такими случаями, какъ чаша, по свѣту, изъ града, за руку, на ногу = рус. по свѣту, изъа города, за руку, на ногу и т. д., конечно, найдется немало случаевъ несоответствія.

Въ I-ой главѣ¹⁾ мы видѣли, что нѣкоторые ученые рѣшительно отвергали древность русской акцентовки, но видѣли также, что взглядъ ихъ не представляетъ собственно научнаго вывода: онъ, въ сущности, если не ошибаюсь, основанъ лишь на предвзятомъ мнѣнii, будто столь обычное въ Русскомъ языкѣ акцентованiе наставокъ не можетъ быть древнею чертою. вмѣстѣ съ тѣмъ эти ученые, повидимому, были склонны считать исконною, общеславянскою акцентовкою стройную, одномѣстную систему Чеховъ и Лужичанъ²⁾, которую, однако, — если поближе всмотрѣться въ дѣло — нельзя не признать позднѣйшею³⁾.

Разсудивъ сначала, что объявлять русскую акцентовку, безъ дальнихъ справокъ, искаженною, новѣйшею, не слѣдуетъ, и что она легко можетъ быть весьма древнею, мы затѣмъ убѣдились, что во всѣхъ славянскихъ языкахъ встрѣчаются нѣкоторые слѣды сходнаго съ русскимъ акцентованiя; у Южныхъ же славянъ мы нашли: гдѣ — поразительное сходство съ русскою акцентовкою, гдѣ — правильное, стройное соотвѣтствiе ей, причемъ вѣскiя доказательства говорили въ пользу большей древности русскаго выговора⁴⁾.

Впрочемъ, въ новѣйшее время перестали относиться чисто отрицательно къ русской акцентовкѣ: древность русскаго (или, что то-же самое, чакавскаго) размѣщенiя ударенiй признается теперь не однимъ изслѣдователемъ. А. А. Потебня⁵⁾ высказалъ мнѣнiе, что русско-чакавская акцентовка нѣкогда была общимъ достоянiемъ всѣхъ *Юго-восточныхъ славянъ*; дальше идутъ Шкрабець, Бодуэнъ-де-Куртена, Ягичъ, Лескинъ, Ф. Фортунатовъ и Г. Фишеръ⁶⁾, которые, какъ и авторъ настоящаго изслѣдованiя, считаютъ ее *праславянскою*.

¹⁾ Стр. 38—41.

²⁾ Это мнѣнiе, если не ошибаюсь, прямо было высказано Добровскимъ, но не могу указать, гдѣ.

³⁾ См. введениe, стр. 9.

⁴⁾ Позволю себѣ въ этомъ мѣстѣ остановиться еще на одномъ явленiи, ясно свидѣтельствующемъ о вторичности штокавско-сербскаго акцентованiя, явленiи, которое отмѣчено уже выше (гл. II, стр. 56—58), но не было достаточно освѣщено: разумно переходъ ударенiя на *союзы* — въ такихъ выраженiяхъ, какъ *ни ја, ни ти, или Бѣг, или вѣг* — и на *числительныя*, когда на нихъ *не особенно напиралось*: впр. *два брата, десѣтъ кѣлѣ*. Такой выговоръ, бессмысленный съ логической точки зрѣнiя, только и становится понятнымъ, если считать его вторичнымъ и видѣть въ немъ настоящую оттяжку, т. е. чисто механическое искаженiе основнаго *ни ја, ни ти, или Бѣг, или вѣг, два брата, десѣтъ кѣлѣ*.

⁵⁾ А. А. Потебня. О полногласiи (Два изслѣдованiя), стр. 44.

⁶⁾ P. Škrabec. O glasu in naglasi. — И. Бодуэнъ-де-Куртена. Бохинско-посав-

Но, можетъ быть, русско-чакавскую акцентовку нельзя вывести изъ основной арийской акцентовки, и потому слѣдуетъ отвергнуть ея древность? О праязычномъ удареніи мы знаемъ очень мало¹⁾, но то, что мы знаемъ, или съ нѣкоторою вѣроятностью предполагаемъ, вовсе не говоритъ противъ русской акцентовки, а говоритъ въ ея пользу.

Если позволить себѣ пуститься въ теоретическія соображенія о первоначальной акцентовкѣ, то едва-ли можно найти болѣе правдоподобную теорію, чѣмъ теорія *последняго опредѣляющаго* Бенлёва и Вейля. Да, *первообразныя* слова, по всей вѣроятности, полагали удареніе на послѣднее опредѣляющее; но дѣло въ томъ, что, смотря по обстоятельствамъ, не только корень могъ казаться опредѣляемымъ, а наставка опредѣляющимъ, но и наоборотъ, такъ что подобный законъ долженъ былъ одинаково благоприятствовать какъ насуффиксной, такъ и накоренной акцентовкѣ и, въ сущности, равносилеи отсутствію всякаго закона. Слова *производныя* и *составныя*, повидному, должны были имѣть выборъ между проведеніемъ того-же принципа послѣдняго опредѣляющаго, слѣдствіемъ котораго являлось акцентованіе суффикса или префикса (какъ въ русскихъ словахъ *говор-ить*, *за-говоръ* отъ *говоръ*) и сохраненіемъ акцентовки первообразнаго (какъ *заговорить*, *дѣлать* отъ *говорить*, *дѣло*). Такимъ образомъ, мы уже на основаніи общихъ соображеній будемъ склонны приписать Арийскому языку *оомно-разномѣстную* акцентовку.

Конечно, теоретическія построенія большой цѣны не имѣютъ: дѣйствительно важны для насъ факты, хотя бы и скудные. Но, какъ указано уже во Введеніи, акцентовка древнѣйшихъ языковъ, Санскритскаго и Греческаго, а также и Литовскаго, свидѣтельствуетъ о вольно-разномѣстномъ характерѣ праязычнаго акцентованія. Такой характеръ дѣйствительно и при-

скій говоръ (Отчеты), стр. 53 и 77. — V. Jagić. Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. Archiv für slavische Philologie. B. I, S. 104. — A. Leskien. Miklosich. Fr. Die Wurzeln von der Form altslovenisch trêt und trat. Archiv für slavische Philologie. B. III, S. 704. — Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. Arch. f. slav. Philol., B. IV. — G. Fischer. Zur Frage über den ursprünglichen Accent im Böhmischem. Arch. f. slav. Philol., B. III, S. 525.

¹⁾ Если я во Введеніи высказалъ мысль, что пока еще рано говорить о праязычномъ удареніи, то это нѣсколько преувеличено; но несомнѣнно справедливо, что возстановленіе праязычной акцентовки словъ дѣло весьма трудное, требующее величайшей осторожности и осмотрительности, а въ нѣкихъ случаяхъ (должно быть, въ большинствѣ случаевъ!) и просто невозможное.

писываютъ ему новѣйшіе языковѣды — Бругманъ, Остгофъ, Вернеръ, Иоганъ Шмидтъ¹⁾, — которые разсуждаютъ о праязычномъ удареніи на основаніи языковъ Санскритскаго и Греческаго, отчасти также на основаніи готскаго смѣнногласія (Ablaut) и другихъ звуковыхъ явленій²⁾.

Несомнѣнно, впрочемъ, что славянская акцентологія, основанная на показаніяхъ живыхъ, современныхъ намъ языковъ, стоитъ на болѣе твердомъ основаніи, чѣмъ арійская, матеріалъ для которой доставляетъ довольно скудное, и не всегда конечно вѣрное, литературное преданіе, и что первая скорѣе можетъ служить подспорьемъ для второй, чѣмъ наоборотъ. Въ настоящее время я могу, на основаніи Славянскихъ языковъ, подтвердить одно изъ положеній арійскихъ акцентологовъ — положеніе о давнишней *баритонности звательнаго падежа*: въ виду начальной акцентовки звательныхъ въ Санскритскомъ языкѣ, а также и нѣкоторыхъ отдѣльных формъ въ Греческомъ (ἀδελφε, Πόσειδον, σῶτηρ, πάτερ, при именительныхъ ἀδελφός, Ποσειδών, σωτήρ, πατήρ), въ коихъ нельзя не видѣть остатковъ старины, Бругманъ³⁾ признаетъ такую акцентовку праязычною чертою. И вотъ, мы видѣли, что и у Славянъ звательный падежъ почти вовсе не допускаетъ окситоновки, а у Сербовъ акцентуется начальный слогъ⁴⁾. (Всегда,

¹⁾ K. Brugman. Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache. G. Curtius und K. Brugman. Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik. B. IX, S. 287 ff. — H. Osthoff. Zur Frage der indogermanischen n-declination. Paul & Braune's Beiträge. B. III, S. 1—89. [Главные выводы этой статьи изложены Бругманомъ въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. B. XXIV, S. 1 (Zur Geschichte der nominalsuffixe -as-, -jas- und -vas-.)]. — K. Verner. Eine ausnahme der ersten lautverschiebung. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. B. XXIII, S. 130. — Johannes Schmidt. Zwei a-laute und die palatalen in der indogermanischen Grundsprache. Zeitschrift. B. XXV.

²⁾ Выводы названныхъ ученыхъ иногда подлежатъ нѣкоторому сомнѣнію: я, напримеръ, не вполне доверяю имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, наперекоръ и греческой, и санскритской акцентовкѣ, основываясь единственно на ослабленіи какого-нибудь слога, объявляютъ его первоначально безударнымъ (Brugman. Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache. Curtius und Brugman. Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik. B. IX, S. 326, Anm. 43). Развѣ ударяемый гласный не можетъ ослабѣть и исказиться? вспомнимъ ст. церк. тѣпѣтѣ, таманѣ, болг. прѣт = прѣтѣ, зѣб = зѣзѣ!

³⁾ K. Brugman. Zur Geschichte der stammabstufenden Declinationen. Curtius & Brugman. Studien. B. IX, S. 370.

⁴⁾ См. гл. I, стр. 25 и 30, гл. III, стр. 98, гл. IV, стр. 119 и примѣч. къ таблицамъ I Б и III Б.

или почти всегда?). Ударяемость въ нѣкоторыхъ случаяхъ *личныхъ наста-
вокъ* уже раньше ¹⁾ была отмѣчена какъ черта сходства акцентовокъ Славянъ
и Древнихъ индусовъ, которая, по всей вѣроятности, восходитъ къ сѣдой
древности; къ сказанному можно еще прибавить указаніе на подобную же,
правда рѣдкую, акцентовку у Грековъ и ясный слѣдъ ея въ Готскомъ
языкѣ (въ видѣ смѣнногласія ²⁾).

О *новославянскихъ акцентовкахъ* мы составили себѣ такое понятіе, что
онѣ, по большей части, развились изъ общеславянской путемъ болѣе или
менѣе послѣдовательно проведенной *оттяжки*, къ коей вполнѣдствіи иногда
присоединялось подравнивающее дѣйствіе *аналогии*, которое нѣкоторыя
баритонныя, но все еще разномѣстныя акцентовки обратило въ одномѣст-
ныя. Т. к. мы видѣли оттяжку и въ Литовскомъ языкѣ, то можемъ предпо-
ложить, что начатки ея (нпр. въ им. пад. ед. ч. основъ муж. р. на ѣ: *zár-
pas* — *сѣнь*, *šoragas* — *сапогъ*) восходятъ ко временамъ литвославянскаго
единства, и что, между тѣмъ какъ въ западныхъ говорахъ Литовцевъ и у
нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ развитіе ея остановилось, она у другихъ
росла и распространялась ³⁾.

Странно, что рядомъ съ оттяжкой находимъ у Славянъ [у Словенцевъ,
Полабцевъ и у Болгаръ (?)] также противоположное ей явленіе — *сдвигу*.
Само собою разумѣется, что два противоположныя стремленія не могутъ
одновременно господствовать въ языкѣ, и слѣдуетъ, кажется, думать — мы
видѣли нѣкоторое доказательство тому въ Полабскомъ языкѣ, — что вы-
движка есть явленіе позднѣйшее, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно при-
писать самостоятельное возникновеніе въ отдѣльныхъ языкахъ.

Относительно *качества* праславянскаго ударенія, мы, какъ по нѣкото-
рымъ фактическимъ даннымъ, такъ и по аналогіи древнѣйшихъ извѣстныхъ
намъ языковъ — Санскритскаго, Греческаго, Латинскаго, а также и Ли-
товскаго, — склонны будемъ предположить, что акцентовка Праславянъ,
подобно сербской, была *музыкальная*, и даже болѣе музыкальная, тѣмъ
сербская, т. е. не полухроматическая [существенно-эспираторная], а *чисто-
хроматическая*, и что дальнѣйшее развитіе ея въ новославянскихъ языкахъ

¹⁾ Гл. III, стр. 92, прим. 2.

²⁾ K. Brugman. Nasalis sonans. Curtius' Studien. B. IX, S. 291 Anm. 5, 294
u. 315. — K. Verner. Eine ausnahme der ersten lautverschiebung. Zeitschrift.
B. XXIII, 112.

³⁾ Восточныя говоры Литовцевъ (на Руси) довольно рѣшительно баритонни-
чаютъ.

состояло въ постепенномъ ослабѣваніи музыкальности, которое въ большей части изъ нихъ дошло до совершеннаго уничтоженія¹⁾.

¹⁾ Это тотъ же ходъ развитія, который Бендѣвъ приписываетъ арійской акцентовкѣ вообще. Греческая нпр. акцентовка (передаю мысль Бендѣва своими словами) изъ хроматической сдѣлалась сначала существенно-хроматической, потомъ—существенно-эксипраторной, наконецъ — чисто-эксипраторной. Съ этой точки зрѣнія объясняется допущенное мною, по недосмотру, противорѣчіе, что я во Введеніи греческую акцентовку, вслѣдъ за Вернеромъ, называю хроматическою, а во II-ой главѣ (стр. 47), вѣдѣтъ съ Ягичемъ, приравниваю ее къ сербской, существенно-эксипраторной: въ древнѣйшій періодъ Греческаго языка преобладающимъ элементомъ въ удареніи было повышение голоса, во времена же грамматиковъ оно имѣло уже второстепенное значеніе.

АКЦЕНТОВОЧНЫЯ ТАБЛИЦЫ.

Прилагаемая къ моему труду акцентовочныя таблицы распадаются на 2 части: первая обнимает слова *первообразныя*, вторая — *производныя*. Но, т. к. разграничить эти двѣ группы словъ не всегда удобно, то легко могло случиться, что какое-нибудь производное попало въ число первообразныхъ; нѣкоторыя же реченія, которыя несомнѣнно содержатъ болѣе одной наставки, или же содержатъ два корня (нпр. озеро, человекъ), я нарочно помѣстилъ въ первомъ отдѣлѣ, не сумѣвши найти имъ мѣсто во второмъ и не желая исключать ихъ вовсе.

При составленіи своихъ таблицъ я пользовался какъ словарями, грамматиками и монографіями объ удареніи, такъ и устными показаніями. Для Словенскаго языка главнымъ пособіемъ были статьи Валявца, которыя однако выходили слишкомъ поздно, чтобы облегчить мнѣ работу: обыкновенно я искалъ въ нихъ указанія на качество ударенія, послѣ того какъ уже опредѣлилъ мѣсто его по другимъ пособіямъ; словъ средняго рода Валявецъ касается лишь мелькомъ, почему у меня на этихъ словахъ и является множество отбѣсовъ (знаковъ неопредѣленнаго ударенія).

Таблицамъ я старался придать возможную полноту, т. е. старался внести въ нихъ всѣ слова, которыя можно провести по 4-мъ, или, по крайней мѣрѣ, по 3-мъ нарѣчіямъ; но достигъ этого трудно, особенно у словъ производныхъ: иногда я не былъ въ состояніи опредѣлить акцентовки словъ, а многія мнѣ могли и вовсе остаться неизвѣстными.

Въ основаніе перваго отдѣла таблицъ легли акцентовочныя таблицы, составленныя для Сербскаго языка Мажураничемъ и помѣщенныя въ его Хорватской грамматикѣ. Списки Мажуранича я проверялъ по Караджичу, отчасти по Даничичу и по Будмани, и, исключивъ изъ нихъ, съ одной стороны, тѣ реченія, коимъ не находилъ соответствія въ другихъ языкахъ, съ другой стороны, сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія.

Вторая половина таблицъ основана на спискахъ русскихъ производныхъ словъ, составленныхъ Я. К. Гротомъ. Мною къ нимъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія, примѣнительно къ другимъ языкамъ; иные же примѣры (на

суффиксы неупотребительные или почти неупотребительные въ другихъ языкахъ) были исключены. Далѣе, я не принялъ Гротовскаго распредѣленія производныхъ словъ на группы по характеру ихъ первообразныхъ, которое я затруднился провести у Сербовъ, Болгарь, Словенцевъ и далеко не всегда считаю основательнымъ¹⁾. Отъ параллелизма, соблюденнаго мною у первообразныхъ реченій, я отказался у производныхъ: рѣдкое слово можно провести по 3—4 языкамъ. Не строю я также праславянскихъ формъ, какъ въ первой половинѣ таблицъ: рѣдко только, когда слово проходитъ по всѣмъ, или почти по всѣмъ нарѣчьямъ, въ одномъ и томъ-же значеніи — какъ нпр. слово *дождота*, — оно съ полною достовѣрностью можетъ быть возведено къ общеславянскимъ временамъ, въ большей же части случаевъ возможно предположеніе, что разные славянскіе народы независимо другъ отъ друга сложили общеславянскій корень съ общеславянскою наставкою.

Слова въ акцентовочныхъ таблицахъ расположены по порядку русской азбуки, съ исключеніемъ *я, ю* и со включеніемъ въ нее сербскаго *j* (русскія *я, ю, е* считаю за *ja, ju, je*), да еще знака носового пазвука (*ѣ*), поставленнаго послѣ буквы *н*. Сербскія *ђ, љ, њ*, въ считаются у меня за *dj, tj, nj, mj*. Также слова писанныя латынницей (словенскія, чешскія²⁾ и др.) идутъ въ порядкѣ своей кирилловской транскрипціи. Во 2-ой части таблицъ, гдѣ въ разныхъ языкахъ нерѣдко являются разные примѣры, каждый языкъ придерживается указаннаго порядка независимо отъ другихъ, въ 1-ой же части, гдѣ одни и тѣ-же слова проводятся по 5-ти или по 6-ти языкамъ, я придерживаюсь азбучной послѣдовательности праславянскихъ словъ, которая не всегда совпадаетъ съ русскою, сербскою и т. д.³⁾

¹⁾ Такъ я, напримѣръ, рѣшительно не понимаю, почему слова *работа, клеветѣ, хлопоты* должны считаться отглагольными, и, наоборотъ, отъ нихъ произвожу глаголы *работать, клеветѣть и хлопотѣть* (послѣдній, конечно, не отъ множественнаго числа *хлопоты*, а отъ единственнаго — *хлопотѣ*).

²⁾ Чешскія слова служатъ для опредѣленія праславянскаго колчества. Они лишни, когда дѣло идетъ о *ж* и *ч*, концы заштыны у Чеховъ всегда бываютъ краткими.

³⁾ Нпр. въ 1-мъ отдѣлѣ слово *кусы* = коңсъ предшествуетъ слову *круиз* (I A 2), *стрила* — слову *серна* = сьрна (III B 2a).

Слова первообразныя.

L.

Слова 1-го склоненія.

А. Съ наклоннымъ удареніемъ.

1) Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
братъ, брата.	brāt, -а.	brāt, brāta.	bratr, brat.	брѣтъ, -а.
волохъ, -а.	vlāh, -а ¹⁾ .	vlāh, vlāha.	vlach.	влѣхъ, -а ²⁾ .
воскъ, вѣска.	vōsak, -ска.	vōsĭk, -ска.	vosk.	вѣскъ, -а.
вѣтеръ, -тра.	vĕtar, -тра.	vĕtĕr.	vĕtr, vĕtru.	вѣтръ, вѣтра.
гадъ, гада.	gād, -а.	gād, gāda.	had.	гѣдъ, -а.
градъ, града.	grād, -а.	—	hrād и hrad, hrady.	грѣдъ, града.
горохъ, -а.	grāh, -а.	grāh, grāha.	hrāch, hrāchu.	грѣхъ, граха.

¹⁾ Мѣстный падежъ влѣху.

²⁾ Пишу влѣхъ, не только потому, что нужно же придать слову ту, или другую форму (вѣдъ неудобно было бы прописать еще и валахъ, и волохъ, и валхъ и волхъ!), но и потому, что действительно считаю такую вокализацию праславянскою. Впрочемъ, мнѣ думается, что въ Праславянскомъ языкѣ должны были рядомъ употребляться *дѣтъ формы*: одна—*влѣхъ*, существованіе которой, кажется, доказано тѣмъ, что она является въ одно время у Югозападныхъ славянъ и у Сѣверозападныхъ (у Чеховъ), другая — **волхъ*, которую, вѣдѣтъ съ Миклошичемъ (Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslov. trēt, trat), можно съ значительною вѣроятностью предположить, какъ правильное развитіе общесарійскаго al. Изъ этихъ двухъ формъ удобно объясняется полногласіе и соответствующія ему инославянскія созвучія: Чехи и Южные славяне просто оставили «толговую» форму за штатомъ и сохранили одну «тлатовую» (влѣхъ); остальные приняли «тлатовую» форму къ «толговой» и вмѣсто *ла* стали произносить *ло* (волхъ и влохъ), послѣ чего уже Поляки и Лужичане отказались отъ сходной съ иносарійскою вокализациію, т. е., удержали только форму влохъ, а Русскіе смѣшали и слили обѣ формы въ одну, съ гласнымъ и передъ главнымъ, и послѣ него, т. е. создали полногласіе. Принявши двѣ основныя формы, мы поймемъ также двойственность соответственныхъ созвучій у Камубовъ и Полабцевъ. Считаю, такимъ образомъ, полногласіе явленіемъ неорганическимъ: изслѣдователи, по моему, вполне доказали другъ другу, что всѣ предложенныя до сихъ поръ объясненія его противорѣчатъ законамъ славянской фонетики.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
грекъ, грека.	гърк, -а.	grĕk.	řek.	грѣкъ, -а.
дымъ, дыма.	дим, -а.	dĭm, dĭma.	dŭm, dumu.	дымъ, -а.
дѣдъ, дѣда.	дѣд, -а.	dĕd, dĕda.	dĕd.	дѣдъ, -а.
ядъ, яда.	jād, -а.	—	jed.	jādъ, -а.
югъ, юга.	jŭg, -а.	jŭg, jŭga.	jih, jih.	jŭгъ, -а.
клинъ, клина.	клин, -а.	klĭn, klĭna.	klĭn.	клинъ, -а.
—	крѹх, -а.	krŭh, krŭha.	kruch.	крѹхъ, -а.
лазъ, лаза, на лазу.	лаз, -а.	lāz, прогалина, чщоба.	laz unangebauer Ort и т. д.	лазъ, -а.
лука, лука.	лѹк, -а.	lŭk, lŭka.	luk (ст. ч. и сл.).	лѹкъ, -а.
макъ, мака.	мак, -а Маж. ¹⁾	māk (māk), māka.	māk.	макъ, -а.
мозгъ, мозга, въ мозгѹ, мозги.	мѡзак (мѡзак), мѡзга.	mŏzĕg, mŏzga.	mozek.	мѡзгъ, -а ²⁾
морѡзъ, -а.	мрāз, -а.	mrāz, mrāza.	mrāz, mrāza.	мрāзъ, мрāза.
плугъ, плуга.	плѹг, -а.	plŭg, plŭga.	pluh.	плѹгъ, -а.
порѡгъ, -а.	прāг, -а, м. прāгу.	prāg, prāga.	prah, (prāh), prahu.	прāгъ, прāга.
порѡмъ, -а.	прām, -а большая лодка.	prām.	prām.	прāmъ, -а.
ракъ, рака.	рāk, -а.	rāk, rāka.	rak.	рākъ, -а.
рокъ, рока.	рѡк (рѡк), рѡка срокъ.	rŏk и rŏk.	rok.	рѡкъ, -а.
сватъ, свата.	свāt, -а.	svāt, svāta.	svat.	свātъ, -а.
свѣкоръ, -кра. ³⁾	свѣкар, -кра, Маж. ⁴⁾	svĕkĕr.	svekr.	свѣкръ, -кра (?).
сомъ, сома.	сѡм, -а Маж. ⁵⁾	sŏm, sŏma.	som.	сѡмъ, сѡма? сомā?
сыръ, сыра, сыры.	сѣр, -а.	sĭr, sĭra.	zŭr.	сѣръ, -а.
хлѣбъ, хлѣба.	хлѣб, -а.	hlĕb, hlĕba.	chlĕb, chlĕba.	хлѣбъ, хлѣба.
хрѣнъ, хрѣна.	хрѣн, хрѣна.	hrĕn, hrĕna.	chřen.	хрѣнъ, хрѣна (?).
часъ, часа, часы ⁶⁾ .	чās, -а, м. чāсу.	čās, čāza.	čas.	чāsъ, -а.

¹⁾ Кар.: мак, мака.

²⁾ По-болгарски мѡзѣк, -зѣци. Едва-ли ни правильнѣе принимать за основную форму этого слова мозыгъ или мозыгъ, и считать его производнымъ.

³⁾ Слышится также свѣкоръ.

⁴⁾ Кар.: свѣкар, свѣкра.

⁵⁾ Кар.: сѡм, сѡма.

⁶⁾ Странно акцентуются выраженія два часа, три часа. Такую акцентовку и считаю искаженіемъ основной — два часа, три часа (см. гл. I, стр. 38); но отчего оно могло произойти? Ср. прим. къ словамъ рядъ и утро, стр. 237 и 244.

2 Слова накоренной акцентовки, съ долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскіе:	Сербскіе:	Словенскіе:	Чешскіе:	Ирасславянскіе:
бóровъ, -а, мн. бóровá.	брáв, -а оves, rogus castra- tus.	bráv Schafvieh.	brav.	брáвъ, -а.
брусъ, бруса, брусья.	брѹс, -а, мѣст. брусу ¹⁾ .	brŭs, -а.	brus.	брусь, -а.
бѣрегъ, -а, набе- регѹ, берегá.	брѣг, -а.	brĕg, bregã.	břeh.	брáгъ, -а.
бѣгъ, бѣга, бѣгá.	бѣг, -а.	bĕg.	bĕh.	бáгъ, -а.
бѣсъ, бѣса.	бѣс, -а, ярость.	bĕs.	bĕs.	бѣсь, -а.
валъ, вала, на валѹ, валы.	вáл, -а, вáли и вáлови.	vál, valŭ.	val.	вáгъ, -а.
вѣдъ, вѣда, вѣ вѣдѹ, вѣды и вѣды ²⁾ .	вѣд, -а.	vĭd.	vid.	вѣдъ, -а.
вóлокъ, -а.	влáк, -а ³⁾ .	vlák, -а.	vlak.	влáкъ, -а.
вóлосъ, -а, вóло- сы (волосá), во- лосъ, волосамъ.	влáс, -а.	vlás, vlasŭ.	vlas.	влáсь, -а.
вóзъ, вóза, на во- зѹ, возы.	вóз, -а, (Маж. вóз, вóза).	vôz, vozã.	vŭz, vozu.	вóзь, -а.
вóронъ, -а.	врáн, -а.	vrán, vranã.	—	врáнь, -а.
вóротъ, -а.	врáт, -а.	vrát, vratŭ.	—	врáть, -а.
вóлкъ, вóлка, вол- кóвъ.	вѹк, -а.	vôlk (vòlk), vol- kã.	vĭk.	вѣлкъ, -а ⁴⁾ .

¹⁾ Въ Сербскомъ языкѣ, по показанію Даничича, всѣ слова этого рода, означавшія предметы неодушевленные, имѣютъ въ мѣст. падежѣ ед. ч. *восходящее* удареніе; у одушевленныхъ же мѣстный совпадаетъ съ дательнымъ: напр. вѹку, врáну. Множ. ч., образованное отъ распространенной основы (простая употребляется рѣже), получаетъ въ имен. и въ вин. падежѣ у однихъ словъ *рѣзкое*, у другихъ *восходящее* удареніе: брѣгови, грáдови, дáрови — вáлови, дѹбови, прѹтови. Слова второго рода акцентуются такъ же и въ род. и въ дат. падежѣ, слова первого рода въ род. — полагаютъ восходящее удареніе на наращеніе: брегóвã, дарóвã, въ дат. — сходствуетъ съ именительнымъ (и вин.): дáровима, цвѣтовима, или же съ род. (только, что, по причинѣ краткости гласнаго, вм. восходящаго ударенія, является *слабое*): брегóвима, синдвима; бóльшая часть словъ — можетъ быть, даже рѣз — колеблется между тѣмъ и другимъ произношеніемъ: грáдовима и градóвима, дáровима и дарóвима, цвѣтовима и цветóвима.

²⁾ См. гл. I, стр. 26.

³⁾ Родъ сѣти.

⁴⁾ Празычное varkas?: санскр. vřkas, греч. λυκος, однако литовское vilkas что л. б. = *vilkas (см. гл. XIII, стр. 221).

Русскіе:	Сербскіе:	Словенскіе:	Чешскіе:	Правславянскіе:
вѣкъ, вѣка, на вѣкѹ, вѣка (во вѣки).	вѣк, -а.	vĕk, -а.	vĕk.	вѣкъ, -а.
голодь, -а.	глад, -а.	glād, -а.	hlad.	гладь, -а.
голосъ, -а.	глас, -а ¹⁾ .	glās, glasŭ.	hlas.	глась, -а.
гнѣвъ, гнѣва.	гнѣв, -а.	—	hnĕv.	гнѣвъ, -а.
городъ, -а.	град, -а ²⁾ .	grād, gradŭ.	hrad.	градь, -а.
даръ, дара, дары.	дѣр, -а.	dār, darŭ.	dar.	дарь, -а.
дубъ, дуба, дубы.	дѹб, -а.	dŭb, dŭbŭ.	dub.	доубь, -а.
другъ, друга.	дрѹг, -а.	drug, drugŭ ³⁾ .	druh.	другь, -а.
долгъ, долга, въ долгѹ, долги (церк. долги).	дѹг, -а.	dŏlg, dŏlgā.	dluh.	дѹльгь, -а.
*дѣльгь, дѣла ⁴⁾ .	дѣо, дѣла ⁵⁾ .	dĕl.	dil.	дѣльгь, -а (?).
жарь, жара, въ жарѹ, жары.	жѣр, -а.	žar.	—	жарь, -а.
жирь, жира.	жѣр, -а желу- ди.	žir, žirŭ.	žir.	жѣрь, -а.
жолобъ, -а.	жлѣб, -а.	žleb.	žlab.	жлѣбь, -а.
знакъ, знака.	знѣк, -а.	—	znak.	знакъ, -а.
зубъ, зуба, зу- бѡвъ.	зѹб, -а.	zŏb, zŏbā.	zub.	зоубь, -а.
зракъ, зрака. книж.	зрак, -а лучь.	zrāk, воздухъ.	zrak зрѣние.	зракъ, -а.
каль, кала.	кал (као), кала.	kāl.	kal.	каль, -а.
квасъ, кваса, на квасѹ.	квѣс, -а дрож- жи.	kvās, kvasŭ.	kvas.	квась, -а.
колосъ, -а ⁶⁾ .	клѣс, -а.	klās, klasŭ.	klas.	клась, -а.
кусь, куса.	кѹс, -а.	kŏs, kŏsā.	kus.	коусь, -а.
кругъ, круга, въ кругѹ, кругѣ.	крѹг, -а.	krŏg.	kruh и krouh.	крѹнгь, -а.
ликъ, лика.	лѣк, -а.	lĭk.	—	ликь, -а.
лугъ, луга, на лугѹ, лугѣ.	лѹг, -а.	lŏg, lŏgā.	luh.	лоугь, -а.
лукъ, лука.	лѹк, -а.	lŏk.	luk.	лоукь, -а.

¹⁾ Множ. ч. гласи и гласови.

²⁾ Множ. ч. гради и градови.

³⁾ Значить пара (лошадей, воловъ).

⁴⁾ Именительный и родительный построены на основаніи мѣстнаго дѣлу: «на дѣлу не обдѣли».

⁵⁾ Такъ по Караджичу; Мажураничъ пишетъ дѣо, дѣла.

⁶⁾ Множ. ч. колосья.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Браславянскія:
лѣсъ, лѣса, въ лѣсу, лѣса.	лѣс, -а.	lēs, lesā.	lea.	лѣсъ, -а.
мракъ, мрака; мѡрокъ, -а нар.	мрѣк, -а.	mrāk, mrakū.	mrak.	мрѣкъ, -а.
мѣхъ, мѣха, мѣ- хи и мѣха.	мѣх, -а Маж.; Кар. мѣх, мѣ- ха.	mēh, mehā.	mēch.	мѣхъ, -а.
пиръ, пира, въ пирѹ, пиры.	пѣр, -а.	pīr.	—	пѣръ, -а.
полозь, -а (мн. полозья).	плѣз, -а.	plāz, plazū.	plaz.	плѣзь, -а.
порохъ, -а.	прѣх, -а Маж. ¹⁾	prāh, prahū.	prach.	прѣхъ, -а.
плѣнь, плѣна ²⁾ .	плѣн, -а.	plēn.	plen.	плѣнь, -а.
прутъ, прѹта ³⁾ .	прѹт, -а.	prōt.	prut.	прѹтъ, -а.
разъ, раза.	рѣз, -а.	rāz.	—	рѣзь, -а.
рядъ, ряда, въ рядѹ, ряды ⁴⁾ .	рѣд, -а.	rēd (иногда rēd), redū.	řad рядъ, řad порядокъ.	рѣндъ, -а.
садъ, сада, въ садѹ, сады.	сѣд, -а.	sād, sadū.	sad.	сѣдъ, -а.
своробъ, -а.	сврѣб, -а.	srāb.	svrab.	сврѣбъ, -а.
свѣтъ, свѣта.	свѣт, -а.	svēt, svetā.	svět.	свѣтъ, -а.
солодъ, -а.	—	slād.	slad.	слѣдъ, -а.
слухъ, слѹха.	слѹх, -а.	slūh.	sluch.	слѹхъ, -а.
слѣдъ, слѣда (и слѣда), слѣды.	слѣд, -а чер- ног.	slēd, sledū.	sled.	слѣдъ, -а.
смирадъ, смѣрада.	смѣрд, -а.	smrād, smradū.	smrad.	смѣрдъ, -а.
смѣхъ, смѣха.	смѣх, -а.	smēh, smehā.	smich, -u.	смѣхъ, -а.
снѣгъ, снѣга, въ снѣгѹ, снѣга.	снѣг, -а.	snēg, snegā.	snib, sněhu.	снѣгъ, -а.
судъ, сѹда, суды (судѹ) ⁵⁾ .	сѹд, -а.	sōd (sód).	sud.	сѹндъ, -а.
срамъ, срама ⁶⁾ .	срѣм, -а.	srām.	ст. sram.	срѣмъ, -а.
станъ, стана.	стѣн, -а.	stān, stanū.	stan (польск. stan, stanu).	стѣнь, -а (-у).

¹⁾ Караджичъ пишетъ прѣхъ, прѣха.

²⁾ И полонъ, вм. ожидаемаго полонъ.

³⁾ Множ. ч. прѹтъя.

⁴⁾ Странную акцентовку представляютъ выраженія два рядѹ, три рядѹ, кото-
рыя я считаю искаженными изъ два ряда, три ряда; но отчего произошло такое
искаженіе? См. табл. I A 1, стр. 234, нр. 6.

⁵⁾ Бѣлорус. сѹды, сѹдовъ пара ведеръ.

⁶⁾ Народное сорѣмъ и сорѣмъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Правславнскія:
страхъ, страха.	стра́х, -а Маж.; Кар. стра́х, стра́ха.	stráh, strahú.	strach.	стра́хъ, -а.
струкъ, струка мгр. ¹⁾ .	стру́к, -а.	stròk, stróka ²⁾ .	strouk и struk.	стро́къ, -а (?).
сота, со́та.	са́т, -а.	sát, sǎtú.	—	са́тъ, -а.
сынъ, сына, сы- ны (сыновья).	си́н, -а, сини и си́нови, си́ня и си́новя́, си́но- вня.	siń, sinú.	syn.	си́нь, -у.
торокъ, -а ³⁾ .	тра́к, -а дубр. лента.	trák, traká.	trák подтяжка.	тра́къ, -а.
трупъ, трупа.	тру́п, -а тру́па.	trúp.	—	тру́пъ, -а.
трутъ, трута.	тру́д, -а.	tròd.	troud.	трудо́, -а.
трескъ, треска.	трѣс, -а (трѣ- сак, -ска).	trěsk.	—	трѣска́, -а.
торгъ, торго, торги.	тѣрг, -а.	těrg.	trh.	тѣргъ, -а.
торкъ ⁴⁾ .	тѣрк, -а бѣгъ.	těrk.	trk ударъ.	тѣркъ, -а.
тернь (тѣрень), тѣрна.	тѣрн, -а; Маж. тѣрна, тѣрна.	těrn.	trn, мѣстн. и словац. třn.	тѣрнь, -а (?).
удъ, уда церк.	уд, -а.	úd и ůd.	ud.	удъ, -а.
холодъ, -а, на холоду, холода.	хлад, -а.	hlád, hladú.	chlad.	хладъ, -а.
цвѣтъ, цвѣта, въ цвѣту, -ы (-а).	цвѣт, -а.	cvět, vetú.	květ.	квѣтъ, -а.
цѣпь, цѣпа, цѣ- пы.	цѣп, -а.	cěp, cepú.	cep.	цѣпь, -а.
чинъ, чина, чины.	чи́н, -а. Кар. ⁵⁾ .	čín.	čín.	чинъ, -а (-у).
членъ, члена.	чла́н, -а.	člěn, ум. člěnk, -nká.	člen.	членъ, -а.
черепа, -а ⁶⁾ .	чре́п, -а.	črěp.	stěp.	чре́пъ, -а.
чолнъ, чолна.	чу́н, -а.	čóln.	člun.	чолнъ, -а.
шумъ, шума.	шум, -а.	—	šum.	шумъ, -а.

¹⁾ Есть фамилія Струковъ.

²⁾ Мурко велить произносить родительный stroka; по-штирійски — stròk (Mikl.).

³⁾ Значить ударъ, порывъ вѣтра, шквалъ.

⁴⁾ Родительный торка? Торкъ значить стукъ. Дать.

⁵⁾ Мажураичъ: чин, чина.

⁶⁾ Множ. ч. черепа.

3. Слова накоренной акцентовки, съ долгимъ гласнымъ въ одномъ именительномъ падежѣ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
Богъ, Бѡга, бо- говъ.	Бѡг, Бѡга.	Bŏg, Bŏgā ¹⁾ .	Bŏh, Bŏha.	бѡгъ, бѡга ²⁾ .
бой, бѡя, въ бою, бой.	бѡј, бѡја (Маж. бѡја), мѣст. бѡју ³⁾ .	bŏj.	boj.	бѡи, бѡја (?).
бокъ, бѡка, на боку, бока (руки въ бѡки).	бѡк, бѡка.	bŏk.	bok.	бѡкъ, бѡка (?).
боръ, бѡра, въ бору.	бѡр, бѡра (Маж. бѡра).	—	bor.	бѡръ, бѡра (?).
бродъ, брѡда. гной, гнѡя.	брѡд, брѡда. гнѡј, гнѡја.	brŏd, brŏdŭ. gnŏj, gnŏjā ⁴⁾ .	brod. hnŏj, hnoje.	брѡдъ, брѡда. гнѡи, гнѡја ⁵⁾ .
годъ, гѡда, въ году, гѡды (го- да), годѡвъ.	гѡд, гѡда.	gŏd, gŏdŭ.	hod, hody.	гѡдъ, гѡда.
громъ, грѡма, громѡвъ.	грѡм, грѡма ⁶⁾ .	grŏm, grŏmŭ.	hrom.	грѡмъ, грѡма.
долъ, дѡла.	дѡл (дѡ), дѡла.	dŏl.	dŏl, dolu.	дѡлъ, дѡла ⁷⁾ .
домъ, дѡма, въ дому, дѡмы (до- ма), домѡвъ.	дѡм, дѡма.	dŏm, domŭ ⁸⁾ .	dŏm, domu.	дѡмъ, дѡму ⁹⁾ .

¹⁾ Резьянское: bŏk, bŏga.

²⁾ Въ виду согласныхъ показаній языковъ Сербскаго, Словенскаго, Чешскаго, а также Лужицкаго, Польскаго и нарѣчій Малорусскаго (в. луж. Bŏh, Bŏha, н. луж. Bog, Boga, поль. Bŏg, Boga, н. рус. спасибо) мы, кажется, должны предположить, что продленіе *o* въ именительномъ падежѣ этого слова произошло еще на общеславянской почвѣ, подъ конецъ праславянскаго періода. Срв. гл. XII, стр. 207, пр. 4.

³⁾ У Сербовъ всѣ слова этого рода представляютъ въ *мѣстномъ падежѣ слабое удареніе*: дѡму, мѡду, нѡсу и т. д.; только названія предметовъ *одушевленныхъ* не отличаютъ мѣстнаго отъ дательнаго: бѡгу, змѡју (срв. вѡку, вѡнѡу, стр. 235, прим. 1). Во множественномъ числѣ, при наращеніи *se, se*, является *слабое удареніе на корень*: дѡмови, -бѡвѡ, -овнѡма. Множеств. ч. безъ наращенія малоупотребительно, но по словамъ Даничича, оно едва-ли можетъ произноситься съ инымъ удареніемъ, какъ съ рѣзкимъ: рѡг — рѡзи, рѡге, рѡзѡма.

⁴⁾ Резьян. hnŏj, hnŏja.

⁵⁾ Въ позднѣйшій періодъ, должно быть, гнѡи, гнѡја.

⁶⁾ Караджичъ пишетъ грѡм, грѡма; произносить также грѡм, грѡма.

⁷⁾ Въ позднѣйшій періодъ, вѣроятно, говорили дѡл^а, дѡла.

⁸⁾ Резьян. dŏm, dŏma.

⁹⁾ Въ болѣе позднее время им. н., должно быть, звучалъ дѡм^а.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
дробъ ¹⁾ . змѣй, змѣя. зной, зноя.	дрѣб, дрѣба. змѣј, змѣја. знѣј, знѣја.	drōb, drōbfū. zmīj. znōj (znōj), znōjā.	drōb. zmīj. znoj.	дрѣбъ, дрѣба. змѣи, змѣја ²⁾ . знои, знѣја.
ковъ, кова. край, края, на краю, краи (край), краѣвъ.	кѣв, кѣва. крѣј, крѣја ³⁾ .	kōv и kōv. krāj, krāja.	kov. kraj.	кѣвъ, кѣва (?). краи, крѣја:
кровъ, кровъ. ледъ, льда ⁴⁾ . ловъ, лова. лой, лоя юж. медъ, меда, въ меду.	крѣв, крѣва. лѣд, лѣда. лѣв, лѣва. лѣј, лѣја. мѣд, мѣда.	krōv. lĕd, lĕdū. lōv, -a ⁵⁾ . lōj, lōjā. mĕd, mĕdū.	krōv. led. lov. ldj, loje. med.	крѣвъ, крѣва. лѣдъ, лѣда. лѣвъ, лѣва. лѣи (лѣи), лѣја. мѣдъ, мѣду.
мостъ, мѣста (мѣста), на мо- сту, мосты.	мѣст, мѣста.	mōst, mōstū.	most.	мѣстъ, мѣста.
носъ, носъ, въ носу, носы.	нѣс, нѣса.	nōs, nōsā.	nos.	нѣсъ, нѣса.
плоть, плѣта, на плѣту, плѣты.	плѣт, плѣта за- боръ.	plōt, plōtū.	plot.	плѣтъ, плѣта.
потъ, пѣта, въ ногу.	пѣт, пѣта.	pōt, pōtū.	pot.	пѣтъ, пѣта.
рай, рая, въ раю. ровъ, рва. рогъ, рѣга, мн. рога.	рѣј, рѣја. рѣв, рѣва Кар. ⁶⁾ . рѣг, рѣга ⁷⁾ .	rāj, rāja Met. rōv. rōg, rōgū ⁸⁾ .	rāj, -e. rov. roh.	рѣи, рѣја. рѣвъ, рѣва (?). рѣгъ, рѣга.
родъ, рѣда ⁹⁾ .	рѣд, рѣда.	rōd, rōdū.	rod.	рѣдъ, рѣда.

¹⁾ Южнорус. слово. Даль. Но какъ род. п. — дрѣба или дрѣба?

²⁾ Въ основаніи русскаго слова змѣй, которое неправильно пишется змѣй, могла бы лежать также форма змии, но сербское змај, очевидно, основано на праславянскомъ змаи. Однако, возможно ли выводить изъ этой формы болгарское и чешское zmij и словенское zmij?

³⁾ Слово kraj во множественномъ числѣ отклоняется отъ обычной акцентовки и произносится крѣјеви, крѣјева, крѣјевима, крѣјево.

⁴⁾ См. гл. V, стр. 142.

⁵⁾ Также lōv, lōva.

⁶⁾ Мажураичъ: рѣв, рѣва.

⁷⁾ Слово рѣг, во множественномъ числѣ, имѣеть такую же акцентовку, какъ kraj: рѣгови, рѣгова, рѣговима, рѣгове.

⁸⁾ По-резьянски — rük, rōga.

⁹⁾ См. гл. I, стр. 26, стр. 2.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Браславнскія:
рой, роя, рои.	рѣј, роја Кар. ¹⁾	gōj, gōja.	roj.	рѣј, роја (роја?).
рокъ, рока.	рѣк, рока.	gōk и gōk.	rok.	рокъ, рока.
скокъ, скока, на скоку, скоки ²⁾ .	скѣк, скока.	skōk (род. sko- ka?).	skok.	скокъ, скока.
сокъ, сока, въ соку.	сѣк, сока.	sōk.	sok.	сокъ, сока.
стогъ, стога, въ стогу, стога.	стѣг, стѣга Маж. ³⁾	stōg, stōga Valj. ⁴⁾	stoh.	стѣгъ, стѣга, (стѣга?).
ходъ, хода, на ходу, ходы и ходы.	хѣд, хода (и хѣд, хѣда).	hōd (hōd), hō- dā: tri ure hōdā.	chod.	хѣдъ, хѣда.

Б. Первообразныя слова 1-го склоненія съ наклоннымъ удареніемъ.

1. Слова съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

бобъ, боба.	бѣб, бѣба ⁵⁾ .	bōb, bōba ⁶⁾ .	bob.	бѣбъ, бѣба.
вогъ, вола.	вѣ (=vōo?), вѣ- ла.	vōl, vōla.	vŭl, vola.	вѣгъ, вола (-ŭ).
гробъ, грѣба, въ гробу, грѣбовъ.	грѣб, грѣба.	grōb, grōba.	hrob.	грѣбъ, грѣба (грѣба?).
гроздъ, гроздѣ.	грѣзд, грѣзда.	grōzd, grōzda.	—	грѣздъ, гроздѣ.
дроздъ, дроздѣ.	дрѣзд, дрѣзда.	—	drozd.	дрѣздъ, дроздѣ.
когъ, кола.	—	kōl, kōla.	kŭl, kolu и kŭlu.	когъ, кола (?).
крестъ, крестѣ.	кѣрст, кѣрста.	boh. h kŕstō.	křest, křtu ⁷⁾ .	крѣстъ, крѣста.
левъ, льва.	лѣв, лѣва.	lĕv, lĕva и lĕva.	lev, lva ⁸⁾ .	лѣвъ, лѣва ⁹⁾ .
ленъ, льна.	лѣн, лѣна.	lĕn; lĕnŭ.	len, lnu ¹⁰⁾ .	лѣнъ, льна ¹¹⁾ .

¹⁾ Род. мн. ч. — ројѣвѣ, радомъ съ ројѣвѣ. Мажураничъ пишетъ рѣј, роја.

²⁾ Юж. зап. пазанки, зайчи заднія ланки.

³⁾ Произносятъ также стѣг, стѣга; у Караджича — стѣг, стѣга.

⁴⁾ Левстикъ (Die slovenische Sprache, S. 13) пишетъ stog, stogá (= stōg, stōgá?).

⁵⁾ Въ звательномъ падежѣ всѣ эти слова получаютъ рѣзкое удареніе: вѣле, кѣрсте, пѣпе и т. д. Въ род. мн., образованномъ безъ параченія, является удареніе восходящее: кѣрста, снѣпѣ.

⁶⁾ По-резьянски: bŏr, bobā.

⁷⁾ У Поляковъ также chrzest, chrzta.

⁸⁾ И въ Польскомъ языкѣ — lew, lwa.

⁹⁾ См. гл. VI, стр. 140—141.

¹⁰⁾ По-польски также len, lnu.

¹¹⁾ См. гл. VI, стр. 140—141.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
мохъ, мха (мо- ха).	māx, māxa.	māh, mǎhŭ.	mech, mchu ¹⁾ .	mъхъ, мъхъ ²⁾ .
одръ, одра.	ôdar, ôdra.	ôdъr, -dra.	odr.	ôdrъ, ôdrâ ³⁾ .
попъ, попа.	pôp, pôpa.	pôp, pôpa.	pop.	pôpъ, popâ ⁴⁾ .
постъ, поста.	pôst, pôsta Маж. ⁵⁾ .	pôst, pôsta.	pûst, postu.	pôstъ, postâ ⁶⁾ .
песь, пса.	pās, psā.	pъs, psā.	pes, psa.	pъcъ, psā.
рабъ, раба.	rôb, rôba.	gôb (род. gôba?)	rob.	rôbъ, robâ.
снопъ, снопа.	snôp, snôpa.	snôp, snôpa.	snop.	snôpъ, snopâ.
столъ, стола.	stô, stôla ⁷⁾ .	stôl, stôla ⁸⁾ .	stûl, stolu.	stôlъ, stolâ.
сонъ, сна.	sân, snâ.	sъn, snâ.	sen, snu.	sъnъ, snâ.

2. Слова 1-го склоненія съ наклоннымъ удареніемъ и долгимъ кореннымъ гласнымъ.

быкъ, быка.	бѣк, бѣка (или бѣка) Кар. ⁹⁾ .	bĭk (bĭk), bĭka и bĭkâ.	byk.	бѣкъ, бѣка (-ы?).
грѣхъ, грѣха.	grĕx, grĕxa.	grĕh.	hřich.	грѣхъ, грѣха.
дворъ, двора.	dvôr, dvôra ¹⁰⁾ .	dvôr, dvôra.	dvûr, dvoû.	двôrъ, двора.

¹⁾ По-польски *mech, mchu*.

²⁾ См. гл. VI, стр. 141. Сербское слово Мажураничъ пишетъ *māx, māxa*.

³⁾ Можетъ быть, *odъr* вовсе не простое, а предложное слово: о-дъr-ъ отъ дъr-ати, т. е. собственно шкура, потому — постель, ложе? Или же наше простонародное *odĕrъ* есть продуктъ позднѣйшаго осмысленія?

⁴⁾ Попъ я не считаю кореннымъ славянскимъ словомъ и, вслѣдъ за Гримальемъ, произвожу его отъ греческаго *παπᾶς*, въ пользу чего говорить и акцентовка: ст. нѣм. *pharho, phaffo*, отъ котораго его производятъ Миклошичъ (*Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. S. 13*), вѣроятно звучало бы *papъz*. Существованіе формы *papъs* ничего не значитъ: уже усвоенное народомъ слово легко могло быть вторично заимствовано, въ иной формѣ, какимъ-нибудь книжникомъ.

⁵⁾ Ср. гл. VI, стр. 142.

⁶⁾ Постъ = старонѣм. *fasta*, новонѣм. *Faste* (уже у Готтовъ былъ глаголъ *fastan*). Miklosich. *Fr. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien 1867. S. 47*.

⁷⁾ Стô считая стяженіемъ пзъ стôo; или въ основаніи его лежитъ стôo?

⁸⁾ По-резьянски родительный — *stolâ*.

⁹⁾ Мажураничъ пишетъ *bĭk, bĭka*. — Слова этого рода у Сербовъ въ *звѣтскомъ* падежѣ получаютъ *нисходящее* удареніе: грѣше, бѣче!

¹⁰⁾ У Мажуранича — *dvôr, dvôra*.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
дьякъ, дьяка.	ђак, ђака.	diják.	žak.	ди́якъ, ди́яка ¹⁾ .
кутъ, кута юж.	кѹт, кута.	kót.	kout.	кѹтъ, кѹта.
пласть, пласта.	пла́ст, пласта.	—	plást.	пла́сть, пласта.
прудь, пруда.	пру́д, пруда.	pród.	proud.	пру́дъ, пруда.
столпъ, столпа.	стѹп, стѹпа.	stólp.	slup и sloup ²⁾ .	стѹпъ, стѹпа.
судъ, суда.	сѹд, суда.	sód.	soud.	сѹдъ, сѹда.
трудъ, труда.	тру́д, труда.	trúd (и trūd).	trud.	тру́дъ, труда.
умъ, ума.	ѹм, ума.	úm (и um).	um.	умъ, ума.
холмъ, холма (и холма).	хѹм, хума.	hǒlm.	chlum.	хѹмъ, хѹма (хѹлма?).
щтъ, щта.	штѣт, штѣта.	ščit.	štit.	штѣтъ, штѣта.

3. Слова съ наклоннымъ ударениемъ и долгимъ гласнымъ въ одномъ именительномъ падежѣ.

Словъ этого рода оказывается немного: Даничичъ приводитъ только бѣк, бѣка (рядомъ съ бѣк, бѣка); вѣрх, вѣрха³⁾; грѣм, грѣма; рѹж, рѹжа; стѣ, стѣла; стѣг, стѣга и неупотребительное въ единственномъ числѣ (?!) зѣбови, — у Мажуранпча мы въ соответствующемъ спискѣ читаемъ бѣж, бѣжа; бѣр, бѣра; бѣж, бѣжа; вѣ, вѣла; двѣр, двѣра; крѣж, крѣжа; рѣж, рѣжа и стрѣж, стрѣжа. Всѣ перечисленные слова (за исключеніемъ, кажется, вѣрх) произносятся на два, или даже на три лада: Мажураничъ пишетъ бѣк, бѣка; грѣм, грѣма; рѹж, рѹжа; стѣг, стѣга, — у Караджича мы находимъ бѣж, бѣжа; бѣр, бѣра; двѣр, двѣра; крѣж, крѣжа; рѣж, рѣжа, — изъ живой рѣчи мнѣ извѣстны формы грѣм, грѣма; стѣг, стѣга; стрѣж, стрѣжа. Слова вѣ, стѣ, кажется, смѣло можно отнести къ первой группѣ, т. к. вѣ, стѣ, по всей вѣроятности, равно вѣо, стѣо. И вообще я, вмѣсто того, чтобы составлять изъ подобныхъ словъ особую таблицу, предпочелъ распределить ихъ между предшествующими, всегда конечно оговоривши, что они могутъ имѣть также иную акцентовку: такъ грѣм вошло въ таблицу А 3, двѣр — въ Б 2.

¹⁾ Не напрасно ли производить это слово отъ греческаго *διάκονος*, которое у Русскихъ и у Сербовъ является въ видѣ дьяконъ, ђакон, и которому незачѣмъ было отбрасывать окончаніе? Впрочемъ звуковое несоответствіе между русско-сербскою формою и западнославянскою *žak, žak* (поль.) прямо указываетъ на иностранное происхожденіе слова. Не считая, такимъ образомъ, слово ди́якъ собственно-славянскимъ, думаю однако, что оно усвоено весьма давно.

²⁾ По-словацки — *stýp*.

³⁾ По-русски верхъ, вѣрха, но нарѣчіе — верхомъ.

II.

Первообразныя слова 2-го склоненія.

А. Съ накореннымъ удареніемъ въ единственномъ числѣ.

1) Слова съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
бѣрдо.	бѣрдо, мн. бѣрда, бѣ- рда.	běrdw.	бѣрдо, бѣр- да ¹⁾ .	—	бѣрдо.
болото ²⁾ .	блато.	blätw.	блато, блатъ.	bläto.	блато.
вѣдро.	вѣдро.	—	—	vedro.	вѣдро.
гѣрло.	гѣрло.	gěrlö.	гѣрло, гѣрла.	hrdlo.	гѣрло.
жито.	жито, мн. жита.	žitw ³⁾ .	жито и жито.	žito и žito.	жито.
лѣто.	лѣто.	—	—	lŭko и lŭko.	лѣто.
лѣто ⁴⁾ .	лѣто.	letw.	лѣто, лѣта ⁵⁾ .	lěto и lěto.	лѣто.
мѣсто, мѣста.	мѣсто.	mestw.	мѣсто, мѣ- ста.	mĭsto и mĕ- sto.	мѣсто.
пасмо.	пасмо.	pásmw.	пасмо.	pásmo.	пасмо.
право, права.	право ср. р. прил.	—	право, права.	právo.	право.
просо.	просо.	prósöb.	просо, проса.	proso.	просо.
сито.	сито.	sítw.	сито, сита.	sĭto.	сито.
стадо, стада.	стадо(стадо).	—	стадо, стада.	stādo.	стадо.
утро ⁶⁾ .	јутро.	jŭtrw.	утро; утре нар.	jĭtro и jĭtro.	утро ⁷⁾ .
чѣдо церк.	чѣдо.	—	чѣдо, чѣда.	—	чѣдо.

¹⁾ У Панковъхъ впрочемъ не бѣрдо, а бѣрдѣ.

²⁾ Во множ. ч. иногда слышится выговоръ болота.

³⁾ По-резански žytö и žitü.

⁴⁾ Множ. ч. лѣта и лѣта.

⁵⁾ Странный выговоръ лѣта, вм. ожидаемаго лѣта или лѣта, слышенъ мною изъ устъ одного болгарина.

⁶⁾ Отмѣчу также странную акцентовку предложныхъ сочетаній до утра и по утра (искаженныхъ, должно быть, изъ до утра и по утра; но почему?). Срв. выше стр. 234, прим. 6 и 237, прим. 4.

⁷⁾ Оутро, конечно, не первообразное слово, по этимологіи его не выяснена: Микловичево производство отъ корня us (оутро рго оустро Lex. palaeoslov.) нигде не годится; т. е. звуку с не было никакой причины выпадать. Поттъ (Euph. Forschungen, 2 Ausg. II, 2, S. 915) склоненъ думать, что праславянская форма есть итро = основ. (d)jautram (отъ корня dju сѣять); но изъ jautram вышло бы юло. Кроме того, звукъ d едвали могъ отпасть.

2. Слова съ накореннымъ ударениемъ въ единственномъ числѣ и долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскіе:	Сербскіе:	Словенскіе:	Болгарскіе:	Чешскіе:	Краславскіе:
благо, мѣстн. бѣлого. зѣлото.	блѣго. злѣто ¹⁾ .	blagŏ. zlatŏ.	блѣго, благѣ. златѣ и злѣ- то.	bláho. zláto.	блѣго. злѣто.
мясо.	мѣсо, мн. мѣса ²⁾ .	mesŏ.	месѣ, месѣ.	měso.	мѣесо.
сѣно.	сѣно, сѣна.	senŏ.	сенѣ и сѣано, сенѣ.	sěno.	сѣно.
тѣсто.	тѣсто.	testŏ.	тестѣ, тестѣ.	těsto.	тѣсто.

Б. Слова 2-го склоненія съ наклоннымъ ударениемъ въ единственномъ числѣ.

1. Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

бѣдрѣ, множ. бѣдра.	бѣдро, мн. бѣдра.	bédrgŏ.	—	bedro.	бѣдрѣ, мн. бѣдра.
ведро, вѣдра.	вѣдро.	védrgŏ и vĕ- drgŏ.	—	védrgŏ.	вѣдрѣ.
добрѣ.	дѣбро.	dŏbrgŏ ³⁾ .	добрѣ ср. р. прил.	dobro.	дѣбрѣ прил.
дрова ⁴⁾ .	дѣрва.	dĕrgvā.	дѣрва.	drgva.	дрѣва ⁵⁾ .
дно.	днѣ.	dno.	—	dno ⁶⁾ .	днѣ.
зло.	злѣ.	—	—	zlo.	злѣ.
ядрѣ.	јѣдрѣ ⁷⁾ .	jédrgŏ.	—	jádro.	јѣдрѣ.

¹⁾ Мѣстный падежъ, какъ говорятъ Будмани, произносится злѣту (такъ же и мѣсу отъ мѣсо). Даничићъ, въ разборѣ Будманіевой грамматики (Kajičević III), объявляетъ эти формы ошибочными; но я полагаю, что это дѣйствительно существующія, если и не общепринятая, формы: соответственный чакавскій выговоръ у злѣту я самъ слышалъ на островѣ Коркѣ (Veglia).

²⁾ Мѣса — pates. Мѣстный ед. ч., по показанію Будмани, мѣсу. См. предъидущее примѣчаніе.

³⁾ По-резьянски dŏbrŏ.

⁴⁾ Слово дрѣва едва-ли ни есть множ. ч. къ баритонному единственному *дѣрво = серб. дѣрво — въ такомъ случаѣ, ему собственно мѣсто въ таблицѣ II A 1.

⁵⁾ Въ пользу такой акцентовки свидѣтельствуетъ также польское drwa.

⁶⁾ По-польски, по-лужицки также dno; по-литовски dūgnas, твор. dūgnū, множ. dūgnai.

⁷⁾ Дѣйствительно ли сербское (приморское) слово јѣдро, означающее нарусть, тождественно съ русскимъ словомъ ядро? Миклошичъ (Vergleich. Lautlehre. 2 Ausg. S. 57) приводитъ хорватское (чакавское) jīdro, равное очевидно основному ядро.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Прагмавскія:
перо́ (мн. перья́).	пѣро; пѣра, пѣра̄, пѣрина.	pérov, резь. roerǫ ¹⁾ .	перо́ (пѣро), пера́ (пѣра).	pěro и péro.	pěro (мн. pěra?).
ребро́, ребра́.	рѣбро; рѣбра̄, рѣбара̄.	rěbrov, резь. gaebrovСрезневскій.	ребро́, ребра́.	řebro.	rěbro, rěbra.
село́, села́.	сѣло, сѣла, сѣла̄, сѣлина.	sélov; sela, sel, sélom; seli, -ота (sélotna).	сѣло и село́, сѣла̄.	selo морав.	сѣло, сѣла.
серебро́ ²⁾ . чело́.	срѣбро. чѣло.	srebrǫ ³⁾ . čelov, резь. čoelǫ, род. čalā.	сребро́. чѣло и чело́, чѣла̄.	stříbro. čelo.	сьребро́ ⁴⁾ . чѣло́.

2. Слова съ долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

ворота́ ⁵⁾ . гнѣздо́, мнж. гнѣзда.	врата́. гнѣздо.	vřata. gnězdo.	врата́. гнѣздо (гнѣздо), гнѣзда̄.	vřata. hnizdo.	врата́. гнѣздо ⁶⁾ .
долото́, долота́.	длѣто.	dlěto.	—	dlāto.	длѣто́.

¹⁾ Рядомъ съ pérov существуетъ также roerǫ, -гза.

²⁾ У Резьянъ — sroebrov, sgrabřa. Кромѣ srebrǫ долженъ существовать, и даже преобладать другой выговоръ — sřebrov.

³⁾ Въ народныхъ пѣсняхъ, какъ извѣстно, поется сѣребро.

⁴⁾ По-литовски sidabras, твор. sidabrū, мѣст. sidabrė = основн. sidabrā-м. Слово сѣребро, конечно, не имѣетъ права считаться первообразнымъ.

⁵⁾ И ворота; церк. врата́. О словѣ ворота рѣчь была въ I гл., стр. 13.

⁶⁾ По-литовски lizdas, твор. lizdū, мн. ч. lizdai, по-санскритски nidā (м. и ср. р.). Гнѣздо, думается мнѣ, переначено изъ *низдо въ силу сближенія съ глаголомъ гнѣтати; lizdas также искажено изъ *nizdas (подъ вліяніемъ глагола listi ползти?). Допустивъ, такимъ образомъ, тожество словъ славянскаго, литовскаго и санскритскаго, несмотря на неполное соответствіе звуковъ, и принявши во вниманіе почти повсемѣстное распространеніе рассматриваемаго слова — срв. еще нѣм. Nest и лат. nidus (= nīsdus, какъ nīda = nīsda) — можно признать его древнимъ, общесарійскимъ словомъ и возстановить вполне, даже съ удареніемъ, въ видѣ nisdā (имен., втроитно, nisdās и nisdām). См. Pott. Etymolog. Forschungen. 2 Ausg. B. IV, S. 681.

Рускѣ:	Сербскѣ:	Словенскѣ:	Българскѣ:	Чѣшскѣ:	Прагавянскѣ:
молоко.	млѣко.	mléko.	млекѡ (млја- ко), млекѧ.	mléko.	млѣко.
письмо, пись- ма.	писмо.	pišmo.	писмо, писма.	pišmo.	писмо ¹⁾ .
уста.	уста.	ústa.	уста.	ústa.	уста.

III.

Первообразныя слова 3-го склоненія.

A. Съ накореннымъ удареніемъ.

1. Слова съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

баба.	баба.	bába.	баба.	bába.	баба.
берѣза.	брѣза.	bríza.	—	bříza.	брѣза.
вила.	виле.	víle.	вила.	vídle (е им. у?).	вила.
влага (во- лога).	влага.	vlága.	влага.	vláha.	влага.
волна.	вѣна.	vólna ²⁾ .	вѣна.	vlna.	вѣна.
ворѡна.	врѡна.	vrána.	врѡна.	vrána.	врѡна ³⁾ .
вѣдра.	вѣдра.	vídga.	—	vudra.	вѣдра ⁴⁾ .
вѣра.	вѣра.	véga.	вѣра.	víra, véga.	вѣра.
глина.	гѣйна.	glína.	—	hlína.	глина.
гнида.	гѣйда.	gnída.	гнида.	hnída.	гнида ⁵⁾ .
грѣва.	грѣва.	gríva.	грѣва.	hríva.	грѣва.
грудѧ.	грудѧ глыба.	grúda.	—	hruda.	грудѧ.
—	гѣрба.	gǎrba.	гѣрба.	hrba.	гѣрба.
губѧ (и губѧ).	гѣубѧ про- каза.	góba.	гѣубѧ.	huba.	гѣубѧ ⁶⁾ .

¹⁾ Слово писмо, разумѣется, не первообразное.

²⁾ По-резьянски vólna.

³⁾ У Литовцевъ — vāgna (удареніе этого слова неподвижное).

⁴⁾ По-литовски — ūdra (реченіе негибкое).

⁵⁾ По-литовски — glinda (съ неподвижнымъ удареніемъ).

⁶⁾ Объ этомъ словѣ была рѣчь въ I главѣ, стр. 15; но сказанное тамъ я въ настоящее время отчасти беру назадъ: слов. гѣубѧ, которое я отождествлялъ съ góba = гѣубѧ, издавна должно было звучать гѣубѧ. Думаю теперь, что это слово существовало и у Русскихъ, въ видѣ гѣубѧ, и только впоследствии притѣнилось къ слову губѧ = гѣубѧ и стало произноситься губѧ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
жаба.	жаба.	žaba.	жаба.	žaba ¹⁾ .	жаба.
жила.	жила.	žila.	жила.	žila ²⁾ .	жила.
ива.	ива.	iva.	—	jiva.	ива.
искра, бгр. скра.	искра у Ц. г.	iskra.	искра, искра ³⁾ .	jiskra.	искра? ис- кра?
яма.	jama.	jama.	jama.	jama.	jama.
капа ⁴⁾ .	капа.	kapa.	капа.	—	капа (нѣм?).
колода.	клада.	klada.	—	klada.	клада.
корова.	крава.	krava ⁵⁾ .	крава.	krava ⁶⁾ .	крава.
короста юж.	краста.	krasta.	краста.	—	краста.
кйка ⁷⁾ .	кйка коса ⁸⁾ .	—	кйка.	словац. кука.	кйка.
кйла ⁹⁾ , кйла.	кйла.	kila.	—	kyla.	кйла (?).
кйта мѣст. ¹⁰⁾ .	кйта.	kita коса.	—	kyta, ст. ч. kyta ¹¹⁾ .	кйта.
липа.	липа.	lipa.	липа.	lipa ¹²⁾ .	липа (?).
леса (и лёса).	лѣса ¹³⁾ .	lesa Hürde, Flechte.	—	lesa, lisa Hürde.	лѣса (?).
мўка.	мўка.	moka ¹⁴⁾ .	мўка.	muka.	мўка.
мѣра.	мѣра.	mera.	мјара.	mira.	мѣра.
нйва.	нйва.	njiva.	нйва.	niva.	нйва.
ўзы, прк. ўза.	ўза.	vóza.	—	—	оўза.
пара (пара чаю) мѣст.	пара парь, дыханіе.	—	пара парь, дыханіе.	para, словац. para.	пара.

¹⁾ Въ Моравскомъ нарѣчїи — žaba.

²⁾ По-словацки — žila.

³⁾ Окситонной формѣ искра, кромѣ приведеннаго уже бѣлорусскаго скра, соотвѣтствуютъ поль. skra и в. и н. луж. škra.

⁴⁾ Зап. шапка.

⁵⁾ Также krava (!). Valjavec Rad. XLV, str. 95.

⁶⁾ По-словацки — krava.

⁷⁾ Кйка — родъ повойника.

⁸⁾ Караджичъ отмѣчаетъ это слово звѣздочкою, т. е. считаетъ его турецкимъ; но это едва-ли основательно.

⁹⁾ Кйла слѣб. отсталый въ работѣ.

¹⁰⁾ Кйта — стебель, трава повойнаго или долгоствольнаго растенія; вица или витушка, плетеница.

¹¹⁾ Kyta — Keule, Schinken, kyta — der Kamm der Weintrauben.

¹²⁾ По-словацки — lipa. Литовское liþra также слово негибкое.

¹³⁾ Лѣса — Pritsche, Flechte.

¹⁴⁾ Valjavec. Rad. XLIII, str. 48.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Православянскія:
пелѣва, поло- ва ¹⁾ .	плѣва.	plēva.	плѣва.	plēva и plē- va.	плѣва.
пѣна.	пѣна.	pēna.	пѣна.	pēna.	пѣна.
рака.	рака.	rāka.	—	—	рака ²⁾ .
ра̀на.	ра̀на.	rāna.	ра̀на.	rāna ³⁾ .	ра̀на.
риза.	риза.	—	риза.	řiza.	риза.
розга.	розга rog- tica.	rōzga ⁴⁾ , rōzgz.	—	rozha.	розга (роз- гá?).
рыба.	рыба.	rība, ум. rī- bica.	рыба.	ryba.	рыба.
рѣпа.	рѣпа.	rēpa.	рѣпа.	řpa и řēpa.	рѣпа.
сила.	сила.	sila.	сила.	sila ⁵⁾ .	сила.
солóма.	слáма.	slāma.	слáма.	slāma ⁶⁾ .	слáма.
слѣва.	слѣва (шлѣ- ва).	slīva.	слѣва.	sliva.	слѣва.
сорóка.	сврáка.	srāka.	срáка.	strāka.	срáка ⁷⁾ .
ступá.	ступá.	stōpa.	—	stoupa и stu- pa.	стóпна.
шубá.	шубá ⁸⁾ .	šūba.	—	šuba.	шубá.
шума ⁹⁾ .	шума лѣсь.	šūma.	шума ро̀ща.	šuma ст.	шума.
щўка.	штўка.	ščūka.	штўка.	štika.	щўка.

2. Первообразныя 3-го склоненія, съ накореннымъ удареніемъ и долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Словъ этого рода, насколько мнѣ извѣстно, вовсе не существуетъ, за исключеніемъ заимствованныхъ карта и роза, серб. карта и ружа Маж. (у Чакав. карта и ружа; а по Караджичу и у Шток. ружа), слов. karta, gōža, болг. карта, ружа¹⁰⁾. Правда, реченіе дѣла, имѣя въ Русскомъ на-

1) Также плевá.

2) Какъ извѣстно, это слово считаютъ заимствованнымъ изъ латинскаго agsa.

3) По-словацки rāna.

4) Также rōzga и rōzga (l).

5) У Словаковъ — sila.

6) По-словацки — slāma.

7) Славяно-литовское sārka: по-литовски szārka, негибкое.

8) Шубá родъ женскаго верхняго платья.

9) Областное — безпокойный человекъ.

10) Укажу кстати на акцентуемое подобнымъ же образомъ производное слово грикна: рус. гривна, серб. гривна обручъ на кось, запястье, слов. grīvna, болг. гривна ожерелье, запястье.

коренное ударение, представляет въ Сербскомъ долгій коренной гласный, но ударение его не нисходящее, а восходящее:

рус. дѣва (производ. дѣвица и дѣвица), серб. дѣва (ум. дѣвица), слов. dĕva (ум. devica). См. гл. I, стр. 12.

Б. Первообразныя слова 3-го склоненія съ насуффикснымъ ударениемъ.

1. Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
блоха, блохи.	бѹха, бѹхе, бѹхѹ.	bólha, bowl- hĕ ¹⁾ .	бѣхѹ, бѣхѹи.	blecha ²⁾ .	блѣхѹ, блѣ- хы.
вода, воду, -ы.	вѹда, вѹди, -у, -е, вѹдѹ.	vŏda, vwdĕ.	водѹ, водѹи (вѹди).	voda.	водѹ, вѹдоцъ, вѹды.
гора, гору, -ы.	гѹра, гѹри, -у, -о ³⁾ , -е.	gŏra, gwrĕ.	горѹ (гѹра).	hoga.	горѹ, гѹроцъ, гѹры.
гроза, грозы.	грѹза.	grŏza, grwzĕ.	гроза ⁴⁾ .	hrŭza.	гроза.
дыра.	дѹра (дѹра, дѹра).	—	—	dĭra.	дирѹ (?).
дѹба мѣст. ⁵⁾	дѹба, дѹбу Маж. ⁶⁾	dŏba.	—	doBa.	дѹбѹ (?).
доска, доску, -и, досокъ.	дѹска, дѹску, -е, дасѹкѹ ⁷⁾ .	dĕska, dŭs- kŭ, ум. dŭs- ĕica.	дѹскѹ.	deska и dska.	дѹскѹ.
женѹ, жѹны (церк. женѹ).	жѹна, жѹнѹ.	žena, ženĕ.	женѹ, женѹи (жѹни).	žena.	жѹнѹ.
иглѹ, иглы.	иглѹ, иглу, -е, иглѹ ⁸⁾ .	igla и iglŭ.	иглѹ.	jehla.	иглѹ.
игра, игры, играмъ.	игрѹ, игру, -е ⁹⁾ .	igra и igrŭ.	игрѹ.	hra ¹⁰⁾ .	игрѹ.

¹⁾ Въ бохниско-посавскомъ говорѣ bohá, rhá.

²⁾ По-польски rchła, по-верхнелуж. рка, по-нижнелуж. рска.

³⁾ Всѣ слова этого рода въ звательномъ падежѣ получаютъ *рѣзкое* ударение. Ср. гл. I, стр. 31, гл. III, стр. 98, прим. 2 и гл. XIV, стр. 226.

⁴⁾ Гроза: гроза му j'.

⁵⁾ Млр., блр., тв., см., кстр.

⁶⁾ У Караджича дѹба п. indecl.

⁷⁾ Дат. ед. ч., по Будмани, дѹсци.

⁸⁾ Въ дат. ед. ч. Будмани вѹнетъ игли.

⁹⁾ Дат. ед. ч., по Будмани, игри.

¹⁰⁾ Также и по-верхнелужицки hra, по-нижнелужицки и по-польски — gra.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Българскія:	Чешскія:	Праславянскія:
коза, козы, козамъ.	коза, козѣ ¹⁾ .	kōza, kōzī ²⁾ .	коза.	koza.	кѣза.
копѣ мр. ³⁾ .	—	кѡра, кѡрѣ.	копѣ копно.	кора.	кѡпѣ.
кора.	кѡра.	кѡга.	кора.	kŕga.	корѣ (?).
коса, косу, косы, ко- самъ.	кѡса, кѡсу, -е ⁴⁾ .	кѡза, кѡзѣ.	коса, коси (кѡси).	коза.	кѡсѣ, кѡсоѣ, кѡсы.
лоза, лѡзы.	лѡза, лѡзу, -е ⁵⁾ .	lōza, lōzī.	лоза, лѡзи (лѡзи).	loza.	лѡза, лѡзы.
муха.	мѡха, мѡхе, мѡхѣ.	mŭha, ум. muħica.	муха.	moucha; mši- ca супо- муѣ ⁶⁾ .	мухѣ? мѡха?
мгла.	мѡгла, мѡ- глу, -е ⁷⁾ .	mēgla и мѡ- glā.	—	mhlā (и mlha) ⁸⁾ .	мѡгла.
нога, нѡгу, нѡги.	нѡга, нѡгу, -е, нѡгѣ (нѡгѣ).	nōga, nōgī.	нога, ногѣ (нѡги).	noha.	ногѣ, нѡгоѣ, нѡги.
оса, ѡсы.	ѡса.	ōsa, ѡсѣ.	оса.	osa.	ѡсѣ ⁹⁾ .
пола, полѣ, по- лы, поламъ.	Пѡла назва- не одной косы.	pōla, pōlī.	полѣ.	—	полѣ.
роса, рѡсу, рѡсы.	рѡса, рѡсу, -е ¹⁰⁾ .	rōza, rōzī.	роса.	rosa.	рѡсѣ ¹¹⁾ .
сестра, сѣст- ры ¹²⁾ , се- стеръ, сѣст- рамъ.	сѣстра, се- стѣра.	sēstra (sest- rā), sestřī.	сестра, се- стрѣ (сѣ- стрѣ).	sestra.	сѣстра.
скала, скалы.	скѣла черног.	skāla, skalī.	—	skāla ¹³⁾ .	скѣлѣ (?).

¹⁾ По Будмани, дательный и винительный ед. ч. и именительнo-винительный множественнаго произносятся съ рѣзкимъ удареніемъ: кози, козу, козе.

²⁾ У Резьянъ — kōzā.

³⁾ 50 копѣекъ ассигнаціями; въ изчисленіи другихъ предметовъ — 60.

⁴⁾ Будмани: дат. ед. кѡси.

⁵⁾ Будмани: дат. ед. лѡзи.

⁶⁾ По-польски также mszusa.

⁷⁾ У Будмани дат. ед. мѡгли.

⁸⁾ По-верхнелужицки mhlā, по-польски mglā.

⁹⁾ По-литовски varpa, мн. vāpsos, вин. varpa:

¹⁰⁾ Дательный, по Будманіевой грамматикѣ, рѡси.

¹¹⁾ У Литовцевъ gasa, мн. gāsov, вин. gasa.

¹²⁾ По-церковному сестры.

¹³⁾ По-словацки skāla.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Българскія:	Чешскія:	Православнскія:
слеза, слезы.	суза, сүзе, сүзѣ ¹⁾ .	zólza (szlza), szlżę.	съзѣ, съзѣн (съзѣн).	slza.	слѣзѣ ²⁾ .
смола, смолы.	смѡла ³⁾ .	smóla, smólę.	смола.	smóla и smola ⁴⁾ .	смѡла.
сноха, снохи.	снаха.	—	снѣха.	—	снѣха ⁵⁾ .
сова, совы, -амъ.	сѡва (Кар. сѡ-ва).	zónva, zovę.	—	sova.	сѡва.
соха, соху, сохи.	сѡха, сѡху, -е, сѡхѣ.	zónha.	—	socha.	сѡха.
стопа.	стѡпа, стѡпе, стѡпѣ.	stópa.	—	stopa.	стѡпа.
стрѣха.	стрѣха.	stréha, strehę ⁶⁾ .	стрѣха.	střecha.	стрѣха? стрѣха?
узда.	ўзда (Маж. ўзда).	úzda.	јузда.	uzda.	ўзда.

2. Окситонки 3-го склоненія съ долгимъ кореннымъ гласнымъ.
а. Малогибкія или вовсе негибкія.

бразда.	брѣзда.	brázda.	брездѣ ⁷⁾ .	brázda.	брѣздѣ.
борона, боро- ну, боро- ны ⁸⁾ .	брѡна плоти- на, родъ бороны.	brána.	—	brány.	брѡна.
бѣда.	бѣда.	—	бѣда.	bída.	бѣда.
вѣрба и вѣр- ба, вѣрбы ⁹⁾ .	вѣрба, вѣрбу и вѣрбу.	vĕrba.	вѣрба.	vĕrba, мѣст. и словац. vĕrba.	вѣрба (?).
верста, вѣр- сты.	вѣрста рядъ.	vĕrsta и vĕr- stà linea.	—	—	вѣрста.
глиста.	глиста.	glísta.	—	hĕlsta.	глиста.
дуга, дуги.	дуга.	dóga.	дѣга.	duha и dou- ha ¹⁰⁾ .	дѡгѣ.

¹⁾ Будманъ и вин. и дат. ед. ч. велить произносить сүзу, сүзи; Мажураничъ же и въ именительномъ пишетъ сүзѣ.

²⁾ Срв. еще и л. dza и поль. lza.

³⁾ У Будманъ мы читаемъ вин. смѡлу, дат. смѡли.

⁴⁾ По-словацки smóla. У Литовцевъ smala.

⁵⁾ Въ Арийскомъ языкѣ snusa: по-санскр. sniśá, по-греч. νός.

⁶⁾ У Копытара это слово попало въ списокъ негибкихъ.

⁷⁾ Обыкновенно произносятъ брездѣ.

⁸⁾ Слово брана въ Русскомъ языкѣ принадлежитъ къ гибкимъ словамъ, но не въ Сербскомъ.

⁹⁾ Далъ пишетъ вѣрба. По-малорусски вѣрба, вѣрби, вѣрбамъ.

¹⁰⁾ По-словацки duha.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Православнскія:
дуда.	дуда.	—	—	dudy мн. ч.	дудѣ.
ольха и ольхѣ, ольхи.	јолха (= *jed- ха).	—	елха.	—	ельхѣ ¹⁾ .
железѣ.	жлѣзда.	žliza.	жлеза.	žliza.	жлѣзѣ.
желна родъ дятла.	жуна.	žlna.	—	žlupa.	жына.
звѣзда, звѣ- зды.	звѣзда ²⁾ .	zvězda.	звезда.	hvězda.	гвѣздѣ.
красѣ.	крѣса ³⁾ .	—	—	krása.	крѣсѣ.
крупѣ.	крупѣ градъ.	—	—	kroupa.	крѣпѣ.
кумѣ.	кума.	kūma хорва- тослов.	кума (кума).	—	кумѣ.
куна (обыкн. кунѣца).	куна.	kūna и кѣпѣ.	—	kupa.	кунѣ.
лука мр. ⁴⁾	лука.	lōka.	—	louka.	лѣнка ⁵⁾ .
—	лѣска.	lěska.	леска.	liska.	лѣскѣ ⁶⁾ .
лѣха (лѣха?) ⁷⁾ .	лѣјеха чер- ног. грядка.	lěha.	лѣха мѣра поверх- ности.	lěha грядка.	лѣхѣ.
мана мр. ⁸⁾ .	мана недо- статокъ.	—	мана Mehl- thau.	—	манѣ.
метѣ.	мѣта у Војв.	—	—	meta.	метѣ.
мука.	мука.	mōka.	—	mouka.	мѣнка ⁹⁾ .
пятѣ.	пѣта, пѣту, пѣте ¹⁰⁾ .	pěta, petī.	петѣ.	—	пѣтѣ.
пизда.	пѣзда.	pizda.	—	pizda.	пѣздѣ.
пила.	пѣла ¹¹⁾ .	pīla.	пила.	pīla.	пѣлѣ.
руда.	руда.	rūda.	руда.	ruda.	рудѣ.
рѣка, рѣкѣ, рѣки.	рѣка, рѣке.	rēka,	рѣка.	řeka.	рѣкѣ, рѣкы.

¹⁾ Слово ельха, разумѣется, не можетъ быть первообразнымъ.

²⁾ Внимительный, по показанію Мажуранича, звѣзду.

³⁾ Крѣса: Срби повѣдају да се змија звала краса док није била Јову преза-
рила. Караџић. Рјечник.

⁴⁾ Лука — поемный лугъ.

⁵⁾ Срв. еще поль. Łąka (съ а) и лят. lankā долина, ии. lānkov, ред. lankū.

⁶⁾ Или лѣска? въ такомъ случаѣ это — производное слово отъ первообразнаго
*лѣса или *лѣсь.

⁷⁾ Лѣха — гряда, рядъ, борода.

⁸⁾ Мана — призракъ, обольщеніе, обманъ.

⁹⁾ Срв. еще поль. мака.

¹⁰⁾ Слово пѣта настоящее гибкое слово, но не таково русское пята.

¹¹⁾ Внимательный, если вѣрить Мажураничу, произносится пѣлу.

Русскіи:	Сербскіи:	Словенскіи:	Болгарскіи:	Чешскіи:	Праславянскіи:
ряса-рясой перм. густо, обильно ¹⁾ .	рѣса, рѣсе сережка древесная, подгрудокъ.	rěsa Rispe, Spitze der Aehren.	—	r̥asa, řisa р̥сина, сережка.	рѣса.
слуга, слуги.	слуга, слуге, слуга (слү- гү).	—	слуга.	sluha.	слуга.
снага юж. стрѣла, стрѣ- лы. сърна.	снага. стрѣла, стрѣ- ле. сърна, сър- не ²⁾ .	snaga. strēla ³⁾ .	снага. стрѣла, стре- ли (стрѣли). сърна.	snaha. střela. sgna.	снага. стрѣла, стрѣлы. сърна.
толока (толо- ка) ⁴⁾ .	тлака и Хрв. робија.	tlaka.	тлака.	—	тлака ⁵⁾ .
трава, травы.	трава, тра- ве.	trava, travē.	трева.	trava.	травѣ, тра- вы.
труба, трубы. туга (туга) уха. хвала. *хорона ⁶⁾ . череда. *шала ¹⁰⁾	труба. туга ⁷⁾ . уха ⁸⁾ . хвала. храна. чреда. шала.	trōba. toga. — hvala, hvalē. hrana, hranē. čřida. šala.	трѣба. тыга. — хвала. храна. чреда. —	trouba. touha. jřcha. chvala. — řřida. —	трѣба ⁹⁾ . тѣга. јүха. хвала. храна. чрѣда. шала.

¹⁾ Говорится о ягодахъ и плодахъ. Тождественно ли съ этимъ словомъ ряса раз. топкое, мокрое мѣсто; олон. мокрота, сырость, откуда общерус. уменьш. ряска lempa?

²⁾ У Далматина читается множ. число strilē = strelā.

³⁾ По-чакавски сърна, съ краткимъ гласнымъ.

⁴⁾ Толока значитъ помочь (крестьянскій обычай).

⁵⁾ Срв. также лит. talka, мн. talkos, род. talkū.

⁶⁾ Срв. также поль. trąba.

⁷⁾ Туга: туга ми je es schaudert mich.

⁸⁾ Зап. сугъ.

⁹⁾ О существованіи вѣкогда слова хорона заключаю по глаголу хоронитъ (см. гл. I, стр. 14, прим. 2) и по существительному похороны, похоронъ, похоронамъ, которое предполагаетъ единственное число *похорона.

¹⁰⁾ Реченіе шала построено на основаніи глагола шалитъ. Срв. предыдущее примѣчаніе.

6. Гибкія окситонки 3-го склоненія съ долгимъ кореннымъ гласнымъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Православянскія:
борода, боро- ду, борода, бородъ.	брада, браду (браду), браде ¹⁾ .	bráda, bradǎ.	брада.	bráda.	брада, бра- доѣ, бра- ды ²⁾ .
голова, голо- ву, головы, головъ.	глава, глави, главу, гла- ве.	gláva, glavǎ.	глава (гла- ва).	hláva.	глава, гла- воѣ, гла- вы ³⁾ .
грядá, гряду (гряду), гря- ды.	грѣда, грѣ- ду, грѣде.	gréda, gredǎ.	—	hřáda.	грѣда, грѣ- доѣ, грѣ- ды.
зимá, зиму, зимы, зи- мамъ.	зима, зиму, зиме.	zíma, zimǎ.	зима и зима.	zíma.	зима, зимоѣ, зимы ⁴⁾ .
рука, руку, руки.	рука, рѹци, -ку, -ке, рѹ- ка и рѹкѹ, -ана.	rwka (rwká), rwkǎ.	рѹка и рѹка, мн. рѹце и рѹце.	ruka.	роука, роѹ- коѣ, роѹ- кы.
—	слáна, слáну, слáne.	slána, slanǎ.	слана.	—	слана ⁵⁾ .
сторона, сто- рону, сторо- ны, сторонъ.	страна, стра- ну, стране.	*straná: na stranǎh.	страна.	strána.	страна, стра- ноѣ, стра- ны.
середá, сере- ду, -ы.	срѣда, срѣ- ду.	srída.	срѣда.	středa.	срѣда, срѣ- доѣ.
стѣна, стѣну (стѣну), стѣ- ны.	стѣна, стѣну (стѣну), стѣ- не.	stína, stenǎ.	стѣна.	stěna.	стѣна, вѣн. стѣноѣ (?).
цѣна, цѣну, (цѣну), цѣ- ны, -амъ.	цѣна, цѣну, цѣне М. ⁶⁾ .	cína, cenǎ.	цена.	cepa.	цѣна, цѣноѣ, цѣны.

¹⁾ Все слова этого рода въ звательномъ падежѣ мѣняютъ восходящее удареніе на нисходящее (также и перечисленные подъ III Б 2 а).

²⁾ Литвославянское bardà: по-литовски bargdà, мн. ч. bārzdos, род. bargdú.

³⁾ Литвославянское galvā, galva, galvās: по-литовски galvā, вѣн. gálva, мн. ч. gálvos, род. galvú.

⁴⁾ По-литовски žimtà, мн. žimtos, род. žiemú. Впрочемъ, коренной гласный этого слова не соответствуетъ славянскому.

⁵⁾ Литвославянское šalná: по-литовски szalnà, мн. szàlnoz, род. szalnú.

⁶⁾ У Караджича прописанъ одинъ именительный падежъ цѣна.

IV.

Первообразныя слова съ основою на ь (краткое і).

I. Слова мужескаго рода¹⁾.

А. Съ накореннымъ удареніемъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
гость, гостя, гостѣй.	гѡст, гѡста.	gōst, gowstā.	host.	гѡстѣ, гѡсти.
звѣрь, звѣря, звѣрей.	звѣр, -и ж. р. ²⁾	zvēr, zveḡi ж. р.	zvĕř ж. р.	звѣръ, -и.
зять, зятя ³⁾ .	зѣт, -а.	zèt, zíta.	zet'.	зѣтъ, -и.
люди, людей, людемъ (людямъ).	лѣди, лѣди.	ljudjē, ljudí.	lidě.	лѣудѣ, лѣудѣи.
мышь, мыши, мышей.	мѣш, -а м. р.	mīš, mīši, тв. мн. mīšmi бок.	myš.	мѣшь, -и ⁴⁾ .
рысь, рыси ж. р.	рѣс, -а.	rīs.	rys.	рѣсь, -и.
татъ, тата церк.	тѣт, -а Маж.	tāt, tatū.	—	тѣтъ, -и.
тестъ, тѣстя.	тѣст, тѣста.	tāst, tastū.	—	тѣсть, -и.
уголь, угля ⁵⁾ .	угаь, -гѣа.	ŏgъlj.	uhel.	ŏngъlь, -и.

Б. Слова съ наклоннымъ удареніемъ.

день, дня.	дѣн, дѣна (днѣ).	dān, dneva (dne).	den, dne.	дѣнь, дѣнѣ ⁶⁾ .
огонь, огня.	ŏгаь, ŏгѣа.	ŏgъnj, ŏgnja ⁷⁾ .	oheň.	ŏгнь, огнѣ ⁸⁾ .
путь, пути.	пѣт, пѣта.	pót, -а.	pout'.	пѡтъ, пѡтъи ⁹⁾ .

¹⁾ Слово мужескаго рода съ основою на і такъ мало, что я предпочелъ составить для нихъ только двѣ таблицы и не подраздѣлять ихъ по количеству коренного гласнаго.

²⁾ Въ пѣсняхъ встрѣчается также звѣр, -а м. р.

³⁾ Множ. ч. зятѣл, зятевьѣ.

⁴⁾ Полагаю, что это слово первоначально было мужескаго рода: оно иногда бываетъ таковымъ и въ мѣстныхъ говорахъ Русскаго языка: такой мышъ пошелъ (Гротъ).

⁵⁾ Множ. ч. угольѣа.

⁶⁾ См. гл. VI, стр. 140.

⁷⁾ По-резьянски огѣн, оһнѣ. — По-болгарски ŏгънь, но встрѣчается также написаніе угънь, которое очевидно слѣдуетъ читать угънь. См. гл. IV, стр. 114.

⁸⁾ Празычное agni: по-литовски ugnis, по-санскритски agni.

⁹⁾ Не знаю, въ эту ли, или въ предыдущую таблицу слѣдуетъ помѣстить слово урка: рус. червь, черви, мн. черви, червей, серб. цѣрв, р. м. цѣрви, слов. сѣгв (болгн. сѣгу, сѣгва), болг. чрѣвиј.

II. Слова женскаго рода.

А. Съ накореннымъ удареніемъ въ единственномъ числѣ.

1. Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Ирасславянскія:
баснь (басня), басни.	басма заговоръ.	bāsnja.	bāseň.	баснь, -и.
гўсли ¹⁾ .	гўсле.	góslī.	housle.	гоцсль, -и ²⁾ .
долонь сѣв. и млр. ³⁾ .	длан, -а м. р.	dlān, dlanī ⁴⁾ .	dlaň.	длань, -и.
дверь, двѣри, дверей.	—	dūri: box. za durmi, p̄r dū- rih.	dvěře и dvěře, род. dvěři.	двѣрь, -и.
ясли, яслей.	јасли (-е).	јасли.	jesle.	јасли ⁵⁾ .
мѣдъ, мѣди.	мѣд, -и.	mēd, medī.	med'.	мѣдъ, -и.
нить, нити.	нит, -а м. р. мн. ч. нити ж. 'р. ⁶⁾ .	nit, niti.	nit'.	нить, -и.
пѣрси.	пѣрси, пѣрси (пѣрсију).	p̄rsi.	pr̄sa ср. р.	пѣрси.
пять, пясти.	пѣст, -и.	p̄st, pestī.	p̄st'.	пѣцсть, -и.
пѣснь, пѣсни.	пѣсма.	p̄s̄m̄ ⁷⁾ .	pišeň.	пѣснь, -и.

2. Съ долгимъ кореннымъ гласнымъ.

бровь, брови, на брови, бровей.	б̄рв, -и мо- стикъ.	b̄rv, br̄vī.	brv.	бр̄въ, -и ⁸⁾ .
вѣсть, вѣсти, вѣ- стей.	с-вѣст, -и.	v̄est, vestī со- вѣсть.	v̄est'.	вѣсть, и.

¹⁾ См. гл. I, стр. 33.

²⁾ Срв. еще болг. гўсли. Слово гоцсль представляетъ легко отдѣльную на-
ставку: гоцсль = гоцд-тъ.

³⁾ Обыкновенно ладонь, въ чемъ я вижу примѣненіе къ слову ладъ: ладонь,
чѣмъ хлопають въ ладъ.

⁴⁾ По-болгарски длан, длани.

⁵⁾ Срв. еще болг. јасли. Слово это образовано такъ же, какъ гоцсль, т. е. =
јад-гли.

⁶⁾ У Сербовъ принадлежащія къ этому склоненію слова почти все мѣняются въ
мѣстномъ единственного и въ родительномъ и дательномъ множественнаго числа
ръзкое удареніе на слабое, нисходящее на восходящее: нѣн, нѣни — нѣст.
нѣни, род. мн. нѣни, дат. нѣнима; рѣч, рѣчи — рѣчи, рѣчи, рѣчица. Срв. гл. I,
стр. 32. Не мѣняются ударенія мѣд, пѣст и, можетъ быть, нѣкоторыя другія слова.

⁷⁾ По-болгарски пѣсѣн, песни.

⁸⁾ Однако по-польски brew, brwi, см. гл. IX, стр. 184.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
масть, масти, мастей.	ма̄ст, -и.	māst, mastī.	māst'.	ма̄сть, -и.
мысль, мысли, мыслей.	мӣсао, -сли.	mīsъл, -sli ¹⁾ .	mysl.	мы̄сль, -сли.
пядь, пяди.	пѣд, -и.	pēd, pedī.	pīd'.	пѣндь, -и.
рѣчь, рѣчи, въ рѣчи, рѣчей.	рѣч, -и.	rēč, reči вещь.	řeč.	рѣчь, -и.
сани, саней.	са̄они, са̄дни ²⁾ .	sanī, -i.	sāně, sāně род. sanī.	са̄ни, са̄нӣ.
скорбь, скорби, скорбей.	скѣрб, -и.	skērb, skērbī, дат. skērbī.	—	скѣрбь, -и.
тварь, твари, тварей.	тва̄р, -и.	s-tvār, stvārī.	tvař.	тва̄рь, -и.

3. Слова 4-го склонения ж. р. съ накореннымъ ударениемъ и кореннымъ гласнымъ долгимъ въ одномъ именительномъ падежѣ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
жолчь, жолчи.	жӯч, жӯчи.	žolč, -i (?).	жълч, жълчи.	zluč.	жълчь, жълчи.
кость, кости, костей.	кѣст, кѣсти.	kōst, kostī.	кост, кості.	kost'.	кѣсть, кѣсти, костей.
кровь, крови, въ крови.	кѣрв, кѣрви.	krī, krvī, дат. krvī.	кърв.	krēv, krvi ⁴⁾ .	кры, крѣве.
мочь, мочи.	мо̄ћ, мо̄ћи.	moč, moči, дат. moči.	мошт.	mos.	мо̄кть, мо̄кти.
ночь, ночи, въ ночи, ночей.	но̄ћ, но̄ћи.	noč, noči, дат. noči.	ношт, ношти.	nos.	но̄кть, но̄кти.
печь, печи, въ печи, печей.	пѣћ, пѣћи.	peč, peči.	пешт, пешти.	pec.	пѣкть, пѣкти.
честь, чести, въ чести, честей.	ча̄ст, ча̄сти.	čast, častī, дат. častī.	чест.	čest', cti ⁵⁾ .	чѣсть, чѣсти.

¹⁾ Слово мысль и ниже слѣдующее тварь, по недосмотру, не были отмѣчены въ I гл., стр. 33.

²⁾ И по-болгарски мӣсъл, мӣсли.

³⁾ Слово са̄они считаю переняченнымъ изъ са̄ни: о могло вкрасться въ него вслѣдствіе сближенія его съ сало (ср. салінац = садник пологъ) — сани какъ будто салныя, вымазанныя саломъ, т. е. легко скользяція по снѣгу. Сокращеніе передъ о звука а обусловлено общимъ закономъ Сербскаго азыка (срв. бра̄ла, бра̄ло — бра̄о; пӣла, пӣло — пӣо).

⁴⁾ По-польски krēv, krwi. См. гл. IX, стр. 181.

⁵⁾ По-польски cześć, cści и cześci. См. тамъ же.

Б. Слова ж. р. 4-го склонения съ наклонный удареніиъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Православнскія:
вошь, вши.	уш, уши, ушн, (ушију).	uš, uši.	veš, vši ¹⁾ .	вѣшь, вѣши.
весь, вѣси.	—	vās, vaši, дат. vaši.	ves, vši ²⁾ .	вѣсь, вѣси?
ложь, лжи.	lāj, lāji.	lāž, laži, дат. laži.	lež, lži ³⁾ .	гѣжь, гѣжи.
рожь, ржи.	rāj, rāji.	rgž, rgži, дат. rgži.	gež, gži.	рѣжь, рѣжи.

V.

Слова 5-го склонения.

I. Слова мужскаго рода съ основою на си⁴⁾.

А. Съ наклонный удареніиъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Православнскія:
грѣбень, грѣб- ня.	грѣбѣн, -сна, мѣст. грѣ- бѣну (грѣ- бѣну).	grebēn.	грѣбен.	hřeben.	грѣбы, грѣ- бене.
камень, кам- ня.	камѣн, -сна, мѣст. камѣ- ну.	kāmen, kāt- na.	камен, каме- ни.	kāmen, kā- mene, сло- вац. kāmēn.	камы, каме- не ⁵⁾ .
корень, корня.	kōrēn, -ѣна.	kōrēn и kō- ren.	корен.	kořen.	корец, коро- не.
пламень.	plāmēn, -с- на, мѣст. пламѣну.	plāmen, plā- m(e)na; pla- mēn.	—	plāmen.	плāмы, плā- мене.

¹⁾ В. л. woš, vše; н. л. veš, šy; поль. wesz, wszy. Срв. гл. VI, стр. 140.

²⁾ В. л. wjes, wsy; н. л. wās (jas) jsy; поль. wieś, wsi. См. тамъ же.

³⁾ По-польски lež, lży. См. тамъ же.

⁴⁾ См. гл. III, стр. 100, подъ № 7.

⁵⁾ Правильное ākman, ākmanas? По-санскритски ācman, по-гречески ἀκμαν, однако по-литовски akmū, akmenas.

Б. Слова съ насуфтинскимъ ударениемъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
ячмень, -еня ¹⁾ .	jěчмѣн, -ена.	jěčmen, jěčmĕ- па.	jěčmen.	jěčъмы, jěčъ- мѣне (?) ²⁾ .
кремѣнь, -мнѣ.	крѣмѣн, -ена.	krĕmen, krĕmĕ- па.	křĕmen.	крѣмы, крѣмѣ- не (?)
ремѣнь, мнѣ ³⁾ .	rĕмѣн, -ена.	rĕmen, rĕmĕпа.	řĕmen.	rĕмы, rĕмѣне(?)

II. Слова средняго рода съ наставкою мен-.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
брѣмя (берѣ- мя), -ени, мн. бремена ⁴⁾ .	брѣме, -ена, мн. брѣмѣ- ча, ѣнѣ, -ѣ- нма ⁵⁾ .	brĕme, brĕ- mena.	брѣме (мн. брѣмета).	břimĕ, bře- mene.	брѣмецъ, брѣ- мене, брѣ- менѣ.
врѣмя.	врѣме, врѣ- мена.	vrĕme, vrĕ- mena.	врѣме (вре- мѣ), време- нѣ.	vřĕmĕ, vře- mene (?).	врѣмецъ, врѣ- мене, врѣ- менѣ.
вымя ⁶⁾ .	vĭme.	vĭme, -ена.	выме (мн. вѣ- мета).	vŭmĕ, vŭme- ne ⁷⁾ .	вымецъ, вы- мене.
имя.	ѣме.	imĕ, -ена.	ѣме, именѣ (ѣмета).	ст. imĕ, jmĕ; нов. jmĕno, jmĕno.	ѣмецъ, ѣмене, именѣ.
плѣмя.	плѣме.	plĕme, -ена.	плѣме?	plĕme, plĕ- mene.	плѣмецъ, плѣ- мене, пле- менѣ.
рамо церк.	рѣмо (рѣме).	—	рѣмо, раме- нѣ.	gĕmĕ, gĕme- ne.	рѣмо, рѣме- не, раменѣ.
сѣмя.	сѣме.	szeme, szeme- па.	сѣме.	szĭmĕ, szĕme- ne.	сѣмецъ, сѣме- не, сѣме- нѣ (?).
тѣмя, множ. тѣменѣ?	tĕme.	tzeme, tzemena.	тѣме?	tĕmĕ, tĕme- ne.	тѣмецъ, тѣме- не.

¹⁾ Въ церковномъ языкѣ родительный — ячмѣня.

²⁾ Слово это очевидно не первообразное.

³⁾ По-церковному родительный произносится ремѣня, по-мазорусски — ремѣню.

⁴⁾ Согласно съ брѣмя акцентуются всѣ слова этого рода, только слово *знамя* обыкновенно произносится во множ. числѣ знаменѣ; а формы слова *сымя* мнѣ неизвѣстны.

⁵⁾ Согласно съ брѣме произносится и всѣ остальные слова, за исключеніемъ отступающаго въ именительномъ падежѣ слова врѣме.

⁶⁾ Множ. ч. выменѣ?

⁷⁾ Вмѣсто vŭmĕ обыкновенно говорятъ vŭmeno. Таковы-же plĕmeno, gĕmeno, szĕmeno и т. д.

III. Слова съ оснoвою на еѣт¹⁾.

А. Съ напореннѣмъ ударенѣмъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
ягнѣ.	jǎgně, -ета.	jǎgnje, -eta ²⁾ .	ǎгне, ǎгнета.	jǎhně.	ǎгнѣцъ, ǎгнѣцѣте ³⁾ .

Б. Слова съ насуффикснѣмъ ударенѣмъ.

волчѣ.	—	vǎlčě, -ета.	вълчѣ, вълчѣта.	vǎlče.	вълчѣцъ, вълчѣцѣте.
дѣтѣ.	děte, дѣтета.	dete, -ета.	дѣте и дѣтѣ.	dítě ⁴⁾ .	дѣтѣцъ, дѣтѣцѣте.
курѣ.	—	kǔre.	—	kuře.	курѣцъ? курѣцѣте?
поросѣ ⁵⁾ .	prǎse, прǎсета.	presc, -ета.	прасѣ, прасѣта.	prase.	прасѣцъ, прасѣцѣте (?).
телѣ.	těle, -ета.	těle, telceta ⁶⁾ .	телѣ и телѣ.	těle.	телѣцъ, телѣцѣте.
щѣнѣ.	štěne, -ета.	ščěne.	—	štěně.	щѣнѣцъ, щѣнѣцѣте.

¹⁾ Слова эти въ Русскомъ языкѣ рѣзительно всѣ имѣютъ удареніе на наставкѣ, что относится не только къ первообразнымъ, но и къ производнымъ, какъ козлѣ, ослѣ, отрочѣцѣ церк. Такая акцентовка, повиданному, преобладала уже въ Праславянскомъ языкѣ, но едвали господствовала въ немъ исключительно: выговоръ Сербовъ, Словенцевъ и Болгаръ сличкомъ часто указываетъ на иную акцентовку, хотѣ они, насколько мнѣ извѣстно, только объ одномъ словѣ агнѣцъ даютъ вполне согласныя и противорѣчащія русскому произношенію показанія. Съ другой стороны, нѣтъ почти слова, которому всѣ четыре языка единогласно приписывали бы насуффиксное удареніе.

²⁾ По-резьянски jǎhně.

³⁾ Такъ же, какъ jǎgně, ǎгне, Сербы и Болгары произносятъ пѣле, -ета, пѣле, -ета (штенецъ), jǎre, -ета, jěre; -ета (козленокъ) и гърне, -ета, гърне, -ета (горшокъ; впрочемъ по-болгарски также гърнѣ, -ѣта). Но едвали эти слова имѣютъ право считаться праславянскими.

⁴⁾ Староморавское (мѣстное) dzca и dztě (Šembera. Základové dialektologie, str. 43, рознам.).

⁵⁾ По мнѣнію Ф. Фортунатова поросѣ искажено изъ пѣросѣ. См. гл. XIII, стр. 222, прим.

⁶⁾ У Резьянъ — talé.

IV. Слова съ основою на с.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Българскія:	Чешскія:	Православнскія:
дѣрево, дере- ва (-ѣвья); церк. дрѣво, -есѣ.	дрѣво: часно др. lignum сгусис, дрѣ- јево черн. и дубр. ¹⁾	dǣgvō, dǣgvā и dǣgvēza.	дърво, дър- ва.	dřevo.	дрѣво, дрѣ- весѣ?
кѡло юж. зап.; об. колесѡ, мн. -лесѡ.	кѡло.	kōlō, -esa.	колелѡ.	kolo, koleso.	кѡло, колесѣ.
нѣбо, небеса; церк. нѣбо, -есѣ.	нѣбо, небѣса, -ѣсѡ.	nebō, nebā и nebēza.	нѣбо и небѣ, небеса.	nebe.	нѣбо, небесѣ.
ѡко, ѡчи; церк. ѡко, -есѣ.	ѡко, мн. ѡчи.	ōkō (ōkω), ōčēza; мн. ōči.	окѡ, очѣ и ѡчи.	oko.	ѡко, очесѣ.
слѡво, слова; церк. слѡво, -есѣ.	слѡво.	slōvō, -esa.	слѡво, слова.	slovo.	слѡво, слове- сѣ.
тѣло, тѣла; церк. тѣло, -есѣ.	тѣло, телѣса (тѣла).	telō (telω), -esa.	тѣло (телѡ), телѡ.	tělo, těleso.	тѣло, тѣлесѣ.
ухо, уши; церк. ухо, ушесѣ.	ухо, уши.	uhō (ūho), u- hā и ušēza, мн. uši.	ухѡ, уши.	ucho, uši.	ухо, ушесѣ.
чѣдо, мн. чу- деса.	чѣдо, мн. чу- деса.	—	чѣдо, чудеса.	—	чѣдо, чуде- сѣ ²⁾ .

V. Слова съ основою на т (тѣ).

А. Съ напореннымъ ударениемъ.

—	брѣдва.	brādva.	брѣдва.	—	брады.
буква.	бѣква букѣ.	bŭkva букѣ, bŭkve кни- га.	—	bukev, buk- va.	бѣкы, бѣкѣ- ве.

¹⁾ Обыкновенное названіе дерева (дърво, -ста, мн. дървета, -ѣта) нельзя сравнивать съ русскимъ словомъ дѣрево; оно очевидно находится въ ближайшей связи со словомъ дърва дрова. Такова же болгарская форма.

²⁾ Въ I главѣ, стр. 34, я высказалъ твердое убѣжденіе, что окситоновка косвенныхъ надежей ед. ч. у этихъ словъ основана на преданіи; но въ настоящее время я считаю возможнымъ, что она внесена въ единственное число изъ множественнаго, которое сохранилось, и донныи сохраняется въ Русскомъ языкѣ у словъ небо и чудо.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Българскія:	Чешскія:	Ираславянскія:
кѹрва.	кѹрва.	kŭrva.	—	kurva.	кѹры ¹⁾ .
—	лѹква.	lŭkva.	лѹква.	—	лѹкы.
смѹква.	смѹква.	smŭkva и smŏkva.	—	—	смѹкы?
цѣрковѣ, (-ква).	цѣрква.	cerkev.	чѣрква (чѣр- кова).	cerkev.	цѣркы (ѣ?).

Б. Слова съ насуффикснѣмъ удареніемъ.

Русскія:	Сербскія:	Българскія:	Чешскія:	Ираславянскія:
ятрѹвѣ.	јетѣрва Маж.; Кар. јетѣрва.	етѣрва.	—	јетѣры, -ѣве.
любѹвѣ, -бѹвѣ(-бѹ- вѣ).	лѹбав, -авѣ.	лѹбѹв, лѹбѹ- вѣ.	—	лѹбы, -ѣве ²⁾ .
свекрѹвѣ, -ѹвѣ.	свекѣрва Маж.; Кар. свѣкѣрва.	свекѣрва.	svĕkev.	свекры, -ѣве ³⁾ .

VI.

Слова съ наставкою ја.

I. Слова мужескаго рода.

А. Съ накореннѣмъ удареніемъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Ираславянскія:
вѣпрѣ, вѣпрѣ.	вѣпар, -пра.	verp̄g.	verp̄.	вѣпрѣ, вѣпрѣја.
мѹжѣ, мѹжа.	мѹж, -а.	mŏž, mŏžŭ.	muž.	мѹжѣ, мѹжѣја.
плѣчѣ, плѣча.	плѣч, -а.	plāč.	plāč.	плѣчѣ, плѣча ⁴⁾ .

¹⁾ Если вѣрно написаніе *коруака*, приводимое Миклошичемъ (Lex. palaeosl.) изъ рукописи XVI ст., то это слово не есть первообразное.

²⁾ Считаю болѣе исконною форму *любѹвѣ, -бѹвѣ*, чѣмъ *любѹвѣ, -ѹвѣ* и соотвѣтствующія ей сербскія и болгарскія формы: послѣднія вѣроятно вызваны необычностію созвучія *бѣ*. Кстати замѣтить: отчего Болгары говорятъ *лѹбѹвѣ, -ѹвѣ*, а не *лѹбѹвѣ, -ѣвѣ*?

³⁾ Правильное значеніе? по-санскритски *свагѣ*.

⁴⁾ Въ эту таблицу, можетъ быть, слѣдовало бы помѣстить слова *кран* и *ран* (I A 8).

Б. Слова и. р. съ насуффикснѣмъ удареніемъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Чешскія:	Праславянскія:
бичъ, бича.	биѣ, биѣа.	bič, biča.	bič.	биѣ, бича.
врачь, врача.	враѣ, враѣа.	vrač.	—	врачь, врача.
грошъ, гроша.	грѣш, грѣша.	groš, gróša.	groš.	грѣшъ, гроша (?) ¹⁾ .
дождь, дождя.	дѣжд, дѣжда Маж.	děž, děžja.	děšt' (děšt').	дѣждь, дѣждя ²⁾ .
ключъ, ключа.	кључ, кључа.	ključ.	klíč.	кључъ, кључа.
конь, коня, кони, коней.	кѣнь, кѣња.	kŏnj, kŏnja; резьян. kŏň, koňá.	kůň, koně.	кѣнь, коня.
кошъ, коша.	кѣш, кѣша.	kŏš, kŏša.	koš.	кѣшъ, коша.
король, короля.	крѣль, крѣља.	králj.	král ³⁾ .	крѣль, крѣља.
лучъ, луча.	лѣч, луча taeda.	lūč, lučī ж. р.	louč ж. р.	лѣчъ, лѣча (ѣ?)
мечъ, меча.	мѣч, мѣча.	měč ⁴⁾ .	měč.	мѣчъ, мѣча.
ножь, ножа.	нѣж, нѣжа.	nŏž, nŏža.	nůž, nože.	ножь, ножа (ѣ?)
плащъ, плаща.	плѣшт, плѣшта.	plášt.	plášť.	плѣщъ, плѣща.
пень, пня.	пѣнь, пѣња ⁵⁾ .	pánj, ranjŭ.	peň, pně.	пѣнь, пѣня ⁶⁾ .

II. Слова среднего рода⁷⁾.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
лицѣ.	лице.	líse.	лицѣ, лица.	líse.	лицѣ.
мѣре.	мѣре, Маж. мѣре.	mŏrjě, mŏg- je; резь. mŏrje.	морѣ, море— морја, мо- рѣта.	mŏře.	мѣре.
полѣ.	пѣле.	pŏljě, pŏlje.	полѣ—полја, полѣта.	pole.	пѣле.

¹⁾ Кажется, несомнѣнно, что слово *грошъ* усвоено изчужа, но вѣроятно оно усвоено уже давно.

²⁾ См. гл. V, стр. 141.

³⁾ И по-польски *król, króla*.

⁴⁾ Если не ошибаюсь, *měč, měča*: у Прешерна читаемъ *z mečem ognjenim*.

⁵⁾ Мажураничъ пишетъ *pán, pãna*.

⁶⁾ Срв. еще польское *pień, pnia*.

⁷⁾ Т. к. этихъ словъ у меня набралось всего 3, я предпочелъ не разбивать на-
двое и безъ того столь короткую таблицу.

III. Слова женскаго рода.

A. Съ наклоннымъ ударениемъ.

1. Слова съ краткимъ кореннымъ гласнымъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Ирславианскія:
братѣя (род. братѣевъ).	браћа.	bratja.	братѣя.	bratři.	братѣя.
бурѣя.	бурѣя.	—	—	bouře.	бурѣя.
воля.	воља.	vólja.	вољѣя.	vůle.	вољѣя.
вѣжда прк., вѣжа ст. ¹⁾ .	вѣжа.	věja.	вѣждѣя.	—	вѣждѣя.
грабля.	грабље.	gráblje.	—	hrábě, морав. hrábě.	грабљѣя.
грѣжа.	грѣжа.	grīža.	грѣжа ²⁾ .	—	грѣжа.
дыня.	дыня.	dinja.	дынѣя арбузъ.	dyně.	дынѣя.
жѣца нѣж. арх. ³⁾	жѣца нѣтъ.	žica.	жѣца.	—	жѣца.
каша.	каша.	káša.	каша.	káše.	каша.
кожа.	кожа.	kóža.	кожа.	kůže.	кожа.
куча.	кућа домъ.	kóča хижина.	кѣшта комната, домъ.	—	кѣштѣя.
мерѣжа.	мрѣжа.	mrgža.	мрѣжа.	mříže ⁴⁾ .	мрѣжа.
паша мр. пастбище.	паша.	páša.	—	мор. и словац. páše (páše).	паша.
пѣща (церк?).	пѣша.	píša.	—	píše.	пѣштѣя.
прѣща (церк.?)	прѣша.	práša.	прѣштѣя.	práše ⁵⁾ .	прѣштѣя.
прѣжа.	прѣжа.	prěja.	прѣжда.	prěže.	прѣждѣя.
сѣбля.	сѣбља.	sěblja.	сѣбѣя.	ст. zabě.	сѣбѣя.
стрѣча (=встрѣча).	срѣша счастіе.	sriča.	срѣштѣя.	—	срѣштѣя.
стѣя.	стѣја stabulum.	stája.	—	stáje.	стѣя.
тѣча.	тѣча градъ.	tóča.	—	tuče.	тѣчѣя ⁶⁾ .
чѣпля.	чѣпля.	čāplja.	—	—	чѣплѣя.
чѣша.	чѣша.	čáša.	чѣша.	čīše.	чѣша.
шѣя.	шѣја.	šija.	шѣя.	šije.	шѣя.

¹⁾ Вѣжа — наметъ, шатеръ, юрта, кибитка. Польское wicze я склоняю считать заимствованнымъ изъ русскаго.

²⁾ Грѣжа по-сербски значитъ разъ въ животѣ, по-словенски — кровавый носъ, по-болгарски — забота.

³⁾ Означаетъ цвѣтную шерстяную пряжу.

⁴⁾ По-словацки mrgža.

⁵⁾ Práše — трудъ, работа.

⁶⁾ Срв. еще польское tęcza радуга, съ e, а не съ a.

2. Слова ж. р. на ја, съ долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Българскія:	Чешскія:	Праславянскія:
горѡжа доп. заборъ ¹⁾ .	грађа.	grája.	—	hráze плотн-на.	градја (градја?).
дѡча.	dáha помни-ки.	dáča податъ.	—	—	датја.
жажда.	жеђа ²⁾ .	žtja.	жежда.	—	жеңдја.
стража, сторожа ³⁾ .	стража, чак. стража Маж.	stráža.	—	stráže.	стража (стража?).
сүша.	сүша, чак. сүща Маж.	súša.	сүша.	souše.	сүша (сү-ша?).

Б. Слова ж. р. съ насуффикснымъ удареніемъ⁴⁾.

1. Съ краткимъ кореннымъ гласнымъ.

земля, зѣмлю, -я, земель.	зѣмља, зѣмљи, -у, -е, земальа.	zémlja, zem- ljē; резь. zamńǎ.	земја.	zěmě.	зѣмја, зѣмјоң, зѣмјецъ ⁵⁾ .
змѣя, змѣи.	змѣја, змѣ- је ⁶⁾ .	—	змѣја, змѣ- ји ⁷⁾ .	zmĭje.	змѣја.
зоря, зорю, зори.	зора, зору, Будм. зори.	zǒrja, zǒrja, zǒrjĕ.	зоря.	zoře.	зѡрја, зѡр- јоң.
межа.	мѣја, мѣји, -у, -е.	méja, mejĕ.	—	meze.	мѣдја.
петля, обьки. петля.	пѣтља.	pétlja.	петля.	—	петля (пѣтля?).
ржа.	рђа, рђу, рђе ⁸⁾ .	rgja.	—	словац. rza = поль. rdza.	рђдја.
стезя.	стѣза.	stěza, stéza.	—	stez, стар. steze.	стѣзја.

¹⁾ Русская форма этого слова не соответствует сербской. См. гл. I, стр. 13, прим.

²⁾ По-чакавски жеђа Маж.

³⁾ Судя по-русскому сторожа, мы у Сербовъ ожидали бы выговора стража.

⁴⁾ И къ этимъ словамъ относится законъ первоначальной баритонности звательнаго падежа. См. стр. 250, прим. 3 и стр. 255, пр. 1.

⁵⁾ По-литовски zėmė, тв. zėmė, вин. мн. žemėš.

⁶⁾ Маж. — змѣја, Беричъ — змѣја.

⁷⁾ Обыкновенно произносятъ змѣја, зѣми.

⁸⁾ Дательный ед. ч., по Будманіевой грамматикѣ, рђи.

2. Слова съ долгимъ кореннымъ гласнымъ у Сербовъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
душа, дѣшу, души.	душа, дѣшу, душе.	duša, duš.	душа.	duše.	душа, дѣ- шоу, дѣ- шеу.
свиный, сви- ный.	свиный, сви- ный.	svinja, svinjē	свиный.	svine.	свиный ¹⁾ .
свѣча, свѣчи.	свѣча.	Кор. S. 113. sviča.	свѣта.	svíce.	свѣтъ.

VII.

Слова темнаго образованія²⁾.

I. Слова 1-го склоненія (со включеніемъ 1-го различія 4-го).

A. Трехсложныя („двухсложныя“) съ начальнымъ (накореннымъ?) удареніемъ.

вѣчеръ.	вѣчѣ, -ера ср. р. ³⁾ .	večer, večer, vāčer.	вѣчер ж. р.	večir, večer.	вѣчеръ.
гайворонъ.	гаврѣн, -а.	gavran.	гарван.	havran.	гарванъ ⁴⁾ .
говѣрь.	говѣр, мѣст. говѣру.	govor, go- vor.	говѣр.	govor.	говѣрь (?).
голубъ, -я, -ей.	голѣб.	golub, резъ. gōlup.	гѣлѣб.	holub.	голѣбъ.
Господь, Гос- пода ⁵⁾ .	гѣспѣд, -ода.	gospod, резъ. gōspud.	гѣспѣд, на гѣспѣдѣ.	—	гѣспѣдъ и гѣспѣдъ?
дѣверъ.	дѣвѣр, -ера.	dēver, -а и devēr.	дѣверъ.	ст. deveř.	дѣверъ.
жѣлудъ.	жѣлѣд чер- ног.	želud, -loda.	жѣлѣд.	žalud.	жѣлѣдъ.

¹⁾ Слово скиматъ, очевидно, производное.

²⁾ Это слова производныя, которымъ я затруднился найти мѣсто во второй от-
дѣлѣ таблицъ.

³⁾ Бываетъ и женскаго рода: вѣчѣр, вѣчѣри; мужескій родъ является только
въ выраженіи добар вече.

⁴⁾ Или гарванъ? Я полагаю, что болгарская форма этого слова ближе другимъ
подходить къ праславянской, и что остальные переначены, примѣнительно къ сло-
вамъ гранъ и гам.

⁵⁾ Единственное въ своемъ родѣ слово: окситонное въ именительномъ и баритонное въ остальныхъ падежахъ!

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Православянскія:
заяць, зайца.	зѣц, вм. за- јец.	zâjес.	зâјец, зâјци.	zâјс.	зâјецъ.
яворъ.	јâвop, -ора.	јâвop.	јâвop, јâвopи.	јâвop.	јâвopъ.
ястребъ.	јâстрѣб.	јâstreb ¹⁾ .	—	јѣstřâb.	јâстрѣбъ.
кашель, -шля.	кашаъ, кашья.	kašъlj, -šlja.	—	kašel и kašel.	кашьль ²⁾ .
локоть, -ктя.	лâкат, -кта ³⁾ .	резь. lâhat, -hta ⁴⁾ .	лакѣт, лактв.	loket.	лакть.
мѣсяць.	мѣсѣц, м. ме- сѣцу.	mâсec; резь. mâсac.	мѣсѣц.	měsíc.	мѣсѣць ⁵⁾ .
ноготъ, -гтя, -гтѣй.	нôкат, -кта.	nôht, nôh- tâ ⁶⁾ .	нôкет, -кти ⁷⁾ .	nehет.	нôгть (о?).
наукъ, -ука.	пâ ук.	pâјъk.	пâјък.	равouk.	пâбцкъ ⁸⁾ .
пепель, -пла.	пѣпѣо, -ела.	perpĕl, -a ⁹⁾ .	пѣпел.	popel.	пѣпелъ.
пѣнязь ст.	пѣнѣз, -а Маж. ¹⁰⁾ .	pĕnez, -a (-tza).	—	peniz.	пѣнѣзь.
сѣверъ.	сѣвѣр, -ера.	sĕver, -rja.	сѣвер.	sever.	сѣверъ.
таборъ.	тâбор.	tâbop.	—	tâbor.	тâборъ.

Б. Трехсложныя (двухтрехсложныя) и. р. съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

берлога ж. р.	бѣрлог, -а.	bъrlôg, -ôga.	—	brloh и -ha.	бѣрлогъ, -а.
олень, -я.	јѣлен, -а.	јѣlen, јѣlĕna.	—	jelen.	јелѣнь, -ја ¹¹⁾ .
языкъ, -ыка.	јѣзык, -а.	јѣzik, јѣzika ¹²⁾ .	језик.	jazyk.	јѣцьыкъ, -а ¹³⁾ .

¹⁾ Бохинское jâstrof.

²⁾ Корень этого слова как (= лит. kos-ti, санскр. kâs), лл — наставка, очевидно, сложная.

³⁾ Мажуранчъ пишетъ лâкат, -кта.

⁴⁾ Валавецъ приводитъ словенскія формы lakĕt (lakĕt), род. laktâ и lâkta, которыя не соотвѣтствуютъ ипославянскимъ.

⁵⁾ Ср. также польское miesiâc, miesiâca.

⁶⁾ По-резьянски pôhat, -hta.

⁷⁾ Или, съ другимъ кореннымъ гласнымъ, nehет, -кти.

⁸⁾ Паоцкъ я считаю словомъ предложнымъ. См. гл. VI, стр. 143, 3 стр. св.

На счетъ количества о (ж), ср. еще поль. рајаk, рајака.

⁹⁾ По-резьянски роѣроец, роѣрѣла.

¹⁰⁾ У Караджича только множ. ч. пѣнѣзи ж. р.

¹¹⁾ Или јелы, -ене?

¹²⁾ По-резьянски језіk или јазѣk.

¹³⁾ Въ III главѣ (стр. 99, прим. 2) я высказался нерѣшительно на счетъ православянской акцентовки этого слова, но теперь я пришелъ къ убѣжденію, что нашъ выговоръ есть только подражаніе наклонной акцентовкѣ суффикса ѣк = ѣк: му-

Русскіе:	Сербскіе:	Словенскіе:	Болгарскіе:	Чешскіе:	Нараславянскіе:
князь, князя.	кнѣз, -а.	kněz, knęza.	—	kněz.	кнѣнѣзь, -зя.
медвѣдь, -я.	мѣдвед, -а.	médved, medvída.	—	medvěd.	медвѣдь, -н.
орѣхъ, -а.	орѣх, -а.	órech, орѣха.	орѣхъ и орѣх.	ořech.	орѣхъ, -а.
печать, -н ж. р.	пѣчат, -а.	pečat (pečät) pečäta.	—	pečet'.	печать, -н м. р.
пелѣнь, -н ж. р.	пѣлин, -а черн.	pelin (pelin), pelina.	пелѣн.	pelun м. р. pelunъ ж. р.	пелѣнь, -н м. р.
товаръ, -а.	товар, -а вѣжокъ.	товаръ, товора. га.	товар.	товаръ словац.	товаръ, -а.
человѣкъ, -а.	човек, -а.	človek, člo- vika.	чолѣк.	človek.	человѣкъ, -а.

В. Трехсложныя (двухтрехсложныя) н. р. съ наклоннымъ удареніемъ.

ярѣмъ, -рмѣ.	járam, -рма.	járgъm, -гма.	—	—	jarъmъ, -ьмѣ.
комаръ, -арѣ.	комѣр, комѣ- ра.	komár.	комѣр.	komár.	комѣръ, -ѣрѣ.
овѣнъ, овна.	овѣн, овна.	овѣнъ, овна ¹⁾ .	овѣн, овни.	—	овѣнъ, -ьнѣ ²⁾ .
овѣсъ, овса.	овѣс, овса.	овѣсъ, овса ³⁾ .	овѣс.	oves.	овѣсъ, -ьсѣ.
рукавъ, -авѣ.	рукавъ, рука- ва.	рукѣвъ, -а.	рукѣвъ.	rukáv.	рукавъ, рукавѣ.
рожѣнъ, -жнѣ.	рожавъ, -жнѣ	—	рожавъ.	rožen (ol).	рожавъ, рожавѣ ⁴⁾ .
соколъ, -а и со- колъ, -олѣ.	соколъ, сокола.	sókol [s(о)- kól], sokól- la ⁵⁾ .	соколъ?	sokol.	соколъ, соколѣ ⁶⁾ .
хребѣтъ, -бѣтѣ.	хѣрбат, хѣрпта.	хѣрбѣтъ, - бѣтѣ (hěrbět).	хребѣтъ, хре- бѣтѣ.	hřbet.	хребѣтъ, хребѣтѣ ⁷⁾ .

жѣкъ, -икѣ и т. н. Акцентовку языкъ, -ѣка (такъ лица духовнаго званія обыкновенно произносятъ это слово въ значеніи Sprache, такъ оно акцентуется въ церковныхъ книгахъ) я такимъ образомъ считаю архаизмомъ, хотя она намъ кажется искаженною и искусственною.

¹⁾ По-резьянски ovän (ovĕn), imnâ.

²⁾ У Литовцевъ — ávinas, мн. avinai. См. гл. XIII, стр. 218 и 221.

³⁾ Родительный можетъ и окситоваться: овѣсъ. По-резьянски oväs.

⁴⁾ Слово рожанъ, равно какъ вышеприведенныя околъ, ржжкъ, слѣдовало бы отнести во второй отдѣлъ акцентовочныхъ таблицъ, т. е. оно представляеть легко отдѣльную наставку.

⁵⁾ По-резьянски sokól.

⁶⁾ По-литовски sakalas, мн. sakalai. Ср. стр. 15 и стр. 221 пр. 1.

⁷⁾ Срв. еще и польское grzbiet. По-сербски, кромѣ хѣрпта, подъ вліяніемъ именительнаго, говорятъ также хѣрбата. Караджичево хѣрпта несомнѣнная оечатка. — Наставка въ этомъ словѣ очевидно гтѣ.

II. Трехсложныя слова 2-го склоненія.

А. Съ удареніемъ на начальномъ слогѣ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Белгарскія:	Чешскія:	Православянскія:
озеро, мн. озе- ра (озера).	језеро, језе- ра, језерѣ.	језеро (jeze- ro ¹⁾); рець. oězoerŭ.	ѣзеро.	jezero.	ѣзеро, мн. езера.
яблоко.	јѣбука ж. р.	јѣбылко ²⁾ .	јѣбылка ж. р.	jablko.	јѣблѣко.
олово.	олово.	—	—	olovo.	олово.

Б. Трехсложныя ср. р. съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

*говѣдо: го- вѣдина.	гѣведо.	gŭveda ж. р.	говѣдо.	hovado.	говѣдо.
желѣзо.	жѣлезо.	železo ³⁾ .	желѣзо.	železo.	желѣзо.
колѣно.	кѣленѣ.	kŭlenŭ.	колѣно.	koleno.	колѣно.
копыто.	кѣпѣто.	kŭpŭtŭ.	копыто.	kopyto.	копыто.
корыто.	кѣрѣто.	kŭrŭtŭ.	корыто.	koryto.	корыто.
полѣно.	пѣлено чер- ног.	poleno.	—	poleno.	полѣно.

III. Слова 3-го склоненія.

А. Съ удареніемъ на начальномъ слогѣ.

ягода.	јѣгода fra- gum.	јѣгода.	јѣгода.	jahoda.	јѣгода.
мѣчеха.	мѣхеха.	мѣчоха.	мѣштѣха.	macocha.	мѣтѣхеа.
пазуха.	пѣзухо ср. р.	pŭzucha, pŭ- zha.	пазуха, пѣ- ва.	razucha.	пѣзуха.
ужина ⁴⁾ .	ужина пол- дникъ.	jŭžina.	—	—	ужина.

¹⁾ Kří po Krájnĭ, Korotáni Prelĭta napolnĭla bi jezéro. Prešeren. Krst pri Savici. Vvod, 6. (Položnik. Grammatik der slovenischen Sprache). Полагаю, что такая акцентовка первоначально была свойственна одному множественному числу, въ которомъ jezeга легко могло развиться изъ jezèга = осл. jezegà (появленіе & вмѣсто е объясняю себѣ тѣмъ, что удареніе, сравнительно съ единственнымъ числомъ, казалось не оттянутымъ, а выдвинутымъ); чтобы jezeга соответствовало русскому озе́ра, я считаю мало вѣроятнымъ.

²⁾ Въ Бохинскомъ говорѣ јѣбука, у Резьянъ јѣбелко (-alko, -ulko).

³⁾ По-резьянски žeolŏžŏ.

⁴⁾ Обыкновенно ўжинъ ж. р.

Б. Слова съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

Русскіа:	Сербскіа:	Словенскіа:	Болгарскіа:	Чешскіа:	Нраславинскіа:
бесѣда.	бѣседа.	besēda.	—	beseda.	Бесѣда.
владыка.	владыка.	vladika.	владыка.	vladyka.	владыка.
громѣда.	—	gŕmāda.	громѣда.	hromada.	громѣда.
кобыла.	кѣбыла.	kobyła.	кобыла.	kobyła.	кобыла.
копрѣва.	кѣпрѣва.	kopriva.	копрѣва.	kopřiva.	копрѣва.
—	кѣшута.	košuta.	кошута.	сл. košut ¹⁾ .	кошута.
ливѣда м.гр.	ливѣда.	livāda.	ливѣда.	—	ливѣда.
лопѣта.	лопѣта.	lopāta.	лопѣта.	lopata.	лопѣта.
могила.	гомѣла ²⁾ .	gomila.	могила.	mohyla.	могила.
мотыка.	мѣтыка.	motyka.	мотыка.	motyka.	мотыка.
невѣста.	нѣвеста.	nevista.	невѣста.	nevěsta.	невѣста.
отава.	ѣтава.	otava.	—	otava.	ѣтава ³⁾ .
погачъ м. р. ⁴⁾ .	пѣгача.	rogāča.	погача.	—	погача ⁵⁾ .
полѣна.	полѣна.	poljana.	полѣна.	polana ⁶⁾ .	полѣна (?).
ракѣта.	рѣкѣта.	rakita.	—	rokyta.	ракѣта.
сѣкира.	сѣкира.	sekira.	—	sekyta.	сѣкира.

В. Трехсложныя 3-го склоненія съ окончаніемъ удареніемъ.

пчела, пчѣлы.	пчѣла, пчѣле, пчѣла ⁷⁾ .	bčela, bučela, čbela.	пчелѣ.	včela.	бъчелѣ.
господѣ, -ѣдъ, -ѣдамъ.	госпѣда.	gospōda.	—	—	госпѣда.
изба, -у и из- бу, -ы, -амъ.	изба.	izba, ispa.	—	izba.	изъба ⁸⁾ .
корчма.	кѣрчма.	kŕčma и kŕčmā.	—	krčma.	кѣрчма ⁹⁾ .
лебеда; юж. лобѣда.	лобѣда.	lobōda и lō- boda.	лобѣда.	lebeda; сло- вац. loboda.	лобѣда.

¹⁾ Košut значитъ козелъ.

²⁾ Не знаю, дѣйствительно-ли произошло гомѣла изъ могила, посредствомъ «не-рестановки»?

³⁾ Отава, собственно, слово предложное и средни съ тыгги, тоукъ.

⁴⁾ Родъ прѣснаго пирога. Дамъ.

⁵⁾ Едва-ли это слово заимствовано изъ итальянскаго fogaccia.

⁶⁾ Словацкое слово?

⁷⁾ По Буданин, рѣзкое удареніе свойственно также дательному и винительному ед. ч. пчѣли и пчѣлу.

⁸⁾ Срв. еще в. луж. stwa, н. луж. бра.

⁹⁾ И по-литовски karczeml̃. Слово это заимствовано Литовцами у Славянъ.

Русскія:	Сербскія:	Словенскія:	Болгарскія:	Чешскія:	Праславянскія:
но́чва или но́чвы ¹⁾ .	на́шве, на́ша- ва, на́шава. ма.	пъ́чвѣ.	нѣшѣтви.	—	нѣтъѣва?
пеленá. слобо́да и сво- бо́да.	пелѣна. слобо́да.	pelná. slóbóda, sló- boda, svó- boda.	пеленá. слобо́дја.	plěna. svoboda; сло- вац. slobo- da.	пеленá. слобо́да? свобо́да?
тетивá.	тетѣва.	tetiva.	тетивá.	tětiva.	тетѣва.

¹⁾ Ночвы — неглубокое корытце, лотокъ.

Слова производныя.

І. Слова мужескаго рода.

А. Съ притягательными наставками¹⁾.

а. Наставки съ наклоннымъ удареніемъ.

1. Наставка *акъ, акъ²⁾*.

Рус. слова: *вожакъ, гусакъ, дуракъ, землякъ, козакъ, макиакъ, пятакъ, простакъ, пустякъ, свойкъ, шишакъ*; род. — *вожакѣ, гусакѣ* и т. д.

Серб.: *веселяк, војак, вѣштѣк, дивьяк дикарь, земьяк, јунак, калпак, лежак гѣнтѣя, лудак, лѣвак юж. лѣвша, новак, пѣтак пятигѣтокъ, прѣстѣк, свѣак, род. свѣака = *својѣк, својѣка (рядомъ съ својѣк), тѣжѣк, шишѣк, шупляк дуракъ*; род. — *веселяка, војѣка* и т. д.

Слов.: *voják, gosák, divlják, zemlják, junák, ležák, levák, novák povicius, peták, rešák, goják, težák* поденщикъ. По-горенски (верхнеукраински) въ именительномъ ед. ч. нерѣдко слышится *ак*: *hgwták, inák (= junák), šwžák* и т. д.

Болг.: *будалак дуракъ, гроздак кисть винограда, долиѣк низовой вѣтеръ, живѣк ртуть, јунак, калпак, котѣк котъ, кривѣк посохъ.*

Чеш.: *voják, ležák, novák, pěták, prosták, rešák.*

¹⁾ Уже выше (гл. V, стр. 125, прим. 2) отиѣчено, что притягательныя наставки не вполне выдерживаютъ свой характеръ.

²⁾ Первое мѣсто, по азбучному порядку, должно было собственно принадлежать окончанію *акъ*, но это окончаніе весьма рѣдкое, которое, быть можетъ, не слѣдуетъ даже считать наставкою: могу привести русскія слова *очагъ, -агѣ* и *рычагъ, -агѣ*, сербскія — *бурѣг, бурѣга Thiermagen* и *кърчѣг, кърчѣга, болгарскія — кърчѣг* и *очѣг*, чешское — *krčah (krčák)*. Можно ли, на основаніи этихъ словъ, говорить о праславянской притягательной наставкѣ *акъ, акѣ*? (Но *акъ, акѣ*, какъ, по опечаткѣ, сказано гл. V, стр. 125). Въ добавокъ, реченіе *очагъ*, общее Русскимъ, Болгарамъ и Сербамъ и звучащее у послѣднихъ *оуѣк, оуѣка* (или *оуѣк, -а*), заимствовано изчужда.

Въ нѣкоторыхъ словахъ наставка акъ, ака остается *безъ ударенія*:

Серб.: обесењак, паметьяк, плѣвњак гдѣ се плеваетъ дрижи, профѣяк.

Слов.: bišnjak кнутовище, golobnjak, gobjak, dišnjak труба, žlićnjak Löffelkorb, kŕavjak, lesnićnjak лѣсное яблоко, strumenjak¹⁾.

2. Наставка ачь, ача.

Рус. слова: богачь, бородачь, колачь, слячь, скрипачь, толмачь, трубачь; род. — богача, бородача и т. д.

Серб.: берач lector (videmmiator, messor), ковач, колач, копач, крѣ-
яч, орач, помагач, покривач, трубач; род. — берача, ковача и т. д.

Слов.: берач нищій, bradac, brjac, glavac, kovac, kolac, korac, kŕ-
jac, kŕpac, oŕac, oterac полотенце, pokrivac, roŕac, snubac, škŕpac,
tolmac.

Болг.: берач собиратель винограда, готвач поварь, играч, ковач, ко-
лач, копач, крѣпач, мазач, орач, помагач, подвѣрзач переплетчикъ, покри-
вач, рогач олень, стрелач, jezdac.

Чеш.: hlavac, hrac, kovac (словац. kovac), kolac, oŕac, ruskac Grosz-
lippiger, Uebermuthiger, rohac, trubac.

Наставка аѹа остается *безъ ударенія* въ нѣкоторыхъ *словенскихъ* рече-
нїяхъ: futač upra, gŕgač lanus solurio и т. д.

3. Наставка ашь, аша.

Рус. слова: мурашь, торгашь, шалашь; род. — мураша и т. д.

Серб.: богаташ, бѣркаш, великаш, кочијаш, пайдаш, ракијаш, шајкаш
nauta qui est in шајка; род. — богаташа, бѣркаша и т. д.

Слов.: velikac, golibac incola tugurii, jahac всадникъ, kocijac, mejac
сосѣдъ, rajdac, plemenitac.

Болг.: богаташ, кочијаш.

Чешское (словацкое): velikac²⁾.

4. Наставка укъ, ука.

Рус. слова: индюкъ, каблукъ, клубукъ, мишукъ, сундукъ; род. — ин-
дюка, каблука и т. д.

¹⁾ Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ исключеній: слово *завтракъ* несомнѣнно представ-
ляетъ случай звукового правописанія, см. этимологическаго — *завтрокъ*.

²⁾ Послѣ наставки аша слѣдовало бы помѣстить наставку ога, на которую я
однако знаю только нѣсколько русскихъ и сербскихъ примѣровъ:

Русскія слова: батогъ, пирога, творогъ (род. батога, пирога, творога)
и чертога (род. — чертога).

Серб.: Кѣтог, Кѣтога названіе одного лѣса, бѣрлог, вѣрлог водово-
ротъ, кѣртог соръ, талог гуща, осадокъ.

Можно ли изъ этихъ словъ заключить о существованіи притягательной наставки
огъ, ога или-же ога, ога?

Серб.: *klóbuk, klobúka, хайдук, хайдúка.*

Слов.: *klóbuk (klóbuk), klobúka.*

5. Наставка *ухъ, уха (уха?)*.

Рус. слова: *кожухъ, лопухъ, пастухъ*; род. — *кожуха, лопуха, пастуха*. Впрочем, слово *кожухъ* имѣетъ также родительный *кожуха*: у Малороссовъ и Бѣлороссовъ (у послѣднихъ и *кожуха, и кожуха*).

Серб.: *кѣжух, -а (= мрус. кожухъ, -а), лѣпѣх, лѣпѣха, пастѣх, пастѣха* жеребець, *тѣрбух, -а*.

Слов.: *zavaljéh лежебока, kanjéh милва, kóžuh, kóžúha, lenéh лѣнтяй, ѿдерéh обираю, ѿгледéh шпионъ, pastéh жеребець, reperljéh, ролеžéh лѣнтяй, prevzetéh гордецъ, smьrdéh mustela putorius, trébuh (trébúh), trébúha (trébúha), čьgnéh homo niger.*

Болг.: *кожѣх, тѣрбух.*

Чеш.: *kožich, lорouch, trбуch.*

6. Наставка *унъ, уна*.

Рус. слова: *болгунъ, бѣгунъ, пискунъ, плавунъ, свистунъ, скакунъ, шипунъ, щелкунъ*; род. — *болгуна, бѣгуна и т. д.*¹⁾

Серб.: *богатун черног. богатъ, бѣдун черног. колючее растеніе, глѣдун щеголь, рѣчун счетъ, чѣкун ansa januae, uncus*; род. — *богатуна, бѣдуна и т. д.*

Слов.: *begún, гьгдун, jedún, краčун засовъ, plavún, гаčун, skakún, терпун, сарпун.*

Болг.: *пискун Dämpfer bei der Sackpfeife.*

Чеш.: *běhoun, руkoun.*

Исключенія составляютъ *русскія* слова *коршунъ* и *пѣстунъ*.

7. Наставка *ѣжъ, ежа (ѣжа?)*.

Рус. слова: *грабѣжъ, дѣлѣжъ, лупѣжъ, мятѣжъ, платѣжъ*, род. — *грабежа и т. д.* Наконечное удареніе представляетъ и слово *терпѣжъ*: не въ *терпѣжъ*.

Серб.: *грабеж, дрѣмеж, клѣтеж, кѣрпеж, лѣвеж лай, лупеж воръ, мѣтеж tumultus, мутеж aqua turbida, пилеж дѣтворъ, сѣтнеж мелюзга, срѣмеж стыдъ, тѣрпеж tolerancia*. Родительные, очевидно, *грабежа, дрѣмежа и т. д.*, что не соотвѣтствуетъ русскому выговору.

Слов.: *graběž, -ěža, delěž, -ěža наследникъ, jeběž, -ěža, lémež, lemita сошникъ, platěž, -ěža, seděž, -ěža, терěž, treběž новъ (род., безъ сомнѣнія, терěža и treběža).*

¹⁾ Такъ же акцентуется заимствованное слово *табунъ*; другое заимствованное — *драгунъ* — имѣетъ постоянное удареніе: *драгунъ, драгуна*.

Болг.: бодѣж, (дъжд-)валѣж, вѣрвѣж Gang, годѣж сговоръ, грабѣж, гърмѣж громъ, кърпѣж, лемѣж, метѣж, платѣж.

Чеш.: krádež, loupež.

Удареніе *накоренное*, которое въ Словенскомъ языкѣ, но не въ Сербскомъ, можетъ считаться оттянутымъ, представляютъ слѣдующія реченія:

Серб.: дѣреж, мадеж.

Слов.: bábněž, g'grdež Hassenswerther, klátež бродяга, pádež, -а, pálež болѣзнь винограда, čúdež ротозѣй.

6. Слова мужескаго рода съ притягательными наставками постояннаго ударенія.

8. а) Наставка анъ, ана (анъ?).

Рус. слова: братанъ, брюханъ, буянъ, бурьянъ, великанъ, головаъ, пузанъ, род. брюхана и т. д.; но кабанъ, -ана и бѣлор. кожанъ, -ана¹⁾.

Серб.: гòран черног.; главатан, носан, ноздърван чакав. (Берличъ); врагòлан, враголана petulans, гyшан, гушана columba gutturosa.

Слов.: Azijan, bòlvàn (bòlvàn), bratàn filius fratris mei patris, velikàn, v'ščan, glavàn, gòrjan, deželjan землякъ, dòlgàn долговязый, zòbàn, kristijan, mòdrijan, meščan (meščan) горожанинъ, nosàn, okàn, otòščan островитянинъ, pògàn (pògan), seljan, tlačan, uhàn серьга, čakàn.

Чеш.: bratran, tchàn.

Удареніе *накоренное* представляетъ рус. слово розанъ, которое я считаю заимствованнымъ изъ нѣмецкаго множественнаго числа Rosen розы. (Подобнымъ же образомъ въ словѣ локонъ вижу нѣмецкое Locken кудри). Дѣйствительнымъ исключеніемъ, кажется, можно считать болгарское реченіе бурянъ, названіе какого-то растенія.

8. б) Сложная наставка анинъ (анинъ? анинъ?).

Рус. слова: армянинъ, гражданинъ (и гражданинъ), мірянинъ (мірянинъ), назарянинъ церк., селянинъ, христіанинъ (христіанинъ)²⁾, хуторянинъ мр. (род. армянина, гражданина и т. д.); кievл'нинъ, москвит'нинъ.

Серб.: jèрменин, сèленин, хрiшћанин, — грађанин (мн. ч. грађанн), дубрòвчанин (у Берлича — дубрòвчанин), кòст'јинчанин, кàранòвчанин, ц'ариграђанин.

Болг.: ермèнин, горн'јанин (ја?), гражданин (гражданин: граждàне), христ'јенин; сèлјанин: сèлјане.

¹⁾ У Востокова брюханъ и пузанъ помѣщены въ число словъ съ *подвижнымъ* удареніемъ, рядомъ со словомъ кабанъ. Последнее слово считается, какъ известно, заимствованнымъ изъ чужа. — Кожанъ значитъ летучая мышь.

²⁾ См. гл. I, стр. 13.

9. Наставка ан, ѓја (тн, тја).

Рус. слова: глупендѣй, коровай, лишай, глѣнѣй, нагонѣй, напрягай выговоръ, негодѣй, поддергай носящій короткое платье, скупердай, урожай, шугай (родъ кофты безъ лифа)¹⁾, род. — глупендѣя, короваѣя и т. д.

Серб.: кравај: кравајноша, ратај черног. Кар. [Беричъ — ратај (чак.); Маж. — ратај]. Рѡжај, -аја названіе мѣстности, шѣрај (у Сријему) *bos cornua diversa habens*.

Слов.: bežaj, boğatâj, ыгъšâj, дъгъžâj, lišaj (по-резь. lišaj), lučaj, obi-čaj, роlωžâj, ratâj, streljâj и др.

Болг.: кравај, обичеј (обычей), ратај (и ратај).

Чеш.: kročeј, obličej, obyčej, zvuceј.

Иной выговоръ представляютъ:

Рус. слова: обичай, ратай²⁾, случай (также случай).

Серб.: вѣршај (мѣст. вѣршају) Schicht Garben, догабај, залогај, лишай, нараштај, обичај (мѣст. обичају), опроштај, случај (мѣст. случају), тецај.

Слов.: dowtiklaj, dgoblaj, grizljaj, migljaj и др.

Болг.: лишеј, случеј, шуреј (шуринъ).

Б. Слова съ безотносительными наставками.

10. Наставки зкъ и акъ.

а. Слова простые.

а) Окситонныя.

Рус.: валекъ, волотокъ, вершокъ, голосокъ, голубокъ, гробокъ, гроздокъ, конекъ, листокъ, пятокъ, песокъ, станокъ, стручокъ, холодокъ, цветокъ, четвертокъ, род. — валька, волотка и т. д.

Серб.: ваљак, влѣтак (влѣт) ум., вѡлак род. вока, вѣршак, вѣзак (вѣз) ум., глѣсак (гѣѣс) ум., голубак, грѡбак, грѡздак, дѣрак, дѣржак анса, лѣстак, пѣтак, пѣсак, стѣнак, стручак, хлѣдак, цвѣтак, четвѣртак, члѣнак; род. — ваљка, влѣтка и т. д.

Слов.: bwbk, bwbc̣k, vwlk, gwzḍk, gwobk, gwzḍk, gwoḅk, ḍžk, zvwp̣k, (zvwp̣s), kwzlk, kwpc̣k (kwp̣s), kwj̣k, kwrc̣k (kẉs), wsḷk [род. bwbk̄, bwbc̄k̄, wlk̄, и т. д.], гер̣к хвостикъ, zw-

¹⁾ Не знаю, на какомъ основаніи Гротъ въ этомъ словѣ, а также въ словѣ коровай, не признаетъ ай производною наставкою. Но, кажется, онъ правъ, когда говоритъ это о томномъ речевіи горностаѣй, -ѣя, и несомнѣнно правъ относительно пришлого речевіа сараѣй, -ѣя = серб. сарај, -аја, болг. сарај.

²⁾ Слово ратај [= осн. artajas (лит. artojis)] очевидно приняли за сокращеніе изъ оратаѣй.

рѣкъ, спорѣкъ, стрѡсѣкъ, вѣгрѣкъ, четвѣртѣкъ, сѣпѣкъ; род. — герка, спорка, спорѣка, стрѡска и т. д. ¹⁾).

Болг.: белтъкъ, мн. -ѣци бѣлокъ. Слова патъкъ, пѣскъ и четвѣртъкъ по-болгарски баритонуются.

β) Слова баритонныя.

Рус.: барашекъ, горошекъ, листочекъ, орѣшекъ, человекъ ²⁾).

Серб.: гавранак Маж., грашак (и грашак) Маж., јаблинак, јаворак.

Слов.: бѣтъкъ бычокъ, брѣтъкъ бережокъ, брутъкъ брусокъ, вѣтъкъ вѣнокъ, глѣтъкъ*, гѡлѡбтъкъ (gѡлѡb)*, дѣптъкъ денекъ, дѣптъкъ дымокъ, зѣптъкъ, јѣлѣптъкъ серб. јелѣнак, језѣтъкъ язычокъ, клјѣтъкъ, кѡкѡтъкъ (kѡkѡt), кѡлѣтъкъ, кѣрѣтъкъ, лѣптъкъ*, ѡблѣтъкъ (ѡblѣk), ѡбгѣтъкъ (obgѣz) образокъ; ѡгѣтъкъ, рѣлѣтъкъ (rѣlѣc), ргѡтъкъ, рѣтъкъ*, рѡжтъкъ, гѡкѡвѣтъкъ, свѣтъкъ (svѣtѣk) праздникъ, ллѣдтъкъ*, свѣтъкъ (svѣt) цвѣтокъ, сѣстъкъ (сѣs) часокъ, сѡвѣтъкъ, сгѣвѣтъкъ ³⁾).

Болг.: пѣтъкъ*, пѣстъкъ*, четвѣртъкъ*.

б. Слова составныя.

α) Окситонныя.

Рус.: початокъ, -ткѣ мѣр.

Серб.: добѣтак, додѣтак, напѣтак, оснѣтак, почѣтак, развѣтак, свѣтак, свѣршѣтак.

Слов.: зарѣтъкъ, -ткѣ (zarѣtѣk) болтунъ (лицо).

¹⁾ Наконечная акцентовка такихъ реченій (да и тѣ не всѣхъ) составляетъ особенность верхнекравинской рѣчи: у прочихъ Словенцевъ мы находимъ формы вѡлѣкъ, вѣгрѣкъ, четвѣртѣкъ и т. п.

²⁾ Баритонками бываютъ также всѣ составныя реченія (нпр. переѣсокъ, по-лушубокъ). — Къ баритоннымъ принадлежатъ также двусложныя вѡйлокъ, кубокъ, лучекъ, прѣдокъ, рынокъ и хлопокъ. Изъ числа ихъ, кубокъ и рынокъ заимствованы изъ Польскаго (kubek, gupек) и сохраняютъ свою тамонную акцентовку; вѡйлокъ вѣроятно тоже не русское. Слова лучекъ и прѣдокъ, по всей вѣроятности, баритонуются въ отличіе отъ словъ лучокъ (орудіа) и передокъ (передная часть), хлопокъ — чтобы не имѣть вида отглагольнаго (отъ хлопать). См. у Грота. Фил. набл., стр. 355—356 (343—344 2 изд.). Слово лишекъ, быть можетъ, представляетъ позднѣйшее отвлеченіе отъ предложнаго изглѣшекъ.

³⁾ Звѣздочками отмѣчены тѣ слова, которымъ въ Русскомъ и Сербскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ окситонки (въ Сербскомъ, собственно, — бывшія окситонки). — Наставки акъ, акъ у Словенцевъ, какъ кажется, отчасти смѣшались съ наставкою мкъ: такъ реченія зѣптъкъ, клјѣтъкъ, кѡлѣтъкъ, кѣрѣтъкъ, рѣлѣтъкъ, ргѡтъкъ, гѡкѡвѣтъкъ, свѣтъкъ, сѣстъкъ едва-ли ни равны русскимъ зайчикъ, ключикъ, купчикъ, пальчикъ, прѣтѣтъкъ, рукавчикъ, цвѣтикъ, часикъ, и бѣглость глухого въ нихъ слѣдуетъ считать позднѣйшимъ явленіемъ.

β) Баритонныя.

Рус.: взлѣбокъ, заголѣбокъ, загрѣвокъ, затѣлокъ, напѣтокъ, однолѣтокъ, полушѣбокъ, почѣтокъ, свѣтокъ, скѣлокъ, снимокъ, списокъ, убытокъ, урѣвокъ.

Серб.: дѣходак, зѣкрајак, зѣломак, зѣсѣлак, зѣтѣлакъ, нѣвѣлак, нѣзвук, нѣрамак fasciculus, ѣбојак, ѣглавак, ѣтражак, ѣметак, ѣрана, ѣривак черног. веренка у носильщицѣ.

Слов.: dobitъkъ lucrum, zatъkъ, zdъrъitъkъ содержаніе, izdъlъkъ издѣліе, oblъotъkъ, pъdbrъdъkъ, pъdglъvъkъ, prijъtъkъ приемъ, spъotъkъ, upъdъkъ, uctъkъ. Акцентовку этихъ реченій слѣдуетъ считать исконною, а не отглагольною: на это указываютъ угрословенскія и кавкаскія слова dъohъdъkъ, nъpъitъkъ, otъesъkъ (рядомъ съ otъesъkъ), opъigъkъ ablutio.

11. Наставка аца.

а. Двусложныя (первоначально трехсложныя слова).

α) Окситонныя.

Рус.: борѣць, горобѣць мр. воробей, вдовѣць, вѣнѣць, жилѣць, жеребѣць, жнець, юнѣць, конѣць, косѣць, ловѣць, мудрѣць, мертвѣць, отѣць, писѣць, пловѣць, пѣвѣць, самѣць, скворѣць, скупѣць, слѣпѣць, сосѣць, телѣць, чернѣць; род. — борца, горобця, вдовца и т. д.

Серб.: vъrъbъaц, yдъbъaц, (yдъbъaц), вѣнац, ждрѣбац, јунац, кѣнац род. кѣнца, кѣсац, кѣпац, лѣвац род. лѣвца, лѣнац род. лѣнца, мѣлац моль, мѣдарац, мѣртац род. мѣрца (мѣртвац, мѣртваца), ѣтац род. ѣца, пѣсац, сѣмац, свѣрац, свѣтац, сквѣрац дубр., слѣпац, тѣлац, хрѣмац, цѣрнац, род. — вѣрпаца, удѣвца, вѣнца и т. д.

Слов.: bъogъcъ (bъogъcъ), vъrъbъcъ, vдъovъcъ, glъiъcъ, gnъjêdъcъ ime volu, žrtъbъcъ, žъnjъcъ, igъtъcъ, jъnpъcъ, kъopъcъ, kъosъcъ, kъupъcъ (kъupъcъ), lъovъcъ, lъopъcъ, lъъžъcъ, mъdъrъcъ, otъcъ (otъcъ), plъovъcъ, pъevъcъ, sъamъcъ, svъtъcъ (svъtъcъ), škъogъcъ, skъopъcъ (skъupъcъ), slъipъcъ, slъpъcъ высокъ, svъtъcъ, tъelъcъ, hrъovъtъcъ, žъgnъcъ.

Болг.: баклѣц растеніе, вѣрѣц, вдовѣц, вѣнѣц, жилѣц, жѣребѣц, жѣрѣц, конѣц, молѣц, мѣртвѣц, писѣц, свѣрѣц, свѣтѣц, синѣц незабудка, слѣпѣц, хрѣмѣц; мн. ч. — баклѣци, вѣрѣци и т. д.

β. Слова баритонныя.

Рус.: агнець, глянѣць, дѣмець, палець, пѣрець, ранѣць, старѣць, танѣць¹⁾.

¹⁾ Глянѣць, ранѣць и танѣць просто оставляютъ удареніе на томъ же слогѣ, которому оно свойственно въ Нѣмецкомъ языкѣ, изъ коюго они взяты. Слово пѣрець, конечно, тоже иностраннаго происхожденія.

Серб.: звѣнац, -ница, пѣлац, пѣлац, стѣрац, тѣнац (род. пѣльца, пѣльца, стѣрна, тѣнца).

Слов.: ѡгпѣс, знѣпѣс, рѣлѣс, стѣгѣс.

Болг.: старецъ.

γ. Слова сомнительной акцентовки.

Реченія *уменьшительныя* и *названія лицъ и предметовъ, означающія ихъ происхожденіе въ Русскомъ языкѣ* обыкновенно баритонуются, но у Сербовъ и у Болгаръ нерѣдко оказываются окситонками (у первыхъ — бывшими окситонками).

α. Уменьшительныя.

Рус.: брѣтець, дѣрець, хлѣбець, шкѣпець. Однако овсѣць; таковы же мѣстныя формы: бѣлорус. блинець, малорус. вітрець, камінець.

Серб.: брѣтац, брѣсац, граѣац, двѣрац, дрѣбац, дѣбац, сѣрац (род. сѣрца), хлѣбац, хумац, хѣтац.

Слов.: brѣtѣс, brѣdnѣс (brѣdnѣс), bѣtѣс, bѣgѣс, brѣzѣс, gѣjѣс, glѣsѣс, grѣdѣс, grѣwbѣс (grѣwbѣс), grѣwzѣс, dnѣwѣс (dnѣwѣс), dѣdѣс, dѣlѣс, zгѣbljѣс (zгѣbъljѣс), zvѣnpѣс, zvѣncѣс (zvѣncѣс), kljѣcѣс, kѣlѣс, kѣlѣс (kѣlѣс), kѣwѣс (kѣwѣс), krѣzѣс, kѣzѣс, kѣtѣс, lѣncѣс (lѣncѣс), nѣwѣс (nѣwѣс), rѣbѣс, rѣzѣс, stѣlѣс, stѣlѣс (stѣlѣс), stѣbgѣс (stѣbъr), hlѣbѣс, hrѣbtѣс (hrѣbtѣс), hѣtѣс, сѣртѣс (сѣртѣс orchis), сѣsѣс, сѣspѣс, сѣbgѣс (сѣbъr), ѣkѣdnѣс (ѣkѣdnѣс), ѣсѣrѣс палочка.

Болг.: брѣтец, волец, венѣец, ветрец и ветрець, гласѣц, градѣц, дѣждец и дѣждець, кѣсѣц, лѣстец и лѣстець, лѣчец, медец и медець, прѣстец, снежець, столец, хлѣбец.

β. Названія по происхожденію.

Рус.: гѣрець, лѣпець, нѣмецъ. Насчетъ слова нѣмецъ см. стр. 114, стр. 7.

Серб.: нѣмац, сѣмац.

Слов.: lѣrѣс, nѣtѣс.

Болг.: гѣрец, нѣмецъ.

б. Многосложныя.

а) Ударяющія на предконечный (нервоначально допредконечный) слогъ.

Рус.: африкѣнецъ, владѣлецъ, гостѣнецъ, дохѣдецъ ум., журналѣецъ ум., звѣрѣнецъ, индѣецъ, испѣнецъ, италѣнецъ, младѣнецъ, румѣнецъ, торговѣецъ, уродець ум., уроженѣецъ, хомѣтець ум., червѣнецъ.

Серб.: влѣдѣлац, дѣходац човѣк коју уѣ жени у куѣу, загорац, јѣзѣлац, кѣноѣац ум., подравац, погѣрѣлац, пѣсѣвац, прѣморац, сѣкаѣвац кузничикъ, тѣрговац, чѣниѣлац, цѣрѣдѣгорац, цѣрѣдѣкаѣац, цѣрѣдѣкорац.

Слов.: bogătъcъ, bogatînъcъ, vьrtînъcъ, gьwьwrljînъcъ, gwłbъcъ ум., gre-bêпъcъ, darîвъcъ, dremljânъcъ, edinowojêпъcъ, zelêпъcъ блѣдный челоуѣкъ, родъ ящерицы, zлwđînъcъ, izgubljêпъcъ, jelêпъcъ, kьwъmъgъcъ ум., kьwъrъпъcъ ум., lađînъcъ, mladêпъcъ (mládenъcъ), pastîгъcъ ум., rijânъcъ, pьwdgьbъcъ, pьwslânъcъ, primьbъcъ, pьeklêтъcъ, pьгvêпъcъ*, гьkъkъvъcъ ум., akakъvъcъ locusta, пьbьdъcъ, umêпъcъ.

Болг.: безвѣрецъ, дърводѣлецъ грубиянъ, ерменецъ, звездобрѣецъ, липованецъ, младенецъ, младоженецъ, мореходецъ, познавецъ, прозорецъ, посланецъ, търговецъ.

б. Ударяющія на одинъ изъ начальныхъ словъ.

Рус.: бърхатецъ, възисканецъ, досканецъ, мыканецъ, приверженецъ, первенецъ, перемазанецъ.

Серб.: брѣзовацъ, бѣковацъ, варацъ, јасеновацъ, младенци молодые, младенцы.

Слов.: bájavъcъ incantator, brátranъcъ, brítwъcъ ум., brézwъcъ Birkenstock, gьbavъcъ leprosus, dьlavъcъ, zamázanъcъ, izvьlъjêпъcъ, jъvъwъcъ ум., kъmêпъcъ ум. (угросл., хорв. kamêпъcъ), kьwłêdъwъvъcъ, lъkьomъcъ, neutrъjêпъcъ, wbljúbêпъcъ, wdlъšavъcъ dilatator, pítanъcъ, pьremъgъvъcъ (-agъvъcъ), sьtъwъvъcъ.

Болг.: кладенецъ, козаревецъ, селенецъ, търновецъ, Царевецъ (терновскій замокъ).

в. Ударяющія на суффикс:

Рус.: варенецъ, изразецъ, леденецъ, молодецъ (молодецъ)¹⁾, образецъ, огурецъ, погребецъ, посланецъ (посланецъ), поставецъ (поставецъ), продавецъ, приженецъ, сорванецъ, студенецъ, удалецъ, холодецъ.

Серб.: зеленацъ ц. г. у води дубина, злочинацъ, комарацъ ум., пијанацъ, рукавацъ ум., fistulae genus, axis rotae, студенацъ.

Слов.: wъgъwъпъcъ (wъgъbъпъcъ) сосна, Gregьwъпъcъ ум. (Grégwъpъ), zagъwъпъcъ: wъпъ mъ je zagъwъпъcъ егъ istъ ihmъ gewachsen, zalanъcъ резъ. родъ ящерицы, Izraêпъcъ, Jeruzalémъcъ, platanъcъ резъ. корзинка, studêпъcъ [zdêпъcъ и (рѣже) studêпъcъ], tьwъbьwъпъcъ der Kьcher des Mъhders, тьгьpъwътъcъ (-bьтъcъ) plantago, hъgъbьwъпъcъ.

Болг.: беженецъ бѣглецъ, големецъ un grand, гражданинъ (-анецъ), гребенецъ Wollkamm, кривоцѣ извилины, пиженецъ, продавецъ, хубавецъ, чужденецъ иностранецъ.

¹⁾ См. гл. I, стр. 12.

12. Наставка ЛНИКЪ.

а. Слова окситонныя [съ наставкою ЪНИКЪ, ЪНИКА¹⁾].

Рус.: двойникъ, должникъ, духовникъ²⁾, клеветникъ, парникъ, печникъ, проводникъ, родникъ, ручникъ, сѣнникъ, ученикъ; род. — двойника, должника и т. д.

Серб.: бѣжник, вѣжник, вѣрсник, гласник, заповѣдник, зимовник, исповѣдник, помѣшник, рѣчник полотенце; род. — бѣжника, војника и т. д.

Слов.: bojnik, bołnik (серб. бѣник Кар.), branik защитникъ, vlastnik, voznik (рус. ѹзникъ), vojnuk, vgrstnik, glavnik гребень, glasnik, gradnik, dvojnuk, dołznik, zdravnuk, křstnik креститель (рус. крестникъ), křšćenik (и křšćenik), rozvanik (rozván), rošwočnik³⁾, godnik parens, gojenik parens (gójen, gójéna), gočnik, gedovnik, snežnik, senik, učeník (učén).

Болг.: блудник, војник, годеник обрученый, духовникъ; длѣжник, клеветник, кървник (и кървник), мързник неряха, пештник, проводник (проводник) рѣченик головной платокъ, рѣчник, ученик⁴⁾, хубостник красавецъ.

б. Слова баритонныя.

Рус.: безбожникъ, беззаконникъ, грѣшникъ, затворникъ, язычникъ, курникъ, мученикъ, наёмникъ, наперсникъ, покойникъ, поведѣльникъ, посланникъ, праведникъ, прѣздникъ, противникъ, птѣшникъ, путникъ, работникъ, разбойникъ, священникъ, школьникъ.

Серб.: безбожникъ, беззаконикъ, вратникъ черног. косякъ⁵⁾, грѣшникъ, кѣник черног. пут за коѣе, мученикъ, наѣмникъ, пѣкојникъ, пѣкорникъ, пѣсланникъ, праведникъ, прѣзник⁶⁾, прѣтивникъ, путникъ, работникъ, свѣштенник⁷⁾.

Слов.: bābnik Weibernarr, brezbožnik, grěšnik, duhovnik, dīmnik, dē-

¹⁾ Звукъ ѡ — долгій: по-чешски bezbožnik, bojovník, bídák, domovník, kouzelník, mučedlník, senník, svícník.

²⁾ По-сербски дѣховникъ и по-словенски duhovnik.

³⁾ Слов. rošwočnikъ соотвѣтствуетъ сербскому помѣшникъ, но не соотвѣтствуетъ русскому помѣшникъ.

⁴⁾ Русская, словенская и болгарская акцентовка этого слова одинакова, но по-сербски говорится ученикъ.

⁵⁾ Иную акцентовку имѣетъ русское слово *воротникъ* (воротникъ, -ика).

⁶⁾ Есть также слово прѣзникъ, прѣзника 1) = празнина 2) ц. г. = сиромаша. Это слово очевидно слѣдуетъ нечленному прилагательному прѣзанъ, -зна, зно, между тѣмъ, какъ прѣздникъ = рус. праздникъ придерживается членной формы прѣзникъ, -а, -ѡ = прѣздный, -ая, -ое. Ср. гл. V, стр. 128 (1).

⁷⁾ Сербская акцентовка этого слова соотвѣтствуетъ русской, но не соотвѣтствуетъ словенской svečenikъ: svečenikъ отъ svečén; русская же и сербская форма отъ членнаго вида. Или *цъ* и *штъ* не суть книжныя замѣны ч и ѣ, и священникъ не = svečenikъ, а произведено отъ прилагательнаго *свѣтцкъ?

lavnik будня, dělник, začítник, zgónwónnik (zgónwónen) orator, jezíčník Zungenfertiger, kadílník, kónjik, lákwšnik avarus, najémnik (угрослов., хорв. najemnik), парѣрsник, рѡкѡjник, ртíчник, рѡтник, газбѡjник, гáнjeník, trávnik, črídник, škôlník учитель.

Болг.: безакѡник, бездѣтник, бунтѡвник, вратник, годѣжник сватъ, заповѣдник, затвѡрник, извѣстник газета, изѣдник тиранъ, кúрник курятникъ, кúрсник, мъченик¹⁾, неверник, обѣсенник повѣщенный, плѣрник сѣновагъ, познáжник, покорник, пондѣльник, послáник²⁾, пѣтник, работник, свѣтильник, свѣщтильник, сглѣдник соглядатай, смърдник.

13. Наставка итја.

а. Слова насубфиксной акцентовки (итја, итjа или итja).

Рус.: рядовичъ, -ича (рядовой).

Серб.: гѡлпн, злпн, млáдпн, род. голпна, злпна, млáдпна; краљпн, леппирпн, лѡнчпн, мýжпн, месѣчпн, род. — краљпна, леппирпна и т. д., тпн, -а.

Слов.: бѣгíч, deklíч, mladíч, тѡžíч, тѣгíч, рѡгѡпíч, рѡзѡвíч, (рѡзѡвíч) Hochzeitsbitter, рѡlíч, прáзíч, рsíч, ртíч, род. — бѣгíча, deklíча и т. д.

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: бáричъ, рѡдичъ, собтчиъ.

Серб.: бýквпн fagus ragva, пѡлпн³⁾, цáрпн.

Слов.: dèdìч, mladèniч, гbìч.

14. Наставка мша [ышь⁴⁾].

а. Слова насубфиксной акцентовки.

Рус.: глупышъ, голышъ, катышъ, коротышъ, крѣпышъ, малышъ, род. — глупыша и т. д.

Серб.: блутпш inertiens, глáдпш, Гѡлпш, млáпш, нáшпш, полѣтпш ludi genus, пýнпш, род. — блутпша, глáдпша и т. д.

Слов.: drѡbíš кака-то трава, тѡдгíš василекъ.

Болг.: слеппш мѣдьяница.

б. Слова ненасубфиксной акцентовки.

Рус.: глáдышъ, дýтышъ, дѣтѣнышъ, зарѡдышъ, лáндышъ, мýкпшъ, найдѣнышъ, обѡрышъ, окѡлышъ, подкíдышъ⁵⁾.

¹⁾ Болгары, Сербы и Русские сходно акцентуют это реченіе, но Словенцы говорят тицѣпнк.

²⁾ Акцентовка слова посланик согласна съ русскою и съ сербскою, но расклается со словенскою — рѡslaník.

³⁾ См. гл. III, стр. 98.

⁴⁾ По-чешски lanpš (-ŷš) трюфель, měkkŷš dünnchalige Nuss, slerŷš (словац.).

⁵⁾ Два составныхъ слова имѣютъ *напредложную* акцентовку — вѣнгрышъ и прѡнгрышъ: первое благодаря предлогу вѣ (см. гл. V, стр. 135), а второе, вѣроятно, вѣ подражаніе первому.

Серб.: облиш *ghombus*, околиш.

15. Наставки отъ, етъ.

а. Слова съ насуффикснымъ ударениемъ.

Рус.: живѣть, -отъ.

Серб.: живот, живѣта.

Слов.: *živôt* (*živôt*), *živôta* и имена прилагольныя: *byrbôt*, -ôta *tô balbutire*, *gwhôt* хохотъ, *dъrgôt* дрожь, *klôkôt* *sonitus*, *klôpôt* *crepitus*, *krôkôt* *crocitus*, *гwрôt* *strepitus*, *swрôt* *anhelitus*, *тwрôt*, *hwôôt*, *hrpôt* охрипость, *шumôt* *sonitus*; *bekêt*, -éta (-éta) *balatus*, *blebêt* (*blébet*) *blate-ratus*, *bliskêt* (*blísket*), *klepêt* *crepitus*, *krékêt* (*kréket*) *crocitus*, *pekêt* топотъ, *regêt* (*réget*) кваканіе, *rezgêt* (*rézget*) ржаніе, *trepêt* (*trépet*), *cekêt* (*céket*) чириканье, *šepêt* *susurgus*, *šcгgêt* (*šćéget*) цескотанье¹⁾.

Болг.: живѣт, имѣт имущество, достояніе.

б. Слова съ накореннымъ ударениемъ.

Рус.: хѣботъ, кѣчетъ, крѣчетъ, грѣхотъ, рѣпотъ, тѣпотъ, хѣхотъ, лѣпетъ, скрѣжетъ, трѣпетъ.

Серб.: кѣкѣт чѣтухъ, грѣхѣт, клѣпѣт бряцанье, шлѣпанье, трѣпѣт, трѣсѣт трясина.

Болг.: ѣкот (звек и скот), трѣпет.

16. Наставка аръ.

а. Слова насуффиксной акцентровки [съ наставкою аръ, арја²⁾].

Рус.: букварь, вратарь, глухарь, господарь, звонарь, корчмарь, овчарь; род. — букваря и т. д.³⁾

Серб.: вѣлар, вратар, говѣлар, госпѣлар, другар, звѣнар, зѣдар, кѣлар, кѣрчмар, лѣкар, млѣкар, нѣжар, ѣвчар, писар, свѣнар; род. — волара, вратара и т. д.

Слов.: *vôlar*, *vratár*, *gъvedár* (и *gъvêdar*), *zvônár*, *zidár*, *kwôlar*, *kwôtlár*, *къгrêmár*, *lekár*, *пwžár*, *wvcár*, *pisár*, *svinjár*, *stôlar*, *čredár*, *čuvár*; род. — *vôlarja*, *vratárja* и т. д.

Болг.: бравар, бѣчвар, воденичар, глухар глухой, говѣлар, кожухар, колар извощикъ, ножар, овчар, свадбар, свинар, тьмичар, чехлар сапожникъ, чредар волопасъ.

¹⁾ Прилагольныя имена на отъ, етъ у Русскихъ и у Сербовъ баритонуются, см. подъ б. См. также гл. IX, стр. 180 (4).

²⁾ У Чеховъ *ář* и *ř* (*ř*): *vinař*, *vládař*, *dřevar*, *kučar*, *pekař*, *pišař* — *hosprodař*, *hnrčř*, *žňř*; *kolář*, *mydlář*, *mečř*, *nožř*, *rybář*, *sedlař*.

³⁾ Насуффиксное, но не наклонное удареніе представляеть слово государь, государя. — Подъ аналогію окситонокъ на аръ подведены заимствованныя пономарь (*παρονομαριος*) и царь = цѣсарь. См. гл. VI, стр. 142.

б. Слова ненасуффиксной акцентуовки.

Рус.: знахарь, лѣкарь, пахарь, пекарь, писарь¹⁾.

Серб.: бѣквар, бѣчвар, воденичар, кожар, кожухар, колар, минар, пекар, тамничар²⁾.

Слов.: kôžar краин. (kôžár), kôpitar, mînar, plâtnar, pšènar kamen и mlînu, koji prozo ljušti, hlèvar Stallknecht.

17. Наставка азъ.

а. Слова насуффиксной акцентуовки.

Рус.: козель, котель, орель, осель; род. козля и т. д.

Серб.: дѣтао, коѣтао, драо, дсала, паѣтао, пѣтао; род. дѣтла, котла, бра и т. д.

Слов.: dètyl и dètyl, žèžyl Schaufel, kóžyl, kótyl, ógyl, óžyl, pьkьl, -klà, skóžyl ястребъ.

Болг.: козел, котел, орел, петел; мн. ч. козля и т. д.

б. Слова накоренной акцентуовки.

Рус.: дятель, птеть³⁾.

Серб.: чѣвао, чѣвла; угал, угла (= жггал?), узал, -зла (= жггал?)⁴⁾.

Слов.: dètyl (dètyl), čávyl.

Болг.: средел.

В. Слова съ отклонительными наставками.

18. Наставка тгдд.

Рус. слова: 1) На *атель* (акцентуемыя сообразно съ глаголомъ, отъ косяго они произвѣдены) — дѣлатель, завоеватель, плаватель, податель;

¹⁾ Подобную же акцентуовку представляет слово сударь (которое впрочемъ употребляется только въ обращеніи и обыкновенно остается вовсе безъ ударенія). Въ такомъ выговорѣ этого реченія едва-ли ни слѣдуетъ видѣть остатокъ начальной акцентуовки звательнаго падежа (см. гл. XIV, стр. 226). Кстати замѣтить: я никакъ не могу убѣдить себя, чтобы слово сударь могло быть сокращеніемъ слова государь. — Слова лѣкара и писара у Сербовъ и у Словенцевъ принадлежатъ къ 1-ой группѣ (подъ буквою а).

²⁾ Слова бѣквар, воденичар, кожухар, колар и тамничар, первое въ Русскомъ языкѣ, а остальные въ Болгарскомъ, относятся къ 1-ой группѣ (подъ а).

³⁾ У Сербовъ слово дѣтлаа принадлежитъ къ 1-ой группѣ, у Словенцевъ колеблется между первой и второй. Насчетъ слова птеть см. гл. IV, стр. 115.

⁴⁾ Рус. уголь, угля, узель, узля, словенскія vògl (vògьl, vògàl), vòglà (vògàla), vòžyl (vòžyl), vòžlâ (vòžàla) и болгарскія ѣглы, ѣгли, ѣзлы, ѣзли, кажутся, указываютъ скорѣе на праславянскія оцгль, оцгла, оцзль; оцзля.

2) на итель, ѣтель — войтель, гонитель, грабитель, креститель, любитель, нарушитель, покровитель, правитель, ревнитель, спаситель, строитель, утѣшитель, учитель, хранитель¹⁾, — благодѣтель, свидѣтель.

Серб.: кѣрститељ, љубитељ, откупитељ, родитељ, спаситељ (Маж. спаситељ), створитељ, управитељ, утѣшитѣљ Берл. (чак.), учитељ, хвалитељ, хранитељ.

Слов. (угрословенскія и кавказскія): branitelj, glasitelj, oswoboditelj, rowsetitelj, rowditelj, ucitelj, hranitelj. По-краински существуетъ только одно слово съ наставкою telj — prijatelj, -tla²⁾.

Болг.: гонител, жител, мучител (книжнѣс?), представител, родител, судител, учител.

II. Слова женскаго рода.

A. Съ притягательными наставками.

1. Наставка ѡва³⁾.

Рус. слова: держава, дубрава, мурава глазура.

Серб.: гѣрмѡва tonitru, дѣржава, дубрава, жѣрава раскаленный уголь, ломѡва fragor, мурава herba quaedam marina, мѣнава мятель, тѣрѡва крѣпость, тѣтъва Döhlen.

Слов.: višava, dobrava, država крѣпость, постоянство, kresava кресало, kugava топливо, meljava das Mahlen in der Mühle, pušava, trdnjava.

Болг.: дѣржава, дѣржава, мурава молодая трава.

Иначе акцентуются:

Русское мурава молодая трава, сербское мѣва quod molitur и болгарское жѣрава.

2. Наставки ага, јага, ѣнга.

Рус. слова: бодяга, бѣдняга, комяга, куляга, корчага, скряга, сотняга.

Серб.: вѣнага vitis silvestris, мѣтъга blatero, прѣчага assis transversus, пѣръга locus devehus, рѣпчага foramen, fovea, тѣјага палка.

Слов. (хорватскія): vinjaga, muraga малина, ošljaga vrst slive.

Болг.: тојага.

¹⁾ Накоренную акцентовку представляют слова движитель, множител, а также мѣритель, мыслитель, произносимыя однако и по общему способу — мѣритель, мыслитель.

²⁾ По-русски прїятель, но по-сербски прїјатељ, род. мн. прїјатељѣ, дат. прїјатељима (Стуляи иметь prijatelj, telja).

³⁾ У Чеховъ doubrava, kolčava ласка, řepkava заблѣкъ.

3. Наставки ига, ыга.

Рус. слова: вязи́га, забуды́га, коври́га, кни́га, лоды́га, моты́га.

Серб.: ве́рига, књи́га.

Слов.: *beliġa vrst šljive, veriġa, knjiġa, tatġa* хора. увел. отъ *tat, češljġa carduus*.

Болг.: ве́рига, кни́га.

4. Наставка йка¹⁾.Рус. слова: гвозди́ка, ежеви́ка, земляни́ка, клубни́ка, костяни́ка; кума́ника ягода вродѣ ежевики *tubus coesius L.*, повилѣика, черни́ка.Серб.: бѣрика = бор, варѣника *lac calefactum*, гѣричка у Слав. *Milchdiestel*, зелѣника *viridis*, бухус, комѣника *artemisia vulgaris*, кѣстрика ц. г. некака трава, млѣдика ростокъ, пѣлика *area silvae combustae*, тѣрстика у Дубр. трость, ѹдика *wolliger Schneeball*, умѣника трава дѹгачка *lišha*, цѣрвѣника рыжая (коза), красное (вино).Слов.: *komŏnika artemisia, kŏrenska* корень, *lesnġka Holzbirne, metlġka artemisia, mladġka* ростокъ, *sadġka Setzling*, *tŕstġka arundo*, *čŕvenġka hrŕ. vrst jabuke, čŕnġka Schwarzkŏmmel*.

Болг.: тѣрсти́ка трость.

Иную акцентовку представляет словенское бѣика маслина.

5. Наставка ѹга, јѹга, оѹга, јѹѹга.

Рус. слова: бѣѹга, вѹѹга²⁾, дерѹга, ярѹга, кольчѹга, мальчѹга, пѹянчѹга, пичѹга, халѹга.Серб.: бѣѹга *sus alba*, вѣѹга у Ц. г. *Walze*, јѣрѹга, пѣѹга жердь, пруть, пѣструга *genus piscis*, чѣвѣрѹга черног. жаворонокъ.Слов.: *vlačŭga* шляха, *jaŕŭga, plečŭga femina latis umeris, čŕŕljŭga hrŕ. iskvaŕeno vino kad ga je malo*.6. Наставка ѹлја³⁾.

Рус. слова: живѹля, козѹля, кошуля зап. сорочка, кур. женская рубаха съ короткими рукавами, штая по подолу, костр. короткѣй крытѣй тулупъ, кривѹля, роѹля, сосѹля, ходѹля.

Серб.: вѣсуля *avena sterilis*, гѣрдуля черног. дурнушка, јѣгуля угорь, кѣшуля, кѣрбуля корзинка изъ древесной коры, пѣѹга черног. увел., пѣстуля мышеловка, роѹля крава великиѣх рогова, сѣрбуля, ходѹле.Слов.: *blebetŭlja femina garrula, bregŭlja hirundo riparia, vekŭlja koja*¹⁾ Звукъ и краткѣй (ика)? По-словацки *osika* осина.²⁾ По показанію Грота, произносятъ также *вѹѹгѣ*.³⁾ Срв. чешскія слова *žeŕhule* кукушка, *košile, štĕkule Zankerinn*.

rado plače, dragúlja ime kravi, jegúlja, kosmúlja vulpes, горотúlja грешка, стъргúlja Schabemesser.

Болг.: кошúдja.

Исключеніе представляеть русское каракуля (заимств. у Татарь?).

7. Наставка уша.

Рус. слова: говорúша, горбуша, квакуша, кликуша, крякуша.

Серб.: блебетуша blaterator, -trix, говоруша, грохотуша herba quaedam, дедеруша, клепетуша tintinnabulum, опаруша panis genus, опърљуша terra sabulosa, провијуша puella putida, тордуша femina clamitans, тмуша caligo.

Слов. (хорватскія): lakúša ime svinji, pikúša ime svinji, prekúša ime kravi, smrekúša thuja.

Болг.: велјуша, трепетуша = велјуша, трепетуша?

Своеобразную акцентовку представляют сербскія оскоруша раина, гърпоруша, сријемуша (-ужа) orsonii genus и нарѣчие негледуша; последнее отступаетъ также количествомъ наставки.

8. Наставка лă (ьлă, ълă).

Рус. слова: ветлă, иглă, метлă, пчелă, теслă.

Серб.: њгла (њглу, -е, њглă), метла (метлу, -е, метала), пчела (пчеле, пчелă).

Слов.: iglă (igla), metlă (mĕtla), ósla cos, pérla huda ženska, krava ili kokoš, tésla ascia.

Болг.: иглă, -њ, метлă, -њ, пчелă, -њ, теслă, -њ.

У Сербовъ слово тесла имѣеть рѣзкое удареніе: тѣсла.

9. Наставка ота (ѣта)¹⁾.

а. *Окситонки* (на отă).

Рус.: босотă, глухотă, добротă, (доброта, какъ матеріальное качество), клеветă, краснотă, красотă, глѣпотă, моготă, мокротă (мокрота—вещество), полнотă, простотă, пустотă, сипотă, (сипота), сиротă, слѣпотă, тяготă, тцетă, темнотă, тѣснотă, хлопотă прим. (Даль), арх. (Буслаевъ. Грамм., стр. 252); обыкн. мн. ч. хлопоты, хромотă, шпротă.

Серб.: босѣта, глухѣта, грехѣта, добрѣта, красѣта, лепѣта, милѣта, мекѣта, простѣта, сирѣта, слепѣта, срамѣта (вин. срамѣту), страхѣта, теѣта черног.

Слов.: visokŏta (-ŏta), vŭlhkŏta, gluhŏta, grehŏta, dragŏta, dre-

¹⁾ У Чеховъ мы находимъ слова hejduše гречиха, libuše, oskeruše, pitruše Bitterling.

²⁾ О — краткое: по-чешски dobrotă, lepota, lhota, mrăkota и т. д.

móta, zlobóta malities, krasóta, krepkóta, lepóta, mehkwóta (-óta), milóta, męrzlwóta, nagóta, pólnóta, prazdnóta, pustóta, slabóta, sladkwóta, sleróta, sramóta, strahóta, suhóta, hrómóta.

Болг.: грехотá, добротá, дремотá, краснотá, мокротá, простотá, самотá, сиротá, слепотá, срамотá, теготá, штетá¹⁾, темнотá, теснотá, широтá.

б. *Пароксимонки* (на óта).

Рус.: блевóта, дергóта, добрóта (добротá), дремóта, зъвóта, икóта, лóмóта, лъгóта, мокрóта (мокротá), острóта, перхóта, потягóта, пѣхóта, рабóта, рвóта, харкóта.

Слов.: bwsóta, gwłóta, gwrkóta, gręnkóta, dąbróta, lęhkóta, powóta, wstróta, siróta²⁾.

Изъ ряда вонъ выходятъ двѣ *пропароксимонки*:

Слов. lákóta (lakóta) и болгарское работá.

Б. Слова съ безотносительными наставками.

10. Наставка ица³⁾.

а. *Слова насубфиксирй акцентовки* (на йца).

Рус.: больнйца, водйца ум., вдовйца, волчйца, голубйца, горчйца, деснйца церк., деннйца, землйца ум., зорнйца, юнйца церк., крупнйца, лисйца, лъвйца, молодйца, мокрйца, орлйца, ослйца, петлйца, полйца, пущеница церк., птйца, пшенйца, пѣвйца, роженйца, рукавйца, седмйца церк.⁴⁾, сестрйца ум., синйца, спйца, станйца, столйца, теплйца, темнйца, частйца, чернйца мгр.

Серб.: болесница, воденица, водйца, удвйца, вучйца, голубйца, господарйца, грѣзница, двојйца, десница, дашчйца, даница, землйца, зечйца, љгйца, јунйца, кључарйца, кобасйца, ковачйца, копачйца, краљйца, крупйца, къртица кротъ, лисйца, лѣвйца, лажйца (ѣжйца, жлйца), метлйца, младйца, нѣжйца, паунйца, полйца, пуштеница, птйца, пшеница, певича, рукавйца, ручйца, самйца, сеница, спйца, топлица, трѣйца (Трѣйца), тамнйца, твърдйца скряга, честица она мрвйца хлѣба, којом се у вину причешћује, църнйца черная душа, черноземъ.

¹⁾ Русской и болгарской акцентовкѣ не соответствует *сербская* — штѣта.

²⁾ Окончание óта, по словамъ Влывца, является у производныхъ отъ прилагательныхъ, содержащихъ въ предконечномъ слогѣ ѡ или ѡ (і).

³⁾ О наставкѣ ица была рѣчь въ V главѣ, стр. 126—127.

⁴⁾ Отъ семь, седми (семь, семи), а не отъ седьмой, какъ сказано въ только что приведенномъ мѣстѣ, стр. 127, прим. 2.

Слов.: bwlńica, wɔdenica водлянка, wdɔńica, wɔłńica, uęrstica, gwɔwɔbica, gwɔrńica, desńica, dężńica, dęńica, żwɔłńica желтуха, iglica¹⁾, junica, ključarica, kɔwańica, kɔwɔplica, kraljica, kęrtica кротъ, ledenica ледникъ, lewica, lisica, metlica, mladica, mɔkrica = senošet, nɔżica (nɔgica), wslica (wɔslica), petljica, plenica, ptica, pšenica, rɔjenica парка, rɔkavica, rɔńica (rɔńica, rɔkica), samica незамужняя, самка, sedmica, sestrica, stanica комната, stwłica, tęrdica хорв. родъ яблокъ, twplice thermae, twjica trinitas, carica, ćęrnica хорв. черная вишня, опухоль.

Болг.: болесница, борница, воденница мельница, вдовница, върстница, гоненница, господарница, двојница, десница, жълтница, зорница, игрица, кралица, кукавица, кървница (мечка-кървница), къртица, леденница ледникъ, лисница, лъжница, левница, магарница²⁾, метлица, молбница, орлица, петлица, полица, пшеница, певница, ръкавица, самца (самá-самница), свешница, седмица, сестрица, старица, стравница (мечка-стравница), телница, тројница, тъмница, хубавница, хубосница, царница, черница тутовое дерево.

Чеш.: čtice = тѣщница Ekel, kštice caesaries, mšice древесный клопъ, lvica.

б. Слова немасубфиксной акцентовки.

Рус.: буйволица, вѣсница³⁾, горлица, гостинница, грѣшница, двѣнца⁴⁾, житница, задница, затворница, язычница, кадилница, карлица, кухарница, лакомница, луковница, медвѣдница, мученица, наследница, неурядница, окѣлица, палца, пріятельница, прѣсѣбница ум., пьяница, свѣдница, скиталница, скляница, слѣвовница, старница⁵⁾, сукровница⁶⁾, трѣница, улица, хлѣбница.

Серб.: биволица⁷⁾, владалница, вѣштица, гѣстинница стечение гостей, грѣшница, гѣрлица, дѣвалница, житница, задница, знѣнница (знѣнац) знакомая, здница, језичница mulier loquax, кадѣонница, карлица, кличница (кличца

¹⁾ По-крански, произносятся и iglica (jęgusa), а также igrica, tęglica rɔwtęglica, stęzica, gębica (gęfca). Ср. гл. V, стр. 127. Этими формами соответствуют сербския бързница вода, гдѣ тече брзо преко каменя, ситница лѣсная вишня, целница (радомъ съ цѣлица) новъ, църница черная вишня (р. съ църница черноземъ).

²⁾ Болгарскому слову не соответствует сербское магарница.

³⁾ См. гл. V; стр. 130 (4).

⁴⁾ Русский выговор отстѣпаетъ отъ сербскаго и болгарскаго.

⁵⁾ См. гл. V, стр. 128—129.

⁶⁾ См. гл. V, стр. 136.

⁷⁾ Такая акцентовка не соответствует русской: не соответствуют другъ другу уже и первообразныя, см. гл. VI, стр. 145.

зародышъ), кòрица (кòра)¹⁾, кùница, кùкавица, кùхарица²⁾, лáвица³⁾, мѣд-
дица⁴⁾, мученица (мученик)⁵⁾, нѣверница (нѣверник), пáлица, пòвојница родъ
вышивки (пòвој, -оја свивальникъ), свòдница, свѣтлица юж. = муъа, скѣ-
талица, трѣскавица 1) какой-то танецъ 2) трясина, ткáлица (ткáлац), ùлица,
ÿсница (ÿсна ж. р.), църквица.

Слов.: bôlnišnica, bezêdica, vîvôlica (vîvôlica), večêrnica вечерний звонъ,
vîslice, vêverica, vêjica (vêja), gnôjica Mistjauche, gwstínica, grêšnica, žitnica,
zâdnica, zatvôrnica Mühlschlenze, flôvica Thonerde, jezîčnica zungenfertiges
Weib, kadîlnica, kùkavica, kùharica, mlînarica (mlînar)⁶⁾, mutîlnica Butter-
rührfass, naslêdnica, nevêrnica, òkôlica окрестность, prijâteljica (prijâtel)⁷⁾,
sklénica (и sklenica), slîvôvica, sòkrgvica⁸⁾, trêskavica гроза, ubôžica, úlice,
ÿsnica (ÿсна губа), hlêbnica Tischtuch beim Brodbacken, hlêvarica (hlêvar).

Болг.: бездѣтница, безакòница, брадавица, вѣдица, вѣштица, вејалица,
гъгъбница⁹⁾, гургурница, зајчица¹⁰⁾, кашлица, кърстница, къштица, лáвица
полка, лúковница, мастîлница, масторица, мъченица, неурѣдица безпорядокъ,
обѣсница, обручница (у?), пивоварница, пијеница, полѣдница (гололедица),
прòзбица, пърхавица трутъ, скиталица.

11. Наставка аца.

а. Слова насубфиксной акцентовки.

Рус.: кровцá, крѣпостцá, овцá (вин. овцу и óвцу¹¹⁾), óвцы, овѣць, óв-
цамъ), памятцá синодикъ, тетрадь усоншихъ, рысцá, трясцá.

Серб.: говечáца, дѣца, -у, -о, жѣцá, зòпца, кòпца, кървца [Маж. кър-
вца], óвца = чак. óвца (мн. óвце, óвца), памѣца, равáнца, твáрца.

¹⁾ Судя по русскому корица отъ корá, мы ожидали бы выговора кòра и кòрица.

²⁾ По-русски не кùхарица а кухарица.

³⁾ Произведено отъ искаженного лáв, лáва, вм. органическаго лáвица или óвица.
См. гл. VI, стр. 140—141.

⁴⁾ Русскому и сербскому слову не соответствует словенское medvedica. См.
гл. V, стр. 129 (2).

⁵⁾ По-словенски тшópenica.

⁶⁾ У Сербовъ млинáрица, хотя въ мужескомъ родѣ млинáр, а не млинáр, мли-
нáра. См. гл. V, стр. 129 (2).

⁷⁾ По-сербски пријатѣлица, при м. р. пријатеъ (род. мн. пријатѣлъ, лат.
-ѣльма). См. тамъ же.

⁸⁾ Sòkrgvica = рус. сукровица, но не соответствует серб. сукървица.
См. гл. V, стр. 136.

⁹⁾ Акцентовка этого слова отступаетъ отъ русской и отъ сербской.

¹⁰⁾ Реченiе это акцентуется сообразно основному зајец; сербское же зѣчица
отступаетъ отъ зѣц, -а. См. гл. V; стр. 129 (2).

¹¹⁾ Изъ стада сѣрый Волкъ

Въ лѣсъ óвцу утащилъ. Крыловъ. Волкъ и мышенокъ.

Слов.: *děca* (*děca*), *desě* угрослов., *дѣца*, *дѣсѣ*.

Болг.: *дѣца*, *кѣста* *кропѣло*, **кѣрвѣца*: *кѣрвѣца*, *овѣца*, мн. *овѣци* и *овѣце*.
б. Слова *ненасуффиксной* (по большей части *накоренной*) *акцентовки*.

Рус.: *дѣца*.

Серб.: *вѣрвѣца*, *каѣца*, *лѣубѣвѣца*, *нѣдѣца*, *спѣрдѣнца* *пугае*.

Слов.: *бѣгѣца*, *вѣгѣца*, *dolžnѣdѣca*, *zvѣгѣca*, *kѣdѣca*, *kѣлѣрѣca*, *kѣгѣвѣca*, *пѣдѣca*, *рѣдѣca*.

12. Наставка *ина*¹⁾.

а. Слова *насуффиксной акцентовки*.

а) Окситонки (на *ина*).

Рус.: *большина*, *быстрина*, *величина*, *вышина*, *глубина*, *длина*, *красина*, *круглина*, *низина*, *новина*, *полонина* *млр.*, *прямина*, *свѣжина*, *слабина*, *старина*, *старшина*, *сѣдина* (*сѣдина*), *тонина*, *толщина*, *цѣлина*, *ширина*.

Серб.: *бистрина* *limpitudine*, *бѣрзина*, *величина*, *висина* (вин. *вѣсину*), *даљина*, *дужина* (*дужину*), *кривина*, *низина*, *новина* *primitiae romorum aut apponae* (мн. *новине* *новости*, *газета*); *планина* (*планину*, -е, *планина*), *празнина* *Kleinigkeiten*, *слабина* (*слабина*) *die Weichen*, *старина*, *тамнина*, *тежина*, *хитрина*.

Слов.: *blizina*, *bъrzina*, *bistrina* *limpitudine*, *belina*, *velicina*, *visina*, *glѣbina*, *dalečina*, *dѣbrina*, *daljina*, *menjšina*, *nizina*, *novina* (-*ina*), *praznina*, *starina* (-*ina*), *toplina*, *težina*, *hitrina*, *celine*, *žirina*²⁾.

Болг.: *бѣрзина*, *големина*, *горештина* *жара*, *далечина*, *добрина*, *дѣжина*, *здравина*, *зеленина*, *злина*, *кривина*, *леснина* *легкость*, *удобство*, *междина* *промежутокъ*, *новина*, *пестрина*, *планина*, *правина*, *слабина*, *старина*, *сутрина* *утренняя пора*, *темнина*, *тѣлстина* *жирь*, *тѣмина*, *тежина*, *целина*.

б) Парокситонки.

Рус.: *вершина*, *година*, *десятина*, *долина*, *дужина*, *калина*, *ковина*, *котловина*, *купина* (*купина*), *малина*, *маслина* (*маслина*)³⁾, *овчина*, *осина*, *осьмина*, *плотина*, *половина*, *песчина*, *равнина*, *рябина*, *скотина*, *середина*, *стремнина*, *щегина*⁴⁾.

Серб.: *главина* у Ц. г. 1) *modiolus rotae* 2) *pars anterior clitellarum*,

¹⁾ И въ этой наставкѣ, какъ у Сербовъ, такъ и у Чеховъ краткое: (*bobovina*, *jehnětina*, *hlubina*, *křivina*, *novina*).

²⁾ Пожалуй словенскія реченія всѣ слѣдовало помѣстить подъ β: всѣ они баритонки и, насколько мнѣ извѣстно, не сохранили никакихъ слѣдовъ праславянской окситонности, въ которой тѣмъ не мѣнѣе, нельзя сомнѣваться.

³⁾ См. гл. I, стр. 15.

⁴⁾ Подобная-же акцентовка свойственна всѣмъ увеличительнымъ на *ина*, какъ *дѣтина*, *купчина*, *домина*.

годѣна (godina Štulli): Кар. гѣдина, гѣдина 1) заборъ, садъ 2) увелич., десѣтина, дѣлина, кѣлина, кѣпина ежевика, мѣлина paliugus, мѣлина, ѡвчина 1) увелич. 2) у Ц. г. овчѣ кожа, ѡсмина, плѣтина 1) увел. къ плот. 2) меѣа 3) frondes desectas, полѣвина, сѣдмина, скѣтина увел., сѣдмина (и сѣдѣна).

Слов.: gradina, dawlina, druzina, kalina (kálina), kwrpina rubus, kwtlewina мѣдъ, malina (málina), maslina (máslina), osmína, sredína, ščetína.

Болг.: вѣрлина жердь, вѣршина, главина, година, градина садъ, гѣрбина, десѣтина, долина, кѣлина, кѣпина ежевика, лозина, магина, маслина, осмина, перешина перья, плотина, половина, песѣтина, равнина (-ниа) роднина родня, седмина, сиротина, скотина, стрѣнина (-ниа), сѣдина сосудъ.

б. Слова ненасуффиксной акцентовки.

Рус.: блевѣтина, бобѣвина бобовая кѣтина, бѣтва, говѣдина, ѣстина, ѣворина, козлѣтина, мѣсчѣина, орѣховина пс. орѣшина, лѣщина, одинъ пруть или кустъ, поросѣтина, раковина, славѣнина, солдатчина, телѣтина, харкѣтина.

Серб.: бѣбовина Bohnenstroh, бѣковина lignum faginum, гѣведина, гѣспѣтина Маж. (у Кар. гѣспѣтина = гѣспѣство), ѣстина, ѣворина увел., козлѣтина кожа од козлета, мѣсчѣина лунный свѣтъ, браховина lignum puceum, прѣсѣтина (Маж. — прѣсѣтина), стѣтина, телѣтина caro vitulina, pellis vit.

Слов.: bwbdvina (bwbwvina) Bohnenstroh, búkwina (bukwvina), gábrwvina, gwvídina, gwspóščina dominatus, gwsétina, dišččina пряности, dídina наследство,, ístina, jávwvina, kwzłčtina, wřthwvina (wřchwvina), prasčtina, slwvénščina, swldšščina, telčtina, hrakótina.

Болг.: владѣтина подать въ пользу епископа, годѣшина годичное жалование, гѣспѣтина, ѣстина, мѣсчѣина лунная ночь, раковина, стѣтина.

13. Наставка нга.

а. Слова оконченой акцентовки.

Рус.: болтовнѣ¹⁾, бѣготнѣ, вознѣ, воркотнѣ, головнѣ, западнѣ, зубнѣ, квашнѣ, клешнѣ, размазнѣ, роднѣ, рѣзнѣ, скрипотнѣ, стряпнѣ, стукотнѣ, хлопотнѣ, хохотнѣ, четвернѣ.

Серб.: блудѣа, гѣтва pagtatio, гѣвѣа (гѣвѣу, -е, гѣвѣаѣ, гѣвѣама), кѣпѣа, кѣшѣа, мѣтѣа, мѣржѣа, нѣшѣа, прѣшѣа, прѣтѣа угрозы, рѣдѣа трудъ (Маж. рѣдѣа), сѣпѣа одышка, слѣтѣа предчувствіе, смѣтѣа (Маж. смѣтѣа) смятеніе, суматоха, сѣрдѣа игае, хѣтѣа, шѣтѣа прогулка.

Слов.: wóznja ѣзда, gróznja (рѣже gróznja) угрозы, dwójnja dubium, kóšnja косѣба, póšnja (и póšnja) ноша, tǣrnja. (tǣrnja) blatero.

¹⁾ Все слова означающія усиленное или учащенное дѣйствіе бывають окситонками.

Болг.: главнѣя, повратнѣя посѣщеніе тещи молодыми, притиснѣя давка, свирнѣя музыка, шетнѣя услужливость.

б. Слова ненаконечной акцентовки.

Рус.: бѣрышня, бѣйня, бѣлѣльня, вечерня, вишня, голубятня, двѣрня, дѣрѣвня, дѣйня, колоколѣня, конюшня, купальня, пѣшня, подворотня, скрѣпя юж. мр., соловѣрня, сходня, тоня, утрѣня, черѣшня.

Серб.: вѣшња, ѡбходња очередь, скрѣња, сѣкња, тања locus piscibus torrentis, трѣшња.

Слов.: бѣрнѣя collectio, брѣшнѣя, веѣрнѣя Vesperandacht, крѣшнѣя Rŭckenkorb, прошнѣя просьба, скрѣнѣя, сѣкнѣя, змѣтнѣя (zmѣтнѣя) turbatio, ѣгѣшнѣя.

Болг.: вечернѣя, вратнѣя ворота, пѣрвнѣя (первая жена).

14. Наставка ака.

а. Слова окситонныя (на ѣбѣ).

Рус.: борѣба, ворожѣба, гульѣба, гурѣба, журѣба, молотѣба, мольѣба, пальѣба, рѣзьѣба (рѣзьба), стрѣльѣба, судѣба.

Серб.: бѣрба, гѣзба, диѣба, жѣрба (Маж. жѣрба) суматоха, мѣьба, мѣлба, прѣзба, слѣжба (из слѣжбѣ Budm. 179), сѣрѣба черног., трѣдба орега inpressa, тѣжба, хѣмба зап. обманѣ.

Слов.: краин. дрѣжбѣ, слѣжбѣ (дрѣжба, слѣжба), сѣдба, тѣжба, род. сѣдбѣ, тѣжбѣ, хѣдба (хѣдба).

Болг.: борѣба (и бѣрба), веселѣба, гостѣба (гѣстѣба), делѣба, молѣба, сѣдѣба.

б. Слова баритонныя (по большей части накоренной акцентовки).

Рус.: дрѣжба, женѣтѣба, свѣдѣба, слѣжба, тѣрба мр.; тѣжба (церк. тѣжбѣ).

Серб.: бѣрба Маж. (Кар. бѣрба у војв.) сборѣ винограда, вѣридѣба обрѣчение, двѣжба Маж. (Кар. двѣжба по зап. кр.), двѣрба Маж. (Кар. двѣрба), нѣредѣба, пѣгодѣба, пѣрба Маж. (Кар. пѣрба) lis, прѣснѣдѣба сватовство, свѣдѣба, тѣрба, тѣрба Кар. (Маж. тѣрба), тѣрѣдѣба Маж., ѣредѣба.

Слов.: бѣрба, бѣрба (бѣрба, бѣрба), гѣстѣба, дрѣжба, дрѣжба, дрѣжба (дрѣжба), жѣрба, мѣлѣба, нѣредѣба, нѣрѣдѣба, ѣднѣсѣба похищение, ѣрѣштѣмба, ѣтѣтѣба, ѣстрѣжѣба Bedienung, ѣсѣдѣба, прѣгѣдѣба, свѣтѣба.

Болг.: дѣрба дарѣ, жѣлѣба, косѣтѣба, кражѣба, рѣжба, свѣдѣба, слѣжба услуга¹⁾.

¹⁾ Болг. выговорѣ реченѣя *служба* согласенѣ съ русскимѣ, но отступатѣ отѣ сербскаго и словенскаго (краинскаго). Обѣ этомѣ словѣ была рѣчь въ VI главѣ, стр. 147.

Слов.: gráfinja (grófinja)¹⁾, zemljákinja, junákinja, neprijátelkinja, pre-
rókinja, gojákinja, túrkinja, čhinja.

Болг.: мѣлостинѣя.

17. Наставка оста (ѣста).

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Серб.: блáгѡст, вѣрнѡст, гвѣлѡст Маж., готѡвнѡст, грубѡст Маж.,
дрáгѡст, дужнѡст, захвáлнѡст, јáкѡст Маж., јáрѡст, једнáкѡст, краткѡст, лá-
кѡмѡст Маж., лѣнѡст, лѣнѡст, љѹтѡст Маж., мѣрнѡст, могућнѡст, мѣрзѡст,
нáглѡст, немáрнѡст, обѣлнѡст, покѡрнѡст, (Маж. покѡрнѡст) ружнѡст, свѣ-
тѡст, сјáјнѡст, скѹпѡст Маж., сѣрдѡст, тáјнѡст, хáрнѡст, хрáбрѡст, хѣтѡст;
род. — блáгѡсти и т. д. (Мажураичъ и въ именительномъ пишеть ѡ, до-
пуская въ извѣстныхъ случаяхъ и ѱ. Slovn., str. 114)²⁾.

Слов.: bridkѡst, visѡkѡst, dѡlgѡst, dѡlžnѡst, kratkѡst, krepѡst, mѡ-
drѡst, пѡгѡst глупѡст, прѡstѡst свобода, svitlѡst, skrivnѡst, slabѡst, slad-
kѡst, grѣnѡst (= svѣrѣnѡst, -ѡsti? Метелко пишеть svѣrѣnost), učenѡst (-ost?),
hitrѡst (hitrѡst, -ѡsti?).

б. Слова ненасуффиксной (по большей части накоренной) акцентовки.

Рус.: блáгѡсть, бѡлѣсть, вѣдомѡсть, вѣрнѡсть, гѡрѣсть, готѡвнѡсть, гру-
бѡсть, дѡлжнѡсть, дѣятѣлнѡсть, жáлѡсть, краткѡсть, крѣпѡсть, лѣнѡсть, мѣ-
лѡсть, мѡлодѡсть, мѹдрѡсть, мѣдленнѡсть, мѣрзѡсть, нáглѡсть, нѣжнѡсть, пá-
кѡсть, покѡрнѡсть, рáдѡсть, растѣлѣтѣлнѡсть, рѣвнѡсть, свѣтѡсть, свѣглѡсть,
сдѣржаннѡсть, скѹпѡсть, слáдѡсть (сѡлодѡсть мѡр. Wagil., str. 10), стáрѡсть,
стрáннѡсть, тѣжѣсть, хѣтрѡсть³⁾.

Серб.: бѡлѣст, вѣткѡст, жáлѡст, крѡтѡст, крѣпѡст, лѹдѡст (Маж. лѹ-
дѡст и лѹдѡст), љѹдскѡст, мѣлѡст, млáдѡст, мѹдрѡст (Маж. мѹдрѡст), нá-

¹⁾ Въ этомъ реченіи окончаніеinja можно считать передѣлкою нѣмецкаго in въ Gráfin. (Несомнѣнно такъ образовалось русское графиня, т. е. иначе было бы графиня). Звук ѡ въ слогѣ grófinja (при формѣ м. р. gróf, grófa), кажется, не указываетъ на оттяжку: выговора grófinja, gróf, grófa, никогда не существовало, а звук ѡ прямо заимствованъ изъ нѣмецкаго прѡстонароднаго Graf = Gráf (Gróf) и — если вѣрно только что высказанное предположеніе — изъ него введень и въ женскую форму, какъ въ Русскомъ языкѣ а, вм. нѣмецкаго ä.

²⁾ Замѣчаніе на счетъ количества относится также къ словамъ ненасуффиксной акцентовки. У Чеховъ окончаніе оста всегда и во всѣхъ падежахъ кратко: bolest', žálost', jistost', milost', mladost', moudrost', rakost' и т. д.

³⁾ Въ I-ой главѣ (стр. 33) сказано, что этимъ словамъ свойственно неподвижное удареніе. Слѣдуетъ однако замѣтить, что слова вѣдомѡсть, дѡлжнѡсть и крѣпѡсть, изъ коихъ первыя два постоянно, а третье весьма часто имѣють конкретное значеніе и образуютъ множественное число, представляютъ въ косвенныхъ падежахъ его насуффиксную акцентовку: вѣдомѡстей, -ямъ, -ямѹ, -яхъ и т. д.

кѡст, пѣанѡст, побожиѡст, покорност Маж. (Кар. покорнѡст), радѡст, свѣтлѡст, слабѡст, сладѡст, смѣрност, старѡст, сѣрдитѡст Маж., сѣтѡст Маж., танкѡст, трухлѡст putredo, ученост Маж., хитрѡст, хрѡмѡст Маж. — Мѣстный падежъ этихъ словъ (всѣхъ ли?) кончается на ѡсти: лудѡсти, милѡсти и т. д. ¹⁾.

Слов.: blágwst, vrádnwst, edinwst, žalwst, marljíwst старательность, milwst [и milǒst (-ost?)], mládowst [и mladǒst (-ost?)], nevágnwst опасность, wbillnwst, wkrútnwst жестокость, pwníznwst смирение, prihodnwst будущность, prijáznwst, rádowst [radǒst (-ost?)], stárowst [starǒst (-ost?)], trwǎhljívowst тлѣнiе.

Болг.: благаѡст, болест болѣзнь, вѣрност, вѣчност, горест, горкост, готовност, дължност (мн. дължности) ²⁾, жалост, милоѡст, младост, оскудност, покојност, пријатност, ревност, скърбост, старост, странност удаленность, хубост (мн ч. хубости) ³⁾.

В. Слова съ отклонительными наставками ⁴⁾.

18. Наставки ака и ака.

Рус. слова: бѣнка, бѣрка, головка, горка, двѡйка, дѡйка (доенiе), дѣвѡйка мѣст., дѣвка, жѣнка, зыбка, мѣшка, нѣтка, пушка, пѣтка стар., волог., вят., стѣлка, сторѡнка, тѣтка, трѡйка, щѣтка.

Серб.: бѣнка (чак. бѣнка Маж.), бѣрка (чак. бѣрка Маж.), будѣнка, гѣска, двѡйка двухведерная бочка, добрдѡвка, дѡйка, дѣвѡйка, жѣнка (чак. жѣнка Маж.), крушка, мѣйка (мѣйка), мѣшка brascchium, пушка, пѣтка, слѣмка, стѣлка, стрѣнка, тѣтка, трѡйка, чѣвка, шѣшка.

Слов.: bǎnka, glǎvka, gǒska, dvǒjka, dǒjka, devǒjka, dĕvka, zǐbka, klĕtka, mĕška, nĕtka, strǎnka, šĕtka, šǒjka (ум. къ šǒja).

¹⁾ Въ Русскомъ языкѣ мы не находимъ соответственнаго выговора милости, радости, старости.

²⁾ См. гл. IV, стр. 118—119.

³⁾ У Болгарь, такъ же, какъ и у Русскихъ, реченiя на оста всео чуждаются насуффиксной акцентовки (говорю о производственныхъ суффиксахъ, а не о флексiяхъ). Полагаю, что это плодъ позднѣйшаго приравненiя формъ: отъ темъ, въ родѣ драгѡ [рус. дорогъ, дорогѣ, дорого, серб. драг, драга, -ѡ], высокѡ [рус. высѡкъ, -ѡкъ, -ѡкѡ (-ѡко) серб. висѡк, висѡка, -ѡ, слов. visǒk, visǒka, -ѡ] вначелѣ естественно было образовать драгѡсть, высокѡсть = серб. драгѡст, слов. visǒkǒst. (Очевидно, что первоначально наставкою было ста а о принадлежить къ основѣ). Переиѣна акцентовки могла произойти подѣ влiянiемъ члестной формы первообразныхъ для нашихъ словъ прилагательныхъ. Ср. гл. III, стр. 106—108.

⁴⁾ См. гл. V, стр. 124.

Болг.: бѣрка, бѣчварка, градинарка, гѣска, дѣјка, дѣвојка, дѣржалка, жѣнка, пѣшка, пѣтка, слѣмка, сѣјка, стопанка, сѣјанка тѣнь, чѣвка.

Окситонуются: рус. башка (заимств.), битка, дочка мѣр, пенька.

Серб.: тѣрска (тѣрст).

Слов. (краинскія): matka (mama), пѣске Backtrog, ѡѣка (ѡѣе), реѣка Obstkern и рѡстѣгѡка (рѡстѣгѡ форель).

19. Наставка ѣѣ.

Рус.: крѣвѣда, прѣвѣда.

Серб.: крѣвѣда, прѣвѣда.

Слов.: krivda, pravda.

Болг.: крѣвѣда.

Рус. слово *вражда* произносится съ насубфикснымъ удареніемъ — *вражда*.

III. Слова среднего рода ¹⁾.

1. Наставка ѣк.

а. Слова насубфиксной акцентовки.

Рус.: бѣльѣ, дубѣ, дурачѣ, жильѣ, копѣ, мужичѣ, ружѣ, старѣ.

Серб.: весѣлье Кар. (Маж. вѣсѣле), вошѣ чак. Берл. (Кар. вѣше), дѣрвѣ Берл. (Кар. дѣрвѣе), дѣржалѣ рукоятка, зѣрнѣ Берл. (Кар. зѣрвѣе), пластѣ Берл.

Слов.: veselje и veselje (по-резь. voesoejoë), klasje (-ѣ? ѣ?) и klasje, kamenje (ѣ? ѣ?), kogenje и kogenje, ronelje, gesje ²⁾.

Болг.: дѣрвѣ, нивѣ.

б. Слова ненасубфиксной акцентовки.

Рус. безвременно, беззаконіе, безуміе, верховье, веселье ³⁾, деревья (вм. -ье), захоlustье, здоровье, зелье, знаменіе, каменья (вм. -ье), колосья (вм. -ье) колья (вм. -ье), листья (вм. -ье), насиліе, низовье, отрѣбье, отличіе, перья (вм. -ье), платье, Поволжье, подворье, помѣстье, подножіе, приморье, причастіе, прутья (вм. -ье), суевѣріе, терніе, устье.

¹⁾ У словъ среднего рода всѣ наставки *безотносительныя*.

²⁾ У словъ среднего рода я не былъ въ состояніи послѣдовательно провести акцентуацію Валавца, т. е. для нихъ я могъ пользоваться только случайными указа-ніями его и другихъ изслѣдователей: нерѣдко пришлось оставить подъ сомнѣніемъ даже качество звуковъ ѡ и ѣ.

³⁾ Соответственныя сербскія и словенскія реченія см. подъ а.

Серб.: *безакоње, безумље, бѣље, грање, гробље, грѡђе, дървље, дубље*¹⁾, *Загорје, заплеће, здравље, зѣље, знамѣње (знамѣње), камѣње, класје*²⁾, *кѡље, кремѣње, лишће, лѡзје, налицје рачг авегса, пѣрје, подгорје, подвѡжје, Примѡрје, причешће, прѣће, прѣстѡље, раскршће, сѡмрачје, тѣрье, цвѣће, чѡкоће.*

Слов.: *brzje, dravje, grozdje (ѡ?), gьgmovje, Zagorje, zdravje, zidovje, medplacje, narocje (ѡ?), oglje, rьgje (ѣ?), polьtje, prosje (ѡ?), skalovje.*

Болг.: *вѣтрје, гѡрје, двѡрје, здравје, листје, лѡзја мн. ч., образје щеки, пѣрје, пѣштерје, гѣрстје, цвѣтје.*

2. Сложная наставка амак.

a. Слова съ насубфикснимъ ударениемъ.

а) Окситонки (на аныѣ).

Рус.: *вранѣ, жданѣ, спанѣ, тканѣ.*

Серб.: *достѡјанѣ*³⁾, *иманѣ* имущество (рядомъ съ *иманѣ то havege*), *прање, ткање*⁴⁾.

Слов.: *zranje vodka.*

Болг.: *пранѣ мытье.*

б) Парокситонки (прежнія пропарокситонки, на аныѣ)⁵⁾.

Рус.: *вниманіе, (внимать), вѣнчаніе (вѣнчать), желаніе (желать), замнраніе (замнрять), знаніе (знать), катаніе (катать), окончаніе (кончать), молчаніе (молчать), писаніе (писать), познанія (познать), питанія мнр. вопросъ (питати), рыданіе (рыдать), стараніе (стараться), страданіе (страдать), созданіе (создать).*

Серб.: *вѣнчанѣ (вѣнчати), зиданѣ (зидати), зимѡванѣ (зимѡвати), изу*

¹⁾ Въ Русскомъ языкѣ дубље — окситонка.

²⁾ Словенское класје помѣщено подъ а.

³⁾ По-русски достѡйніе, чему соотвѣствовало бы сербское достѡјанѣ. См. впрочемъ слѣдующее примѣчаніе.

⁴⁾ Дѣйствительно ли акцентовка этихъ реченій отягечная: можетъ быть она *архаичная, чакавская?*

⁵⁾ Наставка амак, если не окситонуется, полагаетъ удареніе на тотъ же слогъ, какъ первообразный для даннаго имени глаголъ. Надо притомъ замѣтить, что слова на *аніе* тѣсно приыкаютъ къ *неокончательнымъ* и (по крайней мѣрѣ въ Русскомъ языкѣ) сообразуются именно съ ихъ акцентовкою, хотя первоначально они образовались отъ *страдательныхъ причастій на амъ*: стр. прич. глаголовъ *вѣнчать, писать*, — *вѣнчанъ, -а, -о, писанъ, -а, о*, а отглагольныя существительныя — *вѣнчаніе, писаніе*. За вѣрность этой мысли говоритъ также возможность образованія подобныхъ именъ отъ *среднихъ* глаголовъ. — Звукъ *а* въ наставкѣ амакъ какъ въ Сербскомъ, такъ и въ Чешскомъ языкѣ *долгий*.

ва́ње (изува́ти), има́ње то habere (има́ти), ма́хање (ма́хати), пи́сање (пи́сати), пи́тање (пи́тати), стра́дање (стра́дати), сту́пање (сту́пати).

Слов.: bežanje (bežati), djānje (djāti), kōranje и kōranje (kōrāti), lučanje и lučanje (lučati и lučati), mōlčanje (mōlčati), pisānje и pisanje (písati¹⁾), pítanje (pitāti и pitati), sproznānje (sproznāti).

Болг.: има́ње, поврашга́ње.

б. Слова ненасуффиксной (по большей части накоренной) акцентоски.

Рус.: вѣ́рованіе (вѣ́ровать), дѣ́ланіе (дѣ́лать), ма́заніе (ма́зать) рѣ́заніе (рѣ́зать).

Серб.: вѣ́ровање, (вѣ́ровати), дѣ́лање (дѣ́лати), ма́зање (ма́зати), ма́шање (ма́шати се immittere manum), пра́вдање executio, lis (пра́вдати), рѣ́зање (рѣ́зати).

Слов.: delanje (delati), žiganje (žigati грозить), ωbūranje (ωbūrati), plačanje (plācati), grōžanje резь., gōranje, umigauje (umigati).

Болг.: вја́рованје, доха́жданје, заръ́чванје, избра́нје²⁾, извешта́ванје, осѣпта́нје чувство, пипа́нје осязаніе, почи́ванје, почи́танје, празни́ванје, прези́ранје, призу́ванје, склоня́ванје.

3. Сложная наставка емак (также и їмак).

а. Слова насуффиксной акцентоски.

а. Окситонки.

Рус.: пѣ́нье (обыкн. пѣ́ніе).

Серб.: варе́ње sostum (по-русски варѣнье), допуштѣње позволеніе, кърштѣње крестины, печѣње = печь, покольѣње (по-рус. поколѣніе), поштѣње honestas, probitas (по-рус. почтѣніе), проштѣње (рус. прощѣніе), створѣње тварь (срв. рус. творѣніе), трѣње (рус. трѣніе³⁾).

Слов.: živlénje, leténje, nesénje, reženje, hwténje.

Болг.: дробе́нје внутренности.

β) Парокситонки (пропарокситонки) на емјє, емє (первонач. на еммак⁴⁾).

Рус.: варе́ње (варѣть), движе́ніе (двинуть), дѣ́леніе (дѣ́лать), измѣ́реніе

¹⁾ Не знаю, говорят ли гдѣ-нибудь písati, но рус. писать и серб. писати показывают, что таковъ былъ первоначальный выговоръ, который и породилъ акцентовку pítanje.

²⁾ По-сербски избира́ње (избирати = рус. избиратьъ).

³⁾ Т. к. наставка емак есть усложненная наставка страдат. причастія на емъ, ема, емо, то окситонность ея объясняется окситонностью этого причастія (ср. гл. V, стр. 127): печѣње (основ. печѣње) отъ печен, печѣна, печѣно (основ. печѣн, -енѣ, -енѣ). Конечно, производное отъ окситонки можетъ быть и парокситонкою.

⁴⁾ Нередко, по крайней мѣрѣ въ Русскомъ языкѣ, эти слова имѣютъ напредко-нечное удареніе, неоправдаваемое первообразнымъ для нихъ глаголомъ.

(измѣрить), имѣніе (имѣть), искушеніе (искусить), изцѣленіе (изцѣлѣть), крещеніе (крестить), мученіе и рѣже мученіе (мучить), печеніе (печь, прич. печенъ, -еня, енѡ), правленіе (править), прославленіе (прославить), увѣреніе (увѣрить), ученіе (учить).

Серб.: варѣње *sostio* (варити), говорѣње (говорити), кърштѣње = крещеніе (кърстити), мдрѣње (мѡрити), пѣчѣње (пѣти, прич. пѣчен, печена, -о), ширѣње (ширити).

Слов.: вѣгѣнје (ѡ?), гѡвшннје (ѡ?), ішннје, рѡѣлннје (ѡ?), ишннје, ишннје (ѡ?), шннннје (ѡ?).

Болг.: благодарѣнје удовольствіе, живѣнје, искушенје, исцелѣнје, мѣченје, свършенје конецъ, съгрешѣнје, трезвѣнје, ученје.

б. Слова *ненасуффиксной* (по большей части *накоренной* *акцентовки*).

Рус.: вѣдѣніе (вѣдѣти), крашеніе (красить, крашенъ), мученіе (мучить; впрочемъ обыкновенно мученіе), правленіе [— костей (править); чаще правленіе], тараненіе (таранить), хмуреніе (хмурить), чищеніе (чищать, чищенъ).

4. Наставка **ТАК**.

а. Слова *насуффиксной* *акцентовки*.

Рус.: брѣтѣ, бытѣ, за-бытѣ, вѣтѣ, вытѣ, житѣ, лѣтѣ (лѣтіе)¹⁾, мытѣ, пѣтѣ, шѣтѣ.

Серб.: бѣне, у-бѣне, пре-гнѣне, о(д)-дѣне, из-дахнѣне, уз-ѣне, имѣне, имуѣне, по-кѣне, (кърво)про-лѣне, у-мѣне, пѣне, про-пѣне, свануѣне, про-сунѣне, тренуѣне, не-умѣне.

Болг.: пѣтѣ, шѣтѣ.

б. Слова *накоренной* *акцентовки*.

Рус.: гнѣтіе, колѡтіе, крѣтіе, прибытіе, прожитіе, понятіе, кровопролитіе²⁾.

Слов.: vbitje, vzatje (ѡ?), pitje³⁾.

5. Наставка **АСТВО**.

а. Слова *насуффиксной* *акцентовки* (*окситонки*).

Рус.: божество, большинство, вещество, воровство, вдовство, вра-

¹⁾ См. стр. 146, прил. 3.

²⁾ Безударная наставка **ТАК** рѣдко является у простыхъ основъ, за то она господствуетъ у *составныхъ*. Однако это относится только къ Русскому языку: у Сербовъ слова на **не**, кажется, всё безъ исключенія — парокситонки *ненской* *акцентовки*, т. е. первоначальныя *окситонки*. На счетъ слова *кровопролитіе* ср. стр. 146. О болгарскомъ и словенскомъ выговорѣ наставки **ТАК** не позволяеть судить незначительное число примѣровъ.

³⁾ Не слѣдуетъ забывать, что удареніе этихъ словъ, быть можетъ, отпала.

чевство, колдовство, кумовство, меньшинство, плутовство, родство, рождество, скотство, старшинство, существо, удалство, ханжество, хвастовство, шутовство, щегольство¹⁾.

Серб.: банство, безочанство, божанство, везирство, величанство, владичанство, господство*, добротинство, достојанство (Маж. достојанство)*, јединство = рус. единство (обыкн. единство), задовольство, злочинство, капетанство, коварство*, пијанство* (Маж. пијанствѡ), постојанство*, пријательство, (Маж. пријательствѡ)*, сведочанство, убиство*, човечанство, чудство²⁾.

Слов.: ženstvo, moštvo, gójstvō³⁾.

Болг.: вдовство, господство (= сударь), първенство = рус. первенство.

б. Баритонки.

Рус.: блаженство, богатство, братство, бѣгство, воеводство, коварство, королевство, лакомство, лукавство, лѣкарство⁴⁾, мужество, наследство, приятельство, пророчество, предательство, рабство, убиство, убожество, челоуѣчество.

Серб.: блаженство, богатство, братство, вѡјводство⁵⁾, јунаштво, краљевство, лакомство, лукавство, наследство, неверство, поштво, прѡроштво, сирѡмаштво, убоштво, цѡрство, чѡвештво.

Слов.: bogāstvō, tvnārištvo.

Болг.: благодарство, богатство, бѣгство, вѡјводство, јунаштво, мѣжество, познанство, пријателство, предѡтелство, рѡбство, скѡтство (по-рус. скотство), убѡјство, чѡлѣштво.

Ударение *колеблется*, въ Русскомъ языкѣ, у слѣдующихъ реченій: волшебство — волшебствѡ (рѣже), единство — единствѡ (рѣдко), общество

¹⁾ Къ этимъ словамъ примыкаетъ еще нѣсколько разноударяемыхъ, которыя приведены ниже.

²⁾ Въ этомъ спискѣ звездочками отмѣчены тѣ слова, которыя употребительны и въ Русскомъ языкѣ, но представляютъ въ немъ несоответственную акцентовку. Однако и всѣ почти остальные, если-бъ существовали въ Русскомъ, едва-ли нашли бы въ немъ соответствіе своей акцентовкѣ.

³⁾ Въ словахъ ženstvo, moštvo, пожалуй, можно бы было предположить *бывшій*, но gójstvō очевидно *оттяжечная* акцентовка, см. gójstvō.

⁴⁾ Лѣкарство, быть можетъ, происходитъ отъ слова *лѣкарь, -аря = серб. лѣкар, лекар, и въ такомъ случаѣ слово лѣкарь заимствовано изъ польскаго именительнаго lekarz. Или это случай переначенія, и произнесла лѣкарство, чтобы это реченіе не казалось названіемъ должности или званія?

⁵⁾ Слово вѡјвода не соответствуетъ рус. воевода: мы бы ожидали выговора вѡјвода (см. вѡјвода, а вѡјвода см. војевода). Какъ первообразныя, не соответствуютъ другъ другу и производныя.

— общество (рѣдко), первенство — первенство (рѣдко), равенство — равенство (рѣже), свойство — свойство (въ разныхъ значеніяхъ).

6. Наставка ище¹⁾.

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: городище, огнище, пепелище, топорыще²⁾.

Серб.: гнѡдѣште, гѡдѣште, грѡдѣште, двѡриште, зѣмљѣште, кѡсиште, монастириште, ѡгњѣште, цѣркѡвѣште.

Слов.: gradišće, đvǎrišće, kǒpišće копи, љnǐšće льны, ѡvsišće овсы, рѡgǒrišće, tǒpǒrišće.

Болг.: гноѡдѣште, огниште, пепелиште, хориште (где хоро игра).

б. Слова ненасуффиксной акцентовки.

Рус.: гороховище, игралище, пристанище, побѡище, собѡрище, чистѣлище.

Серб.: граховиште, игралиште, купаљиште, кунѣште, маковѣште, ѡгдрѣљѣште черног., пристаниште, рѡзбојѣште (рѡзбојѣште), ѣрѡалиште, збѡриште, шѣталиште³⁾.

Колеблется удареніе въ рус. словахъ гѡльбище, кладбище, сельбище, стрѣльбище⁴⁾ и лѡговище.

7. Наставка ло (лао, тло)⁵⁾.

а. Слова насуффиксной акцентовки (окситонки).

Рус.: весло, вертло, гребло, дуло, жерло, крыло, помело, ремесло, сверло, сѣдло, скребло, стебло, стекло, тягло, число, щемло.

Серб.: вѣсло, огрѣбло, дѣбло ствољ, ждрѣло, канчѣло Bund Zwiǵn, крило, ѡмѣло, паћѣло veli genuz, прѡгло родъ силка, сѣдло, стабло, стакло (сткѡ, скѡ, цѡдѡ).

Слов.: vǣslǒ, dǣblǒ, ždrǣlǒ, jeklǒ (jǣklǒ), krlǒ, ѡmǣlǒ, sǣdlǒ (ми. sedla), stǣblǒ (stǣblǒ), stǣklǒ (stǣklǒ), tǣslǒ.

¹⁾ И у Сербовъ домог, у Чеховъ — краткое: bojiště, hlinišťe, hnojiště, ohniště.

²⁾ Увеличительныя на ище свойственны одному Русскому языку и потому здѣсь не приводятся.

³⁾ Случаевъ подобной акцентовки въ Словенскомъ и Болгарскомъ мнѣ неизвѣстно: про первый, кажется, могу сказать, что онъ рѣшительно чуждается ея.

⁴⁾ См. гл. I, стр. 14.

⁵⁾ Отдѣлѣть другъ отъ друга эти наставки довольно трудно.

Болг.: весло, гребло, дуло отдышина, крило, легло ложе, облекло одежда, седло, стебло¹⁾, стькло²⁾.

б. Слова накоренной акцентровки.

Рус.: било, вьсло, горло, дьло, жало, жило, масло (мн. масла), мыло, мяло, пабло, побло, прьсло, рыло, сало, стобло, сусло, шило.

Серб.: било, врело, гьрло, дело, масло, (мн. масла, масала), мяло lixivium ad lavandum carum, рало, рило, сало, шило.

Слов.: резь. hǎglo (обыкн. форма gьrlo), dǎlo, želω (ε?), maslo, šilo.

Болг.: врьало кипятокъ, гьрло (мн. гьрла), масло (масла), шило (шила).

8. Сложная наставка ало.

а. Слова насуффиксной акцентровки (на ало)³⁾.

Рус.: обирало, купало, кресало, мочало, одьало, опахало.

Серб.: гатало, гудало смычокъ, давало, дьржало, играло, казало, кресало, купало дам. мѣсто купанія, кусало у кашике оно што се меће у уста, метало portio rabuli, огледало, окретало вертелъ Берл. (акц. чакав.), писало, пухало, скакало, узимало, чекало speritaculum.

Слов.: kresalo, pakovalo, ogledalo, odevalo, cesalo.

Болг.: огледало (мн. огледала), стьпало подошва, чесало.

б. Слова накоренной акцентровки.

Рус.: буркало, вьало, зеркало (мн. зеркала, -агъ, -агамъ), пугало.

Серб.: бадало, бьнкало pertica piscibus excitandis, вешала, клецало родъ скамейки, кьупало = мьвало pertica uvivis contundendis, седало sedes gallinaria, тепало Маж., тупало пестикъ, цьртало culter aratri, шьбало virga tympani.

Болг.: бьркало, бьхало родъ птицы.

9. Сложная наставка ласо.

а. Слова насуффиксной акцентровки (на ласо)⁴⁾.

Рус.: воротило, вьтрило, кадило, кропило, мотовило, свѣтило, сушило, творило, точило, чернило.

Серб.: вратило Берл. навой (акц. чакав.), жарило ухватъ, кадило, кропило, мотвило, мочило вир где се кисели куджеа и лан, точило Holzgutsche (Берл. точило — виноградное точило), хладило, цедило, цьрнило.

¹⁾ Праславянское стьбло: срв. еще старочешское stblo (теперь stěblo) и словацкое zblo, также польское źdźbło, радомъ съ ździebło.

²⁾ Насуффиксная акцентровка породила чеш. sklo, поль. szkło. Срв. также литовское stiklas, твор. stiklū мн. ч. stiklai, вин. stiklūs (См. гл. XIII, стр. 222).—

³⁾ А какъ у Сербовъ, такъ и у Чеховъ краткое: držadlo, kovadlo, křesadlo.

⁴⁾ И краткое у Сербовъ, кратко и у Чеховъ: bělidlo, vratidlo, kadidlo, motvidlo.

Слов.: *zdravilo*, *kadilo*, *kvasilo* завтракъ, *krvavilo*, *mazilo* мазь, *potvilo*, *porocilo* порученіе, *perilo* бѣлье, *platilo*, *predilo*, *hladilo*, *cedilo*, *čygnilo*.

Болг.: венчѣло, ветрѣло вѣтеръ, дупчѣло, огнѣло, светѣло, цедѣло.

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: мѣрѣло (или мѣрѣло), правѣло *regula*, рядомъ съ правѣло *gubernaculum*, удѣло (обыкн. мн. ч. удѣла).

Серб.: глѣдѣло, јагъгѣло, квѣсѣло (квасити мочить), лѣзѣла лѣса, мѣрѣло, правѣло, рѣнило, страшѣло¹⁾.

10. Наставка *ио* (*ино*, *ино*)²⁾.

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: бревнѣ, вѣнѣ, волокнѣ, веретенѣ, говнѣ, гумнѣ, звенѣ, зернѣ, лунѣ, окнѣ, полотнѣ, порохнѣ, пшенѣ, рунѣ, саднѣ, стегнѣ, сукнѣ, толокнѣ.

Серб.: бѣрвѣно (род. мн. бѣрванѣ), вѣлно, вѣно, вѣлно, вретѣно, гѣвно (род. мн. гѣванѣ), гѣвно, ѣкно, платнѣ, рѣно, саднѣ, стѣгно, сѣно.

Слов.: *vlakno* нижнекраин. (мн. *vlakna*), *gornjo*, *gymno*, *zlatno* летокъ, *krgno* выдѣланная шкура, *okno* (резь. *okno*), *ršeno*, *zedno* (*sidno*), *stegno* (мн. *stegna*, -гѣн, -гѣно), *zknjo* (*zknjo*).

Болг.: платнѣ (платнѣ), рунѣ (рунѣ).

б. Слова накоренной акцентовки.

Рус.: брашно (бѣрошно), кѣзно³⁾, сѣно.

Серб.: брашно, зѣрно.

Слов.: *brano*, *varno*, *veno*, *plano*, *gno*⁴⁾.

Болг.: брашно (брашно), зѣрно.

11. Наставка *ац*.

а. Слова насуффиксной акцентовки.

Рус.: винѣ, деревѣ, колесѣ, кольѣ, копьѣ, крыльѣ, мясѣ, вокинѣ мѣр. (в. рус. оконѣ), писмеѣ, сельѣ, сѣнѣ.

Серб.: брашѣнце, белѣнце бѣлокъ, вѣнце, вѣкѣнце, вратѣшѣца, дѣнце, дѣрвѣце Маж. (Кар. дѣрвѣце), дѣлѣце Маж., кѣлѣце Маж., крѣлѣце = крѣлѣце, мѣсѣце, писѣмѣце (Маж. писѣмѣце), пѣрѣце, платѣнце Маж., рамѣнце, ребѣрѣце (Маж. ѣ), седѣлѣце (Маж. ѣ), седѣце = сѣлѣце, стегѣнце, стабѣлѣце, стабѣлѣце (Маж. ѣ), сукѣнце, сѣнце, темѣнце Маж., устѣшѣца.

¹⁾ Словенскіхъ и болгарскіхъ словъ такого образованія, съ накореннымъ удареніемъ, нѣтъ неизвѣстно.

²⁾ Трудно провести точную грань между этими наставками.

³⁾ Русская акцентовка этого слова не соответствуетъ словенской.

⁴⁾ У всѣхъ этихъ словъ удареніе слѣдуетъ считать оттанутымъ.

Слов.: месѣ, ѡкънѣ, платънѣ, ведънѣ¹⁾, зъгсѣ²⁾.

Болг.: брашенѣ, винѣ, дървѣ, перѣ, раменѣ, селѣ, сърѣ, (сърце), стebelѣ, сукънѣ, сенѣ.

б. Слова ненасубфиксной акцентовки.

Рус.: блюде, веселье, донце, дѣльце³⁾, зѣркальце, имѣньце, колѣнце, корытце, маслице, мотовильце, оконце, платице, полотѣнце⁴⁾, полѣнце, рыльце, сальце, солнце, сердце.

Серб.: блѣтанце, брашанце, вѣсаоце, вѣмешце, врѣоце, гѣроце (Маж. гѣрце и грѣце), гѣрлашце, дѣрвце (Маж. дѣрвце), јѣзѣрце, жвѣоце (жвѣло fauces), зѣрнце, колѣнце, кориташце, маслице Маж., мотѣвоце, сѣнце, сѣнѣшце, сѣрце, тѣмешце, јѣтарце.

Слов.: кѣгусѣ резъ., солнѣ.

Болг.: ведрѣнце, гѣрнѣнце, дѣнце⁵⁾, колесѣнце, маслѣнце, месѣнце, огледѣнце, стѣкълѣнце⁶⁾, сѣлнце (мн. сѣлнца), сѣрце (обыкн. сѣрѣ).

¹⁾ Наконечная акцентовка этихъ формъ свойственна краниской рѣчи.

²⁾ Слово зъгсѣ представляетъ выдвинутое удареніе.

³⁾ Русская акцентовка этого слова не соответствуетъ сербской.

⁴⁾ Соответствующее сербское реченіе см. подъ а.

⁵⁾ Болгарская акцентовка сходна съ русской, но не соответствуетъ сербской.

⁶⁾ Акцентовка этого слова отклоняется отъ сербской.

**ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ,
УКАЗАТЕЛЬ, ОГЛАВЛЕНІЕ,
ОПЕЧАТКИ.**

Поправки и дополненія.

Стр. 1, стр. 11. Я рѣшительно не понимаю, какъ Миклошичъ можетъ строить праславянскую форму *gonka* съ настоящимъ п [Vergleichende Lautlehre. 2 Ausg. S. 92 (4)]: исчезновение носового элемента юсовъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ Польскаго (въ которомъ онъ тоже иногда исчезаетъ), прямо указываетъ на слабый звукъ его въ устахъ Праславянъ.

Стр. 3, стр. 12 см. Hausmeister мѣстное названіе для швейцара, дворникъ — Hausknecht.

Стр. 4, стр. 11. Слѣдовало бы говорить не о мѣнѣ ударенія, а о мѣнѣ акцентовки, или о передвиженіи ударенія.

Стр. 4, пр. 2 и стр. 5, пр. 2. См. W. Corssen. Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der Lateinischen Sprache. 2 Aufl. Leipzig 1870. В. II, S. 805—813, 892, 906, 920—931.

Стр. 8, стр. 16. На счетъ мнѣній о праязычной акцентовкѣ см. еще г. XIV, стр. 225—227.

Стр. 11. О мѣстномъ разнообразіи въ русскомъ акцентованіи Даль (въ Напутственномъ словѣ къ Толковому словарю живаго Великорусскаго языка, XV, прим.) говоритъ слѣдующее: «*Сѣверные и восточные* великорусскіе говоры всегда почти держатся одного ударенія (на первые и послѣдніе слоги), а *южные и западные* другаго (на средніе и послѣдній); *Москва* болѣе держится втораго, а *Питеръ* нерѣдко своего третьяго, нѣмецкаго. Такъ слово *робить*, не только на Украинѣ, но и на всемъ югѣ отъ Москвы, произносится *робить*; а на сѣверѣ, гдѣ оно въ большомъ ходу, *рѣбить*. Сюда же относятся: *ворѣта и ворота, далѣко и далеко, высоко и высоко* и пр. Въ говорѣ *новгородскомъ* встрѣчается мѣстами довольно странный, по нѣкоторымъ признакамъ старинный, переносъ ударенія на первый слогъ, противоположно польскому и наперекоръ общепринятому, какъ нпр. *творѣтъ*, не *ѣдного, ѣкрестясь* и пр». Замѣчанія эти (отчасти повторенныя въ статьѣ «О нарѣчіяхъ Русскаго языка» XXVI) отличаются отрывочностью и очень похожи на преждевременныя обобщенія. Чтѣ такое слѣдуетъ понимать подъ «нѣмецкимъ удареніемъ» петербурждевъ, мнѣ не совсѣмъ ясно.

Стр. 11, стр. 10 см. Когда удареніе колеблется между двумя слогами, какъ въ словахъ *далеко, широко*, я буду отмѣчать просодіями оба слога.

Стр. 12, стр. 9. Съ рус. *община* срв. еще болг. *община*.

Стр. 13, прим. Объ элементахъ и т. д., стр. 61—63. Vergl. *Lautlehre*. 1852. S. 391 ff.

Стр. 14, прим. 2. Срв. еще *жена — женить, труба — трубить, юла — юлить*.

Стр. 15, стр. 14 см. На счетъ слова *туба* см. Акцентовочныя таблицы, стр. 247, прим. 6.

Стр. 15, стр. 14 см. Объ опредѣленіи акцентовки литовскихъ словъ м. р. по творительнымъ падежамъ, см. у Мазинга. *Die Hauptformen des Serbisch-chorwatischen Accents*. S. 8—9.

Стр. 17, стр. 7. Положеніе, что намѣреннаго различенія подобозвучныхъ словъ по акцентовкѣ не бываетъ, требуетъ нѣкоторой оговорки. Первоначально, разумѣется, разноударные омонимы могли явиться только случайно; но слѣдуетъ, повидимому, допустить, что впоследствии, въ силу аналогіи, стали иногда намѣренно придавать сходнымъ словамъ различную акцентовку, или, говоря точнѣе, вновь возникающее слово отличали посредствомъ ударенія отъ подобозвучнаго ему стараго. Такъ, весьма возможно, что слово *духи* (благовопія) окситоновали въ отличіе отъ существовавшаго, по всей вѣроятности, раньше слова *духи* (геніи),— что Сербы заимствованному изъ Нѣмецкаго слову *луг* щелочь (= *Lauge*) потому придали выговоръ *луг*, *луга* (по-чак. *луг*, *луга*), что въ языкѣ существовало уже, въ иномъ значеніи, слово *луг*, *луга*. Я также склоненъ предположить, что нѣкоторыя рус. прилагательныя «усѣченнаго» окончанія [нпр. *низокъ, низка, низко*, = серб. *низак, ниска, -о*] получили окончное удареніе лишь впоследствии, въ отличіе отъ средняго рода, въ чемъ я вижу подражаніе другимъ прилагательнымъ, у коихъ такое различіе существовало издавна [нпр. *дорогъ, дорога, дорого* = чак. *драг, драга, драго*¹⁾]. Допуская такимъ образомъ исключенія, я вообще всетаки настаиваю на томъ, что разноударность тождественныхъ по звуковому составу словъ объясняется неодинаковымъ образованіемъ ихъ, что нпр. ясно видно въ словѣ *проболочка*, которое съ начальнымъ удареніемъ (*проболочка*) есть уменьшительное отъ слова *прово-лока*, а съ напредконечнымъ (*прово-лочка*) — отглагольное, отъ *прово-лочь*.

Стр. 17, стр. 18. Съ выраженіемъ «въ зеленѣмъ саду» срв. также «чаша зеленая вина».

¹⁾ См. у Мажурапча. *Slovníca*, str. 26, řazí 1.

Стр. 21, стр. 10. Когда рѣзкоударный гласный протягивается, онъ, разумѣется, перестаетъ быть рѣзкимъ.

Стр. 21, прим. 1. По показанію М. Колосова (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Прилож. къ XXVIII т. Зап. И. Акад. Наукъ. № 4; стр. 65), въ Вятской губерніи, въ уѣздахъ Вятскомъ и Слободскомъ, слышится иногда долгота гласныхъ, какъ ударяемыхъ, такъ и безударныхъ. Къ сожалѣнію, Колосовъ собралъ лишь весьма незначительное число примѣровъ: вѣтъ (вѣот), ничевѣ, говорѣтъ, уѣдут, синѣтъ, ѳзеро, возѣтъ, братѣ, пожадустѣ¹⁾, на основаніи которыхъ находитъ возможнымъ утверждать только то, что 1) долгота гласнаго можетъ проявляться независимо отъ ударенія; 2) въ одномъ слогѣ можетъ быть 2 долгихъ, изъ коихъ одинъ ударяемый. Кажется, что и у Вятчанъ долгота имѣетъ случайный, риторическій характеръ: это видно изъ фразы «не берѣтъ вѣдѣ ѳж, молодые то не берѣтъ, въ коей конечный слогъ реченія берѣтъ провзнесенъ разъ такъ, разъ иначе. «Въ этомъ случаѣ и подобныхъ», говоритъ самъ Колосовъ, «ясно, что строй фразы, тонъ рѣчи вызвалъ растяженіе гласнаго». Правда, онъ тутъ-же слѣдуетъ оговориться, «что растяженіе это не играетъ той роли, какую имѣетъ такъ называемое логическое удареніе», что «видно изъ того, что въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ»; но это разсужденіе я считаю неосновательнымъ: если логическое удареніе естественно должно совпадать съ грамматическимъ, иначе говоря, состоятъ въ усиленіи грамматическаго ударенія, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и логическое *продленіе* возможно лишь въ ударяемомъ слогѣ. Впрочемъ, главная мысль Колосова, что вятская долгота не вполне равносильна логическому ударенію, несомнѣнно справедлива: для подтвержденія ея достаточно было бы сослаться на частицу ѳж въ вышеприведенной фразѣ. Послѣ этихъ замѣчаній, считаю почти излишнимъ указать еще на то, что бѣльшая часть вятскихъ «долготъ» соответствуетъ сербскимъ краткостямъ: ѳзеро = жѣзеро, возѣтъ = вѣзѣтъ, братѣ = братѣ, ѳж = жѣ; также и въ словахъ вѣтъ, ничевѣ, уѣдут, синѣтъ, если-бъ они существовали у Сербовъ, гласные были бы непремѣнно краткіе. Только формы говорѣтъ, берѣтъ напоминаютъ сербскія говорѣ, берѣ; но вѣдѣ, рядомъ съ берѣтъ, слышится также берѣтъ.

Стр. 24, стр. 1—2. Все таки существуетъ нѣсколько сложныхъ

¹⁾ Колосовъ обозначаетъ акутомъ удареніе вообще, но весьма возможно, что долготное удареніе Вятчанъ есть именно *восходящее*. См. дальше в гл. II, стр. 45 (2).

(книжныхъ) словъ, акцентующихъ 6-ой слогъ сначала: общераспространённый, противогосударственный, малоупотребительный.

Стр. 25, стр. 4. Кажется, слѣдуетъ думать, что *о* не прибавлено, а только удержано, въ угоду насуффиксной акцентовкѣ: въ сербскихъ словахъ м. р. на *о* (вѣжно, Пѣко) едва ли можно считать *о* позднѣйшею прибавкою: прибавку этого звука можно допустить въ Русскомъ языкѣ, въ коемъ онъ играетъ роль бѣглаго гласнаго, но не въ Сербскомъ. Полагаю, что эти формы суть остатки настоящихъ именительныхъ [на аз = греч. *ос*, лат. *os* (*us*): *кога* = *bhagam* первоначально было только винительнымъ падежомъ, а именительный звучалъ *кого* = *bhagas*; но послѣдняя форма слишкомъ походила на форму средняго рода, и вотъ, подъ вліяніемъ основъ на *й*, у которыхъ им. и вин. органически совпали (*сынъ* = *sūnus* и *sūnim*), стали употреблять вин. *кога* въ значеніи именительнаго¹⁾.

Стр. 26—27. См. гл. XIII, стр. 215, прим. 1.

Стр. 27, прим. 2. По недосмотру, вмѣсто переменны просодій, говорю о переменнѣ акцентовъ. — Куршатова акцентуація приведенныхъ на этой страницѣ словъ, какъ и всегда, передѣлана мною по способу Караджича.

Стр. 32, IV. 1. Говорятъ однако пятью два, шестью дѣсять, семью сорокъ и т. п. (рядомъ съ пятью два, шестью дѣсять, семью сорокъ, въ коихъ удареніе первыхъ словъ скрадывается): такое акцентованіе, очевидно, носить *логическій* характеръ.

Стр. 33, стр. 5. Слово *восемь* (*осма*) первоначально принадлежало къ одной группѣ со словомъ *семь* (*седма*), а не съ *дѣсять*.

Стр. 33, стр. 18. См. Акц. табл., стр. 258, пр. 1.

Стр. 33, V. 1. Мѣстн. = дат.: матери, дочери. Рус. акцентовку, а также и звуковой составъ слова *дочь* слѣдуетъ считать искаженными: соответственныя формы другихъ славянскихъ языковъ (новоцерк. дѣци, дщѣри, серб. кнѣи, кнѣри, слов. hѣи, hѣггѣ, также распространенныя формы — чеш. dсега, поль. сѣга), да и мѣстная (олонецкая) форма *дочѣи*, *доцѣи* (род. дочѣри?) указываютъ на праслав. акцентовку *дѣтѣи*, *дѣтѣри*. Изъ *дѣтѣи*, *дѣтѣри* органически должно было развиваться *дочѣи*, *дчи*, род. *дочѣри*, *дчѣри*, но въ имен. падежѣ вмѣсто *и* подставили *ь* (или же замѣнили окончаніе *и* согласнымъ изгласненіемъ), и вышло *дочь*, а уже послѣ того остальные падежи примѣнили къ именительному, чему содѣйствовала также аналогія слова *мать*, *матери*.

Стр. 34, стр. 14. См. Акценточныя таблицы, стр. 262, прим. 2.

¹⁾ Срв. А. Leskien. Die Deklination im Slavisch-litauischen und Germanischen Leipzig 1876. S. 4.

Стр. 38, стр. 19. По словамъ Срезневскаго, Русскіе заимствовали просодіи въ XV в. отъ православныхъ Славянъ задунайскихъ, которые употребляли ихъ уже въ XIV в. Употребленіе просодіи привилось скоро: къ концу XV в. оно сдѣлалось почти общимъ, въ XVI в. перешло въ печатныя книги и становилось все болѣе правильнымъ, болѣе русскимъ, удаляясь отъ вліянія нерусскаго выговора. И. Срезневскій. О русскомъ правописаніи. Письмо I. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1867 Май, стр. 458 и 460.

Стр. 39, стр. 4. Катковъ вовсе не утверждаетъ, чтобы русское удареніе во всѣхъ случаяхъ было замѣнителемъ долготы, а выражается слѣдующимъ образомъ: «если слово содержитъ въ себѣ слогъ долгій, то оно удерживаетъ на немъ удареніе, и удареніе въ этомъ случаѣ постоянно; когда же, напротивъ, нѣтъ въ рѣченіи долгаго слога, удареніе является бѣглымъ». Однако и въ такомъ видѣ его мнѣніе о русскомъ удареніи не выдерживаетъ критики. См. стр. 247 и 273—275 (III A 1, акз, ача оунз).

Стр. 44, прим. 1. На счетъ мнѣнія Ковачевича см. еще гл. III, стр. 87, пр. 5.

Стр. 49, прим. 1. Мнѣніе Данчича см. на стр. 79.

Стр. 54, 2а. Это явленіе можно бы назвать *польскою* гибкостью.

Стр. 54, прим. Въ древности акцентовки дужан, дужна, дужно, дичан, дична, дично нельзя быть вполне увѣрену: можетъ быть, они лишь послѣ того, какъ сдѣлались двусложными, подошли подъ аналогію драг, драга, драго, а первоначально произносились дължѣнъ, -ѣнъ, -ѣно или дължѣнъ, -ѣна, -ѣно.

Стр. 55, стр. 2 см. О мѣнѣ акцентовки при склоненіи см. также примѣчанія къ таблицамъ (стр. 235 пр. 1, 239 пр. 3, 240 пр. 3 и 7, 241 пр. 1 и 5, 242 пр. 9, 245 пр. 1, 250 пр. 3, 255 пр. 1, 257 пр. 6 и 266 пр. 4).

Стр. 58, стр. 14 см. См. еще гл. XIV, стр. 224, прим. 4. Срв. также гл. IV, стр. 120, пр. 4.

Стр. 60, пр. 2. Въ гл. VI, стр. 146—147.

Стр. 63, пр. 3. Слѣды чакавскаго акцентованія, по словамъ Мажуранича, до сихъ поръ сохраняются въ Босніи (въ Сараевѣ, около Крешева, Новаго Базара и по Савѣ), въ Славоніи (по Савѣ), въ восточной Сербіи (въ такъ называемомъ Ресавскомъ говорѣ), на Черной горѣ, въ Езарской нахіи Албаніи, а также около Котора и Дубровника. Mažuranić. Slovn. hërv., стр. 24, прим.

Стр. 66, стр. 1 см. См. еще гл. XIV, стр. 224.

Стр. 73, стр. 21. См. стр. 60, прим. 1.

Стр. 73, стр. 7 см. Караджичъ, должно быть, не придумалъ двойной грависъ, но, заимствовавъ его изъ рукописей, или старопечатныхъ книгъ [см. стр. 72 (3)], придалъ ему только новое значеніе.

Стр. 75, пр. 4. Въ «Иллирской грамматикѣ» (Pirska slovnica. Sastavi Věkoslav Babukić. U Zagrebu 1854) Бабукичъ различаетъ въ § 4 (стр. 5) гласные *краткіе*: à, ò, ù, è, í, и *долгіе*, которые подраздѣляетъ на *кратко-долгіе*: á, ó, ú, é, í и *долгократкіе*: â, ô, û, ê, î. Собственно акцентовкѣ посвященъ § 7 (стр. 30—37): въ немъ говорится о качествѣ и мѣстѣ ударенія, о различіи между акцентовками Штокавецевъ, Чакавецевъ и Кайкавецевъ (довольно, впрочемъ, поверхностно) и т. д. Удареніе, по опредѣленію этой грамматикѣ, состоитъ въ томъ, что одинъ слогъ произносится *рѣзче* [oštrie — sèlo = sello], или съ *большимъ тѣсомъ* [težje — glád (Кар. glád) = gláád; gláva (Кар. gláva) = glááva]. Такимъ образомъ, и тутъ мы находимъ 3 просодіи (znaci kojimi se naglasak bilježi) — грависъ (težki), акутъ (oštri) и циркумфлексъ (zavinjeni). *Грависъ* «усиливаетъ выговоръ слѣдующаго согласнаго, который какъ-бы сдвигивается: bàra (= barra), mèra (= mjèra (= mjerra), ptica (= pticca)», *акутъ* (Буковъ циркумфлексъ) «указываетъ на усиленный выговоръ гласнаго, который произносится сначала какъ-бы съ быстрымъ пониженіемъ голоса (˘), а послѣ происходитъ протяженіе (˘) и какое-то округленіе (glas kao hitro padne (˘) pa se onda otégne (˘) i kao okruglo razlazi se): glád (= gláád), zórka (= zóórka), krúg (= krùúg)»; *циркумфлексъ* (Буковъ акутъ) «состоитъ изъ долгой и изъ краткой просодіи [naglasak zavinjeni (˘) sastavljen je iz dugačkoga i kratkoga] и указываетъ на то, что сила выговора падаетъ на гласный, такъ, что сначала происходитъ какъ бы протяженіе (˘), а потомъ внезапное пониженіе голоса [glas se najprije kao protegne (˘) pa onda zajedno padne (˘)]: grána (= gráána), sîrak (= sîirak), čvórak (= čvóórak). Кажется (rekaó bih), что Нѣмцы для выраженія такого выговора присоединяютъ къ гласнымъ буквамъ h или e: ah, oh, uh, eh, ie (!)».

Стр. 80. Во 2-мъ изданіи Сравнительной фонетики, Миклошичъ говорить о сербскихъ удареніяхъ въ слѣдующихъ словахъ: ˘ означаетъ самый краткій гласный, ˘ — менѣе краткій, произносимый не такъ быстро, ˘ выражаетъ восходящую, ˘ — нисходящую долготу (steigende länge, sinkende l.). Vergleichende lautlehre. Wien 1879, S. 406.

Стр. 81, стр. 15—16. Срв. однако мнѣніе Мазинга, стр. 45.

Стр. 81, стр. 28. Терминъ «слабое» удареніе мнѣ въ настоящее время представляется не особенно удачнымъ и я удерживаю его только за неумѣніемъ найти лучший.

Стр. 89, стр. 7. Вопросъ о музыкальности словенскаго акцентованія

лучше всего может быть рѣшенъ путемъ сравненія подобоозвучныхъ, но (по показаніямъ Шкрабца и Ваяльца) разноударныхъ словъ; каковы ипр. имен. пад. ljudí и род. — ljudí, вин. pьgьb и твор. — pьgьb, повелит. leži-шe, -te, -va, -ta, míslí, -ímь, -ite, -iva, -ita и наст. — ležímь, -te, -va, -ta, míslí, -ímь, -ite, -iva, -ita.

Стр. 89, стр. 13. Однако въ своей книгѣ о Словенскомъ языкѣ Левстикъ мимоходомъ упоминаетъ о 4-хъ родахъ ударенія. Fr. Levstik. Die slovenische Sprache. S. 3.

Стр. 90, пр. 1. У Мурки ё и ѓ являются только въ его грамматикѣ: въ словарѣ онъ пишетъ shèna, zhèlo, plèsti, kòsa, vòda, globòko.

Стр. 91, стр. 11 см. См. также стр. 134, стр. 13 см.

Стр. 92, пр. 2. См. еще гл. XIV, стр. 227. Къ приведеннымъ уже великорусскимъ формамъ на те могу еще прибавить слѣдующія: несетѣ, продадтѣ, хотитѣ, дадтѣ, пойдетѣ, ѣдетѣ, явитѣсь, проѣдтѣ, пронадтѣ, лежатѣ, полетитѣ (М. А. Колосовъ. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Прил. къ XXVIII т. З. И. А. Н., № 4, стр. 22, 67, 74).

Стр. 94, стр. 21. О словахъ lán и т. д. въ VI гл. говорится на стр. 140—141.

Стр. 94, пр. 3. См. стр. 140—141 и 1 отд. табл., IV п Б, стр. 259.

Стр. 95, стр. 8. Вм. «русскіе противни этихъ словъ суть слова негибкія», слѣдовало бы сказать — «слова накоренной акцентовки въ ед. ч.»

Стр. 95, стр. 20. Вм. «соотвѣтственные русскія реченія всѣ принадлежатъ къ числу негибкихъ», слѣдовало бы сказать — «ударяють въ ед. ч. на корень.»

Стр. 97, стр. 17. Изрѣдка, впрочемъ, встрѣчается и у Резьянъ отгннутое удареніе на краткомъ гласномъ, ипр. wòda = серб. vòda.

Стр. 98, пр. 2. Противоположное явленіе представляетъ нижнекраинская акцентовка зват. падежа, какъ ее описываетъ Шкрабець, въ статьѣ «О словахъ съ двумя удареніями», помѣщенной въ журналѣ Svetje z vitov sv. Frančiška izdaja in vgejuje P. Evstahij Ozimes. Зват. п. въ Нижней Краинѣ (по крайней мѣрѣ въ Рыбницѣ), когда употребляется отдѣльно, или занимаетъ первое мѣсто въ предложеніи, получаетъ 2 ударенія: tètà¹⁾, mlàtì ljùba! Jànèz! (Обратимъ вниманіе на краткостное удареніе неконечныхъ слоговъ). Долгий начальный слогъ сохраняетъ долготу, только удареніе его слабѣетъ: strínà! Jòžè! Когда же въ обращеніи не лежитъ особеннаго аффекта и терпѣнія, первое удареніе вовсе исчезаетъ, и отмѣченный имъ слогъ, если

¹⁾ Двойнымъ гласнымъ я заглавнѣ употребленный Шкрабцомъ простой гласный.

онъ дологъ, сокращается: *tetà! matì ljùba! Janèz! strinà! Jožè!* и т. д. Гласные, однако, сохраняютъ свойственную имъ подъ удареніемъ окраску: *i* и *o* не переходятъ въ глухое *i* (почти = *ъ*) и въ *o*. [Здѣсь, такимъ образомъ, являются безударные, но чистые гласные; существуютъ также гласные ударяемые и протяжные, но вмѣстѣ съ тѣмъ глухіе: въ вопросительной рѣчи, слово *matì* можетъ произноситься *matì*, причемъ *i* звучитъ такъ же глухо, какъ безударное *i* въ *matì*]. Шкрабцева акцентовка звательнаго падежа носитъ риторическій характеръ, и позволительно сомнѣваться, чтобы она исключительно господствовала въ нижнекраинской рѣчи. Верхнекраин. звательный, конечно, есть именительный, унаслѣдовавшій акцентовку отживавшаго свой вѣкъ настоящаго звательнаго, и въ такомъ смыслѣ Шкрабецъ правъ, когда, наравнѣ со своимъ нижнекраинскимъ акцентованіемъ этого падежа, называетъ неорганическимъ и верхнекраинское. Кромѣ зват. падежа, у Шкрабца говорится о двойномъ удареніи въ повелительномъ и у нѣкоторыхъ мѣстоименій и союзовъ. Въ томъ-же журналѣ помѣщена статья того-же автора объ акцентовкѣ словенскаго повелительнаго. Указанныя статьи извѣстны мнѣ по извлеченію, сдѣланному изъ нихъ Валявцемъ (*Archiv für slavische Philologie. V. V. S. 157—161*).

Стр. 99, пр. 2. См. Акц. табл., стр. 269 и 275.

Стр. 100, 16 ст. Вмѣсто «нерѣдкихъ» отклоненій, слѣдовало бы говорить о «весьма частыхъ.»

Стр. 107, пр. 2. Отмѣчу еще мѣстныя формы сѣверно-великорусской рѣчи: гладкой, крупной (= серб. глатка, крупна), жаркой, крѣпкой, пѣшой, толстой, усталой. (Колосовъ. Зам. о яз. и нар. позз. Прил. къ З. И. А. Н. Т. XXVIII, стр. 22 и 45).

Стр. 108, стр. 2. Чтобы объяснить баритонность членной формы окситонныхъ прилагательныхъ, можно сдѣлать слѣдующее предположеніе: эти прилагательныя, сростаясь въ одно слово съ указательнымъ мѣстоименіемъ, стремились сохранить свою окситонность и потому не лишили мѣстоименіе его акцента, а сами ему подчинились, такъ что изъ выраженій добръ -и, добра -jà, добрѣ -jè, род. добра -jègò, добры -jèç, дат. добру -jèmu, добра -jèи и т. д. вышло добръи, добраjà, доброjè, род. добраjègò, добрыjèç, дат. добруjèму, добръjèи. [Подобнымъ же образомъ отъ печенъ, -енà, -енò (рус. печенъ, -енà, енò, серб. печен, печена, -о, слов. рѣсен, рѣсена, -o) образовали печенъи, -ajà, ojè и т. д.]. Когда, вслѣдствіе стяженія въ косвенныхъ падежахъ, прежнія выраженія окончательно обратились въ слова, и образовалась новая грамматическая категория членныхъ прилагательныхъ, добраgò, добруму и тому подобныя формы легко могли подчиниться аналогіи другихъ членныхъ прилагательныхъ (въ родѣ богàтын, вѣчнын) и пе-

рenessи удареніе на корень, или на первичную наставку, что и привело къ выговору добрыи, -аја, -оје и печёныи, -аја, -оје. — Выговоръ добръгѣ, добръгшій, весьма похожій на предполагаемый мною добръгѣ, -уму, мы видѣли у Краинцевъ (стр. 106), но онъ свойственъ прилагательнымъ неопредѣленнаго значенія и служитъ доказательствомъ въ пользу моей гипотезы не можетъ. — Для объясненія прилагательныхъ гнѣдой, живой и т. д. и сербскихъ противней ихъ, нужно или допустить, что не всѣ окситонки присловились къ члену (живого, живому = живѣлого, живѣему), или, что, послѣ стяженія, нѣкоторые перенесли удареніе на тѣ же гласныя, на которые ударяють въ нечленной формѣ. [Именительный живой (= живѣи или живѣи) во всякомъ случаѣ есть продуктъ уподобленія остальнымъ падежамъ].

Стр. 110, стр. 9. См. еще гл. XII, стр. 204, пр. 2.

Стр. 115, стр. 8. На счетъ слова алатѣ срв. дополн. къ стр. 205.

Стр. 115, пр. 1. См. Акц. табл. стр. 262, пр. 2.

Стр. 116, стр. 6 см. «При одинаковомъ удареніи» поставлено, по недосмотру, вм. «при одинаковой акцентовкѣ».

Стр. 117, пр. 3. Таковы еще ѣгы — ѣгли, ѣзы — ѣали.

Стр. 120, стр. 17. Уже по написаніи этихъ строкъ я изъ повѣсти Любена Каравелова «Неда» вычиталъ выраженіе на краки (скокнх на краки). Вѣроятно, существуютъ и другія прислобочныя выраженія.

Стр. 128, пр. 2. Даже въ Сербскомъ языкѣ, несмотря на частое употребленіе нечленной формы прилагательныхъ, нѣкоторые слова произведены отъ членной формы, или, по крайней мѣрѣ, сближены съ нею по акцентовкѣ: Таковы слова прѣзник, -а и хладник, -а бесѣдка (отъ прѣзник, -а, -ѣ, хладник, -а, -ѣ), стоящія рядомъ съ прѣзник, празника пустой улей, бѣдякѣ и хладник, хладника зонтикѣ, которыя происходятъ отъ прѣзан, -зна, -зно и хладан, -дна, -дно.

Стр. 131, стр. 21. Не опровергается ли построенная мною теорія прилагательными въ родѣ ужасный, степенный, полезный отъ ужасъ, степенъ, польза, которыя по ней должны бы звучать ужасный, степенный, полезный, или ужасной, степенной, полезной? Полагаю, что отъ указанныхъ существительныхъ первоначально образовали нечленные формы ужасенъ, -сна, сно, степененъ, -на, -но, полезенъ, -на, -но, отъ которыхъ, какъ добрый, -ая, -ое, отъ добръ, добра, -ѣ, произвели членные — ужасный, -ая, -ое, степенный, -ая, -ое, полезный, -ая, -ое. Нынешнія «усѣченныя» формы позволительно считать дѣйствительно усѣченными, т. е. продуктомъ позднѣйшаго отвлеченія отъ «полныхъ».

Стр. 132, стр. 13 см. Иногда предложкныя реченія ударяють и на субфиксы:

Рус.: заёмъ, -йма [заёмъ, займа], наёмъ, -йма, посолъ, -сла, завитокъ, -тка, помело, Покровъ, -ова (рядомъ съ покровъ, -а), поплавокъ, -вка, образецъ, -зда, погребецъ, -бца, продавецъ, -вца, сорванецъ, -нца.

Серб. зајам, -јма, најам, -јма, посао, -сла, додатак, -тка, напитаk, -тка, почѣтак, -тка.

Слов. Zazър, -zрa (Zâzър, -zpa), pókгov, pókгova (pókгova).

Стр. 135, пр. 1. Слово *аффиксъ*, по недосмотру, поставлено вм. *префиксъ*.

Стр. 136, стр. 9. Въ словѣ *zókгvica* удареніе, быть можетъ, оттянуто.

Стр. 137, стр. 9. Слово *Владиміръ*, хотя иностранное, очевидно было осмыслено и подведено подъ эту категорию.

Стр. 137, стр. 12. У Сербовъ всетаки есть исключенія: слова, приведенныя на той же страницѣ, пр. 2.

Стр. 140, стр. 7. Слово *исповѣдникъ*, -едника принадлежитъ сюда только по имен. падежу: между остальными замѣчается несоотвѣтствіе иного рода. Таково же слово *пастыр*, *пастира*, при рус. *пастырь*, -я, и нѣкоторыя на *ара* и *ака*.

Стр. 140, стр. 16. См. еще стр. 107 пр. 2 и дополненіе къ ней, стр. 316.

Стр. 143, стр. 9. Отношу сюда въ настоящее время и слово *языкъ*, [см. Табл., стр. 268, пр. 13]; также *дочь*, *дочери* [см. доп. къ 33 стр. (V, 1)] и *сѣрна* [см. табл., стр. 254].

Стр. 143, пр. 2. См. Табл., стр. 241, прим. 4.

Стр. 153, стр. 12. Можно прибавить еще слово *mdloba* = *мадлаоба*. и старочешское *dřvi*, *dřvi* (см. гл. IX, стр. 180).

Стр. 155, стр. 6 см. *Vju*, *rju* едва ли ни = *бюж*, *пюж*.

Стр. 158, пр. 3. Первенство въ словѣ (во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго ед. ч.) должно было принадлежать наставкамъ *âk*, *ik* (послѣдней не у всѣхъ словъ, но у многихъ) въ предполагаемый мною переходный періодъ, когда чешское размѣщеніе удареній совпадало со *штокавско-сербскимъ*.

Стр. 163, пр. 3. Стихотворецъ въ этихъ стихахъ, очевидно, главнымъ образомъ выѣзжаетъ на «положеніи».

Стр. 164, стр. 7 см. *We směšnej gjardosci*. Надъ *ě* слѣдовало бы поставить просодію.

Стр. 165, стр. 13. *We mĕšeu*. См. предыдущее примѣчаніе.

Стр. 167. Къ перечисленнымъ здѣсь настоящимъ односложкамъ *Лу-жичкаго* языка можно прибавить еще нижнелуж. слово *zрlo* = *стало*.

Стр. 180, стр. 8. Можно еще добавить формы притяжательнаго мѣстоименія *шущ*, *шумі*, которыя я вывожу изъ *moich*, *moimi*: опущенное *o* оставило по себѣ слѣдъ въ твердости согласнаго и обратило уакое *i* въ

болѣ широкое у. Говорить, вмѣстѣ съ Миклошичемъ [Ueb. die lang. Voc., S. 18 (4)], о стяженіи *oi* въ у я не могу.

Стр. 182. Дополненіе 1-ое. Предположивши для Польскаго языка переходную отъ вольной къ одномѣстной оттяжечную акцентовку, можно принять предложенное Миклошичемъ (Ueb. die lang. Voc., S. 22) объясненіе наставокъ его и ети изъ *ajęgo*, *ajęmi* (такъ же объясняетъ онъ себѣ и чешскія *ěho*, *ěmi*). Необходимо, однако, допустить притомъ мою гипотезу о членной формѣ окситонныхъ прилагательныхъ (см. стр. 316, доп. къ 108 стр.), и построить основныя формы добрагѣд, -уемѣ, которыя путемъ оттяжки дали добрагѣго, -уѣму, а послѣ стяженія — добрагѣго, -ѣму. Отъ подобныхъ прилагательныхъ могли заимствовать эти окончанія и другія (въ родѣ богѣтагѣго, -уемѣ), которыя вѣроятно предпочли регрессивное уподобленіе и образовали окончанія *ago* и *amu*. — Нужно еще оговорить, что Миклошичъ выводитъ добрагѣго, -ѣму собственно не изъ добрагѣго, -уѣму, а изъ добрагѣго, -ѣму, очевидно — потому, что *aje* стягивается въ *ā*: *volāā*, *volā*, *znāā*, *znā*. Ueb. die lang. Voc., S. 14. Но дѣло въ томъ, что въ глаголахъ стяженію подвергается *aje*, а въ прилагательныхъ мы, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, предполагаемъ *aję*. Въ существованіе формъ добрагѣго, добрагѣму и подобныхъ имъ я, вслѣдъ за Лескинымъ (Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen, S. 132—138), рѣшительно отказываюсь вѣрить. При такомъ взглядѣ, не могу не отвергнуть также Миклошичево объясненіе серб. формъ добрагѣга, -ѣму изъ добрагѣго, -ѣму и вполне удовлетворяюсь объясненіемъ окончаній *aga*, *amu* аналогіей мѣстоименнаго склоненія: *aga*, *amu* суть среднія пропорціональныя между *ago*, *amu* (добрагѣго, -ѣму) и *aga*, *amu* (тѣго, тѣму). А вмѣсто *o* въ родительномъ есть явное заимствованіе изъ именнаго склоненія (Срв. рус. *меня*, *вм. мене*).

Стр. 182. Дополненіе 2-ое. Опредѣлить, хотя-бы приблизительно, время образованія теперешней польской акцентовки — насколько я могу о томъ судить — нѣтъ никакой возможности. Полагаю поэтому, что объяснять какіе-нибудь звуковыя переходы въ Польскомъ языкѣ вліяніемъ древняго ударенія (можетъ быть задолго передъ тѣмъ уступившаго мѣсто новому) ни коимъ образомъ не слѣдуетъ: считаю нпр. совершенно неосновательнымъ предположеніе К. Аппеля [Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ. I. Къ вопросу объ удареніи и колпчествѣ. Русскій Филологическій Вѣстникъ. Т. III (1880 г.) стр. 14—15], что переходъ *je* въ *jo* у Поляковъ, такъ же, какъ у Русскихъ, первоначально былъ слѣдствіемъ ударяемости, и что выговоръ *wiode*, *niöse*, *wiosło*, *czosło*, *jeziogo*, *żona*, *siostra* замѣнилъ прежній *wiede*, *niese*, *wiesło*, *czesło*, *jeziogo*, *żena*, *siostra* [соотвѣтствовавшій основному *wieda*, *nieśca*, *wesło*, *czesło*, *jezero*, *żena*, *siostra*] только по аналогіи съ *niosa* (те-

перь — pińsi), wiozi (теперь — wińzi), wiosła, szoła, jezioga, żony, siostry [= рус. нѣсь, вѣзь, вѣсла, чола, жоны, сѣстры]. Если и допустить, что въ Русскомъ языкѣ расширение вызвано удареніемъ — хотя, кажется, ударяемость только благоприятствуетъ ему, а безударность мѣшаетъ, — и предположить ту же причину для Польскаго языка, всетаки нѣтъ основанія приписать расширяющее вліяніе одному *исконному* ударенію и не приписывать его также *новѣйшему*, которое легко могло установиться до того времени. Еще частныя замѣчанія на счетъ Аппелевскихъ примѣровъ: 1) Аналогіи одиночныхъ формъ piosi, wiozi трудно было пересилить аналогію болѣе многочисленныхъ и болѣе близкихъ формъ niesiesz, niesie, wieziesz, wiezie и т. д. 2) Примѣры вѣсла, чола, жоны, сѣстры выбраны неудачно: древность накоренной ихъ акцентовки подлежитъ большому сомнѣнію. См. Акцент. табл., стр. 246, 250, 251 и 303.

Стр. 184, стр. 3. Выраженіе omłime за представляетъ удареніе на 4-мъ слогѣ съ конца и по недосмотру попало не въ ту группу.

Стр. 192, пр. 2. Такой слѣдъ, по всей вѣроятности, должно видѣть въ рукописномъ по sime, poossime = нѣ зими. Читать по зими едвали будетъ вѣрно, т. к. полаб. о обыкновенно принимаетъ удареніе; но, если и слѣдуетъ акцентовать такимъ образомъ, всетаки самое появленіе о въ предлогѣ доказываетъ, что онъ, если не въ этомъ случаѣ, то во многихъ другихъ былъ носителемъ акцента.

Стр. 195, стр. 12. Серб. гвѣла, повидимому, несопадающее съ рус. глина и съ полаб. глейно, смѣло можно отождествлять съ ними, объявивъ его переименованнымъ изъ глина, подъ вліяніемъ прилагательнаго гвѣо, гвѣла, -о (гвѣли, -а, -о).

Стр. 201, стр. 7. На счетъ по зими см. дополн. къ стр. 192, прим. 2.

Стр. 205, стр. 12. Дополненіемъ къ закону Миклошича могутъ служить слѣдующія замѣчанія Ф. Фортунатова объ акцентовкѣ и вокализациі плавно-чистыхъ созвучій у Болгарь, Верхнихъ лужичанъ и Словаковъ (противъ которыхъ, однако, можно сдѣлать нѣкоторыя возраженія): 1) Русскимъ созвучіямъ оло, оро и т. д. соответствуютъ бол. *ла, ра* и т. д., *безъ ударенія*: брашно, драго, злато, врат-ѣт, глад-ѣт, град-ѣт, прах-ѣт, срам-ѣт, хлад-ѣт, дърво (ъ = ѣ?), чрево, брег-ѣт, плен-ѣт (по-рус. полонъ, но по-серб. плѣн). Замѣтимъ однако благо, нрав-ѣт (= серб. нрав), мрак-ѣт; также побочныя формы брашно, злато, брѣг-ѣт. У *Верхнихъ лужичанъ* являются о, је, жо: zloto, brjoh, drjewo, črjewo [а, ѣга въ словарѣ Пѣуля отмѣчено въ видѣ brjoh, brjoħa (значитъ холмъ) и въ видѣ brjeg, brėg, а слово крањъ звучитъ wron, wrona]. 2) Рус. оло, оро и т. д. у Болгарь соответствуютъ *ударяемымъ ла, ра* и т. д.: блато, влага, крава, срака, влах-ѣт, мраз-ѣт, праг-ѣт, бreme,

пјѣва. Исключаются грах-ѣт, трап-ѣт (= серб. трап, род. трапа Маж., трапа Кар.) и побочныя формы мраз-ѣт, праг-ѣт. *Вернемся* к вокализациѣ этихъ созвучій есть о, ѣ (= первонач. ѓ, ѣ): blqto, wqona, kwiwa, brѣza, brѣmjo. Если въ словахъ dgoha, zloma не является о, такъ потому, что за о слѣдуетъ въ одномъ гортанный, въ другомъ — губной, которые препятствуютъ сжатію и въ односложныхъ, какъ goh, dom. У *Словаковъ* какъ ѓо, такъ и ѓѣ передается посредствомъ ѣ. Исключается слово mġaz = чеш. mġaz, mġazi, рус. морозъ, серб. мрѣз, болг. мрѣз-ѣт или мраз-ѣт. Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. Arch. f. slav. Philol., B. IV, S. 575—589.

Стр. 205, стр. 17. Замѣчательно, что род. м. мн. ч. *реченій на а* у Чеховъ становится въ рѣзкое противорѣчіе съ формами всѣхъ остальныхъ языковъ, сохраняющихъ количество, или слѣдъ количества. Указанный падежъ у Сербовъ, Штирійскихъ словенцевъ, Малороссовъ, Поляковъ и Лужичанъ протягиваетъ (или сжимаетъ) гласный корня, или первичной наставки: серб. жѣнѣ, крѣстѣ, трѣшнѣ, отъ жѣна, крѣста, трѣшня (срв. стр. 101, прим.); штир. žēn, vōd, bāb отъ žēna, vōda, bāba; мѣр. гир, ниг, сліз, бериз, отъ гора, нога, слеза, береза; поль. wōd, nōg, ostrōg, dag, gāk, otrāb, отъ woda, noga, ostroga, dęga, gęka, otrębu; в. луж. hōr, kōr, отъ hōra, kōra (Jordan. S. 125). То же самое видимъ и въ Словацкомъ нарѣчій, представляющемъ выговоръ brād, lip, nuoh, riat, klbāz, kačis, kuchyň, iskieg, отъ brāda, lipa, pōha, pāta, klbāza, kačisa, kuchyňa, iska. Напротивъ того, Чехи въ этомъ падежѣ не только не протягиваютъ краткихъ гласныхъ, но даже (правда, не всегда) сокращаютъ долги: brāna, strouha, vġga, sila образуютъ родительные мн. ч. bran, struh, vġr, sil. Въ виду того, что, при сокращеніи гласнаго въ родительномъ множественнаго, сокращеніе происходитъ также въ дательномъ, творительномъ и мѣстномъ (brāna въ этихъ падежахъ представляетъ формы branām, branamġ, branāsch), мы склонны будемъ объяснять вокализацию родительнаго подражаніемъ дательному, творительному и мѣстному. Чтѣ же касается краткости гласнаго въ этихъ послѣднихъ (а также и въ твор. ед. ч. — branou), то она повидимому вызвана долготою, или двусложностью наставокъ. Аналогичныя явленія представляютъ: 1) словацкій законъ сокращенія примыкающей къ долготу корню наставки, который пораждаетъ выговоръ biely, čitġ, tiahnġ, kġrġ, рядомъ съ dobġy, volġ, vinġ, činia, и 2) сербскіе дательные brādaма, glāvnaма, grānaма, lūkaма и т. д., отъ словъ brāda, glāvna, grāna, lūka и т. д. (См. доп. къ стр. 252—255). — Переходъ ударенія, аналогичный измѣненію количества, мы встрѣчаемъ въ русскихъ родительныхъ борѣдъ, головъ, сторонъ и т. д., а также въ род. м. р. волѣсъ (при именительныхъ

борода, голова, сторона, волосъ), т. к. эти родительные въ Сербскомъ языкѣ звучали бы брадъ, главъ, страна, власъ, а имен. звучать брада, глава, страна, власъ. Акцентовку ихъ — какъ и краткость чешскихъ brap, věg — слѣдуетъ признавать неорганическою: полагаю, что борода, голова, сторона, волосъ произносятся вм. борода, голова, сторона, волосъ, въ подражаніе другимъ окситоннымъ формамъ — бородамъ, -амъ, -ахъ, волоса, -амъ, -амъ, -ахъ и т. д. У слова волосъ установленію окончательной акцентовки могло содѣйствовать также желаніе отличить род. мн. ч. отъ имен. ед.

Стр. 208, пр. 2. Первичную акцентовку, можетъ быть, представляетъ слово svítati = серб. свѣтати (свѣће): однако по-рус. свѣтать (свѣтаеть).

Стр. 209, стр. 5. Срв. дополн. къ стр. 205, стр. 12.

Стр. 213, стр. 11. Это отмѣтилъ Ягичъ. Parallele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju. Rad. XIII, str. 10—11. Впослѣдствіи Ягичъ по собственному слуху убѣдился въ вѣрности своихъ сопоставленій. См. Archiv für slavische Philologie. V. I, S. 110.

Стр. 214, стр. 8. Буква l не отмѣчается витымъ циркумфлексомъ сверху, а перехватывается имъ по срединѣ, т. е. получаетъ такой видъ, какой иногда имѣетъ польское l.

Стр. 214, стр. 14. Такое предположеніе сдѣлалъ уже Ягичъ (Rad. XIII, str. 12—13). Срв. доп. къ стр. 213.

Стр. 220, стр. 8. Судя по существительнымъ, а также по нечленнымъ прилагательнымъ (gegā), окончаніе a въ ж. р. сократилось уже у Литвославянъ; но этому противорѣчатъ членныя прилагательныя: gegoji = gegā-ja. Вѣроятно, a не было еще краткимъ, хотя начинало сокращаться.

Стр. 220, стр. 10. Во всѣхъ надеждахъ, за исключеніемъ *затемнаю*. См. гл. XIV, стр. 226.

Стр. 221, стр. 10. Будучи склоненъ выводить лит. ávinas изъ* avinaz, я однако не думаю утверждать, чтобы колебаніе акцента между корнемъ и флексіями трехсложнаго слова не могло быть явленіемъ древнимъ.

Стр. 222, прим. Напрасно Fortunatovъ съ лит. rálvaz, géltas сравниваетъ рус. половию и чеш. plavū, hlutū: для сравненія годятся только нечленныя формы.

Стр. 232, прим. 3. И во второй части таблицъ слова каждаго языка расположены въ порядкѣ своихъ праславянскихъ (хотя бы и не существующихъ) противней: такъ, на 277 стр., слово волотокъ (= влаткъ) предшествуетъ слову вершокъ (= ввршькъ), слово пѣтакъ (= пѣткъ) — слову пѣсакъ (= пѣсккъ).

Стр. 232, прим. 2. Задаюсь, такимъ образомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросомъ о количествѣ глухихъ гласныхъ Праславянскаго

языка и не считаю основательнымъ напередъ утверждать, что они всегда были кратки: развѣ гласный не можетъ звучать неопредѣленно и въ то-же время протяжно? Впрочемъ, дѣйствительно, оказывается весьма мало словъ, которымъ можно приписать долгіе гласные этого рода, а именно: *тѣригъ* (стр. 238), *сѣгъга* (стр. 243), *вѣрка* (стр. 252 и доп.) и *цѣркы* (стр. 263)— во всѣхъ этихъ словахъ за глухимъ слѣдуетъ плавный согласный.

Стр. 233, стр. 7. Рядомъ съ формою *кратъ* въ Праславянскомъ языкѣ несомнѣнно существовала и форма *кратъъ* [также рядомъ съ *кратъга* (стр. 265) — *кратъга*]. Полагаю, что выговоръ *кратъ*, -а основанъ на звательномъ падежѣ *крате* = *bhrātar*, который, разумѣется, долженъ былъ употребляться весьма часто; выговоръ же *кратъъ*, -а соответствуетъ род. **кратре* = *bhrātras*, дат. **кратри* = *bhrātrai* и т. д.

Стр. 241, стр. 16 см. На словѣ *львъ*, по недосмотру, поставленъ отвѣсъ, вмѣсто двойного грависа: *ˆ* въ немъ несомнѣнно былъ кратокъ.

Стр. 242, I Б 1. Къ этой таблицѣ, кажется, слѣдуетъ прибавить слова *жгъгъ* и *жхъгъ*, См. стр. 285, подъ наставкою *лгъ* (б).

Стр. 247, III А 1. Слово *баба* у Чеховъ произносится не только *bāba*, но и *bāba*, такъ что праславянской формѣ можно приписать краткое *a*: *bāba*. На счетъ сербскаго слова *гъгъла* см. доп. къ стр. 195 (стр. 320).

Стр. 252, III Б 2. Былъ ли въ словѣ *вѣрка* долгий *ѣ*? У Чакавцевъ *вѣрба* представляетъ краткій глухой. *Maž. Slovn., str. 18.*

Стр. 252—255. Въ спискѣ окситонокъ на *ѣ* съ долгимъ кореннымъ гласнымъ (III Б 2) отмѣчено, что слово *рука* въ дательномъ множественнаго представляетъ краткій коренной гласный и звучитъ *рукама*. Такіе же дательные свойственны и другимъ словамъ тѣхъ-же таблицъ, а именно: *брада*, *лука*, *слуга*, *страна*, *стрѣла* и *стѣна*; также не вошедшему въ таблицы исключительно сербскому слову *грана*, и производнымъ *гъгъвѣна*, *бъгъца* и *сѣгъвѣна*; а, можетъ быть, и еще нѣкоторымъ. См. у Даничича (*Slavische bibliothek. V. I, S. 101*).

Стр. 254, стр. 9. Слово *снѣга* въ винительномъ произносится *снѣгу*. Кар

Стр. 255, стр. 2, 6 и 7 см. См. доп. къ 220, стр. 8.

Стр. 256, IV I А. О краткости коренного гласнаго въ словѣ *жгъгъ* свидѣтельствуетъ также поль. *węgiel*. Въ Старополь. мы находимъ, правда, выговоръ *wagiel*, *wagl* (при родительномъ *węgla*), но въ именительномъ падежѣ долгота гласнаго вызвана первоначальною односложностью формы.

Стр. 257, IV II А 1. Слово *дѣръга* во множ. числѣ, очевидно, произносилось *дѣври*, *дѣврѣи*, *дѣврѣми*, *дѣврѣхъ*: кромѣ польской формы этого слова (см. гл. IX, стр. 180), о такомъ выговорѣ свидѣтельствуетъ старочешская *dřvi*, *dřvi*.

Стр. 258, пр. 4. Односложныя формы *krve*, *krvi* существовали и въ Старочешскомъ языкѣ.

Стр. 259, стр. 9. См. гл. VI, стр. 140, стр. 14 сн.

Стр. 260, VII. О словенскихъ словахъ *vréme*, *vréme* и *pléme* рѣчь была выше, гл. III, стр. 96 (5) и 103 (прим. 2 къ 102 стр.).

Стр. 262, пр. 1. Въ Словенскомъ языкѣ наращеніе *es* указываетъ на основную форму *dřvko*, *dřvces*, въ которой только, подъ вліяніемъ слова *dřvga*, измѣнился коренной гласный. Впрочемъ, такое объясненіе годится также для болгарской и сербской формы этого слова; склоненіе *dřvo*, *dřveta* даже удобнѣе считать замѣною первоначальнаго *dřvo*, *dřvesa*, чѣмъ выводить его изъ *dřvo*, *dřva*: допустить замѣну малоупотребительнаго наращенія *es* весьма употребительнымъ наращеніемъ *em* можно очень легко, но невѣроятно, чтобы въ твердое различіе 2-го склоненія, ни съ того, ни съ сего, внесли наращеніе.

Стр. 267, стр. 6. Серб. слово *свиња* образуетъ во множественномъ числѣ дательный *свињама*. См. доп. къ стр. 252—255.

Стр. 269, стр. 13. По-словенски слово *рѣжанъ* звучитъ *гаѣп*, или *гаѣпј*. Вторая изъ этихъ формъ, равно какъ и помѣщенное въ таблицу серб. *рѣжаъ*, а также чеш. *гоѣп* (употребительное рядомъ съ *гоѣп*) и поль. *гоѣп*, собственно для сравненія съ рус. *рожонъ* не годится. Появленіе у Чеховъ и Поляковъ выговора *гоѣп*, вм. ожидаемаго *геѣп*, можно объяснить примѣненіемъ къ слову *гогъ*; у Лужичанъ же звукъ *o* (въ в. луж. *гоѣп*, н. луж. *гоѣп*), такъ же, какъ и у Русскихъ, можно считать органическимъ. Именительный падежъ нашего слова, который по настоящему у всѣхъ Славянъ долженъ былъ утратить коренной гласный, вѣроятно возстановилъ его въ подражаніе остальнымъ падежамъ: рус. *рожонъ*, *рожна*, вм. **ржонъ*, *рожна*.

Стр. 269, пр. 3. Не знаю, существуетъ ли соответствующій родительному *овзѣ* именительный *овѣъ*; но при реж. именительномъ *овѣъ*, безъ сомнѣнія, стоитъ родительный *овзѣ*.

Стр. 271, стр. 16. Если сербская акцентовка *пољана* не есть чакавизмъ (= *пољана*), то она указываетъ на основной выговоръ *полјана* и не соответствуетъ русской.

Стр. 274, стр. 4 сн. Слово *караогъ* извѣстно также Словенцамъ и Чехамъ, а въ нѣсколько иной формѣ, и Русскимъ. Оно вошло въ табл. VII і Б, стр. 268.

Стр. 274, пр. 1. Исключеніе, правда иного рода, представляютъ слова *козакъ*, *-ака* и *полякъ*, *-ака*: они — первое въ именит. множественнаго, а второе во всѣхъ его падежахъ — могутъ быть парокситонками [*козѣки*,

поляки, -овъ, -амъ, (-ами), -ахъ, рядомъ съ козаки, поляки, -овъ, -амъ, -ами, -ахъ]. Парокситонныя формы, кажется, можно объяснить вліяніемъ польскаго акцентовація kôzacy, Polacy, -kôw, -kom, -ki, -kasz.

Стр. 275, стр. 12 см. Рус. слову *мятежъ* въ Академическомъ словарѣ приписана акцентовка *мятѣжъ*, *мятѣжа*, соотвѣтствующая сербской — *мѣтеж*, *мѣтежа*, но, на мой слухъ, дикая.

Стр. 278, стр. 17 (б а). Къ слову *початокъ* можно прибавить еще *завитокъ*, *-тка*, *образокъ*, *-зка*, *погребокъ*, *-бка*, *поплавокъ*, *-вка*.

Стр. 278, пр. 3. Только нѣкоторые изъ этихъ словъ представляютъ бѣглый гласный.

Стр. 279. Серб. слово *мудрац*, -раца произносится также *мудрац*, *мудраца*.

Стр. 279—280. Раздѣленіе двусложныхъ (первоначально трехсложныхъ) словъ съ наставкою *аца* на окситонки, баритонки и слова сомнительной акцентовки, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на уменьшительныя и названія лицъ и предметовъ по происхожденію, неудачно: и въ первыхъ двухъ группахъ встрѣчаются слова неодинаково акцентуемыя въ различныхъ языкахъ, такъ что слова третьей группы слѣдовало бы распределить между первой и второй.

Стр. 282, пр. 3. Слов. *ръшѣсплкъ* находитъ себѣ соотвѣтствіе въ болг. *помощникъ*.

Стр. 282, пр. 7. Производство слова *скацѣнаникъ* отъ прилагательнаго **скацаскъ* едвали возможно.

Стр. 285, стр. 2. Баритонность реченій *пекарь* и *писарь*, кажется, можно объяснить у перваго — заимствованіемъ его изъ Нѣмецкаго (считая *пекарь* продуктомъ осмысленія слова *Bäcker*), у втораго — вліяніемъ 3 л. наст. времени глагола *писать* (*писарь*, кто *пишетъ*). Возможно также предположеніе, что оба слова заимствованы изъ польскихъ именительныхъ *piekarz*, *pisarz*. Послѣднее объясненіе годится и для слова *лѣкарь* (см. стр. 302, пр. 4), которое однако можетъ быть объяснено также, подобно слову *писарь*, вліяніемъ родственнаго глагола: *лѣкарь*, а не *лѣкаръ*, потому, что онъ *лѣчитъ*. — Обратимъ вниманіе на производное *пекарня*, происходящее повидимому отъ окситонки **пекарь*, -аря. Срв. впрочемъ отношеніе слова *поварня* къ *поваръ*; причемъ однако не слѣдуетъ упускать изъ виду множ. число *повара* и возможность образованія слова *поварня* не посредствомъ суффикса, а посредствомъ префикса, отъ простаго реченія *варня*. (Кстати замѣтить: прибавка предлога *но* могла быть вызвана вліяніемъ слова *поваръ*).

Стр. 285, стр. 6. Къ словамъ ненасуффиксной акцентовки съ наставкою *аца* можно прибавить рус. (церк.) *рыбарь*, которому соотвѣтствуетъ и серб. *рыбар*, но не соотвѣтствуетъ болг. *рибар*.

Стр. 285, пр. 2. Акцентовку слова пријатељ можно объяснить тѣмъ, что въ слогѣ при усмотрѣли предлогъ. См. гл. V, стр. 132 и 133 пр. 2.

Стр. 290, пр. 1. Или бързѣца, ситѣнца и т. д. — чакавизмы, т. е. = бързѣца, ситѣнца и т. д.?

Стр. 295, пр. 4. Всетаки существуетъ слово съ окончаніемъ ѣня — простыня; но представляетъ ли оно *наставку* ѣня?

Стр. 296, стр. 13—14. Кажется, вѣрнѣе было бы писать bridkōst, visōkōst, dōlgōst и т. д. (А въ родительномъ — visōkōsti?).

Стр. 296, стр. 16—17 см. Крѣпѣст, мѣлѣст по-чакавски крипѣст, милѣст. Babukić, Pirska slovnica, str. 33. Штокавская акцентовка, по Бабучичу, есть крѣпѣст, мѣлѣст (kriépost, milost).

Стр. 297, стр. 1. Не есть ли выговоръ покрѣпѣст чакавскій, или же книжный (новоцерковный, т. е. русскій)?

Стр. 297, пр. 3. См. также гл. V, стр. 128 (1).

Стр. 299, пр. 4. Не слѣдуетъ ли акцентовку слова достојанѣе считать книжною, т. е. русскою?

Стр. 300, стр. 14. Акцентовку слова гѣрапѣ, какъ заимствованнаго изчужа (ω = нѣм. ap), незачѣмъ считать оттяжечной.

Стр. 300, стр. 21. Слово пѣнье, въ которомъ ѣ принадлежитъ къ корню, попало сюда по недосмотру.

Стр. 302, пр. 2. Въ акцентовкѣ реченій господство, коварство, пижанство, постојанство, убійство, а также въ Мажураничевскомъ достѣпанство, позволительно видѣть чакавизмы, или руссизмы.

Стр. 305, стр. 12 (№ 10). Въ словѣ *крѣпѣно* наставка, разумѣется, не *ѣно*, ни *ѣно*, ни просто *но*, а *ѣно*.

Стр. 305, стр. 16 (№ 10). У Словенцевъ существуетъ также (и, должно быть, даже преобладать) баритонный выговоръ (v)lakno, gŭmno и т. д.

УКАЗАТЕЛЬ¹⁾.

- А: безударность звука а у Полабцевъ 194.
- Акуть, какъ знакъ долготы 69, 76.
- Аористъ: акцентовка 2 и 3 л. ед. ч. въ аористахъ 143—145.
- Арийская акцентовка 225—227.
- Братъ 323, (доп. къ 233).
- Буйвогъ 145—146.
- Бѣгородъ 145.
- Вабить 146.
- Виноградъ 138, пр. 2.
- Воугль (wagl) 323 (доп. къ 256).
- Быградъ (vigred) 135, пр. 3.
- Выпаденіе: возможность выпаденія ударяемыхъ гласныхъ 154, пр. 3.
- Глаголы²⁾: отыменные глаголы на ить 14, пр. 2.
- Гласный сокращается передъ гласнымъ 73, пр.
- Гласный сокращается при сложніи, 145, пр. 3.
- Голубица 129, пр. 2.
- Греческая акцентовка 24, 35 пр. 2, 39 пр. 1, 47—48, 226—227, 228 прим.
- Дательный, отличный акцентовкою отъ мѣстнаго пр. 1 къ 201, 217, 233, 235 и 245, пр. 3 къ 239.
- Двойное удареніе въ Словенскомъ языкѣ 310 (доп. къ стр. 98, пр. 2).
- Дичан 54 и доп. къ 54, прим. (313).
- Дочь 312, (доп. къ 33, V 1).
- Дужан 54 и доп. къ 54, прим. (313).
- Его, ему изъаего, уему 319 (1-ое доп. къ стр. 182).
- Жечи 154, пр. 2.
- Законъ Миклошича, 13 пр. 1, 39, 205.
- Звательный падежъ 25, 31, 98 пр. 2, 118, 226, прим. къ табл. I Б и III Б (стр. 241, 242, 250, 255), 317 (доп. къ стр. 98 пр. 2).
- Именительный ед. ч. м. р. баритоничаетъ 126, пр. 3, 214—215.

¹⁾ Въ этотъ указатель вошли лишь тѣ предметы, о коихъ говорится мимоходомъ, или не на своемъ мѣстѣ: напр. подъ словомъ *оттяжка* не указывается на мѣста, гдѣ въ связномъ изложеніи толкуется объ оттяжкѣ у Сербовъ, Словенцевъ и т. д. — эти мѣста легко отыскать по оглавленію. Изъ отдѣльныхъ словъ въ указатель занесены лишь тѣ, которыя не помѣщены въ акцентовочныхъ таблицахъ, и тѣ, при занесеніи которыхъ въ таблицы не сдѣлано ссылки на текстъ. Слѣдствіи о пославянскихъ акцентовкахъ, кромѣ указателя, слѣдуетъ искать во Введеніи (только литовской акцентовкѣ посвящена особая глава).

²⁾ См. также: Аористъ, Личныя наст., Настоящее вр., Первое л. Причастіа.

Именительный ед. ч. на согласный, будучи односложнымъ, протягивается 207 пр. 4, 208 пр. 1.

Именительный ед. ч. на *ъ, ъ, ъ*: производство отъ него словъ 129 (2).

Императрица 129, пр. 2.

Ица: отношеніе акцентовки словъ съ этою наставкою къ акцентовкѣ родственныхъ словъ 127 пр. 1 и 2, 129, пр. 1 и 2.

Йто, вм. это 153, пр. 2.

Ја, вм. іја, въ русскихъ словахъ 154, пр. 3.

Ји, ши: сокращеніе коренного гласнаго передъ этой наставкой 210.

Кобылица 130.

Количество темныхъ гласныхъ 232, пр. 2 и доп. (стр. 322).

Кузница 130 (5).

Личныя наставки: ударяемость ихъ 92 пр. 2, 227.

Марья 154, пр. 3.

Мастерица 129, пр. 2.

Мене 114.

Мутан 54 и доп. къ 54, прим. (313).

Мѣстоименное склоненіе: вліяніе его на сложное 319 (1-е доп. къ 182).

Настоящее время 142¹⁾.

Оъ, распространительная наставка, 94, 96 пр. 2, 118, 235 пр. 1, 239 пр. 3, 240 пр. 3 и 7, 241 пр. 1.

Овдотья 154, пр. 3.

Односложные именительные см. именительные.

Одобрить 128.

Олень 133, пр. 1.

Опольскій говоръ, 40—41.

Отаубенік 64, пр. 2.

Отпаденіе: возможность отпаденія ударяемыхъ гласныхъ 154.

Оттяжка, мнимая, въ сложныхъ словахъ Русскаго языка 130 (5).

Пасквиль 135, пр. 2.

Пастырь 318 (доп. къ стр. 140, стр. 7).

Пекарня 325 (доп. къ стр. 285, стр. 2).

Первое лицо ед. ч. наст. вр.: окситонность его, при баритонности другихъ лицъ 102, пр. 2.

Плавныя созвучія: соотвѣтствіе между славянскою и литовскою ихъ акцентовкою 222, прим.

Поварня 325 (доп. къ стр. 285, стр. 2).

Повелительное: окситонность его у литовскихъ поляковъ 178, пр. 2.

Повелительное: словенская акцентовка его 316 (доп. къ стр. 98, пр. 2).

Полногласіе 31, 222 пр., 233 пр. 2²⁾.

Предлоги: ударяемость нѣмецкихъ предлоговъ 120, пр. 2.

Предложныя слова: отношеніе ихъ акцентовки къ акцентовкѣ простыхъ у Русскихъ и у Сербовъ 146³⁾.

Прилагательныя членныя и нечленныя и соотношеніе ихъ акцентовокъ 11—12, 17—19, 54, 104—108, 120—121, 140, 313 (доп. къ стр. 54, пр.), 316 (доп. къ стр. 108).

Прилагательныя нечленныя ж. р. у Русскихъ: склонность ихъ къ оксинности 40, 143.

Прилагательныя членныя: производство отъ нихъ словъ 128, пр. 2 и доп. къ н. (317).

¹⁾ См. также «Первое лицо».

²⁾ См. также «Закоу Миклошича».

³⁾ О предложныхъ словахъ говорится также на своемъ мѣстѣ, въ V главѣ.

Прилагательныя членныя: насущная акцентовка ихъ 18—19, 107 пр. 2, 140.

Причастія на л: напредложная акцентовка ихъ у Резьянь 108, пр. 2.

Различіе сходныхъ словъ посредствомъ ударенія 16—17, 49—50, 74—75, 310 (доп. къ стр. 17).

Редак 54 и доп. къ 54, прим. (313).

Резьянская акцентовка: близость ея къ русско-чакавской 97.

Родительный падежъ мн. ч. у Сербовъ 53, 101 прим.

Родительный падежъ мн. ч.: сокращеніе въ немъ гласныхъ у Чеховъ и кажущіяся аналогіи тому въ Русскомъ языкѣ 321 (доп. къ стр. 205, стр. 17).

Румяный 147.

Санскритское удареніе 23 пр. 1, 39 пр. 1.

Сжатіе гласныхъ 40—41¹⁾.

Слобода 31, 272.

Сокращеніе гласнаго передъ гласнымъ 73 пр.

Сокращеніе гласнаго передъ наставкою *ji*, *ši* 210.

Ожрѣвица 136 и доп. къ ней (318).
Старець, старица 129.

Стеречи 154 пр. 2.

См: акцентуемость этой наставки въ прошедшемъ времени 145.

Тебе 114.

Толчи 154, пр. 2.

Турецкая акцентовка 156.

У: акцентовка темъ на у 26, 96 пр. 2.

Усѣченныя прилагательныя, см. «Прилагательныя нечисленныя».

Финская акцентовка 156, стр. 10 и пр. 3.

Французская акцентовка: развитіе ея изъ латинской 157.

Хлопота 31, 232 пр. 1.

Цѣсаря 142.

Членъ: ударяемость его у Эолійцевъ 120, пр. 3.

Шм, см. *jm*.

Штирійское количество 110, 204 пр. 2.

Ъ, ъ, конечные: ударяемость ихъ, 126, пр. 2, 214—215.

Ъ, ъ, количество ихъ 232, пр. 2 и доп. къ в. (стр. 322).

Ьца: слова на *сѣз* и отношеніе ихъ къ словамъ на *мѣа* 127, пр. 1, 129 пр. 1.

Эолійцы: ударяемость члена у Эолійцевъ 120, пр. 3.

¹⁾ См. также гл. XII.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—IV
Введеніе:	
Вопросъ о праславянской акцентовкѣ	1—2
Замѣчанія объ удареніи вообще. О качествѣ ударенія: удареніе хроматическое, экспираторное и т. д.	2
О мѣстѣ ударенія: Бошпово дѣленіе акцентовокъ.	—
Возраженія противъ Боша.	3—4
Дѣленіе акцентовокъ на одномѣстныя и разномѣстныя и подраздѣленіе ихъ	4—5
Замѣчанія о связанныхъ акцентовкахъ Грековъ, Римлянъ и Германцевъ	4—6
Замѣчанія о вольныхъ акцентовкахъ Древнихъ индусовъ, Литовцевъ и большинства Романцевъ	6—8
Акцентовка Арійскаго языка	8
Акцентовочная система І. Тругларя	8, прии.
Славянскія акцентовки. Относительная новостъ одномѣстныхъ акцентовокъ и предположеніе о праславянскомъ акцентованіи.	9—10
Качественная сторона славянскаго ударенія	10
Глава I. Русская акцентовка.	
Относительное единство русской акцентовки.	11
Замѣчанія о разноударяемыхъ словахъ: далеко, широко	11—12
Молодецъ, община, дѣвица, нужда.	12
Изобрѣтеніе, ворота, гражданинъ, христіанинъ, мирянинъ.	13
Кладбище, сельбище, стрѣльбище, сердаться, замокъ, козлы	14
Пастыба	14, прии.
Складчина, наславна, губа, соколъ.	15
Игуменья	16
Слова акцентуемыя на три и на четыре звука	—
О смыслоизмѣняющемъ значеніи ударенія	16—17
Замѣчаніе о своеобразной акцентовкѣ въ народныхъ пѣсняхъ.	17—20
О качествѣ русскаго ударенія	20—22

	СТРАН.
О мѣстѣ ударенія	22—24
Гибкость словъ	24
Мѣта акцентовки по надежамъ у словъ и. р.	24—29
» ср. р.	29—30
» ж. р. на а	30—32
» на ѣ, род. и	32—33
» наращенныхъ	33—34
Какимъ словамъ свойственна гибкость	34
Мнѣнiе Кайсслера о гибкости русскихъ словъ	34—35
Объ атонахъ и прислонкахъ	35—38
Замѣчанiе о просодiяхъ въ рукописяхъ	38
Взглядъ Каткова на русскую акцентовку	38—40
Мнѣнiя Л. Малиновскаго и П. Лавровскаго	40—42
Вѣроятная древность русской акцентовки	42

Глава II. Сербско-хорватская акцентовка.

Общiй характеръ сербо-хорватскаго произношенiя	43
Различныя ударенiя, связь ихъ съ количествомъ и способъ обозначенiя	43—45
Исслѣдованiе Мазнига	44 прим. 1, 45—46
Замѣчанiе о выговорѣ ударяемыхъ е, о, ѣ и «гласнаго» р	46—47
Сходство сербскихъ ударенiй съ древнегреческими и латинскими	47—48
Второстепенное нисходящее ударенiе	43—49
Различенiе по акцентовкѣ подобозвучныхъ словъ	49—50
Главное отличiе акцентовки Чакавцевъ отъ акцентовки Штокавцевъ	50—51
Рѣзкое и нисходящее ударенiе у Штокавцевъ, на конечныхъ и среднi- ныхъ слогахъ акцентныхъ единицъ	51 пр. 1 и 2
Акцентовка односложныхъ словъ Сербскаго языка	51—52
— двусложныхъ ж. и ср. р.	53
— — и. р.	53—54
— трехсложныхъ словъ	54—55
Объ атонахъ	56
О прислонкахъ (предлогахъ и союзахъ)	56—58
Прислоненiе существительныхъ къ прилагательнымъ, нарѣчiямъ и чис- лительнымъ	58
Соотношенiе между акцентовкою штокавскою и чакавскою	58—59
Древность чакавской акцентовки	59—60
Историческое значенiе штокавскихъ ударенiй	61
Объясненiе законовъ штокавскаго прислоненiя	—
Оттяжка. Слѣдъ дооттяжечной акцентовки	62
Мѣстныя особенноти въ акцентованiи	62—63
Искаженiе выговора вслѣдствiе взаимодѣйствiя штокавщины и чакавщины	63
Порча вслѣдствiе иноземнаго влiянiя	64
Слова съ далеко отстоящимъ отъ конца ударенiемъ	64—65
Мнѣнiе Мажуранича о происхожденiи штокавской акцентовки	65—66

	СТРАН.
Предположеніе, что чакавская акцентовка есть праславянская.....	66—67
Мнѣніе Даничича о происхожденіи чакавскаго и штокавскаго акцентованія.....	67
Его историческое изслѣдованіе объ удареніи.....	67—71
Изслѣдованіе Новаковича о просодіяхъ сербскихъ первопечатныхъ книгъ.....	71—72
Очеркъ исторіи сербской акцентуаціи: Указанія Даничича и Новаковича.....	72—73
Кашичъ и Делла-Белла.....	74
Вольтиджи, Стулиц, Бабукичъ.....	75
В. С. Караджичъ.....	75—79
Школьные названія сербскихъ удареній.....	78
Ю. Даничичъ.....	79
Ф. Миклошичъ и М. Шуничъ.....	80—81
А. Мажураничъ и Потесна.....	81
П. Будмани.....	81—82
Ягичъ и Шкрабецъ.....	82
И. Берличъ.....	83
Л. Мазингъ.....	83—84
Главные выводы о соотношеніи между акцентовками сербской и русской.....	84

Глава III. Словенская акцентовка.

Общій характеръ словенской акцентовки. Удареніе острое и протяжное.....	85
Просодія у словенскихъ грамматиковъ и у Бодуэна въ Опытѣ фонетики резыанскихъ говоровъ.....	—
Замѣчаніе о выговорѣ е и о.....	85 прим. 3
Мнѣніе о словенскомъ удареніи Л. Светца, Жопича и Янежича.....	86—87
Замѣчаніе о качествѣ удареній у Поточинка.....	86 прим. 2
Мнѣніе Шкрабца и Валавца.....	87
О второстепенномъ удареніи и «ритмическомъ приголоскѣ».....	87—88
Просодія у Бодуэна въ «Бохинско-посавскомъ говорѣ».....	88—89
Мой взглядъ на словенское удареніе.....	89
Возраженія противъ музыкальности словенской акцентовки Крека, Миклошича и Ранча.....	—
Употребляемая мною просодія.....	89—90
Любовь Словенцевъ къ напредкопечной акцентовкѣ.....	90
Колебаніе между акцентованіемъ русско-чакавскимъ и штокавскимъ....	91
Наконечная акцентовка и оттяжка.....	91—92
Выдвижка.....	92—96
Значеніе для выдвижки основъ на у.....	96 прим. 2
Уменьшеніе числа гибкихъ словъ.....	96
Гибкія слова.....	97—100
Отношеніе словенской акцентовки къ чакавской и русской: доказательство существованія оттяжки.....	100—102
Значеніе для исторіи словъ ударяемыхъ е и ѿ.....	101—102
Доказательства въ пользу выдвижки.....	103—104

Акцентовка словенскихъ прилагательныхъ: окситонныя формы	104—106
Законъ Жошича и Поточника о передвиженіи акцента при образованіи членной формы	106—107
Акцентовка членныхъ формъ у Русскихъ, Сербовъ и Реслявъ	107—108
Слѣды старинной акцентовки словъ въ народныхъ пѣсняхъ	108
Соотношеніе между удареніями словенскими и сербскими	109—112
Краткость неконечныхъ слоговъ. Средняя долгота	109—110
Выдвиженное исходящее удареніе	111
Главные выводы изъ главы о Словенской акцентовкѣ	112

Глава IV. Болгарская акцентовка.

Общій характеръ болгарскаго акцентовапія	113
Сходство съ русскою акцентовкою	—
Оттяжная акцентовка	—
Объясненіе нѣкоторыхъ случаевъ «оттяжки»	114
«Выдвинутое» удареніе и объясненіе его въ нѣкоторыхъ случаяхъ	114—115
Мой взглядъ на болгарскую оттяжку и выдвинуку	115
Сходство выдвиженной акцентовки съ словенскою	115—116
Двойное акцентовапіе нѣкоторыхъ словъ	116
Отсутствіе звуковыхъ доказательствъ существованія оттяжки	—
Ослабленіе гибкости	116—118
Гибкость словъ ж. р. на а	116—117
— — ср. р.	117
— — и. р.	117—118
— — ж. р. на согласный	118—119
Баритонность звательнаго падежа	119
Слѣдъ гибкости въ видѣ колебанія ударенія	—
Ударяемость члена	119—120
Слѣды прислоненія	120
Акцентовка болгарскихъ прилагательныхъ	120—121
Акцентовка уцѣлѣвшихъ падежныхъ формъ	121—122
Акцентовка нарѣчій	122—123

Глава V. Дополненіе къ обзору юго-восточныхъ акцентовекъ.

1. Акцентовка производныхъ реченій.

Наставки притягательныя, безотносительныя и отклонительныя	124—125
О притягательныхъ наставкахъ	125—126
Подражаніе словъ съ безотносительными наставками акцентовкѣ первообразныхъ	126—127
Исключенія изъ этого закона	127—128
Вѣрность его для наставки <i>ица</i>	127, прил. 2

Предполагаемыя причины затемненія закона «подражательной акцентовки» производных:

1. Примѣненіе къ выговору мнимаго первообразнаго	128—129
2. Пренебреженіе косвенными падежами	129
3. Переименованіе акцентовки по логическимъ соображеніямъ	129—130
4. Разногласіе съ первообразнымъ вслѣдствіе искаженія послѣдняго	130
5. Кажущіяся неправильности	130—131
2. Акцентовка составныхъ реченій.	
а. Реченія предложныя.	
Разнообразіе акцентовки предложныхъ словъ	131—132
Ударяемость предлоговъ въ словахъ на <i>а</i>	132—133
Исключенія изъ этого закона	133
Словенская акцентовка предложныхъ словъ (краинская, штирійская, угро-словенская и кайкавско-хорватская)	133—134
Колѣбаніе словенскаго ударенія между корнемъ и предлогомъ	134
Оттяжка въ предложныхъ словахъ у Словенцевъ и взглядъ на эти слова Миклошича	134—135
Притягательные предлоги <i>па</i> и <i>вѣ</i>	135
Разногласіе между языками въ акцентованіи предложныхъ словъ	135—136
Колѣбаніе ударенія въ нѣкоторыхъ предложныхъ словахъ	136
б. Реченія сложныя.	
Акцентованіе въ нихъ корня, или наставки второй части	136—137
Акцентовка слятныхъ реченій	137
Настоящія сложныя, ударяющія на первую часть сложенія	137—138
Сомнѣніе въ истинности закона акцентованія второй части сложенія	138

Глава VI. Второе дополненіе къ обзору юговосточныхъ акцентовокъ: случаи несоотвѣтствія между юговосточными акцентовками (преимущественно сербскою) и русскою.

1. Появленіе у Сербовъ рѣзкаго и нисходящаго ударенія, вмѣсто слабого и восходящаго, и переходъ ударенія черезъ слогъ	139
2. Появленіе, вмѣсто рѣзкаго и нисходящаго ударенія, слабого и восходящаго	140
3. Отступленія иного рода	—
Исконность въ большей части случаевъ русскаго акцентованія: настоящія односложки, <i>дѣждѣ</i> , <i>постѣ</i> , <i>цѣдѣ</i> , настоящее время глаголовъ	140—142
Исконность сербской акцентовки въ словахъ <i>лѣдѣ</i> , <i>пажкѣ</i> и др.	142—143
Своеобразная акцентовка 2 и 3 л. ед. ч. аористовъ	143—145
Ударяемость въ м. р. нѣкоторыхъ прошедшихъ временъ (причастій) наставки <i>са</i> (<i>ся</i>)	145
Одинакая правильность у нѣкоторыхъ словъ русской и сербской акцентовки	145—146
Случаи разногласія между акцентованіемъ Русскихъ и Чакавцевъ	146—147

Глава VII. Чешская акцентовка.

СТРАН.

Общій характеръ чешскаго акцентованія: ударенія краткестное и долготное	148
Мѣсто ударенія	148—149
Явленія, служащія противѣсомъ удаленію акцента отъ конца словъ	149—150
Количество и роль его въ говорѣ и стихосложеніи	150—151
Исключенія изъ закона начального акцентованія	151—152
Слѣды разномѣстной акцентовки, въ видѣ обезглавленія начального слога	153
Возраженіе противъ этихъ слѣдовъ: возможность (мнимая) оиѣтвнѣя ударныхъ гласныхъ	154
Возраженіе, основанное на утратѣ «исконноударныхъ» гласныхъ	154—155
Возраженіе, основанное на характерѣ оиѣтвнѣящихъ гласныхъ	155
Оиѣтвнѣя чистыхъ гласныхъ и глухихъ, огражденныхъ скопленіемъ согласныхъ	155—156
Сравненіе чешской акцентовки съ финскою, турецкою и иѣмецкою	156
Преимущественно механическое развитіе чешской акцентовки: сравненіе ея съ французскою	156—157
Нѣкоторыя явленія, благоприятствовавшія установленію начальной акцентовки	157—158
Гипотеза о происхожденіи одноѣстной акцентовки при посредствѣ разномѣстной-оттяжечной	158—159

Глава VIII. Сербо-лужицкая акцентовка.

Общій характеръ Лужицкой акцентовки. Акцентовка верхнелужицкая	160
Исключенія изъ закона начального акцентованія	160—163
О второстепенныхъ удареніяхъ	163—164
Метрическіе стихи Пфула	163 пр. 5
Нижнелужицкая акцентовка	164
Исключенія изъ акцентовочнаго закона у Нижнихъ лужичанъ	164—166
Гипотеза на счетъ происхожденія лужицкой акцентовки	166
Слѣды разномѣстной акцентовки у Верхнихъ и Нижнихъ лужичанъ	166—167

Глава IX. Польская акцентовка.

Качественная сторона польскаго ударенія	168
Мѣсто ударенія	169
Второстепенныя ударенія	—
Исключенія изъ акцентовочнаго закона:	
А. Обусловленныя несопадѣніемъ акцентныхъ единицъ съ синтаксическими:	
1. 2. 3. Удареніе на третьемъ (также четвертомъ и пятомъ) слогѣ съ конца	169—171
4. Удареніе на конечномъ слогѣ акцентной единицы	171—173
Акцентованіе конечнаго слога глагола передъ иѣстоименіемъ się	173

	Стран.
Акцентованіе конеч. сл. глаг. передъ мѣстоим. го, союза і и отрицанія	174—175
Б. Грамматическія единицы (слова) своеобразной акцентовки:	
Пропадокситонка	175—177
Окситонки (?)	177—178
Слова, сохранившія слѣдъ разномѣстной акцентовки	178—180
Поясненія къ этимъ словамъ	180—181
Гипотеза о ходѣ развитія польской акцентовки	181—182

Глава X. Кашубская акцентовка.

Характеръ кашубскаго акцентованія; ударенія острое и протяжное	183
О мѣстѣ ударенія	184
Случай окситонности	184—185
Преобладаніе начальной акцентовки	185
Колебаніе ударенія	—
Гибкость словъ	185—186
Прислоненіе	186—187
Сходство кашубской акцентовки съ русско-чакавскою	187
Оттяжка	—
Случай «выдвижки»	187—188
Сравненіе кашубской акцентовки со словенскою	188
Вѣроятная связь между акцентовкою и окраскою гласныхъ	—

Глава XI. Полабская акцентовка.

Мое полабское правописаніе	189—190
Замѣна Шлейхера аі черезъ ей	190
Указанія памятниковъ на мѣсто ударенія, прямыя и косвенныя	191
Замѣчаніе Шлейхера о полабской акцентовкѣ	192
Пфулевы «законы» полабскаго акцентованія	—
О качествѣ полабскаго ударенія	193
Акцентовка словъ исконная и оттяжечная	193—194
Акцентовка выдвигечная	194—195
Оттяжка и выдвигка у двусложекъ на а и на о	195—196
Окраска гласныхъ, какъ слѣдъ исконнаго (невыдвнутаго) ударенія	196—197
Свидѣтельство о выдвигкѣ словъ заимствованныхъ изъ Нѣмецкаго	197
Колебаніе между исконнымъ и выдвигнутымъ удареніемъ	—
Соображенія въ пользу существованія оттяжки	198—199
Гибкость полабскихъ сущестительныхъ:	
Слова и. р.	199—200
Слова ср. р.	200
Слова ж. р.	200—201
Сходство полабской акцентовки со словенскою	202

Глава XII. Дополненіе къ обзору акцентовокъ Сѣверозападныхъ славянъ: исключительно словъ о количествѣ.

СТРАИ.

Вопросъ о качественной сторонѣ древней акцентовки Сѣверозападныхъ славянъ	203
Долгота и сжатіе гласныхъ	203—204
Случай совпаденія сѣверозападной и югозападной долготы	204
Случай несовпаденія ихъ	205
Зависимость продленія (сжатія) отъ закрытости слога и отъ качества слѣдующаго согласнаго	205—206
Трудность предположить тождество Сѣверозападныхъ и Юговосточныхъ акцентовокъ	206
Случай отклоненія Словаковъ отъ чешскаго количества въ сторону сербскаго	206—207
Подобныя же отклоненія Моравянъ	207
Возможность искаженія древняго количества, вследствие приравненія формъ	207—208
Долгота, объяснимая изъ ударяемости	208—209
Мнѣніе о ней Миклошича и нѣкоторыя возраженія противъ него	210—211
Предположеніе о продлинности исконноударныхъ гласныхъ	211
Возможность признать чакавскую акцентовку праславянскою	211—212

Глава XIII. Литовская акцентовка.

Качество литовскихъ удареній	213—214
Мѣсто ударенія	214
Сходство литовской акцентовки съ русскою	214—215
Гибкость двусложныхъ словъ на а	215—216
Постоянная баритонность нѣкоторыхъ надежей	216
Склонность звательнаго къ окситоновкѣ	217
Сравнительная гибкость русскихъ и литовскихъ словъ	—
Гибкость словъ на ас	218
Гибкость трехсложныхъ словъ на а	219
Предположеніе о существованіи у Литовцевъ оттяжки	219—221
Вѣроятное вліяніе на гибкость основъ на и	221
Цѣль предложенныхъ замѣтокъ о литовскомъ удареніи	222
Объ удареніи плавныхъ созвучій у Литовцевъ	222, прим.

Глава XIV. Заключеніе.

Древность русско-чакавскаго размѣщенія акцентовъ	223
Древность прислоненія	223, прим.
Сомнѣнія въ древности русской акцентовки	224
Мнѣнія благоприятныя русской акцентовкѣ	—
Дополненіе къ доказательствамъ неисконности штокавскаго акцентовапія	224, прим. 4
Вѣроятность вольной акцентовки въ праязыкѣ	225
Говерандіе въ пользу ея факты	225—226

	Стран.
Давнишня бари́тностъ звательнаго.....	226—227
Ударе́мостъ личныхъ наставокъ.....	227
Ходъ развитія новославянскихъ акцентовокъ.....	227—228
Аналогичное развитіе греческой акцентовки.....	228, прим.

Акцентовочныя таблицы.

Вводныя замѣчанія.....	231—232
Отдѣлъ 1-ый: слова первообразныя:	
I. Слова 1-го склоненія (на ѡ).....	233—243
II. Слова 2-го склоненія (на о).....	244—247
III. Слова 3-го склоненія (на а).....	247—255
IV. Слова 4-го склоненія (на ѧ = і).....	256—259
V. Слова 5-го склоненія (согласн. осн.).....	259—263
VI. Слова съ наставкою ја (на ѧ, к, га).....	263—267
VII. Слова темнаго образованія.....	267—272
Отдѣлъ 2-ой: слова производныя:	
I. Слова муж. рода.....	273—286
II. Слова жен. рода.....	286—298
III. Слова сред. рода.....	298—306
Поправки и дополненія.....	309—326
Указатель.....	327—329

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Должно быть:
Стр. 24, стр. 15 сн.	јунѧк, јунѧка	јунѧк, јунѧка
Стр. 37, стр. 11 сн.	нѧ взѧты.	нѧ взѧты.
Стр. 46, стр. 8 сн.	ѧје	ѧје
Стр. 46, стр. 1 сн.	ѧје	ѧје
Стр. 48, стр. 4 сн.	ѧома	ѧано
Стр. 48, стр. 3 сн.	ѧома	ѧано
Стр. 57, стр. 11	Чѧковцы	Чѧковцы
Стр. 62, стр. 20	лѧнаѧ	лѧнаѧ
Стр. 77, стр. 15	(= рѧна)	(= рѧна)
Стр. 79, прим. 2	hѧgv.	hѧgv.
Стр. 93, стр. 18	гѧг	гѧг
Стр. 95, прим. 1	рѧго	рѧго
Стр. 95, прим. 2	пѧбѧ	пѧбѧ
Стр. 99, стр. 23	гѧзѧга	гѧзога
Стр. 101, стр. 9	рѧтѧк.	рѧтѧк, глѧбѧк.
Стр. 104, стр. 22	лѧлѧк	лѧлѧк
Стр. 114, стр. 11 сн.	вѧдѧ	вѧдѧ.
Стр. 115, стр. 20	пѧглѧ	пѧглѧ
Стр. 119, стр. 20	рѧкѧ	рѧкѧ
— — стр. 21	рѧка	рѧка
Стр. 122, стр. 11	подрѧженіе	подрѧженіе
Стр. 125, стр. 9 сн.	ѧгѧ, ѧга; ѧгѧ, ѧга	ѧгѧ, ѧга; ѧгѧ, ѧга (ѧгѧ?)
Стр. 127, стр. 7	чернѧ	чѧренѧ, чернѧ
Стр. 142, стр. 9	цѧрь, могѧ	цѧрь могѧ
Стр. 143, стр. 7 сн.	пѧтѧнѧх	пѧтѧнѧх
Стр. 145, стр. 20	беѧ грѧдѧ	беѧ грѧдѧ
Стр. 147, стр. 8	sluѧbѧ,	sluѧbѧ ²⁾ ,
Стр. 149, стр. 12 сн.	О просѧдѧ	О просѧдѧ
Стр. 150, стр. 8 сн.	О просѧдѧ	О просѧдѧ
Стр. 161, стр. 16 сн.	Тѧтѧ же выговѧрѧ	б) Тѧтѧ же выговѧрѧ
— — стр. 9 сн.	б)	в)
Стр. 162, стр. 6	в)	г)
Стр. 163, пр. 3	Sejler	Seiler
Стр. 165, стр. 7 сн.	пѧрѧрѧрѧменѧиѧ	пѧрѧрѧрѧменѧиѧ

	Напечатано:	Должно быть:
Стр. 166, стр. 22	произошла	произошла,
Стр. 170, стр. 5	wierzy'ci	wierzy'cy
Стр. 175, стр. 3 сн.	tytułem	tytułem,
Стр. 176, стр. 12	Rozciaga	Rozciaga
Стр. 177, стр. 18	самообразно	самообразно
Стр. 195, стр. 12	гвѣла?);	гвѣла;
Стр. 197, стр. 14	скъейно	скъейно
Стр. 204, стр. 7	suk = sęk	sęk = suk
Стр. 206, стр. 2	wiek	wiek
Стр. 207, стр. 1	мѣло	мѣло
Стр. 268, стр. 7 сн.	роѣрела	роѣрела
Стр. 269, стр. 8 сн.	рѣжана	рѣжана.
Стр. 278, стр. 8	бычокъ	бычокъ
Стр. 291, стр. 22	дѣца, -у, -о	дѣца, дѣцу, -о
Стр. 292, стр. 21	celina	celina
Стр. 293, загол.	нга	нга